

НИКОЛАЙ II

Сергей
Фурсов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга известного петербургского историка Сергея Фирсова — первый в XXI веке опыт жизнеописания Николая II, представляющий собой углубленное осмысление его личности, цельность которой придавала вера в самодержавие как в принцип. Называя последнего российского императора пленником самодержавия, автор дает ключ к пониманию его поступков, а также подробно рассматривает политические, исторические и нравственные аспекты канонизации Николая II и членов его семьи.

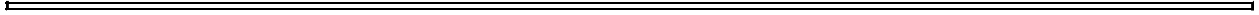
- [Сергей Фирсов](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Вместо эпилога](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II](#)
 - [СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ](#)
 - [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)

- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)

- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)

- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)

Сергей Фирсов
НИКОЛАЙ II: ПЛЕННИК
САМОДЕРЖАВИЯ

*Посвящаю эту книгу моей маме Екатерине
Николаевне Румянцевой*

ПРЕДИСЛОВИЕ

О последнем российском самодержце — императоре Николае II — в XIX столетии написано множество книг и статей. Но его личность и судьба по-прежнему вызывают живейший интерес современного общества, создавая почву для полемики и размышлений. Для одних Николай II — священный царь, до конца претерпевший все невзгоды, обиды и унижения и прославленный Церковью в лике святого; для других — слабый и безвольный правитель, не сумевший справиться с возложенной на него Провидением миссией; для третьих — жертва политических обстоятельств, оказавшихся сильнее его. Советская идеологическая система в течение многих десятилетий приучала смотреть на Николая II через призму классово понимаемых социально-экономических отношений. В СССР существовало негласное правило: заявляя о «гнилости» монархии, обращаться к авторитету основателя Советского государства В. И. Ленина, с публицистической хлесткостью писавшего весной 1917 года в своих «Письмах издалека» о телеге, «залитой кровью и грязью Романовской монархии», которая на крутом повороте истории опрокинулась *сразу*.

Характеристика Николая II как «кровавого» царя подобными оборотами утверждалась и усиливалась, последний самодержец окарикатуривался, превращался в «придаток» собственной власти, изначально порочной и потому требовавшей уничтожения. Впрочем, специально о Николае II Ленин не писал, но в своих работах постоянно давал ему «социальные» определения: «царь-помещик», «главный крепостник», «самый черносотенный помещик», «самый крупный помещик и угнетатель масс» и т. п. Так вместо человека появлялся шарж, дешевая пародия, не дающая никакого представления о личности последнего самодержца. Он выставлялся в качестве «приводного ремня» монархической государственности и уже поэтому мог олицетворять только «злое начало».

Подменять портрет карикатурой — старый прием, и в отношении Николая II его использовали задолго до того, как в нашей стране утвердилась ленинская концепция исторических оценок последнего самодержца. Первым карикатурный портрет Николая II постарался нарисовать В. П. Обнинский, еще в 1912 году, в Берлине, выпустивший очерк жизни и царствования императора России. Ровесник царя, в молодости служивший в гвардии, Обнинский хорошо знал офицерскую

среду, которую так любил «Хозяин Земли Русской». Многие слухи и сплетни о нем автор и вынес из этой среды. Метод до убожества банален: издеваясь над носителем власти, показать порочность той системы, олицетворением которой тот являлся. Неслучайно резкая, грубая, явно тенденциозная книга Обнинского в 1917 году была частично переиздана и послужила «источником» для написания разного рода пасквилей о царе.

«Тропа», проложенная бывшим гвардейским офицером, после революции уже не зарастала. Свой вклад в дело создания образа «ничтожного офицера» тогда же, в 1917 году, внес и писатель Л. Жданов, опубликовавший объемного «Николая Последнего» — дешевую пародию на историческую беспристрастность. В том же году в Москве были изданы «Материалы для характеристики царя и царствования», выдержанные в духе разоблачения «проклятого прошлого».

Традиция «идейного» шельмования и обнародования всевозможных сплетен о последнем самодержце и его окружении поддерживалась и в первое послереволюционное десятилетие. В 1923 году, например, вышла книга И. М. Василевского (Не-Буквы), видевшего миссию Николая II в том, чтобы погубить самодержавие, его корни и идею. Для автора царь — человек «короткомысливший», не вызывавший никакого иного чувства, кроме равнодушия. «Не за политику, а за неудачничество, за бездарность, за войну, за воспрещение водки, за дороговизну, за нескладицу, за убогую жизнь желали мстить восставшие толпы», — писал Не-Буква, называя Николая II «Антоном Горемыкой на троне».

Свою лепту в разоблачение «ничтожества» Николая II в 1920-е годы внес и главный историк-марксист Страны Советов М. Н. Покровский. В предисловии к «Переписке Николая и Александры Романовых» он назвал последних Романовых вырожденцами, «ордой дикарей», у которых не было и не могло быть никаких политических убеждений и политической системы.

Подобные характеристики, безусловно, формировали негативное отношение к последнему самодержцу (хотя необходимо признать, советский читатель имел возможность самостоятельно познакомиться с бумагами, письмами и дневниками Николая II, публиковавшимися в 1920-е годы).

В год смерти Ленина появилась новая книга о последних Романовых, заключительный раздел которой был целиком посвящен последнему самодержцу. По мнению ее автора С. Любоша, Николай II являл собой «венчанную пошлость», которая была хуже и страшнее «венчанного гнева» — Иоанна Грозного. Любош называл Николая II «царем-недотепой»,

ходячими «двадцатью двумя несчастьями», монархом, доведшим принцип царизма до самоотрицания. Такой герой не вызывал жалости, а только презрение. Бессудная смерть царя (о которой автор умалчивал) обесценивалась его «пустой» жизнью. Смерть самодержца заменили рассуждения о смерти царизма. Показательная подмена! В дальнейшем этот путь станет для советских исследователей магистральным, по нему пойдут (и много чего на нем найдут) все, кто захочет изучить последние десятилетия существования русской монархии.

Порой этот путь выводил ученых и на вопрос о личности Николая II, но в 1930–1950-е годы специально никто не занимался изучением его биографии. Коммунистическая монархия с великим вождем во главе жила по своим правилам, предполагавшим не столько исследование новейшей отечественной истории, сколько ее «правильную» интерпретацию. В таких условиях изучение жизни последнего императора было совершенно бессмысленно, ибо выводы предопределялись задолго до того, как автор приступал к сбору необходимого материала. Для честных историков «камнем преткновения» не мог не стать и вопрос об убийстве царя, его безвинных детей и слуг. Но даже если бы серьезное исследование о «Николае Кровавом» и было написано, на фоне сталинской вакханалии расправ с противниками «рабоче-крестьянской» власти оно выглядело бы, скорее всего, как выполненный идеологический заказ, со всеми полагающимися такому заказу отличительными свойствами. В конце концов, хотим этого или нет, но на прошлое мы смотрим через призму *своего времени*, достижений и поражений *своего поколения*. Сталинское время активного строительства «нового мира», время «сильных и волевых» людей даже психологически не подходило для написания работ о «слабом» царе.

Ситуация изменилась к началу 1970-х годов, когда советский читатель смог познакомиться с новой книгой о Николае II. Разумеется, она была выдержана в духе уничижительного отношения к самодержавию и самодержцу. Но все-таки это была первая объемная работа, целиком посвященная ранее не популяризовавшейся в Советском Союзе теме. Ее автор М. К. Касвинов, назвавший свое произведение «Двадцать три ступени вниз», описал даже екатеринбургское убийство и попытался доказать, что приговор революционного Уралоблсовета был справедлив. Советский человек, воспитанный на ленинской теории усиления классовой борьбы по мере строительства социализма и переживший разоблачение «культа личности» вождя всех народов, хрущевский «волюнтаризм», борьбу с религией и обещания скорого построения коммунизма, оказался

морально подготовлен к спокойному восприятию жизненных перипетий последнего самодержца. Неслучайно Касвинов вынес в название книги число «двадцать три» — тем самым он не только негативно оценивал историю правления Николая II (с 1894 по 1917 год), но и глумливо напоминал, что свой последний путь в подвал екатеринбургского дома Ипатьева — со второго этажа на первый, в расстрельную комнату, он тоже преодолевал, минуя двадцать три ступеньки. Только вниз, все время вниз...

Но текст содержал бытовые подробности «давно минувших лет», на страницах книги оживали реальные люди, некогда управлявшие огромной империей, любившие и ненавидевшие, страдавшие и надеявшиеся, дружившие и враждовавшие. Это, очевидно, и заставляло истосковавшегося читателя «пропускать мимо» традиционные для советской литературы пассажи об обреченности самодержавия и безусловной правоте революции и ее героев. Сквозь шелуху трескучих фраз все-таки можно было услышать подлинные «голоса истории», прочитать, как царь говорил, что читал, как принимал министров и генералов. Неслучайно книгу Касвинова неоднократно переиздавали. Она пользовалась популярностью и в годы перестройки, когда на прилавках книжных магазинов стали появляться и другие, не идеологизированные работы о «России, которую мы потеряли».

Перестройка существенно обострила интерес к последнему царю, о нем стали писать в журналах и газетах. Заговорили и об убийстве царской семьи. В 1990 году издательство «Советский писатель» 200-тысячным тиражом опубликовало ранее недоступную рядовому читателю книгу следователя Н. А. Соколова, в которой содержались материалы о екатеринбургском злодеянии, а в 1991 году, в издательстве «Скифы», увидела свет работа М. К. Дитерихса «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале». Впервые изданная в 1922-м, многие годы эта книга хранилась в спецхранах столичных библиотек. Ссылаться на нее было невозможно. Открытый доступ к этим работам явился важной вехой в истории изучения жизни и смерти Николая II. В условиях стремительной деградации коммунистической власти в СССР желание разобраться в истории трагичного для страны XX века, интерес к ее предреволюционному прошлому были вполне закономерны и естественны. В 1991 году репринтным способом была переиздана книга русского эмигранта профессора С. С. Ольденбурга, в середине 1920-х годов приступившего по заказу Высшего монархического совета к исследованию последнего царствования. Его работа не являлась биографией Николая II и завершалась мартовскими днями 1917 года, но в ней автор попытался

изложить все то, что было достигнуто страной под скипетром последнего самодержца. Безусловно, С. С. Ольденбург преследовал цель таким способом реабилитировать царя. Тогда же советские читатели смогли впервые познакомиться с переводными работами западных историков о последнем российском государе, прежде всего с книгой французского автора Марка Ферро «Николай II», искренне полагавшего, что «в СССР до настоящего времени личная роль Николая II не была изучена должным образом». С сожалением приходится констатировать, что его книга, слабая и во многих отношениях наивная, в 1991 году читающей публикой воспринималась как «новое слово» и пользовалась невероятным спросом. Ничего удивительного в этом нет. Объявленная в стране гласность открыла доступ к запретным и полузапретным темам, и быстро «перестроившиеся» советские издательства стали публиковать «антисоветские» книги, за которые еще недавно можно было получить тюремный срок. К примеру, в 1991 году издательство «Советская Россия» выпустило книгу О. А. Платонова «Убийство царской семьи», в которой автор назвал расправу с царем и его близкими «самым страшным и самым зловещим преступлением XX века», от которого берет начало большевизм и фашизм. А ведь Платонов был гражданином СССР, где коммунистическая партия продолжала оставаться правящей! Стало ясно, что господствовавшая в стране идеология потерпела крах. Вскоре Советского Союза не стало, а политическая наследница бывшей сверхдержавы — «демократическая Россия» — не претендовала на монополию на слово, будучи заинтересована в окончательном развенчании большевизма. Так, в 1992 году издательство «Прогресс» опубликовало книгу Ю. А. Буранова и В. М. Хрусталева о гибели Императорского дома, целиком основанную на архивных материалах. Авторы ее громко заявили, что убийство Романовых «остаётся темным пятном в истории России».

Поскольку после распада СССР уже никаких преград к исследованию жизни и смерти Николая II не существовало, а интерес к нему не ослабевал, публикации на «царскую тему» стали появляться регулярно. В 1993 году вышла книга Э. С. Радзинского «„Господи... спаси и умири Россию“. Николай II. Жизнь и смерть», в дальнейшем неоднократно переиздававшаяся. Очевидно, Эдвард Станиславович очень спешил, поскольку в название вкралась досадная ошибка, взятая, вероятно, из дневника царя, фрагментарно опубликованного в 1920-х годах журналом «Красный архив». Цитата из дневника Николая II, которую автор выбрал для названия своего труда, звучала иначе: не «*умири*», а «*умири*», что, разумеется, не одно и то же. Э. С. Радзинский построил свою книгу таким

образом, чтобы читатель мог, во-первых, познакомиться с царскими дневниками, которые он по ходу дела комментировал, и во-вторых, узнал о жизни царской семьи в заточении и о ее гибели. Не будет преувеличением сказать, что работа Э. С. Радзинского — в большей степени история последних месяцев жизни царя, цареубийства и связанных с этим легенд, чем, собственно, подробное изложение его биографии. Но судя по всему, Э. С. Радзинский и не ставил перед собой задачу дать развернутую биографию Николая II. Свою книгу он первоначально издал на Западе^[1], где также отметили ту ее часть, в которой затрагивался вопрос об убийстве царя и его семьи.

В 1993 году в нью-йоркском издательстве «St. Martin's Griffin» вышла биография Николая II, написанная известным западным славистом Домиником Ливеном. Монография имела характерный подзаголовок: «Сумерки империи», очевидно, выражавший отношение автора к исследуемому им периоду русской истории. В этой книге Д. Ливен пишет о детстве и юности последнего самодержца, о его семейной жизни, о первом десятилетии его правления, о годах революции (начало которой почему-то относит к 1904 году), о «конституционной монархии», о периоде Великой войны и жизни царя после революции. По словам ученого, его работа посвящена как изучению режима, так и человека, этот режим олицетворявшего^[2]. Во многом подход Д. Ливена близок российским историкам, давно и плодотворно работающим над темой о кризисе самодержавия в эпоху последнего царствования. К сожалению, монография Д. Ливена не переведена на русский язык и широкому читателю недоступна.

В 1998 году наш читатель смог познакомиться с работой американского журналиста и писателя Роберта Масси, выпустившего в 1968 году, к столетию со дня рождения российского самодержца, книгу «Николай и Александра»^[3]. Эта книга о любви и замечательной семейной жизни двух преданных друг другу людей, ради России пожертвовавших собой. Написанная с безусловной симпатией к героям, она воссоздает жизнь правителя империи в контексте семьи и династии, на грозном фоне политических событий. Одно из главных достоинств книги Р. Масси состоит в том, что это, скорее, историческое повествование, выверенный по документам роман, чем строгое академическое исследование. Причем симпатия к царю не переходит у автора в апологетику его царствования.

В 1997 году свою биографию последнего самодержца в серии «ЖЗЛ» издал известный московский историк А. Н. Боханов, в дальнейшем

неоднократно обращавшийся к «царской теме» и написавший целый ряд книг, посвященных Николаю II и Александре Федоровне. Несомненно, для А. Н. Боханова царь — человек выдающийся, праведный не только в смерти, но и в жизни, как правитель и помазанник Божий. Приведя суждение о нем Уинстона Черчилля, называвшего Николая II «только верным, простым человеком средних способностей, доброжелательного характера, опиравшимся в своей жизни на веру в Бога», А. Н. Боханов заявил, что среди «общепризнанных великих» политиков нет ни одного, кто был бы прославлен в венце святости. «В этом отношении, — писал историк, — Николай Александрович — редчайший случай не только в отечественной, но и в мировой истории»^[4].

Исходя из этого заявления А. Н. Боханов и излагает историю жизни последнего самодержца. Ученый, безусловно, пристрастен, указывая на Николая II как на «редчайший случай» политика-праведника. Таких примеров можно привести множество: православная церковь чтит императоров Константина Великого и Юстиниана, великих князей Александра Невского и Андрея Боголюбского. Увы, как бы нам ни хотелось показать Николая II «самым-самым», приходится признать: его «средних» способностей было недостаточно для того, чтобы решать те грандиозные задачи, которые стояли перед Россией на рубеже XIX–XX веков. Хватило бы таких способностей кому-нибудь другому, окажись он на месте Николая II? Вопрос без ответа. Посему обсуждать его бессмысленно. Что случилось, то случилось.

...Последний самодержец был сыном своего времени, бурного и противоречивого. Страна менялась на глазах, старое уходило, а новое, неизвестное и пугающее, предъявляло свои права. Вспоминая старую Россию, князь С. Е. Трубецкой, сын знаменитого философа, признавался, что «монархический дух» стал хиреть в народе задолго до революции. Этим сама возможность революции и была создана^[5].

Иногда какие-то мелкие, частные примеры помогают лучше понять глобальные пертурбации в обществе, чем серьезные объяснения социально-экономических причин и политических следствий различных событий и явлений. Примечательная «частность»: подслушанный в детстве князем С. Е. Трубецким разговор старого дворецкого (из крепостных) его деда с его учителем — о деревне. «Господа деревни не знают, — говорил Осип (так звали дворецкого. — С. Ф.). — Мужик — зверь! Руку лижет, а норовит укусить! Уж я-то знаю, свой же брат! Только управы на него теперь нет. Зазнался мужик! И все хуже будет... Вот старый князь

(Дедушка), Бог даст, не доживет, а князьков-то (Осип показал на нас с братом), может, когда мужики и прирежут...» Конечно, «большое видится на расстоянии», и о «знаках беды» обычно вспоминают, когда трагедия уже произошла.

И все же Николай II был пленником того, уходящего мира, в котором «мужик», по словам старого дворецкого, «еще не зазнался» и жил, не забывая, что «царь от Бога пристав» и «никто против Бога да против царя». В том постепенно уходящем в небытие мире были популярны рассказы, как царь Николай II получил от папы римского перстень с частицей Креста Господня, который должен был предохранять его от всякого зла, почему-де он никуда и не выходил без этого перстня. Наивный патриархальный мир, в котором царь оказывался не только правителем, но и отцом народа — «батюшкой». Николай II верил в простого «мужичка», можно даже сказать — верил в его веру в царя. Без нее наверняка невозможно было надеяться преодолеть «средостение» и «приблизиться» к народу, чего всегда так страстно желал и к чему стремился последний самодержец. Без этого невозможно было отстаивать принципы монархической государственности, на которых он воспитывался, искренне полагая, что только они могут принести благо *его* России.

Короче говоря, *он был пленником самодержавия*. Именно так я и решил назвать книгу о последнем русском царе, попытавшись дать его биографию через основную идею его жизни.

Московский митрополит Филарет (Дроздов), один из самых выдающихся русских богословов XIX века, провел параллель между властью царя и властью Бога, торжественно провозгласив: «Бог, по образу Своего небесного единоначалия, устроил на земле Царя; по образу Своего вседержительства — Царя Самодержавного; по образу Своего царства непреходящего, продолжающегося от века и до века, — Царя наследственного»^[6].

Получалось, что исполняя свой монарший долг, русский царь тем самым был богом на земле. Не станем комментировать сказанное святителем, отметим лишь, что подобное богословское мнение ставило царя на недостижимую высоту, укрепляя его в мысли о собственном «божественном» предназначении. Самодержавие оказывалось словом не из политической, а из богословской лексики. Можно ли в таком случае отказаться от власти? Получалось, что нельзя, ибо такой отказ равносителен «предательству» Бога! Для верующего человека выбора не существовало. А Николай II был, несомненно, человеком верующим. Может быть, здесь и стоит искать ключ к разгадке его личности? Может быть, Николай II по-

своему был цельной личностью, человеком идейным. Цельность ему придавала вера в *самодержавие как принцип*. Все остальное — частности, детали. «Отними» от него *самодержавие* (но «не тронь» корону) — и останется обыкновенный, милый и благовоспитанный человек, которому и власть-то не особенно была нужна. Власть для Николая II — это не привилегия, дарованная рождением, а долг и крест. Отказаться от этого креста он не мог, а нести его — часто не хватало сил. Чем не трагедия!

Однако Бог не дает креста не по силам. Для верующего в том никаких сомнений не существует. Что же было делать несчастному царю, обреченному отстаивать власть не только для себя, но еще и ради сына? Терпеть всё и упрямо отстаивать *самодержавие*, отстаивать во что бы то ни стало. Была ли борьба за «самодержавие» изначально проигрышной? Что мог сделать и что сделал последний самодержец, чтобы «победить»?

Вопросы, вопросы...

А есть ли на них ответы?

Могу сказать лишь одно: искать их следует. Как поиск этих ответов и стоит рассматривать настоящую книгу. Насколько она удалась и поможет ли разобраться в непростой биографии императора Николая II — судить благосклонному читателю.

Работая над книгой, я пользовался советами и консультациями своих друзей и коллег, которым хотел бы выразить искреннюю признательность. Среди них петербургские историки А. В. Терещук, И. В. Лукоянов, А. Б. Николаев, протоиерей Георгий Митрофанов, В. М. Лурье и П. Г. Rogozный. Особую благодарность я приношу всем сотрудникам библиотеки Академии наук, которые существенно облегчили мне сбор материалов по теме книги. И безусловно, настоящий труд никогда не мог бы быть завершён без той поддержки, которую постоянно оказывали мне мои родные и близкие. Их доброе участие сыграло важную роль в том, что моя работа была доведена до конца.

Глава первая

В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ: ИСТОРИЯ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА

«Был человек в земле Уц, имя его Иов; и был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла» (Иов 1:1) — так начинается знаменитая ветхозаветная книга, анонимное поэтическое произведение, появившееся, как считают исследователи, в после пленный период — в V или IV веке до Р. Х. В этой книге проводится идея об индивидуальной ответственности человека перед Богом. Бог всемогущ и может испытать человека, верящего в Него. Но выдержит ли человек испытание, в силах ли он? Можно сказать, что в книге делается попытка решить мировую религиозно-этическую проблему о страданиях праведников и благоденствии нечестивых. Простые вопросы не имеют простых ответов, сила веры может быть подвергнута сомнению и проверке. Иов, собственно, и стал тем героем, которого Бог «испытывал»: он был богат, честен, веровал глубоко. Однако с позволения Бога был ввергнут сатаной и ангелами в несчастья, болезни и нищету, лишился детей и дома. «Наг я вышел из чрева матери моей, — говорит он после обрушившихся на него бед, — наг и вернусь. Господь дал, Господь и взял (как угодно было Господу, так и сделалось), да будет имя Господне благословенно!» (Иов 1:21). И все же праведник в счастье, он не перестал быть благочестивым, и тогда «возвратил Господь потерю Иова, когда он помолился за друзей своих; и дал Господь Иову вдвое больше того, что он имел прежде» (Иов 42:10). Согласно еврейской традиции, Иов прожил двести десять лет, и смерть его оплакивал весь народ Израиля. Такова канва книги, вызывающей грусть у всех, кто ее читает или слушает. Неслучайно еврейские законоучители рекомендуют перечитывать ее в дни национального траура. История страданий праведника, пусть в конце концов и вознагражденного, не созвучна оптимистичному взгляду на жизнь. Вера спасла его не столько для жизни «за гробом» (не стоит забывать: во времена Иова в воскресение еще не верили), сколько для этого, земного существования.

В православной традиции «многострадальный Иов» также считается святым и праведным, его память отмечается 6 мая. Он — герой, доказавший свою твердую веру и терпение, за что и получил награду от

Бога. 6 мая 1868 года, когда православная церковь вспоминала об Иове, на свет появился человек, жизнь которого очень часто уподобляют трудной судьбе ветхозаветного праведника, родившегося «в земле Уц». Этим человеком был последний самодержец Российской империи Николай Александрович Романов. Безусловно, семья многое предопределяет в судьбе человека, а если это семья наследника престола, то для первенца мужского пола она определяет очень многое, но не все.

Младенец получил свое имя в честь старшего брата отца — скончавшегося в расцвете молодости цесаревича Николая Александровича (сына императора Александра II), названного в честь императора Николая I. Судьба часто играет людьми, путает планы правителей, меняя династические ходы. Так случилось и в нашей истории. Великий князь Николай Александрович родился 8 сентября 1843 года в Царском Селе и получил титул цесаревича в феврале 1855-го, после смерти деда и воцарения отца. Именно тогда родители всерьез задумались о том, чтобы дать наследнику соответствующее его статусу воспитание и образование, подготовить к роли, которую ему придется играть в дальнейшем. Особую настойчивость проявила мать наследника — императрица Мария Александровна (дочь великого герцога Гессенского Людвиг II). В начале 1856 года, беседуя с министром иностранных дел князем А. М. Горчаковым, императрица обнаружила, что их взгляды на обучение Николая Александровича совпадают, и попросила его составить записку с изложением мыслей по поводу образования цесаревича. В апреле 1856 года записка была подана императрице. Суть ее заключалась в том, что необходимо переориентировать обучение с военной подготовки на светское образование и демократизировать его. «Русское сердце» следовало дополнять «европейским умом». Главным наставником наследника стал рекомендованный Горчаковым дипломат Владимир Павлович Титов. И хотя в дальнейшем он был заменен «воспитателем принцев» Ф. А. Гримом, наставником младших братьев Александра II, симпатии наследника принадлежали Титову.

В шестнадцать лет наставником Николая Александровича стал попечитель Московского учебного округа С. Г. Строганов, составивший план обучения, закреплявший принципы, разработанные еще В. А. Жуковским — воспитателем Александра II. Наследника учили языкам, словесности, истории, политической экономии, праву, военным наукам, музыке, танцам, физкультуре и верховой езде. Были приглашены лучшие университетские профессора: филологи Ф. И. Буслаев и И. Е. Андреевский, историки С. М. Соловьев и М. М. Стасюлевич, статистик И. К. Бабст,

экономисты А. И. Чивилев и Н. Х. Бунге, правоведы К. П. Победоносцев и Б. Н. Чичерин; а также философ — профессор Московской духовной академии В. Д. Кудрявцев. Военные дисциплины преподавали генералы Э. И. Тотлебен и А. С. Платов, полковник М. И. Драгомиров и др. Законоучителем наследника был протопресвитер придворного собора Зимнего дворца, главный священник гвардии и гренадер, доктор богословия В. Б. Бажанов. Обычно преподаватели приезжали для занятий с наследником во дворец, но бывали и исключения (курс математики, например, Николай слушал в Пажеском корпусе). Современники практически единодушно отмечали замечательные дарования, ум и такт наследника престола.

В 1861 году Николай Александрович совершил первое образовательное путешествие по России, посетив Москву, Нижний Новгород и Казань. Летом 1863 года отправился во второе путешествие по стране: от столицы империи до Астрахани и от Царицына до Крыма, а затем — от Бердянска до Екатеринослава, возвращался в Москву через Харьков, Курск, Орел и Тулу. В Санкт-Петербург он прибыл в середине октября 1863 года.

Восемь месяцев спустя — 12 июня 1864 года Николай Александрович отправился в новое путешествие, на этот раз за границу, с целью ознакомления с государственным устройством и культурой европейских стран. Тогда и проявились первые признаки серьезной болезни, в конечном итоге сведшей его в могилу. Однако в печальный конец окружающие великого князя не верили, надеясь, что недуг пройдет. В том году наследник посетил германские земли и Голландию, где ему были предписаны морские оздоровительные купания, а в Дании сделал предложение дочери датского короля Дагмаре, о любви к которой писал матери еще в августе 1863 года. На свое предложение Николай получил согласие. Помолвка состоялась 20 сентября 1864 года, но стать мужем ему не пришлось — болезнь прогрессировала. Посетив ряд южных немецких городов, а затем Венецию, Милан, Турин и Геную, Николай Александрович прибыл в Ниццу, где и остался зимовать. Вовремя правильно не диагностированная болезнь к весне 1865-го оказалась неизлечимой — выяснилось, что цесаревич страдал не золотухой, а менингитом спинного мозга (*meningitis cerebrospinalis tuberculosa*). За день до смерти он виделся с невестой и с братьями. По легенде, на этом свидании он соединил руки своего брата (и будущего наследника престола) Александра Александровича и принцессы Дагмары. 12 апреля 1865 года цесаревич скончался.

Как пишет американский ученый Ричард Уортман в книге «Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии», «смерть Николая Александровича лишила императора сына, в котором соединялись очарование и манеры двора, ум, необходимый для того, чтобы получить поддержку образованного общества, и любовь к России, которая приближала его к народу. Эта смерть лишила императрицу первенца, которого она обожала. Смерть цесаревича лишила его воспитателей и друзей наследника, в котором могли воплотиться их мечты об образованном монархе, сумевшем вырваться за рамки интеллектуальной ограниченности двора. Среди живых найти утешение было невозможно. Никто из близких Николая Александровича не был высокого мнения о его младшем брате Александре». Был ли это «роковой час в судьбах России»? Сказать трудно. Но современники понимали, что покинувший их цесаревич — полная противоположность своему брату. Если возможно говорить об альтернативах развития страны, то со смертью Николая Александровича такая альтернатива оказалась утраченной^[7].

...Впрочем, жизнь развивается по собственным законам и трагедия одного порой превращается в полную свою противоположность для другого. В самом деле: новый наследник Российского престола после смерти брата столкнулся с целым рядом обязанностей, которые ранее не могли быть на него возложены, и одна из таких обязанностей состояла в том, чтобы вступить в брак с невестой покойного цесаревича (так решили родители). Легенда о «соединении рук», конечно, очень красива, но факты говорят об ином: великий князь Александр нашел утешение в романе с княжной Марией Мещерской — двоюродной сестрой князя Владимира Петровича Мещерского, их общего (с покойным братом) друга. Сообщения во французских и датских газетах о связи нового наследника престола и молодой княжны вызвали беспокойство датского двора. В мае 1866 года в дело вмешался император Александр II: он указал сыну на недопустимость такого положения, а тот в ответ заявил о нежелании ехать в Данию и жениться на Дагмаре. Сказанное не изменило решение самодержца: он приказал сыну ехать за невестой, пригрозив удалить Мещерскую от царского двора. Великий князь покорился воле родителя и распрощался с возлюбленной. 11 июня 1866 года он сделал предложение принцессе Дагмаре и получил согласие. Любившая, по ее собственным словам, только покойного цесаревича — «милого Никса», Дагмара сумела полюбить и его брата. Свадьба состоялась 28 октября 1866 года, круто изменив, по словам Р. С. Уортмана, дальнейшую жизнь наследника престола, превратив его в образцового любящего мужа. Цесаревич Александр Александрович и его

супруга, после принятия православия ставшая великой княгиней Марией Федоровной, и стали родителями последнего русского самодержца.

Не будучи человеком острого и глубокого ума, как покойный брат, цесаревич, тем не менее, отдавал себе отчет в том, насколько недостаточно он подготовлен к своей новой роли. «Я одно только знаю, что я ничего не знаю и ничего не понимаю. И тяжело, и жутко, а от судьбы не уйдешь», — сказал он однажды князю В. П. Мещерскому^[8]. Действительно, «от судьбы не уйдешь»... В двадцатилетнем возрасте оказавшись в роли наследника престола, великий князь Александр Александрович должен был подчинить жизнь подготовке к тому, чтобы в будущем стать императором. Но было ли у него на это время? Даже его апологеты вынуждены были признать, что времени не осталось. «При покойном цесаревиче, — писал князь В. П. Мещерский, — был граф Строганов, который отвоевывал для своего воспитанника право не ездить никуда в часы урочных занятий; но для нового наследника никто не мог отвоевать ему от государя этих льгот, тем более что государь с самого начала начал показывать, насколько он дорожил тем, чтобы новый наследник везде являлся и везде его сопровождал». Но... наследник считал себя «философом», по словам Мещерского, христианской школы, человеком, не подчинявшимся силе окружающей его жизни, не моделировавшим себя по ней. Если Николая Александровича сравнивали с искусным столяром, то его младшего брата — с плотником, имевшим верный взгляд и верную руку. Впрочем, в нашей истории это всего лишь дополнения, помогающие понять, как формировалась другая личность — сын великого князя Александра.

...Вскоре после заключения брака Мария Федоровна забеременела, в семье заговорили о первенце. Однако радостного события в ожидаемое время не произошло. Любившая верховую езду, девятнадцатилетняя цесаревна, гостя у отца в Дании, по неосторожности, как писал современник, граф С. Д. Шереметев, «выкинула». Таким образом, появившемуся на свет в понедельник 6 мая високосного 1868 года ребенку суждено было стать тридцать девятым членом дома Романовых и по праву рождения занять пятую строку в «Придворном календаре» Российского императорского дома — как первому внуку правящего императора. «Я отлично помню день рождения Государя, — вспоминал много лет спустя генерал от инфантерии Н. А. Епанчин. — Мы проводили это лето в Павловске. Утром 6 мая я зашел купить что-то в мелочную лавку и узнал из разговоров покупателей, что ночью (в 2 часа 30 минут. — С. Ф.) в Царском Селе в семье Цесаревича Александра Александровича родился сын. Я поспешил домой и с радостным волнением сообщил моей матушке, что

„Государь — дедушка“. Рождение маленького Великого князя было встречено в петербургском обществе с удовольствием, и, вероятно, так было и во всей России».

В тот же день император подписал высочайший манифест (его форма была традиционна и вплоть до революции 1917 года не претерпела изменений), которым извещал народ о рождении в семье цесаревича сына, внука императора, «нареченного Николаем», а также о том, что приращение Императорского дома явилось новым ознаменованием «благодати Всевышнего, на Нас и на империю Нашу изливаемой». Указывалась и титулатура новорожденного: Его Императорское Высочество. В тот же день младенец был зачислен во все полки и отдельные части лейбгвардии, в которых состоял его отец-цесаревич, а также в лейбгвардии Гродненский гусарский полк. Кроме того, он стал шефом 65-го пехотного Московского полка. В тот же день приказом по морскому ведомству Николая Александровича зачислили и в гвардейский экипаж.

Рождение потенциального наследника престола в империи — всегда торжество государственного масштаба и в качестве такового отмечалось соответствующим образом. Уже 6 мая вечером столицы были иллюминированы, а 7 мая во всех московских церквях было совершено благодарственное молебствие. В Успенском соборе Кремля молебствие служили «архиерейским чином». В Санкт-Петербурге благодарственные молебствия «по случаю благополучного разрешения от бремени Ее Императорского Величества Государыни Цесаревны» состоялись во всех войсках гвардии и Петербургского военного округа. В северо-западном крае (в Вильно) войска были собраны на церковный парад, а главное лицо края — генерал-адъютант Потапов послал цесаревичу поздравительную телеграмму и получил ответ. 9 мая, в праздник Вознесения Господня и перенесения мощей святого Николая, в Екатеринодарском войсковом соборе после литургии все офицеры во главе с наказным атаманом «принесли молитву о здравии и долгоденствии высоконоворожденного», а накануне атаман отправил поздравительную телеграмму наследнику и цесаревне. Ответ не замедлил себя ждать, — и благодарность от Александра Александровича, писала газета «Северная почта», «за поздравление по случаю нашей семейной радости» была доведена до казачьего войска.

По случаю рождения внука императорская чета, опять же в соответствии со сформировавшейся в XIX столетии традицией, выделила три тысячи рублей серебром, как сообщали «Русские ведомости», для раздачи в Санкт-Петербурге «сиротам, неимущим и болящим», а столичное

купечество — «в ознаменование дня рождения Великого князя Николая Александровича постановило содержать на свой счет, при Николаевском доме призрения, двадцать мальчиков из беднейших семейств, с наименованием их пансионерами Великого князя Николая Александровича», — информировал журнал «Северная пчела». Несколько позже собрание выборных петербургского ремесленного сословия, также в связи с рождением сына наследника престола, постановило учредить при Александровской ремесленной школе десять вакансий для детей беднейших ремесленников — на счет сумм ремесленной казны. В честь новорожденного устраивались бесплатные приходские школы, получавшие имя великого князя Николая Александровича.

Принимая 15 мая депутацию московских единоверцев с их поздравлениями, Александр II объявил им, что таинство крещения состоится в Духов день, то есть 20 мая. Подобные «мелочи» весьма характерны, ибо позволяют увидеть, как (и через кого) информация доводилась до сведения подданных. Это тем более любопытно, что сообщение о приеме императором единоверцев появилось в печати лишь спустя 15 дней.

Следуя придворным правилам, накануне крещения великого князя был обнародован высочайше утвержденный церемониал. По разосланным от Императорского двора повесткам в Большом Царскосельском дворце в половине одиннадцатого утра должны были собраться члены Святейшего синода и придворное духовенство, члены Государственного совета, послы, посланники и поверенные в делах — с супругами, светские дамы, сенаторы, статс-секретари, придворные чины и кавалеры, почетные опекуны, городские дамы, генерал-адъютанты и генерал-майоры Свиты, флигель-адъютанты, генералы гвардии, армии и флота. Дамам надлежало присутствовать в русском платье, а кавалерам — в парадной военной форме. К половине одиннадцатого новорожденного должны были привезти из Александровского дворца (где тогда жил наследник) в Большой Царскосельский на средний подъезд. Держать его поручалось гофмейстерине цесаревны — княгине Ю. Ф. Куракиной.

В торжествах крещения принимали участие практически все члены дома Романовых, начиная с августейших дедушки и бабушки новорожденного и заканчивая принцами Ольденбургскими. В то время существовала традиция (ныне оставшаяся лишь в некоторых православных приходах Украины), согласно которой отец на момент крещения своего ребенка должен покинуть храм, уступив место крестному, принимающему на себя ответственность за религиозное воспитание и образование

новорожденного. Что касается матери, то при крещении ее младенца она вообще не имела права присутствовать (в соответствии с традицией, берущей свои истоки в ветхозаветной религии).

Крестил великого князя, как было заведено в императорской семье, духовник семьи, исповедовавший всех православных членов дома Романовых, протопресвитер Василий Борисович Бажанов, ровесник XIX века, к тому времени получивший все мыслимые для представителя «белого» (женатого) духовенства награды. Он являлся присутствующим членом Святейшего синода, главным священником Главного штаба Его Императорского Величества и Отдельного гвардейского и гренадерского корпусов. Протопресвитер имел высшие российские и зарубежные награды (включая ордена Святого Александра Невского с алмазами, Святого Владимира 2-й степени и Святой Анны 1-й степени), а также золотой наперсный крест, украшенный драгоценными камнями. Отец Бажанов был весьма влиятельным церковным деятелем. Еще в 1835 году он стал учителем наследника-цесаревича (будущего императора Александра II), имел степень доктора богословия (за сочинение для него курса Закона Божия — «О вере и жизни христианской»), занимал должность царского духовника еще при жизни Николая I — в 1848 году. Протопресвитер В. Б. Бажанов для императорской семьи был не просто «официальным лицом», представителем православной церкви. Он давно и прочно вошел в жизнь Императорского дома, с детства учил верховных правителей азам православной веры. Неслучайно духовником царской семьи он оставался вплоть до своей кончины 1 июля 1883 года.

Восприемниками при крещении великого князя (то есть крестными) были определены сам император-дед, королева Дании Луиза (бабушка со стороны матери), наследный принц Датский Фридрих (дядя) и великая княгиня Елена Павловна. Эта странная традиция назначать восприемниками вместе с православными протестантов сохранялась в Российском императорском доме вплоть до революции 1917 года. К тому же далеко не всегда восприемники присутствовали при совершении таинства крещения лично, являясь, по сути, своеобразными «виртуальными крестными». После совершения таинства и пения «Тебе, Бога, хвалим» был произведен 101 выстрел из пушек и во всех церквях зазвонили колокола. Затем отец ребенка возвратился в храм и поблагодарил своих венценосных родителей. После этого столичный митрополит Исидор (Никольский) отслужил Божественную литургию, по завершении которой императрица Мария Александровна поднесла внука для причащения. Здесь же, в храме, император возложил на великого князя орден Святого Андрея

Первозванного, а духовенство поздравило царя, царицу и наследника с крещением великого князя. Наследника отвезли обратно во дворец, а для гостей — особ первых трех классов и их жен — был дан торжественный обед, на котором тосты за здоровье по традиции сопровождались выстрелами, причем за духовных и всех верноподданных полагалось стрелять только 21 раз, за новорожденного — 31, а за царя, царицу, датских родственников и великую княгиню Елену Павловну — 51. Объяснить подобную регламентацию сегодня довольно трудно.

Участвовать в крестинах великого князя было огромной честью для придворных; лишь самые титулованные или же обласканные самодержцем могли рассчитывать на какую-либо роль в этом действе. Неслучайно генерал Н. А. Епанчин особо отмечал, что поддерживавший подушку, на которой гофмейстерина несла внука императора в собор и обратно, его дед — адмирал И. П. Епанчин получил эту почетную обязанность во внимание к «продолжительной службе во флоте и участию в знаменитом бою при Наварине». Такая честь рассматривалась как награда, не менее значимая, чем орден.

То, что Николай Александрович — будущий наследник престола, конечно же было ясно. Но одно дело — очевидность факта, другое — его «оформление». Подданные российского императора смогли в этом убедиться уже летом 1868 года, когда было опубликовано императорское повеление, сообщенное через Святейший синод Сенату, «чтобы во всех случаях, когда при священнослужении на ектеньи употребляется сокращенное возглашение имен Императорского дома, после имен Их Величеств и вслед за именами Государя Наследника и супруги Его Высочества, было возглашаемо имя Великого князя Николая Александровича, и затем уже возглашалось „и весь Царствующий Дом“». Статус сына наследника был подтвержден указанием на очередность поминания его имени среди имен других членов Императорского дома при совершении богослужения (ектенья, собственно, и есть прошение о нуждах христианской жизни, произносимая всеми молящимися в храме). В ознаменование крещения 20 мая указом императора Александра II нижним чинам армии сократили на два года сроки выслуги, полагавшиеся к бессрочному отпуску. Тогда же «штрафованные» нижние чины, «хорошим поведением и служебным усердием» обратившие на себя внимание начальства, получили в зачет действительной службы «время бытности под судом и в разряде штрафovaných». Их проступок не должен был считаться препятствием к увольнению в отставку, а также в бессрочный и временный отпуски. Так армия почувствовала «семейное торжество» Императорского

дома, завершившееся актом крещения старшего сына цесаревича.

Спустя год, 26 мая, в семье цесаревича родился второй сын, названный в честь державного деда Александром. Однако этот младенец прожил менее года. В апреле 1870 года стали распространяться тревожные слухи о его болезни, а 17 апреля — в день рождения Александра II — высочайший выход к Божественной литургии был отменен. В тот день появился первый официальный бюллетень о здоровье маленького князя, где заявлялось, что «мозговые припадки не ухудшились» и что Его Высочество был «более в сознании и угнетение мозговых отправлений несколько меньше». Бюллетень подписали три врача: лейб-акушер Я. Я. Шмидт, директор Родовспомогательных заведений Императорского столичного воспитательного дома Г. И. Гирш, в то время — доктор цесаревича, и К. А. Раухфус — директор и главный врач детской больницы принца Ольденбургского в Санкт-Петербурге. Но вскоре «Правительственный вестник» опубликовал траурный бюллетень с извещением о смерти великого князя, последовавшей 20 апреля. Смерть наступила от быстро увеличивавшегося «выпотения в мозгу», как тогда писали, то есть от гидроцефалии — отека мозга.

Кончина члена дома Романовых, как всегда, сопровождалась изданием императорского манифеста. В нем выражалось убеждение в том, что все подданные «соединят с Нашими молитвами свои к Верховному Подателю благ об усопшем Великом Князе и о ниспослании Родителям Его утешения, даруемого верой в святой, неисповедимый промысл». Затем, как обычно в подобных случаях, публиковался церемониал выноса и погребения тела, назначенного на 22 апреля в Петропавловском соборе. По случаю кончины великого князя на лиц первых пяти классов был наложен месячный траур. Кончина второго сына не только глубоко огорчила родителей (что вполне естественно), но, по воспоминаниям современников, имела прямым последствием значительное сближение цесаревича и его супруги, незаметное в первые годы их совместной жизни. «Общее горе закрепило их крепкий союз, — вспоминал друг Александра III граф С. Д. Шереметев, — который отныне безоблачно стал уделом их [жизни] до конца. Я дежурил ночью перед телом ребенка. При мне Крамской рисовал его портрет. Верхом сопровождали мы тело его в карете в крепость. Родители безутешно плакали». В тот год великий князь Николай Александрович впервые присутствовал на похоронах.

К концу 1860-х годов Императорский дом уже весьма разросся. В «Придворном календаре» все его члены имели строго фиксированное место. Главой Дома был император Николай I, за ним следовали его супруга, наследник-цесаревич, его супруга и, наконец, их старший сын. Далее в списке шли дети (мужского пола) Александра II: Владимир, Алексей, Сергей и Павел. Последний, родившийся 21 сентября 1860 года, был всего лишь на восемь лет старше своего племянника — великого князя Николая. Список продолжали брат царя Константин Николаевич, его супруга и дети: Александра Иосифовна, Николай, Константин, Дмитрий, Вячеслав Константиновичи. Затем следовали Николай Николаевич (Старший), его супруга Александра Петровна и их дети Николай (Младший) и Петр Николаевичи. За ними «Придворный календарь» помещал младшего сына императора Николая I — Михаила Николаевича, его супругу Ольгу Федоровну и их детей — Николая, Михаила, Георгия и Александра Михайловичей.

Так постепенно внутри Императорского дома формировались своеобразные «кланы», в дальнейшем получившие названия «Константиновичей», «Николаевичей» и «Михайловичей». В год рождения первого внука императора список «Придворного календаря» заключали представители женской части Дома — великая княгиня Елена Павловна, вдова дяди Александра II Михаила Павловича; дочь царя Мария Николаевна, дочь Николая I королева Вюртембергская Ольга Николаевна и его внучка — королева эллинов Ольга Константиновна; юные великие княжны Вера Константиновна и Анастасия Михайловна; великая княгиня Екатерина Михайловна — супруга герцога Георгия Мекленбург-Стрелицкого. В самом конце шли дети великой княгини Марии Николаевны от герцога Лейхтенбергского, носившие титул князей Романовских: сыновья Николай, Евгений, Сергей, Георгий Максимилиановичи и замужние дочери — Мария и Евгения Максимилиановны — с титулами княгинь. Мария была замужем за принцем Евгением Баденским, а Евгения — за принцем Александром Ольденбургским. Все члены Дома имели тогда титул Их Императорских Высочеств.

Таким образом, законный брак представителя дома Романовых с равными им представителями «владельческих» домов Европы *не рассматривался* как повод к «удалению» из «официальных» списков Фамилии. Более того, вышедшая замуж дочь или внучка императора (за исключением тех случаев, когда супруг имел королевский титул) сохраняла титулование в качестве «великой княгини» — оно всегда ставилось на первое место. Тем самым Российская императорская фамилия

дополнительно подчеркивала свое особое положение в ряду европейских династий. Эта идея была важна еще и потому, что предусматривала жесткие «правила игры», которым должен был следовать каждый, родившийся Романовым. Несоблюдение этих правил могло дорого обойтись нарушителю. Так было в теории. Практика конца XIX и особенно начала XX века вносила свои коррективы и усложняла жизнь русского монарха, вынужденного, в качестве главы рода, следить за неукоснительным соблюдением родственниками правил брака. Что из этого выходило — отдельная история, связанная с последним русским самодержцем. Но об этом чуть позже. Здесь же стоит отметить лишь одно: первым, кто нанес серьезный удар по сложившейся системе отношений, оказался император Александр II, вторую половину своего царствования живший «на две семьи». История «романа императора» известна достаточно хорошо; французский посол в России начала XX века Морис Палеолог, на которого нам придется еще неоднократно ссылаться, написал об этом специальную работу — «Александр II и Екатерина Юрьевская»^[9]. Впрочем, романтический сюжет и перипетии отношений царя с юной княжной Долгорукой для нас представляют интерес лишь постольку, поскольку они внесли разлад в императорскую семью, став своеобразным прецедентом в истории «семейного права» дома Романовых.

Действительно, страдая после смерти старшего сына, Александр II нашел в княжне сочувствие и поддержку, которых добивался и ранее. Его «амурные» отношения завершились образованием «второй семьи»: в 1872 году родился первенец Георгий, в следующем году — дочь Ольга, в 1876-м — второй сын Борис (умерший через несколько дней после рождения) и в 1878-м — дочь Екатерина. С середины 1870-х годов княжна и ее дети жили в Зимнем дворце, их покои были расположены над комнатами императрицы Марии Александровны. «Тайна» двойной жизни императора, таким образом, была известна всем приближенным и конечно же детям Александра II. «Как мне говорили, — вспоминала фрейлина императрицы графиня А. А. Толстая, — государыне часто доводилось слышать над головой крики и шаги детей. Иногда это случалось в то время, когда она совершала свой туалет. Тогда служанки и парикмахер видели, как она менялась в лице, но тут же с редкостным самообладанием старалась подавить свои чувства и даже находила для присутствующих какую-нибудь естественную причину этих звуков».

Александр II официально оформил свои отношения с Долгорукой 6 июля 1880 года, спустя лишь полтора месяца после кончины первой жены — императрицы Марии Александровны (это случилось 23 мая). Царь

спешил, пренебрегая всеми «условностями»: мнением двора, отношением семьи, международными последствиями. Мотивация его была проста и понятна, обо всем он написал своей сестре королеве Вюртембергской Ольге Николаевне: «Моя совесть и чувство чести заставили меня вступить во второй брак. Я бы и не помышлял сделать это раньше, чем кончится траурная годовщина, если бы не наше кризисное время, когда каждый день грозит новым покушением оборвать мою жизнь. Именно поэтому я весьма озабочен как можно скорее обеспечить будущее женщины, которая в течение четырнадцати лет жила только для меня и детей, которых я от нее имею». Рассказывая о венчании, состоявшемся 6 июля в Царском Селе, он сообщал о подписании тогда же сенатского акта, извещавшего о вступлении «в морганатический брак с княжной Долгорукой, с предоставлением ей титула Светлости и имени княгини Юрьевской». Те же титулы и имя получали и их дети. Александр II представил жену и детей наследнику престола и цесаревне, которые, по его словам, полностью оправдали надежды, выказав дружбу княгине Юрьевской. «Мне остается только надеяться, — резюмировал царь, — что Божье благословение не покинет нас и что моя семья, всегда проявлявшая ко мне большую привязанность, последует примеру моего старшего сына и не откажет в своей дружбе моей жене и детям, которые мне так дороги, зная, как я дорожу единством семьи, завещанным нам нашими дорогими родителями».

Как видим, император прекрасно осознавал, что заключенный им брак — морганатический (хотя Екатерина Михайловна Юрьевская и происходила из древнего рода, по преданию, идущего от легендарного Рюрика и Владимира Святого): Долгорукие были подданными русского царя, следовательно, равными почитаться никак не могли. Брак же с лицом некоролевской крови навсегда преграждал путь к трону, что законодательно оформил еще император Павел I. Но дело заключалось не только в этом: всего за несколько лет до легализации своего второго брака, давая разрешение на венчание герцога Евгения Лейхтенбергского — внука (по матери) императора Николая I — с фрейлиной Д. К. Опочининой, Александр II — *в присутствии наследника престола* — завещал последнему никогда не давать разрешения на морганатические браки, ибо «это расшатывает трон». Сам же царь пошел на нарушение монархического принципа: «честный человек» победил в нем «законного государя», выше всего, выше личного счастья и душевного комфорта ставящего благо империи. Можно ли его за это осуждать? Вопрос, полагаю, некорректный. Известно, что неудобство существования рядом с собой «неравной» по рождению жены Александр II хотел изменить, проведя коронацию

Юрьевской и использовав как прецедент историю коронации второй жены Петра Великого Екатерины I.

Положение наследника в такой ситуации становилось двусмысленным, побороть свои чувства, дабы «дойти до выражения любви» к княгине Юрьевской, великий князь не мог, чем однажды вызвал гнев отца, заявившего даже, «что отправит его вместе с семьей в ссылку». Ситуация Александра Александровича настолько осложнилась, что он подумывал об удалении «куда угодно», то есть об удалении от власти. Цесаревич и его супруга старались вести себя как можно корректнее, не вызывая гнева императора. Сколь только можно щадя самолюбие отца, Александр Александрович вынужден был терпеть Юрьевскую на своих семейных обедах, где ее видел и двенадцатилетний великий князь Николай. Его мать, цесаревна Мария Федоровна, вспоминала первую такую встречу с нескрываемым ужасом.

«Княгиня Юрьевская, впервые появившись у нас на семейном обеде — разумеется, без всякого приглашения, имела бестактность не скрывать своей близости с государем. На моего старшего сына, — говорила она супруге великого князя Михаила Николаевича — Ольге Федоровне, — это, видимо, произвело сильное впечатление, потому что вскоре он спросил меня: не родственница ли нам эта дама? Я была совершенно не готова к такому вопросу и просто ответила — нет. Но он весьма рассудительно заметил мне, что „дамы из общества никогда так не обращаются к дедушке, как она“. Я поняла, что отступить некуда, и сочинила сказку, которую все матери вынуждены рассказывать своим детям, то есть что император женился на вдове и усыновил ее детей. Но и на этот раз он не слишком мне поверил, и я заметила, как он страшно побледнел.

— Как он мог это сделать, мама? Ты ведь сама знаешь, что в нашей семье нельзя жениться так, чтобы об этом не узнали все.

Он ушел от меня задумчивый и завел этот же разговор с гувернером, которому высказал:

— Нет, тут что-то неясно, и мне нужно хорошенько поразмышлять, чтобы понять»^[10].

О том, чем закончились эти размышления, история умалчивает, но приведенный эпизод весьма характерен: двенадцатилетний внук императора, очевидно, впервые понял, что в его семье не все нормально, что поступок дедушки не вписывается в правила, которые он, сын цесаревича, усваивал и в которых воспитывался с самого раннего детства. Дальнейшие события, безусловно, дали ему новую пищу для размышлений и заставили задуматься над вопросом о том, что такое царская семья. Тем

более что последние месяцы жизни царя — январь и февраль 1881 года — ознаменовались скандалами. Сейчас трудно разобраться, кто их провоцировал — одни мемуаристы обвиняют во всем Юрьевскую, настраивавшую-де государя против его законных детей, другие — этих самых детей. Однако факт остается фактом: накануне весны 1881 года в семье Александра II был разлад. События развивались стремительно, и спустя семь месяцев после бракосочетания император Александр II был убит, семейное счастье оказалось совсем недолгим. Его страшное предвидение, о котором он писал сестре в Вюртемберг, сбылось.

...Незадолго до трагедии 1 марта, оборвавшей жизнь царя-освободителя, была поймана большая неуклюжая птица, которую называли финским орлом. Несколько дней кряду она охотилась на голубей, давно облюбовавших крыши Зимнего дворца. Из окон своего кабинета Александр II раздраженно наблюдал эту картину, после чего и приказал поймать хищника. Бывают разные приметы, но эта была не из добрых: точно такая же птица неоднократно садилась на крышу Зимнего дворца за несколько дней до смерти Николая I. Примета оказалась верной и на сей раз...

Судьба великого князя Николая Александровича резко изменилась 1 марта 1881 года: он стал наследником престола. Появившийся вскоре и помеченный той же датой манифест нового самодержца — Александра III, сообщая о случившемся, призывал всех верноподданных соединить их молитвы с царскими мольбами и «учинить присягу в верности Нам и Наследнику Нашему, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу».

В тот день великий князь приехал в Зимний дворец, где умирал его дед и куда ранее прибыли его родители. Трудно сказать, что испытывал в те минуты двенадцатилетний подросток (тогда он еще не вел дневник), но то, что произошедшее произвело на него неизгладимое впечатление — несомненно. Родители не хотели, чтобы их старший сын оставался в Зимнем, и потребовали, чтобы граф С. Д. Шереметев отвез его обратно в Аничков дворец — резиденцию ставшего императором великого князя Александра Александровича. Граф и наследник спустились на Салтыковский подъезд. Подали карету, за которой следовал казачий конвой. «Цесаревич Николай, взглянув на конвой, приказал им не сопровождать его. Меня, — вспоминал много лет спустя С. Д. Шереметев, — озадачило такое решение, но делать было нечего. Казак вскочил на козлы, мы сели в карету и благополучно прибыли в Аничков. Оттуда я поспешил обратно, чтобы доложить государю, что цесаревич в целости доставлен домой». Это, очевидно, был первый самостоятельный поступок великого князя, по

крайней мере — из известных на сегодняшний день. Почему он отказался от охраны, теперь уже не скажет никто, но сам отказ от нее показателен. Мальчик не был трусом и в страшной ситуации неразберихи и суеты, явившейся следствием произошедшего в тот день убийства венценосного деда, не потерял присутствия духа. Детство закончилось, настала пора юности, время постепенной подготовки к будущей роли самодержца.

В июле 1881 года великий князь Николай Александрович уже сопровождал своего отца в Москву. Как пишет американский историк Р. Уортман в книге «Сценарии власти...», этот приезд в Первопрестольную включил тринадцатилетнего «наследника в инсценировку национального сценария его отца. Николай рассматривал русскую монархию как праздничный союз между царем и народом». Научные характеристики менее всего помогают понять психологию того или иного исторического «персонажа», потому и судить о «включенности» юного наследника в инсценировку национального сценария «святой православной России» (в ее старомосковском стилизованном обличье), думается, слишком смело. Он был сыном своего отца, членом большого царствующего дома, наследником, и это стоит учитывать прежде всего. Для русских царей безусловным фактом было наличие союза между ними — носителями верховной власти — и народом, что еще в 1830-е годы нашло отражение в знаменитой уваровской триаде «православие, самодержавие и народность». Праздничный был союз или нет — дело второе, главное, что *он был*.

Вскоре цесаревич начал вести дневник, получив от родителей в подарок на новый, 1882 год небольшую (по формату) памятную книжечку, изготовленную типографским способом. На каждый день в этой книжечке были отпечатаны знаменательные даты: религиозные праздники, дни рождения и именины членов дома Романовых. Подобные книжечки были и у других членов Дома. Быть может, по этой причине — по привычке, выработанной в детстве, — цесаревич, став во главе империи, продолжал каждый день делать лаконичные записи, в которых фиксировал лишь «техническую» информацию: о встречах, о погоде, об основных происшествиях дня, а развернутой оценки случившемуся не давал. Получив в свое распоряжение этот дневник, исследователи многие десятилетия использовали его для доказательства «умственного убожества» последнего русского царя. Но мы не будем идти тем же путем!

Да, цесаревич в тринадцать с половиной лет не писал в дневнике о своем превосходстве над окружающими, не обнаруживал стремления стать самодержцем. Но разве это странно? Дневник он вел для памяти, припоминания о прошедших событиях были только припоминаниями. В

данном случае первые записи дневника удивительным образом похожи на те, которые делались им в последующие годы. «Утром пил шоколад; одевал л[ейб]-гв[ардии] резервный мундир; за завтраком с нами сидели Сандро (великий князь Александр Михайлович. — С. Ф.) и Петя (принц П. А. Ольденбургский. — С. Ф.); ходили в сад с Папа: рубили, пилили и разводили большой костер; легли спать около 1/2 десятого» — так начинается дневник цесаревича 1 января 1882 года. Впрочем, иногда лаконичные дневниковые записи позволяют судить не только о «внешней канве» событий. В том же 1882 году, 4 января, наряду с упоминанием о будничном кофе, чтении «Хижина дяди Тома» и об учебе, великий князь пишет, что «за завтраком были кн. Юрьевская, Гого (ее сын Георгий. — С. Ф.) и беби [дочь Екатерина]». Эта запись свидетельствует о том, что цесаревичу, наконец, объяснили, кто была та женщина, встреча с которой на семейном обеде вызвала у него недоумение и вопросы. Впрочем, дружбы семьи Александра III с княгиней Юрьевской и ее детьми не получилось. Вскоре вдова Александра II покинула Россию и поселилась в Ницце. Бывая в Петербурге редко, она более не имела возможности для частных встреч с императорской семьей.

В последующие годы жизнь наследника престола протекала без особых потрясений; иногда он появлялся на официальных мероприятиях вместе со своим венценосным отцом, в мае 1883 года присутствовал на его коронации. Как воспринимали наследника, как к нему относились современники? Особого восторга он не вызывал. Так, председатель II Государственной думы Ф. А. Головин вспоминал случай, свидетелем которого был в 1883 году, — при посещении Александром III Лицея цесаревича Николая в Москве. Лицейсты, одним из которых тогда и был Головин, восторженно встретили царя и царицу, но наследник почему-то показался им «ничтожеством, не стоящим внимания». Оттертый от отца лицеистами, ринувшимися вслед за удалявшимся по лестнице царем, наследник «стал испуганно пищать: „Пропустите, пожалуйста, и я — царская фамилия“». Лицейсты потом много смеялись над этой фразой, вспоминая подробности царского визита. Конечно, Головин, считавший Николая II плохим царем, субъективен, но дело не только в субъективизме: даже если подобное замечание — миф, то миф весьма показательный. В великом князе изначально отказываются видеть «персону», достойную уважения; его воспринимали лишь как слабого и блеклого человека. «Мифоманию» можно считать своеобразной социальной болезнью, распространение которой трудно остановить и которой бессмысленно противопоставлять проверенные факты. Интереснее другое: механизм

создания негативного или, наоборот, позитивного образа исторического героя. Но говорить о механизме — значит говорить об исторической обстановке, в которой этот герой жил, говорить о его окружении и о психологическом «фоне» эпохи. В конце концов, формирование образа в истории играет не меньшую роль, чем сам образ.

Гнусные истории о «тяжелом детстве» будущего самодержца стали появляться еще при его жизни, находя и публикаторов, и заинтересованных читателей. Одним из распространителей подобных историй был В. П. Обнинский, ровесник (как и Головин) Николая II, в молодые годы служивший офицером в гвардейском полку, расквартированном в Царском Селе. Источник информации, таким образом, проясняется. Что же отмечал, говоря о юных годах Николая II, Обнинский? Он, разумеется, обращал внимание на недостаточное образование и совершенно разнузданную жизнь будущего самодержца, протекавшую якобы в обстановке попоек и разврата. Желая показать, что окружение Николая Александровича было самого дурного свойства, Обнинский приводит рассказ о развлечениях великого князя Николая Николаевича (Младшего), который, заметим, был на 12 лет старше цесаревича.

Этому-то великому князю, судя по всему, и отдавалась «пальма первенства» в деле развращения наследника: ведь именно Николай Николаевич и его «гусары», напившись до полубессознательного состояния, считая себя «волками», раздевались и выбегали на улицу в Царском Селе. Воя на луну, они таким образом требовали алкоголя, и старый буфетчик выносил им большую лохань водки или шампанского. Алкоголь «вылизывался» языком, с визжанием и кусанием. «В такой-то оригинальной обстановке протекали все драгоценные годы молодости наследника, когда всякий, даже рядовой человек спешит забирать из школы и жизни побольше знаний и опыта», — писал Обнинский. Пошлые слова, из которых следовало, что наследник формировался в нездоровой обстановке, свидетельствовали не столько о знании автором реалий, сколько о том, как воспринимали воспитание и образование последнего самодержца оппозиционные ему и его правлению лица. В дальнейшем пасквиль Обнинского, где правда была сдобрена значительной массой лживых слухов и сплетен, стал источником, из которого черпали свое вдохновение и другие авторы (в частности, журналист Л. Львов и публицист И. М. Василевский *Не-Буква*). Причем у этих авторов мы можем наблюдать развитие сказки: если Обнинский делал акцент на поведении Николая Николаевича, «развращавшего» цесаревича, то Львов уже смело писал, что спиртными напитками будущий царь начал увлекаться чуть не с

детства, прославившись попойками еще до достижения шестнадцатилетнего возраста. «Часто он со своими сверстниками допивался до того, что устраивал игру в зверей — все бегали по парку одного из гатчинских дворцов на четвереньках, иногда нагишом. Тогда ворота парка наглухо запирались, дабы посторонние не проникали в тайну забав наследника престола». По словам «информированного» журналиста, одним из наиболее активных участников этих попок был Д. С. Сипягин, за что (равно как и за умение готовить соус с устрицами) в царствование Николая II стал министерским чиновником^[11]. «Предания» Львова лишь технически отличаются от «откровений» Обнинского: если первый описывал «игрища» в Царском Селе, то последний перенес их в Гатчину, сделав центральной фигурой развлечений наследника и его сверстников (а не Николая Николаевича). В «ровесники» попал и Д. С. Сипягин, бывший на 15 лет старше цесаревича и к 1884 году имевший скромный чин VII класса (чин надворного советника, равный подполковнику).

До убожества прямолинейна была и схема И. М. Василевского: недостаточное воспитание, посредственные способности («короткомыслие»), алкоголизм, упрямство — вот основные черты характера Николая II. Черных красок для его описания много, светлых — неоткуда взять. Получается странная «запрограммированность» на неуспех. Все плохо, даже английское воспитание, полученное в детстве, — ведь оно «сказалось настолько сильно, что еще в первые годы царствования Николай II высказывался не иначе как переводя свои слова с английского»! То, что это не так, доказывается наличием дневника, который велся по-русски и, несмотря на свою лаконичность, не производит впечатления «труда переводчика». Но разве это важно? Царь — не русский по духу, и все, — говорить больше не о чем. Так миф обретает право на существование в истории...

Негативному мифу, в свою очередь, ныне вполне закономерно противопоставляется диаметрально иное суждение, иная форма лубочного рассказа. Объяснять подобные метаморфозы дело бесперспективное. Они — лишь возможность оттенить идеологическую пристрастность авторов. Современные апологеты Николая II, пытающиеся нарисовать образ «идеального» во всех смыслах царя и справедливо отрицая наветы прежних лет, выставляют в качестве основного тезиса то, что именно старшему сыну Александра III лучше всех удавалось следовать наставлениям родителей, подчеркивая, что «за его жизнь не случилось ни одного „морального падения“», что «никогда он не шел на сделку с совестью...»^[12]. Столь

однозначное заявление заставляет иначе расставлять акценты, обращая внимание, скорее, на религиозную составляющую воспитания Николая Александровича. Действительно, трудно отрицать очевидное: последний царь не был великим полководцем и великим монархом. По словам У. Черчилля, «он был только верным, простым человеком средних способностей, доброжелательного характера, опиравшимся в своей жизни на веру в Бога». И все же, как кажется, не менее важно проследить основные этапы воспитания этого человека, постараться увидеть, как он вырос и формировался.

Семейная обстановка, в которой рос будущий монарх, была, по воспоминаниям соприкасавшихся с русским двором современников, «безусловно здоровой», отличалась сердечностью и простотой. Главную ответственность за воспитание наследника престола взяла на себя его мать — Мария Федоровна, внимательно следившая за выбором учителей для сына. К тому времени, когда Александр III занял российский престол, у Николая были два брата и две сестры. 27 апреля 1871 года на свет появился великий князь Георгий, 25 марта 1875-го — великая княжна Ксения, 22 ноября 1878-го — великий князь Михаил. Вскоре после воцарения Александра III, 1 июня 1882 года, в царской семье родилась дочь Ольга, единственный «порфирородный» (то есть родившийся в то время, когда родители уже были самодержцами) ребенок императорской четы. Николай был общительным и веселым мальчиком. «Детство его протекало в скромном Гатчинском дворце в семейной обстановке, которую он очень любил», — вспоминал великий князь Александр Михайлович.

Конечно же основное внимание родители обращали на воспитание именно старшего сына — наследника, к которому в 1877 году был приставлен специальный воспитатель — генерал Григорий Григорьевич Данилович, ставший также наставником великого князя Георгия. Насколько удачным оказался выбор, судить трудно, однако почти все современники, знавшие Даниловича, отзывались о нем нелестно. Он считался выдающимся педагогом, но, как писал генерал Н. А. Епанчин: «Одно дело быть директором корпуса, в котором было несколько сот воспитанников, и другое — быть воспитателем будущего императора».

Генерал Данилович был человеком «старой школы»: родился в 1825 году, обучался в годы правления Николая I, пройдя курс в Александровском царскосельском и 1-м Полоцком кадетских корпусах, в Дворянском полку и в офицерских классах артиллерийского училища, затем преобразованных в Михайловскую артиллерийскую академию. В 1854 году начал военно-учебную деятельность, став инспектором классов 2-го кадетского корпуса,

а спустя несколько лет его директором. Преобразованный в военную гимназию в 1863 году, этот корпус превратился в «кузницу» военно-педагогических кадров: в 1865-м там учредили педагогические курсы для подготовки учителей военных гимназий.

Данилович, более всего ценивший дисциплину и послушание, не составил плана воспитания будущего императора, как это делал В. А. Жуковский для сына Николая I — цесаревича Александра Николаевича. «Мне кажется, — вспоминал Н. А. Епанчин, — что не было достаточного наблюдения за работой преподавателей и вследствие этого в образовании цесаревича были существенные пробелы, даже в то время, когда ему шел двадцать шестой год и когда волею судьбы ему суждено было в ближайшее время вступить на престол». Г. Г. Данилович, впрочем, и не мог «достаточно» наблюдать за работой преподавателей — в семье Александра III на него смотрели только как на инспектора классов, то есть своего рода классного надзирателя; императрица звала его просто «Гоша», неоднократно и при детях позволяя насмешки в адрес генерала.

Не имея системы, которой можно было бы придерживаться в деле воспитания наследника престола, генерал пытался в силу своего разума расширять знания великого князя (однажды, например, поставил в классной комнате скелет — для лучшего изучения анатомии). Несерьезное отношение к педагогическим вопросам отмечал и близкий к императорской семье граф С. Д. Шереметев, утверждавший, что не было человека, сочувствовавшего назначению Даниловича воспитателем великого князя. Александру III все это было известно — гофмаршал двора генерал В. В. Зиновьев по этому поводу даже специально разговаривал с ним. Но ничего не изменилось: не имевший влияния, не пользовавшийся авторитетом у своих воспитанников, Данилович, тем не менее, в течение всего курса образования цесаревича оставался его наставником. Даже если согласиться с современниками, писавшими о «навязывании» генерала Даниловича Александром II, то непонятно, почему его не сменили после трагической кончины императора. Новый самодержец, скорректировавший «сценарий власти» своего отца и отдававший предпочтение формам Московской Руси (в их псевдославянофильской интерпретации), оставил прежнего воспитателя своего сына и наследника, при том что «всем своим прошлым, всеми связями и сочувствиями Данилович принадлежал Западу»!

Логичного объяснения этому дать невозможно, но все-таки показательным, что С. Д. Шереметев назвал его фатальной личностью («Один этот вкрадчивый, слащавый голос чего стоил! — писал граф. — Это однообразное отчеканивание слов и „иезуитские“ замашки! Они не

прошли бесследно»). Даниловича действительно часто называли «иезуитом». «Даниловичу император Николай II обязан всем своим моральным обликом, — писал генерал А. А. Мосолов, — та необыкновенная сдержанность, которая была основным отличительным признаком характера Николая II, несомненно, имеет своим источником влияние Даниловича». Даже кончина восьмидесятилетнего генерала (в апреле 1906 года) не вызвала у современников сочувствия. «Не много пользы принесло царю его воспитание, — записала в дневнике свое мнение хозяйка «правого» политического салона столицы А. В. Богданович, — не сумел он у царя развить самостоятельности». О какой самостоятельности можно было говорить, если, по мнению преподавателей цесаревича, в частности преподавателя тактики генерала Гудим-Левковича, Данилович делал из своего питомца «умеренного, аккуратного старичка, а не бойкого юношу»!^[13] Правда, было одно обстоятельство, которое не стоит игнорировать: генерал Г. Г. Данилович «внушил, что чудодейственная сила таинства миропомазания во время Св. Коронования способна была даровать будущему Российскому Самодержцу все необходимые познания», — писал великий князь Александр Михайлович. Подобное «внушение» могло воспитать в цесаревиче веру не только (и не столько) в получаемые знания, без которых править огромной империей невозможно, сколько надежду на их восполнение *чудесным образом* — посредством религиозного акта коронации.

Беспрекословное подчинение воле родителей (то есть воле отца) с течением лет стало самой «яркой» чертой характера наследника, жизнь которого и после достижения совершеннолетия (для наследника наступавшего в 16 лет) не изменилась. Примечательно, что по достижении этого возраста наследник имел право получать из Государственного казначейства 300 тысяч рублей ежегодного содержания, но Александр III решил, «что эта трата лишняя и что наследник может продолжать жить по-прежнему в родительском доме»^[14]. Это свидетельствовало не только о бережливости царя, но и о том, что своего сына он считал недостаточно взрослым для самостоятельной жизни.

Но вернемся к вопросу об образовании Николая Александровича. Первоначально учебе отводилось двенадцать лет: первые восемь посвящались предметам гимназического курса, последние — так называемому «курсу высших наук». Впоследствии «по причине обширности и сложности курса высших наук» был добавлен еще один год для занятий. В программу гимназического курса внесли некоторые

изменения — вместо древних языков преподавали элементарные основы минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии (что, как уже говорилось, и привело к появлению возмущившего придворных скелета. «Что он его (наследника. — С. Ф.) готовит в повивальные бабки, что ли?» — возмущался Даниловичем генерал Зиновьев).

Дополнительно изучались английский язык, политическая история, русская литература, французский и немецкий языки. Так говорили официальные справки. Что касается современников, то, по мнению генерала Н. А. Епанчина, Николай II хорошо владел французским и английским, а немецким — слабо (как и все дети Александра III). Степень «хорошего» владения проверить по воспоминаниям вряд ли возможно, но известно, что для Николая II английский язык был таким же родным, как и русский. «Накануне окончания образования, — вспоминал друг детства цесаревича великий князь Александр Михайлович, — перед выходом в лейб-гусарский полк [будущий царь] мог ввести в заблуждение любого оксфордского профессора, который принял бы его... за настоящего англичанина». Но, по утверждению Александра Михайловича, цесаревич так же хорошо владел немецким и французским языками. Думается, что член дома Романовых был осведомлен лучше, чем генерал Н. А. Епанчин.

Однако важнее, думается, иное — не путать воспитание и образование, причем четко представлять, что общее образование для монарха не менее важно, чем образование «специальное» — в условиях российского самодержавия предполагавшее приоритетное внимание к военным дисциплинам. Но обо всем по порядку.

Французский и немецкий языки в эпоху Александра II при дворе были распространены не меньше, если не больше, чем русский. Поэтому члену дома Романовых изучать их было так же легко (или, если угодно, так же трудно), как родной язык. Другое дело — английский. В середине XIX века он только получал «права гражданства» при дворе, хотя многие его представители знали английский прекрасно. И все же для занятий в то время специально отбирались такие учителя (разумеется, носители языка), которые могли бы совмещать функции педагога и воспитателя. Таким человеком и был Карл Осипович Хис (Heath) (или Гис, как его называли в России) — англичанин, живший в империи с 1850 года. С 1856 по 1878 год он преподавал английский язык и литературу в Императорском Александровском лицее, где его заметили и пригласили в Императорский дом. Он преподавал английский язык детям Александра II — Сергею, Павлу и Марии, будущему поэту КР — великому князю Константину Константиновичу и, в дальнейшем, великому князю Николаю

Александровичу. Именно Хису последний самодержец был обязан блестящим знанием английского языка — поэтому-то В. П. Обнинский и писал о «подстрочном переводе» английских фраз в русских речах Николая Александровича.

Но описывая историю появления мистера Гиса в царской семье, Обнинский не удержался от того, чтобы лишний раз не показать «убожество среды», в которой рос наследник престола. «Когда в первый раз появился за обеденным столом старик с красивым, ласковым лицом типичного английского джентльмена, Николай холодно приветствовал своего будущего воспитателя. А после обеда, когда М-г Heath, желая сломать чувствовавшийся ледок, предложил мальчику поиграть с ним, Николай с не шедшей его скромной и милой фигурке напыщенностью сказал: „Как мне с вами играть? Я — князь, а вы — простой старик“. Умный англичанин схватил тогда „князя“ на руки, и через полминуты тот заливался веселым хохотом, защищаясь от блохи, которую изображал из себя М-г Heath»^[15].

Даже если все происходило так, как описано, ничего страшного и дискредитирующего в том не было: проблема заключалась лишь в правилах, которые с самого раннего детства должен был соблюдать наследник. Курьезы детства — обыкновенно только курьезы. Ребенок обычно «впитывает» все, что слышит в своей семье, не всегда отдавая себе отчет в том, что говорит. Показателен такой случай: будучи совсем маленьким и находясь в гостях у брата деда — великого князя Константина Николаевича, Николай попросил того показать флот. На замечание Константина Николаевича, что зимой это невозможно, будущий самодержец наивно сказал: «Отчего невозможно, папа говорит, что флот у тебя в кармане»^[15]. Нелюбовь цесаревича Александра Александровича к дяде — генерал-адмиралу флота, про которого ходили тогда самые разные слухи, отразилась в этом вопросе его маленького сына.

Но сказанное — лишь пример, доказывающий, как можно при желании истолковать любую, самую невинную фразу. Важнее то, что мистер Хис не только сумел понравиться своему ученику, что определило успешность изучения последним английского языка, но и многое сделал для его физического развития. Он обратил внимание родителей «на недостаточность физических упражнений цесаревича и занялся этим делом и, между прочим, закаливанием цесаревича, в чем достиг прекрасных результатов»^[16]. Стоит отметить, что это повлияло на здоровье Николая II: на протяжении всей своей жизни он почти никогда не простужался и болел

крайне редко. Благодаря мистеру Хису Николай полюбил спорт: неслучайно в биографическом очерке, прошедшем его личную редактуру и опубликованном в год 300-летия дома Романовых, специально подчеркивалось, что «монарх поддерживает и укрепляет свои силы здоровыми телесными упражнениями: ходьбой, верховой ездой, ездой на самокате, игрой в теннис, в кегли, греблей, плаванием»^[17].

Закаливание тела вполне сочеталось с «укреплением духа». Религиозному образованию наследника уделялось большое внимание, ведь будущий царь считался помазанником Божьим и Верховным Ктитором православной церкви. К тому времени духовник царской семьи протопресвитер В. Б. Бажанов был уже глубоким старцем и на роль преподавателя Закона Божьего не подходил (в любом случае, его кандидатуру всерьез никто не рассматривал). Родители Николая Александровича хотели видеть законоучителем протоиерея Малой церкви Зимнего дворца Иоанна Васильевича Рождественского, известного в столице проповедника и присутствующего члена Святейшего синода. Он хорошо знал офицерскую среду (что было безусловным плюсом в глазах царской семьи), состоял главным наблюдателем за преподаванием Закона Божьего в военно-учебных заведениях. Он пользовался уважением в придворном мире и, очевидно, готовился заменить престарелого протопресвитера В. Б. Бажанова.

Но жизнь распорядилась иначе: ссылаясь на болезнь и упадок сил, протоиерей Рождественский отказался быть учителем молодого великого князя и вскоре после воцарения Александра III скончался. По словам графа С. Д. Шереметева, это открыло путь другому священнику — «двуликому Янусу» Иоанну Леонтьевичу Янышеву. Сегодня трудно сказать, почему граф называл отца Иоанна двуликим, но известно, что в близких ко двору кругах его не считали «горячим проповедником» — позднее, когда летом 1894 года он занимался с принцессой Alix — будущей императрицей Александрой Федоровной, современники указывали, что протопресвитер «холодный богослов, влиять на душу он не может».

Но как бы то ни было, именно он с 1883 года стал духовником Их Императорских Величеств и преподавателем цесаревича. Он читал курс канонического права в связи с историей Церкви, знакомил своего высокородного ученика с главными отделами богословия и историей религии. В царской семье его давно и хорошо знали: именно отец И. Л. Янышев, начинавший свое служение православным священником в Висбадене, затем преподававший богословие и философию в столичной Духовной академии и состоявший священником русской миссии в Берлине

и (снова) в Висбадене, в 1864 году преподавал Закон Божий принцессе Дагмаре — в 1866-м ставшей супругой великого князя Александра Александровича. С 1866 по 1883 год отец И. Л. Янышев был ректором Духовной академии в Санкт-Петербурге, специализируясь на изучении нравственного богословия. Упоминания о нем можно встретить уже в первых дневниковых тетрадях наследника: к примеру, в ноябре 1882 года великий князь писал о приезде «батюшки Янышева» — в первый раз после ушиба («его вывалило из саней, причем он сильно ударился левым плечом оземь»). Протопресвитер И. Л. Янышев оставался царским духовником вплоть до кончины, последовавшей в шестнадцатый год правления Николая II. Объяснять это только привязанностью, видимо, не вполне правильно: отца Иоанна ценили не за «холодный» ум или «дипломатические способности», он понимал психологию среды, с которой его свела жизнь, и был деликатным пастырем (тем более что скандалы случались и в ведомстве придворного протопресвитера).

Помимо протопресвитера И. Л. Янышева, среди учителей цесаревича, не имевших военных чинов, были: профессор Николай Николаевич Бекетов, читавший химию; профессор Николай Христианович Бунге, преподававший статистику, политическую экономию и финансовое право; специалист по международному праву профессор Михаил Николаевич Капустин; профессор Егор Егорович Замысловский, специализировавшийся на изучении политической истории; и профессор Константин Петрович Победоносцев, учитель покойного цесаревича Николая Александровича и императора Александра III, читавший курс законоведения, государственное, гражданское и уголовное право. Личность Победоносцева нужно выделить особо — он был не только учителем-юристом, но и идеологом, оказавшим серьезное влияние на идейное формирование Николая II. Это — отдельная тема, требующая специального подхода и связанная с вопросом о сущности самодержавия и принципах монархической государственности в России. Поэтому в данном случае правильнее будет сначала рассказать о других учителях цесаревича, не решавших явно выраженных идеологических задач.

Начнем с Н. Н. Бекетова, в 1886 году избранного ординарным академиком Петербургской академии наук, а до того в течение 32 лет прослужившего профессором химии в Харьковском университете. С 1887 по 1889 год он читал химию наследнику. Чем был обусловлен выбор в качестве преподавателя для великого князя именно его — сказать трудно, но, быть может, стоит обратить внимание на то, что коллеги называли его «химиком-философом», во всех своих работах стремившимся к решению

вопроса о причине, источнике химического «сродства», то есть умевшим обобщать полученные экспериментально данные. К слову сказать, наука в России обязана ему появлением первых термохимических лабораторий.

Н. Х. Бунге, как и Победоносцев, был известен царской семье давно: еще в 1863–1864 годах он читал лекции цесаревичу Николаю Александровичу и в дальнейшем сделал головокружительную карьеру (в 1881 году Бунге возглавил Министерство финансов). Читать лекции наследнику его пригласили в те же самые годы, что и академика Н. Н. Бекетова.

Юрист М. Н. Капустин не столь знаменит, как Бекетов и Бунге, хотя в среде столичной бюрократии «последним человеком» не был. Окончив Московский университет и заняв там кафедру международного права, Капустин-ученый именно гражданское право считал основой юридического образования, проповедуя исторический подход в его изучении. Очевидно, выбор пал на Капустина потому, что некоторое время он был директором Демидовского лицея в Ярославле, а затем — попечителем Дерптского и Петербургского учебных округов.

Е. Е. Замысловский, выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, всю свою жизнь связал со своей *alma mater*, защитив там докторскую диссертацию и получив профессорскую кафедру. Специализируясь на изучении исторической географии (прилагательно к концу XVI–XVII веку), Замысловский составил один из первых в России учебных атласов по русской истории и объяснительный текст к нему. О степени его влияния на цесаревича судить трудно, но зная об интересе последнего к отечественной истории, можно предположить, что предмет Замысловского был у Николая Александровича одним из самых любимых. Неслучайно в 1913 году император допустил в печать информацию о своих «увлечениях» историей: «...проводя в сознание русского общества, что „только то государство крепко и сильно, которое свято чтит заветы своего прошлого“, — государь сам первый чтит это прошлое, усердно занимается его изучением и особенное внимание уделяет при этом правлению „Тишайшего“ царя Алексея Михайловича»^[18]. Е. Е. Замысловский свою магистерскую диссертацию посвятил царствованию сына Тишайшего царя — Федора Алексеевича, и, вероятно, интерес последнего самодержца к XVII веку формировался под воздействием лекций этого профессора.

Преподавателей-военных у цесаревича было гораздо больше, чем штатских профессоров. Помимо главного воспитателя — генерала Г. Г. Даниловича, еще девять генералов читали свои курсы великому князю.

Николай Николаевич Обручев, один из главных деятелей военных реформ эпохи 1860-х, в течение шестнадцати лет занимавший должность начальника Главного штаба (с 1881 по 1897 год) и являвшийся профессором Николаевской академии Генерального штаба, впервые в России ввел практические занятия по военной статистике и читал ее наследнику.

Михаил Иванович Драгомиров — профессор тактики академии и учитель детей Александра II (в том числе и Александра Александровича), преподавал боевую подготовку войск. Одиннадцать лет М. И. Драгомиров являлся начальником академии. В 1889 году он был назначен командующим войсками Киевского военного округа, а через девять лет стал также киевским, подольским и волынским генерал-губернатором. В 1903 году заслуженного генерала ввели в Государственный совет — «звездную палату» Российской монархии, что считалось тогда доказательством безусловной благосклонности монарха к сановнику.

Генрих Антонович Леер преподавал стратегию и военную историю и сменил в 1889 году Драгомирова на посту начальника Академии Генерального штаба. Именно он организовал и редактировал военные издания — «Энциклопедию военных и морских наук» (в восьми томах) и «Обзор войн России от Петра Великого до наших дней» (в трех томах).

Николай Афанасьевич Демьяненко, многолетний начальник Михайловской артиллерийской академии и училища, знакомил цесаревича (а затем и его брата Михаила) с премудростями артиллерийского дела, ранее он преподавал этот предмет детям Александра II (великим князьям Александру, Владимиру, Сергею и Павлу Александровичам).

Павел Львович Лобко, будучи профессором Николаевской академии и автором выдержавшего восемнадцать изданий учебника «Записки военной администрации для военных и юнкерских училищ», с 1885 года читал Николаю Александровичу курс военной администрации. Примечательно, что свою карьеру генерал Лобко заканчивал на гражданском министерском посту — государственным контролером, что в конце XIX — начале XX века случалось не часто. В конце жизни он стал членом Государственного совета.

Геодезию и картографию преподавал профессор Николаевской академии Отто Эдуардович фон Штубендорф, один из самых известных военных геодезистов того времени, в 1900 году избранный почетным членом Петербургской академии наук.

Павел Константинович Гудима-Левкович читал курс тактики. Его хорошо знал император Александр III, при котором он состоял в Русско-

турецкую кампанию 1877–1878 годов. Очевидно, этим и был обусловлен его выбор как преподавателя наследника.

Композитора и музыкального критика Цезаря Антоновича Кюи пригласили для преподавания фортификации — в этом качестве он, профессор Николаевской инженерной академии, был хорошо известен в царской семье: его лекции слушали великие князья Сергей и Павел Александровичи; Николай, Михаил, Георгий и Сергей Михайловичи; Петр Николаевич; герцоги Г. Г. и М. Г. Мекленбург-Стрелицкие.

Историю военного искусства читал наследнику Александр Казимирович Пузыревский — профессор Академии Генерального штаба, закончивший карьеру в должности помощника командующего Варшавским военным округом и за полтора месяца до смерти, в марте 1904 года ставший членом Государственного совета.

Эти люди, известные ученые и военные, большинство из которых имели богатый опыт педагогической деятельности, старались донести до цесаревича свои знания. Каковы же были результаты? Об этом судить трудно. Цесаревич был прилежным учеником, слушал учителей внимательно. Но... преподаватели не имели права спрашивать, а наследник не слишком любил задавать вопросы. Даже К. П. Победоносцев, его учитель и политический наставник, однажды проговорился, выказав сомнение «в том, что его лекции усвоены августейшим учеником». Подобные выводы делали и некоторые другие преподаватели цесаревича^[19].

Оберпрокурор Святейшего синода, как преподаватель относившийся к наследнику «любовно», Победоносцев при воцарении Николая Александровича высказывался о его способностях «как-то неопределенно». «Больше всего он (Победоносцев. — С. Ф.) боялся, чтобы император Николай по молодости своей и неопытности не попал бы под дурные влияния», — вспоминал С. Ю. Витте. Даже если сделать погрешность на пристрастное отношение автора приведенных строк к последнему самодержцу, то все равно придется признать: хорошо знавший своего ученика К. П. Победоносцев не мог сказать, что представлял собой вступивший на престол государь, следовательно, не мог твердо и определенно утверждать, что и, главное, как он усвоил. То, что этого не мог К. П. Победоносцев, характерно само по себе, ведь именно ему многие современники (а вслед за ними и историки) приписывали решающее значение в деле политического образования и воспитания Николая Александровича. Сказанное заставляет специально рассмотреть вопрос о взаимоотношениях Победоносцева и Николая II — учителя и ученика. Это

важно и потому, что другие преподаватели последнего самодержца не имели того политического влияния, какое имел и каковым умело пользовался профессор законовещения.

Константин Петрович Победоносцев был одним из самых ярких государственных деятелей конца XIX века, талантливым публицистом и полемистом. С апреля 1880 года он занимал пост обер-прокурора Святейшего правительствующего синода и оставил его лишь после обнародования знаменитого манифеста 17 октября 1905 года. Но его влияние простиралось гораздо дальше духовного ведомства, особенно в первый период правления Александра III и в первые годы царствования наследовавшего российский престол Николая II.

При дворе Победоносцев появился в начале 1861 года, получив приглашение читать курс законовещения цесаревичу Николаю — старшему сыну Александра II. К тому времени он был известен как блестящий цивилист и профессор (с 1859 года) Московского университета, читавший курс гражданского судопроизводства. Выпускник Императорского училища правоведения, начавший службу в восьмом (московском) Департаменте Сената, первоначально он являлся горячим сторонником «либерального» курса императора Александра II. Его курс совпал с изданием Судебных установлений, что отразилось и на содержании его лекций. Слушавший их в первой половине 1860-х годов студентом, будущий знаменитый юрист и сенатор А. Ф. Кони вспоминал, что он выносил из лекций «ясное понимание задач и приемов истинного правосудия». «Мог ли я тогда думать, — восклицал Кони, — что через четверть века после этого тот же Победоносцев, к которому я вынес из Университета большую симпатию как к своему профессору, будет мне говорить с презрением „о той кухне, в которой готовились Судебные уставы“?! <...>».

Восклицание было вполне уместно: ведь не кто иной, как Победоносцев в 1859 году отправил в Лондон А. И. Герцену свою работу о министре юстиции графе В. Н. Панине, в которой подверг уничижающему разбору всю систему российского судопроизводства, попутно рассмотрев вопрос о гласности в судах, обуздании коррупции и самоуправстве чиновников, проблему малокомпетентности государственных служащих и безответственности должностных лиц империи^[20]. Герцен опубликовал «Графа Панина» в VII книжке сборника «Голоса из России», сочувственно встретив публикацию неизвестного ему автора (работа вышла анонимно). Впрочем, тайное рано или поздно становится явным: многие современники были прекрасно осведомлены об этой странице биографии обер-прокурора Святейшего синода.

В 1861 году именно *такой* Победоносцев начал читать законоведение цесаревичу Николаю Александровичу, с которым в 1863 году путешествовал по России. Он был в восторге от старшего сына Александра II, связывая с ним большие надежды. Ранняя смерть Николая Александровича повергла его в глубокую печаль. «На него была надежда, — писал он дочери поэта Тютчева Анне Федоровне, — и в каждом из нас, знавших его, эта надежда оживала тем более, чем темнее становился горизонт, чем сильнее стали напирать темные силы, чем безотраднее казалась обстановка судеб наших. На него была надежда — мы в нем видели противодействие, в нем искали другого полюса... И эту надежду Бог взял у нас. Что с нами будет? Да будет Его святая воля».

Профессорское будущее Победоносцева оказалось прочно связано с новым наследником, которому, впрочем, он и ранее читал лекции, но который, по словам российского историка Ю. В. Готье, до смерти старшего сына Александра II не являлся для него «предметом большого внимания и интереса». Постепенно отношения между учителем и новым наследником наладились. Но в это время учитель окончательно и навсегда перестал придерживаться прежних «либеральных» взглядов. Он «оправел». Что способствовало этому, какие события на это повлияли? Однозначного ответа не существует. Есть только предположения. Считается, что катализатором такой антилиберальной эволюции могло стать — как и для других русских интеллигентов — Польское восстание 1863 года, усилившее его скептицизм в отношении высших чиновников России, «не имеющих корней в быте общества»^[21].

Если это предположение принять за основу, то тем проще очертить дальнейшую социально-политическую трансформацию: ведь изменение политических настроений во второй половине 1860-х годов заметили многие современники. «Покушение Каракозова на жизнь императора Александра II 4 апреля 1866 года послужило поворотным пунктом для перехода нашей внутренней политики с пути преобразований на путь постепенно возрастающего недоверия к обществу, подозрительного отношения к молодому поколению и сомнения в целесообразности уже осуществленных реформ. Государь был не только напутан, но и глубоко огорчен совершенной неожиданностью покушения», — писал А. Ф. Кони. Среди тех, кто задумался о соотношении проводимых реформ и оплачиваемой за них цены, был и К. П. Победоносцев. Реформаторский пыл его постепенно остывал, на историческую судьбу России он начинал смотреть не через «европейские очки», а через призму идей православной государственности, мыслимой только в монархически-самодержавном

ключе. Эти взгляды профессор законовещения и стал внушать новому цесаревичу.

Так постепенно сформировался «другой Победоносцев», ославленный в дальнейшем как «консерватор и реакционер». Во второй половине 1860-х годов Победоносцев сблизился с великим князем Александром Александровичем, в то время лишь формировавшимся политически и идейно. В Победоносцеве наследник прежде всего ценил авторитет профессора, учителя. «Но, — по справедливому замечанию историка Ю. В. Готье, — авторитет учености еще не создает сердечной привязанности и доверия». Что же тогда создало эти привязанность и доверие? Ю. В. Готье обращает внимание на то, что Победоносцев был «большой церковник», что с учетом повышенной религиозности самого цесаревича, унаследовавшего от матери обостренное религиозное чувство (составлявшее отличительную черту Гессенского дома), создало почву для сближения. Замечание тем более любопытно, что Александра Федоровна, супруга Николая II, тоже была урожденной Гессенской принцессой! Впрочем, это замечание стоит запомнить на будущее: нам еще не раз придется говорить о религиозных взглядах последней императорской четы.

Сейчас интереснее вспомнить и о другой причине сближения цесаревича Александра Александровича и Победоносцева: симпатии обоих к славянофилам. Русский «по духу» (как он его понимал), цесаревич на многие вопросы внутренней политики приучался смотреть глазами Победоносцева, не уважавшего императора Александра II и считавшего его слабым правителем, проводившим «ненациональную политику». Взаимопониманию ученика и учителя содействовал и семейный разлад — сближение Александра II с княжной Е. М. Долгорукой и его явно «неблагочестивое» поведение. Оппозиционность Победоносцева, впрочем, никак не сказалась на его политической карьере: в 1868 году он стал сенатором, в 1872-м вошел в Государственный совет, получил чин тайного советника и стал обер-прокурором Святейшего синода.

Трагедия 1 марта 1881 года вознесла его на вершину власти: именно он составил знаменитый манифест 29 апреля, получивший «в публике» ироническое название «ананасного» из-за фразы: «*А на нас возложить священный долг самодержавного правления*» (курсив мой. — С. Ф.). В манифесте новый император заявлял, что «с верою в силу и истину самодержавной власти» будет ее «утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений», говорил о возвращении к «исконно русским началам». В тех условиях возвращение к «исконно русским началам» означало пересмотр основных реформ минувшего

царствования, блокирование подготовленного министром внутренних дел М. Т. Лорис-Меликовым проекта учреждения из представителей ведомств и приглашенных сведущих лиц административно-хозяйственной и финансовой комиссий, а также общей комиссии, в которой должны были рассматриваться документы подготовительных комиссий до внесения их в Государственный совет. Созыв этих комиссий Александр II считал первым шагом к конституции.

Отстаивая славянофильскую идею о народном характере самодержавия (но отрицая при этом особую роль земства в осуществлении единения царя с народом), Победоносцев начал свой поход во власть. В этом походе он полагал необходимым озаботиться и подготовкой нового наследника престола, которого вскоре ему пришлось учить законоведению. В условиях «нового курса» императора Александра III оберпрокурор Святейшего синода стремился с самого начала внушить цесаревичу Николаю мысль о том, что в принятии решений самодержец должен руководствоваться не политическими, а религиозными убеждениями. Через эту призму царь должен был смотреть, по убеждению своего наставника и педагога, и на свою власть, так как он принимает свои права Божией милостью своих предков. Таким образом, К. П. Победоносцев внушал будущему самодержцу простую и принципиальную, по его убеждению, мысль: «делить» свою власть или «делегировать» ее кому-то русский самодержец не может и не должен. Есть он — и его верные подданные. Иначе Россия существовать не способна, иначе — анархия и гибель. Усвоение этой мысли можно считать основным итогом политического воспитания Николая II, продолжавшегося в течение второй половины 1880-х годов.

Но было и еще одно обстоятельство, которое невозможно не учитывать, говоря о политическом воспитании Николая II. Если в конце 1860-х — в 1870-х годах Победоносцев формировался сам и формировал будущего Александра III в духе неприязни к решениям и поступкам Александра II, по сути, был оппонентом царя-освободителя, то в 1880-е годы он выступил в ином качестве — в качестве охранителя принципов, нашедших отражение в манифесте 29 апреля 1881 года. У Победоносцева — учителя наследника престола теперь, в 1880-е, новая роль, он решает задачу воспитания цесаревича не в противодействии принципам правления самодержца (как было в случае с Александром II), а в безусловном следовании традициям Александра III. Тем самым вольно или невольно Победоносцев закладывал основы политического инфантилизма наследника престола, не имевшего ни сил, ни желания критически

оценивать государственную деятельность державного родителя. Последствия этого сказались позже, когда цесаревич стал царем.

...Статус наследника престола изменился в 1884 году: тогда, 6 мая, прошла церемония его совершеннолетия. Цесаревич принял присягу и вступил на действительную службу: уже 7 мая он принял дипломатический корпус, приветствовавший будущего монарха — официального преемника монарха правящего. В день совершеннолетия великий князь стал кавалером сразу нескольких иностранных орденов: австрийского Святого Стефана, баварского Святого Губерта, бельгийского Леопольда, болгарского Святого Александра, Вюртембергской короны, греческого Спасителя, датского Слона, ордена Святого Гроба Господня — от иерусалимского патриарха, итальянского Аннунциады, германского Черного орла, Румынской звезды, французского Почетного легиона. Все это подтверждало официальный статус цесаревича в глазах иностранных держав, хотя это были не первые иностранные награды в его жизни: первый орден он получил в январе 1879 года — мекленбург-шверинский Вендской короны, затем, став наследником, 15 марта 1881 года получил Нидерландского льва и месяц спустя ольденбургский фамильный Заслуг герцога Петра-Фридриха-Людвига. В сентябре 1882 года великий князь стал кавалером японского ордена Восходящего солнца, а в день коронации отца — 15 мая 1883-го — кавалером орденов: баденского Верности, испанского Золотого руна, португальского Христа, саксен-веймарского Белого орла и шведского Серафимов. За четыре дня до совершеннолетия, 2 мая 1884 года цесаревич получил гессен-дармштадтский орден Людвига, 28 июля — турецкий орден Османие и портрет персидского шаха, а 19 сентября — и бразильский Южного креста.

Таким образом, к своим шестнадцати годам юный наследник стал настоящим орденосцем — в отличие от своего полного тезки и старшего брата отца, покойного цесаревича Николая Александровича, имевшего лишь полученные при крещении «обычные» для великих князей ордена — Святого апостола Андрея Первозванного, Святого Александра Невского, Белого орла и Святой Анны 1-й степени. Ответ на вопрос, почему у старшего сына Александра II к шестнадцати годам наград было меньше, чем у наследника Александра III, можно найти, вспомнив о внешнеполитическом положении Российской империи на момент совершеннолетия первого, то есть в 1859 году, вскоре после поражения России в Крымской войне; и на момент совершеннолетия второго, в 1884-м, достаточно благополучном для империи. Впрочем, важно не это: наследник Александра III с 1884 года официально стал привлекаться к исполнению

обязанностей наследника, выполняя различные почетные поручения и состоя (в качестве почетного члена) во всевозможных обществах (в том числе и в Императорском русском историческом, с чем уже 17 мая 1884 года его поздравил государственный секретарь А. А. Половцов).

Итак, с 1884 года начался новый этап в жизни наследника, он — «публичный человек». Совершеннолетие ознаменовалось и получением первого военного чина — поручика (30 августа 1884 года). Ровно через три года цесаревич стал штабс-капитаном. В июне — августе 1888 года он командовал ротой Его Величества лейбгвардии Преображенского полка, через два года получив под начало эскадрон лейбгвардии Гусарского полка. В апреле 1891-го его произвели в капитаны. За два года до смерти отца, в апреле — августе 1892 года великий князь проходил службу в 1-й Его Величества батарее Гвардейской конно-артиллерийской бригады, получив 6 августа 1892-го свой последний воинский чин — полковника. Со 2 января 1893 года Николай Александрович был командиром 1-го батальона лейбгвардии Преображенского полка. Склонность к военной службе у будущего монарха проявилась достаточно рано и целиком отвечала складу его характера. Военная служба была для него намного интересней гражданской. Жизнь гвардейских офицеров надолго стала его жизнью; он принимал участие в вечерах, которые устраивали однополчане, присутствовал на полковых обедах и увеселениях. Но это общество не могло способствовать его умственному развитию, будучи ограничено, по словам великого князя Александра Михайловича, типично офицерским кругом интересов: «лошади, балерины и примадонны французского театра». Генерал Н. А. Епанчин отмечал, что дело «было поставлено так, как будто бы цесаревича подготавливали к должности полкового командира». Поздние прозрения позволяют лучше понять ошибки прошлого, но не всегда дают ответ на вопрос: почему эти ошибки были совершены?

Конечно, морализирование по поводу кого бы то ни было — дело неблагодарное, и все же стоит заметить, что причину увлечения наследника офицерской жизнью можно усмотреть и в том, что Александр III удивительно мало занимался политическим воспитанием сына, не спешил вводить его в курс государственных дел. Даже введение наследника в Государственный совет (по достижении им 21 года) было оформлено с нарушением традиций, сложившихся в XIX веке: и Николай I, и Александр II собственноручно составляли соответствующие указы. Александр III не снизошел до этого — указ был написан писарем Государственной канцелярии и лишь подписан самодержцем. Цесаревича не учили, как он должен себя вести в Государственном совете, и, впервые прибыв на

заседание, записал 4 мая 1889 года в дневнике государственный секретарь А. А. Половцов, он «не нашелся никому ничего сказать, что несколько задело самолюбие старейших членов Совета». При этом будущего императора пытались окружить лестью, по любому поводу указывая на его особое предназначение. Так, 22 мая 1889 года Николай Александрович опоздал в Государственный совет, потому что присутствовал на панихиде по своей бабушке — императрице Марии Александровне. Извинившись за опоздание перед братом своего деда, великим князем Михаилом Николаевичем — председателем совета, он услышал в ответ: «„Ваше Императорское Высочество никогда не можете опоздать“. Стоя возле, — вспоминал А. А. Половцов, — я не могу воздержаться от восклицания: „Voila une theorie toute nouvelle!“^[22] (А цесаревич прибавляет: „Je croyais que l'exactitude était la politesse des rois“^[23]). Вот с каких лет и от каких лиц начинается нравственная путем подбострастия порча этого юноши, — резюмировал Половцов».

«Нравственная порча», впрочем, не была бы столь фатальной, если бы цесаревич, постепенно входя в курс государственных дел, научался ценить людей за их деловые качества. Но именно этого он и не сумел в себе воспитать. Первоначально Александр III установил, чтобы его наследник присутствовал при докладах министров и главноуправляющих, чтобы все, кто представлялся ему и императрице, имели право представляться и цесаревичу — без предварительной записи (если только он не был занят службой или учебой). Но этот порядок продержался совсем недолго и в 1890-е практически сошел на нет. В последние три года жизни отца деятельность цесаревича ограничивалась почти исключительно военной службой и посещением — один раз в неделю, по понедельникам, — заседаний Государственного совета. Причины происшедшего для современников были неясны, хотя они и осознавали всю пагубность отстранения будущего монарха от государственной деятельности.

Он оставался в тени своего отца и после того, как стал номинальным членом Государственного совета и Комитета министров: о его предпочтениях, политических симпатиях и антипатиях было известно крайне мало. Он не любил публичность и не стремился к достижению популярности любой ценой. Его вполне устраивало общество гвардейских офицеров, по-своему искреннее и честное. К тому же именно в войсках цесаревич впервые смог соприкоснуться с простым народом — с солдатами. Будучи в начале 1890-х годов сослуживцем Н. А. Епанчина, он неоднократно беседовал с ним о народном воспитании и образовании,

высказывая совершенно определенное убеждение в том, что Россия не нуждается в завоеваниях и что силы и средства необходимо направлять на внутренние дела, главным образом — на воспитание и образование народа. «Он скорбел душой о темноте народной», — много лет спустя писал Епанчин. Преодолеть скорби, увы, не удалось, как не удалось избежать внешнеполитических ошибок и преодолеть стремления к завоеваниям. История последнего царствования свидетельствует о нереализованных благих намерениях Николая II, да и, наверное, это было невозможно... Недостаток государственного опыта вряд ли можно было компенсировать знаниями, почерпнутыми в гвардейской среде, но то, что военная служба цесаревича способствовала укреплению представлений о прочной связи царя и народа, тоже не стоит игнорировать. У каждой медали — две стороны...

В те годы цесаревич, невысокого роста, без бороды, в дальнейшем ставшей отличительной чертой его внешнего облика, выглядел гораздо моложе своих лет. «Он не вырос, но несколько возмужал, — отмечал в конце 1886 года крупный чиновник Министерства иностранных дел граф В. Н. Ламздорф. — У него живой и умный взгляд, но несмотря на то, что ему уже 19-й год, он выглядит еще совсем ребенком». Конечно, то, что наследник молодо выглядел — интересный штрих к его ранней биографии, но и только. Что бы то ни было объяснять, судя лишь по его внешнему виду, было бы опрометчиво. Однако же факт остается фактом — даже К. П. Победоносцев, в то время учивший наследника законоведению и хваливший его способности, сетовал «на то, что его держат еще на положении ребенка, а в особенности на то, что ему не позволяют путешествовать. Последнее запрещение, — записал в дневнике А. А. Половцов 7 января 1887 года, — он приписывает императрице, которую считает довольно пустою».

Какой бы ни была Мария Федоровна, дело было не только в ее характере: даже путешествие (о котором речь впереди) не «исправило» старшего сына императора Александра III, и после путешествия он не стал политической «персоной», продолжая пребывать в странном для цесаревича положении гвардейского офицера. Устраивала ли его такая жизнь, без особых забот и волнений, под защитой отца-императора, в скорую смерть которого тогда трудно было поверить? Скорее всего, устраивала. Он радовался жизни, позволяя себе детские забавы и развлечения. Неслучайно его манеры (равно как и манеры других детей Александра III) порой вызывали нарекания воспитателей, ибо «не отличались тем изяществом, которое обращает на себя внимание у детей, за

которыми постоянно следили. Даже в присутствии своих родителей дети перебрасывались за столом шариками хлеба, если знали, что им удастся остаться не пойманными», — ссылаясь на мистера Хиса, вспоминал много лет спустя генерал А. А. Мосолов. Однако то, что посторонним казалось изъятиями воспитания, на самом деле было принятыми в царской семье шутками, инициированными самим венценосцем. Так, описывая высочайший обед, на котором присутствовал министр иностранных дел, граф Ламздорф упоминает и о «нарушении этикета»: «Вдруг государь начинает яростно бомбардировать цесаревича хлебными шариками», поясняя это тем, что «Его Величество имеет иногда обыкновение во время семейных обедов бросать ими в сидящих за столом и приговаривает: „а что“, „вот тебе“ и другие шутливые замечания». Получалось, что поведение наследника, как и его братьев, за столом определялось пристрастием к простым забавам самого императора.

Более показателен иной случай из жизни цесаревича, описанный в 1892 году государственным секретарем А. А. Половцовым: на вечере у графа Шереметева, куда приехали великий князь Александр Михайлович и дочь Александра III Ксения, присутствовал и Николай Александрович. «Время проводили в том, что резвились, бегали по дому и прятались, — записал Половцов в дневнике 27 января 1892 года и резюмировал: — Оригинальное препровождение времени для 24-летнего наследника престола!» Детские игры молодых людей удивили Половцова именно по причине их несоответствия возрасту развлекавшихся. Инфантилизм — непростительная роскошь для будущего монарха, и если он этого не понимает, тем хуже для него.

Было ли это результатом воспитания, за которым больше наблюдала императрица-мать, чем самодержавный отец? Кто знает. Но есть другой вопрос, который нельзя игнорировать: можно ли было такого юношу воспринимать в качестве политически зрелого, готового принять бразды правления огромным государством человека? Положительного ответа быть не может, — в силу целого ряда причин цесаревич так и не стал соратником отца по государственному управлению. Более того, он даже не получил от него генеральских эполет, — случай для XIX века уникальный! Ведь все державные предки наследника рано становились генералами: дед в 1841 году, перед свадьбой, незадолго до того, как ему исполнилось 23 года; его дядя Николай Александрович — в девятнадцатилетнем возрасте, Александр III — в апреле 1868-го, как и его отец, в 23 года. Очевидно, что Александру III «не пришло в голову дать своему сыну генеральский чин, который и он сам, и Александр II получили от своих отцов в качестве знака

равенства и, по внешней видимости, дружеских взаимоотношений между ними», — писал Р. С. Уортман. О «знаке равенства» говорить действительно было трудно — отношение к наследнику как к «взрослому ребенку» сохранялось у императора вплоть до последних месяцев жизни (может быть, это отчасти и объясняет его игру с детьми, включая старшего сына, в хлебные шарики?).

О том, что наследника воспринимали не слишком серьезно, свидетельствовало и то обстоятельство, что день его рождения торжественно праздновался в первый раз лишь в 1890 году. 6 мая при Александре III не был по-настоящему государственным днем: А. А. Половцов писал, что рождение цесаревича отмечалось в Гатчине при участии «ближайших» особ — и только. «Приватность» на государственном уровне — тоже своеобразное воспитание, далеко не всегда оправданное. В самом деле: что говорить о наследнике, если и на дни рождения императора и императрицы Государственный совет приглашался только с тех пор, как Половцов стал государственным секретарем «и мог устроить это в то время, когда вел. кн. Михаил Николаевич [председатель Государственного совета] еще пользовался кой-каким значением». Разумеется, это не означало, что в дни рождения «первых персон государства» (императора, императрицы, наследника) не совершались благодарственные молебствия, на которых должны были присутствовать первые и вторые чины двора, а также придворные кавалеры. Но торжественные богослужения в Исаакиевском соборе были неравнозначны официальным приемам в честь дня рождения монарха, его супруги или наследника, — ведь такой прием в самодержавном государстве рассматривался как событие не только семейное, но и политическое. В эпоху Александра III с данным обстоятельством далеко не всегда считались.

Какую роль в жизни человека играет случай? Вопрос столь же абстрактный, как и возможный на него ответ: все зависит от подробностей. Но безусловно, случай может полностью изменить жизнь человека, заставить по-другому взглянуть на себя и окружающий мир. Тем более если благодаря случаю человек остался жив, хотя по логике событий должен был погибнуть... Для семьи императора Александра III таким случаем стало крушение царского поезда, произошедшее на Курско-Харьковско-

Азовской железной дороге 17 октября 1888 года. В тот день погибнуть могли все — и сам самодержец, и его супруга, и их дети. Этот случай можно считать первым крупным переживанием в жизни молодого наследника престола. Императорский поезд, вышедший со станции Тарановка в полдень 17 октября, потерпел крушение на 277-й версте, недалеко от станции Борки — на насыпи, пролежавшей через глубокую балку. Семья царя в это время завтракала в вагоне-столовой вместе с лицами свиты.

Сообщая о случившемся, «Правительственный вестник» указывал, что этот вагон «хотя и остался на полотне [железной дороги], но в неузнаваемом виде: все основание с колесами выбросило, стенки сплюснулись, и только крыша, свернувшись на одну сторону, прикрыла находившихся в вагоне. Невозможно было представить, чтобы кто-либо мог уцелеть при таком разрушении». И все же царская семья практически не пострадала, отделавшись легкими ушибами и ссадинами. Но без жертв не обошлось: погибли 19 человек, 18 были ранены. Император не покинул места трагедии, пока всех раненых не перенесли в санитарный поезд, повелев перевезти останки погибших в Петербург и обеспечить их семьи. На ближайшей станции Лозовой сельское духовенство отслужило панихиду по погибшим и молебен по случаю избавления от опасности живых. Александр III приказал подать обед для всех находившихся в поезде, включая прислугу.

Такова канва тех трагических событий. Тогда еще трудно было говорить о причинах крушения, но правительство сразу же заявило: «О каком-либо злоумышлении в этом несчастном случае не может быть и речи». Последнее обстоятельство в высшей мере показательно и характерно: в условиях внутренней нестабильности необходимо было убедить народ, что случившееся 17 октября есть трагическая случайность, а не следствие злого умысла террористов (тем более что годом ранее, 1 марта 1887 года, были обезврежены члены «Террористической фракции партии „Народная воля“», готовившие покушение на Александра III). Однако слухи живут самостоятельной жизнью, влияя на восприятие случившегося современниками. В. П. Обнинский, например, в своей книге о Николае II ссылаясь на мнение прокурора петербургской судебной палаты Н. В. Муравьева, якобы не скрывавшего от близких людей, что крушение поезда было следствием террористического акта, и царскую семью спасло не чудо, а свинцовое дно вагона, удержавшее от сплющивания вагонные стенки. Повторяя слух, Обнинский безапелляционно заявлял, что «со времени крушения в Борках всякое

пребывание в вагоне должно было держать мысль Николая настороже. Второй раз нельзя было рассчитывать на чудо». Ссылка на прокурора — беспроигрышный ход, особенно с учетом того обстоятельства, что Н. В. Муравьев умер в 1908 году, то есть за несколько лет до выхода в Берлине книги Обнинского.

Слухи и сплетни интересны не сами по себе, а в связи с общей обстановкой в стране. Действительно, в первые минуты после крушения пошла молва о покушении на жизнь монарха и его семьи, появился сказ о каком-то исчезнувшем из поезда поваренке. Слух этот распространялся с подробностями: будто «крушение явилось результатом взрыва бомбы, которая была подложена в форму, в которой приготавлилось мороженое»^[24]. В начале XX века, в царствование императора Николая II, сказка получила новую жизнь — социально-психологическая обстановка тому вполне способствовала, особенно после террористических актов Первой российской революции. Но все это было впереди, а тогда, в 1888 году, расследовавшие катастрофу чиновники пришли к выводу, что никакого революционного замысла не было и в помине. С. Ю. Витте дал заключение, что виноваты центральное управление Министерства путей сообщения и инспектор императорских поездов. Царский поезд был прицеплен к товарному паровозу. От несвойственной для него большой скорости паровоз стал сильно качаться, в результате чего оказался выбитым рельс — и поезд упал под насыпь.

Случившееся не могло не повлиять на царя и его близких: ведь буквально на их глазах погиб лакей, подававший Александру III сливки (к гурьевской каше), погибла и лежавшая у ног государя собака. Также не спаслись четыре официанта, находившиеся в вагоне-столовой (за перегородкой). Иначе как Божьим Промыслом объяснить случившееся не мог ни сам государь, ни его близкие. Они решили следовать от места катастрофы в Москву, где 20 октября был устроен благодарственный молебен по случаю спасения: семья поклонилась Иверской иконе Божьей Матери, помолившись в Чудовом монастыре и в Успенском соборе Кремля. Только после этого император отбыл в Гатчину — не заезжая в Петербург. А 23 октября был обнародован высочайший манифест, в котором все подданные извещались о случившемся в Борках. «Промысл Божий, — говорилось в манифесте, — сохранив Нам жизнь, посвященную благу возлюбленного Отечества, да ниспошлет Нам и силу верно совершить до конца великое служение, к коему Мы волею Его призваны». О Промысле упоминалось в связи с горячими молитвами о самодержце, которые ежедневно возносили «тысячи тысяч верных сынов России», — тем самым

указывалось на существующую между монархом и его народом связь.

Как повлияло случившееся на двадцатилетнего наследника? Безусловно, катастрофа навсегда осталась в его памяти. Он, как и все другие, воспринимал спасение как явленное чудо. С тех пор все члены царской семьи имели образки Спасителя, специально изготовленные в память пережитой катастрофы. Безусловная надежда на помощь Всевышнего после событий 17 октября 1888 года лишь укрепилась. Ежегодно в Петербурге отмечалась годовщина «чудесного явления Промысла Божия над Русским Царем и всюю Его Семейей, при крушении императорского поезда близ ст. Борки». Столица украшалась флагами, иллюминировалась. Даже в октябре 1894 года, когда страна ежедневно читала бюллетени о стремительно ухудшавшемся здоровье императора Александра III, торжества хотя и по сокращенной программе, но все-таки состоялись. В столице в память об этом событии освятили часовню при церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы на Загородном проспекте.

Так Борки стали своеобразным символом явленной Божьей милости: позднее на месте крушения поезда была воздвигнута красивая часовня; при проезде государя в ней всегда служили молебн. Последний такой молебен в присутствии императора Николая II состоялся 19 апреля 1915 года, когда монархии оставалось жить менее двух лет... Трудно сказать, что цементирует веру, но, безусловно, в судьбе любого человека есть знаковые события, суммирующие все то, что он знал «теоретически». С тех пор Николай II на опыте познал, что такое Божья милость. Дальнейшие события жизни последнего царя лишь укрепили это знание...

Жизнь продолжалась, продолжалось и обучение наследника. Традиционно итогом этого обучения должно было стать большое путешествие — для ознакомления с собственной страной и со странами мира. Несмотря на то что императрица-мать первоначально не поддерживала эту идею, вопрос был решен в пользу путешествия. За несколько дней до того, как цесаревич отправился в дальние страны, граф С. Д. Шереметев случайно столкнулся в коридорах гатчинского дворца с его воспитателем Хисом. Граф сказал ему, что для наследника на первом плане должна быть Россия. На это англичанин ответил, что «считает эту поездку началом последующих поездок по России; говорил о своем разговоре с цесаревичем, что он советовал ему не ограничиваться

внешностью и официальнойностью, и в Сибири старался бы вникнуть глубже, что цесаревич сам этого желает». Получение наследником таких советов от англичанина — само по себе показательно (неслучайно Шереметев, называя Хиса человеком хорошим, сожалел, что воспитателем цесаревича был иностранец). Но дело не только в этом. Как не ограничиться «внешностью и официальнойностью», Хис, да и сам Николай Александрович представляли плохо; к тому же поездка по России предполагалась на заключительной стадии путешествия. Из иностранных государств последней в списке была Япония. Как вспоминал С. Ю. Витте, мысль отправить цесаревича на Дальний Восток «явилась у императора Александра III». Витте считал, что это путешествие наложило «на будущего императора известную тенденцию, которая фатально отразилась на всем его царствовании».

Великий князь и сопровождавшие его лица отбыли из Гатчины 23 октября 1890 года и вернулись в Петербург 4 августа 1891-го. Таким образом, путешествие продолжалось более девяти месяцев. Его план составлял воспитатель цесаревича генерал Г. Г. Данилович, которому помогали адмирал И. А. Шестаков, географ А. И. Воейков и капитан 1-го ранга Н. Н. Ломен, впоследствии исполнявший обязанности командира фрегата «Память Азова» (фрегат входил в эскадру цесаревича — вместе с двумя другими кораблями: «Владимиром Мономахом» и «Адмиралом Корниловым»). Рядом с цесаревичем в течение всего путешествия находились пять человек: главный руководитель путешествия генерал-майор Свиты князь В. А. Барятинский, флигель-адъютант князь Н. Д. Оболенский, князь В. С. Кочубей, Е. Н. Волков и князь Э. Э. Ухтомский. За границей к свите цесаревича присоединялись акварелист Н. Н. Гриценко (в Триесте), военно-морской врач В. К. фон Рамбах (в Каире) и флаг-капитан контр-адмирал В. Г. Басаргин (в Сибири).

Как могли влиять на цесаревича эти люди, могли ли они быть полезны для целей политического воспитания будущего наследника престола? Скорее всего, не могли, прежде всего потому, что сами не были государственными деятелями. Руководитель путешествия князь Барятинский воспринимался современниками как «недурной, но вполне ничтожный человек». Все другие сопровождающие были молодыми людьми и «уже по самому своему положению не могли представлять собою никакого авторитета»^[25]. Один из этих молодых людей — князь Ухтомский — вел дневник, который лег в основу его сочинения о путешествии. Цензурировал сочинение сам наследник. Но все это случилось позднее, а тогда, в конце октября 1890 года, будущее представлялось лишь в самых

общих чертах.

Первоначально путь лежал в Австро-Венгрию, оттуда в Триест, где путешественники пересели на фрегат «Память Азова». В Триесте к ним присоединился младший брат цесаревича — великий князь Георгий Александрович. Затем путешественники отправились в Грецию. «Повеселившись две недели в семейном кругу в Афинах, ничего не осмотрев в Греции, — записал в дневнике 12 ноября 1890 года хорошо информированный граф Ламздорф, — [высокие путешественники] взяли с собой принца Георга, сына Их Эллинских Величеств, моряка, как говорят, очень высокого, красивого и необыкновенно веселого. Таким образом, с точки зрения представительности, это невыгодно для наших великих князей, особенно для наследника, который мал ростом, некрасив и невеличествен». Вместе с Георгом Греческим, правнуком императора Николая I, путешественники приплыли в Египет, посетили Каир и его окрестности, дошли до порогов Нила, видели Суэцкий канал и Красное море. Обострившийся туберкулез не позволил великому князю Георгию Александровичу следовать далее — и другие страны Николай Александрович посетил уже без брата.

Его путь лежал в Индию, где он повидал Бомбей, Дели, проплыл по Гангу, посетил Калькутту и Мадрас, а на Цейлоне встретился с великими князьями Александром и Сергеем Михайловичами, охотившимися на слонов. Их времяпрепровождение вызвало добрую зависть цесаревича: по словам Александра Михайловича, он не находил никакого удовольствия путешествовать на борту военного крейсера, шедшего под брөйд-вымпелом наследника цесаревича. «Моя поездка бессмысленна, — с горечью говорил Николай Александрович, — дворцы и генералы одинаковы во всем мире, а это единственное, что мне показывают. Я с одинаковым успехом мог бы остаться дома».

Если все обстояло так, как передал Александр Михайлович, можно сделать вывод, что цесаревич ясно понимал — его путешествие во многом «формально», репрезентативно — и не более того. И тем не менее любой опыт — это опыт. Цесаревич увидел земли, в которых до него не был ни один повелитель России. Он посетил Сингапур и остров Яву, проехал по улицам Бангкока, Гонконга и Кантона. Наследник престола крупнейшей православной державы мира посещал храмы Востока (в том числе и кришнаитские). «Всякий раз, что я вижу храм, в котором соблюдается благолепие, порядок и почитание, также как у нас, то при входе у меня невольно является то же религиозное настроение, как если бы я находился в христианской церкви!» — записывал он в дневнике. Великому князю

понравились яркие буддийские храмы Сиама, чем-то напомнившие ему храм Василия Блаженного в Москве^[26]. Способность чувствовать иную культуру как свою исключительно важно для того, кто в будущем станет «Белым царем», то есть царем для всех подданных, вне зависимости от вероисповедания.

...Наконец, 27 апреля цесаревич прибыл в Японию, посетил города Хиросиму (Кагосиму) и Нагасаки. В Нагасаки он встречался с русскими морскими офицерами, успевшими вдали от Родины обзавестись японскими «женами» (в то время в Японии были приняты «брачные контракты» на определенный срок). По легенде, Николай Александрович захотел обзавестись такой «женой», но исполнению его желания помешала наступившая Страстная неделя. В городе он покупал сувениры и даже познакомился с мастерами татуировок. Интерес к татуировкам, которыми в Японии клеймили преступников и которыми пользовались только представители низших классов, не был случайным. Получивший «английское воспитание», цесаревич не мог не знать о распространившейся со второй половины XIX века в британских аристократических кругах моде на «тату».

Краткая история этой своеобразной моды такова. Начиная с первого плавания капитана Кука (1769), в британском военном флоте существовала традиция татуировки, которая укрепилась после того, как сын королевы Виктории, будущий король Эдуард VII, посетив Святую землю в 1862 году, сделал на руке татуировку Иерусалимского Креста. В дальнейшем его тело украсили еще несколько татуировок. Когда его сыновья, Альберт и Георг (впоследствии король Георг V), побывали в начале 1880-х в Японии, их гувернер, по распоряжению Эдуарда VII, отвел принцев в студию знаменитого художника Хори Чио, который вытатуировал драконов на их руках. На пути домой Альберт и Георг посетили Иерусалим и сделали татуировки у того же художника, что и их отец 20 лет назад. По примеру членов королевской семьи многие богатые англичане и морские офицеры стали делать татуировки у японских мастеров. Таким образом, «английский свет пал жертвой того обстоятельства, что принц Уэльский сделал себе татуировку. Как стадо овец, они последовали за пастухом»^[27].

Очевидно, что и русский цесаревич в своем стремлении обзавестись татуировкой следовал примеру своих английских родственников. На фрегат «Память Азова» доставили двух японских мастеров. Один сделал татуировку Николаю Александровичу, а второй — его двоюродному брату Георгу Греческому. Так у будущего русского монарха на правой руке

появилось изображение дракона — с черным телом, желтыми рожками, красным брюхом и зелеными лапами. Сведения о татуировании цесаревича, несмотря на секретность визита мастеров, все-таки просочились в японскую печать. Вскоре после Пасхи, пришедшейся в 1891 году на 22 апреля / 4 мая, Николай Александрович специально посетил Нагасаки как представитель русского самодержца. Он побывал на выставке керамики, увидел синтоистское святилище Сува и принял участие в застольях. «Ночью официальная программа пребывания сменилась неофициальной. Вместе с Георгом они посетили ресторан „Волга“, где его хозяйка предложила на втором этаже развлечься с двумя девушками». На корабль братья возвратились лишь в четыре часа утра^[28].

Путешествие, как видим, было веселым и беззаботным. А ведь еще 21 ноября 1890 года русский посланник в Токио направил в Петербург депешу, в которой говорилось о враждебных демонстрациях японских студентов, бросавших камни в беседку сада императорской миссии, где у супруги посланника собрались дамы, желавшие посмотреть на процессию, проходившую по случаю открытия японского парламента. Узнав об этом, Александр III написал на полях депеши: «Подобные неприязненные действия против иностранцев меня немного беспокоят в случае посещения цесаревичем Японии». По мнению графа В. Н. Ламздорфа, эти слова свидетельствовали «о колебании, подтверждающем слухи о возможности досрочного возвращения (цесаревича. — С. Ф.) вследствие болезни великого князя Георгия».

Слухи не подтвердились, и, как уже говорилось, Николай Александрович в конце апреля 1891 года прибыл в Японию. А 30 апреля вечером Министерство иностранных дел Российской империи получило от русского посланника телеграмму о покушении на жизнь наследника русского престола. Два часа спустя, в 22.30 МИД передал телеграмму в Гатчину — Александру III. «Киото, 29 апреля/11 мая 1891 г. Сегодня на улице, в г. Отсу, полицейский нижний чин бросился на цесаревича и ударил его саблей по голове. Рана до кости, но, по словам наших докторов, благодаря Бога, неопасна. Его Высочество весел и чувствует себя хорошо. Хочет продолжать путешествие, привел всех в восторг своим хладнокровием. Японцы в совершенном отчаянии. Князь Барятинский доносит подробно. Я выразил по телеграфу министру иностранных дел мое негодование»^[29].

По словам С. Ю. Витте, случившееся сильно подействовало на императора и на наследника, вызвав в душе цесаревича отрицательное

отношение к Японии и к японцам. «Поэтому понятно, что император Николай, когда вступил на престол, не мог относиться к японцам особенно доброжелательно, и когда явились лица, которые начали представлять Японию и японцев как нацию крайне антипатичную, ничтожную и слабую, то этот взгляд на Японию с особою легкостью воспринимался императором, а поэтому император всегда относился к японцам презрительно». Может быть, так все и было — частные случаи всегда влияют на восприятие человека, формируя его «общий взгляд» (тем более если цена такого частного случая — жизнь или смерть). В истории цесаревича удар японского полицейского был именно таким случаем.

Наследник ехал в ручной коляске, которую вез один возница, два других «толкача» подталкивали джинрикшу с обеих сторон сзади. Следом ехали принц Георг Греческий и другие лица свиты. Покушавшийся (Тсуда Санцо, или Сандзо) стоял в оцеплении, охраняя безопасность проезжавших. Когда коляска цесаревича поравнялась с ним, Тсуда Санцо выскочил из своего ряда и, обнажив саблю, нанес справа сзади (между джинрикшей и правым возницей) удар по голове цесаревича. Испытав силу первого удара и увидев, что полицейский намеревается нанести второй удар, Николай Александрович выскочил из коляски и побежал. Положение спас Георг Греческий, выскочивший из своей джинрикши и ударивший полицейского бамбуковой тростью. Возница наследника повалил покушавшегося, а возница принца Георга, схватив саблю, ударил его по шее и спине. Все это произошло за несколько секунд.

Придя в себя, цесаревич попытался успокоить присутствовавших (прежде всего представителей микадо), заявив: «Это ничего, только бы японцы не подумали, что это происшествие может чем-либо изменить мои чувства к ним и признательность мою за их радушие!»^[30] Однако каково на самом деле было отношение цесаревича к произошедшему, показали ближайшие события. Уже 30 апреля из Токио в Киото прибыл микадо, но встретиться с сыном русского царя не смог — цесаревич принял его лишь утром следующего дня у себя в спальне. Свидание продолжалось 20 минут. Подобный прием был не чем иным, как унижением японского монарха. Вскоре великий князь по железной дороге переехал из Киото в Кобе и 1 мая «в полном здравии и спокойствии» окончательно устроился на фрегате. Намеченное путешествие в Токио отменили. Император Александр III и Министерство иностранных дел решили прекратить путешествие наследника по Стране восходящего солнца. Это было вполне прогнозируемо: в России страх перед террористами был подобен заразной болезни: директор Департамента полиции П. Н. Дурново, например,

полагал, что покусившийся на наследника — нигилист, и уверял, «что ежедневно получает страшные угрозы относительно покушений на жизнь государя»^[31].

Японские власти искренне стремились загладить свою вину, микадо почти ежедневно сообщал в Петербург о здоровье наследника престола, но ничего нельзя было изменить. Российский посланник Д. Е. Шевич в телеграмме от 2 мая советовал отказаться от путешествия, предлагая вернуться во Владивосток. «Вследствие того, что торжественность и овационный до сих пор характер приема здесь цесаревича вызвали, по видимому, ныне негодование со стороны фанатиков патриотизма, я считаю дальнейшее пребывание Его Высочества в Японии небезопасным. К тому же сам цесаревич расположен, кажется, через несколько дней отбыть во Владивосток». Получалось, что сказанные наследником сразу после покушения слова о признательности японцам за их радушие были только словами, он не хотел оставаться в стране, где чуть было не погиб.

Седьмого мая цесаревич отбыл на Родину, перед тем приняв на борту японского императора и выразив ему официальное сожаление в связи с невозможностью посетить Токио и представиться императрице. Этикет, насколько было возможно, не нарушили, хотя факт приезда микадо на борт «Памяти Азова», к цесаревичу, являлся сильным ударом по самолюбию японского правителя. На фрегате за день до отплытия во Владивосток впервые вдали от Родины цесаревич отметил свой день рождения (торжественно отпразднованный, как уже говорилось, в его отсутствие в Гатчине).

Дело о покушении с отъездом цесаревича не закончилось: в России надеялись, что Тсуда Санцо будет приговорен к смертной казни. Однако этого не произошло: в том же мае 1891 года бывшего полицейского приговорили к пожизненной каторге, что являлось высшей мерой наказания за покушение на частное лицо. Смертный приговор мог быть вынесен лишь в том случае, если бы покушавшийся попытался убить кого-либо из членов японской императорской семьи. Русский посланник остался неудовлетворен приговором, хотя и отдавал себе отчет в том, что казнь полицейского «способствовала бы крайнему возбуждению фанатизма»^[32]. Впрочем, в заключении Тсуда Санцо прожил всего несколько месяцев, уже 30 сентября 1891 года он скончался. По официальной версии, бывший полицейский умер от пневмонии, по неофициальной — уморил себя голодом. В Японии имя преступника было проклято — сход деревни Канаёма префектуры Ямагата, родины Санцо, запретил называть его

именем детей; родственники полицейского превратились в изгоев. Предлагали даже переименовать город Отсу, ибо его имя было опозорено. Горюя о том, что русский цесаревич отказался посетить. Токио, одна женщина даже заколола себя кинжалом перед зданием мэрии Киото. И все-таки нанесенная в Японии обида навсегда осталась в памяти Николая Александровича. Увы!

Непонимание всегда рождает непонимание, способствуя росту отчужденности и недоверия — как между отдельными людьми, так и между странами. Покушение на цесаревича стало яркой иллюстрацией этой старой истины. Но важнее, думается, иное: за короткий отрезок времени старший сын русского императора второй раз избежал смерти. Промысел! Случившееся вызвало появление на свет патриотических стихов, в которых обыгрывались события в Борках и Отсу. Среди тех, кто написал об этом, был и замечательный русский поэт Аполлон Майков:

Царственный юноша, дважды спасенный!
Явлен двукраты Руси умиленной
Божия Промысла щит над Тобой!

Вихрем промчалась весть громовая,
Скрытое пламя в сердцах подымая
В общем порыве к молитве святой!

С этой молитвой — всей русской землей,
Всеми сердцами Ты глубже усвоен...
Шествуй же в путь свой и бодр, и спокоен,
Чист перед Богом и светел душой!

Патетические призывы и заявления психологически вполне объяснимы, но хочется обратить внимание на мысль о Промысле. Она и показательна, и поучительна. Неслучайно князь Э. Э. Ухтомский — спутник наследника, описывавший его путешествие на Восток, особо подчеркивал религиозный смысл чудесного спасения цесаревича в Японии, не забыв также напомнить, что в самом начале путешествия заболел второй сын Александра III — Георгий. «Последний же случай, — вспоминал князь Ухтомский покушение на цесаревича, — переполнял чашу испытаний и производил буквально ошеломляющее впечатление... Тут-то чувство веры и просилось наружу, ища слов для выражения благодарности Всевышнему!

В такой момент само собой творилась и повторялась молитва, сложенная на Святой Руси после ухода „Азова“ в далекие моря с царскими сыновьями». Молитва о благополучном путешествии Николая и Георгия Александровичей действительно была составлена членами Святейшего синода — для чтения в храмах империи.

Составление такого рода молитв в Российской империи не являлось чем-то необычным. Иное дело — отношение к этому представителей царской семьи. «Мой массажист, человек простого происхождения, не хочет верить, чтобы Двор был вчера вечером в театре, — записал 6 декабря 1890 года в дневнике граф Ламздорф. — „Не по-православному, — говорит он, — накануне Николина дня торжественная всенощная, и все театры заперты“. Святейший Синод установил недавно специальные молитвы о благополучном путешествии наследника цесаревича, которые должны читаться на всех службах, а накануне дня его ангела и покровителя России, в то время как церкви наполняются молящимися за всенощной народом, Их Величества с августейшим семейством и ближайшими к ним лицами заставляют открыть театр, чтобы присутствовать при генеральной репетиции оперы Чайковского „Пиковая дама“». Придворная жизнь имела свои законы. О молитве вспомнили только после апрельского инцидента 1891 года, что в своей книге и отразил Э. Э. Ухтомский.

Но дело было конечно же не только в молитве: чиновники Министерства иностранных дел и император прекрасно знали, что отношение к иностранцам в Японии не всегда лояльно, и что, следовательно, к идее о путешествии в Страну восходящего солнца следует отнестись со всей серьезностью. Предупреждения о возможной опасности так и не были реализованы на практике... А разночинная русская интеллигенция, узнав о покушении, откликнулась распространением сатирического стихотворения, написанного московским репортером В. А. Гиляровским:

Приключением в Отсу
Опечален царь с царицею.
Тяжело читать отцу,
Что сынок побит полиц[и]ею.
Цесаревич Николай,
Если царствовать придется,
Никогда не забывай,
Что полиция дерется.

Со временем история покушения обросла мифами и легендами, навсегда оставшись в памяти русского народа благодаря странной фразе — «японский городской», которую сегодня, как правило, уже никто не связывает с событиями в городе Отсу^[33].

Так завершилось путешествие «неутомимо-любопытного первенца Белого Царя по экзотическим краям». Что бы ни говорили (например, об ошибочности решения Александра III отправить цесаревича на Восток), но в русской истории это была первая поездка сына императора в отдаленные от России страны мира. Более того, на то время и в мировой истории путешествий высочайших особ плавание Николая Александровича не имело аналогов. Современники считали, что круиз важен «особенно потому, что его последствия пока еще неопределимы»^[34]. И точно, они не ошиблись. Правда, никто не мог тогда сказать, что последствия эти будут для империи трагичными, но предсказания вообще дело неблагодарное, особенно если они касаются политики. Увидеть нечто отличное от того, к чему привык и что представляется нормальным, важно для любого человека, тем более для будущего руководителя крупнейшей державы мира. Однако насколько и как увиденное будет усвоено — не может сказать никто. Только время все расставляет на свои места, позволяя потомкам суммировать полученные историей результаты и говорить о влиянии тех или иных событий на ход политических дел. Но историк не имеет права забегать вперед, пытаясь восстановить основные этапы жизни своего героя. Не будем спешить и мы.

...Одиннадцатого мая утром наследник прибыл во Владивосток, где принял участие в закладке Уссурийского участка Великого Сибирского рельсового пути. Это событие было предрешено рескриптом Александра III, поручившего своему сыну принять символическое участие в столь важном для империи деле. Выполнив возложенное на него поручение, великий князь отправился в путешествие по внутренним губерниям империи — проехал Забайкалье, Иркутский район, Енисейскую, Томскую, Тобольскую губернии, побывал в районе Степного генерал-губернаторства и в Оренбуржье и через Урал вернулся в Европейскую Россию. В начале августа 1891 года он прибыл в Петербург, где и встретился с родителями. Видевшие его в то время говорили, что наследник прекрасно выглядит, производит впечатление очень приличного молодого человека, умеет поддерживать свое положение, притом не придавая себе слишком большой важности.

За время путешествия цесаревич изменился и внешне — очевидно,

«для солидности» он отпустил усы и бакенбарды («прежде его лицо было миловидное, а теперь он бурсаком смотрит», — сказал по этому поводу министр иностранных дел Н. К. Гирс). Возвращение Николая Александровича заставило вновь вспомнить о его «чудесном спасении» — 30 августа император наградил Георга Греческого золотой медалью «За спасение погибавших» для ношения на владимирской ленте. Тем самым принц был официально признан спасителем наследника русского престола. Трость принца затребовали в Петербург, украсили драгоценными камнями и отправили назад — в Афины. Отблагодарили и двух рикш, принимавших участие в спасении цесаревича: Россия назначила им огромную пожизненную пенсию в тысячу иен (что тогда соответствовало годовому жалованью члена парламента); их также наградили орденом Святой Анны. Впоследствии в Петербурге на Гутуевском острове в память спасения цесаревича была воздвигнута церковь Богоявления (закладка состоялась ровно через год после покушения, а освящение — в 1899 году). Так мысль о Промысле Божиим нашла явное подтверждение и выражение в храмовом зодчестве!

Однако политические события в жизни человека — это события внешние, а более всего во все времена обыватели любят обсуждать то, что скрыто от взоров официальных комментаторов, — жизнь личную. В начале 1890-х годов цесаревич впервые влюбился, и долгое путешествие никак не повлияло на крепость его чувств. Неслучайно уже в начале августа оказавшись в Красном Селе под Петербургом (где летом проходили военные сборы), после почти годовой разлуки с семьей великий князь вечером *один* отправился в театр. Граф Ламздорф увидел в этом проявление бессердечия молодого наследника. Но он ошибался. В Красносельский театр Николай Александрович пришел, чтобы увидиться с юной балериной Матильдой Кшесинской. Много лет спустя она напишет об августовской встрече с наследником: «В тот же вечер (приезда. — С. Ф.) он был в театре, и я его увидела впервые после путешествия. Я была счастлива, но это счастье длилось недолго. Вскоре он уехал с родителями в Данию и вернулся в Петербург лишь к концу года». Но роман не закончился, о нем почти открыто говорили в великосветских салонах столицы.

Их знакомство произошло весной 1890 года. 23 марта в присутствии царской семьи в балетной школе состоялся выпускной экзамен, на котором Александр III обратился к начинающей танцовщице со словами: «Будьте украшением и славою нашего балета». Затем был ужин, на котором Кшесинская сидела рядом с наследником. Царь, улыбаясь, сказал им: «Смотрите, только не флиртуйте слишком». Все было трогательно и

наивно. На склоне лет Матильда Феликсовна вспоминала, что она сразу влюбилась в наследника и, прощаясь с ним после ужина, смотрела на него (как и он на нее) не так, как при встрече: «В его душу, как и в мою, уже вкралось чувство влечения, хоть мы и не отдавали себе в этом отчета». То было первое романтическое чувство в жизни будущего императора, чувство, которое он сохранил, даже женившись и став примерным семьянином. Грязные слухи, как паутина, окутали историю этого романа, который преподносили в качестве очередного «доказательства» слабости Николая II. Ф. А. Головин, например, вспоминая сплетни о его связи с балериной Кшесинской, не забыл и «утку» о том, «что связь эта была подготовлена по желанию Александра III как лекарство от дурной привычки, которою страдал Николай». Что делать! Желание доказать, что тот, кого ты не любишь, не имеет ни одного положительного качества, — старо как мир. Часто сплетня становится самодовлеющим психологическим фактором, формируя желаемый для ее распространителя отрицательный образ исторического деятеля, в нашем случае — образ последнего русского самодержца. Влиянию современников порой поддаются исследователи и, схематизируя обыкновенную любовную историю, «роман», пишут о «санкционированном своеволии», еще одном, по словам Р. С. Уортмана, ритуале «инициации для взрослеющего молодого человека»! Получается сложный разговор о простых человеческих чувствах.

...Первоначально встречи великого князя и балерины были случайными. Но чем дальше, тем больше разгорались их чувства. Будучи летом в Красном Селе, наследник часто приходил на представления, находя время для разговора с Кшесинской. О его чувствах можно судить по дневнику за 1890 год.

«10 июля, вторник: Был в театре, ходил на сцену.

17 июля, вторник: Кшесинская 2-я мне положительно очень нравится.

30 июля, понедельник: Разговаривал с маленькой Кшесинской через окно.

31 июля, вторник: После закуски в последний раз заехал в милый Красносельский театр. Простился с Кшесинской.

1 августа, среда: В 12 часов было освящение штандартов. Стояние у театра дразнило воспоминания».

Дальнейшее известно: вскоре наследник уехал на Восток. По возвращении его встречи с Кшесинской возобновились. Они вместе совершали прогулки по городу. Во время одной из таких прогулок балерина простудилась (на глазу вскочил фурункул), и Николай приехал ее навестить.

Он стал для нее просто Ники. С тех пор встречи приняли регулярный характер: он приезжал к своей возлюбленной по вечерам. Навещать балерину стали и другие члены дома Романовых — Георгий, Александр, Сергей Михайловичи. Последний годы спустя стал ее гражданским мужем... Наследник привозил подарки, которые «Маля» Кшесинская, дабы его не огорчать (как она сама писала) — принимала. Постепенно их роман оброс странными подробностями, в которых правда соседствовала с выдумками. Известный столичный издатель и меценат, «петербургский король Лир» А. С. Суворин писал в дневнике, что их встречи происходят на квартире ее родителей, «которые устраниются и притворяются, что ничего не знают». 8 февраля 1893 года Суворин отметил в дневнике, что цесаревич не нанимает своей пассивной квартиры «и ругает родителя, который держит ее ребенком, хотя 25 лет. Очень неразговорчив, вообще сер, пьет коньяк и сидит у Кшесинской по пять-шесть часов, так что очень скучает и жалуется на скуку».

Сплетня рождает сплетню, слух — слух. Не прошло и двух недель после того, как Суворин занес в дневник информацию о связи наследника и Кшесинской, а его родственник — некий А. П. Коломнин в беседе с хозяйкой «правого» салона А. В. Богданович, перепутав возраст балерины и подчеркнув, что она «не красивая, не грациозная, но миловидная, очень живая, вертлявая», заявил, что цесаревич упросил отца «два года не жениться». А. В. Богданович, в свою очередь, не замедлила занести его слова в свой дневник. Высокопоставленный Петербург гудел как растревоженный улей, истории множились и передавались из уст в уста. Убежденный в необходимости скорейшей женитьбы цесаревича, член военно-учебного комитета Главного штаба Г. И. Бобриков рассказывал своей confidentке А. В. Богданович, будто Николай писал Кшесинской о том, что скоро закончит поститься («говеть») «и тогда с ней „заживут генералами“», что «Кшесинская очень заважничала с тех пор, как находится для *les bonnes grâces*» [особых милостей]. Все эти рассказы, очевидно, не способствовали укреплению популярности наследника престола, который представал в них человеком, не соответствующим своему высокому положению. Вопрос о женитьбе на М. Кшесинской, разумеется, и не поднимался. Создавалось странное положение, которое необходимо было скорейшим образом исправить. Понимал это и сам великий князь.

«В один из вечеров, когда наследник засиделся у меня почти что до утра, — вспоминала М. Ф. Кшесинская, — он мне сказал, что уезжает за границу для свидания с принцессой Алисой Гессенской, с которой его

хотят сватать. Впоследствии мы не раз говорили о неизбежности его брака и о неизбежности нашей разлуки. Часто наследник привозил с собой свои дневники, которые он вел изо дня в день, и читал мне те места, где он писал о своих переживаниях, о своих чувствах ко мне, о тех, которые он питает к принцессе Алисе. Мною он был очень увлечен, ему нравилась обстановка наших встреч, и меня он, безусловно, горячо любил. Вначале он относился к принцессе как-то безразлично, к помолвке и к браку — как к неизбежной необходимости. Но от меня не скрыл затем, что из всех тех, кого ему прочили в невесты, он ее считал наиболее подходящей, и что к ней его влекло все больше и больше, что она будет его избранницей, если на то последует родительское разрешение».

Сейчас трудно сказать, как все было на самом деле — ведь Кшесинская, подчеркнув безусловную любовь к ней цесаревича, лишь изложила общеизвестную версию. Но общеизвестная не значит неверная. Вопрос о женитьбе старшего сына на Алисе Гессенской давно волновал императора, не сразу решившегося дать свое согласие. Брак наследника — событие политическое, любовь не может рассматриваться как основное условие для его заключения.

О возможности брака наследника русского престола и принцессы Алисы заговорили еще в конце 1888 года. Английские газеты много писали тогда о предстоящем визите в Россию великого герцога Гессенского и его младшей дочери, внучки королевы Виктории, о том, что этот брак станет залогом сближения России и Англии. Для русского Министерства иностранных дел подобные утверждения иностранной прессы были важным политическим симптомом, требовавшим внимания и изучения. Тем более что дядя наследника престола, брат императора Александра III великий князь Сергей Александрович был женат на старшей сестре Алисы и очень содействовал развитию матримониальных планов, предполагавших женитьбу племянника на принцессе Гессенского дома. В начале января 1889 года министр иностранных дел Н. К. Гирс доложил Александру III о проектах и предположениях, рассматриваемых в английских газетах. Император удивился: «Об этом я в первый раз слышу; вел[икий] герцог, действительно, собирается сюда с дочерью постом, но о свадьбе я не думал»^[35].

Прожекты оказались преждевременными. Но только в той части, что касались принцессы Алисы. Затем речь зашла о принцессе Прусской, младшей сестре императора Вильгельма II. Вопрос о браке с представительницей дома Гогенцоллернов в то время рассматривался всерьез. В ноябре 1888 года, когда цесаревич приезжал в Берлин, на ужине

у русского посла графа П. А. Шувалова Вильгельм II громко сказал, что очень желал бы этого союза. Великий князь заявленного не слышал, но супруга графа слова Вильгельма ему передала. Александр III в принципе ничего не имел против этого брака, его пугала болезнь отца германского кайзера — императора Фридриха, умершего от рака. «Я навел справки, — объяснил Александр III своему министру иностранных дел, — император [Вильгельм] сам болен и, может быть, кровь всего семейства заражена, а это было бы ужасно; и потом вообще для Никса мне больно и тяжело подумать о браке единственно с политической точки зрения»^[36].

Так сугубый политический расчет был отвергнут: император показал себя заботливым отцом в не меньшей степени, чем прагматически настроенным государем. Но ответа на вопрос: что делать с женитьбой цесаревича, так и не было. Н. К. Гирс дипломатично отложил его на неопределенное будущее, признав сложность выбора решения для императора-отца, с одной стороны, желавшего счастья любимому сыну, а с другой — вынужденного учитывать интересы России. «Тут решение слишком трудно, — говорил Гирс, — и лучше предоставить его Провидению, которое внушит Николаю Александровичу самый подходящий выбор»^[37]. Здесь мы снова сталкиваемся с идеей Провидения (или Промысла): в нашем случае именно оно и должно было внушить цесаревичу, кто достоин стать его невестой! Хотя министр иностранных дел уже тогда высказывал предположение, что женой наследника русского престола станет именно Алиса Гессенская.

На состоявшемся в конце января 1889 года придворном балу за молодой принцессой наблюдали сотни глаз: ее сравнивали со старшей сестрой — супругой великого князя Сергея Александровича, говорили, что она «в жанре своей сестры, но не красива, лицо красно даже под бровями», ее походку называли неграциозной, а фигуру слишком выдающейся вперед. Обратили внимание и на то, что с наследником они танцевали молча. Но прошло совсем немного времени, и при дворе заговорили о красоте Алисы, что некоторые восприняли как знак, свидетельствующий о скорой помолвке. Ее, конечно, не переставали сравнивать со старшей сестрой, чья красота не подвергалась сомнению, но при этом подчеркивалось, что лицо юной Алисы более умное и выразительное, а улыбка — более приветливая. Она была скорее англичанка, чем немка, много говорила по-английски (даже с сестрой).

При русском дворе Алиса встретила странный прием: с одной стороны, возможная невеста цесаревича, с другой — представительница

маленького немецкого герцогства, и только. Тем более что Alix была в России уже не в первый раз: в 1884 году она приезжала на свадьбу сестры. Уже тогда говорили, что она — невеста цесаревича, а ее сестру Ирену пророчили в жены великому князю Михаилу Михайловичу. Но тогда оба великих князя сторонились гессенских принцесс, не танцевали с ними. «Алиса тогда была очень мила, с большими распущенными волосами. Мило себя держала», — вспоминала А. Богданович. Впрочем, относительно чувств шестнадцатилетнего наследника и двенадцатилетней девочки существуют и другие мнения, подтверждаемые более поздними записями в дневнике самого Николая II. «Моя мечта, — писал он в декабре 1891 года, — когда-либо жениться на Алисе Г. Я давно ее люблю, но еще глубже и сильнее с 1889 года, когда она провела шесть недель в Петербурге».

Мечта осуществилась в 1894 году, и до этого произошло много событий (не будем забывать, что начало 1890-х — время бурного романа наследника и балерины Кшесинской). Конечно, желание нарисовать картину идеальной истории любви вполне объяснимо, хотя и не всегда оправданно: жизнь сложнее самой красивой сказки.

Двадцатилетний цесаревич не вызывал у современников восхищения, на фоне отца он явно проигрывал: невысокого роста скромный офицер. Его заурядный вид, невыразительное лицо и простота в обращении воспринимались великосветской публикой как крупный недостаток, простительный гусару, но не наследнику. Кто всерьез воспринимал его чувства? Когда 28 февраля 1889 года великий герцог Гессенский уехал из России, вопрос о принцессе Алисе как о невесте цесаревича так и остался открытым. В Москве даже говорили, что «Алиса не возвратится», добавляя при этом: мысль о браке между наследником и принцессой, «по-видимому, оставлена и той, и другой стороной»^[38]. Впоследствии Б. А. Энгельгардт, вспоминая историю появления в России Alix, отмечал, что ее кандидатуру не одобрил Александр III «и она отправлена была восвояси. В связи с этим высшее петербургское общество отнеслось к ней без особого почтения, и она навсегда запомнила это». Унижение действительно может воспитать. И в 1889 году юная гессенская принцесса подобное воспитание получила, уехав домой без всяких гарантий и обещаний.

В конце 1889 года вновь заговорили о возможности брака цесаревича с Маргаритой Прусской, сестрой Вильгельма II. А. В. Богданович 3 ноября записала в дневнике, сославшись на разговоры на бирже, будто свадьба наследника на германской принцессе «вчера порешена». Несколькими днями позже граф С. Е. Кушелев сообщил Богданович, что императрица

Мария Федоровна «последние дни очень невесела, ибо ее тревожит предстоящая женитьба сына на Маргарите, которая очень нехороша собой». Заметив далее, что «и наследник невидный», Кушелев высказал мысль о вырождении царской стати, попутно отметив отсутствие в цесаревиче грации, его неловкость и скудость умственного развития (в отличие от развития физического).

Помимо вопроса «о красоте» был и другой, не менее важный: военный агент французского посольства генерал Л. Э. Мулен (Moulin) был встревожен слухами о возможном брачном союзе между Романовыми и Гогенцоллернами, полагая, что это оттолкнет от России Францию. При этом на официальном уровне подобные слухи никак не комментировались, например, при встрече в том же ноябре министра иностранных дел России Н. К. Гирса с послом Германии генералом Г. Л. Швейницем. Последний вообще не касался щекотливого вопроса о браке цесаревича с Маргаритой Прусской (хотя в немецких газетах появлялись сообщения о пылкой влюбленности русского великого князя). Журналисты говорили даже, что император Вильгельм не соглашается на свадьбу, так как в случае замужества сестра должна будет поменять веру, но русский монарх согласен сделать уступку. «Все это так глупо выдуманно», — резюмировала услышанное А. В. Богданович.

Политические последствия подобных «глупостей» могли быть самыми серьезными — в феврале 1892 года В. Н. Ламздорф узнал, что его коллега, по своим делам посетивший «Лионский кредит», стал свидетелем внезапного и весьма значительного повышения стоимости российских ценных бумаг («нашего курса»), объяснявшегося «полученным в Берлине известием, что великий князь наследник будет объявлен женихом принцессы Маргариты, сестры германского императора! Бедные биржевики, — по словам графа, — твердо верят в этот слух». Уже скоро стало понятно, что слух был сильно преувеличен. А в апреле 1892 года в придворных кругах появились планы женить цесаревича на принцессе Шаумбург-Липпе, сестре вюртембергской королевы и любимой внучатой племяннице датской королевы — бабушки Николая Александровича. Случай (золотая свадьба датской королевской четы) должен был свести молодых людей в Копенгагене. Состоявшаяся вскоре поездка никаких матримониальных последствий не имела: цесаревич, оставив родителей, покинул Данию в начале июня, дабы принять участие в красносельском лагерном сборе и встретиться с Матильдой Кшесинской.

Однако разговоры о его браке не прекращались, и в 1893 году поползли слухи о желании императрицы Марии Федоровны женить сына

на принцессе Алисе Гессенской (до того «отвергнутой»), но препятствием якобы стало нежелание цесаревича, «так как она на целую голову выше наследника». В то же время в Копенгагене, где гостила семья русского царя, заговорили о возможности брака старшего сына императора Всероссийского и дочери графа Парижского — принцессы Орлеанского дома Елены (правнучки последнего короля Франции Луи Филиппа), но в Данию граф «приехал один с сыном, дочь не привез». И это предположение не оправдалось (хотя брак с французской принцессой был выгоден с точки зрения внешнеполитических интересов Российской империи, а император Александр III склонялся к заключению брачного союза своего наследника и Елены Орлеанской). А что чувствовал сам наследник? Очевидно, он осознавал свою ответственность перед страной и семьей и не мог не думать о грядущей помолвке и браке. Даже М. Кшесинская, если верить ее воспоминаниям, с лета 1893 года стала замечать, что ее любимый Ники все менее и менее был свободен в своих поступках.

Разговоры об Алисе Гессенской как о наиболее подходящей для цесаревича невесте зазвучали решительнее. Но разговоры — это только разговоры. Окончательно все решилось в роковом для страны и для цесаревича 1894 году. В январе серьезно заболел Александр III. Тогда никто не предполагал, что император доживает последние месяцы и что власть перейдет к его старшему сыну, совсем не подготовленному к управлению великой державой. Роман с балериной продолжался, наследник регулярно посещал ее дом. По Петербургу пронеслась молва о бурных объяснениях державного отца с сыном, которого, согласно дневниковой записи Ламздорфа от 30 января 1894 года, в обществе почему-то стали именовать «дрянным мальчишкой».

Много лет спустя С. Ю. Витте, испытывавший антипатию к супруге императора Николая II, не без ехидства описал историю ее помолвки, вспомнив и о том, что первоначально, «на смотринах», Алих не понравилась. Прошло два года, писал Витте, «цесаревичу невесты не нашли, да серьезно и не искали, что было серьезной политической ошибкой. Цесаревич, естественно, спутался с танцовщицей Кшесинской (полькой). Об этом Александр III не знал, но это подняло приближенных, все советовавших скорее женить наследника. Наконец, император заболел. Он и сам решил скорее женить сына. Вспомнили опять о забракованной невесте Алисе Дармштадтской. Послали туда наследника делать предложение». Получается, все было сделано в спешке — если бы не болезнь императора, то дочь великого герцога Гессенского не стала бы невестой русского цесаревича. Сказанное интересно само по себе, не как

достоверная информация, а как характеристика Alix. Негативное отношение к ней тогда доминировало.

Показательно также, что весной 1894 года, когда цесаревич в окружении дядей — великих князей Владимира, Сергея и Павла Александровичей, а также великих княгинь Елизаветы Федоровны и Марии Павловны отправился в Кобург просить руки принцессы Гессенской, по столице передавали сплетню об упреках, которые Матильда Кшесинская делала своему возлюбленному за то, что он едет к своей «подлой Алиске», «и что будто бы Его Императорское Высочество применил тот же самый изящный эпитет, протестуя против намерения женить его». Безусловно, не следует обращать внимания на слухи, но они показывают отношение высшего общества к наследнику. Даже министр иностранных дел сомневался, «чтобы великий князь решился на женитьбу», зная о его регулярных посещениях Матильды Кшесинской. Петербургский градоначальник генерал В. В. Валь жаловался на трудности, возникавшие при организации охраны наследника, не желавшего, чтобы за ним следили. Однажды, увидев полицейского, он заявил Валу: «„Если я еще раз замечу кого-нибудь из этих наблюдателей, я ему морду разобью — знайте это“». Если услышанное мною соответствует действительности, — отмечал граф В. Н. Ламздорф 4 апреля 1894 года, — то будущее многообещающе! Впрочем, некоторые из молодых людей, близких к наследнику, считают, что он представляет собой подрастающего Павла I». На последнее обстоятельство стоит обратить внимание — в дальнейшем нам еще придется вспоминать современников последнего царя, сравнивавших его с несчастным сыном Екатерины Великой. Впрочем, некоторые черты характера Николая Александровича уже в начале 1890-х годов вызывали у современников опасения. «Про цесаревича Плеве (будущий министр внутренних дел. — С. Ф.) сказал, — записала в дневнике А. В. Богданович 18 апреля 1894 года, — что он упрям, воздействия и советов не терпит. Даже в мелочах, когда какая-то форма бумаги требует подписи „согласен“, он „согласен“ не напишет, а напишет — „разрешаю“, и наоборот». Чем не Павел I (разумеется, в том виде, в каком его привыкли изображать историки)!

Как бы то ни было, но именно в апреле произошло событие, круто изменившее судьбу наследника: 2 апреля 1894 года он выехал в Германию, а 5-го в Кобурге встретился с принцессой Алисой. «Нас оставили вдвоем, и тогда начался между нами тот разговор, которого я давно сильно желал и вместе очень боялся, — записал он в дневнике 5 апреля 1894 года. — Говорили до 12 часов (то есть два часа — с 10 часов утра. — С. Ф.), но

безуспешно, она все противится перемене религии. Она, бедная, много плакала». Из слов «она все противится» можно заключить, что вопрос о ее грядущем замужестве (следовательно, и о перемене религии — одно было невозможно без другого) поднимался еще до «решительного» разговора 5 апреля и встречал определенные сложности именно из-за необходимости «переменить веру». Неслучайно, встречаясь с Алисой на следующий день, цесаревич «поменьше касался вчерашнего вопроса». В то же время с Алисой много разговаривали родственники (ведь официально все собрались на свадьбу брата принцессы — герцога Эрнста Гессен-Дармштадтского и внучки императора Александра II Виктории-Мелиты Саксен-Кобург-Готской).

Восьмого апреля, в пятницу, все окончательно выяснилось — помолвка состоялась. «Боже, какая гора свалилась с плеч; какую радостью удалось обрадовать дорогих Мамá и Папá! — записал в дневнике цесаревич 8 апреля. — Я целый день ходил как в дурмане, не вполне сознавая, что, собственно, со мной приключилось!» Все родственники собрались, император Вильгельм II, сидя в соседней комнате, ожидал окончания разговора цесаревича и принцессы с дядями и тетями. Затем «все семейство долго на радостях лизалось».

В течение нескольких дней Николай Александрович постоянно встречался со своей невестой, не скрывая радости от случившегося («Как хорошо было вместе — рай!» — записал он в дневнике 19 апреля, горя о том, что приходится расставаться на долгое время). Уже 22 апреля цесаревич прибыл домой — в Луге его встречали офицеры, которых поразило равнодушный вид великого князя; «...казалось, — написал Н. А. Епанчин, — что счастливый жених должен выглядеть иначе». Но Николай Александрович умел владеть собой — и тем самым часто невольно обманывал окружающих. Понять, насколько он возбужден или расстроен, всегда было непросто. Недостаточная информированность, усиленная слухами, порой рождает странные истории: так, например, в столице распространился слух о сцене, состоявшейся между царем и наследником непосредственно перед отъездом последнего в Германию. Якобы наследник не хотел ехать, но затем телеграфировал самодержавному отцу, что исполняет его волю — женится. «Цесаревич сделал предложение так, — писала А. В. Богданович 18 апреля 1894 года, — спросил Алису: „Нравится ли вам Россия? Если хотите составить ее счастье — я предлагаю вам мою руку“». Далее А. В. Богданович отметила, что невеста наследника, как говорят, менее красива, чем ее сестра Елизавета Федоровна, «но больше твердости характера и воли».

О том, что цесаревич накануне отъезда в Кобург имел откровенное объяснение с родителями, сумевшими побудить его к поездке, писал и граф В. Н. Ламздорф. Он же вспомнил о слухе, согласно которому балерина М. Кшесинская «в качестве окончательного расчета за отношения с августейшим любовником» получила 100 тысяч рублей и дом. Слух о расчете с Кшесинской понятен, но почему Ламздорф говорит о нежелании наследника жениться? (Иначе зачем самодержцу и императрице-матери побуждать его к поездке?) Не объясняя приведенную информацию и ниже делая запись 8 апреля 1894 года о помолвке русского великого князя и гессенской принцессы, граф указывает, что министр иностранных дел (Н. К. Гирс) «не особенно очарован подбором будущей супруги наследника; возможно, что не совсем уверен и в том, будут ли довольны Их Величества». Получалось, что настаивавшие (как об этом писал сам Ламздорф) на поездке наследника в Кобург Александр III и императрица Мария Федоровна могли быть недовольны выбором невесты. Зачем же было тогда настаивать? Известный дипломат, человек, умевший анализировать получаемую информацию, граф допустил логическую ошибку, случайно соединив великосветскую сплетню и реальность. В любом случае, важное историческое событие свершилось: в апреле 1894 года наследник престола вернулся в Россию обрученным.

Придворные, ездившие в Кобург вместе с ним, по-разному реагировали на помолвку. Некоторым не понравилось, что при сватовстве Алих вела себя холодно, сдержанно. Про Дармштадт говорили, «что там они очень бедны, что было затруднение ехать в Кобург на свадьбу (герцога Эрнста и Виктории-Мелиты Саксен-Кобург-Готской. — С. Ф.). Алиса нуждалась в 6 тыс. марок для платьев, чтобы появиться на празднествах, и с трудом эти деньги достали», — записал Ламздорф. Такие разговоры показательны сами по себе: на невесту наследника престола смотрели как на «бедную родственницу», которой сделали одолжение. Сам цесаревич, разумеется, был совершенно иного мнения. После того как Алиса стала его невестой, все в его личной жизни переменялось.

По крайней мере, после возвращения из Дармштадта к Кшесинской он уже не ездил, но переписка между ними не прекратилась. Балерина, понимая, что волею судьбы они больше не будут близки, обратилась к наследнику с последней просьбой: писать ему, как и прежде, на «ты» и обращаться в случае необходимости. На это она получила ответ: *«Что бы со мной в жизни ни случилось, встреча с тобою останется навсегда самым светлым воспоминанием моей молодости»* (курсив мой. — С. Ф.). Разрешение обращаться на «ты» и писать непосредственно ему, минуя

официальные инстанции, также было дано. Ее Ники, как показала жизнь, сдержал обещание. Прощальное свидание, правда, состоялось: они встретились на Волконском шоссе, у сенного сарая. Все это напоминало детективную историю. Роман окончился. Кшесинская нашла утешителя в лице дяди цесаревича — великого князя Сергея Михайловича.

Летом цесаревич встретился со своей невестой в Англии. Радости не было конца: его дневник полон восторженных записей по этому поводу. «Снова испытал то счастье, с которым расстался в Кобурге!» — записал он 8 июня, в день первого свидания после разлуки. Они виделись почти ежедневно, часто вместе с членами семьи королевы Виктории обедали, гуляли, бывали на выставках. Так продолжалось больше месяца — до 11 июля. «Грустный день — разлука — после более месяца райского блаженного житья!» — записал цесаревич в тот день, надеясь, что новая встреча состоится месяца через два. Начиналась новая жизнь — с любимой, будущее внушало оптимизм. О том, что уже через три с половиной месяца он станет самодержцем и будет управлять огромной империей, цесаревич и представить не мог. 19 июля в Петергофе он встретился с отцом, о роковой болезни которого тогда еще не говорили.

Вскоре после приезда цесаревича, в конце июля 1894 года, была отпразднована свадьба его сестры Ксении и великого князя Александра Михайловича. Свадьба оказалась последним семейным торжеством Романовых, в котором принял участие Александр III. «Кто мог предвидеть, что император Александр III умрет в возрасте 49 лет от роду, — писал много лет спустя великий князь Александр Михайлович, — оставив незавершенным монарший труд свой и вручив судьбу шестой части мира в дрожащие руки растерявшегося юноши».

Не могла предвидеть этого и принцесса Alix, очередная встреча с которой была намечена цесаревичем на сентябрь. Встреча не состоялась — уже к концу лета стало ясно, что император болен. Правда, профессор Захарьин, обследовавший его, успокоил царскую семью, сказав, что ничего серьезного не наблюдается, государь лишь нуждается в сухом климате Крыма. Раз нет ничего серьезного — значит, можно не слишком прислушиваться к докторам — и Александр III, не желая менять распорядок своей жизни, после военных маневров отправился на охоту в Беловеж и Спалу (белорусские и польские угодья российских самодержцев).

В теплый дождливый день 15 сентября цесаревич, который боролся с желанием «полететь в Вольфсгартен к милой Аликс», принял решение «остаться при дорогих родителях и поехать с ними в Крым». Уже тогда

стало ясно, что отец болен серьезно: вызванный из Германии профессор Лейден нашел у Александра III воспаление почек и «нервное расстройство-переутомление от громадной и неустанной умственной работы», — записал цесаревич в дневнике 15 сентября. 21 сентября царское семейство прибыло в Севастополь и пересело на корабль, отправлявшийся в Ливадию. 22 сентября Александр III принял первую соляную ванну. Тихую жизнь цесаревича скрашивали только письма невесты, порой их приходило по три в день. Наконец 5 октября ему позволили пригласить Алих. «Папá и Мамá позволили мне выписать мою дорогую Аликс из Дармштадта сюда — ее привезут Элла (великая княгиня Елизавета Федоровна. — С. Ф.) и д[ядя] Сергей. Я несказанно был тронут их любовью и желанием увидеть ее, — записал цесаревич в дневнике в тот день. — Какое счастье снова так неожиданно встретиться — грустно только, что при таких обстоятельствах».

Обстоятельства действительно были грустными — в тот же день 5 октября «Правительственный вестник» опубликовал заключение врачей — профессоров Захарьина, Лейдена, доктора Попова и почетного лейб-хирурга Вельяминова о состоянии здоровья императора, из которого следовало, что болезнь почек не отступила, а силы Александра III уменьшились. Оставалась лишь надежда на то, что «климат южного берега Крыма благотворно повлияет на состояние здоровья августейшего больного». С того дня, уже ежедневно, в правительственной прессе печатались официальные бюллетени о здоровье русского царя. 9 октября «Правительственный вестник», помещая очередную информацию о состоянии здоровья Александра III, сообщил о том, что он «приобщился Св. Таин» (то есть причастился). Это свидетельствовало об исключительно тяжелом состоянии больного.

Очевидно, что официальные власти до последнего старались не говорить о здоровье русского царя: неслучайно еще 21 сентября был подтвержден запрет на статьи о болезни Александра III, а 6 октября выдвинуто требование принять меры, чтобы в экземплярах газет, предназначенных для отправки в Ливадию, исключались все известия о недуге самодержца. Но прогрессирующая болезнь внесла свои коррективы: скрывать опасное состояние Александра III в октябре оказалось уже невозможно. Вероятно, к началу октября и он осознал, что надежд на выздоровление мало. В подобных условиях скорейшая женитьба наследника стала делом государственной важности. Чиновник Министерства Императорского двора заметил позже, что «Александр III желал при своей жизни женить сына, и потому-то принцесса спешно и

вызвана была в Ливадию»^[39]. Так ли это было или обстоятельства сложились таким образом, но Alix прибыла в Ливадию, когда надежд на выздоровление русского монарха практически не осталось.

«Кто-то выразился тогда: „Прозевали государя!“ — вспоминал осень 1894 года граф С. Д. Шереметев, — и спохватились, когда было уже поздно, когда болезнь, начавшаяся после Борков, стала выражаться резче и зловещее. Не будь этой болезни, колесо истории повернулось бы иначе, оно избавило бы нас от осложнений „дальневосточных“ и приступило бы к работе внутренней очистки. И эта работа была бы свободная, не вынужденная, не навязываемая, а сознательная, спокойная и обстоятельная, сообразуемая с важностью внутреннего обновления на началах русских, исторических, законосовещательных, творческих. „Удерживающего“ не стало». Судить о том, что могло бы случиться, если бы государя не «прозевали», трудно, но то, что его болезнь и смерть стали невосполнимой политической потерей для России, — несомненно. При самодержавии смена царствования практически всегда означает и новый этап исторической жизни. Какой она будет в конце 1894 года, мало кто представлял, в том числе мало представлял это и наследник, не имевший своей политической программы и плохо разбиравшийся в механизме управления огромной империей своих державных предков.

В те октябрьские дни он страстно ожидал встречи со своей «ненаглядной Аликс». Она приехала в Крым за десять дней до кончины Александра III. «Папа́ был слабее сегодня, — записал цесаревич в дневнике 10 октября, — и приезд Аликс, кроме свидания с отцом Иоанном (Кронштадтским, известным православным пастырем. — С. Ф.), утомил его». Земные дни русского самодержца клонились к закату, и он уже не мог в полной мере разделить с сыном радость от приезда его невесты. Радость была омрачена ощущением неизбежной развязки и крутого изменения всего течения жизни цесаревича. Не понимать этого он не мог, но полностью прочувствовать — едва ли.

Уже с первых дней пребывания в Крыму принцесса Alix стала оказывать на своего жениха моральное давление, разумеется — из самых добрых побуждений. Она давала цесаревичу советы, иногда занося их (по-английски) в его дневник. За пять дней до смерти Александра III принцесса, заверив жениха в своей глубокой и искренней любви, посоветовала ему быть стойким и приказать доктору Лейдену приходить ежедневно и сообщать, в каком состоянии находится его отец. Цесаревич должен узнавать все первым. «You are Father dear's son and must be told all and be asked about everything. Show your own mind and don't let others forget

who you are. Forgive me love»^[40], — подчеркивала она.

Этот мотив — указание на личную волю — и в дальнейшем будет встречаться в письмах Alix к любимому Ники. С самых первых дней пребывания в России принцесса пыталась доказать, что она — верная защитница его интересов. Ее любовь глубока и неизменна, и возлюбленный должен это знать. Они — единое целое. Цесаревич не мог не оценить такого порыва невесты, он отвечал ей полной взаимностью. Уже тогда было ясно, что влияние Alix на Николая Александровича — определяющее. Почему все случилось именно так? Кто знает... Мы можем только утверждать: это была красивая любовь, год от года возрастающая. Чтобы приблизиться к пониманию этой любви (без чего нельзя разобраться и в причинах «политических амбиций» супруги последнего российского монарха), необходимо попытаться ответить на вопросы: кем была и кем себя ощущала принцесса Alix?

...По замечательному выражению русского философа и общественного деятеля XX века С. Н. Булгакова, в дальнейшем принявшего священнический сан: «Определяющей силой в духовной жизни человека является его религия — не только в узком, но и в широком смысле слова, то есть те высшие и последние ценности, которые признает человек над собою и выше себя, и то практическое отношение, в которое он становится к этим ценностям. Определить действительный религиозный центр в человеке, найти его подлинную душевную сердцевину — это значит узнать о нем самое интимное и важное, после чего будет понятно все внешнее и производное». Разбираясь в мотивации человеческих поступков, сказанное С. Н. Булгаковым можно применять в качестве своеобразного социального «лекала». Разумеется, найти «душевную сердцевину» всегда непросто (если вообще возможно), но отказ от таких поисков заранее обрекает исследователя на неудачу.

Не будет большой ошибкой заявить, что для понимания действий императрицы Александры Федоровны необходимо учитывать религиозный фактор, поскольку супруга последнего русского самодержца была прежде всего *homo religious*.

Она родилась 25 мая 1872 года в семье великого герцога Гессенского Людвиг IV и его супруги — дочери английской королевы Виктории Алисы. Семья была протестантская, при рождении девочка получила несколько имен — Алиса, Виктория, Елена, Луиза, Беатриса. Рано потеряв мать, умершую в 1878 году, она воспитывалась своей английской бабкой, весьма холодно относившейся ко всему немецкому и питавшей определенное нерасположение к императору Вильгельму II. Таким образом,

юная принцесса формировалась как личность, получала образование и усваивала правила поведения в атмосфере викторианского века, при дворе старой, пуритански настроенной королевы. Судьба Алисы определялась ее рождением: рано или поздно она должна была выйти замуж за одного из представителей какого-либо владетельного Дома Европы. Не отвергалась и возможность ее замужества за кем-либо из русских великих князей.

В течение XIX века многие представители дома Романовых женились на немецких принцессах. В течение длительного времени этому соответствовали и внешнеполитические интересы империи. К концу XIX века ситуация изменилась. Мощная Германская империя не была безусловным политическим союзником России. И хотя после смерти «германофила» Александра II престол перешел к его сыну, женатому на датской принцессе, не испытывавшей восторженных чувств к стране, воевавшей с ее Родиной, традиция искать себе невест преимущественно среди немецких принцесс в доме Романовых сохранилась. История так сложилась, что старший сын Александра III нашел себе невесту в том же Гессенском доме, что и его дед — император Александр II. Получалось, что цесаревич Николай Александрович и его невеста были троюродными братом и сестрой. Великое герцогство Гессенское (до 1866 года называвшееся Гессен-Дармштадтским) входило в состав Германской империи, гранича с Пруссией, Баденом и Баварией. Население герцогства в 1890-х годах приближалось к миллиону человек, большинство которых исповедовали евангелическо-лютеранскую веру, а треть были католиками. Войска герцогства входили в состав прусской армии. С самой Пруссией еще в 1867 году был заключен оборонительный и наступательный союз.

Таким образом, герцогство было политически несамостоятельно, а его венценосные правители во всем следовали линии Берлина. Брак с представителями такого, по сути марионеточного, государства для члена дома Романовых (особенно для наследника престола) был выгоден по нескольким причинам. Во-первых — брак мог содействовать укреплению русско-германских отношений. Во-вторых — в случае осложнений этих отношений Россия ничего не теряла: политический вес самого Гессена был ничтожен, а отношения его правителей к германскому императору последнего мало беспокоили. Кроме того, нельзя забывать и о том, что Алиса Гессенская (невеста русского цесаревича) приходилась внучкой королеве Виктории и, будучи немецкой принцессой, сформировалась как личность в английской королевской семье. Алиса была серьезной и вдумчивой ученицей, уделявшей много времени изучению религиозно-философской литературы. Она сумела даже получить степень доктора

философии. Одна из ее наставниц — Маргарет Джексон — увлекалась политикой и сумела передать свою страсть и принцессе. Алиса была убеждена, что политика — это сфера, которой могут заниматься не только мужчины, но и женщины. Впоследствии за это убеждение, реализованное на практике, она заплатит слишком высокую цену. А тогда, в конце XIX века (до замужества), принцесса имела возможность обо всем рассуждать смело, воспитывая в себе волю и разум. И к принятию новой веры, то есть к переходу из лютеранства в православие, она отнеслась тоже исключительно серьезно — религиозные вопросы для нее с раннего детства были принципиальными. Неслучайно она сначала не хотела принимать предложения русского наследника, ибо оно было сопряжено с присоединением к малоизвестной ей до того Церкви.

Ее долго уговаривали — и бабушка, королева Виктория, объяснявшая внучке, «что православие не слишком отличается от лютеранства» (!), и старшая сестра Елизавета Федоровна, за несколько лет до того перешедшая из лютеранства в православие. Конечно, подобные уверения сыграли свою роль, но главное заключалось в ином — принцесса *сама* должна была почувствовать, что она не изменяет вере, в которой воспитывалась с рождения. Очевидно, Алиса поняла это, после чего и последовало согласие на брак. 14 июня 1894 года она первый раз встретилась с духовником российских самодержцев протопресвитером И. Л. Янышевым. Он стал учителем принцессы, знакомил ее с основами православного вероучения. О первом периоде этого обучения судить трудно, поскольку, имея сильную волю и твердые убеждения, принцесса, скорее всего, внутренне сопротивлялась принятию новой, мало известной ей православной веры.

Хорошо информированная А. В. Богданович спустя месяц после начала занятий отца И. Л. Янышева с Alix записала слух о том, что невеста цесаревича находилась под сильным влиянием пастора. «Про нее, — писала Богданович, — говорят, что она холодная, сдержанная». Эту черту будущей императрицы отмечали затем многократно. Но вот что любопытно: «холодная и сдержанная» принцесса трудно поддавалась убеждениям православного богослова, которого современники также считали «холодным». Вполне может быть, что старый протопресвитер уступал протестантским теологам, но все-таки это обстоятельство вторично по сравнению с другим фактом: «холодной» принцессе требовалась «горячая» проповедь. С другой стороны, было совершенно очевидно, что жена наследника русского престола просто обязана быть православной.

Именно это обстоятельство так осложняло первые месяцы жизни Alix после помолвки. Ее бескомпромиссный характер, стремление во всем, даже

в мелочах, следовать раз и навсегда усвоенным правилам часто негативно воспринимались современниками. С. Ю. Витте передавал рассказ, слышанный им от русского дипломата графа Н. Д. фон дер Остен-Сакена, много лет служившего в германских землях. Когда наследник престола поехал в Дармштадт, графа командировали в Гессенское герцогство. «В первый день приезда после парадного обеда, — вспоминал Остен-Сакен, — я пошел к старику обер-гофмаршалу, с которым был очень дружен, когда еще был поверенным в Дармштадте. Разговорившись с ним, говорю: когда я уезжал, принцесса Алих была девочкой, скажите откровенно, что она из себя представляет? Тогда он встал, осмотрел все двери, чтобы убедиться, не слушает ли кто-нибудь, и говорил мне: „Какое для Гессен-Дармштадта счастье, что вы от нас ее берете“».

Витте, конечно, пристрастный мемуарист, считавший супругу Николая II роковой женщиной, и все же приведенные им слова заставляют снова и снова задумываться о том, как оценивали супругу последнего русского венценосца задолго до того, как она проявила свой характер и заявила о себе как о политике. Что имел в виду старый гофмаршал Гессенского двора, нам неизвестно, Витте комментарий не дает. Но в связи с чем он вспомнил о мнении знавшего Алих с детства придворного, — понять нетрудно. Ведь далее Витте пишет о проблеме перемены принцессой религии. «Когда она приняла предложение (а еще бы не принять!), то она, несомненно, искренно выражала печаль, что ей придется переменять религию. Вообще это тяжело, а при ее узком и упрямом характере это было, вероятно, особенно тяжело». По мнению Витте, «не из-за чистоты и возвышенности православия (по существу православия это, несомненно, так) принцесса Алих решила переменить свою веру. Ведь о православии она имела такое же представление, как младенец о теории пертурбации небесных планет».

Соглашаясь с последним, весьма красочным, хотя и откровенно преувеличенным высказыванием первого председателя Совета министров Российской империи, будет неправильно столь категорично утверждать, что веру Алих изменила лишь из-за политических соображений. Сам Витте опосредованно доказывает это, когда говорит, что «раз решившись переменить религию, она должна была уверить себя, что это единственная правильная религия человечества». Верующему человеку (а принцесса Алих была искренней протестанткой) уверить себя в том, что его новые религиозные взгляды более правильны, чем прежние, — значит по существу полностью изменить (или же попытаться изменить) свое мировоззрение, иначе говоря, по-новому посмотреть на главные вопросы бытия.

Вспоминая в 1916 году день своей помолвки, императрица Александра Федоровна в письме мужу особо подчеркнула, что уже тогда, в 1894-м, вера и религия играли большую роль в ее жизни. «Я не могу относиться к этому просто, — писала она, — и если на что-нибудь решаюсь, то уже навсегда, то же самое в моей любви и привязанностях. Слишком большое сердце — оно пожирает меня! Так же и любовь ко Христу — она была всегда так тесно связана с нашей жизнью в течение этих 22 лет! Сначала вопрос о принятии православия, а затем оба наши Друга, посланные нам Богом». Откровеннее сказать трудно. Именно чувство руководило поступками Александры Федоровны, всегда, с юных лет, прислушивавшейся «к сердцу» больше, чем к разуму. «Суждение о собственной недостаточности при сравнении Я со своим идеалом вызывает то смиренное религиозное ощущение, на которое опирается страстно верующий», — писал З. Фрейд в работе «Я и Оно». Супруге последнего царя был необходим не только идеал небесный, но и его «земной» прообраз. Неслучайно, вспоминая прошлое, она поставила в единую цепь вопрос о принятии православия и посланных, как она верила, Богом двух «друзей» — лионского «магнетизера» Филиппа и сибирского странника Григория Распутина, имена которых в начале XX века считались нарицательными. Об этих «друзьях» и об их влиянии на жизнь и судьбу императора Николая II нам еще придется говорить особо, в данном же случае важнее отметить иное — принцесса Алих никогда не могла поступиться своими религиозными принципами. Но воспитание этих принципов протопресвитеру И. Л. Янышеву не удалось — «слишком большое сердце» оказалось неприступной крепостью для мудрого и богословски образованного придворного клирика. Последствиями этого и было появление «друзей»: «...чем больше неудач, чем больше огорчений, тем более душа ищет забвения, подъема оптимизма в гадании о будущем»^[41]. Тем более что радость встречи с любимым в первые же дни покрывается трауром...

Октябрь 1894 года навсегда разделил жизнь гессенской принцессы на две неравные части. Принцессы маленького немецкого герцогства больше не существовало, она вступала в новую жизнь, — в новой роли и в качестве верной дочери православной церкви. В четверг 20 октября в «2 часа 15 минут пополудни» Александр III скончался — и она стала невестой русского императора. Этим же числом был помечен первый манифест ставшего самодержцем Николая II, сообщавший всем верноподданым о кончине венценосного родителя и повелевавший «учинить присягу в верности Нам и Наследнику Нашему Его Императорскому Высочеству Великому Князю Георгию Александровичу, Которому быть и титуловаться

Наследником Цесаревичем, доколе Богу угодно будет благословить рождением сына предстоящий брак Наш с Принцессою Алисою Гессен-Дармштадтскою».

«Интерстициальный нефрит с последовательным поражением сердца и сосудов, геморрагический инфаркт в левом легком, с последовательным воспалением», — напишут позже врачи о смерти императора. Болезнь сделала свое дело, быстро сведя в могилу 49-летнего монарха. Самодержавным государем в тот же момент стал его сын. 20 октября в эмоциональных тонах он записал горестную для него историю кончины отца. В течение всего утра родные были рядом с умиравшим царем. «Дыхание его было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород. Около половины 3-го он причастился Св. Таин; вскоре начались легкие судороги... и конец быстро настал! Отец Иоанн (Кронштадтский. — С. Ф.) больше часа стоял у его изголовья и держал за голову. Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни! Бедная дорогая Мамá!»

Вечером, в половине десятого, в спальне, где умер Александр III, состоялась первая панихида, юный царь «чувствовал себя как убитый». Впрочем, горе не помешало ему в тот же день занести в дневник и то, что «у дорогой Аликс опять заболели ноги!».

Беспокойство о невесте, о ее самочувствии и настроении постоянно встречается на страницах дневника Николая II. Октябрь 1894 года полностью и навсегда изменил и его жизнь. Радость семейной жизни отодвинута необходимостью вступления на престол. А долг — выше всего. В тот день новый царь плакал — страшное бремя власти давило его. «Сандро, что я буду делать! — патетически воскликнул он [обращаясь к другу детства великому князю Александру Михайловичу]. — Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помогите мне, Сандро!»^[42] Но и великий князь не знал, что делать. Помощи ждать было неоткуда. Если Александром Михайловичем рассказ передан верно, то можно утверждать, что Николай II осознавал всю трагичность положения, в которую попал в связи с кончиной отца.

Понимали это и близкие к трону сановники, тем более что даже они не имели сколько-нибудь отчетливого представления о преемнике Александра III. Свои индивидуальные особенности новый самодержец к тому времени не выявил, участия в государственных делах не принимал (хотя с января 1893 года и состоял председателем Комитета Сибирской железной дороги). В правящих кругах империи все это вызывало опасения. Не скрывая их,

управлявший Морским министерством адмирал Н. М. Чихачев говорил сыну варшавского генерал-губернатора И. В. Гурко — Владимиру Иосифовичу, что «наследник — совершенный ребенок, не имеющий ни опыта, ни знаний, ни даже склонности к изучению широких государственных вопросов. Наклонности его продолжают быть определено детскими, и во что они превратятся, сказать невозможно. Военная строевая служба — вот пока единственное, что его интересует. Руль государственного корабля [выпал] из твердых рук опытного кормчего, и ничьи другие руки в течение, по всей вероятности, продолжительного времени им не овладеют. Куда при таких условиях направит свой курс государственный корабль — Бог весть»^[43]. Чихачев оказался прав — Николай II мог лишь играть роль политического эпигона собственного отца, который не успел даже довести до наследника свою волю — духовное завещание Александра III, о котором он говорил императрице незадолго до кончины, не нашли.

Впрочем, играть роль политического эпигона было тем сложнее, что к 1894 году Александр III приобрел значительное влияние на международной арене, европейские государственные деятели не могли не учитывать его политических и идеологических взглядов, считаясь с самодержавными принципами русского монарха. Неслучайно буквально накануне смерти Александра III, 19 октября, газета «Московские ведомости» опубликовала статью, в которой подчеркивалось выдающееся значение занедужившего государя. Неизвестный автор акцентировал внимание читателей на факте отречения Европы от монархического принципа, случившегося еще в эпоху Великой французской революции. Народы этой Европы, писали «Московские ведомости», «боятся не Царя, вставшего во всей силе и крепости, посреди восторженных кликов стомиллионного верного народа. Они приходят в страх при мысли, что случилось бы с ними без Царя?».

В статье отмечалось, что при известии о болезни Александра III Европа взорвалась симпатиями к русскому самодержцу и страхом за его здоровье. Подчеркивая благость именно самодержавного правления, газета писала, что «глазомер народов, очевидно, уже начинает различать обман теории, которая под фальшивым видом господства „народной воли“ осуждает желания народов на самую жалкую роль в их политической жизни». Стремясь доказать благодетельность самодержавного принципа, «Московские ведомости» заявляли, что Александр III есть живое олицетворение этого принципа, «настоящий самодержец», ни перед кем кроме Бога не ответственный. За последние годы, указывалось в статье, «все народы привыкли уже возлагать свои надежды на Него. Царь все

уладит. Царь не допустит до беды. Вот настроение, в котором Европа чуть ли не в первый раз за 100 лет ощутила себя спокойною, выше страха угрожающих ей бедствий и смут».

Это звучало как политическое заявление: русский царь — Удерживающий, фигура почти мистическая. Он — единственный самодержец в мире, его самодержавие — самая лучшая и благодетельная форма для всех, в том числе и для тех народов, кто давно отказался от подчинения власти неограниченного правителя. «То, что мы видим в Европе, охваченной страхом и любовью при мысли об опасности, угрожающей Царственному Больному, составляет еще невиданное знамение времени, — резюмировалось в статье. — Это для народов и монархов целое откровение, целое указание пути, который еще может вновь открыться пред современным культурным миром». Таким образом, с Александром III связывалась не только крепость монархии, но и авторитет России. О наследнике в статье не говорилось ничего. Быть может, это и послужило причиной того, что уже 21 октября появилось административное распоряжение, запрещающее перепечатывать публикацию «Московских ведомостей». Новый монарх не имел такого авторитета и не мог рассматриваться в качестве «удерживающего» мир от бедствий и смут. Получалось, что авторитет самодержца зависит не только от наследуемой им власти, но и от личности, эту власть наследующей. Николай II был иного «калибра», чем его самодержавный родитель, и это сказывалось с первых дней его самостоятельного правления.

Показательно, что, стремясь и в мелочах сохранять память об отце, новый царь остался в том воинском звании, какое получил при жизни Александра III. Он не захотел надеть генеральский мундир, который в день восшествия на престол приготовил ему камердинер («жирные» эполеты предусмотрительно заготовили на случай бракосочетания, когда предполагалось производство наследника престола в генералы)^[44]. До конца жизни он оставался полковником...

Так началось новое царствование, от которого даже близко стоявшие к трону сановники не ожидали ничего выдающегося. Сын во всем уступал отцу, хотя и был блестяще воспитан. «Вспомните меня, — говорил о Николае II министр внутренних дел И. Н. Дурново, беседуя в день смерти Александра III с министром финансов С. Ю. Витте, — это будет нечто вроде копии Павла Петровича, но в настоящей современности». Витте потом часто вспоминал этот разговор, соглашаясь с тем, что у Николая II немало было черт Павла I и даже Александра I (мистицизм, хитрость, коварство). Но если Александр I по своему времени являлся одним из

самых образованных русских людей, то император Николай II обладал «средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства». Столь резкая оценка способностей последнего царя, безусловно, исключительно субъективна и пристрастна, но не будем забывать, что в своих наблюдениях Витте был не одинок. К слову сказать, видный правительственный чиновник царствования Николая II В. И. Гурко полагал, что политика Александра III была естественным следствием его умственного и духовного склада. Следовать этой политике Николай II не мог, ибо не обладал внутренними свойствами отца. Способ правления, который последний самодержец пытался осуществить, «не соответствовал мощи его духовных сил». Иначе говоря, самодержцем в духе Александра III он быть не мог. Но все это окончательно проявилось с течением времени. А тогда, осенью 1894 года, современники могли лишь гадать и высказывать предположения.

Двадцать первого октября 1894 года первые и вторые чины двора, а также придворные кавалеры к 11 часам утра прибыли в Большую церковь Зимнего дворца для принесения присяги юному полковнику. Форма одежды должна была быть парадная, хотя в стране и объявили годовой глубокий траур (правила позволяли «в высокаторжественные дни» траур снимать). В тот же день невеста императора стала православной — в 10 часов утра в присутствии царской семьи принцесса Alix была миропомазана. С тех пор она получила и новый титул — Ее Императорское Высочество, «благочестивая великая княжна Александра Федоровна». Радость приобщения невесты к православной вере заставила царя поднять вопрос о немедленной свадьбе. «Мама, некоторые другие и я, — записал Николай II в дневнике 22 октября 1894 года, — находим, что всего лучше сделать ее здесь спокойно, пока еще дорогой Папа под крышей дома; а все дяди против этого и говорят, что мне следует жениться после похорон. Это мне кажется совершенно неудобным!» И все-таки первый раунд семейного спора новый царь проиграл — свадьба в Ливадийском дворце не состоялась. Здравый смысл восторжествовал: братья Александра III остановили идею организации матримониальных торжеств, проходящих на фоне подготовки похорон.

Через неделю после смерти Александра III его сын и наследник покинул Ливадию, сопровождая тело отца в Петербург. Прибыв морем в Севастополь, новый царь сразу же отправился дальше. Траурный поезд останавливался для служения панихид в Борках, Харькове, Курске, Орле и Туле. 30 октября Николай II прибыл в Москву. 31 октября в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, обращаясь к московскому дворянству,

купечеству, представителям правительственных и общественных организаций Первопрестольной, царь произнес свою первую речь. Она была проста и безыскусна (как и большинство последующих его речей). Николай II призывал к себе на помощь Бога — для того чтобы служить «нашей горячо любимой Родине так же, как служил Ей Мой покойный Отец, и вести ее по указанному Им светлomu и лучезарному пути». Сказанные по пути в Архангельский собор, экспромтом, эти слова стали политической прелюдией нового царствования.

Первого ноября Николай II прибыл в Петербург и принял (вместе с невестой) участие в церемонии перенесения тела отца со станции Николаевской железной дороги в Петропавловскую крепость. «Порядок примерный. В соборе служат панихиду и поклоняются телу, лежащему в открытом гробе, — записал в тот же день государственный секретарь А. А. Половцов. — Бальзамирование сделано через три дня после смерти, потому весьма неудачно». К тому времени на похороны стали съезжаться иностранные монархи и их представители. Постоянно занятый государственными делами, Николай II каждый день находил время для встреч со своей невестой. Дневник царя — лучшее доказательство того, сколь сильны были его чувства. Любовь помогала переносить трагедию, похороны отца состоялись 7 ноября. Лишь встречи с невестой вызывали у царя неизменную радость. Но встречи — скоротечны, постоянно быть вместе до свадьбы они не могли. И откладывать свадьбу Николай II не стал, практически совместив два важных события — похороны отца и заключение брака.

«Мне все кажется, — записал он в дневнике 13 ноября, накануне венчания, — что дело идет о чужой свадьбе — странно при таких обстоятельствах думать о своей собственной женитьбе!» Понимая эту «странность», Николай II решился торжественно отметить свое бракосочетание спустя неделю после отпевания и погребения Александра III. На этот день — 14 ноября — траур был отменен. «Посреди глубокой скорби, — говорилось в императорском манифесте, помеченном 14 ноября, — коею исполнены сердца Наше и всех верных сынов России, да будет день сей светлым вестником упований народных на продолжение к Нам милости Божией в наступившее новое царствование». Именно думая о судьбах этого царствования, царь и решил не отдалять заключение брака, о котором говорилось как о священном завете почившего монарха. Мотивация выглядела вполне серьезно — свадьба не царская прихоть, а насущная забота о благе государства. Тем более что в ознаменование торжества 14 ноября «делами милосердия и любви» монарх осчастливил

своих подданных различными «милостями». Но одно дело — красивые слова и льготы «по случаю свадьбы», другое — реальное восприятие событий. Конечно, назвать бракосочетание Николая II и Александры Федоровны «пиром во время чумы» нельзя, но то, что между похоронами Александра III и свадьбой его сына дистанция в семь дней, порождает некоторое недоумение. Зачем было спешить? Действительно, покойный монарх, серьезно заболев, желал как можно скорее женить сына. Но этим мечтам не удалось осуществиться. Понимавший всю деликатность «брачного вопроса», министр Императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков попытался объяснить молодому царю необходимость отложить свадьбу до конца траура. Ничего не помогло — «Николай II закинулся, остался недоволен». Царь почувствовал в графе опекуна, относившегося к нему, самодержцу, покровительственно. Итогом должно было стать удаление Воронцова-Дашкова из Министерства двора. И это произошло, но чуть позже. Николай II не терпел вмешательства в те дела, которые считал «приватными», и недостаточно понимал, что, как самодержавный монарх, лишен права на личную жизнь. «Именно слабые натуры и не выносят кажущийся им над собой контроль», — писал по этому поводу чиновник Министерства двора В. С. Кривенко и, очевидно, был недалек от истины. Проявлять свою волю по мелочам император Николай II любил всегда. «Он мог терпеть многое, чего не потерпел бы его отец, — писал С. Ю. Витте, — но не переносил того, на что его отец не обращал бы никакого внимания. Александр III был самолюбивый царь и благодушный и простой дворянин. Николай II — малосамлюбивый царь и весьма самолюбивый и манерный Преображенский полковник». В деле организации «траурной свадьбы» и сказался «манерный полковник». Свадьбу сыграли, не переждав сорокадневного траура, в день рождения императрицы Марии Федоровны, накануне Рождественского поста. Поступок не имел аналогов в императорской семье, но на это молодой государь не обратил внимания. Даже Александр II, стремившийся как можно скорее узаконить свои отношения с княжной Долгорукой, венчался лишь спустя 40 дней после кончины императрицы Марии Александровны. Конечно, второй брак царя-реформатора и свадьбу его внука сравнивать некорректно, но все-таки вопросы придворного этикета Николай II откровенно игнорировал.

...День торжества отметили в 8 часов утра 21 пушечным выстрелом. По разосланным от двора повесткам в Зимний дворец в полдвенадцатого утра прибыли члены Святейшего синода и «знатное духовенство», члены Государственного совета, министры, аккредитованные в России иностранные послы с супругами, придворные и лица свиты. Дамы были в

русском платье, кавалеры — в парадной форме. На венчание русского монарха прибыли (а точнее сказать — остались со времени похорон Александра III) многочисленные зарубежные родственники и члены дома Романовых. Венчальные перстни на руки брачующимся надел царский духовник отец Иоанн Янышев. В продолжение бракосочетания в церкви читались молитвы «О благочестивейшем самодержавнейшем великом государе нашем Николае Александровиче всея России и супруге его благочестивейшей государыне императрице Александре Федоровне». С тех пор подобные возгласения будут звучать в православных храмах на протяжении двадцати двух лет. Завершилось церковное торжество благодарственным молебном и 301 пушечным выстрелом.

Затем — в парадной карете с форейторами и русской упряжью — молодожены проследовали в Казанский собор для поклонения чудотворной иконе Казанской Божьей Матери. Позднее состоялся свадебный обед в Аничковом дворце. От Зимнего до Аничкова великим князем Владимиром Александровичем, главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа, шпалерами были выстроены войска.

Строгая красота свадебных торжеств производила впечатление на современников... Царь радовался и, проезжая в Казанский собор, отвечал на приветствия. «Красивое лицо новой государыни, которую с любопытством рассматривают все, кажется надменным и злым. И в народе то там, то здесь хмуро шепчут о ней то, что думает она сама: — *Пришла вслед за гробом...*» Приведенные слова принадлежат писателю Георгию Иванову — младшему современнику императрицы. Но это — не художественный вымысел. Много лет и всерьез изучавший историю жизни Александры Федоровны, Г. Иванов знал, о чем говорил. Его современники с самого начала не жаловали молодую императрицу. Еще до ее венчания с русским царем, когда весть о грядущей свадьбе стала достоянием прессы, известный автор «Петербургских трущоб» писатель Всеволод Крестовский написал поэтический экспромт, очевидно направленный против супруги Николая Александровича:

Неумолимая судьба, —
Какая весть коснулась слуха,
Опять на русские хлеба
Садится гессенская муха.

Ее воспринимали как «немку», очередную «бедную родственницу»,

которая хочет «пожиться» «русскими хлебами». Ничего дурного не совершив, выходя замуж не только по праву рождения, но и по любви, Alix оказывалась виноватой без вины, оскорбляемой подозрениями, провожаемой грубыми шутками и суеверными сравнениями. Известный правовед и сенатор А. Ф. Кони, летом 1917 года написавший свои воспоминания о Николае II, очевидно, не прав, когда указывает, что народ «искренно приветствовал его брак с „Гессен-Даршматской“ принцессой, как ее назвал на торжественной ектений протоиерей Исаакиевского собора». Уже одно то, что Кони запомнил и воспроизвел эту веселую оговорку, поместив информацию о ней в своих мемуарах, чрезвычайно показательно — Александру Федоровну не любили.

Невольно, благодаря трагическому стечению обстоятельств, она приехала в Россию в дни роковой болезни и смерти Александра III. Ее личное, семейное счастье началось под служение панихид по почившему государю. Венценосный жених, очевидно радовавшийся каждой встрече с ней, вынужден был уделять большую часть своего времени подготовке погребения отца и решению неотложных государственных дел. «Я ничего не знаю. Покойный государь не предвидел своего конца и не посвящал меня ни во что», — жаловался в те дни царь министру иностранных дел Н. К. Гирсу. Практически ежедневное участие в траурных церковных службах также эмоционально осложняло жизнь молодого монарха. «Мы все заплакались, — признавался он русскому послу в Австро-Венгрии князю А. Б. Лобанову-Ростовскому, — и присутствуем на панихидах как истуканы».

Но прошло несколько дней, и истомленные горем «истуканы» организуют праздник. Декорации молниеносно меняются. Слезы замещаются улыбкой. Семейное счастье — важнее всего. «Невообразимо счастлив с Аликс, — записывает государь в дневнике через три дня после свадьбы, — жаль, что занятия отнимают столько времени, которое так хотелось бы проводить исключительно с ней!» Комментировать здесь нечего. Государственные обязанности воспринимаются как помеха личной жизни. Как здесь не вспомнить утверждение американского историка Р. Уортмана о том, что «при Николае II публичные обязанности русского государя превратились в бесцветный фон для сцен супружеского счастья». Воистину так! Год траура для последнего самодержца стал первым годом полноценного семейного счастья. Радость и горе оказались связаны 1894 годом воедино, личный интерес победил политическую целесообразность. Однако делать из этого какие-либо выводы Николай II не хотел. Ведь главное заключалось в том, что рядом была любимая. Александра

Федоровна стала главным человеком в жизни последнего царя. Она не забрала «его волю», как иногда писали современники, он сам отдал ей всего себя, без остатка. Императрица была больше, чем жена, — она была человеком, которому государь *безусловно* верил. На этом и зиждились их отношения, для семейного человека — идеальные, для самодержца — непозволительные.

1894 год подходил к концу, начиналась жизнь самодержца. Исторический Рубикон был перейден, и пути назад не было. 31 декабря Николай II записал в дневнике, что «уповая на Бога», он без страха смотрит в наступающий год — «потому что для меня худшее случилось, именно то, чего я так боялся всю жизнь! Вместе с таким непоправимым горем Господь наградил меня также и счастьем, о каком я не мог даже мечтать, — дав мне Аликс». Жена стала его защитой в той жизни, приближения которой он не хотел и которая все-таки наступила 20 октября 1894 года. Возможно ли было победить страх, уйти от него в семейную жизнь (тем более что от такого страха лекарства не существует)? Кто знает... Но об одном можно судить наверняка — никакой радости от того, что к нему перешла власть над крупнейшей империей мира, Николай II не испытывал. Власть для него была обузой, которую, правда, необходимо было безропотно терпеть. Семейное счастье воспринималось как искупление, награда за понесенные монаршие труды. Исполнение «трудов» предполагало следование политическим курсом отца, разумеется, так, как курс новым монархом был усвоен и определен. Что из этого получилось, показало ближайшее будущее — 1895 год.

Глава вторая

«БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ»: ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ

В Священном Писании есть рассказ о праведном Лоте, жившем в городе Содом. Благочестивый и боголюбивый, Лот был удостоен от ангелов совета — покинуть город, подлежащий наказанию за грехи его жителей. «И как он медлил, то мужи те (Ангелы), по милости к нему Господней, взяли за руку его и жену его и двух дочерей его, и вывели его, и поставили его вне города» (Быт. 19:16). Лот и его близкие получили также совет не оглядываться назад, но «жена же Лотова оглянулась позади его, и стала соляным столбом» (Быт. 19:26). Историю эту можно понимать по-разному, но для нас, думается, важнее всего уяснить простую истину: нельзя идти вперед с повернутой назад головой — прошлое, как омут, может погубить. Настоящее, хотя и связано всегда с прошлым, часто должно отказываться от него во имя будущего. Иначе — соляной столб.

В переходные эпохи непонимание этой истины политиком может привести к катастрофе, бесплодным попыткам построить новое на старом фундаменте, который и старое здание уже не в состоянии выдержать. По стечению целого ряда обстоятельств так было и во время восшествия на престол императора Николая II. Россия вступала в новую полосу своей жизни, но понять это самодержец смог лишь со значительным опозданием.

Итак, в октябре 1894 года Николай II встал во главе самой большой страны мира — Российская империя полностью занимала восточную часть Европы и северную часть Азии (что составляло около 1/6 части всей суши). Территория ее простиралась на 19709294 квадратные версты (22430004 км²). На западе империя граничила с Норвегией, Швецией, Германией, Австрией и Румынией, на юге — с Турцией, Персией и Афганистаном, на Дальнем Востоке — с Китаем и Кореей, а по морю — с Японией и Северо-Американскими Соединенными Штатами. Численность подданных короны превышала 125 миллионов человек, из которых большинство проживало в Европейской части страны. Крестьян было существенно больше, чем горожан (более 112 миллионов). Русские (включая в это число украинцев — «малороссов» и белорусов) составляли более 70 процентов населения. А

так как национальность определялась по вероисповедному признаку, то и православных в империи было более 70 процентов. Все это подтвердила и уточнила первая всероссийская перепись населения, проведенная в январе 1897 года.

Численность населения ежегодно увеличивалась более чем на 1 процент (только с 1863 по 1897 год на селе она возросла на 26323 тысячи человек). За этот же период около трех миллионов крестьян ушли в город и превратились в промышленных рабочих. И тем не менее в Европейской России к началу XX века преобладало сельское население. Будущее огромной страны во многом зависело от решения сложнейших социально-экономических проблем, обострившихся в 1890-е годы. В 1891–1892 годах значительные территории империи поразил голод (29 из 97 губерний). От голода и сопутствовавшей ему холеры умерло более полумиллиона человек. Будущий царь, в то время наследник цесаревич Николай Александрович, 17 ноября 1891 года стал председателем Особого комитета для помощи нуждающимся в местностях, пострадавших от неурожая (за что 5 марта 1893 года удостоился высочайшего рескрипта от отца). Участие наследника в деятельности Особого комитета, безусловно, свидетельствовало об обеспокоенности монарха сложившейся ситуацией и заставляло власти всерьез задуматься о том, как не допустить повторения голода в дальнейшем. Были ли события 1891–1892 годов свидетельством глубокого кризиса системы государственного управления империей, как об этом писали отечественные исследователи? Вопрос слишком серьезен для того, чтобы давать на него однозначный ответ. Но совершенно ясно, что от его решения зависело будущее самодержавной власти.

Экономические проблемы к концу царствования Александра III обострились: падение цен на хлеб, вызванное высоким урожаем 1893 года, и таможенная война с Германией актуализировали вопрос о кредите для помещного дворянства. Доходность хозяйств катастрофически падала, помещики испытывали трудности при выплате ипотечной задолженности, потребность в ссудах на оборотные средства возрастала. «В результате 1892–1893 годы оказались годами наибольшей неустойчивости дворянского землевладения со времени отмены крепостного права и до Русско-японской войны, что вызвало у современников ощущение близости массового перехода дворянских имений в другие руки», — пишет В. С. Дякин в книге «Деньги для сельского хозяйства: 1892–1914 гг.». «Черный передел» означал изменение не только экономического, но и политического уклада жизни страны, что не могло не беспокоить самодержавную власть.

Получив в наследство Российскую империю, Николай II вынужден

был распутывать целый клубок социально-политических и экономических проблем, к чему готов не был. Что предпринял бы его отец, проживи он еще несколько лет, — можно только гадать, но обстоятельства сложились так, что его смерть совпала по времени с завершением старого и началом нового периода в жизни страны (хотя внешне все выглядело внушительно: монархия, сумевшая избежать войн, могла сосредоточить свое внимание на преимущественном решении внутренних проблем). Рубежом можно считать конец 1894-го, 1895 и 1896 годы. То было время совпадений нескольких процессов, развитие которых в конце концов преобразило всю политическую действительность.

В Россию входил капитал — крупная сила, появившаяся как-то неожиданно, вдруг. «Конечно, к 90-м годам в России существовал капитализм, но размеры громадного явления эта новая сила приобрела только в ходе небывалого промышленного подъема, начавшегося в 1895 году, — писал Ю. Б. Соловьев в книге „Самодержавие и дворянство в конце XIX века“. — Давая 9 процентов ежегодного прироста, русская промышленность обогнала по темпам развития все другие страны, оставив позади даже бурно растущую Америку. В течение нескольких лет Россия обзавелась базой тяжелой промышленности, построила Донбасс, совершила в целом громадный скачок в своем промышленном развитии, а капитал, и верно, стал значительной фигурой, сразу сформировавшись как финансовый капитал». Складывалась странная картина: бурный рост капитализма на фоне отсталого землевладения. Марксистские (по форме) характеристики, данные отечественным историком Ю. Б. Соловьевым еще в начале 1970-х годов, не должны нас пугать — они лишь фиксируют то положение, которое сложилось в России на заре последнего царствования. Важно отметить иное: говоря о внутренней политике власти, ученые пытались показать те противоречия, преодолеть которые в условиях самодержавной государственности было чрезвычайно сложно.

Действительно, развивая промышленность, власть старалась не допустить разрушения крестьянского общинного уклада и уничтожения сословного характера землевладения. Парадокс заключался в том, писал Ю. Б. Соловьев, что самодержавие боролось «с утверждающимся капиталистическим укладом в сфере политики», создавая «ему оранжерейные условия в области экономики», при этом ограничивая и стесняя развитие капитализма в деревне. В подобных условиях будущее помещного дворянства не вселяло оптимизма — «благородные» землевладельцы в большинстве своем не смогли приноровиться к новым методам хозяйствования, средства рационально использовать не умели и в

итоге оказались заложниками мирового аграрного кризиса, низшая точка которого пришлась на 1893–1895 годы. Год от года диспропорция между промышленным и сельскохозяйственным производством увеличивалась. Мощный промышленный подъем 1893–1899 годов, с которым было тесно связано и железнодорожное строительство, стал доказательством этого непреложного факта.

На фоне промышленного роста, политические последствия которого только начинали определяться, Николай II должен был *не столько продолжать, сколько развивать* социально-экономическую политику своего отца и определять соответствующую ей *идеологию*. Однако необходимых знаний и опыта у молодого царя не имелось, разговоры о его неподготовленности в 1890-х годах получили широкое распространение (неслучайно еще в 1893 году ходили упорные слухи, что он не хочет царствовать и упрощает Александра III не передавать ему скипетр). Такое отношение к царю, пишет В. С. Дякин, придавало значительное влияние «и другому фактору, давнему источнику беспокойства — общепризнанному ничтожеству, малокалиберности и просто некомпетентности лиц, составляющих правительственную среду». И хотя эта среда в 1890-е была вовсе не «ничтожной» и «малокалиберной», слухи делали свое дело, противопоставляя «власть» (олицетворенную монархом) и «общество» (обыкновенно ассоциируемое с земскими деятелями и представителями «свободных профессий»)...

Ко времени смерти Александра III политические симпатии его сына не были известны широким кругам русской общественности, он был «закрытой книгой» для тех, кто не видел в предшествовавшем царствовании исторических перспектив. То, что Николай II молод, внушало оптимизм, ведь молодость, как правило, не ассоциируется с идеями «консервации». Так думали многие, в том числе и Лев Николаевич Толстой. В том же 1894 году, вскоре после восшествия на престол Николая II, он начал писать рассказ-сказку с характерным названием — «Молодой царь». Это незавершенное произведение можно считать напутствием великого писателя последнему самодержцу России. Сюжет его прост: царь, только что вступивший на престол, решил, устав от трудов праведных, устроить себе в рождественский сочельник, вечером, отдых. Накануне он много работал с министрами: утвердил изменение пошлины на заграничные товары, поддержал продажу от казны вина и новый золотой заем, необходимый для конверсии, одобрил циркуляр о взыскании недоимок, указ о мерах пресечения сектантства и правила о призыве новобранцев. Наконец царь освободился, вернулся в свои покои и стал с нетерпением

ждать прихода супруги. Однако пока ждал — уснул. Его разбудил некто — «он», кого царь ранее не знал.

По ходу рассказа становится понятно, что Толстой под видом этого неизвестного хотел показать Христа. Христос провел царя по различным местам, показав, к чему приводит исполнение его распоряжений, — к убийству на границе несчастных контрабандистов; к повальному пьянству в деревнях, где люди уже перестают быть людьми, теряя человеческий облик; к притеснениям неправославных христиан; к насилиям и смертям невинных в ссылках. После всего увиденного, проснувшись в слезах, молодой царь в первый раз «почувствовал всю ответственность, которая лежала на нем, и ужаснулся перед нею». В беспокойстве он вышел из своих покоев и в соседней комнате увидел старого друга своего отца. Тот попытался убедить его, что все не так уж плохо, что не надо преувеличивать собственную ответственность. «И ответственность на вас только одна — та, чтобы исполнять мужественно свое дело и держать ту власть, которая дана вам. Вы хотите добра вашим подданным, и Бог видит это, а то, что есть невольные ошибки, на это есть молитва, и Бог будет руководить и простит вас».

Услышав это, молодой царь обратился с вопросом к жене, а та не согласилась с царедворцем. Обрадовавшись сну, увиденному супругом, она («молодая женщина, воспитанная в свободной стране») признала, что ответственность, лежащая на царе, — ужасна. «Надо передать большую часть власти, которую ты не в силах прилагать, народу, его представителям, и оставить себе только высшую власть, которая дает общее направление делам». Завязался учтивый спор: с царицей не согласился царедворец. Но царь вскоре перестал слышать спор, внимая голосу «спутника в его сне». Тот убеждал царя, что он прежде всего человек, у которого помимо царских есть и человеческие обязанности, вечные — «обязанность человека перед Богом, обязанность перед своей душой, спасением ее и служения Богу, установлением в мире Его царства».

«И он проснулся. Жена будила его, — завершал свое повествование Толстой, замечая: — Какой из тех трех путей избрал молодой царь, будет рассказано через 50 лет».

История рассудила иначе — уже через несколько месяцев Толстой убедился, какой путь избрал молодой царь. Наивные представления писателя о супруге самодержца как о женщине, желавшей насадить в России европейские свободы и права, также не оправдались. Сейчас, зная историю последнего царствования, даже удивительно читать о подобных надеждах. Однако задним умом быть крепким несложно. Не будем

забывать, что современники «молодого царя» могли только мечтать, рассуждая о возможных сценариях будущего. Молодость Николая II давала им такую возможность.

Конечно, если юноша и не имеет ответа на вопрос «Что делать?», то, по крайней мере, он задается вопросом иным — «С чего начать?», по ходу жизни и накопления опыта научаясь преодолевать возрастной максимализм. Но все это — в теории. Российская практика в очередной раз доказала исключительную важность субъективного фактора в истории. Библейский Екклесиаст был, безусловно, прав — все возвращается «на круги своя», часто (добавим уже от себя) даже незаметно для современников. Да и было ли чему возвращаться? Надежда на изменение направления политического «ветра» после октября 1894 года была столь же обманчива, сколь и вера в то, что желание все оставить «как раньше» вполне осуществимо. Сохранение «формы» порой вводит в заблуждение относительно будущего «содержания». Но большое видится на расстоянии. Всему свой черед. Иллюстрацией сказанному и стала история России — от воцарения Николая II и до первой революции 1905 года.

Начало этого пути — речь, произнесенная молодым самодержцем 17 января 1895 года; речь, обозначившая его как политика — в данном случае неважно, самостоятельного или нет. Понять ее, правильно оценить — значит выйти на вопрос о том, как понимал Николай II идею самодержавия, и более широко, на проблему самодержавия как стержневого принципа российской государственности. Но об этом чуть позже.

Речь, произнесенная царем 17 января 1895 года в Николаевском зале Зимнего дворца, была ответом на верноподданнический адрес, подготовленный тверским земством в самом конце 1894-го. Проект адреса отредактировал Ф. И. Родичев, впоследствии — один из наиболее активных деятелей партии конституционных демократов (кадетов). Часть гласных отказалась его подписать, но большинство все-таки дали согласие на то, чтобы документ был преподнесен самодержцу. Ничего крамольного в нем не содержалось, хотя земцы подчеркивали, что государь — первый слуга народа, и заявляли о существовании средостения (то есть бюрократии), отделявшего государя от народа. В адресе также выражалась надежда на то, что соблюдение законов в России будет обязательным для всех, и для представителей власти, что права отдельных лиц и общественных учреждений будут незыблемо охраняться, причем эти учреждения получат возможности и права выражать свое мнение.

Об адресе узнали до того, как депутация выехала в столицу, и министр внутренних дел И. Н. Дурново заранее известил ее членов, что Ф. И.

Родичев и А. А. Головачев (также принимавший активное участие в составлении документа) не будут допущены к государю. Таким образом, приветствовать Николая II позволили только предводителю Осташковского уездного дворянства Уткину. Уже в Петербурге Уткин встретил «недружелюбное отношение к себе других депутатов и так был взволнован, что, поднося хлеб-соль, уронил их и поднес пустое деревянное блюдо». В дальнейшем все подписанты получили высочайший выговор, а Родичева лишили права участвовать в каких-либо общественных собраниях, земских или сословных. По мнению одного из земцев-тверичей И. И. Петрункевича, речь самодержца явилась ответом на этот адрес «и предупреждением всем другим, чтобы они не якшались с тверяками». Что же сказал царь в ответ на скромное приветствие земцев, лишь намекнувших на желательность большего сотрудничества короны с выборными элементами общества? Его речь, произнесенная перед представителями дворян, земств и городов, была проста и безыскусна.

Вот она: «Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданнических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что Я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный покойный Родитель»^[45]. Вот и все. Не смейте думать, что государь изменит самодержавному принципу — этот принцип останется таким же, каким был до того — при Александре III. Эстафета власти — в руках преемника и единомышленника покойного правителя. Это — политическое *credo*. С ним не поспоришь.

Историк Ю. Б. Соловьев называл речь 17 января 1895 года новым изданием манифеста 29 апреля 1881-го, то есть «публично заявленным отказом царизма в чем-либо поступиться своей властью»^[46]. Этот отказ был подготовлен — никакого экспромта. И готовил его оберпрокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев — составитель манифеста 29 апреля 1881 года, ознаменовавшего начало «нового курса» императора Александра III.

Речь 17 января 1895 года явилась отголоском записки, поданной Николаю II Победоносцевым и одобренной царем. Суть ее — доказать, что самодержавная форма правления должна быть сохранена во что бы то ни

стало, в противном случае — «Россию ждет неизбежная гибель вследствие внутренних раздоров и неминуемого распада государства». Открывший для исследователей эту записку Ю. Б. Соловьев справедливо указал, что в ней заключалась квинтэссенция мыслей старого учителя юного царя, его символ веры. То, что Николай II полностью согласился с изложенными Победоносцевым мыслями, видно из царской резолюции, оставленной на первой странице, — «отлично». Преемственность правлений отца и сына этой запиской и этой резолюцией была обеспечена и подтверждена.

Пошел бы Николай II «путем реакции» (как определялось в советское время политическое направление русского самодержавия конца XIX — начала XX века), если бы не Победоносцев? Ответ должен быть положительным: не имея самостоятельной программы действий и четких политических представлений, Николай II был воспитан в глубоком и искреннем убеждении — неограниченное самодержавие есть безусловное благо для России. «Оформить» эти убеждения, облечь их в слова оберпрокурор Святейшего синода и помог своему бывшему ученику. Как ранее для Александра III, К. П. Победоносцев и для его сына стал «духовным восприемником. Через него самодержавие заявило о своих намерениях в манифесте 29 апреля, им написанном, и в речи 17 января, им составленной». Пройдет немногим более года, и Победоносцев оформит свои политические взгляды, выпустив «Московский сборник» — как раз ко времени коронации Николая II. «Сборник» станет его завещанием, подведением итогов многолетней работы его политической мысли, получавшей практическое подтверждение в государственной деятельности. Но это будет в 1896 году. А пока — записка.

«Народ русский живет в своем государе, сознает себя в нем, видит в нем живое воплощение исторического назначения, признает в нем источник своего могущества и орудие своей независимости и своего блага, — писал К. П. Победоносцев. — Это чувство содержит в себе что-то религиозное: соединенное в народной душе с ее приверженностью к Церкви, с общей верой, которая связывает ее с государем, это чувство становится движущей силой самого государя точно также, как и его народа. Согласно пониманию народа, эта связь должна быть единой и неделимой, и власть государя должна быть неограниченной. Вся наша история провозглашает этот принцип и подтверждает его»^[47]. Лучше не скажешь: без царя народа нет, понятие это не только политическое, но и мистическое. Связь царя и народа не может быть по-настоящему прочной, если она осуществляется посредством «соединительных звеньев» (назовем их так), то есть когда самодержавные prerogatives препоручаются кому-либо.

Чтобы царь это уяснил, Победоносцев усилил свой тезис конкретным заявлением: «...так называемые представители народа есть всего лишь посланцы и прислужники партий, навязанные народу вопреки его воле и врожденному чувству путем интриг, подкупа и насилия». Опираясь на авторитет почившего царя, Победоносцев связал его имя с национальным принципом России, понимаемым как безусловный триумф самодержавной власти. Он припомнил последние годы царствования Александра II, омраченные «внутренними раздорами» и стремлением «взбалмошных умов» найти «исцеление от беспорядка... в парламентских учреждениях», пропев гимн ясному и твердому уму Александра III («память о котором мы лелеем»), упрочившему самодержавную власть и тем остановившему смуту в стране.

Что оставалось делать молодому государю? Быть непоколебимым в отстаивании принципа власти, охраняя ее главную ценность, переданную по наследству самодержавным родителем. И Николай II без всяких сомнений решил заявить об этом публично 17 января. Чтобы не ошибиться, царь положил записанную речь в барашковую шапку (дабы чего не забыть) и зачитал. В подготовленном тексте он, правда, заменил одно слово: вместо «беспочвенных мечтаний» появились «бессмысленные». «Речь была сказана твердым и довольно суровым голосом, — вспоминали современники. — После произнесения этих слов государь повернулся и пошел назад к дверям, из которых вышел. Дворяне, мимо которых он проходил, кричали ура, представители земств молчали»^[48]. Но все, кто были на приеме, памятное («бессмысленное») слово, «выкрикнутое фальцетом», заметили и оценили.

Речь сильно критиковали, она не встретила сочувствия даже в близких к трону кругах. Будущий министр внутренних дел Д. С. Сипягин, в 1895 году занимавший пост товарища (заместителя) министра, встречался с одним из депутатов, присутствовавшим на памятном приеме 17 января. В выражениях депутат не стеснялся: «Вышел офицерик, в шапке у него была бумажка; начал он что-то бормотать, поглядывая на эту бумажку, и вдруг вскрикнул „бессмысленными мечтаниями“, — тут мы поняли, что нас за что-то бранят, ну к чему же лаяться?»

История эта быстро распространилась по Петербургу — уже 19 января граф В. Н. Ламздорф в дневнике отметил, что описание провинциальным депутатом поведения царя, «хотя и вульгарное, довольно показательное». Видимо, произошедшее не удивило графа — царь не вызывал у него особых симпатий (как, впрочем, и антипатий). Не вызвало одобрения и поведение молодой царицы — ей ставилось в вину, что 17 января она

«держалась совершенно одеревенело и не приветствовала депутации, когда они проходили друг за другом перед Их Величествами». Ни Александр III, ни Мария Федоровна таких саркастических характеристик от лиц из ближайшего окружения не удостоивались. Николай II с самого начала проигрывал в глазах многих из тех, кто был рядом с ним, «творил его волю». Громкое заявление о самодержавии осталось только звуком, фразой, сказанной не вовремя и не к месту, к тому же усиленной указанием на «бессмысленные мечтания».

«Очень немногие восхваляют речь царя, но сожалеют и те, что он это сказал, — отмечала А. В. Богданович в книге „Три последних самодержца“. — Теперь все, кто слышал слова царя, говорят, что видно в нем деспота. Говорят, что слово „бессмысленные“ было прибавлено царем по совету вел. кн. Сергея Александровича. Это на него похоже». Вот так, вместо того чтобы укреплять представление подданных о себе как о бескомпромиссном самодержце, Николай II приобрел славу «деспота». Время шло — и слава росла. В 1907 году, вспоминая свой разговор с П. Н. Дурново, журналист и издатель А. С. Суворин записал в дневнике его слова о царе, произнесенные вскоре после кончины Александра III, — «это будет слабосильный деспот».

Девальвация самодержавного принципа — что может быть страшнее для монархической государственности и олицетворявшего ее абсолютного монарха.

Публицист В. П. Обнинский — современник царя, придерживавшийся либеральных взглядов и считавший его не только неудачным, но и «вредным для страны правителем», писал в очерке «Последний самодержец», что выступление 17 января 1895 года «можно считать первым шагом Николая по наклонной плоскости». Понятно, что для Обнинского, после революции 1905–1907 годов создававшего политический памфлет на последнего царя, история его жизни — сплошное соскальзывание вниз (как в глазах подданных, так «и всего цивилизованного мира»). Но даже учитывая пристрастность Обнинского, стоит отметить: заявление о «бессмысленных мечтаниях» стало вехой в политической биографии Николая II, не встретив «положительного отклика даже в кругах, ближе всего стоявших к власти»^[49].

Резко отрицательно отнесся к речи царя и Л. Н. Толстой, 26 января участвовавший в собрании представителей московской либеральной интеллигенции. В мае 1895 года писатель начал даже работу над статьей о «бессмысленных мечтаниях», намереваясь опубликовать ее в России. Вскоре он понял, что цензура не позволит статье увидеть свет, и оставил

эту идею. Однако и в незавершенном виде статья Л. Н. Толстого представляет собой яркое публицистическое произведение. Речь, произнесенную царем 17 января, Лев Николаевич сравнил с ситуацией, в которой оказываются маленькие дети: «Ребенок начинает делать какое-нибудь непосильное ему дело. Старшие хотят помочь ему, сделать за него то, что он не в силах сделать, но ребенок капризничает, кричит визгливым голосом: „Я сам, сам“, — и начинает делать; и тогда, если никто не помогает ему, то очень скоро ребенок образумливается, потому что или обжигается, или падает в воду, или расшибает себе нос и начинает плакать. И такое предоставление ребенку делать самому то, что он хочет делать, бывает если не опасно, то поучительно для него. Но беда в том, что при ребенке таком всегда бывают льстивые няньки, прислужницы, которые водят руками ребенка и делают за него то, что он хочет сделать сам, — и сам не научается, и другим часто делает вред». Под няньками писатель имел в виду русскую бюрократию, аттестованную им стаей «жадных, пронирыливых, безнравственных чиновников, пристроившихся к молодому, ничего не понимающему и не могущему понимать молодому мальчику, которому наговорили, что он может прекрасно управлять *сам один*».

Как оценил свое выступление сам царь — мы не знаем; известно только, что речь далась ему непросто: «...был в страшных эмоциях перед тем, как войти в Николаевскую залу, к депутациям от дворянства, земств и городских обществ», — записал он в тот же день в дневнике. А после опубликования речи пошла по рукам прокламация: «Вы сказали ваше слово; вчера мы еще совсем не знали Вас; сегодня все стало ясно; Вы бросили вызов русскому обществу, и теперь очередь за обществом, оно даст Вам свой ответ»^[50]. Перефразируя эту прокламацию (приписывавшуюся Ф. И. Родичеву, хотя ее автором был будущий монархист, а в конце XIX века — «легальный марксист» П. Б. Струве), П. Н. Милюков изложил ее суть в двух словах: «Вы хотите борьбы? Вы ее получите».

Ученик В. О. Ключевского, историк А. А. Кизеветтер полагал, что именно в середине 1890-х годов российское общество сделало первый шаг к революции 1905 года: земская среда «стала серьезно готовиться к политической схватке, окончательно изверившись в возможности согласования правительственной политики с передовыми общественными стремлениями». А Ключевский оказался настоящим пророком — в откровенной беседе с Кизеветтером он сказал: «Попомните мои слова: Николаем II окончится романовская династия; если у него родится сын, он уже не будет царствовать». «Новое царствование не принесло никакого

изменения в направлении правительственной политики»^[51], что явилось грозным предвестником нестабильного будущего России.

Молодой государь, безусловно, сознавал, что к роли самодержца он подготовлен недостаточно. «Иногда я должен сознаться, — писал Николай II в апреле 1895 года любимому дяде — великому князю Сергею Александровичу, — слезы наворачиваются на глаза при мысли о том, какую спокойною чудною жизнь *могла быть* для меня еще много лет, если бы не 20 октября! Но эти слезы показывают слабость человеческую, эти слезы сожаления над самим собою, и я стараюсь как можно скорее их прогнать и нести бесповоротно свое тяжелое и ответственное служение России». Государю тяжело, плохо, однако он не вправе рассчитывать на сострадание, он обязан следовать по предначертанному пути. Ощутить «новое время» молодой самодержец вряд ли мог — для этого нужна была политическая школа, а он в нее поступил волею судьбы лишь 20 октября 1894 года.

«Так показательно началось новое царствование, история которого не имеет ни одной светлой страницы, — написал о речи 17 января И. И. Петрункевич, прибавив: — Все, к чему прикасалась рука этого человека, не знало удачи и носило печать эгоизма, неискренности, обмана, жестокости и равнодушия к судьбам России». Не слишком ли жестко сказано? Спешить с ответом не стоит. Заложник своего положения, Николай II понимал свою ответственность за полученное по праву рождения самодержавное наследство. Но неспособность соответствовать этому наследству явилась и его личной драмой. Обвинить его в нелюбви к России нельзя. Но Россию он видел только монархическим государством; отказаться от такого взгляда для него было равносильно измене тем принципам, на которых его воспитали. Не учитывая этого обстоятельства, трудно понять Николая II (как человека и монарха) иначе, чем это сделал И. И. Петрункевич.

«Император Всероссийский есть Монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной Его воле, не токмо за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает», — говорилось в статье первой Основных государственных законов Российской империи. Указание на самодержавный характер правления русского монарха было основополагающим для всего российского законодательства. Исходя из этого, законодательство включало и положение об управлении империей «на твердых основаниях положительных законов, уставов и учреждений, от

самодержавной власти исходящих». Тем самым подчеркивалось и утверждалось, что Россия — не деспотия, а самодержавие — не самоуправство. Источник власти был один и не мог делегироваться кому-либо еще или ограничиваться представительными учреждениями. Иначе самодержавие как политический принцип превращался бы в фикцию. О том же свидетельствовали и формы присяги императору, которую приносили наследник престола и члены Императорского дома (при достижении совершеннолетия), и форма всенародной присяги на верность подданства: везде клятвенное обещание «все к высокому Его Императорского Величества самодержавию» принадлежащие права и преимущества «предостерегать и оборонять».

Таким образом, борьба с самодержавием, равно как и критика его, могла рассматриваться как государственное преступление. Но кроме юридического аспекта вопрос о прерогативах самодержца имел и другой — морально-нравственный. По справедливому замечанию московского ученого А. Н. Боханова, «высшим символом власти, ее единственным и бесспорным авторитетом неизменно оставался в народном сознании царь, олицетворявший не политику или учреждение, а бесспорный образ земного, но „Божьего установления“». Политической фигурой такой царь мог быть не в большей степени, чем фигурой символической, сакральной. Его самодержавие не мыслилось без религиозного освящения и, безусловно, предполагало церковную санкцию. В Российской империи такую санкцию обеспечивала православная церковь, ведь император мог исповедовать лишь православную веру, будучи верховным защитником и хранителем ее догматов и блюстителем церковного правоверия и благочиния. Подобные права царь получал посредством акта священного коронования (хотя и до того его особа воспринималась как «священная»).

О коронации последнего русского императора речь пойдет впереди, здесь же необходимо отметить, что разговор о самодержавии в конце XIX века неизбежно выводил современников на вопрос о бюрократии или, говоря языком тех лет, о «средостении», отделявшем самодержца от его подданных. К началу XX века это стало настолько очевидно, что даже идеолог монархической государственности, бывший революционер Л. А. Тихомиров вынужден был констатировать: «Все устройство России с 1861 года составляло работу бюрократии»^[52]. Монархический принцип, по мнению Тихомирова, силен только нравственным единением. Если же оно никак не поддерживается и не проявляется, то «в народе неизбежно начинают шевелиться сомнения в реальности такой формы Верховной Власти, и получает успехи проповедь других принципов государственного

строю». Тихомиров писал это в революционном 1905 году. Но его наблюдения нельзя признать «запоздалым прозрением». О том же беспокоились наблюдательные современники Тихомирова и десятью годами раньше.

О вреде бюрократического всеислия писал и В. В. Розанов. В июльском номере журнала «Русский вестник» за 1895 год должна была появиться его статья «О подразумеваемом смысле нашей монархии», в которой Розанов стремился доказать, что монарх — своеобразный «страж горизонтов», мировой компас корабля-истории. Бюрократия же около него — помощники («кочегары, плотники, механики, матросы»). Но статья тогда не дошла до читателей — из-за нее «Русский вестник» арестовали. Тогда В. В. Розанов пришел на прием к обер-прокурору Святейшего синода К. П. Победоносцеву, прочитавшему его статью. К. П. Победоносцев честно признался, что автор статьи прав, что бюрократия заместила власть монарха, и пояснил: «Государь только припечатывает то, что мы ему подносим».

Почему же оберпрокурор Святейшего синода запретил публикацию статьи Розанова?

Причина банальна — нежелание публично рассуждать о болезненных государственных проблемах. «Все рассуждения ваши правы, — сказал он В. В. Розанову, — но вы знаете наше общество, готовое все поднять на зубок. Что вы говорите серьезно и с желанием принести серьезную пользу — того не заметят; а что вы приводите как примеры смешного и глупого — подхватят, разнесут и предадут смеху то самое, что вы читаете». <...> «Механизм падения монархий вы правильно указываете: но не берите наши дела в пример, а объясняйте этот механизм этого падения на западных государствах». А ведь В. В. Розанов писал в статье прежде всего о необходимости сохранения самодержавного принципа, то есть выступал с охранительных (назовем их по-старому) идеологических позиций! С удивительной пронизательностью и даже «победоносцевской» силой убеждения философ постарался показать, что в русском монархе заключен синтетический смысл истории, а истинное содержание монархической деятельности — в охране принципов жизни. «Монарх более *не полный*, — писал Розанов, — есть и *никакой*; если он не центр, координирующий в себе явления жизни народной, то он и не орган который-нибудь в ней, хотя бы и пытался стать таковым. Он снял некоторые блески из венца своего — время разнесет остальные; он коснулся святого, таинственного омофора над собою — и не убежит, не спасется, не уклонит головы своей...»

Замечание в духе самых искренних монархистов, считавших, что даже

малая измена принципам самодержавия чревата для страны большими бедствиями. Конечно же оберпрокурор не мог не приветствовать подобных слов, но он не хотел говорить о русской бюрократии, всевластие которой не могло не настораживать и Николая II, с самого начала своего правления с подозрением относившегося к чиновничеству. Американский исследователь Р. Уортман справедливо подчеркивает, что последний царь весь официальный административный аппарат рассматривал как чуждый и антимонархический, не доверяя почти всем чиновникам, и в первую очередь — наиболее одаренным, видя в них угрозу собственной власти.

Впрочем, сейчас речь не о том. Важнее подчеркнуть, что с первых месяцев царствования Николая II вопрос о самодержавии обсуждался и осмысливался, увязываясь с вопросом о «средостении». Пройдут годы, а желание преодолеть «средостение» будет заставлять императора искать неофициальные пути получения «правдивой» информации о стране и народе. Но преодолеть власть чиновников, найти ей альтернативу ему не удастся. Это окажется одним из самых горьких политических разочарований царя. Наверное, иначе и быть не могло. О каком доверии к чиновникам могла идти речь, если даже его учитель и наставник К. П. Победоносцев совершенно спокойно относился к отсутствию надлежащих моральных качеств у государственных людей! Характерен эпизод, рассказанный в 1905 году издателем князем В. П. Мещерским. Однажды к обер-прокурору Святейшего синода пришел государственный контролер Т. И. Филиппов и спросил, правда ли, что Победоносцев берет к себе на службу некоего недостойного человека («ведь он подлец»). «„А кто нынче не подлец?“ — возразил государственный мудрец. Т. И. Филиппов окаменел перед таким изречением долголетнего опыта сношений с государственными людьми». Так апологетика принципов самодержавной власти русских монархов сочеталась у К. П. Победоносцева с откровенным политическим (бюрократическим) прагматизмом.

«Средостения» — как разрушителя самодержавия — он старался не замечать, большее внимание обращая на другое зло (или, вернее сказать, на то, что таковым считал) — идеи парламентаризма. Не будет, видимо, большой натяжкой рассматривать его «Московский сборник», выпущенный в год царской коронации, как своеобразное напутствие молодому государю; оберпрокурор указал те политические «болевые точки», игнорировать которые русский самодержец не должен. «Московский сборник» — своего рода катехизис религиозного консерватора, антология монархической мысли, чем более всего и интересен.

Книга состояла из 20 небольших очерков. Это не только рассуждения,

но и выписки, сделанные Победоносцевым в разное время, но сведенные под единой обложкой лишь в 1894 году. Как оберпрокурор Святейшего синода, убежденный в правильности церковно-государственного устройства империи, Победоносцев утверждает мысль, что в России единство духовного самосознания народа и правительства есть фундамент государственной, то есть самодержавной власти.

Другая мысль, которую он глубоко и всесторонне исследует, — это мысль о демократии, разумеется, в том виде, как она успела оформиться в современной ему Западной Европе. Идея, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в народной воле, для него изначально лжива; соответственно, и идея парламентаризма — «великая ложь нашего времени». Рассуждения по поводу парламентаризма отличаются особой страстностью и призваны убедить читателя в том, что торжественное обетование счастья — реализация в «общественном быте» красивых фраз о свободе, равенстве и братстве — не есть путь к гармонии. «Масса не в состоянии философствовать; и свободу, и равенство, и братство она приняла как право свое, как состояние, ей присвоенное. Как ей, после того, помириться со всем, что составляет бедствие жалкого бытия человеческого, — с идеей бедности, низкого состояния, лишения, нужды, самоограничения, повинования?» В результате, полагает Победоносцев, «правительству приходится вести игру и передергивать карты». Смысл заявленного прост — утвердить мысль о несовместимости религиозно ориентированного государства с парламентом и демократией западноевропейского образца. Как ковчегом Завета необходимо дорожить старыми учреждениями и старыми преданиями, ведь *идея* усваивается массой только непосредственным чувством, воспитываемом в ней, массе, историей и передаваясь из поколения в поколение.

Существовало и еще одно важное обстоятельство, которое, говоря о «Московском сборнике», нельзя игнорировать. Это — представленная Победоносцевым дуалистическая картина мира. Он постоянно противопоставляет веру — неверию, анархию — власти, истину — факту, жизнь — смерти и т. д. Современный петербургский исследователь В. В. Ведерников тонко подметил, что оберпрокурор Святейшего синода не рассматривал исключительно Запад в качестве «носителя» социальных и политических «болезней», а, говоря о всем цивилизованном обществе, включал в него и Россию^[53]. При этом христианская истина для оберпрокурора Святейшего синода наиболее полно выражается в православии. «Разумеется, для Победоносцева православие выражает сущность русской народной души, но все же религиозная истина придает форму народу, а не

наоборот», — пишет В. В. Ведерников. В целом текст «Московского сборника» ориентирован на пророческую традицию. Ветхозаветные пророки, с которыми данная традиция связана, внесли в мир понятия о господстве над земным произволом закона справедливости и милосердия Единого Бога. Устами пророка говорил Сам Господь. «Отсюда же, — полагает В. В. Ведерников, — вытекает и нежелание Победоносцева вступать в полемику со своими оппонентами, его постоянные жалобы на непонимание и одиночество. Ведь справедливость предсказаний очень часто становилась очевидной только после смерти пророка».

Но дает ли Победоносцев ответ на вопрос «Что делать?» По-своему, дает: необходимо сохранять традицию, дорожить ею, никогда не забывая, что жизнь русского народа неотделима от православной церкви. Так перед взором читателя предстает новое издание старой, еще эпохи Николая I, идеологической формулы: православие, самодержавие, народность. Ничего новаторского, никаких свежих предложений. Блестящая критика и только. Как сохранить старые ценности в изменяющемся вокруг европейском мире, Победоносцев не писал, он — обвинитель, а не строитель. В этом была его сила и в этом же заключалась его слабость. Философские построения Победоносцева, наверное, можно считать «стареньким идейным багажом», который был в распоряжении самодержавия в конце XIX века, но, полагая, не менее важно учитывать и другое обстоятельство: фигуры, равной по интеллектуальной мощи обер-прокурору Святейшего синода, на тот момент около молодого государя не было.

Большое, повторимся, видится на расстоянии, и сегодня нам проще рассуждать об «упущенных возможностях» и «нереализованных замыслах» русской монархии, чем современникам последнего царя. Однако и они прекрасно понимали, что новое царствование не будет простым продолжением предшествовавшего, что «охранительная» идеология не может быть панацеей от всех социальных и политических болезней империи, что носитель власти — личность не волевая. Последнее обстоятельство внушало особые опасения, ибо при самодержавной форме правления от самодержца зависит слишком многое. Коронационные торжества 1896 года свидетельствовали о том, что молодой царь далеко не всегда может адекватно реагировать на события, восстанавливает против себя подданных и невольно содействует постепенному разрушению авторитета самодержавной власти, оберегать которую, по мысли Победоносцева, он должен был прежде всего.

Первого января 1896 года в Зимнем дворце состоялся прием дипломатического корпуса. На фоне дворцового великолепия, расшитых золотом мундиров генералов, дипломатов и придворных некоторым современникам царь, в пехотном полковничьем мундире с лентой ордена Святого Александра Невского, показался маленьким и тщедушным. Острили даже по поводу ордена Святого Александра Невского, замечая, что ордена Святого Владимира, учрежденного как награда за отличия на государственной службе, новый царь пока себе не пожаловал. Насколько уместен был этот сарказм — показало будущее, но 1 января стало вехой в судьбе последнего самодержца вовсе не из-за официального приема, а потому что в этот день был подписан высочайший манифест, извещавший российских подданных о намерении императора в грядущем мае возложить на себя корону предков и «воспринять, по установленному чину, Святое Миропомазание», приобщив к этому и свою супругу. Обязанности по подготовке коронации возлагались на министра Императорского двора графа И. И. Воронцова-Дашкова, при котором учреждались Коронационная комиссия и Коронационная канцелярия.

В условиях самодержавного строя коронация была событием выдающимся, ибо знаменовала *религиозное* вступление во власть ее верховного носителя. Коронация являлась актом легитимизации прав русского монарха на управление империей, ставила его *над* народом — как избранного самим Богом верховного вождя страны. Это обстоятельство, безусловно, необходимо учитывать. Но как его понимать?

Религиозный мыслитель русского зарубежья П. К. Иванов считал, что всероссийские самодержцы, начиная с Петра Великого, вместе с наследованием царства принимавшие механическое воззрение на свои отношения к Богу как чудесные ставленники Божией благодати, совершали трагическую ошибку. «Они считали себя в делах государства безответственными перед Богом, ибо верили, что Бог каким-то скрытым и чудесным образом через них осуществляет свои помыслы о России», — писал П. К. Иванов в книге «Тайна святых: Введение в Апокалипсис». Замечание парадоксальное, но не лишенное смысла — идея «безответственности» перед Богом в деле государственного управления требует внимания! Согласно Иванову, претензии самодержца на особые отношения с Богом, основанные лишь на факте «самодержавства», — беспочвенны.

Считая императоров XIX века благочестивыми и отдельно указывая на мучительное стремление последнего самодержца встретиться с истинным святым, П. К. Иванов тем не менее полагал, что они (из-за сознания себя избранниками Божиими — помазанниками) в делах царства не имели связи с живым Христом. Сказанное звучит как обвинение в грехе гордыни. Но цель мыслителя состояла вовсе не в обвинении самодержцев, а в указании на порочность «помазаннической идеологии», оформление которой он относит к началу XVIII века. Пытаясь понять смысл русской истории, находя его в православном христианстве, очищенном от синодальных наслоений, П. К. Иванов не стремится играть роль судьи; его задача труднее — найти истоки русской трагедии, приведшей к катастрофе 1917 года. Не будем спешить с выводами, оправдывать или критиковать взгляды П. К. Иванова, но постараемся запомнить его тезис о «безответственности» — он нам еще пригодится.

Итак, подготовка к коронации началась. Министерство Императорского двора составило расписание торжеств и опубликовало его в начале апреля. Масштабы праздника призваны были произвести неизгладимое впечатление на современников: мероприятия должны были продолжаться с 6 мая — дня рождения государя по 26-е. 11 мая (в Родительскую субботу) планировалось официально объявить о священном короновании. С 11 по 13 мая императорская чета должна была поститься («говеть»), готовясь к коронации, назначенной на 14 мая. 15 мая был день памяти коронования державного отца монарха — императора Александра III, состоявшегося 13 лет назад. На 14 и 15 мая планировались торжественные обеды в Грановитой палате, на 17 мая — представление в Большом театре, а на 18-е — народный праздник и (вечером) — бал у французского посла, 19-го — бал у австрийского посла, 20-го (в первый день Петрова поста) — у московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, 21-го — на приеме у московского дворянства.

22 мая, в день кончины бабушки Николая II императрицы Марии Александровны, предусматривалась поездка в Троице-Сергиеву лавру. Далее праздник предполагалось продолжить:

23 мая — бал в Александровском зале Кремлевского дворца, 24-го — музыкальное собрание у посла Германии, 25 мая, в день рождения императрицы Александры Федоровны, — торжественный обед для послов и посланников в Георгиевском зале Кремлевского дворца. Парад войскам и обед представителям московских правительственных и сословных учреждений в Александровском зале Кремлевского дворца 26 мая завершал торжества. Императорская чета в тот же день покидала Москву.

Ведомство дворцового коменданта разработало правила, по которым желающие должны были обращаться за разрешительными билетами. Даже обслуживающие участников торжеств кучера получили соответствующие ярлыки на шляпы. В Москву прибыло более трехсот русских и иностранных журналистов, художников и фотографов. На коронации присутствовали представители почти всех царствующих домов Европы, члены Императорского дома Романовых, придворные и высшие чиновники, представители православного духовенства, включая членов Святейшего синода, представители сословий.

Мать самодержца приехала вместе с детьми — великим князем Михаилом и великой княжной Ольгой. Наследник цесаревич — великий князь Георгий — 4 мая отбыл из южной Франции в Крым — в Абас-Туман. Прогрессирующая чахотка не позволила ему присутствовать на главных торжествах. Еще 16 апреля 1896 года Николай II писал матери, что молит Бога дать ей утешение видеть здоровым сына Георгия, и приводил слова Христа: *«Да не слушается сердце ваше, веруйте в Бога и в Мя веруйте»* и *«елика еще просите с верой у Бога, дается вам»*. «Эти слова, — пояснял молодой монарх, готовившийся вскоре надеть корону предков и принять церковное помазание на царство, — мне особенно дороги потому, что я в продолжение пяти лет молился Богу, повторяя их каждый вечер, прося Его облегчить переход Аликс в православие и дать мне ее в жены»^[54].

Со времен императора Павла I все празднества, связанные с коронацией, становились более продолжительными (до трех-четырёх недель), отличаясь все возрастающим великолепием. Лишь коронация Александра I прошла сравнительно скромно. Но в конце XIX века отношение к коронационным торжествам изменилось, их считали пережитком прошлого, хотя и продолжали считаться с традицией. Последние торжества превзошли предшествовавшие. «Прошлая коронация стоила 11 млн руб., — за два месяца до торжеств записала в своем дневнике «генеральша» А. В. Богданович, — про эту говорят, что будет стоить вдвое, то есть 22 млн руб.».

Особенностью этого церемониала являлось то, что на троне рядом с коронуемой четой поставили и трон императрицы-матери. Подобного ранее не случалось (хотя, например, вдова Павла I — императрица Мария Федоровна — присутствовала на коронациях двух своих сыновей, Александра I и Николая I). Это объяснялось тем, что в первые годы правления Николая II его мать имела большое влияние на сына и даже пыталась играть самостоятельную роль. Неслучайно и в «Придворном календаре» ее помещали между царствующим императором и его супругой,

то есть на втором месте. Некоторые современники подобное нововведение («странную иерархию») связывали с фамильным статутом императорской семьи, восходящим к временам Александра III, но объяснить этот «формальный статут» никак не могли. В дальнейшем влияние Марии Федоровны на ход государственных и семейных дел уменьшилось, но вплоть до революции 1917 года ее официальный статус сомнению не подвергался.

Коронация — это всегда суэта: необходимо разместить множество гостей и их слуг, прибывшие на торжества войска (а всего было собрано тогда 83 батальона, 47 эскадронов и сотен, более 20 батарей), наконец, отремонтировать здания и украсить город. Придворные и правительственные службы должны были решать многочисленные задачи, начиная от удовлетворения нужд гофмаршальской части, требовавшей в свое распоряжение 1300 человек постоянной прислуги и 1200 поденных работников, найма кучеров с экипажами и т. п., и заканчивая оборудованием новой электрической станции для освещения Кремля. «Весь город чистился, красился, наряжался, но особенно разукрашен был путь следования царя из Петровского дворца в Кремль, — вспоминал Б. А. Энгельгардт. — Все дома сплошь были завешены флагами, зеленью, в окнах виднелись бюсты и портреты царя и царицы, на стенах — гербы, вензеля, надписи. На перекрестках были устроены громадные арки с хоругвями, расшитыми золотом и серебром, с длинными кистями. У железнодорожного переезда возвышались две колонны по тридцать метров высоты, с патриотическими надписями». Патриотизм бывает разным. Для монархиста коронация — важнейший государственный праздник, символизирующий преемственность самодержавной власти. Это — религиозная мистерия. А либерально настроенные современники задолго до прибытия царя распространяли по Москве ерническое четверостишие:

Смущенные Рока игрой,
Теперь одного мы желаем:
Чтоб царь Николай наш Второй —
Нам не был «вторым Николаем!..»^[55]

Последний русский монарх не стал «вторым Николаем», хотя, как уже говорилось, почитал своего прадеда, не передалось ему прадедовской цельности, силы воли, любви к «императорскому ремеслу». Он был обречен играть свою, трагическую роль самодержца в стране, где

монархические настроения образованного меньшинства корректировались. Объясняя это явление прилагательно к эпохе Николая II, современный российский историк А. Н. Боханов пишет, что царь осознавался тогда как политическая фигура; «богопомазанность» в деформированной системе монархических представлений уже ничего не определяла. Об истоках этого явления мы будем говорить позже, сейчас же стоит отметить одно — рассуждать о цельном монархическом чувстве, объединяющем всех подданных российской короны конца XIX века, трудно. Коронацию далеко не все воспринимали как религиозно значимый акт. Например, мистически настроенные люди майскую коронацию считали тревожным знаком: вспоминали, как в том же месяце проходили торжества венчания на царство отца Николая II — Александра III, «и это давало повод говорить с зловещим шипением, что это не к добру: в мае венчаться — маяться...», а Николай I и Александр II короновались 22 августа^[56]. Конечно, подобные рассуждения всерьез воспринимать не стоило, мало ли какие совпадения бывают в жизни, тем более что царствование «майского» Александра III прошло в целом без потрясений, и все же...

Четырнадцатого мая в 10 часов утра императорская чета вошла в Большой Успенский собор Московского Кремля через южные двери. Встречал ее митрополит Московский Сергей (Ляпидевский). «Через помазание видимое, — напутствовал митрополит, — да подастся Тебе невидимая сила, свыше действующая к возвышению Твоих царских доблестей, озаряющая Твою самодержавную деятельность ко благу и счастью Твоих верных подданных». Это была религиозная задача, которую император должен был решать в течение всей своей жизни — как самодержавный правитель Российского государства. Так мыслил митрополит, так, очевидно, понимал свой долг и император. Спор о правоте (или ошибочности) подобных взглядов в данном случае ничего нам не даст, но вспомнить рассуждения П. К. Иванова «на тему», думается, будет и правильно, и к месту...

После того как император с супругой и матерью вошли в храм и сели на специально подготовленные троны, к Николаю II поднялся митрополит Петербургский Палладий (Раев) и попросил самодержца исповедовать православную веру. В ответ самодержец прочел по книге Символ веры, после чего диакон провозгласил великую ектенью, то есть молитвенно вспомнил всех членов дома Романовых. Затем в храме наступила полная тишина — началась непосредственная подготовка коронации: митрополиты Петербургский Палладий (Раев) и Киевский Иоанникий (Руднев) взошли на тронное место для «послужения» Николаю II во время его облачения. В

официальном изложении далее все проходило так: Николай II снял с себя обыкновенную цепь ордена Святого Андрея Первозванного, отдал ее великому князю Владимиру Александровичу и повелел возложить на себя императорскую порфиру с принадлежащей ей бриллиантовой цепью этого ордена. Митрополиты поднесли порфиру и помогли возложить ее на царя. Митрополит Палладий прочел две молитвы, и Николай II повелел подать ему большую императорскую корону, потом скипетр и державу. Затем он короновал вставшую перед ним на колени императрицу, возложив на ее голову малую императорскую корону. Перед этим царь прикоснулся своей короной к голове венчаемой супруги, демонстрируя тем самым, что свои права она получает *только как жена самодержца*. Москвичи были оповещены о случившемся, услышав 101 пушечный выстрел.

На самом деле коронация прошла не совсем гладко. Когда царь протянул руку к короне и хотел взять ее, тяжелая бриллиантовая цепь ордена Святого Андрея Первозванного, символ могущества и непобедимости, оторвалась от горностаевой мантии и упала к его ногам. «Один из шести камергеров, поддерживающих царскую мантию, наклоняется к сверкающей на полу регалии и подает ее министру Двора. Тот прячет Андреевскую цепь... в карман... Николай II выходит из оцепенения. Руки его опускаются к красной подушке и медленно поднимают над головой переливающуюся при свете бесчисленных свечей корону» — так красиво описал случившееся писатель Георгий Иванов, многие годы собиравший материалы для «Книги о последнем царствовании». Конечно, история с оторвавшейся цепью — мелочь, но многие современники, участвовавшие в коронационных торжествах, восприняли ее как дурной знак, предупреждение о грядущих несчастьях...

В тот день царь был в мундире Преображенского полка, как уже говорилось выше — с орденом Святого Андрея Первозванного, императрица Александра Федоровна — в белом серебряном платье и с лентой ордена Святой Екатерины. Мундир и подошвы сапог Николая II имели заранее сделанные отверстия — разрезы, невидимые со стороны, через которые только и можно было совершить миропомазание (в дальнейшем коронационная одежда была отдана на хранение — как святыня и историческая реликвия). Таинство миропомазания было совершено уже после коронования царя. В 10 часов 55 минут император опустился на колени для прочтения установленной молитвы. Все присутствовавшие в Успенском соборе вслед за Николаем II также встали на колени. В молитве, произносимой на церковнославянском языке, царь просил у Бога помощи в деле управления империей, публично исповедуя

древний принцип: «сердце царево в руке Божией». *«Буди сердце Мое в руку Твою, — говорил Николай II, — еже вся устроить к пользе врученных Мне людей и к славе Твоей, яко да и в день суда Твоего непостыдно воздам Тебе слово милостию и щедротами едиnorodного Сына Твоего, с ним же благословен еси со пресвятым и благим и животворящим Твоим духом во веки веков. Аминь».*

Затем митрополит Палладий прочел молитву за царя и произнес приветственную речь. Чин коронации завершился, императорскую чету поздравили родственники и гости, после чего началась литургия. В ней участвовали три митрополита (Петербургский Палладий, Московский Сергей, Киевский Иоанникий) в сослужении протопресвитеров И. Л. Янышева и А. А. Желобовского, протоиерея И. И. Сергиева (Кронштадтского) и четырех клириков Успенского собора. Среди духовных лиц только отец Иоанн Сергиев присутствовал в Успенском соборе не потому, что занимал какую-либо официальную церковную должность, а потому что в конце XIX века был одним из самых известных православных священников России; в дни болезни императора Александра III в Крыму он молился у постели умиравшего императора.

Миропомазание царя состоялось после окончания литургии и причащения служившего духовенства. Готовясь к нему, император впервые (за все время нахождения в храме) снял шашку. Митрополит Палладий помазал его священным миром — «на челе Его Величества, очах, ноздрях, устах, ушах, персях и на руках». После чего вновь москвичей оповестили о случившемся 101 выстрелом. Затем таинство было совершено над императрицей, но митрополит Палладий «помазал священным миром только на челе Ее Величества». Затем через Царские врата Николай II вошел в алтарь собора, где причастился по царскому чину (как священнослужитель). Александра Федоровна причастилась в обычном порядке. Главный акт торжеств завершился, последовали поздравления. «Трудно себе представить и больший энтузиазм, чем тот, с которым толпа встречала своего царя при появлении его в короне и порфире на Красном крыльце...» — вспоминал Б. А. Энгельгардт. Новый монарх и молодая царица земно поклонились народу, чем вызвали бурю восторгов — существовавшие с давних времен традиции нарушены не были. Затем в Грановитой палате состоялся торжественный обед, на котором присутствовали более 250 гостей.

Этот день ознаменовался также высочайшим манифестом, в котором по случаю коронации даровались различные льготы и милости. Но главное, в манифесте подчеркивалось, что коронация — акт религиозный,

определявший будущее нового монарха как наследника традиций своих самодержавных предшественников. «Изволением и милостию Господа Вседержителя, — говорилось в нем, — совершив в сей торжественный день обряд Священного Коронования и восприяв Святое Миропомазание, повергаемся к престолу Царя Царствующих с усердным молением, да благословит Он царствование Наше на благо возлюбленного Отечества и да утвердит Нас в исполнении священного обета Нашего — верно и неуклонно продолжать унаследованное от венценосных предков дело строения Земли Русской и укрепления в ней веры, добрых нравов и истинного просвещения».

Так, коронация рассматривалась как пролог к успешному служению государя своей стране, что, в свою очередь, предполагало продолжение наследственного дела русских самодержцев — обустройства империи и ее народа. И хотя император начал свое правление еще 20 октября 1894 года — в день смерти отца, именно коронация легитимизировала то, что он получил по праву первородства и династическим законам. «С детства обрученный России, он в этот день как бы повенчался с ней», — образно выразился о коронации русский историк С. С. Ольденбург в книге «Царствование императора Николая II». Последовавшие затем торжества должны были доказать исключительную важность для монархического государства акта 14 мая.

Торжества фиксировались на киноленту: изобретение братьев Люмьер попало в Россию практически сразу же. Впервые в истории была заснята политическая хроника. В 1896–1897 годах снятые на коронации фильмы неоднократно демонстрировались в Павловском вокзале и летних театрах Петербурга. Царская семья увидела фильм о коронации летом 1897 года в Царском Селе. Устроители показа, несколько французских операторов, отснявшие фильм, получили специальные награды — перстни с бриллиантами.

По этикету царская чета должна была присутствовать на всех официальных мероприятиях, утвержденных Министерством Императорского двора. Одним из таких мероприятий стал парадный спектакль в Большом театре. Ничего особенного в этом конечно же не было, если бы не участие в нем бывшей возлюбленной самодержца — балерины Матильды Кшесинской. Министр Императорского двора, знавший историю первой любви Николая II, первоначально не собирался давать балерине разрешения на участие в коронационных торжествах (предполагалось поставить балет «Жемчужина» на музыку Дриго). Кшесинская же сочла это оскорблением перед всей труппой и обратилась с

жалобой к великому князю Владимиру Александровичу — дяде царя. В результате дирекция Императорских театров получила приказ «свыше».

«Моя честь была восстановлена, — вспоминала балерина, — и я была счастлива, так как я знала, что это Ники лично для меня сделал, без его ведома и согласия дирекция своего прежнего решения не переменяла бы». Для Кшесинской было важно, что царь исполнил ее желание, «защитив» ее. О том, что это бестактно по отношению к царице, она не думала, что вполне понятно: для женщины важно было доказать самой себе и окружающим «глубину чувств», связывавших ее с императором. Но почему так поступил любящий свою супругу Николай II? «Как, любя ее, он мог утвердить список участников торжественного спектакля, где „только две петербургские балерины и одна из них... Кшесинская“?» — задавался вопросом Г. Иванов. Правильнее поставить вопрос по-иному: не как мог утвердить список, а как он мог отказать бывшей возлюбленной? Личные переживания для царя всегда оказывались более важными, чем что-то другое.

Но уже на следующий день после спектакля об эпизоде с Кшесинской забыли. 18 мая на Ходынском поле, где были устроены народное гулянье и выдача подарков по случаю коронации, случилась трагедия, ставшая важной вехой последнего царствования и открывшая череду несчастий правления Николая II. Правительственное сообщение о случившемся было кратким: «Сегодня, 18-го мая, задолго до начала народного праздника, толпа в несколько сот тысяч двинулась так стремительно к месту раздачи угощений на Ходынском поле, что стихийною силою своею смяла множество людей. Вскоре порядок был восстановлен, но, к крайнему прискорбию, последствием первого натиска толпы было немало жертв: до 10 часов пополудни погибших на Ходынском поле и скончавшихся от полученных увечий тысяча сто тридцать восемь (1138) человек. Его Императорское Величество, глубоко опечаленный совершившимся, повелел оказать пособие пострадавшим — выдать по тысяче рублей на каждую осиротевшую семью и расходы на похороны принять на Его счет». Император откликнулся немедленно, но изменить уже ничего не мог. Коронация была омрачена пролитой кровью. Не оттуда ли, с Ходынского поля, и пошел по России миф о «кровоавом» царе, окончательно оформившийся после 9 января 1905 года? Не случайно на заре Первой российской революции заявляя, что «монархия идет к гибели, а без монархии у нас лет 10 неизбежна резня», идеолог «монархической государственности» Л. А. Тихомиров вспоминал Ходынку как «исполнение предвещания» неудачного царствования, слабого самодержца, гибели

монархии. О том, что в трагедии 18 мая 1896 года многие видели дурное предзнаменование, писал и С. Ю. Витте. В связи с произошедшим вспоминали и японское покушение 1891 года.

Но мы не будем поддаваться искушению воспринимать ходынской трагедию как безусловный знак грядущей беды, тем более что не все современники тех лет рассматривали ее, как Л. А. Тихомиров и С. Ю. Витте. «Много раз мне приходилось и читать и слышать, что народ будто бы усматривал в Ходынской катастрофе предзнаменование несчастливых дней будущего царствования императора Николая II, — писал слуга императрицы Александры Федоровны А. А. Волков. — По совести могу сказать, что тогда этих толков я не слышал. По-видимому, как часто бывает особенно в подобных случаях, такое толкование Ходынскому происшествию дано было значительно позднее, так сказать, задним числом. У нас ведь вообще любят в катастрофических событиях усматривать скрытый, таинственный смысл». Стоит добавить, что такой смысл ищут не только «у нас». Людям вообще свойственно объяснять трагедии настоящего трагическими событиями прошлого.

Собственно, история Ходынской катастрофы была такова. На 18 мая 1896 года власти назначили народный праздник, который должен был начаться раздачей хлеба, колбасы, сладостей, пива, эмалированных кружек и полотенец. В специальном павильоне, построенном на краю поля, к полудню должны были собраться высокие гости — министры, двор, иностранные гости; ожидался приезд царя и царицы. При появлении царя на балконе павильона, обращенного к полю, должен был грянуть оркестр, а затем уже поднятый на мачте флаг возвестил бы о начале раздачи подарков. Слух, да к тому же приукрашенный молвой, о сказочных подарках и празднике разнесся по крестьянской России. С утра 17 мая в Москву стали прибывать крестьяне из ближайших и отдаленных мест, шли пешком или приезжали на поезде. Около трех часов ночи 18 мая ситуация на поле стала опасной, и люди, видя непрерывно прибывавших пилигримов, стали спасать своих детей, поднимая их над головами толпы. Дисциплина при этом не нарушалась: перейти запретную черту, отделявшую собравшихся от будок, из которых планировалась выдача подарков, никто не смел. Толпа стояла, колыхаясь, но никуда не двигалась (хотя в ней уже были сотни мертвецов). Оцепенение разрядилось случайно: около шести часов утра кто-то, стоявший наверху ближайшей трибуны, махнул шапкой. Толпа приняла это за разрешающий сигнал и рванулась за линию к будкам. На поле осталось множество искалеченных тел. Как потом установили судебно-медицинские эксперты, одни погибли от асфиксии, другие — от

солнечного удара, а раздавлены были уже потом, будучи мертвыми. Бездействие московских властей, во главе которых был дядя царя — великий князь Сергей Александрович, стоило жизни 1389 человекам (количество погибших превышало официально названное число). Эвакуация трупов продолжалась до четырех часов вечера. Царская чета встречала на своем пути вереницу телег с телами погибших, прикрытых рогожами. Зрелище произвело на молодого царя «отвратительное впечатление». «В 12^{1/2} завтракали и затем Аликс и я отправились на Ходынку на присутствие при этом печальном „народном празднике“, — записал он в дневнике 18 мая 1896 года. — Собственно там ничего не было; смотрели из павильона на громадную толпу, окружавшую эстраду, на которой музыка все время играла гимн и „Славься“».

Действительно, появление царя на Ходынском поле прошло так, как будто ничего не случилось: крики «ура!», кидание шапок в воздух и т. п. «Царь уехал — и всякий страх пропал, — вспоминал события того дня журналист французской газеты «Temps» П. д'Альгейм. — Ни слова больше о несчастье. Пробираюсь к трибунам. Нахожу компатриотку, специально прибывшую на торжество из Парижа. Это старая великосветская дама, чопорная на английский лад. <...> Заговорили о катастрофе. „Боже мой! — заметила она небрежно, — что же тут удивительного? Такая масса народу... Но уже совершенно непростительно было, зная, что высочайший выход в два часа, поставить царскую трибуну прямо на солнце. Воображаю, какое было мучение для Их Величеств“». Подобное отношение к трагедии показательно, хотя особого удивления вызывать не может. Великосветские правила приличий не всегда предусматривают откровенное выражение скорби по поводу народных несчастий. Хорошо уже то, что власти не скрыли информацию о случившемся, опубликовав сообщение в газетах (что удивило представителя китайского богдыхана Ли Хунчжана, спросившего беседовавшего с ним С. Ю. Витте: «Для чего напрасно огорчать императора?»).

Но то, что после катастрофы празднества не отменили, потрясло многих. Считается, что этому воспрепятствовал великий князь Сергей Александрович, хотя сам Николай II хотел остановить праздник. Как бы то ни было, вечером «цари» танцевали у французского посла графа Л.-Г. Монтебелло. Чиновник Министерства Императорского двора В. С. Кривенко, которому танцы в день трагедии казались кощунством, предложил царскому духовнику отцу И. Л. Янышеву настоять на отмене праздников. Протопресвитер, благожелательное отношение к которому в

день царской свадьбы (14 ноября 1894 года) было подтверждено награждением «во внимание к отлично-усердному служению» бриллиантовыми знаками ордена Святого Александра Невского, не стал этого делать, сославшись на невозможность беспокоить государя подобными заявлениями. «Я убежден, — писал много лет спустя В. С. Кривенко, — что именно вмешательство духовника подействовало бы и спасло бы Николая II от многого, что потянулось цепью за таким вызывающим пренебрежением к народному горю».

Наивное убеждение? Да. Как мог старый протопресвитер воздействовать на государя, если тот не видел очевидного (точнее, не мог это очевидное реализовать в действие — остановить торжества)? К тому же в мае 1896 года рядом с государем было много представителей православного духовенства, члены Святейшего синода, прославленный отец Иоанн Кронштадтский! Что было делать монарху! Вспоминая состоявшийся вечером 18 мая 1896 года бал во французском посольстве, Б. А. Энгельгардт писал, что «глядя на лицо государя, видно было, насколько он угнетен случившимся. Вечером на балу... всем бросился в глаза напряженный разговор государя с великим князем Сергеем Александровичем, который, в качестве генерал-губернатора Москвы, являлся ответственным за все происшедшее». Бал был великолепен, «танцы сменялись танцами, между прочим, одна кадрили была составлена почти исключительно из членов различных царствующих домов в Европе. Роскошные букеты живых цветов приносили корзинами, кроме того дамам раздавали красивые веера — все казалось прекрасно, но какой-то незримый гнет, какая-то тревога чувствовалась в залах, мешая нарядной толпе беззаботно отдаться веселью». Начальник французского Генерального штаба генерал Р. Ш. Буадефр решил обратиться к царю со словами сочувствия и напомнил, что несчастные случаи бывают везде — «„например, у нас во Франции во время коронации Людовика XVI...“ Он не кончил... Он почувствовал полярный холод вокруг, и конец фразы застыл у него на языке» — так описывал эту историю парижский журналист П. д'Альгейм. А два дня спустя великий князь Владимир Александрович устроил для приехавших на коронацию гостей, военных атташе, чинов посольств голубиную стрельбу в тире, находившемся в ста шагах от кладбища, где хоронили жертв Ходынки. «И в то время, когда весь народ плакал, — писал французский журналист, — мимо проехал пестрый кортеж старой Европы, Европы надушенной, разлагающейся, отживающей, Европы дворов и главных штабов. И скоро затрещали выстрелы».

А. В. Богданович записала в своем дневнике 5 июня 1896 года, что

когда царь ехал к германскому послу Г. Радолину (на «музыкальное собрание» и спектакль), «народ ему кричал, что не на обеды он должен ездить, а „поезжай на похороны“. Возгласы „разыщи виновных“ многократно раздавались из толпы при проезде царя. Народ, видимо, озлоблен». Да, коронационные торжества Русского двора продолжились, точно Ходынки и не было, но стоит напомнить, что среди простого народа были и такие, кто завидовали родственникам погибших, получивших за смерть близких денежную компенсацию. Горе не всегда объединяет.

Для царя же горе вновь оказалось соединено с радостью (как ранее — смерть отца и женитьба на любимой). Это отразилось и в записях его дневника. «В 2 ч. Аликс и я поехали в Старо-Екатерининскую больницу, где обошли все бараки и палатки, в которых лежали несчастные пострадавшие вчера. Уехали прямо в Александрию, где хорошо погуляли. Выпив там чаю, вернулись назад. В 7 ч. начался банкет сословным представителям в Александров[ском] зале». Кроме того, в тот же день в церкви Кремлевского дворца в присутствии царской четы и великих князей была совершена заупокойная лития по погибшим на Ходынском поле. Калейдоскоп настроений, эмоций, событий! Есть от чего прийти в замешательство. 20 мая после семейного завтрака в Николаевском дворце царь с царицей вновь отправились навестить раненых на Ходынском поле (на сей раз — в Мариинскую больницу), вместе с ними — Сергей Александрович и Елизавета Федоровна. А вечером того же дня императорская чета развлекалась на генерал-губернаторском балу — на балу у того, кого общественное мнение считало одним из виновников Ходынки!

Действительно, как будто ничего и не случилось. Расследование шло своим чередом, праздники — своим. Первоначально Ходынское дело было поручено ставленнику Сергея Александровича — министру юстиции Н. В. Муравьеву, который в своем отчете постарался обойти вопрос о виновниках катастрофы, в том числе о великом князе — генерал-губернаторе Москвы. Под удар попадали Министерство Императорского двора и граф И. И. Воронцов-Дашков, что не могло не встретить противодействия со стороны императрицы-матери. Под ее влиянием новое расследование поручили графу К. И. Палену — бывшему министру юстиции и верховному маршалу на коронации. Николай II коротко отметил это в своем дневнике, упомянув о «брожении в семействе по поводу следствия, над кот[орым] назначен Пален». Человек прямой и честный, К. И. Пален сразу после Ходынки «имел неосторожность сказать во дворце, что вся беда заключается в том, что великим князьям поручаются

ответственные должности, и что там, где великие князья занимают ответственную должность, всегда происходит или какая-нибудь беда, или крайний беспорядок. Вследствие этого против графа Палена пошли все великие князья», — вспоминал С. Ю. Витте.

В дальнейшем следствие доказало, что главными виновниками трагедии 18 мая были великий князь Сергей Александрович и московская полиция. Однако это не привело к отставке генерал-губернатора Первопрестольной. Самодержавие в очередной раз показало себя как своеволие. При этом возможность проявить свою власть молодой монарх имел не всегда. Характерен такой пример. Принимая депутацию старообрядцев, Николай II сказал: «Искренно скорблю, что русские люди из-за обрядовых подробностей уклоняются от общения с православной церковью». Но благодаря стараниям К. П. Победоносцева в печати эти слова не появились: оберпрокурор Святейшего синода посчитал их публикацию вредной. Получается, что в самодержавной России существовала цензура и на речи самодержца. Знал ли об этом Николай II, осталось невыясненным. Лучшей иллюстрации к разговору о пределах самодержавной власти и придумать трудно. Чем не иллюстрация к сентенциям самого Победоносцева образца 1895 года — в том виде, как их воспроизвел В. В. Розанов!

В майские дни Николай II получил множество подарков и подношений, и один из них оказался по-настоящему символическим. Это был парадный портрет императора в форме лейбгвардии гусарского полка. Его написала монахиня Екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря Емельяна. Монахиня не имела возможности писать портрет «с натуры»: в ее распоряжении были только фотографии. Вероятно, портрет писался, как обычно пишутся в монастыре иконы — с постом и молитвой. Работу Емельяны поместили в Зимнем дворце. В октябре 1917 года революционные солдаты и матросы, захватив царскую резиденцию, изрезали портрет штыками, тем самым выразив свою ненависть к самодержавию. Когда арестованный вместе с семьей и слугами государь в 1918 году оказался в Екатеринбурге, именно монахини Ново-Тихвинского монастыря носили в дом Ипатьева съестные припасы, всячески стараясь облегчить страдания царственных заключенных... Продольные царапины, оставленные на портрете штыками, подвели итог русскому самодержавию с его идеей помазанничества.

...Торжества закончились, как и предусматривалось, 26 мая. «Слава Богу, последний день настал!» — записал в дневнике император. Приняв военный парад, царская чета простилась со всеми чужими свитами,

приняла участие в большом обеде для московских властей и представителей сословий, проводила вдовствующую императрицу, вместе с детьми и родственниками отбывавшую в Петербург. Сразу после этого Николай II с супругой, великим князем Сергеем Александровичем и великой княгиней Елизаветой Федоровной уехали на отдых в имение московского генерал-губернатора — Ильинское.

«Проснулись с чудным сознанием, что все кончено, и теперь можно пожить для себя тихо и мирно!» — записал Николай II в дневнике 27 мая. Не любивший официальных церемоний, государь предпочитал общаться лишь с теми, кто был ему приятен и не досаждал делами. Он с ностальгией вспоминал те времена, когда был наследником и не нес на своих плечах груз ответственности за судьбы многомиллионного народа. «Сегодня ровно два года с того счастливого дня, что мы встретились в Англии в Walton! Какая тогда еще была беззаботная жизнь», — пишет он в дневнике о первой встрече с Alix 8 июня 1894 года. Во время отдыха император много купался, занимался верховой ездой, играл в лаун-теннис, беззаботно веселился с родственниками и друзьями семьи.

В Петербург он вернулся 21 июня, а на следующий день приехал в Царское Село. Но его дневник больше напоминает краткий обзор развлечений, нежели календарь рабочих встреч и приемов. Первые описываются довольно красочно, вторые — скупое и крайне редко. Так, 11 июля Николай II записал, что «принял гр. Палена, кот[орый] окончил порученное ему расследование следствия по Ходынскому несчастью», по обычаю никак не прокомментировав этот прием. Читая его дневник, складывается впечатление, что император живет в двух мирах, оторванных друг от друга. Политика является негативным фоном личной жизни, фоном раздражающим, мешающим главному — семейному счастью. Но и это счастье могло быть полным лишь в случае установления нормальных отношений между Романовыми и им, главой Императорского дома. Он должен был играть новую роль, к которой при жизни отца его не подготовили. Авторитет старших Романовых долгое время подавлял его волю.

С первых дней правления царь, решая государственные дела, часто спрашивал советов ближайших родственников, а те, как отметила в дневнике А. Богданович 6 июня 1896 года, «ему доброго совета дать не могут. Вел[икий] кн[язь] Павел говорил своим офицерам-конногвардейцам, что в царской семье не перестают все ссориться, никто царя не боится. Вел[икий] кн[язь] Владимир со всеми дерзок и нахален. Царь выглядит больным. Во время коронации он был не только бледным, но зеленым.

Молодую царицу считают porte-malheur'ом^[57], что всегда с ней рядом идет горе». В подобной ситуации царь старался оградить свою личную жизнь, сохранить уголок спокойствия и любви. Но Николай II был главой рода, он должен был, как его отец, внимательно следить не только за ходом государственных дел, но и контролировать ситуацию в собственной большой семье. Имел ли он такую возможность и был ли на это способен?

К концу XIX века Российский императорский дом значительно увеличился (на 1894 год Романовых и их ближайших родственников, помещаемых в «Придворном календаре», насчитывалось 53 человека). 26-летний монарх вынужден был принять на свои плечи груз забот о всех членах дома, стать для них верховным арбитром, а в случае необходимости и судьей. Для молодого человека, ранее практически никак не соприкасавшегося с семейными проблемами и целиком полагавшегося на волю отца, все это было крайне непросто. Большинство Романовых были старше его, и требовалось время для того, чтобы они почувствовали в новом монархе подлинного главу Императорской фамилии. Особенно трудно было добиться подчинения семейно-династической дисциплине от младших братьев почившего царя. В силу своего возраста и большей опытности они считали себя вправе давать племяннику советы (тем более что государь, по словам А. А. Половцова, жаловался им на затруднительность его положения вследствие «неподготовленности и отдаления от дел, в коем его доселе (до воцарения. — С. Ф.) держали»).

Однако уже тогда Николай II стремился продемонстрировать свои самодержавные prerogatives, выбрав в качестве образца для подражания императора Николая I. Тот же Половцов отмечал, что под впечатлением «такого поклонения» он с большим сочувствием относился к вдове великого князя Константина Николаевича — «престарелой и недалекой» Александре Иосифовне (на тот момент самой старой представительнице дома, хорошо помнившей времена Николая I). Именно ей он «сказал, что ему надоели советы дядей и что он им покажет, как обойдется без этих советов». Получалось, что монаршее самолюбие давало себя знать.

Стремясь продемонстрировать свое самодержавие, Николай II запретил внуку Николая I — великому князю Михаилу Михайловичу приехать в Россию на похороны императора Александра III. Это был первый случай жесткого решения нового царя, затронувшего больную для

семейства тему. А заключалась она в следующем.

Михаил Михайлович, второй сын великого князя Михаила Николаевича, женился по любви, взяв в жены графиню Софью Николаевну Меренберг — дочь принца Нассауского (от морганатического брака последнего с Н. А. Пушкиной, дочерью поэта). Брак был заключен 14 февраля 1891 года без разрешения императора Александра III в Италии, как отмечал в дневнике В. Н. Ламздорф, «благодаря снисходительности греческого архимандрита, к которому великий князь явился в таком возбужденном состоянии, что это духовное лицо, опасаясь, чтобы Его Императорское Высочество тут же не покончил с собой в случае отказа, удовольствовалось предъявлением документов, удостоверяющих, что великий князь и девица де Меренберг не состоят в браке, и повенчал их в смежной с его квартирой небольшой молельне в присутствии одного англичанина и какого-то прохожего, вызванного с улицы в качестве свидетеля и получившего за это двадцать франков».

Александр III не стерпел подобного самочиния. Возмущение императорской семьи было так велико, что супруга самодержца назвала Михаила Михайловича «свиньей». На имя великого герцога Люксембургского — главы дома, к которому принадлежал отец невесты — принц Нассауский, составили телеграмму, в которой от имени Александра III говорилось: «Я, к сожалению, должен предупредить Ваше Королевское Высочество, что этот брак, заключенный без моего разрешения и без согласия родителей жениха, *никогда не может быть признан законным*» (курсив мой. — С. Ф.). За словами последовали действия: 26 мая 1891 года Михаил Михайлович был уволен со службы и лишен великокняжеского содержания; ему запретили въезд в Россию. Гнев русского царя не смягчился и после того, как графиня С. Н. Меренберг в 1892 году перешла в православие и герцог Люксембургский пожаловал ей титул графини де Торби. Молодожены поселились в Великобритании, где и узнали о кончине Александра III.

Воцарение его сына первоначально не изменило положения Михаила Михайловича. Но молодой император не отличался последовательностью и мог изменить собственное решение, даже нарушить (*не изменив*) закон, если почему-либо считал это правильным. «Ему случалось говорить: „Такова моя воля...“, когда он действовал в прямом противоречии с законом, но касалось это всегда самых пустяковых вопросов», — писал о царе Б. А. Энгельгардт. Конечно, в контексте государственных проблем страны вопрос о признании морганатического брака великого князя — пустяковый, но все-таки показательный: 18 апреля 1899 года Николай II

формально восстановил Михаила Михайловича на службе в чине штабс-капитана, а спустя 11 лет сделал его флигель-адъютантом и произвел в полковники. Великий князь так и не вернулся в Россию, пережил революцию 1917 года и мирно скончался в Лондоне. Для него все закончилось благополучно. Но *«прецедент прощения»* был создан. Последствия его осложняли жизнь Николая II — как главы Императорского дома — на протяжении многих лет (о чем еще неоднократно придется говорить), однако так и не заставили задуматься о том, к чему приводит игнорирование «прецедентного права» и насколько оно губительно для монархического принципа как такового.

Так история с Михаилом Михайловичем стала испытанием для утвержденного Александром III 2 июля 1886 года «Учреждения об Императорской фамилии», закона, в эпоху Николая II неоднократно нарушавшегося. Об этом законе стоит сказать несколько слов. «Учреждение» состояло из пяти разделов: 1) О степенях родства в доме; 2) О рождении и кончине членов дома и о родословной книге; 3) О титулах, гербах и других внешних преимуществах; 4) О гражданских правах членов дома; и 5) Об их обязанностях по отношению к императору. Таким образом, юридически оформлялся статус фамилии в соответствии с тем значением, какое придавалось Романовым в самодержавной империи.

Прежде всего, в нем определялось, кто мог признаваться членом Императорского дома. Это могли быть лица императорской крови, родившиеся в браке «с лицом соответственного по происхождению достоинства». Следовательно, дети, рожденные от брака, непризнанного главой дома, не имели прав, принадлежавших «законным» Романовым, и не пользовались «никакими преимуществами, членам Императорского дома принадлежащими». Особо оговаривалось и то, что степень родства членов Дома считается «по родству с тем императором, от которого прямою линией происходят, не смешивая оногo приблизившимся родством с последующими императорами». Это означало, например, что дети от брака великого князя Александра Михайловича (внука Николая I) и дочери Александра III — Ксении, заключенного, как уже говорилось, в 1894 году, получали права правнуков императора — со всеми привилегиями и ограничениями. Данная статья и стала определяющей «Учреждение» — ведь Императорская фамилия к концу XIX века численно выросла, — давать одинаковые привилегии всем членам Дома оказалось невозможным. Действительно, если при Павле I к Императорской фамилии принадлежало 9 человек, то к концу царствования Николая I — 28. При Александре III численность Фамилии превысила 50. «Рост императорской семьи грозил

увеличением расходов. Эти соображения, — считает академик Б. В. Ананьич, — имели решающее значение при выработке нового законодательства».

Объявленный Александром III в 1895 году пересмотр «Учреждения» (впервые изданного Павлом 15 апреля 1797 года) был подготовлен при участии брата царя — великого князя Владимира. Новый закон корректировал существовавшие ранее права и статус членов дома Романовых. Титул великого князя и великой княжны закреплялся отныне лишь за детьми и внуками, братьями и сестрами императора. Титул князя и княжны императорской крови принадлежал его правнукам. Если дети и внуки монарха именовались Императорскими Высочествами, то правнуки — уже Высочествами. В дальнейшем предусматривалась передача титула только старшему сыну правнука и его старшим, «по праву первородства», потомкам. Младшие дети правнука должны были носить титул «светлости». Это положение сужало круг лиц, имевших право на получение определенного для великих князей содержания, и (в перспективе) должно было сэкономить значительные средства. В случае вступления члена дома Романовых в брак с тем, кто не принадлежал ни к какой владетельной фамилии, его потомство лишалось определенных законом 1886 года прав (равнородный брак с иноверными христианами допускался). Специально подчеркивалось, что титул наследника (цесаревича) «принадлежит единому, объявленному всенародно наследнику престола». Этим уничтожался даже намек на возможность политических (династических) манипуляций именем того, кто в будущем мог возглавить империю. Данный параграф оказался актуален именно в эпоху Николая II, в течение десяти лет правления не имевшего мужского потомства.

Царствующий император, провозглашавшийся «на всегдашнее время» попечителем и покровителем фамилии, как неограниченный самодержец, имел власть отрешать неповинующих родственников от назначенных в законе прав и поступать с ними как с «преслушными» монаршей воле. *Возможность прощения ослушника, не пожелавшего исправиться, законом не предусматривалась.* Таким образом, прощение Михаила Михайловича в 1899 году можно считать первым нарушением, допущенным в семейном вопросе императором Николаем II. То, что и в дальнейшем он неоднократно обходил закон 1886 года (не внося в него никаких поправок и исправлений), может служить доказательством того, сколь узко последний царь понимал собственные самодержавные права, вольно или невольно расшатывая династическую дисциплину и подменяя «идею права» собственными «великодушными» действиями, не подчинявшимися

регламентации «Учреждения».

Кем ощущал себя молодой император в первую очередь: счастливым семьянином или обладателем огромной империи, распорядителем судеб миллионов людей? Ответ найти несложно. Прежде всего император ощущал себя счастливым семьянином, все остальное прикладывалось к этому. Неумение (и нежелание) императрицы Александры Федоровны нравиться высшему обществу его не пугало — он знал цену лести. Государственная машина, налаженная трудом предшествующих поколений, работала без особых сбоев. Царь мог тешить себя иллюзией, что все идет хорошо. «У меня дел много, — писал он дяде, великому князю Сергею Александровичу, в ноябре 1896 года, — но ничего — справляюсь, с Божией помощью, и не могу жаловаться; на душе у меня спокойно, а в семейной жизни — я желал бы всякому такого же полного счастья, тишины и блаженства!» Где семья — там счастье. Императору Николаю II в этом отношении можно было позавидовать. Он любил жену, без необходимости с ней не расставался. Удивительно, но после свадьбы они ни одного вечера не провели врозь. «В первый раз после свадьбы нам пришлось спать отдельно; очень скучно!» — записал император в дневнике 6 мая 1896 года, накануне приезда на коронационные торжества в Москву. Удивлявшая современников привязанность царя и царицы друг к другу не ослабела и в дальнейшем — они были не только мужем и женой, они были единомышленниками. Александра Федоровна стремилась (как могла и умела) помогать супругу, считая такую помощь и естественной, и необходимой. Николай II, в свою очередь, всегда знал, что жена — бескорыстна и правдива, ей можно доверять во всем и всегда. Данное обстоятельство не следует забывать, поскольку чиновничеству он не доверял, с первых лет царствования пытаясь преодолеть пропасть между «простым народом» и тронном. Что из этого получилось — отдельный разговор, но важна цель. И для царя, и для царицы она была определена раз и навсегда.

Разумеется, их связывали и дети. Первым ребенком была дочь, названная Ольгой. Девочка родилась еще до коронации, 3 ноября 1895 года. Император тогда пережил огромный эмоциональный подъем, что отразилось и в его дневнике. Вместе с Николаем II при родах присутствовали Мария Федоровна и великая княгиня Елизавета Федоровна (Элла). «Когда все волнения прошли и ужасы кончились, — записал царь в тот день, — началось просто блаженное состояние при сознании о случившемся!» Под ужасами он понимал родовые схватки супруги. Конечно, в семье самодержца надеялись на рождение наследника, но тогда

радость еще не омрачалась страхами за то, что императрица не сможет родить мальчика.

Рядом с комнатой, где лежала Александра Федоровна, присутствовал министр Императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков (так было заведено еще в XIX веке). Более того, по закону он должен был присутствовать при рождении царских детей, но в точности это не исполнялось: после появления на свет ребенка государь просто выносил новорожденного и показывал его министру. Заранее составлялись и манифесты о рождении, причем в пяти экземплярах: медицина в XIX века не могла указать, кто родится — мальчик или девочка. Поэтому манифестов было пять: на случай рождения сына, на случай рождения дочери, на случай рождения двойни — для двоих сыновей, для двух дочерей, и для рождения сына и дочери (хотя случаев рождения двойни в какой-либо владетельной семье тогда не было).

Уже 4 ноября 1895 года подданные официально были оповещены о рождении нового члена дома Романовых: высочайший манифест об этом составили в традиционных для XIX века формах (он ничем не отличался, например, от манифеста о рождении Николая II). Помещалась и информация врачей: лейб-акушера А. Крассовского, профессора Д. Отта и лейб-хирурга Г. Гирша. На следующий день Д. О. Отт, выдающийся медик своего времени, был пожалован в лейб-акушеры и с тех пор неизменно консультировал императрицу. Крещение первой дочери императора назначили на 14 ноября — в первую годовщину свадьбы и день рождения императрицы Марии Федоровны. Оно должно было состояться в церкви Большого Царскосельского дворца (Ольга родилась в Александровском дворце Царского Села).

Все прошло безо всяких изменений или корректировок установленного ритуала: девочку крестил царский духовник протопресвитер И. Л. Янышев, а восприемниками (крестными) были определены родственники (причем как православные, так и протестанты): бабушка — императрица Мария Федоровна, прабабушка — королева Великобритании Виктория, вдовствующая императрица Германии и королева Прусская Виктория, королева Эллинов Ольга Константиновна, король Датский Христиан IX, великий герцог Гессенский Эрнст-Людвиг и великий князь Владимир Александрович. Большинство восприемников не участвовали в церемонии, были «заочными» крестными. Но установившиеся при Русском дворе традиции никто нарушать не стал, придворная «форма» оказалась важнее православного «содержания» таинства. Также в согласии с традицией император на момент крещения ушел в соседнюю комнату и вернулся в

храм лишь после оповещения о том, что таинство совершено. Крещение завершалось песнопением «Тебе, Бога, хвалим» и 101 пушечным выстрелом. Затем последовала литургия, совершенная столичным митрополитом Палладием.

Разумеется, крестины великой княжны были торжеством, на которое съезжались члены дома Романовых, высшие сановники империи, церковные иерархи, придворные и представители дипломатического корпуса. Все было торжественно и чинно. Около дворца, у парадной двери, в две шеренги выстроились камер-пажи. Мимо них в строгом порядке проходили младшие дворцовые служащие: скороходы в шляпах с перьями, камердинеры в расшитых золотом сюртуках, конвойцы в красных черкесках. Затем шли адъютанты великокняжеских дворов, караул преображенцев и кавалергарды в блестящих касках (которыми командовал будущий президент Финляндии барон Маннергейм). Во главе высочайшего выхода шла императрица-мать, за которой попарно следовали великие князья и княгини. После акта крещения, войдя в храм, царь встал рядом с матерью. По окончании службы кортеж в том же порядке проследовал во внутренние покои дворца. Торжество окончилось. В тот же день перестали выходить официальные бюллетени о состоянии здоровья Александры Федоровны и новорожденной великой княжны (все, по словам врачей, было «отрадно»).

Два года спустя, 29 мая 1897 года, на свет появился второй ребенок царской четы — великая княжна Татьяна Николаевна, а еще через два года (14 июня 1899 года) у Николая II и Александры Федоровны родилась третья дочь — великая княжна Мария Николаевна. Империя была оповещена о рождении традиционными для таких случаев манифестами и бюллетенями о здоровье матери и дочерей. Торжества крещения проходили в Петергофе — одной из любимых резиденций семьи последнего самодержца. Семья предпочитала жить не в Большом Петергофском дворце, а в маленьком Фермерском, расположенном в глубине парка. И при крещении Татьяны, и при крещении Марии церемониал оставался неизменным: девочек торжественно, в придворной карете привезли в Большой дворец, где протопресвитер И. Л. Янышев в отсутствие родителей совершил таинство.

Восприемниками, как и в случае с Ольгой, были ближайшие родственники, и православные, и протестанты. Для Татьяны ими стали императрица Мария Федоровна, ее отец (датский король Христиан IX), великий князь Георгий Александрович, герцог Йоркский, великая княгиня Мария Александровна, великий князь Михаил Николаевич, великая

княгиня Ксения Александровна и принцесса Виктория Баденская. Крещение состоялось в присутствии высочайших родственников и гостей 8 июня. Крещение Марии состоялось через 13 дней после ее рождения, 27 июня 1899 года, также в присутствии многочисленных родственников (22 членов дома Романовых и восьми князей и принцев императорской крови). Восприемниками Марии Николаевны были бабушка, императрица Мария Федоровна, королевич Георг Греческий, великие княгини Елизавета Федоровна и Александра Иосифовна, а также принц Генрих Гессенский. Как и ранее, западные родственники Романовых, названные крестные царских дочерей, на торжествах отсутствовали (так, в 1897 году отсутствовал и крестный Татьяны Николаевны великий князь Георгий Александрович, ее дядя).

Радость, вызванная рождением детей, у царской четы была не полной. Николай II ожидал появления на свет наследника престола, но императрица рожала только девочек. Это не могло не волновать Николая II, вынужденного учитывать, что правом наследования престола в доме Романовых прежде всего обладают лица мужского пола. В то время наследником считался младший брат царя великий князь Георгий. Разумеется, неизлечимо больной чахоткой, он был номинальным наследником, но все-таки — как второй сын Александра III — титуловался цесаревичем. Почти безвыездно проживая в Крыму (в Абас-Тумане), он не принимал никакого участия в политической жизни и жизни Фамилии. Цесаревич, правда, был помолвлен со своей кузиной, дочерью греческого короля Георга I — Марией, но до свадьбы дело не дошло — в 1899 году он скончался.

Это случилось спустя всего две недели после рождения у царя дочери Марии. Так в очередной раз радость была омрачена горестным известием. 28 июня, в понедельник, вернувшись с прогулки, царь получил от лечащего врача брата «неожиданную страшную весть о кончине дорогого Георгия в Абас-Тумане». С горестным известием Николай II поехал к матери, не зная, как сообщить ей о случившемся, «...хотелось бы провалиться скорее, чем передать о таком событии», — записал он в дневнике. Он сам сообщил о смерти брата сестре Ксении и супруге, боясь напугать их этим известием. Целый день Николай II провел между своим домом и Коттеджем — семья жила тогда в Петергофе.

«В 7 час[ов] была отслужена панихида в малой церкви, — записал царь в тот день в дневнике, — только тогда я понял всю действительность. Вечером прогулялся с д[ядьями] Сергеем и Павлом и оставался у Мамá до того, что она легла спать.

Помоги и благослови Господи!»

Человек деликатный, умевший скрывать свои переживания, царь старался облегчить страдания своих близких, лишь в дневнике позволяя себе быть эмоциональным. В тот день, 28 июня, великий князь Георгий совершал обычную поездку на мотоцикле. Во время поездки случилось внутреннее кровоизлияние. Его перенесли в избу жившей неподалеку крестьянки, в нескольких верстах от Абас-Тумана, где он и умер. То была третья жертва туберкулеза в семье Романовых. От той же болезни скончались сын великого князя Михаила Николаевича — Алексей (в 1895 году) и его двоюродный брат Вячеслав Константинович (в 1879-м).

Согласно официальному извещению, цесаревич умер в 9 часов 35 минут утра «вследствие внезапного сильного кровоизлияния горлом». При дворе на три месяца был объявлен траур. Кончина цесаревича заставила в тот же день заявить о новом наследнике престола: в манифесте, выпущенном по этому поводу, от имени императора говорилось, что «отныне, доколе Господу не угодно еще благословить Нас рождением Сына, ближайшее право наследования Всероссийского Престола, на точном основании основного Государственного Закона о престолонаследии, принадлежит любезнейшему брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу». Так младший брат царя, на тот момент неженатый, стал официальным наследником престола.

По мнению С. Ю. Витте, объявление Михаила Александровича наследником не вытекало непосредственно из закона, ведь и так было ясно, кто имеет право наследовать царствовавшему самодержцу в случае отсутствия у него детей мужского пола. А то, что царь был женат и «мог всегда иметь сына», делало положение его брата двусмысленным — ведь с рождением в царской семье мальчика великого князя Михаила «пришлось бы разжаловать» из наследников. Насколько прав был в своих заключениях С. Ю. Витте, судить сложно, но то, что у этой проблемы имелась этическая сторона — несомненно. Царь и царица ждали рождения сына, надеялись на это и боялись, что титул «цесаревича», данный брату царя, может помешать появлению у самодержца сына-наследника. В результате Михаил Александрович не получил титула цесаревича, который носил его брат Георгий. «Факт этот очень комментировался при Дворе Марии Федоровны, — отмечал генерал А. А. Мосолов, — но он легко объясняется надеждою молодой императрицы, что у нее скоро родится сын». Эта надежда согревала жизнь последней царской четы в продолжение многих лет, но в то же время она породила сплетни и слухи, стала причиной скандальных знакомств Николая II и Александры Федоровны. Но обо всем по порядку.

Четырнадцатого июля великий князь Георгий Александрович был торжественно погребен в усыпальнице предков — его тело с соблюдением всех церемониальных правил доставили в столицу (через Новочеркасск, Рязань и Москву), разрешив людям всех званий приходить в собор «для поклонения». Среди следовавших за «печальной колесницей» был император, Александра Федоровна не присутствовала по причине рождения третьей дочери.

Она полностью отдавалась воспитанию дочерей, с первых дней жизни сама кормила их грудью (чего ранее в царской семье не было принято), следила за тем, чтобы дети росли здоровыми и закаленными. Семья для нее была самым главным в жизни. Будучи супругой самодержавного монарха, она осознавала свою ответственность — и как матери его детей, и как помощницы в его делах. Однако ее взгляды редко встречали понимание у современников, с подозрением наблюдавших за молодой царицей. Ее благородные стремления часто воспринимались совершенно превратно — и вовсе не потому, что близкие ко двору лица были «слепы» и «циничны». Дело заключалось в том, что царица имела собственные представления о правах и обязанностях супруги русского монарха и действовала в соответствии с этими представлениями.

Так было и в 1900 году, когда царь серьезно заболел. Случилось это в конце октября в Ливадии. 25 октября император почувствовал недомогание, но не отказал себе в прогулке, а затем принял В. Н. Ламздорфа. На следующий день он уже не выходил из дома. Сначала врачи думали, что это «инфлуэнца», но вскоре установили: у царя брюшной тиф. Болезнь быстро прогрессировала — у императора даже не было сил делать обычные ежедневные записи (после 26 октября он открыл дневник только 30 ноября). Болезнь императора, к тому же не имеющего сына-наследника, — проблема государственной важности, о чем свидетельствовали и бюллетени о состоянии здоровья Николая II, публиковавшиеся в «Правительственном вестнике» начиная со 2 ноября 1900 года. Сперва их подписывали лейб-хирург Гирш и врач великого князя Петра Николаевича — Тихонов, а скреплял — министр Императорского двора барон В. Б. Фредерикс (за три года до того сменивший И. И. Воронцова-Дашкова). Потом в Ливадию, по предложению С. Ю. Витте, был вызван почетный лейб-медик Попов, профессор Военно-медицинской академии.

Информация бюллетеней в целом была сдержанно-оптимистической, подданных уверяли, что «течение болезни правильное». Иногда только сообщалось, что «сон был прерывистый», «был пот», а самочувствие утром — «довольно удовлетворительное». Однако уже то, что о состоянии

здоровья монарха каждый день составлялись бюллетени, означало, что болезнь опасная. С 5 ноября, по распоряжению Святейшего синода, во всех православных храмах за литургиями стали совершаться молебны об исцелении царя. О выздоровлении государя молились и представители нехристианских религий, в том числе и в еврейских обществах. Об улучшении его состояния заговорили в середине ноября 1900 года, хотя в то время процесс выздоровления лишь начинался.

Двадцать второго ноября 1900 года подданные могли с удивлением прочесть в газетах поздравление, адресованное царем семеновцам — по случаю их полкового праздника. В телеграмме говорилось, что Николай II *пьет* за здоровье и процветание полка. Форма поздравления несколько обескураживала: никто из *здоровых* Романовых, поздравивших семеновцев, не «пил» за их здоровье, а больной император, о здравии которого по всей России служились молебны, — «пил». На самом деле, несмотря на то, что император подписывал бодрые телеграммы с поздравлениями, он все еще продолжал оставаться в постели. И на следующий день, когда отмечалось рождение «наследника и великого князя» Михаила Александровича, в московском Успенском соборе на молебне во здравие императора присутствовали военные и гражданские власти, сословные представители Первопрестольной.

Уверенно заявить о победе над болезнью врачи смогли 25 ноября, отметив, что прошедшие сутки император «чувствовал себя очень хорошо; часть дня проводит вне постели». Последний бюллетень, подписанный 28 ноября, был опубликован 30-го. Болезнь отступила. Николай II публично поблагодарил всех, кто в те дни засвидетельствовал свои верноподданнические чувства и молился о его выздоровлении. С 30 ноября император наконец снова стал вести дневник, в котором записал, как впервые оделся и вышел на балкон подышать свежим воздухом (в течение пяти предшествовавших недель он не выходил из трех комнат своей супруги). Тиф Николай II перенес без осложнений («все время ничем не страдал», — отметил он в дневнике). «Моя душка Аликс, — писал он, — нянчила меня и ходила за мною как самая лучшая сестра милосердия. Я не могу выразить, чем она была для меня во время болезни. Господь да благословит ее!»

Императрица действительно приняла на себя все заботы о больном супруге. Товарищ министра внутренних дел П. Н. Дурново рассказывал, что Александра Федоровна даже написала Марии Федоровне, «что просит ее не приезжать к больному, что она никому не уступит места у его постели, одна будет за ним ухаживать». Более того, отметила 16 ноября

1900 года А. Богданович, «она прямо приказала объявить всем министрам, что ни одной бумаги не допустит до царя, что все бумаги должны быть адресованы ей и она разберется, что и когда показать царю». О том, что со дня заболевания Николая II «императрица являлась строгим цербером у постели больного, не допуская к нему не только посторонних, но и тех, кого желал видеть сам государь», писал и близкий к придворным кругам генерал А. А. Мосолов. Ежедневно допускался только барон В. Б. Фредерикс, но и его — министра двора — часто оставляли за ширмой, запрещая показываться и разговаривать с самодержцем. По мнению А. А. Мосолова, за время болезни царя в Александре Федоровне «ярко сказались умственные способности и кругозор маленькой немецкой принцессы, хорошей матери, любящей порядок и экономию в хозяйстве своего дома, но не могущей по внутреннему своему содержанию стать настоящей императрицей». Это вызывало особенное сожаление генерала, ибо при твердом характере она могла бы помочь венценосному супругу.

Итак, представления Александры Федоровны о правах и обязанностях супруги самодержца никак не вписывались в те правила, которые сформировались в России XIX века: влияния на ход политической жизни страны ни одна императрица не имела. Но эти правила, очевидно, не слишком волновали Александру Федоровну: будущее показало, что она не намерена была отказываться от того, чтобы давать супругу советы по государственным делам, настаивать на принятии решений по своему усмотрению. Не всегда она добивалась желаемого, но тенденция очевидна. Роковым образом она проявилась спустя много лет, во время Первой мировой войны.

Первого декабря 1900 года царь, предварительно выслушав докторов, начал разбирать накопившиеся за время болезни журналы, заново и с удовольствием погружаясь в работу. 2 декабря он принял первый после болезни доклад — у графа В. Н. Ламздорфа. «Моей пустой и отдохнувшей голове хочется заниматься», — заметил он с юмором. В воскресенье 3 декабря Николай II смог присутствовать на церковной службе. 6 декабря, в день Ангела, он написал в дневнике, что после выздоровления чувствует в себе такое обновление, точно недавно появился на Божий свет, что начинает расти и укрепляться, что с радостью вновь помолился в храме. Он проводил время в кругу близких ему людей (тогда в него входили сестра Ксения и ее муж Александр Михайлович, великие князья Петр и Николай Николаевичи, дочери черногорского князя Николая Милица и Анастасия); радовался возможности жить семейно, камерно. Ливадия действовала успокаивающе. Но сказка, затянувшаяся из-за болезни, должна была

завершиться: ждали дела в Петербурге.

За время болезни супруга Александра Федоровна окончательно поняла, что ее положение зависит от того, сможет ли она дать России наследника престола. Действительно, болезнь царя чуть было не вызвала серьезный политический кризис, заставив близких к трону сановников поднять вопрос о престолонаследии. Именно тогда, в ноябре 1900 года, произошел инцидент, имевший целый ряд последствий. Его историю изложил в своих воспоминаниях С. Ю. Витте. Однажды утром, когда здоровье государя стало внушать докторам опасение, министр внутренних дел Д. С. Сипягин позвонил Витте и предложил приехать для совещания. У Сипягина Витте застал министра иностранных дел Ламздорфа, министра двора Фредерикса и великого князя Михаила Николаевича. Сановники обсуждали «вопрос о том, как поступить в том случае, если случится несчастье и государь умрет. Как поступить в таком случае с престолонаследием?». Министр финансов заявил, что в таком случае трон немедленно наследует Михаил Александрович. На это Витте сделали «не то возражения, не то указания», будто бы императрица беременна, следовательно, есть вероятность рождения сына. Но законы не предвидели подобного обстоятельства (тем более что никто не мог поручиться, что родится именно сын).

По мнению Витте, «невозможно поставить Империю в такое положение, чтобы в течение, может быть, многих месяцев страна самодержавная оставалась бы без самодержавца, что из этого совершенно незаконного положения могут произойти только большие смуты». Присутствовавшие соглашались с высказанным мнением, но определиться все-таки не спешили. На вопрос Михаила Николаевича: «Ну, а какое положение произойдет, если вдруг через несколько месяцев Ее Величество разрешится от бремени сыном?» — Витте сказал, что ответ смог бы дать лишь сам наследник — Михаил Александрович. Он, по мнению Витте, настолько честный и благородный человек, что если сочтет полезным и справедливым, сам откажется от престола в пользу племянника. На том и порешили, частным образом доложив о совещании императрице.

Так как Николай II вскоре выздоровел, вопрос о престолонаследии временно потерял свою актуальность. Но только временно. Поэтому, уезжая из Ялты, С. Ю. Витте попросил министра двора доложить царю о затруднении, в которое попали сановники в связи с вопросом о престолонаследии. Государь, по мысли министра финансов, должен был дать необходимые указания, оформив их в законе. Произошедшее имело следствием негативное отношение к Витте со стороны императрицы, о чем

ему впоследствии говорили близкие к царской чете лица.

Были ли после ноябрьских событий 1900 года внесены какие-либо изменения в закон о престолонаследии, точно неизвестно. Однако и С. Ю. Витте, и оберпрокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев, и министр юстиции Н. В. Муравьев получили поручение «составить соответствующий указ, который не был опубликован и затем, вероятно, потерял силу со счастливым событием рождения великого князя Алексея Николаевича». Впрочем, до рождения цесаревича было еще далеко — он родился летом 1904 года, — а тогда, в 1900-м, о рождении в царской семье сына можно было только молиться.

Надежды на рождение мальчика не оправдались и в 1901 году: 5 июня в Петергофе (в Новом дворце) у царской четы родилась четвертая дочь — великая княжна Анастасия Николаевна. Бюллетени о состоянии здоровья новорожденной и ее матери были самые благоприятные. Через двенадцать дней состоялись крестины, на которых (уже по традиции) первой среди восприемников была Мария Федоровна. Восприемниками стали также принцесса Ирина Прусская, великий князь Сергей Александрович и великая княжна Ольга Александровна. Рождение дочери, вероятно, обескуражило царя и царицу. С. Ю. Витте (со слов министра юстиции Н. В. Муравьева) передает, что именно тогда «у Их Величеств как бы появилась мысль, или, вернее, вопрос, нельзя ли в случае, если они не будут иметь сына, передать престол старшей дочери. Я подчеркиваю, — продолжает далее мемуарист, — что это не было отнюдь решение, а лишь только вопрос. Этим вопросом занимался как Н. В. Муравьев, так и Константин Петрович Победоносцев, который к такой мысли относился совершенно отрицательно, находя, что это поколебало бы существующие законы о престолонаследии, изданные при императоре Павле, и которые имели ту весьма важную государственную заслугу, что с тех пор Русский престол, в смысле прав на престолонаследие, сделался устойчивым и прочным». Можно предположить, что С. Ю. Витте в своих воспоминаниях дважды (хотя и по-разному) рассказал одну историю, связанную с проблемой престолонаследия. В первый раз — об указе, который регулировал бы ситуации, подобные ноябрьской 1900 года, и второй — о возможности наследовать престол старшей дочери государя. И в первом, и во втором случаях, что показательно, С. Ю. Витте назвал одних и тех же лиц — Н. В. Муравьева и К. П. Победоносцева.

Итак, процарствовав почти семь лет, Николай II не имел сына. Важнейший государственно-династический вопрос не был решен. Оставалось уповать на небеса или на тех, кто является «любимцем небес»,

кто сможет помочь, утешить, направить. И вскоре на русском придворном небосклоне засияла звезда странного человека, еще в XIX веке прославившегося как «лионский магнетизер».

Его звали Филипп Низье-Вашо (Philippe Nizier-Vachod). Он родился во Франции, в местечке Луазье в Савойе, 25 апреля 1849 года. Родители его были крестьянами, и с ранних лет мальчик привык к работе по хозяйству, помогал отцу пасти стадо овец. Однако еще в детстве он стал привлекать внимание своими необыкновенными способностями. «Мне едва минуло шесть лет, — вспоминал Филипп впоследствии, — а уже наш деревенский священник был обеспокоен некоторыми явлениями, происходившими со мной, и мне говорил: малыш, тебя, должно быть, плохо окрестили, и мне кажется, что твоим господином является дьявол». В 13 лет ребенок переехал в Лион к дяде-мяснику. По словам изучавшего историю Филиппа посла Франции в императорской России М. Палеолога, будущая знаменитость уже тогда проявлял странные наклонности — например, любил одиночество, интересовался колдунами, ворожеями, магнетизерами и сомнамбулами. «Он попробовал себя в оккультной [тайной] медицине и с первого же дня преуспел в этом».

В 1872 году Филипп Низье-Вашо открыл небольшой медицинский кабинет, где лечил своих пациентов «психическими флюидами» и «астральным динамизмом» (*fluides psychiques et les dynamisms astraux*). Что сие значило — понять затруднительно, но, совершенно очевидно, это была «нетрадиционная медицина». Человек обаятельный, с ясным проницательным взглядом, он мог воздействовать на тех, с кем общался. Впрочем, медицинского диплома у него не было (в Лионском университете он учился всего семь месяцев — с ноября 1874-го по июнь 1875 года, так как был исключен из числа слушателей по причине занятия целительством). Профессиональные врачи трижды подавали на него жалобы (в 1887, 1890 и 1892 годах). Низье-Вашо приговаривался к штрафу, но не бросал своих занятий, тем более что все свидетели выступали на его стороне, отмечая его способность утешать и укреплять. В сентябре 1877 года он женился на своей пациентке Жанне Ландар и был счастлив в браке.

До 1896 года его клиентура в основном состояла из простых людей — ремесленников, лавочников, консьержей и кухарок. Затем появились «люди из общества». Хозяйка табачной лавки, располагавшейся напротив его

кабинета, будучи информатором полиции, однажды сообщила, что видела у Филиппа русского князя, «высокого худого человека, имя которого она не могла вспомнить и который приходил с двумя элегантными дамами». А кухарка Филиппа показывала письмо с печатями, на которых изображалось русское оружие. Незадолго до получения этого письма некие русские дамы («С.» и «П.»), будучи проездом в Лионе, посетили Филиппа и ушли потрясенные его сверхъестественными способностями и проницательностью. Они упросили его сопровождать их в Канны, где представили великому князю Петру Николаевичу, его жене — Милице и сестре последней — Анастасии (в дальнейшем ставшей супругой великого князя Николая Николаевича). Так излагает историю знакомства Филиппа с представителями династии Романовых М. Палеолог.

Русский биограф Филиппа — представитель одной из известных до революции купеческих семей Москвы П. А. Бурьшкин, — пользовавшийся сведениями М. Палеолога, добавляет несколько любопытных штрихов к истории будущего царского «Друга». Отмечая, вслед за французским дипломатом, что с Филиппом подвизались доктора Стейнзи (Steintzy; у Бурьшкина — Стейснюа) и Лаланд, ставший затем зятем целителя, русский исследователь указывает, что «с ними часто работал и доктор Энкосс (Папюс). Но оба эти сотрудника работали вместе с ним не только в области медицины. Оба — в особенности Папюс — были известными оккультистами, посвящавшими немало времени популяризации „тайных знаний“». Последнее обстоятельство стоит запомнить: в аристократических кругах Европы была мода на «тайные знания». Стремление узнать будущее, изменить с помощью мистических операций свою жизнь, используя эзотерический и символический метод понимания внешнего мира, отличало многих «богоискателей» тех лет.

Папюс создал даже орден мартинистов, чтобы объединить всех, интересовавшихся оккультизмом и герметическими знаниями. Избранный в 1891 году Великим магистром Верховного совета ордена мартинистов, Папюс пытался распространить свою деятельность и за пределы Франции. В 1896 году, во время визита русской императорской четы в Париж, по его инициативе представители французского оккультного масонства отправили царю приветствие, пожелав ему «обессмертить свою империю полным единством с Провидением». Николай II и Александра Федоровна, через российского посла А. П. Моренгейма, передали Папюсу свою благодарность. Выступая 24 сентября на официальном обеде у президента Франции Ф. Фора, Николай II даже использовал язык мартинистов, отозвавшись о Париже как об «источнике... великого света». Спустя

несколько лет, зимой 1900/01 года, Папюс приехал в Петербург, где в присутствии великих князей Петра и Николая Николаевичей, а также сестер-«черногорок» (как их называли при дворе) — Милицы и Анастасии — читал лекции.

По словам А. Ф. Керенского, в основанной Папюсом в столице России масонской ложе «царь, по слухам, занял пост „Высшего гостя“. В число членов ложи вошли наиболее видные представители Санкт-Петербургского общества. Папюс проводил сеансы, во время которых обычно вызывал дух Александра III для бесед его с сыном Николаем II». Более того, по мнению Керенского, именно связями с орденом мартинистов часто объясняют непоколебимую верность царя союзу с Францией. На влияние «разных духовидцев с Папюсом во главе» на российскую политику много позже, уже в столыпинскую эпоху, «весьма прозрачно» намекали даже газеты. Характеризуя одну из таких статей, граф И. И. Толстой заметил: «Хотя в статье и говорится только об „аристократических“ кругах, но ясно, что намекают на царя и императрицу».

То, что для информированных современников оккультные увлечения царя не являлись тайной, показательно само по себе. Эти увлечения стали своеобразным «знаменем времени», симптомом кризиса религиозного сознания. Без преувеличения можно сказать, что «символ оккультизма» того времени — Папюс — стал предтечей Филиппа. Схема, как ее излагает С. Ю. Витте, выглядела так: супруга великого князя Петра Николаевича — Милица, познакомившись с Папюсом, по его рекомендации встретила с Филиппом. «Магнетизер» произвел на великую княгиню сильное впечатление. Желая оказать ему помощь в легализации врачебной деятельности, она обратилась к заведующему русской агентурой Департамента полиции П. И. Рачковскому. Полицейский честно заявил, что во Франции это невозможно, так как для получения разрешения на врачебную деятельность Филипп должен выдержать соответствующий экзамен. Великая княгиня, разумеется, осталась не удовлетворена услышанным.

Писатель Г. Иванов сравнивает появление «магнетизера» при Русском дворе с действием химического реактива, брошенного в бесцветную жидкость. Сравнение не только художественное, но и верное по сути — «бледная ткань» нового царствования действительно ярко окрашивается «болезненным отблеском» от прикосновения рук «заезжего шарлатана». Появился человек, на которого можно уповать, который возьмет на себя решение самых сложных проблем царской четы — проблем интимно-семейных и в то же время государственно-династических. Он уверяет, что

может сделать так, что у царя и царицы родится долгожданный наследник.

Почему же ему верят? Потому что в его сверхъестественных способностях убеждены те, кому Николай II и Александра Федоровна доверяют, потому что они хотят верить в чудо. «Граф Муравьев-Амурский — русский военный агент во Франции — попадает однажды на сеанс некоего „отца Филиппа“, спирита и гипнотизера, популярного в парижских роялистских кругах, — описывает историю „русской славы“ лионского врача Г. Иванов, отмечая, что сеанс проходил в день смерти Людовика XVI, когда собравшимся были показаны последние минуты жизни несчастного короля. — <...> Вскоре, встретившись с гостящей во Франции великой княгиней Милицей Николаевной, одной из „черногорок“, страстной спириткой, граф Муравьев в таких ярких красках описывает ей все виденное, что та в свою очередь пожелает познакомиться с Филиппом. Разговор, который они поведут, коснется, между прочим, больного для русской императорской четы вопроса о рождении наследника. „Я могу этому помочь“, — авторитетно заявил Филипп. С этого дня начинается его карьера в России». Одним из источников этой истории был рассказ С. Ю. Витте о скандальном графе, человеке положительно ненормальном, считавшем Филиппа святым и, наряду с другими поклонниками врача, уверявшем, что он не родился, а сошел с небес, куда и уйдет обратно.

О святости Филиппа говорить бессмысленно. Но как бы то ни было, «черногорки», желая царской чете добра, решили представить «магнетизера» государю (П. А. Бурый пишет, что этот вопрос обсудили в Каннах). Осенью 1901 года Николай II и Александра Федоровна прибыли во Францию. Проживали они в замке Компьень, где 20 сентября, по инициативе Милицы Николаевны, и состоялась встреча государя с Филиппом. Перед ними предстал среднего роста, полноватый человек, с густыми жесткими усами, обладавший мягким завораживающим голосом. Одет он был просто, в чистый, но не парадный черный костюм. На шее у «магнетизера» висел маленький треугольный мешочек из черного шелка, вероятно, своеобразный амулет.

«С первой же встречи Филипп околдовал царскую чету, которая тотчас же решила пригласить его в Россию. Он сразу же приехал. В Царском Селе ему был отведен дом». По мнению М. Палеолога, доверие венценосцев Филипп завоевал не только магическими талантами, но и спокойными манерами и умением молчать. Один-два раза в присутствии Николая II и Александры Федоровны он проводил сеансы гипноза, предсказаний, перевоплощений, некромантии. Он якобы даже укреплял этими ночными

сеансами «колеблющуюся волю» императора. Многие решения диктовались царю тенью Александра III. Беспрекословно воспринималось и все, что советовал Филипп касательно здоровья. Впрочем, эта встреча, описанная М. Палеологом, не была первой. Русский самодержец и его супруга «с умилением» слушали Филиппа еще летом 1901 года.

О чем мог рассказывать царской чете лионский врачеватель — остается только догадываться, наверняка можно утверждать лишь одно — встречи с ним ждали с радостью. Летом 1901 года в Красном Селе, где обыкновенно проходили армейские сборы, император чуть было не нарушил сложившийся за многие годы распорядок, отказавшись приехать на театральное представление. Переменить решение заставил Николая II великий князь Владимир Александрович, убедивший племянника не отступать от устоявшихся в течение лет традиций. Однако прибыв на короткое время в красносельский театр, царь уехал затем к Николаю Николаевичу, где его ожидал Филипп. Современные исследователи предполагают, что 10 июля 1901 года Николай II и Александра Федоровна вновь встречались с «лионским магнетизером», который их поучал.

Почему же он получил право поучать российского монарха? Только потому, что *это право ему дали. А дали потому, что в него поверили.* А. А. Вырубова, в течение последнего десятилетия существования самодержавия в России являвшаяся близкой подругой Александры Федоровны, в воспоминаниях обмолвилась, что императорская чета верила, что месье Филипп принадлежал к числу людей, обладавших Божией благодатью, молитву которых Господь слышит. То, что Филипп — шарлатан, не имел медицинского диплома, наконец, был инославным (католиком), — не имело никакого значения. Они верили в мистический опыт этого человека, явно переоценивая возможности такого опыта. Отсюда — вера в то, что медиум может вызвать дух почившего родителя и спросить у того, как управлять отечеством. Управлять можно было, разумеется, только опираясь на традиционные самодержавные принципы. Много лет спустя, в 1915 году, императрица напомнила мужу, что его министры «должны поучиться дрожать» перед ним, как об этом говорил m-r Philippe. Те же мысли, со ссылкой на Филиппа, проводились ею и в письмах 1916 года: император должен быть твердым, а конституция для России будет гибелью и России и самодержца. «Духи», очевидно, говорили правильно, действуя в то время уже через другого человека — сибирского странника Григория Распутина (о котором речь еще впереди).

Правильное понимание самодержавного принципа гражданином республиканской Франции не могло не укреплять и веры в то, что он

говорил относительно рождения императрицей сына, «если не на этот раз, то непременно на следующий». Написавший эти слова А. А. Половцов полагал, что, руководствуясь исключительно сообщениями и наизиданиями Филиппа, император более ни с кем не советовался, давая только «импровизированные» врачом приказания, «без предварительного обсуждения и согласования с обстоятельствами, с потребностями, с целями сколько-нибудь обдуманно». Подобный взгляд на действия монарха показателен по нескольким причинам. Во-первых, Половцов характеризует Филиппа как человека, повлиявшего на принятие решений самодержавным монархом, тем самым очерчивая и границы его «самодержавия». Во-вторых, он оценивает носителя высшей власти в стране как управляемого. Комментировать здесь нечего.

В России Филипп сумел получить то, что никак не мог получить на родине, — официальный диплом и высокий чин. 9 ноября 1901 года Николай II записал в дневнике, что достал своему «другу» «диплом на звание лекаря из Военно-медицинской академии. Николаша, — продолжил самодержец, имея в виду великого князя Николая Николаевича, — тотчас же заказал ему мундир нашего военного врача». Диплом доктора был выдан военным министром А. Н. Куропаткиным в нарушение существовавших правил. П. И. Рачковский, собравший на Филиппа целое досье, не смог убедить императора, что его «Друг» — авантюрист. Более того, «компромат» на Филиппа послужил причиной увольнения Рачковского.

Разумеется, сам заведующий русской агентурой в Париже не решился бы делать представление «по начальству», не получив соответствующих полномочий. Они были ему даны уже после того, как лионский «магнетизер» получил чин действительного статского советника: обеспокоенный ростом влияния французского целителя, дворцовый комендант П. П. Гессе с разрешения царя запросил Рачковского, на что последний немедленно откликнулся. Донесение Рачковский лично привез в Петербург, заявив непосредственному своему начальнику — министру внутренних дел Д. С. Сипягину, что привез его Гессе. Министр, лучше Рачковского оценивавший положение вещей, порекомендовал ему уничтожить привезенные материалы. В результате «звезда» Рачковского надолго закатилась: занявший пост руководителя МВД после убийства Сипягина В. К. Плеве немедленно уволил заведующего русской агентурой. Ему, правда, назначили пенсию, указав, что получать он ее будет в Брюсселе, где должен безвыездно проживать. Писавший об этом С. Ю. Витте утверждает, что Плеве сказал ему по поводу увольнения Рачковского:

«Я это сделал по повелению государя императора». Историю Рачковского изложил в дневнике и А. С. Суворин, не забыв упомянуть о вызовах (на сеансах Филиппа) духа Александра III.

А. А. Половцов в мае 1902 года тоже красочно описал в дневнике, как царь, получив от генерала Гессе донесение Рачковского и прочитав его, «бросил бумаги на пол и стал топтать ногами». У государственного секретаря подобное поведение Николая II не вызывало большого удивления, — «в поддакиваниях и науськиваниях, в смысле ни с кем и ни с чем не согласованного произвольничания, — писал он, — не было надобности в таких негодях, как Сипягин, Мещерский и Филипп. Уже и без них юный император был падок на самообольстительное самовластие». Акцент на «*самообольстительном самовластии*» показателен. Характер венценосца, по мнению Половцова, предопределял его поведение — вне зависимости от того, что ему говорили и советовали такие разные люди, как министр внутренних дел Д. С. Сипягин, издатель воинствующе-монархической газеты «Гражданин» и близкий к Александру III князь В. П. Мещерский и лионский «магнетизер».

Поведение царя определялось также и его непосредственным окружением, в начале XX века состоявшим из странных лиц. Первых пять назвал барон М. А. Таубе: во главе дворцовой «камарильи» стоял тогда великий князь Николай Николаевич («злой гений» Николая II), спирит и оккультист, интересы которого разделяли черногорские княжны (ставшие русскими великими княгинями) — Милица и Анастасия Николаевны, в свою очередь увлекшиеся двумя французскими авантюристами — Филиппом и Папюсом. О непоправимом вреде, нанесенном этими лицами монархии в России, Таубе писал почти в тех же выражениях, что и С. Ю. Витте, называя Филиппа «guérisseur» (знахарем), а Папюса «docteur» (доктором в кавычках). То, что «черногоркам» и Николаю Николаевичу удалось «завлечь в свои сети» императрицу Александру Федоровну, удивления у М. А. Таубе не вызывало: «Бедная, измученная и физически, и морально женщина (частыми деторождениями и долгим бесплодным ожиданием наследника) не могла, конечно, не отозваться на посулы французского геррисера, который был горячо ей рекомендован великой княгиней Милицей Николаевной и предсказывал ей, при условии постоянного надзора за ее детьми, скорое рождение страстно желаемого сына». Желание императрицы и ее супруга отблагодарить Филиппа в такой ситуации выглядело вполне естественно. Проявлением благодарности и стало стремление получить для «Друга» французский патент на звание доктора медицины.

История достаточно быстро получила огласку и вызвала негативную реакцию современников. Так, А. А. Половцов, вспоминая о Филиппе, среди прочего написал и о том, как ранее, до скандала с донесением о лионском «магнетизере», П. И. Рачковский добивался от французских властей дарования Филиппу патента на звание доктора медицины. Президент республики Лубэ, у которого заведующий русской агентурой пользовался особым расположением, созвал даже Совет министров, объявив о своем желании угодить российскому самодержцу. «Министры и в особенности министр нар[одного] просвещения, коего это предложение (касалось), заявили о полной невозможности исполнить такое требование, предвидя в случае такого исполнения парламентские запросы и вероятное падение м[инистерст]ва. По доставлении такого отказа Рачковский получил приказание просить о допущении Филиппа к докторскому экзамену с рекомендацией снисходительности экзаменаторам. На это министр нар[одного] просвещения согласился; но когда этот ответ был передан черногорским покровительницам авантюриста, то Стана (великая княгиня Анастасия Николаевна, одна из «черногорок». — С. Ф.) объявила, что предложение это будет принято только в том случае, если экзамен будет произведен в ее комнате. На этом дело и остановилось».

Подобного смешения политических интересов и личных дел монарха в русской истории, думается, не было никогда. Зная подоплеку событий современникам оставалось лишь наблюдать происходившее, фиксируя все новые и новые подробности. Одной из таких «подробностей» стала история «ложной беременности» императрицы в 1902 году. Официальное сообщение о состоянии здоровья Александры Федоровны было опубликовано 21 августа в «Правительственном вестнике» и подписано профессорами Оттом и Гиршем. Страна извещалась, что за несколько месяцев до того в состоянии императрицы «произошли перемены, указывающие на беременность». Но «благодаря отклонению от нормального течения прекратившаяся беременность окончилась выкидышем, совершившимся без всяких осложнений при нормальной температуре и пульсе». Из последующих бюллетеней о здоровье Александры Федоровны можно было узнать, что ее выздоровление идет успешно (последний бюллетень появился 27 августа). О том, что болезненное состояние, связанное с выкидышем, прошло, свидетельствовал и отъезд 14 сентября царской четы из Нового Петергофа в Крым.

И тем не менее это, казалось бы, обыкновенное происшествие стало предметом бурного обсуждения в обществе. По мнению А. А. Половцова,

именно Филиппу страна была обязана «постыдным приключением императрицыных лжеродов. Путем гипнотизирования, — писал Половцов, — Филипп уверил ее, что она беременна. Поддаваясь таким уверениям, она отказалась от свидания со своими врачами, а в середине августа призвала лейб-акушера Отта лишь для того, чтобы посоветоваться о том, что она внезапно начала худеть. Отт тотчас заявил ей, что она ничуть не беременна. Объявление об этом было сделано в „Правительственном вестнике“ весьма бестолково, так что во всех классах населения распространились самые нелепые слухи, напр[имер], что императрица родила урода с рогами, которого пришлось придушить, и т. п.».

Апокрифические рассказы всегда находят благодарных слушателей, это не удивительно. Интереснее и важнее другое — кто и почему становится «героем» подобного рассказа. Неслучайно и спустя много лет, уже после того как революция навсегда похоронила монархическую государственность, рассказы о «лжеродах» продолжали жить. Младший современник А. А. Половцова, Б. А. Энгельгардт в своих мемуарах практически дословно повторил скандальную версию о Филиппе, который якобы «напророчил» императрице рождение сына. Императрица «вдруг порешила», что беременна, отказалась от медицинского освидетельствования, продолжала настаивать на своем, и лишь когда прошли все сроки, обнаружилось: «все была сплошная фантазия». О том же самом писал и М. Палеолог, по-своему интерпретируя официальное сообщение как попытку подтвердить слух, «что императрица не была на самом деле беременна и что отклонение в ее физиологии объяснялось исключительно ее нервным состоянием». Столь вольный пересказ не имел ничего общего с действительным заявлением «Правительственного вестника», но для М. Палеолога важнее было доказать, что «правда вскоре стала известна и весь Двор ополчился против лионского чудотворца».

Как видим, миф о «внушенной» беременности обрел сомнительные права на существование. Слухи доходили и до царской четы, не имевшей никаких возможностей с ними бороться: ведь Филипп действительно был вхож в императорский дворец. Очевидно, что никакой «лжебеременности» не было — 20 августа Николай II записал в дневнике информацию о выкидыше, случившемся у его супруги «при совершенно нормальных условиях. После этого грустного события окончилась искусственным образом та неизвестность, в которой мы жили за последнее время». Состояние Александры Федоровны было хорошее, «...но к ней приставали с расспросами о „нашем друге“». Вообще о нем разносят такой вздор, что тошно слушать, и не понимаешь, как люди могут верить чепухе, о

кот[орой] сами болтают!».

Действительно, объясняться по поводу беременности и выкидыша императрицы было и абсурдно, и неприлично. Николаю II приходилось изливать свое возмущение на страницах дневника. К тому времени он понял, что Филипп воспринимается придворным сообществом как враг, а его близость к царской чете — как трагедия, которую необходимо прекратить. Ситуация чем дальше, тем больше запутывалась. Станным образом в истории с Филиппом оказался задействован и отец Иоанн Кронштадтский, один из самых известных и почитаемых священников православной церкви того времени. В начале сентября 1902 года великая княгиня Милица Николаевна заявила великому князю Сергею Александровичу, что на свою деятельность Филипп имел благословение отца Иоанна, к которому-де ездил в Кронштадт. Сергей Александрович пригласил к себе пастыря и узнал от него, что с Филиппом отец Иоанн встречался только один раз — в Знаменском, на даче у Милицы Николаевны. Однако разговаривать они не могли: отец Иоанн не знал французского, а Филипп не говорил по-русски, «так что свидание это прекратилось весьма скоро предложением идти всем в церковь молиться». Но есть информация и о другом, «антифилипповском» заявлении Кронштадтского пастыря. Согласно ему, отец Иоанн, «призванный к царям», сказал, что лионский врачеватель «действует от духа прелести, нехороший человек, его молитвы негодны... от таких молитв плод жить не может».

Даже если приписываемые отцу Иоанну слова легендарны, уже то, что его познакомили с Филиппом, показательно и симптоматично. «Черногорки» прекрасно знали, насколько авторитетным в православных кругах было мнение кронштадтского пастыря. Признание им лионского «магнетизера» позволило бы покончить с разговорами о нездоровых мистических увлечениях царской четы, доказать если не святость, то хотя бы безобидность Филиппа. Но признания не последовало. То, что в дальнейшем царская чета и ее ближайшие друзья к отцу Иоанну Кронштадтскому не обращались, можно объяснить его отношением к Филиппу. Таким образом, первый «Друг» Николая II и Александры Федоровны признания в церковной среде не нашел. Но из этого еще ничего не следовало — доверие к Филиппу поколебать было трудно.

И все же, стремясь остановить оккультно-мистические увлечения царя, императрица Мария Федоровна в 1902 году повелела собрать данные о лионском «магнетизере». «Обвинения в уголовных преступлениях Филиппа не подействовали на царя. Тогда должны были подействовать

„Протоколы [сионских мудрецов]“, имевшиеся давно в распоряжении Рачковского. Ими раскрывались козни масонов, посланцем коих являлся Филипп»^[58]. Исследовавший вопрос русский революционер и борец с провокацией в революционной среде В. Л. Бурцев, которому принадлежат цитированные выше строки, так описывает возможную схему: надо было доказать царю, что он — во власти масонов, стремящихся уничтожить монархию (неслучайно в «Протоколах» содержатся места, направленные против деятельности Филиппа). Воздействовать предполагалось через разорившегося орловского помещика С. А. Нилуса, вооруженного «Протоколами».

Как одна из самых скандальных фальшивок XX века попала к нему в руки, известно давно — еще в 1921 году об этом рассказал читателям эмигрантских «Последних новостей» А. М. дю Шайла, некогда хороший знакомый С. А. Нилуса. Француз по происхождению, дю Шайла познакомился с «Протоколами», написанными от руки по-французски, и сразу же понял, что составил их иностранец. Тогда же Нилус рассказал ему, как в его руки попал этот текст. Некая госпожа К., долгое время жившая во Франции, получила рукопись от одного русского генерала. «Генералу этому прямо удалось вырвать ее из масонского архива». Генералом этим был не кто иной, как П. И. Рачковский, по словам Нилуса, «хороший, деятельный человек, много сделавший в свое время, чтоб вырвать жало у врагов Христовых». Переживший процесс «обретения веры», С. А. Нилус к тому времени уже был известен как религиозный писатель. Его книги читала и великая княгиня Елизавета Федоровна, боровшаяся против мистиков-проходимцев, окружавших Николая II, в том числе и против Филиппа. Великая княгиня недолго любила и царского духовника отца И. Л. Янышева, не умевшего оградить царя от нездоровых мистических влияний. Она искренне верила в возможности Нилуса благотворно повлиять на царя.

В конце концов Нилус появился в Царском Селе. Возникла идея женить его на фрейлине императрицы Е. А. Озеровой и затем рукоположить в сан священника (для последующего назначения духовником царской семьи). Разумеется, в таком случае Филипп утратил бы свое влияние. Однако этот план оказалось невозможно реализовать: заинтересованные лица обратили внимание духовного начальства на факты жизни Нилуса, исключавшие его рукоположение (прежде всего — на его длительную любовную связь с Наталией Афанасьевной К., с которой он ранее уезжал во Францию). Брак с Озеровой, все-таки состоявшийся, не имел «клерикального» продолжения.

Задаваясь вопросом, на что рассчитывал Рачковский, посылая

«Протоколы» Нилусу, английский ученый Норманн Руфус Кон в своей книге «Лицензия на геноцид: Миф о всемирном еврейском заговоре и „Протоколах сионских мудрецов“» вполне логично акцентирует внимание на идее разоблачения в «Протоколах» заговора франкмасонов, отождествляемых с евреями. «Филипп был мартинистом, то есть членом кружка, который следовал учению оккультиста XVIII столетия Клода де Сен-Мартена. Мартинисты, по сути дела, не были масонами, но царь вряд ли мог знать эти тонкости. Если бы царь поверил, что Филипп был агентом заговора, о котором говорится в „Протоколах“, то он, разумеется, отослал бы его немедленно. Расчет был совершенно точным, а подобные расчеты были вполне в духе Рачковского». Царь, очевидно, не поверил в представленные ему доказательства. Получив от матери выговор за общение с Филиппом, Николай II пожаловался министру внутренних дел В. К. Плеве на «подлеца Рачковского», и против него было начато следствие. Лишь вмешательство дворцового коменданта Гессе спасло Рачковского, отделавшегося, как уже говорилось, отставкой. На время он сошел с политической сцены «и с ним „Протоколы“ как средство насаждения антисемитизма»^[59].

Тогда никто и представить не мог, какую роль сыграют «Протоколы сионских мудрецов» в истории XX века, кто и как будет их использовать. Скорее всего, в тот момент царь еще не ознакомился с ними. Но можно было не сомневаться: все еще впереди — как и его отец, последний самодержец никогда не скрывал своего негативного отношения к евреям. И действительно, прочитанные вскоре после революции 1905–1907 годов «Протоколы» произвели неизгладимое впечатление на Николая II. На полях представленного ему генералом Треповым экземпляра он оставил несколько красноречивых пометок: «Какая глубина мысли!», «Какая предусмотрительность!», «Какое точное выполнение своей программы!», «Наш 1905 год точно под дирижерством мудрецов», «Не может быть сомнений в их подлинности», «Всюду видна направляющая и разрушающая рука еврейства» и т. п.

Однако когда в МВД за разрешением широко использовать «Протоколы» обратились известные антисемиты Н. Е. Марков и А. С. Шмаков, а секретное дознание министерских чиновников установило подложность текста, потрясенный царь на представленном ему докладе написал: «Протоколы изъять. Нельзя чистое дело защищать грязными способами». Но своего отношения к идее масонского заговора царь, видимо, не изменил: уже после отречения, в марте 1918 года, он записал в дневнике, что «начал читать вслух книгу Нилуса об Антихристе, куда

прибавлены „Протоколы“ евреев и масонов — весьма современное чтение».

Но все это будет потом, а тогда, в 1902 году, конфликт, вызванный пребыванием Филиппа у трона, был погашен тем, что «магнетизер» уехал из столицы в Крым, откуда в скором времени вернулся на родину. Более в России он не появлялся. Перед отъездом он предсказал императрице рождение сына, и та даже поцеловала ему руку. Русский биограф Филиппа П. А. Бурьшкин считает, что это предсказание, в дальнейшем исполнившееся, и заставляло Александру Федоровну до конца дней с благодарностью вспоминать о первом «Друге», посланном, как она считала, Небом. До конца дней Александра Федоровна верила в действенность подаренной Филиппом иконы с колокольчиком, который, как она уповала, предостерегал ее от «злых людей», препятствуя приближаться к ней; напоминала супругу о палке, ранее принадлежавшей первому «Другу». Его помнили и потому, что он предсказал появление у царской четы «другого друга, который будет говорить с ними о Боге».

Вера в Филиппа, таким образом, не была поколеблена — в царской семье о нем вспоминали с неизменной теплотой. Вынужденный отъезд «Друга» никак не уменьшил жажду живого чуда. Стремление это и привело царскую чету к мысли о содействии проведению канонизации давно почитавшегося православным народом старца Саровской пустыни Серафима. С. Ю. Витте предполагал, что мысль о провозглашении старца святым родилась на встречах, которые устраивались в имении великого князя Петра Николаевича (в присутствии императорской четы и «черногорок»), где Филипп проводил свои беседы и мистические сеансы. Если согласиться с предположением, то история канонизации Серафима может рассматриваться нами в контексте общих мистических исканий и религиозных переживаний царской четы и, следовательно, в контексте истории лионского «магнетизера»!

Преподобный Серафим Саровский, в миру Прохор Исидорович Машнин, родился 19 июля 1754 года и умер 2 января 1833-го. Еще при жизни он почитался великим праведником и чудотворцем. В Саровский монастырь пришел поздней осенью 1778 года из Курска; через восемь лет (в августе 1786 года) принял монашеский постриг и вскоре был рукоположен в сан иеромонаха. Дальнейшая его жизнь — жизнь

православного подвижника, целиком отдававшегося посту и молитве. Будучи современником бурного Екатерининского века, переживший эпоху Наполеоновских войн и грозу 1812 года, движение декабристов, Серафим ничем не отозвался на все эти «внешние события», — по словам писателя Д. С. Мережковского, «они прошли мимо него, как тени летних облаков». И действительно, единственными земными событиями его жизни были неземные видения, религиозные переживания и христианские подвиги (такие, например, как тысячдневное молитвенное стояние на камне). Затворник вынужден был выходить в мир — для советов и утешений страждущих, преимущественно простых богомольцев — крестьян.

Имя праведника обрастает легендами. Так, сохранился рассказ о посещении святого Серафима императором Александром I в 1824 или 1825 году. Беседа якобы длилась три часа, после чего старец, проводив императора до экипажа и поклонившись ему, сказал: «Сделай, Государь, так, как я тебе говорил». Вскоре Александр I умер, а некоторое время спустя в Сибири объявился старец Федор Кузьмич, в котором некоторые современники желали видеть бывшего императора, оставившего трон и удалившегося спасать свою душу. Посещение Александром I святого Серафима и последовавший затем «уход» императора под именем неизвестного до того странника, таким образом, оказываются соединенными. Легенда показывает, что Александр I мог скрыться от света и отказаться от трона, так как не простил себе смерти отца — императора Павла I.

Другая легенда уже непосредственно затрагивает время, предшествовавшее воцарению императора Николая I. Ее впервые рассказал в 1844 году бывший послушник святого Серафима Гурий (в 1840-е годы — игумен Георгий). «Он вспоминал, что к отцу Серафиму приехали „блестящие офицеры“ и попросили его благословения. Он же отказался их благословлять и выгнал из своей келии. Они пришли на другой день и встали перед ним на колени, но старец прогневался еще сильнее, так что затопал ногами и велел им немедленно уйти. Опечаленные офицеры уехали». В ответ на вопрос послушника о причинах произошедшего старец показал ему чистый родник, который затем вскоре помутнел. «Вот что они хотят сделать с Россией», — якобы сказал отец Серафим об офицерах. Очевидна цель приведенного рассказа — показать святого предвидевшим восстание и не давшим благословения готовившим его офицерам — будущим декабристам. Подчеркну: достоверность приведенных рассказов невелика, но они весьма характерны, ибо позволяют увидеть, как затворник и молитвенник Саровской пустыни в восприятии благочестивых

почитателей приобретал черты духовного провидца политических дел и советника царя.

Неслучайно царь лично участвовал в торжествах прославления Серафима, ставших одними из наиболее ярких церковных празднеств за всю Синодальную историю православной церкви. По воспоминаниям генерала А. А. Мосолова, решение государя приехать в Саров было вызвано желанием «войти в непосредственную близость с народом помимо посредников». Это желание нельзя считать спонтанным. С самого начала царствования Николай II стремился преодолеть «средостение», отделявшее его от простого народа. В этой связи «роль смиренного христианина, обращенного к святым старцам, означала для царя связь с народом, воплощала национальный народный дух». Мистическая вера в крепость царской связи с народом для Николая II имела своим истоком православие.

Показательно, что в годы его правления к лику святых в Русской православной церкви было причислено больше святых, чем за весь Синодальный период. При последнем царе святыми провозгласили: Феодосия Углицкого (1896), Серафима Саровского (1903), Иоасафа Белгородского (1911), Патриарха Московского и всея Руси Гермогена (1913), Питирима Тамбовского (1914) и Иоанна Тобольского (1916); в то время как за предшествующий период лишь четырех — Дмитрия Ростовского, Иннокентия Иркутского, Митрофана Воронежского и Тихона Задонского. Ко времени Саровских торжеств, таким образом, к всероссийскому церковному почитанию был причислен преподобный Феодосий, но, кроме того, церковные власти установили местное празднование «священномученика Исидора и с ним 72 мучеников» (1897) и — в начале XX века — преподобного Иова Почаевского. «Насколько род Романовых забыл о святых, — писал религиозный мыслитель П. К. Иванов в книге „Тайна святых. Введение в Апокалипсис“, — настолько последний в роде обреченный Николай II жаждал мучительнейше встречи с истинным святым. Именно он, вопреки желанию Синода, и настоял на прославлении св. Серафима Саровского». Царское указание — причислить к лику святых православного подвижника — в императорской России звучало впервые. Ни один русский монарх не относился к вопросу канонизации столь внимательно и пристрастно. Эта пристрастность воспринималась современниками неоднозначно, в ней они видели не только (и не столько) проявление царского «благочестия», сколько пример самодержавного самоуправства в церковных делах.

История канонизации Серафима Саровского такова. Еще задолго до того, как Николай II взшел на престол, в январе 1883 года начальник

московских женских гимназий Викторов на имя обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева отправил письмо, в котором предложил «ознаменовать начало царствования (Александра III. — С. Ф.), перед священным коронованием государя императора, открытием мощей благочестивого, всей Россией чтимого угодника, которого молитвы и при жизни его были действительны, тем более теперь они будут благопоспешны для великого государя, когда Серафим предстоит перед престолом Всевышнего в лике серафимовском». Ответа Победоносцева на это письмо, как, впрочем, и каких-либо суждений, касающихся взглядов обер-прокурора на проблему канонизации Серафима, найти не удалось. Очевидно, письмо проигнорировали. Позже отвергнуты были и последующие ходатайства, связанные с вопросом о причислении Саровского старца к лику святых.

Проблема эта была поставлена и разрешена только в начале XX века. Характерно, что официальная Церковь (в лице Святейшего правительствующего синода), равно как и глава ведомства православного исповедания, равнодушно относилась к идее церковного прославления Серафима. Победоносцев был поставлен царем перед фактом: праведник *должен* быть причислен к лику святых. Оберпрокурор, видимо обескураженный действиями царя, рассказал об этом С. Ю. Витте. Летом 1902 года Победоносцев был приглашен на завтрак к императорской чете, где ему и было предложено буквально через несколько дней предоставить указ о провозглашении Саровского старца святым. На замечание Победоносцева, что святыми провозглашает Святейший синод после ряда исследований, Александра Федоровна заметила, что «*государь все может*» (курсив мой. — С. Ф.). «Этот напев, — комментировал Витте, — имели случай слышать от Ее Величества по различным случаям». И все же император принял тогда к сведению резоны своего старого учителя, вечером того же дня отправив Победоносцеву записку, в которой соглашался с его доводами. Одновременно он повелевал провести необходимые для канонизации действия к следующему году. Не имея возможности игнорировать повеление царя, Победоносцев тем не менее негодовал, не скрывая своего недовольства и, по своему обыкновению, «вздыхая» обо всем происходившем. «Такое святопроизводство к празднику, выдуманное этими вредоносными черногорками и подкрепленное дармштадтской принцессой, — отмечал государственный секретарь А. А. Половцов, извещенный о происходившем самим обер-прокурором Святейшего синода, — может наделать много хлопот».

Возмущение Победоносцева объяснить нетрудно. Поразительно было

само обращение царя именно к главе ведомства православного исповедания с требованием предоставить указ о канонизации. Императору логичнее было бы вызвать для беседы первоприсутствующего члена Святейшего синода, митрополита Петербургского, — для передачи своего пожелания и выслушивания мнения иерархов (вопрос о канонизации был сугубо церковным). Кроме того, Николай II не приказал создать комиссию для проверки сведений, говоривших в пользу святости Серафима Саровского, на что как «блюститель правоверия» в стране имел полное право.

Вопрос о том, кто инициировал в начале XX века «дело святого Серафима» и заинтересовал им царя, обсуждался современниками достаточно широко. К. П. Победоносцев полагал, что «первую мысль о сем предмете» подал самодержцу архимандрит Серафим (Чичагов), настоятель Спасо-Евфимиева монастыря, — бывший гвардейский офицер, дворянин, ушедший в Церковь и после кончины супруги принявший монашеский постриг. Генерал А. А. Киреев, близкий к придворным и церковным кругам человек, в своем дневнике писал, что оберпрокурор Святейшего синода считал архимандрита «великим пролазом и плутом». По словам генерала, отец Серафим «как-то пролез к государю, а затем государь уж распорядился самовольно. Год тому назад он приказал Победоносцеву, чтобы через год было торжество причисления к лику святых Серафима Саровского. Положим, Сер[афим] действительно святой, но едва ли такое „распоряжение“ соответствует не только верно понятому чувству религиозности, но и канонам (даже русским)» (курсив мой. — С. Ф.). Итак, не сомневаясь в том, что Серафим Саровский — праведник, верующие современники возмущались действиями царя, свои повеления ставившего выше церковных традиций и правил.

Исполняя повеление Николая II, специальная комиссия под председательством митрополита Московского Владимира (Богоявленского) в составе восьми человек (куда, кстати сказать, входил и архимандрит Серафим Чичагов), 11 января 1903 года освидетельствовала мощи Саровского старца. По результатам был составлен секретный рапорт. Однако вскоре результаты работы комиссии стали известны в кругах, весьма далеких и от религии, и от Церкви. В результате церковные власти вынуждены были предпринять не предусмотренные ими заранее шаги. Во-первых — опубликовать «секретный рапорт» в официальном органе Святейшего синода. И во-вторых — в газете «Новое время» поместить заявление митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского) о сохранности мощей Серафима Саровского. Сделано это было в один день — 21 июня.

Примечателен повод, выдвинутый митрополитом Антонием для объяснения своего печатного выступления. По его словам, это произошло в связи с усиленным распространением в столице «недели три назад» гектографированных листков «Союза борьбы с православием», который якобы «принял на себя, во исполнение долга своего перед истиною и русским народом, расследование дела о мощах Серафима Саровского». К сожалению, никаких сведений о названном союзе, а также копий гектографированных листков до сих пор обнаружить не удалось. Скорее всего, такой организации не существовало — было лишь сообщество людей, поднявших шум из-за «обмана» (как им казалось) общественности церковными властями по поводу сохранности мощей святого. Митрополит Антоний в этой связи заявил о факте сохранности «остова» старца, напомнив, что для разговора о святости наличие мощей не обязательно — это только дополнительное чудо ко всем прочим.

Выступление иерарха лишний раз доказывало полную внутреннюю несвободу Церкви, вынужденную публично оправдываться перед неверующими людьми, чье мнение для православных не имело никакого значения. А. В. Богданович отметила это обстоятельство в дневнике, указав, что Антонию вообще не стоило упоминать о гектографированных листках «какого-то „Союза борьбы с православием“». <...> Все находят, — писала она, — что этим письмом митрополит Антоний не улучшил положение дела, а ухудшил его». Под «всеми», вероятно, стоит подразумевать близкий дому Богдановичей круг лиц, чье православное мирозерцание для автора дневника было очевидно.

К тому времени, когда комиссия митрополита Владимира уже составила свой рапорт, Святейший синод официально объявил о готовившейся канонизации Серафима Саровского и о роли императора в этом деле. В «Деяниях Святейшего Синода» от 29 января 1903 года указывалось, что 19 июля 1902 года, «в день рождения старца Серафима, Его Императорскому Величеству благоугодно было вспомнить и молитвенные подвиги почившего, и всенародное к памяти его усердие, и выразить желание, дабы доведено было начатое уже в Св. Синоде дело о прославлении благоговейного старца». По словам американского историка Р. Уортмана, для Николая II и Александры Федоровны «поклонение Серафиму Саровскому стало символом их неизменной преданности Богу и народу», а сама церемония канонизации «являла собой духовный и символический союз трех стихий: „народа“, представленного богомольцами; Церкви, символизируемой духовенством и добровольными хоругвеносцами; и монарха с его семейством и приближенными».

Для Николая II не было никаких сомнений в святости этого православного подвижника, так как, по его же собственным словам, он имел к тому неоспоримые доказательства. О том, какого рода были эти доказательства, еще предстоит сказать. Сейчас же стоит отметить иное: вместе с царем в святости Серафима Саровского было убеждено подавляющее большинство православных Российской империи. Очевидно поэтому, желая войти в непосредственную близость с народом — без посредников, — Николай II и принял решение присутствовать летом 1903 года на Саровских торжествах. По приблизительным подсчетам, кроме окрестных жителей, со всех концов России в Саров прибыло около 150 тысяч паломников. Царь имел возможность убедиться в искренности монархических чувств простого народа и уверил себя в том, что «его собственные идеалы гармонируют с национальной традицией».

Совместное участие в торжествах канонизации Серафима Саровского стало для императора важной жизненной вехой, дополнительным доказательством нерушимой связи царя и его подданных. Ученый и философ русского зарубежья Н. М. Зернов справедливо отмечал, что Николай II, как и интеллигенция, стремился «к установлению политической системы на широкой народной поддержке». Легитимизацию такой поддержки и давало русское православие, учившее воспринимать царя как «земного бога». Для народа он не был живой личностью или политической идеей; он был помазанником Божиим, «носителем божественной силы и правды. По отношению к нему не могло быть и речи о каком-либо своем праве или своей чести. Перед царем, как перед Богом, нет унижения». Дни, проведенные в Сарове, стали для Николая II иллюстрацией народной к нему любви. С тех пор у царя окрепло убеждение, что вся крамола — явление наносное, следствие пропаганды властолюбивой интеллигенции.

«Именно после Сарова, — писал генерал А. А. Мосолов, — все чаще в нередких разговорах слышалось из уст государя слово „царь“ и непосредственно за ним „народ“. Средостение император ощущал, но в душе отрицал его. Взгляд на подданных как на подрастающих юношей все больше укоренялся в Его Величестве». Слово «средостение» — одно из самых важных в политическом словаре последнего самодержца. С первых лет правления он хотел знать правду — о стране, о ее проблемах, о том, чем живет его народ. Но как узнать правду? Вопрос, не имевший прямого и ясного ответа. Император видел, что во всем доверять бюрократии нельзя, она имеет собственные интересы, не всегда совпадающие с интересами страны и ее правителя. Но нельзя, по его представлению, доверять и

интеллигенции, то есть людям, не имеющим власти, но стремящимся ее получить. Для интеллигенции прямой исход — революция. Интеллигенция и бюрократия — это две силы, построившие вокруг царя стену, препятствовавшую ему обратиться непосредственно к своему народу, сказать ему о своей любви — как равный равному. Интеллигенция и бюрократия — это и есть средостение. Было очевидно, что игнорировать его невозможно. Но любая возможность преодолеть использовалась. Такой возможностью, быть может наивной, но искренней, и стал Саров.

Именно в Сарове царь получил возможность поверить в любовь «простого народа» к царю, найти ответ Л. Н. Толстому, еще в начале 1902 года писавшему ему о том, что самодержавие — отжившая форма правления. «Вас, вероятно, приводит в заблуждение о любви [так!] народной к самодержавию и его представителю — царю то, что везде, при встречах Вас в Москве и других городах толпы народа с криками „ура“ бегут за Вами, — писал Николаю II яснополянский мудрец. — Не верьте тому, чтобы это было выражением преданности Вам, — это толпа любопытных, которая побежит точно так же за всяким непривычным зрелищем. Часто же эти люди, которых Вы принимаете за выразителей народной любви к Вам, суть не что иное, как полицией собранная и подстроенная толпа, долженствующая изображать преданный Вам народ». Толстой предлагал царю «походить» во время царского проезда по линии расставленных позади войск вдоль железной дороги крестьян, чтобы услышать несогласные с любовью к самодержавию и его представителю речи. Поездка в Саров, собственно говоря, и стала для Николая II уникальной возможностью увидеть «свой народ», не подстроенный и не подобранный чиновниками и полицией. Он получил возможность оценить искренность тех приветственных криков, которыми никто специально не дирижировал. «Сермяжная Русь» пришла тогда на встречу со своим «отцом».

Николай II в первый, как мне представляется, раз мог воочию наблюдать абсолютно преданную себе многотысячную армию монархически настроенных православных простолудинов. Писатель В. Г. Короленко, присутствовавший на торжествах, заметил, что «толпа была настроена фанатично и с особой преданностью царю». По его убеждению, разговаривать о разъяснениях митрополита Антония по поводу сохранности мощей «можно было с большой осторожностью и не со всяким, а иначе можно было нажить большие неприятности». Тогда же, в июле 1903 года, А. А. Киреев констатировал, что, «конечно, все эти торжества возбудили религиозное чувство масс, но немало и суеверий».

Впрочем, победоносцевское ведомство православного исповедания никогда и не обращало внимания на разделение «веры» и «суеверия» («народ чует душой», сказал однажды оберпрокурор).

Показательно отношение к Серафиму Саровскому богоискательски настроенной русской интеллигенции. Уже упоминавшийся выше Д. С. Мережковский полагал, что в лице святого Серафима «мы узнаем почти наше лицо, может быть, самое родное, самое русское из русских, но во всяком случае, не менее, чем лицо Пушкина, Гоголя, Достоевского, Л. Толстого». Для Мережковского, однако, было важно через святого Серафима понять взаимосвязь и взаимозависимость православия и самодержавия, но эту дилемму он смог только обозначить: «Христианство и свобода — вода и огонь: если огонь сильнее, то от воды остается лишь теплый пар — церковная реформация; если вода сильнее, то от огня остается лишь мокрый пепел — политическая реставрация. Для Серафима конец самодержавия есть конец православия, а конец православия — конец мира, пришествие Антихриста». Безусловно, что и Николай II православие видел в неразрывной связи с самодержавием, *его властью*, полученной по наследству, — то есть благодаря Божьему Промыслу. Свободу по Мережковскому он не мог принять, как не мог представить закономерность указанного писателем противопоставления. Но в одном и Николай II, и Д. С. Мережковский сходились: и для того, и для другого Серафим Саровский был величайшим русским святым. Точно так же воспринял его и русский православный мир.

Желание царя преодолеть «средостение», разумеется, могло быть использовано теми политическими силами, которые стояли тогда у руля российской внутренней политики. По свидетельству информированного современника, принимавшего участие в Саровских торжествах, «не последнюю роль в этом деле, несомненно, играли соображения хитреца Плеве (министра внутренних дел. — С. Ф.), поставившего целью показать, что простой народ доволен самодержавием, предан ему и что стремление к свободе и к участию общественных сил в государственном управлении есть измышления небольшой кучки интеллигенции и не имеют опоры в простом народе». О том, что проведенные царем в Сарове дни имели большое влияние на укрепление расположения царя и царицы к министру внутренних дел, писал и С. Ю. Витте. Примечательно, что, согласно распоряжению Плеве (видимо, устному), редакциям газет было «внушено», чтобы они «сочувственно» отнеслись к торжествам и ничего не писали бы против них. Услышав об этом от издателя А. С. Суворина, генерал А. А. Киреев был возмущен до глубины души. «Разве это не унижение

религии!!!» — патетически восклицал он. Так глубокие чаяния царя понимались его министрами. Ничего удивительного в том не было — в самодержавной империи любое желание носителя верховной власти пытались выполнить, не в последнюю очередь исходя и из «ведомственных» интересов, — как здесь вновь не вспомнить о средостении!

...На торжества канонизации царь с супругой, матерью и некоторыми другими родственниками приехал 17 июля, на лошадях проследовав через Арзамас в Саров. Вместе с высочайшими паломниками были и многочисленные придворные богомольцы — кортеж состоял из 345 экипажей. В тот же день вечером император вызвал к себе иеросхимонаха Симеона (Толмачева) — Саровского библиотекаря, дворянина и бывшего офицера и выразил желание исповедоваться именно у него. Исповедь прошла в келье, где некогда жил Серафим Саровский. Вместе с царем исповедовались также императрицы Александра Федоровна и Мария Федоровна, а также великий князь Сергей Александрович.

Восемнадцатого июля, выйдя к ранней обедне, высочайшие паломники причастились и приняли поздравления по этому поводу находившихся в храме простых богомольцев. В тот же день и состоялось прославление Саровского старца; носилки с мощами праведника царь и великие князья несли на своих плечах. Увидев это, толпа встала на колени. Это событие не имело аналогов в императорской России. Царь оказался в самой гуще своих подданных, которые готовы были умереть по одному его слову. А глубокой ночью 19 июля царь и его близкие посетили исцеляющий источник и выкупались в нем (в то время народ устремился в Успенский собор приложиться к мощам только что прославленного святого). 19 июля царь записал в дневнике: «Подъем духа громадный и от торжественности события и от праздничного настроения народа... Слыхали о многих исцеленных сегодня и вчера... дивен Бог во святых Его. Велика неизреченная милость Его дорогой России; невыразимо утешительна (радость (?). — С. Ф.) очевидного нового проявления Благодати Господней ко всем нам. На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся во веки. Аминь».

Так воспринимал произошедшее русский царь: святой Серафим есть милость Бога — России. Через эту призму он до конца своих дней смотрел на этого святого. 20 июля высочайшие паломники покинули Саров и заехали в Дивеевский женский монастырь, свято чтивший память Саровского старца. В обители царь и его близкие посетили блаженную Пашу, юродивую Христа ради (ей тогда было более ста лет). Говорившая нечленораздельно и любившая играть в куклы, она подарила куклу царской

чете. Считается, что тем самым она предсказала рождение наследника. Так ли это, судить трудно. Но «блажен, кто верует»... Ясно лишь одно: посещение «царями» Паши со временем обросло слухами и мифами, в которых затертой оказалась простая истина: «царям» были необходимы «знаки», помогающие им «правильно понять» Божью волю.

Характерно обыграли эту встречу составители подложного дневника А. А. Вырубовой — историк П. Е. Щеголев и писатель А. Н. Толстой. В их передаче история выглядела следующим образом: Александра Федоровна полагала, что Паша — несомненно святая, с ясным и добрым лицом и детскими ангельскими глазами. Благословив царя («папу», по терминологии авторов лжедневника), она заявила: «Будет маленький!» Благословив также и Александру Федоровну (после того как императрица надела пеструю шаль, прикрыв черное платье, ибо этот цвет раздражал юродивую), Паша изрекла: «Много будет, много!», при этом размахивая красной лентой. Александре Федоровне якобы потом объяснили сказанное: «С маленьким придет много крови»^[60].

Людям свойственно заниматься мифотворчеством и приводить этот рассказ для иллюстрации этого банального тезиса, вероятно, не стоило бы. Он интересен не приведенными «фактами» (во многом сомнительными), а тем, с чем (и с кем) современники связывали рождение наследника престола. К слову сказать, о своем посещении Паши Николай II вспоминал и много лет спустя: в 1910 году А. В. Богданович услышала историю разговора царя с юродивой от князя Н. Д. Жевахова — эксцентричного монархиста, незадолго до революционной катастрофы занявшего пост товарища обер-прокурора Святейшего синода. Принимая князя, когда «речь зашла про Саров», Николай II спросил его, видел ли он Пашу, подчеркнув при этом, что сам «„сподобился ее видеть“», что она на него произвела глубокое впечатление. Она ему предсказала войну с Японией и вдруг, когда он у нее был, начала бить одну из своих кукол, называя ее „Сергеем“. Он тут же понял, кто этот „Сергей“». Записав сообщенное князем в дневник, Богданович резюмировала: «Не следует царю это рассказывать Жевахову, а ему не следует это распространять». Понятно, что под «Сергеем» имелся в виду С. Ю. Витте, к которому Николай II испытывал сильную антипатию. Но дело не только в приведенной «детали»: важнее сама память о Паше как о политической предсказательнице. Поездка к ней не была случайной.

Итак, Саров: мольбы, обращенные к новому святому, и посещение жившей неподалеку блаженной дали свой результат. Спустя год на свет появился великий князь Алексей Николаевич, последний ребенок императорской четы. Вероятно, поэтому-то Николай II и говорил о том, что

никто и никогда не сможет поколебать его уверенности в святости Серафима Саровского. Доказательством было рождение сына.

Долгожданный ребенок появился на свет 30 июля 1904 года в 13 часов 15 минут в Петергофе. Как и ранее, страну об этом официально информировали министр Императорского двора барон В. Б. Фредерикс и врачи — лейб-акушер Д. Отт и лейб-хирург Г. Гирш. Наследника престола нарекли Алексеем — в честь предка Романовых, наиболее почитаемого Николаем II царя Алексея Михайловича. Показательно, что в публикациях имя царского сына писали не на славянский лад — «Алексий», а обыкновенно — *Алексей*. Это не осталось без внимания. «Почему: „Николай Второй“, а не „Второй“? — вопрошал А. С. Суворин на страницах своего дневника. — Теперь, однако, не Алексий, а Алексей. Но Сергей все-таки не Сергей (как традиционно писалось имя дяди царя, великого князя Сергея Александровича. — С. Ф.). Какая мелочность!» Блестящий журналист, Суворин подметил деталь, на которую немногие обращали внимание, — на искусственность «стилизации» под московскую старину, которая в начале XX века выглядела не столько странной, сколько смешной.

Впрочем, для Николая II в те дни все эти мелочи отступили на задний план.

«Незабвенный великий для нас день, в кот[орый] так явно посетила нас милость Божья, — записал в тот день император. — В 1¹/₄ дня у Аликс *родился сын*, кот[орого] при молитве нарекли *Алексеем*. Все произошло замечательно скоро — для меня по крайней мере. Утром побывал как всегда у Мама́, затем принял доклад Коковцова и раненого при Вафангоу арт[иллерийского] офицера Клепикова (в то время шла Русско-японская война, о чем речь будет впереди. — С. Ф.) и пошел к Аликс, чтобы завтракать. Она уже была наверху и полчаса спустя произошло это счастливое событие. Нет слов, чтобы уметь достаточно благодарить Бога за ниспосланное нам утешение в эту годину трудных испытаний!

Дорогая Аликс чувствовала себя очень хорошо. Мама приехала в 2 часа и долго просидела со мною, до первого свидания с новым внуком. В 5 час. поехал к молебну с детьми, к кот[орому] собралось все семейство. Писал массу телеграмм. Миша приехал из лагеря; он уверяет, что подал „в отставку“. Обедал в спальне».

Свершилось то, что в императорской семье ожидали почти десять лет. Николай II действительно теперь мог принять «отставку» своего брата, что незамедлительно, манифестом, и было оформлено тогда же, 30 июля.

Собственно говоря, манифест извещал подданных о рождении Алексея Николаевича, но в нем делались необходимые пояснения. То, что Михаил Александрович получил по причине отсутствия у царя сына — права наследника престола, — теперь передавалось новорожденному, вместе с титулом цесаревича, которого брат Николая II был лишен. Основная династическая проблема, таким образом, оказалась решенной. В честь этого события в 11 часов утра 31 июля в Казанском соборе столицы прошел благодарственный молебен. Правда, на случай собственной преждевременной кончины Николай II озаботился выпустить специальный манифест — правителем государства до достижения наследником совершеннолетия должен был стать его дядя, великий князь Михаил, а опека («во всей той силе и пространстве, кои определены законом») переходила к Александре Федоровне.

Далее, начиная с 1 августа все подданные извещались (как и ранее) о состоянии здоровья императрицы и цесаревича. Бюллетени, публиковавшиеся затем вплоть до 11 августа, были только позитивные. Роды и послеродовой период прошли для Александры Федоровны хорошо. О том же свидетельствуют и дневниковые записи царя. Как и дочерей, императрица сама кормила Алексея грудью, отказавшись от услуг кормилицы. В те дни ничто не предвещало трагедии — неизлечимая болезнь цесаревича еще не проявилась, венценосная мать могла не беспокоиться. Ее силы постепенно восстанавливались. Накануне крещения Алексея, 10 августа, Александра Федоровна впервые поднялась с постели. Крещение было назначено на среду 11 августа — в тот день в Большой Петергофский дворец к литургии должны были прибыть члены Святейшего синода и Государственного совета, министры, придворные чины и дипломатический корпус. На торжестве присутствовала и почти вся Императорская фамилия. Дамы, как предусматривалось этикетом, надели русские платья, а кавалеры — парадную форму с орденом Святого Андрея Первозванного (конечно, те, кто был им награжден).

Наследника привезли в большой карете из Александрии, дворца, располагающегося в Петергофском парке. Царь, согласно установившейся традиции, на самом акте крещения не присутствовал. После того как царский духовник протопресвитер И. Л. Янышев совершил таинство, Николай II вновь вернулся в храм и прослушал литургию. О состоявшемся торжестве окрестное население было извещено 301 выстрелом из пушек и колокольным звоном всех храмов Петергофа. Восприемниками при крещении цесаревича были: императрица-бабушка Мария Федоровна; германский император Вильгельм II, король Великобритании Эдуард VII;

прадед малыша, король Дании Христиан IX; дядя — великий герцог Гессенский Эрнст-Людвиг; принцесса Великобританская и Ирландская Виктория; великие князья Алексей Александрович и Михаил Николаевич, а также старейшая великая княгиня Императорской фамилии России Александра Иосифовна. Коронованные восприемники (протестанты по вероисповеданию) на крещении отсутствовали.

В день крещения наследника по обычаю был опубликован манифест о различных льготах и милостях подданным, о прощении разного рода провинившихся лиц. Свою награду получил и любимый врач семьи — «все перезабывший», по словам Витте, престарелый Г. И. Гирш — царь «пожаловал» ему табакерку с вензелевым изображением собственного имени. На изменение участи рассчитывали и революционеры. Посетивший в это время Шлиссельбургскую и Петропавловскую крепости столичный митрополит Антоний (Вадковский), впервые услышав от В. Н. Фигнер, принимавшей непосредственное участие в подготовке покушения на Александра II, историю русской каторги, даже обещал ей узнать, будет ли изменена (в связи с рождением Алексея Николаевича) участь шлиссельбуржцев. Уже одно то, что революционеры (большинство которых являлись противниками монархии и террористами) лелеяли подобные надежды, — чрезвычайно показательно. Получалось, что с рождением цесаревича они связывали частичную либерализацию политического режима. Насколько этим надеждам суждено было сбыться — отдельная тема, но, например, Фигнер в 1904 году сумела выйти из тюрьмы и оказалась в ссылке, откуда в 1906-м переехала за границу и вновь окунулась в революционную борьбу. Разумеется, о цесаревиче она никогда больше не вспоминала.

Что ждало его в будущем? Об этом тогда задумывались многие. Говоря о дне рождения Алексея Николаевича, С. Ю. Витте однажды признался, что часто задает себе «гамлетовский вопрос, что будет с этим августейшим юношей», и молит «Бога о том, чтобы в нем Россия нашла свое успокоение и начала новой своей жизни в полном величии, соответствующем духу и силе великого русского народа». По прихоти судьбы, граф не дожил до момента, когда русская история дала жестокий ответ на его «гамлетовский вопрос». Бог позволил ему умереть, не увидев свержения монархии в России и не узнав о страшной судьбе императорской семьи. Но он достаточно рано, как и все стоявшие у власти лица, узнал о страшной болезни цесаревича — гемофилии. В первый раз она дала о себе знать спустя пять с половиной недель после рождения Алексея Николаевича, в начале осени.

«Аликс и я были очень обеспокоены кровотечением у маленького Алексея, которое продолжалось с перерывами до вечера из пуповины! — записал император в дневнике 8 сентября. — Пришлось выписывать Коровина (лейб-медика, приставленного ранее к старшей дочери царя Ольге. — С. Ф.) и хирурга Федорова; около 7 час. они наложили повязку. Маленький был удивительно спокоен и весел! Как тяжело переживать такие минуты беспокойства!» Лишь 11 сентября Николай II смог вздохнуть: «Слава Богу», удостоверившись, что кровотечение у сына прекратилось. Так радость и счастье, вызванные рождением сына, оказались омраченными тревогой за его здоровье. Эта тревога с тех пор никогда не покидала царя и его супругу — невольную виновницу недуга ее любимого ребенка.

Болезнь цесаревича навсегда сблизила Николая и Александру, скрепила и без того прочную любовь общими страхами и надеждами. Чем дальше, тем большее значение они придавали семейному счастью, умея ценить время, проведенное вместе. Имели ли они на это право? Странный вопрос. Но простого ответа мы не получим: ведь царь — не частное лицо, и обычные радости «простых смертных» для него непростительная роскошь. Николай II не хотел этого признавать. Данное обстоятельство самым негативным образом повлияло на его политический образ. Но у этой проблемы была и еще одна сторона: в своих личных решениях, как и в решениях государственных, царь оставался заложником идеала власти — *как он его понимал.*

По мнению многих современников, он, не имея характера самодержца, стремился, как мог, демонстрировать свою волю. В итоге «недостаточность самодержавства» компенсировалась избыточным самоволием. Стоит посмотреть, почему за первые десять лет правления Николай II не только не поднял авторитет власти, но и многое сделал для ее дискредитации? Почему у современников сформировалось устойчивое представление о нем как о «слабохарактерном монархе»?

Николай II был примерным семьянином — с этим обстоятельством трудно не согласиться. Но при этом он никогда не забывал и о своей первой любви к Матильде Кшесинской, не забывал даже тогда, когда у него появились дети, когда его личная жизнь вошла в спокойное русло и не вызывала желаний что-либо изменить или вернуть прошлое. Мы уже

рассказывали об участии балерины в парадном спектакле в Большом театре в дни коронационных торжеств. Как восприняла это Александра Федоровна? Вопрос остается без ответа. Однако царское великодушие неизбежно порождало слухи и сплетни о продолжавшейся «связи» государя и балерины.

А. В. Богданович 2 ноября 1895 года в дневнике записала один из таких слухов. Она ссылается на председателя Российского телеграфного агентства полковника В. В. Комарова, рассказывавшего, «что молодой царице после рождения дочери (Ольги. — С. Ф.) запрещено было быть женой царя и что поэтому дядюшки устроили ему снова сожительство с Кшесинской, что ширмами взят вел[икий] кн[язь] Сергей Михайлович, который l'amant^[61] Кшесинской. Все это, — продолжала Богданович, — известно царице-матери, которая поэтому очень расстроена». Слух был верен только в том, что великий князь Сергей Михайлович действительно в то время стал гражданским мужем балерины, в остальном же являлся полным вздором. Но надо признать, этот вздор произрастал на подготовленной царским своеволием почве.

Сама Матильда Феликсовна в конце жизни вспоминала, как летом 1897 года через Сергея Михайловича царь передал ей информацию о намечавшейся (совместно с императрицей) прогулке мимо ее дачи в Стрельне, под Петербургом. Он просил балерину непременно быть в назначенное время у себя в саду. «Точно в назначенный день и час Ники проехал с императрицей мимо моей дачи и, конечно же, меня отлично видел, — вспоминала Кшесинская. — Они проезжали медленно мимо дома, я встала и сделала глубокий поклон и получила ласковый ответ. Этот случай доказал, что Ники вовсе не скрывал своего прошлого отношения ко мне, но, напротив, открыто оказал мне милое внимание в деликатной форме. Я не переставала его любить, и то, что он меня не забывал, было для меня громадным утешением».

О том, что после завершения романа у Кшесинской с царем сохранились «дружеские отношения», знал очень широкий круг лиц. Некоторые из них, далекие от романтики, совершенно не стеснялись пользоваться посредническими услугами влиятельной балерины. Так, на заре XX века инженер П. И. Балинский предложил построить вокруг столицы окружную железную дорогу. На осуществление проекта требовалось 380 миллионов рублей — по тем временам колоссальная сумма. Министр финансов С. Ю. Витте был категорически против (ведь деньги должно было «найти» именно его министерство), но Балинский заручился поддержкой члена Государственного совета И. Л. Горемыкина

и... Кшесинской. «Через ее посредничество проект Балинского получил предварительное одобрение свыше, выраженное в весьма решительной резолюции. Добился каким-то образом Балинский и сочувствия Сипягина, бывшего в то время министром внутренних дел»^[62]. Проект так и не был реализован, — влиятельные противники инженера добились своего. Но одно то, что к его «проталкиванию» была подключена балерина Императорского театра, — факт сам по себе исключительный. Прав был государственный секретарь А. А. Половцов, в начале 1901 года писавший, что «самодержавие сделалось в последнее время девизом для всяких искателей собственного благополучия»!

Матильда Феликсовна, безусловно, знала себе цену, при необходимости напоминала о том, с кем еще не столь давно она была близка. Более того, влиянием балерины пользовался и ее престарелый отец. Во время бенефиса Кшесинской, в начале 1900 года, когда великий князь Сергей Михайлович устроил угощение с шампанским, ее отец потребовал от лакеев, «чтоб они откладывали бутылки и отнесли к нему». Кто-то указал ему на недопустимость подобного поведения. И услышал в ответ:

«„Я буду жаловаться высшей театральной администрации“». — „Директору театра?“ — „Нет, не директору, не министру, а государю-императору“.

Таким образом, — скептически комментировал случившееся А. С. Суворин, — высшая театральная администрация — государь».

Суворин, увы, не ошибался. Вскоре его слова подтвердил новый театральный скандал. Участвуя в спектакле «Камарго», Кшесинская отказалась надеть фижмы (маленькие плетеные корзиночки, прикреплявшиеся к наряду с двух боков, чтобы немного приподнять юбку), полагавшиеся к ее костюму. За самовольное изменение костюма директор Императорских театров князь С. М. Волконский наложил на балерину незначительный (50-рублевый) штраф, не соответствовавший, как полагала сама прима Мариинского театра, ее жалованью и положению. Она восприняла случившееся как оскорбление и обратилась к государю с просьбой снять штраф. Уже на следующий день он был отменен. Князь Волконский после случившегося подал в отставку, хотя, по словам Кшесинской, его независимое положение и престиж не пострадали. Пострадал престиж государя. Скандал с фижмами — пустяковый по любым меркам — перерос в дело государственной важности. Через министра двора барона В. Б. Фредерикса он приказал исполнить просьбу своей бывшей возлюбленной, «и когда Фредерикс возразил, что в таком случае положение всякого директора театров делается невозможным»,

сказал ему: «Я этого желаю и не желаю, чтобы со мною об этом больше разговаривали».

Итак, право было там, где хотел его видеть император. Его распоряжения не подлежали обсуждению и должны были беспрекословно исполняться. Такое самодержавие вызывало беспокойство даже у тех, кто либеральной общественностью воспринимался в качестве «охранителей».

«Юный царь все более и более получает презрение к органам своей собственной власти и начинает верить в благотворную силу своего самодержавия, проявляя его спорадически, без предварительного обсуждения, без связи с общим ходом дел, — с беспокойством отмечал государственный секретарь А. А. Половцов. — Страшно сказать, но под впечатлением напечатанной на днях Шильдером книги начинает чувствоваться что-то, похожее на Павловское время». Для думающего человека уже на заре XX века было ясно, что такой строй порочен в своей основе, что необходимы изменения. Какие? На это ясного ответа не находили.

«Самодержавие куда лучше парламентаризма, ибо при парламентаризме управляют люди, а при самодержавии — Бог. И притом Бог невидимый, а точно ощущаемый, — ерничал А. С. Суворин. — Никого не видать, а всем тяжело и всякому может быть напакотено выше всякой меры и при всяком случае. Государь учится только у Бога и только с Богом советуется, но так как Бог невидим, то он советуется со всяким встречным, со своей супругой, со своей матерью, со своим желудком, со всей своей природой, и все это принимает за Божье указание. А указания министров даже выше Божиих, ибо они, заботясь о себе, заботятся о государстве и о династии. Нет ничего лучше самодержавия, ибо оно воспитывает целый улей праздных и ни для чего не нужных людей, которые находят себе дело. Эти люди из привилегированных сословий, и самая существенная часть привилегии их заключается именно в том, чтоб, ничего не имея в голове, быть головою над многими. Каждый из нас, работающих под этим режимом, не может быть неиспорченным, ибо только в редкие минуты можно быть искренним. Чувствуешь под собой сто пудов лишних против того столба воздуха, который стоит надо всяким. Нет, не будет! Все это старо».

Приведенные слова принадлежат тому, кого в последнее время монархически настроенные почитатели «России, которую мы потеряли», справедливо называют «телохранителем» той самой России!^[63] Если такой умный и проницательный человек, как Суворин, критиковал самодержавие Николая II, то что же говорить о противниках существовавшего тогда строя.

Впрочем, Суворин критиковал не самодержавие, а методы «самодержавствования». История с Кшесинской и стала иллюстрацией этих методов.

Скандалных эпизодов, связанных с ее личной жизнью, известно немало. 18 июня 1902 года Кшесинская родила сына, которого она пожелала назвать Николаем, но понимая невозможность этого, решила дать ему имя деда — великого князя Владимира Александровича. Дело заключалось в том, что, фактически являясь гражданской женой Сергея Михайловича, она родила ребенка от другого представителя династии — Андрея Владимировича, внука императора Александра II. «Муж», с которым состоялся тяжелый разговор, знал, кто отец ребенка, и решил оставить все без изменений. Со дня рождения мальчика Сергей Михайлович, по словам Кшесинской, «все свое свободное время отдавал ему, занимаясь его воспитанием». Вплоть до революции 1917 года ее сын имел даже отчество «Сергеевич», в дальнейшем, правда, его изменили.

Страсти, как видим, в доме Романовых кипели вовсю. Великосветское общество было прекрасно осведомлено о любовных переживаниях великих князей. Глава династии смотрел на все происходившее «сквозь пальцы», поскольку внешние «приличия» соблюдались: родственники не оформляли «легальных» браков. О прочем Николай II предпочитал не рассуждать и тем более не наказывать «провинившихся», хотя в близких ко двору кругах сетовали на то, что в царском семействе «ежедневно умножаются скандалы».

Скандалы «умножались» на фоне падавшей популярности императрицы Александры Федоровны, которую по непонятной причине буквально с первых дней пребывания ее в России стали считать роковой женщиной. Когда летом 1901 года в присутствии царской четы торжественно спускали броненосец «Император Александр III» и сорванным флагштоком убило жандармского генерала В. М. Пирамидова, вспомнили об Александре Федоровне. «В народе воцарилось понятие, — комментировала случившееся А. В. Богданович, — что молодая царица приносит несчастье и, к ужасу, можно сказать, что это понятие оправдывается». Всё более замыкаясь в себе и в семье, Александра Федоровна не желала и не умела меняться, оставаясь для большинства Романовых чужим человеком.

Молодой государь, вынужденный поддерживать хотя бы видимость мира и согласия среди членов дома Романовых, не способен был исправить положение, изменить негативное отношение родственников к супруге. И это при том, что в первые годы правления Николая II Александра

Федоровна не вмешивалась в семейные дела Романовых, в том числе и касавшиеся М. Кшесинской. Однако если отношения членов Императорского дома с балериной были «приватными», то «амурный скандал» младшего сына императора Александра II — великого князя Павла — игнорировать было нельзя. После истории с женитьбой великого князя Михаила Михайловича это оказалось второе дело, на которое Николай II был обязан ответить.

Первый раз великий князь Павел Александрович вступил в брак с разрешения императора Александра III еще 5 июня 1889 года. Его избранницей стала греческая принцесса Александра Георгиевна, которая родила ему двух детей: 6 апреля 1890 года — великую княжну Марию и 6 сентября 1891-го — великого князя Дмитрия. В том же году супруга скончалась.

Как и все Романовы, Павел Александрович служил в армии: временно командовал лейбгвардии Гусарским Его Величества полком, был командиром лейбгвардии Конного полка, в 1893 году получил чин генерал-майора, а в 1901-м — генерал-лейтенанта. В конце XIX века великий князь был командующим 1-й Гвардейской кавалерийской дивизией, состоял шефом нескольких полков, числился почетным председателем Русского общества охранения народного здоровья и покровителем всех поощрительных конно-заводских учреждений России.

Вплоть до 1902 года Павел Александрович в новый брак не вступал, но это не значило, что его сердце оставалось свободным. Некоторое время спустя после смерти Александры Георгиевны полюбил женщину, не принадлежавшую ни к какому «владельческому» дому. Более того, эта женщина на момент их знакомства была замужем. И все-таки великий князь решил не отступать. Его избранницей стала дочь камергера Высочайшего двора и супруга генерала Ольга Валериановна Пистолькорс (урожденная Карнович). В конце декабря 1896 года у Ольги Валериановны и Павла Александровича родился сын — Владимир. В декабре 1903-го и в ноябре 1905-го на свет появились дочери — Ирина и Наталья. Рождение детей заставило великого князя задуматься о браке с О. В. Пистолькорс, незадолго до того оформившей развод с мужем.

Второй брак великого князя, заключенный в 1902 году в Ливорно, вызвал чрезвычайное неудовольствие Николая II. «Имея перед собой пример того, как незабвенный Папа поступил с Мишей (великим князем Михаилом Михайловичем. — С. Ф.), — писал Николай II императрице Марии Федоровне 20 октября 1902 года, — нетрудно было мне решить, что делать с дядей Павлом. Чем ближе родственник, который не хочет

исполнять наши семейные законы, тем строже должно быть его наказание. Не правда ли, милая Мама?» При этом для царя оставался открытым вопрос о признании брака законным. Николай II прекрасно знал положения «Учреждения об Императорской фамилии», о чем далее и писал: «Какое теперь ручательство, что Кирилл [Владимирович] не сделает того же завтра, и Борис, и Сергей Михайлович поступят так же послезавтра. И целая колония русской Императорской фамилии будет жить в Париже со своими полузаконными и незаконными женами. Бог знает, что это такое за время, когда один только эгоизм царствует над всеми другими чувствами: совести, долга и порядочности!!!»

Слова государя были подтверждены действиями: за самовольное вступление в брак Павел Александрович был уволен со службы и выслан из России. Кроме того, свое неудовольствие поступком дяди Николай II выразил и тем, что запретил ему перевести за границу деньги, не разрешил давать и проценты с капитала. Министр двора напрасно старался доказать царю незаконность и несправедливость такого распоряжения, тот отвечал барону, что «это его семейное дело, подлежащее его личному решению. Фредерикс просил выслушать мнение императрицы, но она, прослушав доклад Фредерикса, сказала:

— *Mon opinion est que l'Empereur peut faire ce qu'il veut*»^[64].

Александра Федоровна целиком и полностью поддержала супруга. Дети Павла Александровича от первого брака, по настоянию императрицы, были переданы на воспитание в семью его брата — Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны. Император стал их главным опекуном. Казалось бы, дело завершено — раз и навсегда. Но так только казалось. 17 (29) октября 1904 года регент Баварии пожаловал О. В. Пистолькорс титул графов Гогенфельзен, тем самым признав высокое положение супруги русского великого князя. А 4 февраля 1905 года, когда у Никольских ворот Кремля в Москве бомбой террориста был убит великий князь Сергей Александрович, его младший брат — Павел Александрович получил высочайшее разрешение на возвращение в Россию. Ему также возвратили звание генерал-адъютанта, дарованное еще 6 мая 1897 года. Утром 8 февраля великий князь вернулся из Парижа, был принят царем и царицей, а затем пил чай у вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Затем он уехал на похороны Сергея Александровича в Москву.

Так, волею трагического случая Павел Александрович, никак не изменив своего семейного положения, был прощен. Некоторое время спустя, после долгой переписки, разрешили вернуться в Россию и его супруге. «Я смотрю на его брак, — писал царь брату Павла великому князю

Алексею Александровичу, — как на поступок человека, который желал показать всем, что любимая им женщина — есть его жена, а не любовница». Однако просьбу Павла Александровича дать новую фамилию его сыну Владимиру, вместо имевшейся у него от рождения (Пистолькорс), император не исполнил. Эту просьбу он считал неуместной потому, что ее исполнение поднимало бы «восьмилетнее прошлое».

Но и на этом история не закончилась: спустя десять лет, 15 августа 1915 года, супруга Павла Александровича, а равно и их дети получили княжеский титул Палей. Фамилия Палей принадлежала казачьему атаману, находившемуся в родстве с Карновичами, родственниками Ольги Валериановны. Очевидно, это был единственный за все царствование Николая II случай пожалования княжеского титула.

Итак, все завершилось, как и в случае с великим князем Михаилом Михайловичем, — даже лучше: морганатический брак был признан, а нарушитель восстановлен в правах и на службе. В 1913 году Павел Александрович стал генералом от кавалерии, а в 1916-м был назначен на высокий пост генерал-инспектора гвардейской кавалерии. Такова была воля самодержца. «Учреждение об Императорской фамилии» и не вспоминалось, да и зачем — ведь «император может делать все, что хочет»! Столь своеобразное понимание своих монарших полномочий вызывало удивление и опасение близких к власти современников.

В начале XX века С. Ю. Витте без обиняков говорил своим знакомым, что дела вести становится все труднее — ведь «государь почитает себя непогрешимым и долженствующим действовать по своим личным вдохновениям, в чем и выражается самодержавие!..».

Так определяли самодержавие последнего царя его собственные министры и советники, поражавшиеся упорному нежеланию Николая II понять или, лучше сказать, принять мысль о том, что самодержавие не есть возможность поступать по личному произволу. Наблюдая происходящее, современники предрекали России, где царило «чиновничье самодержавие», великие бедствия, и те не заставили себя долго ждать, но о них — разговор особый. Сейчас важнее отметить иное: «личная политика» в большинстве случаев оказывалась политикой непоследовательной — даже «Учреждение об Императорской фамилии» при Николае II исполнялось ровно настолько, насколько в том был заинтересован самодержец. В делах семейных он почитал себя верховным арбитром не столько *de jure*, сколько *de facto*.

Чем это объяснить?

Для лучшего понимания проблемы вспомним, что еще в царствование Александра III титул «Государь Император» начал уступать место новому,

собирательному титулу «Их Императорских Величеств». Этот титул резко противопоставил царскую чету прочим членам Фамилии. Они должны были получить собирательный титул Их Императорских Высочеств. Но в «Учреждение об Императорской фамилии» 1886 года новые собирательные титулы не вошли. Выходило, что процесс концентрации символического значения верховной власти (которая включала самодержца и тех членов дома Романовых, с которыми монарх считал возможным разделить свою ответственность перед Богом) законодательно не завершился. В царствование Николая II были сделаны попытки «встроить» названные собирательные титулы в существовавшее цензурное законодательство. В январе 1905 года особое совещание обсуждало проект нового устава о печати. Тогда-то и подняли вопрос о включении титулов в предлагавшийся текст статьи 73. Но новый устав не был принят, а других попыток законодательного закрепления титулов не предпринималось.

И «тем не менее в политическом обиходе начала XX века утвердилось предельно суженное значение „Верховная власть“, включающее только императорскую чету, и оставалось таким до 1917 года, — пишет С. И. Григорьев в книге «Придворная цензура и образ верховной власти: 1831–1917». — Это способствовало дальнейшей изоляции императорской четы внутри Российского императорского дома». Можно предположить, что действия Николая II в отношении своих родственников, которых он вначале справедливо наказывал, а затем незаконно «великодушно» прощал, и были связаны с тем, как он воспринимал понятие «Верховная власть», олицетворением и одновременно носителем которой он являлся. Но являясь олицетворением этой власти, Николай II чем дальше, тем меньше воспринимался как «монарх милостью Божией»: монархический «дух» год от года хирел, что, по мнению современников, и создавало «самую возможность революции».

«Дух», конечно, понятие не историческое, на любые *contra* здесь легко можно найти свои *pro* (например отношение народа к царю на Саровских торжествах 1903 года). И все же не будем спешить с заключениями. Вспомним С. Е. Трубецкого, полагавшего, что «всякий строй — иерархичен. Вопрос только в том, как создается эта иерархия и какова ее ценность» (тем более что «держится установленная иерархия, как и всякая власть, массовым гипнозом»). Неспособность Николая II поднять на должную высоту авторитет власти беспокоила современников-монархистов. Даже его старый учитель — К. П. Победоносцев на заре XX века признавался, что, имея природный ум, пронизательность, схватывая буквально на лету то, что ему говорят, государь понимает «значение факта

лишь изолированного, без отношения к остальному, без связи с совокупностью других фактов, событий, течений, явлений. На этом мелком, одиночном факте или взгляде, — говорил Победоносцев Половцову, — он и останавливается. Это результат воспитания кадетского корпуса, да, пожалуй, горничных, окружавших его мать. Широкого, общего, выработанного обменом мысли, спором, прениями, для него не существует, что доказывается тем, что недавно он сказал одному из своих приближенных: „*Зачем вы постоянно спорите? Я всегда во всем со всеми соглашаюсь, а потом делаю по-своему!*“».

Диагноз поставлен, и в дальнейшем он будет многократно подтверждаться. Понимание царем самодержавия — налицо. Хорошо знавший придворную жизнь генерал А. А. Мосолов в своих воспоминаниях развивает тезис о нелюбви Николая II к спорам, тем самым как бы продолжая рассуждение Победоносцева. Государь, будучи по природе человеком застенчивым, избегал споров «отчасти вследствие болезненно развитого самолюбия, отчасти из опасения, что ему могут доказать неправоту его взглядов или убедить других в этом». «Этот недостаток природы Николая II и вызывал действия, считавшиеся многими фальшью, а в действительности бывшие лишь проявлениями недостатка гражданского мужества. Данилович, — вспоминал Мосолов наставника царя, — научил его этот недостаток обходить. Он же, при наличии и без того скрытной природы большинства членов семьи, приучил будущего государя к той сдержанности, которая зачастую производила впечатление бесчувственности».

Можно ли полностью согласиться с предъявленными генералу-воспитателю обвинениями? И не разделяет ли с Даниловичем вину за воспитание самодержца его учитель Победоносцев? Однозначно ответить трудно. Остановимся на приведенной констатации, вспомнив, что в образованных кругах русского общества имя царя уже в 1890-е годы перестало вызывать священный трепет. Можно долго рассуждать на тему, кого в этом винить и как к этому относиться, только факт останется фактом: десакрализация идеи самодержавия (в лице ее носителя — императора Николая II) подтверждается не только ростом оппозиционных настроений в стране, но и формированием *комического* (или, лучше сказать, *трагикомического*) образа монарха в русской подцензурной печати.

Так, в январе 1902 года в политической и литературной газете «Россия» появился фельетон «Господа Обмановы» писателя и публициста А. В. Амфитеатрова — сына настоятеля Архангельского собора Московского Кремля. Парадоксально, но оказавшаяся «крамольной» газета

пользовалась покровительством начальника Главного управления по делам печати князя Н. В. Шаховского и некоторых великих князей. Фельетон произвел сильное впечатление на читателей, вне зависимости от их политических убеждений и идейных пристрастий. Более откровенных характеристик членов дома Романовых трудно было придумать: автор, изменив имена, оставил инициалы — и Николая II, и его ближайших родственников и предков — матери, отца, деда и прадеда. Рассказывая историю господ Обмановых, Амфитеатров попытался обыграть прошлое самодержавной России. «Злее пасквиля я не видел», — записал в дневнике А. А. Половцов.

Действительно, любой внимательный читатель, ознакомившись с фельетоном, сразу же понимал, о ком идет речь. К эзопову языку Амфитеатров, по большому счету, не особенно и прибегал, говоря об Алексее Алексеевиче Обманове — хозяине самого крупного в губернии имения и предводителе дворянства огромного уезда, собственнике села «Большие Головотяпы, Обмановки тож»; о его супруге Марине Филипповне, взятой «за красоту из гувернанток»; о их сыне Никандре Алексеевиче, в просторечии называемом «Никой-Милушей». «Это был маленький, миловидный, застенчивый молодой человек, — характеризовал Амфитеатров наследника «самого крупного имения», — с робкими, красивыми движениями, с глазами, то ясно-доверчивыми, то грустно-обиженными, как у серны в зверинце. Пред отцом он благоговел и во всю жизнь свою ни разу не сказал ему: „нет“».

В этом портрете трудно было не узнать молодого государя — человека среднего роста (5 футов 7 дюймов, то есть один метр 68 сантиметров), всегда почитавшего своего отца и известного своими «робкими» манерами. Трудно было не узнать и упоминавшихся предков этой «провинциальной» семьи: дедушки Алексея Алексеевича — Никандра Памфиловича — «бравого майора в отставке, с громовым голосом, с страшными усищами и глазами навывкате», любвеобильного хозяина еще крепостной Обмановки; и его сына — «красавца Алексея Никандровича», — в период «эмансипации» ставшего одним из самых деятельных и либеральных мировых посредников. Читая «Что делать?» Чернышевского и говоря крепостным «Вы», Алексей Никандрович «считался красным и даже чуть ли не корреспондентом в „Колокол“». Этот «либерал», по сказке Амфитеатрова, «умер двоеженцем, — и не под судом только потому, что умер». Так были охарактеризованы, соответственно, Николай I и Александр II.

Ознакомив читателя с краткой историей семьи Обмановых, Амфитеатров описал смерть Алексея Алексеевича, которая «очень

огорчила Нику». В его фельетоне в молодом хозяине Больших Головотяп боролись «бес и ангел»: наследнику было «жаль папеньку», но в то же время он радовался полученной свободе, тому, что мог открыто подписаться на «Русские ведомости», послав ко всем чертям «Гражданина», что мог подарить колье *mademoiselle* Жюли и т. д. Победа в конце концов должна была остаться, согласно фельетону, «за веселым бесенком», «слезный ангел должен будет ретироваться».

На том история не завершилась, о чем свидетельствовали слова: «Продолжение следует». Но продолжения не последовало. Скандальная публикация стала предметом обсуждения в правительственных и придворных сферах. Познакомился со статьей и царь. Согласно дневнику А. А. Половцова, о «Господах Обмановых» Николаю II рассказал приглашенный на высочайший завтрак протопресвитер И. Л. Янышев, якобы испытывавший отрицательные чувства к отцу автора — настоятелю Архангельского собора. Государь немедленно послал за министром внутренних дел — Д. С. Сипягиным, ничего не знавшим о скандале. За написание и публикацию фельетона решено было выслать из столицы и А. В. Амфитеатрова, и редактора газеты Г. П. Сазонова; издание газеты приостановили. «Статья сделалась известной всем, не обратившим на нее никакого внимания. *В народе стали говорить о том, как газетчик царя обругал*» (курсив мой. — С. Ф.).

Указание на слухи о царе — тревожный знак, вне зависимости от того, как поняли публикацию «в народе».

В высших же кругах русского общества фельетон оценили по-своему. 14 января А. С. Суворин, отметив, что Амфитеатров «не в первый раз трогает государя», тоже описал в своем дневнике историю «Обмановых», но иначе. По его словам, статья вызвала большой спрос на газетный номер, цена которого поднялась до нескольких рублей. Царь сам передал своему духовнику номер со статьей Амфитеатрова, сказав: «Прочтите, как о нас пишут». Девять дней спустя Суворин вновь вспомнил эту историю, подтвердив (со слов фельетониста Л. К. Попова, встречавшегося с отцом И. Л. Янышевым) факт передачи статьи — от императора придворному протопресвитеру.

Правдивость Суворина косвенно подтверждают и дневниковые записи хозяйки «правого» салона А. В. Богданович. По ее сведениям, министр внутренних дел Д. С. Сипягин на своем официальном докладе Николаю II решил ничего об Амфитеатрове не говорить, хотя и принял меры к его наказанию. Логика была проста: если царь промолчит, то промолчит и министр, если же вспомнит, то Сипягин расскажет ему о предпринятых

мерах. «Вот так царя проводят», — оценила министерскую стратегию А. В. Богданович. В результате через день после доклада царь сам послал за министром, укоризненно заметив: «Я прочел эту гадость. Почему вы мне об этом не доложили?» Сипягин, как и наметил, заявил, что не считал это возможным, но сделал необходимые распоряжения. Приехав от государя, он с гордостью заявил: «Я доволен собою».

Человек недалекий, Д. С. Сипягин не мог понять, что его действия были неразумны и скорее усложняли дело, чем содействовали его решению. Неслучайно чиновник особых поручений при обер-прокуроре Святейшего синода В. М. Скворцов, прекрасно знавший мнение на этот счет своего патрона — К. П. Победоносцева, говорил, что наказывать именно за фельетон «Господа Обмановы» не следовало. «Амфитеатрова следовало крепко за него распечь, пропустить затем некоторое время, затем придраться к какой-либо другой газете и тогда ее прихлопнуть». В сложившихся условиях обращать внимание на статью значило давать ей исключительную рекламу. Все именно так и получилось. А. В. Амфитеатрова сослали в Минусинск под гласный надзор полиции (на пять лет), но уже в конце 1902 года «во внимание к заслугам его престарелого отца» перевели в Вологду, а вскоре позволили возвратиться в Петербург.

Царь, всегда с большим вниманием следивший за прессой и раздраженный появлением фельетона Амфитеатрова, желал видеть на страницах периодической печати совершенно другие статьи, такие, например, как в газете князя Мещерского «Гражданин». Неслучайно в Петербурге зимой 1902 года ходили слухи, что политический скандал, вызванный фельетоном А. В. Амфитеатрова, способствовал сближению Николая II с Мещерским. Князь, претендовавший на роль штатного дворцового идеолога, был близок по духу молодому царю. Но внушения «штатного идеолога» — всего лишь внушения, они помогают сохранить веру в то, что самодержавные принципы нерушимы, что сила монархической государственности — в неограниченной власти царя, но никак не способствуют росту авторитета этой самой власти.

Что же тогда нужно делать, как править?

Этот вопрос волновал самодержца с первых лет царствования. Николай II обращался к разным людям, часто далеко стоявшим от власти. Он искал неофициальных советчиков, унаследовав традицию использования мнений «безответственных лиц» от покойного отца. Александр III, по словам М. А. Таубе, «при всем своем „самодержавии“ и рядом с такими (тоже, так сказать, „самодержавными“) министрами, как Победоносцев и граф Дмитрий Толстой, не отказывался прислушиваться и

к мнениям частных застрельщиков, вроде Каткова и князя Мещерского». «Частный застрельщик» Мещерский, как уже говорилось, был унаследован Николаем II от отца. Но им дело не ограничилось.

Одним из новых советчиков на короткое время оказался «человек ниоткуда» — инженер Николай Александрович Демчинский (1851–1914), в конце XIX века увлекшийся предсказаниями погоды. Человек с литературным даром, он сумел «пробиться» к С. Ю. Витте и стать его литературным сотрудником. Через министра финансов ему удавалось получать значительные суммы на свои «предсказательские» изыскания (по 25–30 тысяч рублей в год). Однако роль метеоролога Демчинского не устраивала: он воспользовался ею для проникновения к императору. Весной 1901 года инженер обратился к министру Императорского двора барону В. Б. Фредериксу с просьбой передать его письмо на высочайшее имя, где сообщал, что знает, как без репрессий возможно прекратить студенческие беспорядки. Для разъяснения плана он испрашивал аудиенцию. Летом 1902 года Демчинский направил Николаю II еще одно послание, призывая предпринять решительные меры для реформирования «устаревшего строя». Все проблемы империи инженер пытался свести на уровень изменения технологии управления, а не принципов власти, что должно было понравиться русскому самодержцу (хотя Демчинский писал и о необходимости введения мелкой земской единицы, создании областного земства и центрального земского органа).

Трудно сказать, чем более заинтересовался царь: статьями Демчинского о погоде или его политическими письмами, но аудиенцию ему дали. Честолюбивый инженер, очевидно не знавший, что Николай II не любит, когда подданные говорят с ним о политике, не будучи к тому призваны по долгу службы, поднял тему, никак не связанную с его компетенцией. Однако высочайшего неудовольствия не последовало; царь только спросил: «Вы, кажется, делаете прогнозы не только о погоде...» На это инженер ответил, что, прожив на свете более полувека, выработал в себе определенные взгляды на общественную жизнь России и был бы счастлив разрешению откровенно написать об этом. Николай II разрешил. «Демчинский писал, что в населении России есть 10 % недовольных, 90 % равнодушных и ни одного довольного. Пока в стране нет явлений, резко затрагивающих интересы широких кругов, равнодушная масса может служить опорой власти, но как только такие явления возникнут, недовольство неминуемо проникнет в среду равнодушных и она перестанет быть опорой».

Откровенное письмо Демчинский неосторожно показал князю В. П.

Мещерскому, так же, как он, имевшему право писать *лично царю*. Князь увидел в инженерере «конкурента» и довел до сведения Николая II информацию о том, что заблаговременно ознакомился с письмом. Последовал высочайший приказ — и Демчинский потерял право писать лично царю.

Современный петербургский исследователь И. В. Лукоянов, специально изучавший жизнь Демчинского, полагает, что подобные личности были востребованы верховной властью, ибо ей требовались посредники в отношениях с обществом, «этакие политические маклеры». «Косвенно это свидетельствовало, — пишет И. В. Лукоянов, — что политическая система еще переживала период становления. С другой стороны, сам факт существования подобных личностей, востребованных властью, говорит о том, что у самодержавия имелся некий адаптационный ресурс к переменам». Насколько эти перемены оказались востребованы, показало ближайшее будущее.

Впрочем, как бы то ни было, но наблюдения Демчинского о «недовольных» и «равнодушных» оказались верными. Убаюкивать себя надеждой на крепость власти, которая без перемен сможет выдержать новые вызовы времени, Николай II не имел возможности. Демчинский оказался не первым и не последним человеком, привлеченным Николаем II для консультаций. Наивная вера в то, что получение правдивой информации со стороны позволит как бы проверять министров и губернаторов, не покидала царя вплоть до последних дней правления. Это недоверие своим фундаментом имело идеалистические представления о «средостении», которое любой ценой необходимо преодолеть. Саратовские торжества 1903 года, описывая которые, нам пришлось уже говорить на эту тему, убедили самодержца в любви к нему «простого народа». Любовь, разумеется, была взаимной. Любить народ для царя значило «знать правду» о стране — во всем ее объеме, без утайки. Николай II сомневался в том, что министры и губернаторы могут доставить ему такую информацию (он не слишком доверял чиновной бюрократии). Что же в таком случае предпринять? Получать дополнительную информацию от людей, никак с властью не связанных, преданных самодержавию и лично ему, государю. Так в жизни царя появился такой же, как и Демчинский, «человек ниоткуда» — Анатолий Алексеевич Клопов.

Он родился в 1841 году в семье фридрихсгамского «первостатейного» купца, закончил физико-математический факультет Московского университета. Был учителем в гимназии, воспитателем в семьях, чиновником в Комитете железных дорог Министерства путей сообщения и

во Временном статистическом отделе МПС. В 1880-е годы занялся самостоятельными статистическими исследованиями волжской хлебной торговли. Писал статьи и записки, обращаясь с просьбами к влиятельным лицам — графу И. И. Воронцову-Дашкову, В. К. Плеве, А. С. Суворину и др. Так, еще до воцарения Николая II о нем узнали «сильные мира сего». Однако именно приход к власти последнего самодержца стал для Клопова событием, существенным образом изменившим всю его жизнь. В 1896 году великий князь Николай Михайлович, познакомившись с чиновником через князя П. М. Волконского, представил его своему брату Александру Михайловичу — другу детства императора Николая II.

В 1898 году статистика представили царю. Государственный секретарь А. А. Половцов, знавший историю возвышения Клопова, отмечал, что Александр Михайлович рекомендовал его императору как «будто бы выдающегося по своему необыкновенному патриотизму, чистоте побуждений и отменному пониманию русской народной жизни» человека. «Император, — продолжал далее Половцов, — имел неосторожность не только принимать и выслушивать этого невежественного проходимца, но даже поручил ему, под предлогом составления подворных описаний в местностях, страдавших от голода, объехать Россию и представить государю настоящую картину народного бедственного положения, картину, скрываемую от государя его министрами».

Как видим, речь идет о старой проблеме — недостатке правдивой информации, будто бы утаиваемой от самодержца его чиновниками. Понимал ли свою задачу сам Клопов? Безусловно. Год спустя, вспоминая о данной ему царем (4 июня 1898 года) аудиенции, Клопов писал Николаю II, что при господстве в России чиновничьего режима правда до трона не доходит. Царю подобает знать все, что касается родины, а «для этого одних докладов министров и губернаторов, людей, стоящих слишком далеко от биения пульса народной жизни, конечно, недостаточно; здесь требуется, чтобы... доходили голоса и мысли и от людей, имеющих прямое общение с народом».

Банальная мысль о «простых людях», бескорыстно служащих своему государю, была близка и понятна Николаю II, стремившемуся найти верных советников вне придворно-чиновничьего круга. Откровенность и простодушие Клопова, очевидно, очаровали царя, якобы заявившего после первой встречи со статистиком: «Я первый раз чувствовал себя так хорошо с этим искренним человеком». Искреннему человеку можно доверять, тем более что он ведет себя совершенно не так, как придворные льстецы, — в пылу спора может прижать царя в угол, взять за пуговицу. Эtiquette Клопов

не признавал, откровенно говоря с ним о народных нуждах (конечно же, — как он их понимал). Такой человек мог понравиться самодержцу, всегда желавшему видеть около себя бескорыстных и преданных людей. Но жизнь учит, что в простоте не всегда заключена правда, даже более того — «простота хуже воровства», как гласит русская пословица. И последний самодержец, судя по всему, оказался заморожен именно такой простотой.

Клопов принадлежал «к распространенному в России типу страстных, но неуравновешенных и неспособных к систематическому труду и логическому мышлению искателей и поборников правды, — писал Г. В. Иванов. — То, что, нарушая закон для восстановления справедливости к отдельному человеку, он нарушает самый государственный строй, — об этом Клопов думать не хочет, это ему неинтересно». Замечательно точные слова, которые можно применить и к императору Николаю II! Он тоже мог нарушить закон ради справедливости, разумеется — как он ее понимал; или ради великодушного порыва, что неоднократно случалось в делах семейных. И не отдавал себе отчета в том, что действует не как блюдущий закон самодержец, а как ничем не ограниченный «деспот».

Царь не хотел признать, что государственная машина не терпит вмешательства дилетантов и фантазеров, «которые, — по словам В. И. Гурко, — мечтают путем личного усмотрения исправить все те людские настроения, которые закон в его формальных проявлениях ни уловить, ни тем более упразднить не в состоянии». Стремление установить личный контроль за деятельностью чиновников неизбежно вылилось в скандал. 10 июня 1898 года А. А. Клопов получил бумагу (за подписью дворцового коменданта П. П. Гессе), где говорилось о высочайшем соизволении на посещение пострадавших от неурожая местностей, необходимых для исследования экономического положения населения. По сути, речь шла об изучении значительной части Европейской России. Деятельность царского информатора получила огласку, о Клопове заговорили в столичных гостиных, возмущаясь тем, что его командировка состоялась без согласования с министром внутренних дел, без предупреждения местных властей. Получалось, что облеченный царским доверием статистик выступал в роли негласного ревизора царских чиновников.

С официальной бумагой Клопов явился в Министерство путей сообщения и потребовал особый вагон для разъездов по стране. Получив его, он отправился в Тулу, где предъявил смущенной администрации свои «верительные грамоты». Та немедленно связалась с министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным. Министр юстиции Н. В. Муравьев, узнавший о случившемся, заявил Горемыкину: «Или подайте в отставку, или

прекратите это безобразие». Не предъявляя царю ультиматум, Горемыкин все-таки сумел объяснить Николаю II бесцельность и невозможность командировок безответственных лиц, имевших неограниченные полномочия. Клопова отозвали обратно и в Петербурге изъяли бумагу.

«„Средостение“ опять смыкается вокруг царя, — пишет Г. Иванов. — Но облюбованная царем давно и укрепленная встречей с Клоповым мысль найти человека, который бы „все ему говорил“, не оставляет царя» (даже несмотря на то, что задуманная операция — посредством «простого человека» контролировать работу чиновников — провалилась). «Бюрократы» не скрывали своего раздражения действиями царя. В разговоре с военным министром А. Н. Куропаткиным Горемыкин жаловался на внутреннюю неурядицу, которую увеличивает и сам царь. «Этот гусь разезжает с бумагой от Гессе в особых вагонах, — пишет в дневнике Куропаткин, — и мутит всех в Тульской губернии, заодно с Львом Толстым. Ездит с большою свитою, гласно для всех, кроме министра внутренних дел».

Но раздражен был не только Горемыкин. Невозможность «выйти за круг» строго очерченных правил нервировала и Николая II, он чувствовал себя ущемленным. Для недовольства были причины: секретного «единения» с представителем народа — титулярным советником Клоповым, желавшим «раскрыть глаза» царя на творившиеся в России безобразия, не получилось, хотя статистик продолжал вплоть до Февральской революции 1917 года пользоваться благосклонностью самодержца и писать ему конфиденциальные письма на различные социально-политические и экономические темы. И все-таки неудачная история инспекционной поездки Клопова, по словам В. И. Гурко, оставила «тяжелый осадок в душе государя. Желание проявить инициативу, конечно, при этом не ослабло, но выливалось оно уже в иные формы. Воля с годами не укреплялась, ее стало нередко заменять упрямство, отличавшееся от нее тем, что государь в душе был поколеблен в предпринятом им том или ином решении, но тем не менее на нем настаивал, полагая, что он таким путем исполняет свою волю и проявляет твердость характера». Проявление «твердости характера» стало для царя *idee fixe*, точно так же, как и стремление найти честных и бескорыстных советников, не имевших отношения к высшим правительственным или придворным сферам.

Потребность в верных и преданных людях усиливалась и по мере того, как в России росла социальная нестабильность, менялся морально-психологический климат. Ощущение приближения чего-то нового, неизвестного (и поэтому пугающего) отмечали многие современники последнего царя. Поэтесса Зинаида Гиппиус, пытаясь объяснить происходившее в конце XIX — начале XX столетия, писала: «Что-то в России ломалось, что-то оставалось позади, что-то, народившись, или воскреснув, стремилось вперед... Куда? Это никому не было известно, но уже тогда, на рубеже веков, в воздухе чувствовалась трагедия. О, не всеми. Но очень многими, в очень многих».

Пророчества о близящемся конце мира, появлявшиеся довольно часто в последние годы правления Николая II, по мнению философа Н. А. Бердяева, «может быть, реально означали не приближение конца мира, а приближение конца старой императорской России». В этой фразе, возможно, и заключена разгадка не только появления знаменитого богоискательства, но и «странного» на первый взгляд поведения государя. Ведь даже такие столпы консерватизма, как К. П. Победоносцев, не видели радужных перспектив, постоянно твердя, что Россия на всех парах идет к конституции. «Слаб еще, не разыгрался поток конституционных идей, — говорил по этому поводу конфиденд обер-прокурора Святейшего синода генерал А. А. Киреев, — но плотина, которая ему противопоставляется, еще слабее!» Для Киреева — человека глубоко религиозного, искренне преданного идеалам монархии, не было никакого сомнения в том, что русский «государственный строй отживает свой век, мы идем к конституции». Ожидаемая со страхом кончина старого строя была, таким образом, одним из наиболее сильных переживаний русских консерваторов. Понимал ли это Николай II? Остается только догадываться...

Художественную картину формирования новой обстановки «границ веков» нарисовал поэт Андрей Белый, заметивший, что для многих его современников «стиль нового века радикально отличался от старого; в 1898 и 1899 годах мы прислушивались к перемене ветра в психологической атмосфере. До 1898 года северный ветер дул под северным небом. <...> С 1898-го подул другой, южный ветер. Ветры столкнулись, их столкновение породило туман, туман задумчивости. В 1900 и 1901 годах атмосфера начала проясняться. Мы всё увидели в новом свете, под мягким южным небом двадцатого века». Как показала история, «мягкое южное небо» оказалось весьма обманчивым. Люди «железного» XIX века не могли и представить, на какие испытания их обрекает новое столетие. Однако стоит отметить иное — этот «новый свет», в котором современники А. Белого

начинали видеть самые различные явления.

«Новый свет» отражался на нравственных переживаниях тех лет, заставляя искать новые ответы на старые вопросы — и религиозно-философские, и социально-политические. Радикально настроенные «искатели» возвращались к террору. Начало XX века ознаменовалось убийствами высших представителей царской бюрократии (министров — Н. П. Боголепова, Д. С. Сипягина, В. К. Плеве, харьковского губернатора князя И. Оболенского), покушением на жизнь К. П. Победоносцева и другими антигосударственными действиями членов партии социалистов-революционеров. Страна входила в новую полосу политической жизни. О «стабильности», оставленной в наследство Александром III, в начале XX века его сын мог только ностальгически вспоминать. Уже начало нового столетия было окрашено в кровавый, красный цвет.

Первым крупным сановником, павшим от рук эсеров в начале XX века, был министр народного просвещения тайный советник Н. П. Боголепов. Все произошло удивительно буднично: 14 февраля 1901 года, около половины второго дня, в приемную министра явился молодой человек — студент Петр Владимирович Карпович. Когда Боголепов, обходя представлявшихся ему должностных лиц, приблизился к городскому голове Чернигова, стоявший рядом с ним Карпович с расстояния в два-три шага выстрелил в министра и смертельно его ранил. Участник студенческого движения, в 1896 году исключенный из Московского университета за организацию манифестации, посвященной полугодовому «юбилею» Ходынской катастрофы, Карпович некоторое время находился под гласным надзором полиции, затем поступил в Юрьевский университет. В 1899 году он был отчислен и оттуда. Его оппозиционность, таким образом, не являлась для властей секретом.

Схваченный на месте преступления, но не желая объяснить, почему он убил министра, бывший студент тем не менее заявил, что лично к Боголепову он не питал чувства вражды и озлобления. Следовательно, совершенное им убийство было выступлением против символизируемой министром власти вообще. 17 марта Карповича приговорили к лишению всех прав и двадцати годам каторжных работ. Левая печать оценила действия Карповича как подвиг, совершенный во имя попираемых прав студенчества. Либеральная общественность, равно как и власть, приучалась отвечать насилием на насилие. Этот первый в новом столетии террористический акт, направленный против высокопоставленного представителя самодержавной власти, интересен не только тем, что он — первый.

В семье Карповича сохранилась легенда о «царском» происхождении знаменитого террориста. По воспоминаниям его сводной сестры Л. В. Москвичевой, он был внебрачным сыном помещика А. Я. Савельева, в свою очередь родившегося от побочной дочери Екатерины II и князя А. А. Безбородко. Таким образом, Карпович приходился Екатерине Великой правнуком. Скорее всего, эта история не имеет под собой никаких оснований. Обратить внимание стоит на иное: террор открыл человек, связанный «родством», благодаря семейной легенде, с императрицей, потомки которой царствовали в России и в начале XX века.

Не прошло и месяца после смерти министра народного просвещения, как столица была потрясена известием о новом покушении на жизнь царского сановника. На сей раз жертвой террористов оказался престарелый оберпрокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев. Человек, в либеральных кругах считавшийся «злым гением» России, лишь по воле случая не погиб. В ночь с 8 на 9 марта 1901 года статистик Самарской земской управы Н. К. Лаговской произвел несколько выстрелов в окно кабинета обер-прокурора, располагавшегося в доме 62 по Литейному проспекту. Пули ударили в потолок кабинета, работавший там Победоносцев не пострадал. Тогда же, в марте, оберпрокурор публично поблагодарил «всех встретивших сочувственным приветствием и молитвою известие о неудавшемся, по милости Божией, покушении на жизнь его»^[65], — и более не вспоминал о случившемся.

Убийство Н. П. Боголепова и покушение на убийство К. П. Победоносцева показали, что революционные настроения в стране представляют угрозу для жизни ближайших царских советников, что охранять полученное от Александра III политическое наследство становится все труднее. Понимая это, Николай II пытался найти опору в преданных самодержавному принципу сановниках. Историю этих поисков красочно изобразил в своих воспоминаниях великий князь Александр Михайлович.

«— Кого, Константин Петрович (Победоносцев. — С. Ф.), вы бы рекомендовали на пост министра внутренних дел? — спрашивал Николай II, когда в начале девятисотых годов революционеры начали проявлять новую деятельность. — Я должен найти сильного человека. Я устал от пешек.

— Хорошо, — говорил „Мефистофель“, — дайте мне подумать. Есть два человека, которые принадлежат к школе Вашего августейшего отца. Это Плеве и Сипягин. Никого другого я не знаю.

— На ком же из двух остановиться?

— Это безразлично. Оба одинаковы, Ваше Величество. Плеве — мерзавец, Сипягин — дурак.

Николай II нахмурился.

— Не понимаю вас, Константин Петрович, я не шучу.

— Я тоже, Ваше Величество. Я сознаю, что продление существующего строя зависит от возможности поддерживать страну в замороженном состоянии. Малейшее теплое дуновение весны, и все рухнет. Задача эта может быть выполнена только людьми такого калибра, как Плеве и Сипягин».

А вот какую характеристику В. К. Плеве и Д. С. Сипягина дает в своих воспоминаниях и граф С. Ю. Витте, который говорил с царем об этих сановниках. Назвав Плеве человеком умным и культурным, Витте заклеил его как человека негосударственного ума, менявшего убеждения из-за политических выгод. По этой якобы причине его и презирал К. П. Победоносцев — человек идейный. Сипягин характеризовался Витте как безусловно честный и порядочный человек, с твердым характером, «но не орел». В целом оценка Витте и Победоносцева совпадала.

Как бы то ни было, вначале был назначен «дурак», а после его гибели — «подлец». Сипягин возглавил МВД в октябре 1899 года, а утвержден в должности был 26 февраля 1900-го. Его деятельность протекала в условиях подъема рабочего движения и популяризации социалистических идей. Для борьбы с ними министр считал необходимым создать в рабочей среде устойчивые и консервативные элементы — как опору существовавшего общественного строя, улучшить материальное положение рабочих, что будет способствовать формированию в этом сословии мелких собственников. При этом он был противником все более разраставшейся «зубатовщины», то есть насаждения в рабочей среде «полицейского социализма». Начальник Московского охранного отделения СВ. Зубатов — идеолог движения, призванного, как он считал, «оттянуть» рабочих от политической деятельности, в мае 1901 года основал в Первопрестольной «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве». Уже весной 1902 года деятельность Зубатова вышла из-под контроля МВД, Сипягин сумел лишь «локализовать» ее в Москве. Однако то, что подобные организации создавались, свидетельствовало об осознании исключительно сложного внутреннего положения страны.

Д. С. Сипягин был убит как раз в то время, когда на юге империи (в Харьковской и Полтавской губерниях) развивалось крестьянское восстание. Движение поражало своей массовостью. Число участвовавших в разгромах экономий и помещичьих усадеб достигало пяти тысяч человек. Как и в

случае с Боголеповым, покушение на жизнь министра внутренних дел было совершено в присутственном месте, в Государственном совете, располагавшемся в Мариинском дворце столицы. 2 апреля 1902 года, в начале второго, когда Сипягин вошел в вестибюль, к нему подошел юноша в форме адъютанта и подал пакет. Воспользовавшись минутой, террорист произвел несколько выстрелов в свою жертву. Убийца даже не пытался бежать и прибывшим на место чинам судебной палаты заявил, что преступление его вынудили совершить распоряжения и насилия министра внутренних дел.

21-летний террорист оказался потомственным дворянином Степаном Валериановичем Балмашевым. Как и Карпович, он был студентом, отчисленным из Киевского университета Святого Владимира. Помогать следствию Балмашев не желал и 26 апреля 1902 года (в день своего ангела, когда Церковь празднует память святого Стефана, епископа Пермского) был приговорен к смертной казни. Выступая на суде, террорист, принадлежавший к Боевой организации партии эсеров, возложил всю вину за произошедшее на правительство, «которому суд должен указать место рядом с ним на скамье подсудимых, если только перед ним суд правый и справедливый». Доказательством серьезности намерений молодых революционеров-террористов стало и покушение эсера Ф. Качуры на жизнь харьковского губернатора князя И. Оболенского, произошедшее 26 июля 1902 года. Во время «акции» был ранен находившийся рядом полицмейстер Бессонов. Качуру приговорили к смертной казни, но затем заменили ее на бессрочную каторгу. Покушение на Оболенского было ответом властям, пытавшимся подавить в Харьковской губернии крестьянскую смуту.

Так революционный фанатизм завоевывал себе право на жизнь, не требуя снисхождения и презирая полумеры. Для русского правительства, равно как и для венценосца вопрос «Что делать?» в очередной раз встал во всей своей сложности и противоречивости. Решать его предстояло «подлецу» — В. К. Плеве, назначенному министром внутренних дел 4 апреля 1902 года. Новый руководитель МВД был близок царю по духу, придерживаясь принципа: «Крепок в народе престиж царской власти, и есть у государя великая армия». Источник революции Плеве видел в общественных силах, в интеллигенции, полагая, что если в России и будет революция, то — «искусственная», а не «западного» образца, где ее делали народ и армия. Всякая игра в конституцию, по мнению Плеве, должна быть пресечена в корне, реформы же по плечу лишь самодержавию. Проводить реформы он намеревался с помощью вверенного ему МВД. Летом 1905 года, уже после убийства министра, Николай II в разговоре с князем В. Н.

Орловым признан, что В. К. Плеве «готовил план реформ для России, и Государственная дума была им предусмотрена». Трудно сказать, какой министр внутренних дел видел Думу, но очевидно одно: он не желал «умаления» самодержавия.

Царь относился к сановнику с большим доверием, внешним проявлением которого стал высочайший манифест 26 февраля 1903 года «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», приуроченный ко дню рождения Александра III. Составленный князем В. П. Мещерским и выправленный Николаем II и В. К. Плеве, это был первый документ в ряду государственных актов, последовательно — в течение трех лет — извещавших о политических изменениях, направленных на усовершенствование самодержавного строя. В манифесте предписывалось укреплять «заветы веротерпимости», отраженные в основных законах империи; проводить мероприятия, направленные на улучшение имущественного положения православного сельского духовенства; содействовать укреплению благосостояния поместного дворянства и крестьянства; принять меры к отмене круговой поруки среди крестьян; преобразовать губернское и местное управление и т. п.

Умеренное реформаторство, однако, никак не мешало действиям Плеве по сдерживанию любых оппозиционных движений. Даже эмигрантский историк С. С. Ольденбург, стремившийся показать блеск и силу последнего царствования, вынужден был признать, что политика Плеве была *охранением без творчества*. Плеве во всем видел прежде всего отрицательную сторону. «Трагедия власти была в том, — писал С. С. Ольденбург, — что зачастую он бывал прав: все эти органы *могли* быть использованы врагами власти, и, конечно, эти враги не упускали ни одного удобного случая! Всякое движение поэтому требовало двойных усилий; но и отказ от движения приносил власти только мнимое облегчение».

Полицейские репрессии должны были, по мысли министра, остановить набравший силу революционный поток. Причем репрессии затрагивали не только открытых оппозиционеров самодержавного строя, но и умеренно-либеральные круги российской общественности, представителей земств. В результате недовольство политикой министра росло как снежный ком. Эффект получился прямо противоположный тому, которого он ожидал. По воспоминаниям В. И. Гурко, «участившиеся еще с весны 1903 года революционные вспышки то в том, то в другом месте обширного государства не только не вызывали в либеральных кругах опасений за целостность государства, а тем более за собственную безопасность, а наоборот, рассматривались как симптом неизбежного в скором будущем

изменения государственного строя в желательном для них направлении».

Ожидание глобальных государственных изменений — уже сам по себе тревожный симптом, показатель социально-психологического кризиса в обществе. При господстве таких настроений рассчитывать на возможность проведения «сверху» каких-либо значимых реформ бессмысленно. Страна постепенно превращалась в «кипящий котел». Достаточно сказать, что весной 1903 года беспорядки охватили Уфимскую губернию (где при усмирении рабочих златоустовских заводов были убиты 45 человек), Баку, Батум, Саратов, Вильно. Летом беспорядки произошли в Одессе, а осенью — на Кавказе (в Шуше, Нухе, Елизаветполе). В апреле того же года в Кишиневе случился еврейский погром, русской общественной мыслью и западноевропейской прессой приписанный инициативе Плеве. Репутация министра внутренних дел оказалась окончательно испорченной.

Революционные экстремисты стремились уничтожить ответственных за репрессии. Так, 6 мая 1903 года, по приговору партии эсеров — в отместку за расстрел рабочих в Златоусте, — был убит уфимский губернатор Богданович. Стрелявшим удалось скрыться. Попытки запугать власти оставались бесплодными, «но в интеллигенции сложилось представление о „революционном правосудии“; и с „готтентотской моралью“, столь характерной для острой политической борьбы, общество оправдывало, а то и одобряло эти самочинные „казни“ за негодное направление и возмущалось, когда правительство в некоторых случаях отвечало на убийства смертными казнями», — писал историк С. С. Ольденбург. Но, к сожалению, каждое время имеет свою шкалу морали — XX век доказал это со всей ужасающей очевидностью; понимание «готтентотской морали» официальными властями и оппозиционной им общественностью было диаметрально противоположным. Здесь, видимо, и надо искать психологическую причину революционного террора, борьба с которым для В. К. Плеве закончилась трагически: он был убит эсерами утром 15 июля 1904 года.

«Террористический акт 15 июля 1904 года лишил империю крупного вождя, человека слишком самонадеянного, но сильного, властного, державшего в своих руках все нити внутренней политики. С ужасным концом Плеве начался процесс быстрого распада центральной власти в империи, который чем дальше, тем больше усиливался. Все свидетельствовало об охватившей центральную власть растерянности», — вспоминал это событие генерал А. В. Герасимов, возглавлявший в годы Первой российской революции политическую полицию страны. Смерть Плеве, таким образом, воспринималась как рубеж, отделявший одну эпоху

политической жизни империи от другой.

Русские писатели пытались художественно осмыслить происходившие в России события. Среди тех, кто откликнулся на известия о террористических актах, направленных против царских сановников, был и Леонид Андреев, в августе 1905 года написавший рассказ «Губернатор», в котором попытался выявить сущность политических убийств, апофеозом которых можно считать смерть от руки эсера И. П. Каляева великого князя Сергея Александровича. Но в «Губернаторе» речь шла не столько об убийствах, сколько о психологии обреченного сановника, «осознававшего», что его *должны убить*. Очевидно, что писатель использовал историю, случившуюся на златоустовских заводах весной 1903 года, когда при усмирении беспорядков погибло 45 человек (в рассказе идет речь о 47 убитых, среди которых были женщины и дети). Как уже говорилось, эсеры в отместку убили уфимского губернатора Богдановича.

«Уже на следующее утро после убийства рабочих весь город, проснувшись, знал, что губернатор будет убит. Никто еще не говорил, а все уже знали: как будто в эту ночь, когда живые тревожно спали, а убитые все в том же удивительном порядке, ногою к ноге, спокойно лежали в пожарном сарае, над городом пронесся кто-то темный и весь его осенил своими черными крыльями». В рассказе губернатор понимает, что за пролитую по его приказу кровь рабочих придется заплатить собственной. И действительно, все завершается смертью сановника: убийц не поймали (как и в случае с Богдановичем). Кто-то порицал, кто-то одобрял случившееся, но за всеми речами «чувствовался легкий трепет большого страха: что-то огромное и всесокрушающее, подобно циклону, пронеслось над жизнью, и за нудными мелочами ее, за самоварами, постелями и калачами, выступил в тумане грозный образ Закона Мстителя».

Так оценивались бессудные расправы над «слугами самодержавия», так формировалось общественное мнение, легко мирившееся с буквальным исполнением ветхозаветного принципа «око за око». Закон Мститель, правда, воспринимался не в религиозных категориях, а в категориях «религии человекобожия», но на эту «мелочь» тогда не слишком обращали внимание. Прозрению поможет катастрофа 1917 года, но в начале XX века вера в гуманизм трудно поддавалась эрозии. Впрочем, об этом у нас еще будет возможность поговорить, когда речь пойдет о революционных потрясениях 1905 года. Сейчас же хочется отметить, что русская литература (в лице многих своих представителей) в то время была оппозиционно настроена по отношению к власти, считая ее объективным виновником существовавших в России «нестроений». Репрессивная

политика Министерства внутренних дел вызывала резкое неприятие и критику каждого, кто считал себя «честным человеком».

Политические убийства на таком фоне не шокировали русскую интеллигенцию, в годы революции 1905 года получившую возможность острить по поводу действий полиции и ее начальников. К примеру, именно тогда фельетонист В. М. Дорошевич написал этюд, посвященный И. Н. Дурново, занимавшему в правительстве С. Ю. Витте пост министра внутренних дел. Писатель сравнивал Дурново с Плеве, и того и другого рассматривая через призму их службы в Департаменте полиции.

«Это два рубля, вычеканенные на одном и том же монетном дворе, — острит Дорошевич. — Едва севши на обрызганное кровью кресло министра внутренних дел, Плеве пригласил к себе корреспондента парижской газеты „Матен“ и через него объявил всей Европе:

— Эпидемия убийств высших сановников зависела у нас от недостатка полиции. Теперь состав полиции будет увеличен. Покойный Сипягин был последним. Больше в России не случится ни одного политического убийства».

Дорошевич откровенно насмеялся над заявлением Плеве, посрамленным временем. «Я знаю день, — якобы меланхолически говорил Плеве, — в который меня убьют. Это будет в один из четвергов. В четверг я выезжаю для доклада». Таким образом, убийца ошибиться не мог.

В роковой день 15 июля 1904 года В. К. Плеве ехал на доклад к императору (в Петергоф). Когда его экипаж приблизился к углу Измайловского проспекта и Обводного канала, с тротуара к карете подбежал молодой человек и бросил под карету бомбу. В. К. Плеве умер мгновенно. Убийцей оказался бывший студент Московского университета, родившийся в семье купца-старовера 25-летний Егор Сергеевич Сазонов. Смерть министра внутренних дел произвела сильное впечатление на Николая II.

«В лице доброго Плеве я потерял друга и незаменимого министра вн[утренних] д[ел]. Строго Господь посещает нас Своим гневом. В такое короткое время потерять двух столь преданных и полезных слуг!

На то Его святая воля!»

Действительно, за два месяца были убиты два близких царю по духу сановника: за полтора месяца до смерти Плеве жертвой террора стал финляндский генерал-губернатор генерал Н. И. Бобриков, проводивший жесткую русификацию Великого княжества. Его убил сын финляндского сенатора Евгений Шауман. Месяц спустя, за полторы недели до смерти Плеве, в Баку был убит вице-губернатор Андреев.

Но повторимся, рост террористических актов не вызывал у оппозиционной режиму либеральной общественности никакого возмущения. П. Н. Милюков вспоминал, как в 52-м номере оппозиционного журнала «Освобождение», увидевшего свет 1 августа 1904 года, в собственной статье, посланной в редакцию еще до убийства министра внутренних дел, он прочел, что «Плеве, несомненно, дискредитирован в глазах всей России, и его падение есть только вопрос времени». Левый (в то время) публицист П. Б. Струве в редакционной статье этого же издания выражался даже более откровенно: «С первых же шагов преемника убитого Сипягина, назначенного на его место два года тому назад, вероятность убийства Плеве была так велика, что люди, понимающие политическое положение и политическую атмосферу России, говорили: „Жизнь министра внутренних дел застрахована лишь в меру технических трудностей его умерщвления...“» (курсив мой. — С. Ф.). Милюков писал также о всеобщей радости в среде его единомышленников по поводу убийства Плеве.

Разумеется, не испытывал угрызений совести за совершенное преступление и убийца министра — Сазонов, приговоренный к бессрочным каторжным работам. Выступая в суде, он заявил, что убил Плеве по причине творимых им насилий. Ответные насилия революционеров, по его словам, «происходят потому, что рабочие и крестьяне преследуются, а эксплуататоры находятся под защитой закона»^[66]. Традиционный набор наивных фраз, не более... «Русский университет», где революционеры учились уходить от преследования, переодеваться, с каждым годом готовил все новые и новые кадры. Как писал прошедший ГУЛАГ писатель В. Т. Шаламов, «кончивший полный курс попадал на виселицу». Так время делало искренних людей «выше ростом».

«Рубеж века, — писал Шаламов, — был расцветом столетия, когда русская литература, философия, наука, мораль русского общества были подняты на высоту небывалую. Все, что накопил великий XIX век нравственно важного, сильного, — все было превращено в живое дело, в живой пример и брошено в последний бой против самодержавия. Жертвенность, самоотречение до безымянности — сколько террористов погибло, и никто не узнал их имена. Жертвенность столетия, нашедшего в сочетании слова и дела высшую свободу, высшую силу. Начинали с „не убий“, с „Бог есть любовь“, с вегетарианства, со служения ближнему. Нравственные требования и самоотверженность были столь велики, что лучшие из лучших, разочаровавшись в непротивлении, переходили от „не

убий“ к „актам“, брались за револьверы, за бомбы, за динамит. Для разочарования в бомбах у них не было времени — все террористы умирали молодыми». Но дело было в том, что их жертвенность вела только к пролитию еще большей крови, насилием оправдывая насилие. По старинной русской пословице, клин вышибали клином.

«Система произвола, доведенная до крайних пределов, получила свое возмездие, — вспоминал убийство Плеве И. И. Петрункевич. — Правительство очутилось в тупике, так как в его среде не находилось ни одного смельчака, ни одного готового диктатора, чтобы продолжать политику Плеве и его предшественников. Но никто, даже Витте, считавший себя единственным проницательным государственным человеком, не подозревал, что приближается революция и что исторический ход России сворачивает со старого на новый путь».

Глава третья

ВЕЛИКИЕ КАНУНЫ: САМОДЕРЖЕЦ В БОРЬБЕ ЗА САМОДЕРЖАВИЕ

«Всеу свое время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное. Время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру» (Екк. 3; 1–8). Так говорил высокомудрый Соломон, сын Давида, Иерусалимского царя. Эти простые слова вновь и вновь заставляют задумываться о времени — самом сложном вопросе, с которым сталкивается человек в своей жизни, проходя земной путь: от юности к старости и не имея возможности исправить совершенные в течение лет ошибки. Воистину, «всеу свое время», тем более что все имеет свое начало и свой конец: «все произошло из праха, и все возвратится в прах» (Екк. 3; 20). Философская отрешенность древнего мудреца может напугать, ибо не каждый в состоянии принять банальную истину, что все — суета. И все же подобное понимание в основе своей — глубоко оптимистично, так как Екклесиаст имеет веру, дающую ему силы. Вера эта может преобразовать человека и преодолевать «томление духа». Она помогает преодолевать неприятности и искать ответ на вопрос «что делать?».

В начале XX века Россия стояла перед проблемой, от решения которой зависело ее будущее: что делать — «сберегать» или «бросать», «убивать» или «врачевать», «раздирать» или «сшивать»? Ясно было, что в неизменном виде страна существовать больше не сможет. Но могла ли в таком случае идти речь о «врачевании»? Вопрос оставался без ответа. Конечно, государство — это не механическое собрание народов и территорий. Прежде всего, государство — это историческое образование, сложившееся в результате взаимодействия различных социально-политических и религиозно-этических факторов. Идеального государства никогда не было и, очевидно, не будет.

Как писали французские энциклопедисты, «после своего расширения

и увеличения государства имеют тенденцию к упадку и разрушению. Поэтому единственный путь увеличения продолжительности процветающего правительства — это приведение его при каждом удобном случае к принципам, на которых оно было основано. Когда эти случаи часты и ими удачно пользуются, правительства более счастливы и продолжительны, а когда эти случаи редки или их плохо используют, политическая организация увядает и гибнет»^[67]. Под этими словами мог бы, кажется, подписаться и К. П. Победоносцев: ведь принципы, на которых основывалось Российское государство, были самодержавные. Однако их удачное использование к началу XX века не могло уже зависеть только от воли монарха. Это была проблема, игнорировать которую Николай II уже не мог, но признавать не хотел. Предстояло делать выбор, «поступаться принципами» или вступить в борьбу со временем, по-своему интерпретировав Екклесиаста.

Понять свое время невозможно, не разобравшись в прошлом. Но всегда ли прошлое помогает решать проблемы дня сегодняшнего?! Николай II, будучи наследником петровской империи, тем не менее смотрел в будущее иначе, чем его державные предки. Симпатизируя царю Алексею Михайловичу, он стремился воскресить старые, XVII века, «формы», очевидно, полагая, что это никак не скажется на политическом «содержании». Интерес к костюмам а la XVII век в данном случае не может вызвать удивления. Царская чета желала даже переодеть двор в одежды русских бояр московской эпохи, поощряя публикацию собственных портретов в одежде царей допетровской Руси. Этими портретами ознаменовался разрыв с традицией иконографии монархов имперского периода. В XIX веке никто из венценосцев не носил маскарадных костюмов.

«Но для Николая II одеяния XVII века были чем-то большим, чем просто костюмами, — пишет Р. С. Уортман в книге «Сценарии власти». — Они бросали вызов нормам европеизированного Императорского двора. Они помещали царя и царицу в иной пространственно-временной континуум, в культурный и эстетический универсум, далекий от петербургского общества». Стремление последнего самодержца быть «истинно русским» трудно назвать фальшью. Генерал А. А. Мосолов вспоминал, как после одного из концертов Надежды Плевицкой, известной исполнительницы русских песен, Николай II сказал ей: «Мне думалось, что невозможно быть более русским, нежели я. Ваше пение доказало мне обратное; признателен вам от всего сердца за это ощущение». Н. В. Плевицкая впоследствии говорила, что Николай II «был добрый и простой,

такой как все. Ничуть не похож на царя». Певица видела, что ее песни трогают царское сердце. Будучи по происхождению крестьянкой, мать которой до конца жизни так и не знала грамоты, Н. В. Плевицкая прекрасно могла отличить искренность от игры. Царя она воспринимала с подкупающей непосредственностью. «Веселую компанию он очень любил, — вспоминала певица. — <...> И пил много. Но что удивительно — никогда не пьянел. <...> Веселый был человек. Любил анекдоты. Особенно еврейские или анекдоты про какое-нибудь глупое положение какого-нибудь глупого начальства. Хохочет до упаду».

«Русскость» иногда принимала и гротесковые формы: царь любил носить крестьянские рубахи, даже дал их под мундир стрелкам императорской армии. Такая одежда часто шокировала придворных. Действительно, представить Александра III, его отца, или деда в высоких сапогах, плисовых шароварах, красной рубашке, подпоясанной желтым поясом, было невозможно. А граф И. И. Толстой, например, писал о том, как в бытность свою министром народного просвещения видел государя в малиновой шелковой косоворотке, опоясанной ремешком. «Так как при этой рубашке, — вспоминал граф, — государь не имел на себе никаких признаков офицерского звания, то есть никакого канта, ни погон, ни ордена, носил темные в складках суконные брюки и высокие сапоги, то имел общий вид русского зажиточного крестьянина у себя дома в жаркий день, когда сидят без поддевки. Должен сказать, что костюм этот очень шел к нему, хотя пока я к нему не привык, первое время он поражал меня». Понимал ли царь, что крестьянская одежда на самодержце выглядит странно? Очевидно, понимал. Но дело заключалось в том, что крестьянская одежда была для Николая II своеобразной «формой протеста», антибюрократической демонстрацией, ибо европейского покроя мундир был обязательной одеждой любого чиновника. Царь желал изменить стиль своей эпохи, воспринимая настоящее как эхо вечности, эхо прошедшего.

Показательно, что последний большой придворный бал в истории империи, состоявшийся зимой 1903 года в Зимнем дворце, был костюмированным. Время изменилось, «новая, враждебная Россия смотрела чрез громадные окна дворца», но царь не желал замечать этого — все приглашенные должны были явиться на праздник в русских костюмах XVII века. «Государь и Государыня вышли в нарядах Московских царя и царицы времен Алексея Михайловича, — вспоминал много лет спустя один из участников бала — великий князь Александр Михайлович. — Аликс выглядела поразительно, но Государь для своего роскошного наряда был недостаточно велик ростом». Успех бала привел к тому, что его повторили

во всех деталях через неделю — в доме графа А. Д. Шереметева.

Великий князь, впрочем, не слишком восхищался увиденным, полагая, что замечательное воспроизведение картины XVII века, «вероятно, произвело странное впечатление на иностранных дипломатов. Пока мы танцевали, — писал Александр Михайлович, — в Петербурге шли забастовки рабочих, и тучи все более и более сгущались на Дальнем Востоке. Даже наше близорукое правительство пришло к заключению, что необходимо „что-то“ предпринять для того, чтобы успокоить всеобщие опасения». Однако на фоне все увеличивавшихся «внутренних нестроений» такие опасения успокоить было проблематично: даже члены дома Романовых не могли убедить Николая II, что война с Японией — жестокая реальность. «Японцы нам войны не объявят, — заявлял он Александру Михайловичу накануне 1904 года, — потому что они не посмеют».

История буквально через несколько дней дала свой ответ на прозвучавшее заявление. В ночь на 27 января 1904 года десять японских эсминцев внезапно атаковали русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура, и вывели из строя два броненосца и крейсер. Днем были атакованы крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец». Героические русские моряки, сражаясь до последнего, вынуждены были затопить крейсер и взорвать лодку. На следующий день — 28 января — Япония официально объявила войну России.

Как же получилось, что государь, не желавший войны, не сумел ее избежать, проявил политическую недалекость?

По мнению В. И. Гурко, Николай II, встав у кормила власти в молодом возрасте, не мог проявлять личную инициативу в сложнейших вопросах внутреннего управления «коренной» России, следуя указаниям своих министров. Чтобы осуществить «всякие экспромтные мысли и намерения», самодержец должен был обладать исключительной силой воли и огромной настойчивостью. В период путешествия по азиатским владениям России убедившись, что на Дальнем Востоке исторические задачи страны далеко не исчерпаны, и находясь «под гнетом чувства своего бессилия проявить личную инициативу в делах управления ядром государства, а также в европейском международном положении, Николай II должен был роковым образом направить свои взоры к Сибири и берегам Тихого океана и там искать применения своего творчества и возможности проявления личной инициативы».

Итак, стремление проводить *личную политику* заставило государя обратить свои взоры к Дальнему Востоку! Запомним это и обратим

внимание на то, как оценивали действия царя его ближайшие сановники. Граф И. И. Воронцов-Дашков, в течение царствования Александра III являвшийся министром двора, в мае 1903 года писал С. Ю. Витте, что не понимает двойственности в ведении русской политики на Востоке: «... *царская официальная, и царская же неофициальная*, причем каждая имеет своих агентов, несомненно ссорящихся». Царская неофициальная политика, разумеется, не могла обойтись и без неофициальных советников или, выражаясь проще, *случайных людей*. Если в XVIII веке «в случай» попадали преимущественно за красоту, то в начале XX ими оказывались уже не фавориты, а неведомые никому субъекты, «которых царь, почему, Бог знает, считал рожденными для блага престола и отечества. И попадали эти избранники в случай уже не за свою красоту, а исключительно за свое нахальство!». Так, в конце 1890-х годов «в случай» попал бывший гвардейский офицер А. М. Безобразов, ставший одним из организаторов Русского лесопромышленного товарищества на реке Ялу (в Корее). «Это злосчастное коммерческое предприятие, для защиты интересов коего вмешалось правительство, вызвало трения и в конце концов войну с Японией и нанесло жестокий удар престижу царского дома», — с горечью вспоминал прошлое барон Н. Е. Врангель, отец знаменитого «белого» генерала.

Но главное заключалось даже не в защите предприятия правительством, а в слухах, которые в 1904–1905 годах широко распространялись по России. Слухи сводились к тому, что в предприятии материально заинтересованы члены Императорской фамилии и дворцовые круги, что Россия воевала из-за чужих (корейских) лесов, которые царь взял в аренду и не хотел уступить японцам. Молва оказалась беспощадной и к царю. И это неудивительно — в самодержавной стране за все отвечает венценосец. Безусловно, Николай II в своей дальневосточной политике в последнюю очередь руководствовался финансовыми расчетами, но доказывать это публично было бы абсурдно.

Собственно говоря, история, приведшая к войне с Японией, начиналась во второй половине 1890-х годов, когда Россия совместно с Германией и Францией выступила в защиту разбитого Страной восходящего солнца Китая. Тогда Япония не получила ни пяди китайской земли. Министр финансов С. Ю. Витте тогда же добился выделения Китаю русского займа (для погашения контрибуции), успешно проведя переговоры о постройке (на китайской территории) российского железнодорожного пути. В 1896 году был заключен Московский договор о защите Китая от нападения Японии. Добился министр финансов и

назначения русского агента в главные советники (по финансовой части) при корейском императоре, что было первым шагом к мирному завоеванию преобладающего влияния в Корее. Россия, таким образом, становилась гарантом неприкосновенности Китая и Кореи, обеспечив себе спокойное развитие в мирном соседстве двух дружественных государств.

Ситуация кардинально изменилась после внезапной высадки в ноябре 1897 года германского десанта в Киао-Чао (на южном побережье Поднебесной) под предлогом требования удовлетворения за убийство немецких католических миссионеров. Действия Германии спровоцировали и ответ России, которая ввела свои суда в Порт-Артур. В итоге по договору 15 марта 1898 года Россия заняла Ляодунский полуостров — вся политическая постройка, создаваемая с 1896 года, обрушилась. России пришлось покинуть Корею (ибо необходимо было избегать лишних осложнений и дать некоторое удовлетворение Японии, недавно изгнанной из Ляодуна во имя «неприкосновенности» Китая). «Вместо двух друзей — Китая и Кореи, — резюмировал отечественный историк Б. А. Романов, — Россия разом восстановила против себя Китай, допустила на материк в ближайшее свое соседство Японию и прославилась своим „неслыханным“ коварством».

Таков оказался результат столкновения двух политик — С. Ю. Витте и Николая II, воспользовавшегося занятием Германией Киао-Чао. Император Вильгельм II, в августе 1897 года посещавший Петергоф, в своих воспоминаниях отмечает, как русский царь сообщил ему, что для него, Николая II, представляет интерес в Китае, а чему он мешать не будет. И хотя свое согласие русский самодержец признал вскоре «неосторожным», ситуация развивалась по самому неудачному для России сценарию. Витте, правда, удалось сохранить фикцию дружбы с Китаем, но, по сути, это ничего не меняло, особенно после того, как европейские страны (включая Россию) на заре XX века приняли участие в разгроме боксерского движения. Карательная экспедиция к Пекину, военная оккупация и эвакуация Маньчжурии с лета 1900 года сделали Дальний Восток военной темой по преимуществу. С. Ю. Витте, понимавший, что Россия истощена громадными расходами, полагал необходимым отсрочить лет на пять — десять продвижение к Тихому океану, в ином случае, по его мнению, осложнения будут неизбежны.

«Весь вопрос, таким образом, сводился к тому: какая политика предотвратит или отсрочит неизбежную войну — политика немедленного и полного военного отступления из Маньчжурии или политика частичного и замедленного отступления, комбинированного с рядом открытых (в Порт-

Артуре) и маскированных (в Корее и остальной Маньчжурии) мероприятий в предупреждение войны». Вот тогда царь разошелся со своими министрами, открыто взяв в свои руки практическое решение дальневосточной проблемы при помощи группы лиц, которых к тому времени уже более пяти лет выслушивал на эту тему, но не подпускал к практическим действиям. Эта группа и получила название по имени одного из «случайных» конфиденентов царя — упоминавшегося выше А. М. Безобразова («Безобразов и К⁰»).

С именем Безобразова обычно и связывается печальная повесть о концессии на Ялу, начавшаяся в ноябре 1897 года. Тогда в столицу империи приехал владивостокский купец Ю. И. Бринер с предложением купить у него полученную им от корейского правительства концессию на эксплуатацию обширных лесов, охватывавших всю Северную Корею по рекам Тумен и Ялу. В поисках покупателя Бринер столкнулся с бывшим полковником В. М. Вонлярлярским, владельцем золотых приисков на Урале. Последний, заинтересовавшись предложением и понимая, что без государственной помощи дело не повернуть, сообщил обо всем Безобразову. В свою очередь, вдохновленный грандиозным замыслом, Безобразов рассказал обо всем графу И. И. Воронцову-Дашкову и великому князю Александру Михайловичу. Он даже составил записку, которую через графа удалось передать царю. Записка убеждала Николая II приобрести концессию Бринера в личную собственность, содержала доказательства выгод для России от подобного приобретения. «Русское дело» на Дальнем Востоке, по мысли Безобразова, в результате только выиграло бы.

Царь благосклонно отнесся к предложению Безобразова; весной 1898 года из сумм кабинета Его Императорского Величества выделили 70 тысяч рублей для экспедиции в Корею (безобразовские заявления нужно было проверить). Во главе дела встал великий князь Александр Михайлович, но «душой» дела остались Безобразов и Вонлярлярский. Что же привлекало царя в этих странных людях, особенно в Безобразове, стремившемся всегда сделать «как лучше», но неизменно получавшем в результате традиционный результат — «как всегда»? Ответ на этот вопрос, как мне представляется, сформулирован Б. А. Романовым, тонко подметившим отношение последнего царя к официальным и неофициальным докладчикам по государственным вопросам.

«Безобразов, — писал Б. А. Романов, — совершенно не владел казенным языком, спокойствием и плавностью речи, выработанной, корректной фразой. Он мыслил больше образами, никак не мог уместиться в обычный запас слов, выражался размашисто и любил словечки.

Высказывался он всегда уверенно и производил впечатление человека, не умеющего скрывать свои мысли. С большой легкостью переходил он от одной мысли к другой и явно предпочитал аподиктические суждения. *Для несильного ума общение с таким человеком было лишено ненавистного для такого ума переживания: бессильного подчинения логической принудительности чужой речи. Универсальный дилетантизм и бесстрашие Безобразова, при неистощимой словоохотливости, создавали царю необычную обстановку делового разговора, в котором он оставался совсем свободным: слушать, пока не устал, и если внутренне соглашался, узнавая свою собственную мысль, или произвольно оборвать беседу без обидного осадка, что не сумел справиться с безукоризненной аргументацией чуждой или неприятной или неприемлемой чуждой мысли»* (курсив мой. — С Ф.)^[68].

Царю было приятно слышать близкие по духу суждения, понимать, что он интеллектуально сильнее своего собеседника и может проявить свою самодержавную волю без опасения выглядеть смешным. В результате 8 мая 1899 года концессию Бринера приобрели, фиктивно передав до лучших времен третьему лицу. Эти времена, впрочем, никак не наступали, хотя менее чем через год Безобразов возобновил дело и убедил царя согласиться на образование «Восточно-Азиатской К^о» с денежным участием в ней Собственного Его Императорского Величества кабинета. Однако денежное участие кабинета Безобразову в конце концов осуществить не удалось. Дело остановилось — на его пути встал министр финансов С. Ю. Витте. Ситуация стала меняться в лучшую для безобразовцев сторону лишь после того, как в январе 1903 года Витте уступил и открыл двухмиллионный кредит в распоряжение Безобразова «на известное Его Императорскому Величеству употребление».

Личная политика царя наконец восторжествовала. Ее сторонником оказался и В. К. Плеве, стремившийся вершить судьбы Дальнего Востока. 6 мая 1903 года А. М. Безобразов был назначен статс-секретарем государя, став докладчиком по всем дальневосточным делам; выросло влияние и других неофициальных деятелей его кружка. На следующий день был разрешен вопрос об образовании на Дальнем Востоке наместничества (положение о нем выработали к концу июня). Однако правительственное сообщение об этом было опубликовано после того, как 15 июля 1903 года Япония обратилась к России с официальной нотой, предлагая приступить к переговорам по тем вопросам, «по которым интересы обеих держав могут войти в столкновение». В результате, по словам В. И. Гурко, в учреждении наместничества Япония усмотрела ответ на свое предложение, ведь

«образование наместничества из Квантунской области и Приамурского края, отрезанного от нее всей Маньчжурией, как бы включало эту последнюю в пределы Русского государства». Но образование наместничества затрагивало и внутривластный аспект — с тех пор вся дальневосточная политика уходила из ведения правительства, оказавшись в руках наместника — адмирала Е. И. Алексеева (незаконнорожденного сына Александра II), Безобразова и К⁰.

К середине декабря 1903 года ситуация на переговорах России с Японией выглядела следующим образом: Япония требовала уступить ей всю Корею и установить пятидесятиверстную нейтральную полосу по обе стороны от маньчжуро-корейской границы. Россия, по настоянию Безобразова и Алексеева, соглашалась уступить Корею по 39-й параллели, то есть с сохранением устьев реки Ялу и, следовательно, всей территории концессии. Но и до того, как дальневосточные дела попали в руки безобразовцев, отношение российских властей к Японии и ее интересам было более чем странное. Так, прибывший в ноябре 1901 года в Петербург министр иностранных дел Страны восходящего солнца маркиз Ито был встречен весьма нелюбезно и ни к какому соглашению прийти не смог. Зато в Англии его встретили с предупредительной любезностью, и 30 января 1902 года между двумя странами было заключено соглашение, по которому Англия обязывалась помочь Японии своим флотом в случае войны с двумя державами. Итак, война становилась лишь делом времени.

«Решительно все наше правительство было против нее, — рассуждал о причинах Русско-японской войны В. И. Гурко, — не желал ее, безусловно, и Николай II, и тем не менее она произошла, безусловно, по нашей вине.

Причина одна и единственная, а именно — твердое и неискоренимое убеждение правящих сфер, что силы наши и тем более наш престиж настолько велики во всем мире, а в особенности в Японии, что мы можем себе позволять любые нарушения даже жизненных интересов этой страны, без малейшего риска вызвать этим войну с нею: „Un drapeau et une sentinelle — le prestige de la Russie fera le reste“^[69] — вот что громко провозглашал министр иностранных дел, а думали едва ли не все власть имущие».

Конечно, ошибки политиков имеют большие последствия, и порой за них приходится расплачиваться всему народу. Но все-таки ошибка ошибке — рознь. В истоках Русско-японской войны мы видим не только ошибки, допущенные представителями власти (и разумеется, Николаем II). Мы видим упорное стремление самодержца играть самостоятельную (то есть *не*

зависящую от министров) роль в определении дальневосточной политики собственной империи. О том, что заставляло Николая II выстраивать эту игру, уже говорилось. Сама по себе она представляет только политический интерес. Для нас же более важно отметить психологическую подоплеку дела: самодержавный правитель России искренне полагал, что может иметь личную, отличную от его же, государевых, министров *политику*, подвергая риску стабильность развития огромной страны и благополучие миллионов подданных!

Строго говоря, при самодержавном правлении государственная политика является *безусловно приватным делом* верховного носителя власти, так как он отвечает за вверенную его попечению державу с того момента, как получил бразды правления. Его сановники есть исполнители державной воли и, следовательно, не могут ей противостоять. Но это — в теории. Российская политическая жизнь эпохи последнего царствования показала, что действительность ломает любые теоретические построения. Многие современники, близко стоявшие к трону и имевшие возможность наблюдать за действиями царя, воспринимали это с удивлением и возмущением, находя объяснение в личных качествах Николая II. «Царь, не имеющий царского характера, не может дать счастья стране, — писал С. Ю. Витте. — Александр III был простой человек, но был царь и дал России 13 лет покоя. Вильгельм I [император Германии] был не мудрее Александра III и сделался великим потому, что у него был царский характер».

У Николая II Витте не видел настоящего царского характера: «Коварство, молчаливая неправда, неумение сказать „да“ или „нет“ и затем сказанное исполнить, боязненный оптимизм, то есть оптимизм как средство подымать искусственно нервы, — все это черты отрицательные для государей, хотя невеликих». Сказанное звучит как приговор, но, увы, трудно опровергается. Конечно, Николай II желал стране только добра, не отделяя своей судьбы от судьбы своих подданных, но в отличие от отца не умел отделять личные пристрастия от личного долга, то есть долга самодержца. Все это и проявилось в истории с концессией на Ялу и в целом в дальневосточной политике.

Николай II был политическим мечтателем, и это качество оказалось для него роковым. Царь искренне полагал, что на далекой восточной окраине империи ему предстоит осуществить грандиозную политическую миссию. О скептическом отношении к подобным мечтам своих министров он, без сомнения, догадывался: государственный деятель не может позволить себе отрываться от действительности и строить ничем не подтвержденные планы. Поэтому-то Николай II и «хитрил» с министрами,

приближая безответственных дилетантов. Еще в 1903 году данное обстоятельство прекрасно понял и по-своему интерпретировал военный министр А. Н. Куропаткин. Встретившись однажды с министром финансов С. Ю. Витте, генерал откровенно признался ему в том, с чем трудно было не согласиться: *у государя в голове огромные планы*: «Взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы». Генерал отмечал далее: «...мы, министры, по местным обстоятельствам задерживаем государя в осуществлении его мечтаний, но все разочаровываем; он все же думает, что он прав, что лучше нас понимает вопросы славы и пользы России. Поэтому каждый Безобразов, который поет в унисон, кажется государю более правильно понимающим его замыслы, чем мы, министры.

Поэтому государь и хитрит с нами, но что он быстро крепнет опытностью и разумом и, по моему мнению, несмотря на врожденную недоверчивость в характере, скоро сбросит с себя подпорки вроде Хлопова (А. А. Клопова. — С. Ф.), Мещерского и Безобразова, и будет прямо и твердо ставить нам свое мнение и свою волю».

Будущее не оправдало надежд министра — «подпорки» менялись, но не «сбрасывались». Провал грандиозных восточных планов не стал для самодержца уроком и лишь обострил негативное к нему отношение в самых широких слоях русского общества. Неудачи становились нормой политической жизни, а царь — своеобразным символом несчастья. Но не будем спешить с окончательными заключениями — необходимо учитывать не только характер последнего государя, но и тот психологический климат, который сложился в стране в первые годы его царствования. Уже в 1890-х годах в русском образованном обществе заговорили о безволии Николая II, который якобы не в состоянии вести русский политический корабль. Что бы он ни предпринимал, все встречало скептическое отношение и ухмылку. Конечно, это касалось и дальневосточных дел.

Редактор крупнейшей и влиятельной газеты «Новое время» А. С. Суворин в первый день нового, 1898 года занес в дневник свой характерный разговор с сыном, в котором затрагивалась тема прихода в Порт-Артур английских кораблей.

«— Что же это, государь проглотит такую обиду?

— Отчего не проглотить? Он только полковник.

— Ну, пускай он произведет себя в генералы и таких обид не прощает».

Причину нанесения «обиды» Суворин видел в том, что царь окружен

«глупцами и прохвостами, вроде графа Муравьева», в то время — министра иностранных дел империи, пессимистически заявив, что «не это еще будет». «Обида», как показало ближайшее время, прощена не была — Россия реализовала свои «права» на Порт-Артур (при непосредственном участии того же графа М. Н. Муравьева), но это лишь ухудшило ситуацию на Дальнем Востоке. Приход в Порт-Артур России привел к необратимым последствиям в русско-японских отношениях, но вспоминал ли об этом А. С. Суворин, оценивал ли свои прежние претензии к монарху в 1904 и 1905 годах? Разумеется, нет. Что было — то прошло.

К 1905 году к монарху накопились новые претензии. Даже «правые» сановники откровенно говорили, «что царь болен, его болезнь — бессилие воли». «Он не может бороться, всем уступает, а в эту минуту вырывает у него уступки самый ловкий во всем мире человек — Витте», — записала в дневнике А. Богданович 28 декабря 1904 года. Подобные заявления звучали тем чаще, чем ближе слышались раскаты революции, неизбежность которой в конце 1904 года была очевидна. Предстояло пережить 1904 год, поражения и унижения войны, чтобы Николай II окончательно утратил кредит доверия в глазах большинства представителей русского образованного общества и стал восприниматься как трагикомическая фигура в «низах». «Суворин рассказывает, — записал в дневнике летом 1904 года генерал А. А. Киреев, — что извозчик, везший одного его знакомого, проезжая мимо домика Петра, сказал: вот, барин, кабы нам теперь такого царя, а то теперешний дурик! (не дурак и не дурачок). Где ему справиться, — и добавлял уже от себя: — Это ужасный симптом». Симптом был, безусловно, не обнадеживающий.

Удивившись «коварству» японцев, Николай II тем не менее не считал войну с ними фатальной для России. «Господь да будет нам в помощь!» — записал он в дневнике, узнав о начале боевых действий. А правительство поначалу даже представляло войну с Японией как священную борьбу под покровительством святого Серафима Саровского, канонизация которого состоялась летом 1903 года. Но, по свидетельству великого князя Александра Михайловича, солдаты не узнавали нового святого на иконах, чувствовали себя растерянными. В качестве вдохновителя войск, писал великий князь, святой Серафим «потерпел полный провал»^[70]. История получила развитие в карикатурах тех лет; на одной из них изображалось, например, что сражающимся воинам вместо патронов на боевые позиции подвозят иконы.

Россия не имела перед Японией военного преимущества. На огромном пространстве от Читы до Владивостока и от Благовещенска до Порт-

Артура было дислоцировано 98 тысяч солдат и 24 тысячи пограничников. Сибирская магистраль способна была пропускать не более шести воинских эшелонов в сутки. И хотя за время боевых действий на Дальний Восток, проведя девять мобилизаций, отправили один миллион 200 тысяч человек, для победы этого оказалось недостаточно. Тихоокеанская эскадра, большинство судов которой базировалось в Порт-Артуре, уступала по мощи японскому флоту. А укрепления Порт-Артура оставляли желать лучшего.

Главкомандующим вооруженными силами на Дальнем Востоке вначале был адмирал Е. И. Алексеев. В октябре 1904 года его сменил на этом посту бывший военный министр, командующий Маньчжурской армией А. Н. Куропаткин, который в ходе Ляоянского сражения, в августе 1904 года, упустил реальные шансы на победу. В марте 1905 года он передал свои полномочия генералу Н. П. Линевичу.

Японцам удалось осадить Порт-Артур и запереть там русскую эскадру. Русские войска под руководством генерал-лейтенанта Р. И. Кондратенко героически обороняли крепость и выдержали четыре штурма. Но после гибели Кондратенко начальник Квантунского укрепленного района генерал А. М. Стессель 20 декабря 1904 года сдал Порт-Артур.

Известие о сдаче Порт-Артура шокировало царя. «Защитники все герои и сделали более того, что можно было предполагать, — записал тогда в дневнике Николай II и резюмировал: — На то, значит, воля Божья!» Со столь странным, казавшимся многим современникам отрешенным, отношением царя к трагедиям государственного масштаба нам придется столкнуться еще не раз.

Эта «отрешенность», впрочем, не вводила в заблуждение тех, кто имел возможность регулярно встречаться с царем и знал его с юных лет. Надежда на Бога во всем и всегда — вот основа политического мировоззрения царя. Соответственно, все случавшееся в жизни — и личной, и государственной — Николай II рассматривал через призму благоволения (или, наоборот, неблаговоления) Бога. В мае 1905 года, когда Русско-японская война близилась к трагичному для России финалу, императрица Александра Федоровна искренне говорила, «что Бог карает нас военными несчастьями за то, что мы Его оставили, мало религиозны, мало молимся! Следовало бы исправить такое ложно богословское мнение, — сетовал генерал А. А. Киреев, — сваливающее все на Господа Бога и оставляющее в душе чувство, что я-то прав, я-то действовал правильно... нет; исправление может явиться, когда царь и царица убедятся в том, что царь просто действовал *неразумно*, что *он* именно *своими ошибками* довел

Россию до беды — ошибками политики внутренней и внешней. Вот корень зла, нечего сваливать беду на какое-то богословие».

Старый генерал, человек глубоко религиозный, консерватор славянофильского направления, А. А. Киреев знал, о чем говорил: в первые месяцы 1905 года погибли последние надежды на благоприятное для России окончание войны. В ходе Мукденского сражения, произошедшего в феврале 1905 года, японские войска прорвали фронт, заставив Куропаткина отдать приказ об отступлении. Тогда русские потеряли более 89 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными. Закрепившись на Сыпингйских позициях, российская армия вплоть до заключения мира уже никуда не выдвигалась — военные действия в Маньчжурии практически прекратились. Следствием поражения Куропаткина стало то, что моральный дух русской армии оказался сломлен. В войсках начался глухой ропот. Надежды на победу в сухопутном сражении рассеялись как дым.

Неудачи преследовали русских и на море. Так, в самом начале войны (31 марта 1904 года) погиб командующий Тихоокеанским флотом вице-адмирал С. О. Макаров — один из наиболее ярких флотоводцев того времени. Броненосец «Петропавловск», на котором он находился, подорвался на mine. Отправленная в начале октября 1904 года из Либавы на Дальний Восток 2-я Тихоокеанская эскадра, так же как и 3-я эскадра, состояла из старых разнотипных судов, называемых моряками «калошами». Совершив 18000-мильный переход вокруг Африки, русские корабли под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского 14 мая 1905 года подошли к Цусимскому проливу и вступили в бой с главными силами японского флота, превосходившими их в артиллерии, бронировании и скорости хода. Разгром был полный: из тридцати восьми русских кораблей затонуло двадцать два, семь попало в плен, и только шесть сумели уйти в нейтральные порты, где и разоружились. Три корабля достигли Владивостока. Пять тысяч моряков были убиты и потонули, более шести тысяч попали в плен, три тысячи спаслись.

«Как ни готовилось русское общество в тайниках своей души к новой гекатомбе, к новому несчастью, но размеры катастрофы поразили всех, — отмечал современник. — Они обнаружили всю глубину разложения нашего старого строя, бесконтрольного, бюрократического, в котором все было „гладко на бумаге“...»^[71] Поражение, как и победа, всегда персонифицируется. Так и Цусима стала олицетворением неудач, постигнувших Россию при последнем самодержце. «Цусима — это было начало конца, — вспоминал известный политический деятель последних лет николаевского правления В. В. Шульгин. — Цусима роковым образом

отразилась на престиже царя, ее никогда не могли забыть». Более того, «царя считали прямым виновником Цусимы». На фоне набравшей силу революции военная катастрофа воспринималась как закономерный результат «бездарного правления», а будущее монархии рисовалось в исключительно мрачных тонах.

Действительно, с конца 1904 года внутривластная ситуация в стране обострялась день ото дня. В Баку началась всеобщая забастовка; в Москве — студенческие выступления, носившие откровенно антиправительственный характер. Дело дошло до того, что на собрании Общества распространения технических знаний раздавались призывы «долой самодержавие!». Генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович пытался получить санкцию на запрет собрания от министра внутренних дел или от великого князя Константина Константиновича (покровителя общества), но они уклонились.

В результате Сергей Александрович, являвшийся сторонником «жесткого курса», подал прошение об отставке, мотивируя свой уход противодействием этому курсу министра внутренних дел князя П. Д. Святополк-Мирского. Ушел со своего поста и обер-полицмейстер Москвы Д. Ф. Трепов. Их примеру последовал пользовавшийся поддержкой Сергея Александровича министр юстиции Н. В. Муравьев. Князь Святополк-Мирский 3 января 1905 года получил от Николая II грозное письмо, в котором указывалось, что «теперешнее бездействие вполне равносильно преступному попустительству». А на следующий день император потребовал от министра ввести общий запрет на собрания. Понимая, что исполнить требование государя не может, князь заговорил об отставке.

Сменивший Плеве Святополк-Мирский на посту руководителя МВД продержался всего несколько месяцев. Он по-иному, чем его предшественник, смотрел на внутреннюю политику России. «Положение вещей так обострилось, — говорил князь царю при своем назначении, — что можно считать правительство во вражде с Россией, необходимо примириться, а то скоро будет такое положение, что Россия разделится на поднадзорных и надзирающих, и тогда что?» Потому критики князя называли его политический курс «эрой попустительства».

Не будет преувеличением сказать, что накануне великих потрясений в правительственных кругах царил разброд, картина которого была дополнена досадной случайностью: 6 января в день Богоявления, когда император вышел к Иордани (сделанной на реке Неве, напротив Иорданского подъезда Зимнего дворца), во время салюта одно из орудий 1-й конной батареи «выстрелило картечью с Васильев[ского] остр[ова] и

обдало ею ближайшую к Иордани местность и часть дворца. Один городской был ранен. На помосте нашли несколько пуль; знамя Морского корпуса было пробито», — записал в дневнике Николай II 6 января 1905 года. Случившееся выглядело как неудавшееся покушение, и Двор, и царь были поглощены расследованием, никто не верил, что это — случайность. И хотя в дальнейшем все прояснилось, а император снисходительно отнесся к инциденту и обрадовался, узнав, что покушения не было, «этот выстрел также содействовал созданию тревожного, напряженного настроения»^[72].

Николай II уезжал 6 января в Царское Село под крики и улюлюканье толпы. Наблюдавший этот отъезд барон Н. Е. Врангель вспоминал: «Прохожие смеялись, мальчишки свистали, гикали:

— Ату его!

Седой отставной солдат, с двумя Георгиями на груди печально покачал головой:

— До чего дожили! Сам помазанник Божий!»

Конечно, столичная толпа — еще не народ, но факт столь откровенного неуважения к личности монарха игнорировать невозможно.

...Развязка наступила через несколько дней — 9 января 1905 года. Как правило, именно эту дату называют, когда говорят о начале Первой российской революции. Не имея возможности специально рассматривать этот вопрос (тем более что существует масса литературы, посвященной Кровавому воскресенью), отмечу лишь несколько наиболее важных моментов.

Мирное шествие рабочих к Зимнему дворцу возглавлял священник Георгий Гапон, агент полиции, сумевший благодаря своим связям в МВД создать массовую организацию — «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга». Устав этого общества, утвержденный еще в феврале 1904 года, провозглашал трезвое и разумное времяпрепровождение рабочих, укрепление среди них русского национального самосознания, развитие разумных взглядов на права и обязанности, проявление самостоятельности в деле законного улучшения условий труда. Все — легально.

В сентябре 1904 года рабочих, входивших в «Собрание» и плативших взносы, было 1200 человек (посещавших беседы и вечера — в несколько раз больше). К январю 1905 года «Собрание» состояло из одиннадцати отделов. В подавляющем большинстве членами гапоновской организации были верующие люди, преданные царю и наивно полагавшие, что только он может радикально улучшить положение рабочего человека (если,

конечно, узнает всю правду). Наивность — не порок, но ее последствия порой бывают очень трагичны. Особенно когда этой наивностью пользуются провокаторы. Конечно, Гапон не был «классическим» провокатором, но он «заигрался» в политику, практически выйдя из-под контроля полиции. Меньше всего в этом можно винить священноначалие: митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) отрицательно относился к деятельности Гапона в «Собрании», но тот, имея покровителей среди крупных чинов МВД, оказался неуязвим для церковного начальства.

В начале января 1905 года руководимое Гапоном «Собрание» поддержало забастовку Путиловского завода, приняв таким образом участие в политической борьбе. По странному стечению обстоятельств, именно 6 января, когда произошел инцидент у Зимнего дворца, Гапон провел совещание со своими ближайшими помощниками, на котором и было принято решение организовать 9 января массовое шествие рабочих к царской резиденции, чтобы передать их требования непосредственно самодержцу. Власти пытались, как могли, изменить ситуацию, но «обуздать» Гапона не сумели. 8 января П. Д. Святополк-Мирский получил высочайшее повеление об объявлении в Санкт-Петербурге военного положения и созвал совещание, на котором было принято решение об аресте мятежного священника. После совещания князь отправился на доклад к царю и попросил его отменить военное положение. Николай II якобы выглядел совершенно беззаботным и согласился с предложением своего министра.

Насколько верно утверждение о «беззаботности» — судить трудно, ибо в своем дневнике в тот день царь отметил, что в столице еще с 7 января бастуют все заводы и фабрики. «Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120000 ч[еловек]. Во главе рабочего союза какой-то священник — социалист Гапон. Мирский приезжал вечером для доклада о принятых мерах». Современные церковные историки полагают, что вечерний доклад Святополк-Мирского имел успокоительный характер и не давал представления об остроте и сложности положения в Петербурге. Царь так и не ознакомился с текстом петиции рабочих, «не был поставлен в известность о намерениях военно-полицейских властей столицы на предстоящий день».

Впрочем, если бы Николай II прочитал текст петиции, он, скорее всего, возмутился бы. Петиция звучала как ультиматум и требовала, ни больше ни меньше, — ограничения самодержавия и организации демократических выборов в Учредительное собрание. Ни царь, ни его сановники,

разумеется, не могли выполнить подобные требования. Но власть имела возможность предотвратить массовое шествие и, следовательно, кровопролитие. Эта возможность была упущена: на состоявшемся вечером 8 января совещании у министра внутренних дел было решено не допускать толпы рабочих далее «известных пределов», находящихся рядом с Дворцовой площадью. «Таким образом, — вспоминал С. Ю. Витте, — демонстрация рабочих допускалась вплоть до самой площади, но на нее вступать рабочим не дозволялось. Поэтому когда они подходили к площади (это было около Троицкого моста), то их встречали войска; военные требовали от рабочих, чтобы они далее не шли или возвращались бы обратно, предупредив, что если они сейчас не возвратятся, то в них будут стрелять. Так было поступлено везде. Рабочих предупредили, они не верили, что в них будут стрелять, и не удалились. Всюду последовали выстрелы, залпы, и, таким образом, было убито и ранено, насколько я помню, больше 200 человек».

На самом деле от пуль погибло около 500 демонстрантов, ранено было от 2500 до 3000 человек. Но ни один солдат не пострадал. Официальные данные, правда, были иные: 96 убитых и 333 раненых. Среди убитых значился околоточный надзиратель, а среди раненых — помощник пристава, рядовой жандармского дивизиона и городской. Современники не верили правительственным сообщениям, называли их лживыми. Поведеление царя осуждали, полагая, что если бы он принял депутацию рабочих и сердечно отнесся к их положению, то получил бы в свои руки громадный козырь. Николай II глубоко переживал случившееся. «Тяжелый день! — записал он в дневнике 9 января. — В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!» Участники демонстрации, вернувшись после расстрела в отделы «Собрания», топтали портреты царя и иконы, говорили: «Нет теперь ни государя, ни Бога!» А главный герой Кровавого воскресенья — священник Георгий Гапон — уже в ночь на понедельник написал революционную листовку, в которой назвал Николая II «зверем-царем». «Так отомстим же, братья, — обращался он к рабочим, — проклятому народом царю и всему его змеиному отродью, министрам, всем грабителям несчастной русской земли. Смерть им всем!..» Призыв к уничтожению всех власть имущих во главе с самодержцем и его семьей стал настоящей «программой максимум» для всех радикально настроенных противников монархической государственности.

Так Кровавое воскресенье стало исторической вехой, разделившей

царствование Николая II на две части. Заявления о том, что «эта кровь навсегда отдалила царя от народа», в январские дни звучали повсюду. Французский социалист Ж. Жорес откликнулся на события статьей под названием «Смерть царизма», в которой писал, что «наноса удары рабочим, царизм смертельно ранил самого себя». Для Жореса Николай II — несомненный убийца. Если ранее, полагал он, многие люди верили, что царь — первый пленник абсолютизма, что бюрократия помимо него угнетала народ, «что он не был целиком ответственен... за эту бессмысленную гибельную войну, невольно вызванную его слабоумием», то «отныне царь и царизм будут отвержены всеми нациями». И хотя Франция (равно как и другие европейские страны) не порвала своих отношений с Россией, общественное мнение на Западе было явно не в пользу русского самодержца.

Свой ответ на происходившие в России события дал и американский писатель Марк Твен, в 1905 году опубликовавший памфлет «Монолог царя», в котором, по существу, доказывал моральную допустимость цареубийства. Памфлет начинается эпитафией, взятым из лондонской «Times»: «Утром, после ванны, до того как начать одеваться, царь имеет привычку проводить час в одиночестве, посвящая его раздумьям». Далее М. Твен описывает русского монарха, «размышляющего» о том, что он, стоящий перед зеркалом человек, представляет собой без одежды. Твенский Николай II приходит к выводу, что в нем, самодержце, нет «ничего царственного, величественного, внушительного, ничего, что могло бы возбуждать восторг и преклонение. Неужели, — продолжает рассуждения «царь», — это мне поклоняются, передо мною падают ниц сто сорок миллионов русских? Разумеется, нет. Немыслимо было бы поклоняться такому пугалу. Но тогда, кому же и чему они поклоняются? В глубине души я это прекрасно знаю: они поклоняются моему платью».

Получалось, что император Всероссийский и есть его платье, а титулы — часть одежды, сними которую — и ничего не останется. Разденься — откроется убожество ничем не примечательного человека, вроде священника, парикмахера или фертика. Не останавливаясь на этой констатации, М. Твен от имени «царя» начинает размышлять о моральных мерках, прилагаемых как к самодержцу, так и к самодержавию, от имени своего героя утверждая, что в России нет закона, а есть лишь царская воля. Ведь законы должны ограничивать всех граждан в равной степени, а в России они не распространяются на венценосца и его семью. «Миллионы убийств лежат на нашей совести, — думает твенский «царь». — А богобоязненные моралисты утверждают, что убивать нас — грех. Я и мои

дядюшки — это семейство кобр, поставленное над ста сорока миллионами кроликов, мы всю жизнь терзаем их, и мучаем, и жиреем за их счет, однако же моралисты утверждают, что уничтожать нас — не обязанность, а преступление». При этом семья самодержца для закона недосягаема, народу никакой защиты от нее нет. «Отсюда вывод, — резюмирует «Николай II», — мы вне закона. А ведь в того, кто вне закона, любой человек имеет право всадить пулю! Боже мой, что стало бы с нашим семейством, не будь на свете моралиста?!»

По логике писателя выходило, что венценосец и его близкие сами готовят расправу над собой, и эта расправа рано или поздно, как карающий меч, настигнет их. М. Твен даже пытался определить, когда можно ожидать исполнения приговора истории — когда *ненависть и надежда* закрадутся в сердца подданных короны, в конце концов овладев сердцами солдат. «И это будет роковой день, день нашей гибели!..» — провидчески утверждает твеновский «Николай II». Писатель обращает внимание на четыре акта насилия, которые вывели политическую ситуацию в России на новый уровень, заставили нацию пробудиться «от рабской летаргии»: уничтожение царем финляндской конституции, убийство генерал-губернатора Финляндии Н. И. Бобрíkова, смерть министра В. К. Плеве и массовый расстрел невинных людей, учиненный «несколько дней назад» (то есть 9 января 1905 года). Конечно, западный писатель, придерживавшийся либеральных взглядов, выражался исключительно резко, не желая делать никаких «политических скидок» ни для царя, ни для монархической государственности, многое понимая упрощенно. Но необходимо признать, что М. Твен не ошибся в прогнозе. Самодержавие отживало свой политический век.

Если верно утверждение о том, что всякий социальный строй иерархичен, а иерархия, как и всякая власть, держится массовым гипнозом, то можно согласиться с заявлением князя С. Е. Трубецкого, писавшего, как «революции разрушают в народе гипноз, поддерживающий в нем старые формы государственных и социальных отношений. Если революция „удается“, то есть если революционеры прочно захватывают власть, они в свою очередь создают новый массовый гипноз и опираются на него. Без этого гипноза никакая власть существовать не может». Гипноз разрушается в двух направлениях — революция подрывает его в душах тех, кто должен повиноваться, равно как и в душах тех, кто должен приказывать. 1905 год и стал доказательством этой истины, а 9 января — первым актом революции.

Барон Н. Е. Врангель вспоминал, как вскоре после «гапоновского происшествия» в столице пьяные матросы во все горло кричали «Долой

самодержавие!», а городской, «добродушно усмехаясь, смотрел на них». С пьяных, конечно, спрос не велик, но ведь это были представители русской армии, по долгу присяги обязанные это самое самодержавие защищать! Точно так же должен был защищать самодержавие и усмехавшийся городской. О простых обывателях в такой ситуации не приходилось и говорить. Так девальвировалась самодержавная идея. Это понимали и противники, и сторонники самодержавия, для которого революция была приговором. Но как же тогда определить революцию, зная о ее последствиях для царской России? Все зависит от того, кто ищет на этот вопрос ответ. По мнению апологетов императора Николая II (таких, например, как последний помощник московского градоначальника В. И. Назанский), «революция — это „право“ отдельных людей и целых народов на насилия, на величайшие самоуправства и своеволие под видом „народоправства“», это право совершать подлейшие преступления против Божьих заповедей и Самого Бога, «это религия преступления, это — преступнейшее из преступлений: революция — это безбожие!». В патетических заявлениях, конечно, трудно искать адекватное понимание глобальных социальных катастроф, но признать сказанное бесспорно ошибочным тоже нельзя: в конце концов, человек имеет право на свое видение прошлого. Однако проблема этим не исчерпывается — ведь «право» на революцию не патент, оно берется силой. Таким образом, если старая власть слаба, революция получает шанс на удачу и старается его не упустить. Именно потому, что самодержавие (в лице императора Николая II) к началу XX века оказалось не в состоянии трезво оценить свои возможности и пойти на политические реформы, социальный конфликт вышел наружу в форме революции.

«Неограниченное самодержавие до царствования Александра II было логично», — полагал барон Н. Е. Врангель. Но после освобождения крестьян в 1861 году оно стало невозможно. «Мыслящая Русь это понимала, народ это инстинктивно чувствовал. Но сами самодержцы этого не поняли или понять не хотели. Видоизменяя во многом склад жизни своего народа, они своими личными правами, своими прерогативами поступиться не хотели, в неограниченном самодержавии продолжали видеть святая святых, в неприкосновенности его — главную задачу своего царствования».

Однако то, что было очевидно для большинства образованных современников, последний русский царь очевидным не считал. Дело заключалось конечно же не в банальном упрямстве самодержца, а в религиозном отношении к власти, в тех уроках, которые он усвоил с

детства. Трудно винить человека за убеждения, даже если эти убеждения многим представляются архаичными! Еще митрополит Филарет (Дроздов), крупнейший русский богослов Синодального периода, писал, что «Бог по образу Своего небесного единачалия устроил на земле Царя; по образу Своего вседержительства — Царя Самодержавного; по образу Своего царства непреходящего, продолжающегося от века и до века, — Царя наследственного». Эти принципы, сформулированные в эпоху Николая I, оставались востребованными и в начале XX века, при Николае II. Поступить ими последний царь не желал, надеясь «как-то» выйти из ситуации, в которой оказался к 1905 году. Надежды не оправдывались, приходилось думать о будущем на грозном фоне революционных потрясений. В результате трагических событий 9 января в стране, с одной стороны, активизировалось либерально-оппозиционное движение, а с другой — обострилась борьба в правительственных верхах вокруг дальнейшего направления внутренней политики.

Чем значительнее становилась активность «улицы», тем жестче ставился вопрос о реформах. Однако ясного ответа на вопрос «Что делать?» в те дни никто не знал. Растерянность власти проявилась и в публикации непроверенных данных, согласно которым «лондонские корреспонденты» сообщали, что беспорядки на морских заводах Петербурга, Ливавы, Севастополя, а также на угольных копях Вестфалии организовали англо-японские провокаторы с целью приостановить отправку балтийской и черноморской эскадр. «Огромные суммы истрачены на агитацию в России, — говорилось в сообщении. — Объясните русскому народу истину. Всякая симпатия беспорядкам есть преступление, измена. В Париже японцы открыто хвастают устройством беспорядков в России»^[73]. Людям свойственно искать внешнего врага, когда одолевают внутренние проблемы. Но в условиях революции подобные поиски вряд ли могут ввести в заблуждение.

Читающая публика не поверила заявлениям официальной печати, вскоре узнав, что сообщение было сфабриковано неким Череп-Спиридовичем. Затем по приказанию великого князя Сергея Александровича информация об англо-японских провокаторах в тысячах экземплярах распространили по всей Москве, «и только тогда, так сказать с полувысочайшей санкции, ее напечатали в Петербурге правительственные газеты, — записал в дневнике С. Р. Минцлов 17 января 1905 года. — Английский посол заявил протест, и справедливо: в глупости обвинять англичан нельзя!». Утопающий, как известно, хватается за соломинку, стремясь спастись любой ценой. Именно так и поступала русская власть,

обвиняя в политических «нестроениях» кого угодно, только не себя.

Желая погасить социальный пожар, члены Святейшего синода 14 января обратились к православным подданным русского царя. «Святейший Синод, — говорилось в обращении архиереев, — скорбя о пагубных нестроениях в современной жизни русского народа, именем Святой Матери — Церкви Православной, умоляет всех чад ее: *Бога бойтесь, Царя чтите* (1 Петр. 1:17) и *всякой власти, от Бога поставленной, повинуйтесь* (Римл. XIII, 1)». Однако церковные призывы услышаны не были, ситуация не исправлялась (хотя император 15 января и записал в дневнике, что «в городе совершенно тихо»). Во многом «тишину» поддерживал генерал Д. Ф. Трепов, назначенный в столицу генерал-губернатором: сама должность была учреждена вскоре после Кровавого воскресенья — «в видах охранения государственного порядка и общественной безопасности»^[74]. Креатура великого князя Сергея Александровича, Трепов получил чрезвычайно широкие полномочия и должен был доказать на деле свою репутацию твердого и жесткого начальника. Министром внутренних дел вместо ушедшего в отставку князя П. Д. Святополк-Мирского также стал человек из московского окружения Сергея Александровича — А. Г. Булыгин. Сторонники либеральных преобразований ни от Трепова, ни от Булыгина «хорошего» не ждали, продолжая высмеивать царя и его политику. В конце января 1905 года в Петербурге получила широкое распространение стихотворная пародия на самодержца, в которой ему припоминались все попытки не допустить в России «конституций».

Как у нас в городке
На Неве на реке
Ника
Из себя вышел вон,
Ножкой топает он
Дико
И кричит: ей же ей,
Им не дам, хоть убей,
Воли.
Будет все, как и встарь,
Аль я больше не царь,
Что ли?
Я повластвую всласть
И не сделаю власть
Мою куцей.

Прикажу все смести,
Но не дам завести
Конституций.
Мне сказала та теге,
Чтобы брал я пример
С папы.
И задам я трезвон
Всем, кто тянет на трон
Лапы.
Ведь по дудке моей
Пляшет много людей
Очень,
Хоть и молвит молва,
Что моя голова
Кочень.
Земцам будет беда.
Ишь полезли куда!
Шутки!
Им парламент? Да нос
Еще ваш не дорос.
Дудки.
Мне же нос, господа,
Я клянусь, никогда
Не утрете.
Я скажу напрямки:
«Пошли вон, дураки!»
И пойдете!
Ох, ты, царь, Николай,
Ты на земцев не лай.
Ишь задорник!
Ты б их слушал совет,
А ругня не ответ:
Ты не дворник!
Лучше земцам внемли:
Они люди земли
Нашей.
А не то — путь иной:
К немцам с сыном, с женой
И с мамашей!^[75]

Как снежный ком множились рассказы и анекдоты, в которых современники обыгрывали жизнь и царствование своего императора. Даже его нежелание изменить государственный строй (то есть ликвидировать *неограниченное* самодержавие) осмеяли в остроте: «Бедный Николай, и без того уж он ограничен, а его еще ограничить хотят!»^[76]

На царя смотрели как на недотепу, который может удивить лишь своей глупостью. Революция захлестывала «царскую легенду». Зло, как известно, рождает только зло, насилие — насилие. Царь чем дальше, тем больше становился заложником «неограниченного самодержавия». Спустя десять дней после Кровавого воскресенья он, согласно его записи в дневнике от 19 января, «принял депутацию рабочих от больших фабрик и заводов Петербурга, которым сказал несколько слов по поводу последних беспорядков». Собранные полицией и жандармерией «благонадежные» пролетарии в большинстве своем даже не знали, для какой цели их привезли к царю. Но «форма» была соблюдена: Николай II громогласно заявил, что прощает рабочих, тем самым продемонстрировав свое монаршее «великодушие». В кругах оппозиционной общественности такое поведение царя на фоне 9 января воспринималось как издевательство и цинизм.

А 4 февраля был убит любимый дядя самодержца — великий князь Сергей Александрович. Его разорвало бомбой, брошенной участником покушения на В. К. Плеве эсером-боевиком И. П. Каляевым, в Кремле, у Никольских ворот. Причиной убийства стало избиение полицией учащейся молодежи. «Петербуржцы не только радуются, но и поздравляют друг друга с этим убийством, — отмечал в дневнике Минцлов 5 февраля 1905 года. — Славную репутацию заслужил покойник!» Подобные замечания не были в то время чем-то исключительным. Над великим князем откровенно глумились, видя в его смерти начало конца царствующего дома. «Россия сейчас интереснейшее место земного шара, — говорил своему приятелю — публицисту П. П. Перцову, в феврале 1905 года собиравшемуся за границу, поэт-символист В. Я. Брюсов. — События идут если не стремительно, то достаточно поспешно. Будущего регента, Серг[ея] Алекс[андровича], „отстранили“. Я сам видел его мозги на площади, буквально. Династии Романовых суждено кончиться, как она и началась, при Михаиле. Маленький Алексей, недавно глядевший на нас со страниц всех иллюстраций, кончит дни в Тампле. Царь Людовик XVI „на площади мятежной — во прахе“». Так связывали кончину Сергея Александровича с

грядущей судьбой русского самодержца и его наследника, предвосхищая трагедию 1918 года. Это была реакция на убийство человека, которого Николай II в манифесте по поводу случившегося назвал не только дядей, но и другом! В дневнике царь отметил случившееся, предварительно написав о приезде принца Фридриха Леопольда Прусского и о том, что он завтракал и обедал с царской семьей.

Охарактеризовав убийство как «ужасное злодеяние», в дальнейших записях Николай II уже больше не возвращался к произошедшему, лишь фиксировал панихиды и заупокойные обедни по погибшему, в которых он принимал участие в Царском Селе. Организовать похороны Сергея Александровича решили в Москве, тем самым нарушив традицию погребения членов дома Романовых в Петропавловском соборе, сложившуюся в XVIII–XIX веках. 10 февраля 1905 года был опубликован подписанный министром Императорского двора бароном В. Б. Фредериксом «церемониал нахождения и отпевания смертных останков» великого князя в Московском кафедральном Чудовом монастыре, из которого следовало, что на похоронах будут присутствовать лишь те представители дома Романовых, которые находятся в Первопрестольной; император на похороны не приедет. Согласно церемониалу, в день похорон гроб должны были поместить в склепе Чудова монастыря, где останки «пребудут до времени, назначенного для их погребения».

Сомнение в том, что тело Сергея Александровича перевезут в Петербург, современники высказывали уже сразу после покушения. Мотивация была очевидна. «В Питер везти опасно: хватят бомбой в процессию — разом от всей фамилии только мокрое место останется», — записал Минцлов в дневнике 5 февраля. Очевидно, это и стало главной причиной того, что похороны были скомканы. Таким образом, из членов Императорского дома в последний путь Сергея Александровича провожали только четыре человека: вдова убитого — великая княгиня Елизавета Федоровна, прощенный за самовольную женитьбу великий князь Павел Александрович, прибывший в Первопрестольную утром 9 февраля, и его дети от первого брака — Дмитрий и Мария.

Как переживал самодержец случившееся 4 февраля, судить по его дневникам трудно. Суждения же современников парадоксальны: в день получения сообщения об убийстве дяди, после состоявшегося обеда, на котором присутствовал принц Фридрих Леопольд, царь и великий князь Александр Михайлович «развлекались тем, что перед изумленными глазами немецкого гостя сталкивали друг друга с узкого и длинного дивана». Приведший эту информацию отечественный историк Р. Ш.

Ганелин однако же подчеркивает, что трагическое «событие, как и общественная реакция на него, не могло не оказать психологическое воздействие на царя, склонив его к реформаторским уступкам». На данное замечание, как мне представляется, стоит обратить особое внимание, ибо дальнейшая история монархической государственности непосредственно связана с политическими реформами 1905 года. Не имея возможности специально останавливаться на вопросе о том, как император пришел к манифесту 17 октября (об этом написано множество работ), полагаю важным отметить только одно обстоятельство: для Николая II путь к «конституции» оказался весьма нелегким, ибо царь должен был «поступиться принципами», отказавшись от идеи *неограниченного* самодержавия.

...Спустя две недели после убийства великого князя Сергея Александровича (18 февраля) был обнародован манифест, в котором подданные должны были увидеть призыв верховной власти к объединению всех благомыслящих людей во главе с царем как для одоления внешнего врага, так и для разумного противодействия внутренней смуте. Николай II уповал, как и всегда, на Бога, моля Всевышнего подать «в Державе Российской: Пастырям — святыню, Правителям — суд и правду, народу — мир и тишину, законам — силу, и вере — преуспеяние, к вящему укреплению истинного Самодержавия на благо всем Нашим верным подданным». Благие призывы манифеста дополнялись высочайшим рескриптом на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина, в котором заявлялось о желании царя привлекать достойных людей, избранных от населения, к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений.

Так впервые от имени Николая II было заявлено о разработке «способа созыва местных представителей для участия в рассмотрении законопроектов, вносимых в Гос[ударственный] совет». В течение последующих месяцев этот «способ» обсуждался на нескольких совещаниях, в том числе на петергофском, проходившем под председательством царя в июле 1905 года. 6 августа того же года был опубликован манифест «Об учреждении Государственной Думы». По имени министра внутренних дел (автора проекта) эту законосовещательную Думу окрестили «Булыгинской». В манифесте 6 августа подчеркивалось, что основной закон Российской империи о существовании самодержавной власти сохраняется неприкосновенным, следовательно, говорилось о неограниченности царской власти. Однако остановиться на этом варианте власть не смогла: революция развивалась,

радикализировались и требования тех общественных сил, которые несколькими месяцами ранее могли бы удовлетвориться дарованными царем «милостями». И хотя к тому времени удалось решить внешнюю проблему: заключить мир с Японией, это не привело к внутреннему успокоению страны.

Все понимали, что заключенный 23 августа 1905 года С. Ю. Витте в американском городе Портсмуте мирный договор со Страной восходящего солнца является поражением России. Империя согласилась уступить Японии половину Сахалина, передать арендные права на Ляодунский полуостров (с Порт-Артуром и городом Дальним), признать Корею сферой японских интересов, заключить невыгодную рыболовную конвенцию и отдать часть Юго-Маньчжурской железной дороги (от Порт-Артура до Чаньчуня). И хотя условия могли быть много хуже, общественное мнение восприняло договор с Японией как очередное доказательство «бездарности» власти. С. Ю. Витте, много сделавший для того, чтобы Россия по возможности достойно вышла из войны, и возведенный за свои дипломатические заслуги в графское достоинство, получил презрительное наименование «графа Полусахалинского».

Заключение мира происходило под раскаты революционного грома: выступления рабочих, охватившие многие города — от Петербурга до Ростова-на-Дону и от Полтавы до Ревеля, дополнялись крестьянскими волнениями, межнациональными конфликтами (в частности, армяно-татарской резней в Баку) и восстаниями в войсках, кульминацией которых стал бунт на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». Под красным флагом летом 1905 года военный корабль пошел навстречу посланной против него черноморской эскадре. Но матросы судов эскадры отказались стрелять в восставший корабль. Летние революционные выступления подготовили почву для всероссийской политической стачки, потрясшей страну осенью 1905 года. Бастовали и учебные заведения, даже православные духовные академии. Встал железнодорожный транспорт. В сложившихся условиях вопрос о дальнейших политических уступках был неизбежен. Борьба с революцией не могла ограничиться одними репрессиями, да и сил сокрушить революционный напор у власти не было. 12 октября император записал в дневнике: «Забастовки на железных дорогах, начавшиеся вокруг Москвы, дошли до Петербурга, и сегодня забастовала Балтийская. Манухин (министр юстиции. — С. Ф.) и представляющиеся еле доехали до Петергофа. Для сообщения с Петербургом два раза в день начали ходить „Дозорный“ и „Разведчик“. Милые времена!!»

Времена действительно были «милые». Ситуация складывалась таким образом, что необходимо было решаться на серьезные уступки. Ознакомившись с проектом манифеста, подготовленного под руководством графа С. Ю. Витте, император 16 октября с горечью написал: «Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и в конце концов случилось неизбежное. Тем не менее по совести я предпочитаю давать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки прийти к тому же». Свою роль в подписании царем манифеста «о свободах» сыграл и великий князь Николай Николаевич, по легенде, грозивший царю самоубийством, если только будет принято решение о диктатуре и, соответственно, отвергнут план Витте. На позицию Николая Николаевича повлиял некий рабочий М. А. Ушаков, направленный к нему придворным авантюристом князем М. М. Андрониковым и внушавший великому князю, что без Витте не обойтись.

В итоге 17 октября 1905 года царь подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», состоявший из трех основных статей. Населению даровались незыблемые основы гражданской свободы на началах неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов; к участию в работе Государственной думы привлекались те классы населения, которые ранее были лишены избирательных прав; как незыблемое правило устанавливалось, что никакой закон не мог получить силу без одобрения Государственной думы. 19 октября указом царя был образован Совет министров во главе с председателем, которым стал С. Ю. Витте. Формально Совет министров существовал в России с 1861 года, но это был лишь один из высших совещательных органов под руководством царя. Компетенция его точно не определялась, а заседания проводились крайне редко. Так, с конца 1882 года по январь 1905-го этот Совет министров не собирался ни разу. В свою очередь, существовавший в империи (с 1802 года) Комитет министров не имел никакой исполнительной власти, а приведение его постановлений «в действие» он предоставлял тем министрам, от которых поступали дела или к чьему ведомству они относились.

После 19 октября 1905 года на Совет министров стало возлагаться направление и объединение действий главных начальников ведомств по предметам их законодательства, а также высшего государственного управления. Совет министров не мог решать дела, подлежащие рассмотрению Думы и Государственного совета; а дела, «относящиеся до

ведомства Императорского Двора и Уделов, государственной обороны и внешней политики», вносились на рассмотрение только после высочайшего повеления или когда их руководители признавали это необходимым. В результате проведенных реформ Российская империя вступала в новую фазу своего развития, становясь думской монархией, а император «конституционным самодержцем».

Впрочем, сам государь так себя никогда не называл, формально-юридически продолжая называться самодержцем. В монархическом «Готском альманахе», ежегодно издававшемся в немецком герцогстве Саксен-Кобург-Гота (с 1763 года), русский государственный строй определялся однозначно: «Россия — конституционная монархия при самодержавном государе». «И „конституционность“ этого русского самодержца, — комментировал данную фразу русский правовед и дипломат барон М. А. Таубе, — выражалась для Николая II в том, что... <...> в самых трудных случаях он старался не выходить из рамок закона, — увы! при весьма недостаточном надзоре за своими министрами; ибо за все время существования в России министерств никакой законодатель, как это ни странно, не подумал о необходимости установить регулярные, периодические собрания Совета этих фактически самостоятельных глав ведомств под председательством самого государя». Таким образом, даже преобразованный Совет министров, не являясь «конституционным» (и председатель, и министры подчинялись царю, а не Думе), не имел возможности синхронизировать проводимую политику и исправить «ведомственный крен». Русский вариант «конституционного самодержавия», возникший в революционный период, тем не менее просуществовал (хотя и с некоторыми исправлениями) вплоть до рокового 1917 года.

Конечно, император понимал, что манифест 17 октября есть покушение на его власть, но изменить что-либо не мог. В письме матери 19 октября он сообщал, что существовали две возможности подавления революции: назначение «энергичного военного человека» или предоставление населению гражданских прав и проведение всякого законопроекта через Думу. «Это, в сущности, и есть конституция», — резюмировал царь, замечая, что именно Витте отстаивал вторую возможность. Кроме Трепова, сожалел монарх, ему не на кого было опереться, поэтому иного исхода, кроме «как перекреститься и дать то, что все просят», у него не было. Единственным утешением для царя, как обычно, была надежда на то, «что такова воля Божья, что это тяжелое решение выведет дорогу Россию из того невыносимо хаотического

состояния, в каком она находится почти год». Управление страной оказалось дезорганизовано, а революция шла полным ходом. В таких условиях у царя не осталось никаких надежд, кроме надежды на Бога: «Я чувствую в себе Его поддержку и какую-то силу, которая меня подбадривает и не дает пасть духом! — признавался он матери. — Уверяю тебя, что мы прожили здесь года, а не дни, сколько было мучений, сомнений, борьбы!»

Царь не лукавил. Напряжение последних месяцев давало себя знать. К тому же 17 октября было очевидным поражением самодержца, новым поражением, его *личным несчастьем*. Вновь он не сумел отстоять то, что хотел, вновь ситуация вышла из-под его контроля. Но и надежды на скорое умиротворение не оправдывались. Николай II все более разочаровывался в Витте. 27 октября он писал императрице Марии Федоровне: «Странно, что такой умный человек ошибся в своих расчетах на скорое успокоение», а 10 ноября жаловался на необходимость заставлять всех (в том числе и самого премьера) действовать более решительно — ведь «никто у нас не привык брать на себя (ответственность. — С. Ф.) и все ждут приказаний, которые затем не любят исполнять»; что еще в Петергофе Витте *сам* говорил ему: «...как только манифест 17 окт[ября] будет издан, правительство не только может, но должно решительно проводить реформы и не допускать насилий и беспорядков. А вышло как будто наоборот — повсюду пошли манифестации, затем еврейские погромы и, наконец, уничтожения имений помещиков».

Успокоения, действительно, не получалось, не помогал и указ «Об облегчении участи лиц, впавших до воследования высочайшего манифеста 17 октября 1905 года в преступные деяния государственные», седьмая статья которого заменяла смертную казнь на 15-летние каторжные работы всем, подлежавшим этому наказанию за ранее совершенные преступления. Не остановил волну крестьянских выступлений и манифест 3 ноября, объявлявший, что выкупные платежи с бывших помещичьих, государственных и удельных крестьян с 1 января 1906 года уменьшаются вдвое, а год спустя — вовсе уничтожаются. Указания на то, что «насилия и преступления не улучшат, однако, положение крестьян, а Родине могут они принести много великого горя и бед»^[77], услышаны не были: 1905 год принес 3228 учтенных официальной статистикой крестьянских выступлений, охвативших половину уездов Европейской части России. Приходилось снова и снова уповать на репрессии.

Уже в декабре 1905 года были опубликованы императорские указы, призванные содействовать восстановлению общественного порядка в

стране, — временные правила о наказуемости участия в забастовках предприятий, имевших государственное значение, и в правительственных учреждениях, и правила чрезвычайной охраны на железных дорогах. Ситуация в стране обострилась до предела: 7 декабря в Москве началась всеобщая политическая забастовка, которую социал-демократы стремились перевести в вооруженное восстание. Московские беспорядки удалось прекратить только с помощью войск. «Стыдно и больно за бедную Россию переживать на глазах всего мира подобный кризис, — писал Николай II матери, — но на то, видно, воля Божья, и надо претерпеть все бедствия до конца».

Как видим, все традиционно — и надежда на Бога, и указание на Его волю. Для царя революция — результат Божьего «попущения», своего рода наказание за грехи. Спорить с таким подходом бессмысленно (как бессмысленно бороться с убеждениями), но учитывать его необходимо. В январе 1906 года ситуация изменилась: революционные вспышки в разных концах империи не слились в единое восстание, власть овладела ситуацией. После «московских событий» занял более жесткую позицию и премьер С. Ю. Витте, требовавший суровых наказаний для революционеров. Для царя это стало новым проявлением лицемерия графа, легко меняющего свои убеждения. «Благодаря этому свойству характера, почти *никто* больше ему не верит, — писал Николай II Марии Федоровне 12 января 1906 года, — он окончательно потопил самого себя в глазах всех, а — может быть, исключая заграничных жидов». Итак, судьба С. Ю. Витте была решена. Но сроки еще не вышли, и первый председатель Совета министров России продолжал исполнять свои обязанности вплоть до 22 апреля 1906 года, когда был отправлен в отставку с выражением признательности за многочисленные услуги Родине и награжден орденом Святого благоверного великого князя Александра Невского с бриллиантами.

Его сменил И. Л. Горемыкин, старый и опытный бюрократ, в конце XIX века уже занимавший пост министра внутренних дел. На следующий день — 23 апреля — были утверждены Основные государственные законы империи. Законодательная власть оказалась разделенной между императором, Государственной думой и Государственным советом (статья 7), хотя право утверждать законы безусловно оставалось за императором (статья 9). Но при этом особо оговаривалось, что верховная самодержавная власть принадлежит государю, повиноваться которому «не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает». Особа самодержца провозглашалась законом священной и неприкосновенной. Самодержцу принадлежал почин по всем предметам законодательства. Основные государственные законы

могли пересматриваться лишь по его инициативе. Распускал Думу, равно как и назначал новые выборы, также самодержец.

Двадцать четвертого апреля 1906 года Николай II утвердил Учреждение Государственного совета, который с тех пор образовывался из членов по назначению и по выборам. Первые попадали в Государственный совет по царской воле, вторые — избирались духовенством православной церкви, губернскими земскими собраниями, дворянскими обществами, Императорской академией наук, Советом торговли и мануфактур, московским отделением этого Совета, местных комитетов торговли и мануфактур, биржевых комитетов и купеческих управ. Продолжительность работы Государственного совета и сроки перерыва в течение года определялись царскими указами. По своему законодательному статусу Государственный совет и Государственная дума были равны.

Все было подготовлено, и 27 апреля 1906 года начал свою работу первый русский «парламент». В тот исторический день император принял депутатов, выступив с приветственным словом в Георгиевском тронном зале Зимнего дворца. Царю внимали не только думцы, но и члены Государственного совета и Святейшего синода, сенаторы, министры, особы Императорской фамилии, придворные. Однако Николай II обращался в первую очередь к народным избранникам. Царь надеялся увидеть с их стороны преданность и любовь, проявление чувств патриотизма и верности трону. Торжество было задумано в национальном стиле, члены Императорской фамилии вышли в тронный зал в русских нарядах, украшенных драгоценностями. Но это вызвало у депутатов, из которых не каждый мог позволить себе лишнюю пару обуви, сложные чувства. Современники вспоминали, что многие избранники не ответили поклоном на поклон Его Величества, а остальные ограничились сдержанным кивком. Находившийся в тот день в Зимнем дворце сенатор А. Ф. Кони, по его словам, осознал, что присутствовал при погребении самодержавия, увидев «у его еще отверстой могилы» трех наследников: царя, Государственный совет и Государственную думу. «Первый, — отметил А. Ф. Кони, — держал себя с большим достоинством и порадовал мое старое сердце, которое боялось увидеть русского царя объатым недостойным страхом и забывающим, что *Caesarem licet standem mon*»^[78]. Грустная констатация, ни убавить, ни прибавить. Николай II как наследник самодержавия! Большого абсурда и не выдумать. Разделял ли царь чувства Кони? Скорее всего — нет. Ведь сохранение самодержавия было его жизненным *credo*, мировоззренческой установкой. А от мировоззрения отказаться трудно.

Что же говорил собравшимся Николай II? Несколько красивых фраз о

своей пламенной вере в светлое будущее России, о желании видеть народ счастливым и передать своему сыну в наследство крепкое, благоустроенное и просвещенное государство. Царь просил Божьего благословения *на свои труды* в единении с Государственным советом и Думой. Ничего особенного, отражающего важность переживавшегося страной момента, в этих словах нельзя было найти: обычный набор официальных фраз (хотя Николай II и пожелал, чтобы день 27 апреля знаменовался «днем обновления нравственного облика Земли Русской, днем возрождения ее лучших сил»). Показательно, что, составляя речь, царь использовал обороты, предложенные его старым неофициальным советником — А. А. Клоповым. Именно Клопов предложил назвать день открытия Думы великим праздником России, началом ее обновления, именно Клопов рекомендовал говорить «просто, коротко, искренно и сильно». По его убеждению, это должно было произвести большой эффект и возратить Николаю II авторитет в глазах народа.

Но надежды не оправдались: «взрыва энтузиазма» у собравшихся депутатов слова самодержца не вызвали; привыкший к восторгам народа Николай II был потрясен и даже лишился самообладания. После приема царь удалился в покои дворца, где его и застала мать. Императрица Мария Федоровна увидела сына, сидящего в кресле, «и у его ног, на коленях, свою невестку, которая, глядя голову государя, повторяла: „я все это предвидела... предвидела... я говорила“. „По лицу моего сына, — жаловалась Мария Федоровна, — текли слезы. <...> Вдруг он сильно ударил кулаком по локотнику кресла и крикнул: я ее создал и я ее уничтожу... так будет. Верьте мне. И мой сын при этих словах перекрестился“»^[79].

Понять эмоции Николая II несложно: его представления о союзе царя и народа оказались разбиты, как и вера в то, что «простой народ», избранный в Думу, будет более монархичен, чем «интеллигенция». Неслучайно закон, по которому проводились выборы в Думу, носил крестьянский характер: Николай II был убежден в лояльности «мужика» самодержавию и в его враждебности западным конституционным идеалам. Но получившие в Первой думе большинство голосов крестьяне не оправдали царских надежд. Итог эксперименту подвел П. А. Столыпин: «Один раз в истории России был употреблен такой прием, и государственный расчет был построен на широких массах, без учета их культурности — при выборах в Первую Государственную Думу. Но карта эта, господа, была бита». Правда, для того чтобы окончательно понять, на кого и как нужно делать расчет, потребовался политический опыт.

Так благое пожелание Николая II, высказанное им 27 апреля 1906 года, оказалось невозможно реализовать: просуществовав менее двух с половиной месяцев, Первая дума была распущена, ибо, как гласил царский манифест, «выборные от населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от Нас местных властей, к указаниям Нам на несовершенство Законов Основных, изменения которых могут быть предприняты лишь Нашею Монаршею волею, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению». Думцы обвинялись и в том, что крестьяне, смущенные «такими беспорядками», не ожидая законного улучшения своего положения, во многих местностях перешли к грабежу и хищению чужого имущества. Это было откровенное признание в том, что крестьяне вовсе не так «патриархальны», как полагало правительство. Рассчитывавшая на поддержку народа группа депутатов (около двухсот человек), не желая подчиняться воле императора, 10 июля на частном совещании в Выборге составила воззвание «Народу от народных представителей». В воззвании содержался призыв не платить налоги и не давать солдат в армию. В дальнейшем подписанты были осуждены на три месяца заключения и лишены политических прав — никто из них более не мог стать депутатом.

Новые выборы, впрочем, тоже привели к тому, что в Таврический дворец пришли резко оппозиционные правительству депутаты. Выборы во Вторую думу, открывшую свои заседания 20 февраля 1907 года, проходили на основе того же избирательного закона, что и при выборах в Первую. Главой правительства в то время был П. А. Столыпин, назначенный на этот пост 8 июля 1906 года и вплоть до сентября 1911-го остававшийся премьер-министром и министром внутренних дел империи. Именно перед депутатами Второй думы 10 мая 1907 года Столыпин произнес свою знаменитую речь, в которой заявил о том, что «противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!».

Столыпин стал знаменем нового политического курса самодержавной государственности, идейным сторонником реформ, которые могли бы упрочить положение монарха. Следуя формуле: «Сначала успокоение, потом — реформы!», сменивший И. Л. Горемыкина премьер принялся жестко подавлять революцию и чуть было не оказался в числе ее жертв: 12 августа 1906 года на его даче, располагавшейся на Аптекарском острове Петербурга, прогремел взрыв, унесший жизни 25 невинных людей. В ответ

на террор П. А. Столыпин активизировал действия военно-полевых судов, приговоры которых утверждались командующими военными округами. Революционное насилие встречало сильнейший отпор. Действительно: за 1905 год, по приблизительным подсчетам, число убитых достигло 14654 человек, а раненых — 18052. В середине 1906 года 74 процента общего числа губерний и областей империи были объявлены на исключительном положении, военное положение ввели в 25 губерниях, чрезвычайную охрану — в 8, усиленную — в 34, а в городе Кронштадте — осадное положение.

Социал-демократы умело пользовались ситуацией, стремясь связать имя «кровавого» царя, его политические действия (прежде всего — манифест 17 октября) и — «новые бесчисленные убийства, организованные Треповым и его бандой. Неистовства казаков, еврейские погромы, расстреливание на улицах только что „амнистированных“ политиков, грабежи, устраиваемые черносотенцами при помощи полиции, — писал в конце октября 1905 года лидер социал-демократов (большевиков) В. И. Ленин, — все пущено в ход, чтобы подавить революционную борьбу». По мнению Ленина, царь помог революционерам, подтвердив их оценку комедии «либерального» манифеста.

Конечно, для революционеров формула «Чем хуже, тем лучше» была определяющей, но дело заключалось не только в этом. Указание на «кровавую жестокость» царя стало важным психологическим симптомом, определявшим отношение к Николаю II в оппозиционной монархической государственности среде. Символ власти (а царь, несомненно, являлся таким символом) воспринимался через призму «невероятной» жестокости верховного носителя этой власти. Победа над революцией, таким образом, должна была стать моральной реабилитацией самодержавия, олицетворенного в Николае II.

В таких условиях надежда на появление «сильной личности», безусловно преданной монархии, оказалась не напрасной. Так на русском политическом небосклоне возшла «звезда» П. А. Столыпина. Умея добиваться своих целей во что бы то ни стало, 1 июня 1907 года председатель Совета министров выступил в закрытом заседании Государственной думы, потребовав от собрания лишить неприкосновенности 55 депутатов социал-демократической фракции, обвинявшихся в военном заговоре. В основе заявления Столыпина лежала провокация, специально подготовленная охранкой через своих агентов, но цель оправдывала средства. Повод был найден, и Вторая государственная дума — разогнана. Закончился целый этап российской истории. Как пишет

в своей книге «Кризис самодержавия...» известный отечественный историк В. С. Дякин, «царя и Столыпина ничуть не смутило ни то, что были вызывающим образом нарушены основные законы, ни то, что Дума даже не успела отказать Столыпину в его требовании выдачи социал-демократов или удовлетворить его. Государственный переворот должен был совершиться независимо от решения того вопроса, который был избран в качестве предлога».

Обыкновенно дату разгона Второй думы и издание нового избирательного закона, существенно уменьшившего число выборщиков, — 3 июня 1907 года — рассматривают как важную веху в политической эволюции самодержавной власти. С этим трудно спорить. Первая революция завершилась, за «успокоением» последовали «реформы». Но могли ли реформы исправить отношение к власти и к монарху, реанимировав «исконный монархизм русского народа», вернув царю доверие мужика? Ближайшее будущее дало ответ на этот злободневный вопрос.

«Успокоение» вовсе не есть «выздоровление» подорванного революцией социального организма. Скорее всего, можно говорить о стабилизации болезни, излечить которую хирургическим способом для самодержавной государственности было невозможно. Парламентаризм в России утверждался в условиях политического стресса, порожденного неудачной войной и масштабной революцией. Образованное меньшинство, желавшее изменения принципов управления огромной империей, не могло рассчитывать на сколько-нибудь серьезную поддержку «народа» (преимущественно крестьянства), ибо сам этот народ был политически непросвещен, понимая свободу как право распоряжаться господской землей. Не было подготовлено к новой жизни и русское офицерство, в большинстве своем совершенно незнакомое с государственным правом, идеей ответственного министерства, с программами политических партий. На тех, кто интересовался подобными вопросами, смотрели косо. Генерал Н. А. Епанчин, прекрасно знавший эту среду, вынужден был констатировать: «...и в 1905 г. мы недалеко ушли от солдат 1825 г., которых уверили, что „конституция“ — супруга Цесаревича Константина Павловича. Одни считали манифест 17 октября 1905 г. актом, даровавшим России конституцию, а другие считали, что самодержавие осталось, „как

было встарь“». По его убеждению, многие не знали, что такое на самом деле самодержавие, смешивая его с деспотизмом. Даже в окружении царя, среди его семьи, царедворцев и высших сановников (разумеется, не всех) было такое же «неведение о конституции» и страх перед ней.

В подобных условиях проходила реконструкция всего здания российской монархии; трансформировалось отношение к монарху. Даже в среде тех, кто в силу своего положения должен был проявлять знаки уважения к монарху — как носителю верховной власти и помазаннику Божьему, не считали необходимым скрывать пренебрежение к Николаю II. Генерал Епанчин вспоминал, что в день рождения царя, 6 мая 1906 года, на обеде у графа А. Д. Шереметева титулованные служилые лица, придворные, лица императорской свиты демонстративно не желали поддержать тост хозяина за здоровье Николая II.

Итак, царь перестал восприниматься как священная особа не только оппозиционно настроенными «верноподданными», но и теми, кто должен был служить ему «не за страх, а за совесть». Получалось, что личность — это далеко не всегда то, что она символизирует. Символ оказывался девальвированным, если личность не соответствовала ему. Потому-то, думается, бессмысленно винить придворных, равно как игнорировать отзывы о царе консервативных защитников монархического принципа. Революция стала для них временем глубокого пессимизма, нескрываемого разочарования в самодержавии и его правительстве.

Даже такой столп монархизма, как Л. А. Тихомиров, еще накануне революции 1905 года вынужден был констатировать, что организованная Александром III монархия «распалась вдребезги и обнаружила свою полную несостоятельность». Монархия для него — это государство, спаянное волей самодержавного государя, осознающего свою власть и последовательно ее утверждающего. Таким последовательным самодержавцем был отец Николая II, но сам он вел себя иначе. За несколько дней до Кровавого воскресенья Тихомиров записал в дневнике информацию С. А. Нилуса (уже упоминавшего ранее публикатора скандальных «Протоколов сионских мудрецов») о том, что «государь молится и плачет», заметив, что хотя царя и жалко, «а Россию еще жальче». Он «не умеет сделать, что нужно, и ведет себя и весь народ в полон жидовско-русско-польско-финско-немецкой интеллигенции». При этом и консерваторы, по Тихомирову, «либо глупы, либо мошенники», не знают монархию и презирают «серьмягу» (то есть простой народ, крестьянство). «Ну а сериямга молчит и не имеет никаких способов заговорить. Гнусная организация государства погубит царя и народ».

«Серьяга», впрочем, достаточно скоро заговорила, способы нашлись, однако радости это монархисту Тихомирову не принесло — он рассчитывал на другое. Он начинает ругать страну, называть ее «погибшей», «презренной», «развратной», «идиотской», а правительство — «гнусным». Что толку? Спасения он не видит, а революцию — чувствует, понимая неизбежность многолетней резни и насилия. Все плохо, и выхода из беспросветного положения не видно — *«вот что значит абсолютистская монархия!»* — записал в дневнике Тихомиров 14 марта 1905 года. — *Каких-нибудь 10-ти лет достаточно, чтобы сокрушить себя и погубить страну»* (курсив мой. — С. Ф.). Читаешь эти признания и удивляешься: кто их автор — неужели правоверный монархист, некогда порвавший с революционными увлечениями молодости? Ведь произнесенное — приговор абсолютизму справа. По логике Л. А. Тихомирова выходит, что принцип только тогда действен, когда его носитель оказывается в силах нести бремя монархии. Но ведь существует фактор случайности: характер запрограммировать трудно. А результат один — неизбежная революция.

Придерживавшийся правых взглядов юрист Б. В. Никольский тоже патетически рассуждал о том, что «революция есть ослабление дисциплины как таковой в народах и государствах», полагая, что ослабление этой дисциплины идет только сверху. «Ослабела идея наверху — ослабела вера — ослабела власть — вспыхнул мятеж». Власть в России — это царь. Соответственно, если слабый царь, то и власть слабая. Формула проста и очевидна. Не изменилось у Б. В. Никольского представление о царе и после того, как он встретился с ним на аудиенции 2 апреля. Человек наблюдательный, Никольский подметил удивительную нервность самодержца, назвав ее *ужасной*, и 3 апреля оставил в дневнике такую запись: «Он, при всем [своём] самообладании и привычке, не делает ни одного спокойного движения, ни одного спокойного жеста. Когда его лицо не движется, то оно имеет вид насильственно, напряженно улыбающийся. Веки все время едва уловимо вздрагивают. Глаза, напротив, робкие, кроткие, добрые и жалкие. Когда говорит, то выбирает расплывчатые, неточные слова и с большим трудом, нервно запинаясь, как-то выжимая из себя слова всем корпусом, головой, плечами, руками, даже переступая. <...> Его фигура, лицо и многое в нем понятно при мысленном сопоставлении монументальной громады Александра III с зыбкою и легкою фигуркою вдовствующей императрицы. Портреты совершенно не дают о нем представления, так как, при огромном даже сходстве, портретом трудно передать нервную жизнь лица. В этом слабом, неуверенном, шатком человеке точно хрупкий организм матери едва-едва вмещает, того и гляди

— уронит или расплещет, тяжелый крупный организм отца. Точно какая-то непосильная ноша легла на хилого работника, и он неуверенно, шатко, тревожно ее несет. *Царь точно старается собраться в одно целое, точно судорожно держится, чтобы не рассыпаться на слишком для него тяжелые черты лица. В нем все время светится Александр III, но не может воплотиться. Дух, которому не хватило крови, чтобы ожить»* (курсив мой. — С. Ф.).

Характеристика, данная Б. В. Никольским последнему самодержцу, думается, одна из наиболее точных и психологически выверенных. Закомплексованность царя, которую не всегда удавалось скрыть, искала выхода в подражательстве отцу, в желании никому не показать свою слабость или, если угодно, свой страх перед собеседником, человеком, имевшим собственную позицию. Но Никольский тем и интересен, что его взгляды полностью совпадали со взглядами царя — на бюрократию как на средостение, на идею уникальности русской истории, заключающейся в единстве царя и народа, и т. п.

При совпадении взглядов Никольский не видит в Николае II достойного монарха, полагая, что его *органически* нельзя вразумить, ведь он не только бездарен, но и полное ничтожество. А если так, то его царствование не скоро искупится, в близкое будущее верить не приходится. «Одного покушения теперь мало, чтоб очистить воздух. Нужно что-нибудь сербское», — пишет Никольский, подразумевая заговор офицеров белградского гарнизона против сербского короля Александра I (Обреновича) и его жены, убитых 29 мая 1903 года. В этих словах — бессилие ненависти монархиста к монарху, губящему и себя, и своих верных слуг, и идею. Ощущение скорой гибели монархии усиливалось военными неудачами империи в войне с Японией. Рассуждения о конце самодержавной России и конце династии даже в среде правых не воспринимались уже как криминал. Никольский позволял себе рассуждать о возможности для спасения династии и отечества пожертвовать некоторыми великими князьями (Алексеем и Владимиром Александровичами), министром иностранных дел В. Н. Ламздорфом и С. Ю. Витте, столичным митрополитом Антонием (Вадковским).

Истеричные призывы не всегда свидетельствуют о неадекватности призывающего. Иногда они — наиболее яркий показатель идейного тупика, в котором оказался «истерик». Разговоры о династии как о единственно возможной в тех обстоятельствах жертве, признание безнадежности придворного переворота — все это приговор правящему монарху, в самоубийстве которого монархист видел единственный шанс для страны.

«Но где ему!» — злобно восклицал Никольский, без стеснения называя царя глупым, невежественным, жалким человеком. Конечно, военные поражения стимулировали истерию, но дело было не в них. Рушилось здание той монархии, отстаивать принципы которой идейные монархисты считали своим священным долгом. Множились слухи, истину от лжи отличить оказывалось все сложнее. В мае 1905 года, например, по столице пустили «утку», будто бы царь отрекается от престола. Говорили также иное: Николай II совершенно спокоен. Много рассуждали о созыве Земского собора. Но «правых» ничто не вдохновляло.

«Дело не в гибели флота, — писал Л. А. Тихомиров, — это само по себе пустяки, но ведь и вообще все гибнет». Жалея царя, он провидчески назвал его *искупительной жертвой за грехи поколений*. Но ведь дело было не только в царе — и в России тоже, спасти которую он был бессилен («что ни сделает, губит и ее, и его самого»). В поисках ответа на вопрос, почему все так плохо, «правые» еще накануне революционных потрясений 1905 года приходили к неутешительному выводу о том, что «царь болен, его болезнь — бессилие воли; он не может бороться, всем уступает, а в эту минуту вырывает у него уступки самый ловкий во всем мире человек — Витте»^[80]. Говоривший эти слова Б. В. Штюрмер имел репутацию политического «зубра», в его консервативных убеждениях Николай II никогда не сомневался, в годы Первой мировой войны назначил даже председателем Совета министров!

О болезни царя говорили и врачи, его лечившие. Если верить сообщению В. И. Гурко, профессор невропатологии А. И. Карпинский утверждал, что Николай II страдал негативизмом. «Болезнь эта состоит в том, что пациент проявляет в общем сильный упадок воли в отношении противодействия решениям, принимаемым другими лицами даже в делах, касающихся его самого, и проявляет крайнее упорство в смысле отрицательном, а именно отказываясь лично предпринять какие-либо действия в любом направлении. Болезнь эта сопровождается обычно развитием недоверия ко всем лицам, что-либо исполняющим для больного и с которыми он вообще вынужден иметь дело». Итак, негативизм. Но диагноз (даже если он был верен) ничего не менял по существу: лекарства от такой болезни не существовало. Для самодержавного повелителя это было фатально — получалось, что «болезнь» не давала ему возможности управлять империей. Чем дальше, тем больше... Объяснение, конечно, не оправдание, но все же будем иметь в виду диагноз профессора А. И. Карпинского, тем более что о волевых качествах Николая II писали много и резко.

К примеру, о его бесхарактерности и бездарности, о том, что «он все губит», писала А. В. Богданович, в мае 1906 года приводя ходившие по столице слухи, что Николай II и его супруга «находятся в состоянии иллюзии, грозного конца не подозревают». Понимая, что царь, созвав Думу, называя народных избранников «лучшими людьми», «в душе своей был против того, чтобы дать им возможность работать», Богданович откровенно говорила, что назначение премьером И. Л. Горемыкина «делает невозможным никакое соглашение с Думой». В политику, сочетающую репрессии и реформы, она не верила, искренности в нем (как, кстати, и в Столыпине) не замечала. История доказала, что А. В. Богданович во многом оказалась права, но сейчас хотелось бы обратить внимание на другое: рассуждая о политике, она затронула и личные качества монарха, со слов своего знакомого — прокурора Петербургского окружного суда Н. Д. Чаплина записав, что «для царя никто не человек, никого он не любит, не ценит; когда человек ему нужен, он умеет его обворожить, но по миновании надобности выбрасывается человек бессовестно. <...> И Столыпин будет вышвырнут, как и все остальные, — продолжает она, очевидно, уже от себя. — Диктатуру никогда не создадут, так как царю придется тогда отстраниться, а он вряд ли на это согласится, так как власть любит. По всему видно, что царю и его большой семье придется быть искипительными жертвами» (курсив мой. — С. Ф.).

Удивительное совпадение мыслей и даже слов: *искупительная жертва*. Именно в годы первой революции о будущем царя, об ожидающей его трагедии заговорили в кругах, которые никак нельзя назвать либеральными и уж тем более — антимонархическими! Самодержавие, как и любая идея, не может быть абстрактно понято и принято, оно всегда персонифицировано. В представлении «правых» «персона» последнего царя оказалась слабым «вместилищем» монархической государственности. Более того, с ним перестали связывать надежды на будущее. Стали распространяться нелепые слухи, что будто бы самые верные и преданные его слуги (такие, например, как генерал Трепов) готовили переворот, собираясь уничтожить всю царскую семью и посадить на трон великого князя Дмитрия Павловича (внука Александра II), а регентом сделать вдову убитого террористом Сергея Александровича — Елизавету Федоровну. Мечта монархиста Никольского, желавшего смерти Николаю II, обретала жизнь в странном мифе, «героем» которого молва сделала одного из наиболее доверенных царских сотрудников! Разговоры о свержении государя и провозглашении царем Дмитрия Павловича (с учреждением регентства Елизаветы Федоровны) имели место и в дальнейшем, —

например, на московском съезде монархистов весной 1907 года. Желание обрести более успешного самодержца психологически вполне объяснимо: в конце концов, для «идейного» монархиста важнее всего сохранить и обезопасить монархическую идею, с каждым днем революции все больше теряющую свои позиции в среде «сермяжного» народа.

Действительно, как бы ни ненавидели «правые» С. Ю. Витте, как бы ни поносили в своих дневниках и салонных беседах слабого монарха, они вынуждены были признать страшную истину, о которой говорили и их «левые» оппоненты: *«сердце народа совершенно оторвалось от царя»*. Непоправимость случившегося вселяла ужас; никакого просвета впереди видно не было. «Вот она — *Ходынка-то!* Наступает исполнение предвещания!» — отмечал Л. А. Тихомиров. «Правые» мечтали о реакции, полагая, что царь ее не хочет и не допустит, ибо без жестокостей она не может иметь успеха. Но, не допуская реакции, он открывает дорогу революции. Было от чего прийти в смятение!

Углубление революции в таких условиях могло вызвать (и вызвало) новые сетования в адрес несчастного царя. Получив известие о подписании манифеста 17 октября, Л. А. Тихомиров назвал это отказом императора от самодержавия, добавив: «Злополучный правитель: все у него идет к гибели...» А дальше — слухи. Только в отличие от А. В. Богданович Л. А. Тихомиров сообщает о провозглашении императором маленького Алексея Николаевича под регентством брата царя — великого князя Михаила. Спустя неделю он записывает рассказ о том, что Николай II, без мысли и без воли, пребывает в отчаянии. «А у Петергофа стоит на парах крейсер, на котором можно ежеминутно бежать... если только команда не из „потемкинцев“». Для Тихомирова «император — великое оружие гнева Божия для погубления России». Причитая по поводу царя, Тихомиров заявляет и о гибели русского народа, говорит о гнилости власти и государства.

Время социальных потрясений всегда чревато абберациями сознания, излишними надеждами, повышенной эмоциональностью, распространением всевозможных легенд и мифов. Эту дань истории вынуждены платить все современники «смутного времени». Так мифология входит в живую ткань реальных событий, становится их неотъемлемой частью. Истина спаивается с вымыслом, правда теряет свою остроту. Постепенно получается странный сплав, в котором жестко переплетены реальные события и предания о них, биографии исторических деятелей включают в себя сказочные мотивы; «небывшее» становится «бывшим». Биография последнего русского царя — тому поучительный пример.

Перефразируя известное выражение классика марксизма, можно сказать, что он — не только зеркало русской политической, социальной жизни конца XIX — начала XX века, но и символ погибшей в 1917 году империи. С Николаем II связано много легендарных историй, без которых, однако, невозможно писать его биографию.

Одна из историй касается православного монаха Авеля — прорицателя, предсказавшего кончину императрицы Екатерины II, время и подробности смерти ее сына Павла I, Отечественную войну 1812 года и сожжение Москвы. В 1825 году он предвидел кончину Александра I, восстание декабристов и воцарение Николая I, а также то, что он «проживет тридцать лет». С Авелем связывают и легенду о будущем династии Романовых, удивительным образом оказавшуюся востребованной именно в годы Первой российской революции.

«Напомнили мне сегодня, — записал в дневнике в феврале 1905 года публицист С. Р. Минцлов, — очень давно слышанный мною рассказ об разговоре Николая I с известным Авелем. Николай велел его позвать к себе и спросил, кто будет царствовать после его сына, Александра II.

— Александр, — ответил АVELЬ.

— Как Александр? — изумился император. — Старшего сына моего [сына] зовут Николай! (в то время последний был жив и здоров еще).

— А будет царствовать Александр, — повторил АVELЬ.

— А после него?

— После него Николай.

— А потом?

Монах молчал; царь повторил вопрос.

— Не смею сказать, государь, — ответил тот.

— Говори.

— Потом будет мужик с топором! — сказал АVELЬ. Рассказ этот я слышал еще мальчиком в царствование Александра II».

Апокрифический рассказ, безусловно, не должен рассматриваться как правда (тем более что АVELЬ скончался за двенадцать лет до рождения старшего сына будущего Александра II). Но востребованность такого рода историй показательна сама по себе. В 1905 году «мужик с топором» действительно громко заявил о своих правах на царство. О «простонародном мистике» вспомнили тогда, когда, казалось, его предсказания начинают исполняться. Впрочем, и в дальнейшем, десятилетия спустя, апокрифические рассказы, связывавшие Авеля и последнего русского самодержца, в монархической среде встречались с интересом и доверием. В этих рассказах Николай II выступает в качестве

жертвы Богу за грехи России и ее народа. Жизнь и смерть последнего царя якобы были предсказаны задолго до его рождения.

Весьма примечательны воспоминания обер-камерфрау императрицы Александры Федоровны М. Ф. Герингер о хранившемся еще со времен Павла I ларце с предсказаниями Авеля. Сын Екатерины Великой завещал вскрыть ларец через сто лет после своей смерти. 12 марта 1901 года Николай II исполнил завещание предка. После этого «государь стал поминать о 1918 годе, как о роковом годе и для него лично, и для династии». Аналогичная информация содержалась и в статье некоего А. Д. Хмелевского «Таинственное в жизни Государя Императора Николая II», в которой, правда, днем вскрытия пакета «с информацией» названо 11 марта^[81]; и в работе П. Н. Шабельского-Борка (убийцы отца писателя В. В. Набокова — Владимира Дмитриевича). Смысл подобных рассказов, достоверность которых проверить невозможно, заключается в том, чтобы доказать predeterminedность судьбы Николая II, отведя от него вину в бездействии и слабохарактерности. Получалось, что царь знал о грядущей трагедии и потому не противостоял судьбе.

Это «знание», согласно апокрифическим рассказам, было у него и после посещения Саровской пустыни в 1903 году. Тогда он познакомился с письмом святого Серафима, которое тот составил незадолго до смерти, адресовав тому царю, который приедет, как писал Саровский старец, «особо обо мне молиться». «Что было в письме, осталось тайной, — сообщает мемуарист, — только можно предполагать, что святой прозорливец ясно видел все грядущее, а потому предохранял от какой-либо ошибки, и предупреждал о грядущих грозных событиях, укрепляя в вере, что все это должно совершиться не случайно, а по предопределению Предвечного небесного Совета, дабы в трудные минуты тяжелых испытаний Государь не пал духом и донес свой тяжелый мученический крест до конца».

Разумеется, следует учитывать, что подобная литература появляется уже после того, как все произошло. Как правило, сказка рождается после смерти героя и несет в себе видоизмененные, но для некоторой части современников очевидные черты его характера. По данной причине принципиальное значение имеет сам факт восприятия Николая II как человека, изначально обреченного на страдания («искупительной жертвы», как писал Л. А. Тихомиров), нежели достоверность факта. Для одних современников важнее было вспомнить о «мужике с топором», для других — историю с ларцом. Предсказания монаха Авеля оказались востребованы лишь постольку, поскольку они отвечали настроениям

современников как «левых», так и «правых» взглядов. Николай II еще при жизни превращался в миф, после екатеринбургской трагедии появление и распространение которого сдержать было уже невозможно.

Впрочем, интереснее отметить иное: революционные события стали катализатором мифотворчества, тем более что 1905 год знаменовал появление «конституции» и кризис монархической государственности. Апокрифические истории начала XX века стали косвенным доказательством, своеобразной иллюстрацией той истины, что, «в сущности, агония самодержавия продолжалась все царствование Николая II, которое все было сплошным и непрерывным самоубийством самодержавия», — писал протоиерей Сергей Булгаков. Но самоубийство — смертный грех. Непротивление ему нельзя оправдать, равно как невозможно отделить историю царствования от жизни царствующего, с раннего детства усвоившего, что русский монарх — помазанник Божий. Выход из затруднительного положения оказывается возможным искать только в религиозной сфере, всячески подчеркивая глубокую приверженность последнего самодержца православным идеалам. Апокрифические истории, появившиеся в 1920-х годах, об этом и говорили.

Тогда и родился миф о желании Николая II в годы Первой российской революции принять монашество и даже возглавить в качестве *патриарха* православную церковь. То, что царь «высказал» свое желание именно в 1905 году, — неслучайно. Для главной конфессии империи революция стала временем, когда оживились надежды на возможность проведения давно ожидавшихся реформ, созыв Поместного собора и ослабление власти обер-прокурора Святейшего синода. В церковных кругах было известно, что царь искренне желал восстановления патриаршества, укрепления православной церкви. Не могли не знать об этом и создатели апокрифических историй. Одна из них, составленная эмигрантом Б. Потоцким («К материалам новейшей истории»), полностью приведена князем Н. Д. Жеваховым в книге воспоминаний. Другая появилась в работе С. А. Нилуса «На берегу Божьей реки. Записки православного». С некоторыми «техническими» отличиями второй рассказ приводит и князь Жевахов.

В сообщении Б. Потоцкого речь шла о якобы имевшем место посещении царской четой митрополита Антония (Вадковского) в Александро-Невской лавре зимой 1905 года. Некий неназванный «свидетель», информировавший Потоцкого, в описываемое время приводил в порядок библиотеку митрополичьего дома. Он и рассказал, что Николай II приезжал просить у столичного иерарха благословения на отречение от

престола в пользу незадолго до того родившегося цесаревича Алексея, «с тем, чтобы по отречении постричься в монахи в одном из монастырей». Митрополит не одобрил этого решения, указав царю на недопустимость строить свое личное спасение на оставлении монаршего долга. Следующая попытка, уже по сообщению Жевахова, была предпринята Николаем II вскоре после первой. Нилус, также описавший этот случай, относил его к весне 1905 года. Суть апокрифа сводилась к следующему: в период дискуссии о Церкви, когда речь зашла о необходимости возглавления ее патриархом, царь предложил православным иерархам себя в качестве возможного первосвященника. Но ответом ему стало «гробовое молчание» князей Церкви.

Характерно, что ни Н. Д. Жевахов, ни С. А. Нилус не приводят имен тех лиц, которые сообщили им эту информацию. Только по некоторым намекам, содержащимся в книге Нилуса, можно догадаться, что полученные им сведения исходили от ближайшего окружения епископа Волынского и Житомирского Антония (Храповицкого). К сожалению, проверить истинность сообщений невозможно, тем более что сам владыка ни разу не обмолвился о «желании» Николая II поменять царский венец на патриарший куколь. О встрече же царя и митрополита Антония (Вадковского) в дневнике Николая II есть только краткая запись о том, что в половине первого дня 28 декабря 1904 года владыка «славил Христа с братией Александро-Невской лавры», а затем завтракал с семьей монарха. Никакие встречи в лавре не зафиксированы. Разумеется, можно предположить, что царь мечтал принять постриг и удалиться от дел, — ведь, по словам Н. Д. Жевахова, «это был прежде всего богоискатель, человек, вручивший себя безраздельно воле Божией, глубоко верующий христианин высокого духовного настроения», но строить на этих предположениях политические заключения нельзя.

Однако один важный вывод из «апокрифов» сделать необходимо. У последнего русского самодержца не было близости с православной иерархией, которую он воспринимал по большей части как «духовных чиновников». Косвенным подтверждением этого и является, видимо, феномен сибирского странника Григория Ефимовича Распутина, разговор о котором еще впереди, В революционное лихолетье «старец» впервые и появился во дворце. «Познакомились с человеком Божиим — Григорием из Тобольской губ[ернии]», — записал самодержец в дневнике 1 ноября 1905 года. Рассуждая о роли Распутина, протоиерей Сергей Булгаков тонко заметил: «Если Распутин грех, то — всей Русской Церкви и всей России, но зато и самая мысль о святом старце, водителе монарха, могла родиться

только в России, в сердце царевом. И чем возвышеннее задание, чем пророчесственнее, тем злее пародия, карикатура, тем ужаснее падение». Отец Сергей, прошедший сложный путь от марксизма к православию, как и многие его современники, рассматривал предреволюционную историю России (в том числе и историю Церкви) через призму апокалипсических ожиданий. Революция способствовала пробуждению этих ожиданий, воскрешая старые и новые мифы.

Мифомания — старая и — увы! — неизлечимая болезнь, о которой нам придется говорить в дальнейшем, но ее «обострение» обычно происходит в кризисные периоды, когда под воздействием различных социально-экономических и морально-нравственных коллизий происходит перестройка общественного сознания. Революция 1905 года и была таким периодом в истории России, заставляя современников искать подтверждения «своей» правды в легендах. Николай II, волею истории, также становился частью этой творимой легенды, одновременно ее героем и жертвой. Миф растворялся в реальности, на человека смотрели сквозь идею, которую он олицетворял. Пожалуй, лучше всего это показали русские «богоискатели» — Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус и Д. В. Filosofov, в 1907 году опубликовавшие в Париже сборник статей под названием: «Царь и революция». Для них революция была не только (и даже не столько) социальным, сколько религиозным действием, а русское самодержавие они рассматривали как форму теократии. Нельзя сказать, чтобы это была ошибка, — ведь и Николай II осознавал собственную власть как власть, от Бога данную и, следовательно, сакральную. Неслучайно в те годы по Петербургу ходил анекдот, что царь ничего не имеет против конституции, если она не затронет самодержавие. С политической точки зрения заявленное представляется абсурдом, но с религиозной звучит вполне серьезно. Личность монарха в данном случае в расчет может не браться. Понимали это и «богоискатели».

«Как личность, — отмечал Д. В. Filosofov, — Николай II глубоко невинен; как император, он настоящее проклятие для России, особенно потому, что, будучи очень верующим, безупречным православным, он прекрасно понимает, что *всякая уступка духу времени есть измена принципам самодержавия*» (курсив мой. — С. Ф.). Личность царя для Filosofova особого интереса не представляет, его портрет Николая II для политического оппозиционера вполне корректен, дурного о монархе он не говорит. Даже наоборот: «Николай II — образцовый отец и муж. За ним не числится ни пороков, ни страстей, ни увлечений. Он живет относительно скромно. Его обращение просто и приветливо. Его улыбка обаятельна, его

добрый и искренний взгляд хорошо известен» и т. д. Правда, он подмечает симпатию, выказываемую самодержцем «к людям бесцветным, жалким, добрым малым, „полковым друзьям“», но это, скорее, констатация, чем критика — мало ли кому кто нравится! Да, как и все наивно верующие люди, царь суеверен, прислушивается к разным подозрительным личностям типа Клопова, Демчинского и Филиппа; он безволен, всегда соглашается с последним собеседником, только чтобы никому не противоречить, но что из того? Все это — непринципиально.

Но что же тогда принципиально?

Д. В. Философов дает свой ответ. Дело не в личности (по его оценке — довольно средней), дело в идее самодержавия, соединявшего в себе оба принципа — и духовный, и светский. Царь в России, полагал Философов, глава Церкви (ибо самодержавие и православие как двуликий Янус — одно не может жить без другого). И Николай II в этом совершенно не повинен, хотя его царствование — путь от плохого к худшему: «Империя была больна уже тогда, когда он ее унаследовал». Кто же тогда виноват и что делать? Философов исторически точно отвечает: самодержец может лишь остаться, ожидая крушения своего царства и своей империи, он не может дать конституции, так как это будет актом измены православию и самодержавию. Написанные после опубликования манифеста 17 октября 1905 года, слова Философова удивительно точно диагностируют социальную болезнь, переживавшуюся тогда императорской Россией: исследовать самодержавие невозможно, не разобравшись в религиозной природе власти.

«Богоискательствующий» автор, конечно, преследовал иные цели — он критиковал Церковь, пытаясь доказать, что на православии лежит ответственность «за царящий в России хаос», что оно «соблазняло свою паству идеалом ложной теократии, который на деле привел к окончательному извращению нормального развития государства и внушил реакционному самодержавию самые безумные поступки», что в исторической Церкви заключена «неполная истина». Это его убеждения, а с убеждениями спорить бессмысленно. Интереснее (и симптоматичнее) другое — Д. В. Философов, увлеченный размышлениями о религиозной революции, исполненный «праведного гнева» к самодержавию и православию, говорит роковые слова о том, что может ждать впереди русского самодержца: *«Конец царя будет, возможно, искупительной жертвой»* (курсив мой. — С. Ф.).

Пророчество? Едва ли. Скорее всего — ощущение исторически неизбежного конца русской монархической государственности. Такое же

ощущение было и у «правых» оппонентов либеральных «богоискателей», например у Б. В. Никольского и Л. А. Тихомирова. Если согласиться с тезисом, что государства могут быть неизлечимо больны (как социальные и политические организмы), то следует признать: русский монарх, олицетворявший Российскую империю, после 1905 года являлся заложником этой болезни. «Конституция» 17 октября не могла стать лекарством от нее, уничтожить «идею самодержавия», ибо в основе ее лежали религиозные принципы. Ее уничтожение, наверное, и было бы уничтожением «царизма», но, одновременно, это стало бы и уничтожением царя — как помазанника Божия. «Богоискатели» начала XX века это прекрасно понимали, демонизируя принцип и, по возможности, абстрагируясь от его носителя. «Их» Николай II — схематичен и бессодержателен, иллюстрация к теоретическим размышлениям. Вопрос о монархе для них вторичен. Царя, то есть человека, волею рождения обреченного нести на своих плечах бремя огромной власти, им не жалко.

Да, самодержавный царь может отречься от короны и остаться человеком, полагала З. Н. Гиппиус. «Но самодержавие не может от себя отступить. Оно может лишь исчезнуть вместе с тенью того, кого издавна сделало своим символом. Разве не слышали мы уже давно шепот, а теперь уже и крик: „Больше нет царя!“?». Но если самодержавие и его символ — нераздельны и могут быть уничтожены только совместно, то как же царь может отречься от короны?! Никак, окончательное отречение для него означает смерть. Следовательно, борьба с самодержавием немислима без борьбы с самодержцем. Чем не оправдание террора, требующего «искупительную жертву»? И тем не менее на вопрос об оправданности подобной жертвы З. Н. Гиппиус не могла дать ясного ответа, ибо полагала, что царизм — продукт универсальной идеи «царства Божия на земле», а «в глубине религиозности русского народа еще живет темная вера в царизм».

Как бы ни называли такую веру — «темной» или «светлой» — она оставалась фактом русской истории и не могла существовать без «земного бога». Следовательно, могущество этого «бога» в большей степени зависело не от экономики или политики, а от религиозности народа, его веры в изначальную справедливость монарха. Тем самым З. Н. Гиппиус разоблачала собственную констатацию того, что «больше царя нет». Все запутывалось, извращалось, не помогало даже утверждение о силе царизма, состоявшей в совершенстве его лжи. Ведь как бы совершенна ни была ложь, она есть отрицание правды. Получалось, что царь — символ «лжи», так как народ верит в божественность его власти на земле, *над землей*. Таким образом, не подвергалось сомнению, что пока «ложь» не будет

«разоблачена», надеяться на победу над царизмом не приходится. Революция и должна была способствовать разоблачению этой «лжи», добиваясь удовлетворения религиозных чувств народа на земле.

Цель же, как известно, оправдывает средства. А поскольку развенчать самодержавие невозможно без развенчания самодержца, то стремление оппонентов режима доказать «никчемность» и «ничтожество» носителя верховной власти нельзя признать лишенным логики. С этой мыслью организаторы издательства «Друг народа» в 1906 году опубликовали «Полное собрание речей Императора Николая II», произнесенных им за время царствования. Составленные по официальным данным «Правительственного вестника», эти речи (их было 170) должны были показать полное убожество самодержавного оратора, примитивность его мышления и банальность мыслей. Составители действительно постарались, не пропустив ничего, даже тосты, произнесенные Николаем II по разному поводу.

Какой должен был делать вывод читатель, пролистывая эту небольшую, всего в восемьдесят страниц, книжечку и знакомясь, например, с тостом, произнесенным царем при посещении кронштадтских рейдов 15 мая 1900 года: «Пью за дорогую Мне кают-компанию крейсера „Память Азова“»? Или с тостом на обеде в Зимнем дворце по случаю столетнего юбилея Пажеского корпуса: «От Имени Государынь Императриц и от Своего пью за здоровье дорогих гостей — всех бывших и нынешних пажей, прежде служивших и теперь служащих в корпусе. За ваше здоровье, господа, — ура!»?

Но дело не ограничивалось перепечаткой — речам предшествовало краткое вступление, издевательское по форме и глумливое по сути. «В настоящее время, когда народ через своих представителей призван участвовать в определении судеб страны и приходит в более непосредственное соприкосновение с Верховною Властью, особый интерес приковывает к себе все то, что обрисовывает, отражает в себе духовный облик Державного Носителя этой Власти. И в этом отношении, безусловно, на первом плане стоит живое слово, которое раздается от времени до времени по тому или иному поводу из уст Монарха и разносится по всему лицу земли Русской, в самые отдаленные ее уголки». Хорошо же было это «живое слово», если среди опубликованных материалов *сорок пять* речей императора посвящались выпивке за здоровье пажей или успехи кают-компаний! На этом и строился расчет издателей: доказать умственную ограниченность «венценосного главы русского народа», в течение двенадцати лет «благополучного царствования» дарившего подданным

перлы красноречия.

Издательство было оценено по заслугам: книжку изъяли из продажи. Издатели достигли своей цели. Миф об умственно ограниченном царе получил новое подтверждение. На самом же деле оценивать интеллектуальные способности последнего самодержца по сборнику его официальных речей было делом бессмысленным. На это обратили внимание давно — еще в 1917 году сенатор А. Ф. Кони, не считавший Николая II умным политиком, отмечал, что речи царя — не доказательство его ограниченности. «Мне не раз приходилось слышать его речи по разным случаям, — вспоминал Кони. — И я с трудом узнавал их потом в печати — до того они были обесцвечены и сокращены, пройдя сквозь своеобразную цензуру. Я помню, как по вступлении на престол он сказал приветственную речь Сенату, умную и содержательную. По просьбе министра юстиции Муравьева я передал ему ее по телефону в самых точных выражениях и на другой день совершенно не узнал ее в „Правительственном вестнике“».

Умственные способности царя безнаказанно осмеивались людьми разных политических направлений. А. В. Богданович в дневнике приводила рассказ редактора «Московских ведомостей», крайне «правого» монархиста В. А. Грингмута о карикатуре на царя, появившейся в 1906 году: Николай II сидел у стола, а царица стояла за ширмами и слушала доклады, которые делали министры ее венценосному мужу. Согласившись с каждым докладчиком, «карикатурный» царь обращался к царице со словами о том, что после всех докладов ничего не понимает, отупел совсем. «На это царица отвечает: „С этим я согласна“». Никакого осуждения подобных картинок со стороны А. В. Богданович, судя по ее дневнику, не последовало. Царя не уважали.

1905 год принес в дом Романовых очередные неурядицы. Без разрешения Николая II женился великий князь Кирилл Владимирович, внук императора Александра II. Избранницей Кирилла стала бывшая супруга великого герцога Гессен-Дармштадтского (родного брата Александры Федоровны) Мелитта. Но дело было не только в этом: великий князь и великая герцогиня состояли друг с другом в близком родстве — являлись двоюродными братом и сестрой. Такой брак противоречил церковным правилам и не допускался законом об Императорской фамилии. Еще в начале 1903 года, когда Кирилл Владимирович впервые заговорил с царем о

своем желании взять в жены Викторию-Мелитту, последний напомнил ему о действовавших в России установлениях, подчеркнув: «Ни в каком случае и ни для кого я не сделаю исключения из существующих правил, до членов Императорской фамилии касающихся. <...> Если же, тем не менее, — продолжал далее Николай II, — ты настоял бы на своем и вступил бы в незаконный брак, то предупреждаю, что я лишу тебя всего — даже великокняжеского звания».

Очевидно, тогда предупреждение подействовало, и в марте 1903 года Кирилл Владимирович написал монарху, что против его желания не пойдет. Но слова своего он не сдержал и 25 сентября 1905 года женился. Глубоко возмущенный случившимся, царь хотел исключить великого князя со службы, запретить проезд в Россию, лишить всех удельных денег и, наконец, отнять титул. Николай II не мог простить «нахальства» кузена, приехавшего в Россию после свадьбы. 2 октября у царя состоялся тяжелый разговор с отцом молодожена — великим князем Владимиром Александровичем. Днем ранее, желая предупредить появление Кирилла Владимировича во дворце, Николай II поручил министру Императорского двора В. Б. Фредериксу сообщить великому князю о своем решении. Нарушитель семейной дисциплины и церковных правил лишился звания флигель-адъютанта, морского чина и должен был покинуть Россию в течение 24 часов. Объявлялось и о лишении его великокняжеского достоинства.

Владимир Александрович вынужден был заявить государю, что, как отец опозоренного сына, не считает возможным служить и просит отставки. Спустя три недели он получил высочайшую записку о согласии на отставку и уведомление о назначении на его место (главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа) великого князя Николая Николаевича.

Беседовавший с Владимиром Александровичем вскоре после его отставки генерал Н. А. Епанчин вспоминал, как великий князь сознавался в собственной несдержанности: «Меня не уволили, меня выгнали, мне дали поджопника». Эти слова произвели на Н. А. Епанчина тяжелое впечатление: «Ведь если так поступили со старым заслуженным великим князем, дядей государя, то чего же было ждать нам, грешным. Во всяком случае, совсем не следовало в такое время ссориться членам Царского Дома между собой, так как это только увеличивало тот хаос, который тогда господствовал в России».

Для Владимира Александровича желание царя лишить его сына великокняжеского достоинства оказалось сильным потрясением (тем более

что это был первый случай в истории дома Романовых). Но и сам Николай II не хотел допускать прецедента, особенно в то время, «когда вообще к семейству относятся недоброжелательно». И воспользовавшись именинами цесаревича Алексея, царь телеграфировал «дяде Владимиру» о возвращении его сыну великокняжеского звания. «Само собою разумеется, — писал Николай II матери, — что остальные виды наказаний остаются в силе. По мнению тех, которых я спрашивал, эти три взыскания достаточны, *лишь бы они продолжались долгое время!*» (курсив мой. — С. Ф.).

Мария Федоровна в деле Кирилла Владимировича была на стороне сына, при этом, правда, пыталась понять мотивы предпринятого великим князем решения. Императрица была убеждена, что в сложившейся ситуации Кириллу Владимировичу «ничего больше не оставалось, как жениться», ибо свою избранницу он скомпрометировал «в глазах всего света». О необходимости наказания, по ее мнению, спорить не приходилось — самовольно женившиеся и тем самым нарушившие волю монарха великие князья Павел Александрович и Михаил Михайлович ранее лишались мундира. Понимала это и мать герцогини Гессен-Дармштадтской — великая княгиня Мария Александровна (дочь Александра II), — опасавшаяся только лишения Кирилла Владимировича великокняжеского достоинства. «Пусть он потеряет чин, свою службу, пусть он должен будет покинуть Россию, — заявляла она, — ко всему этому мы готовы, но если его лишат звания великого князя, это будет величайший скандал, и Ники не имеет права сделать этого, по крайней мере, без семейного совета».

В итоге Николай II ограничился обычными мерами — высылкой провинившегося за пределы России и лишением мундира. Однако это не разрешало другого важного вопроса — о праве Кирилла Владимировича на престолонаследие (тем более что великий князь среди других членов династии занимал четвертое место — после цесаревича Алексея и великих князей Михаила Александровича и Владимира Александровича). Спустя немногим более года, в декабре 1906-го, Николай II в своей резолюции на журнале совещания по вопросу о возможности признания брака Кирилла Владимировича отметил, что не может его признать. «Великий князь и могущее произойти от него потомство лишаются прав на престолонаследие, — говорилось в резолюции. — В заботливости своей об участии потомства Великого князя Кирилла Владимировича, в случае рождения от него детей, дарую сим последним фамилию князей Кирилловских, с титулом светлости, и с отпуском на каждого из них из Уделов на их воспитание и содержание по 12500 руб. в год до достижения гражданского совершеннолетия».

Казалось бы, самодержавное слово сказано и сложный династический вопрос решен. Но жизнь внесла коррективы. Давление родственников, и прежде всего отца нарушителя династической и церковной дисциплины — великого князя Владимира Александровича — привело к тому, что уже в июле 1907 года царь отправил в Правительствующий сенат именной высочайший указ об именовании супруги Кирилла Владимировича великой княгиней Викторией Федоровной с титулом Императорского Высочества. Родившаяся от их брака дочь признавалась княжною императорской крови с титулом Высочества, как и полагалось правнукам императора. Так закончилась эта история: «взыскания», наложенные на Кирилла Владимировича, были отменены менее чем через два года. Право вернуться в Россию, на похороны дяди — генерал-адмирала Алексея Александровича, он получил в начале ноября 1908 года. В том же месяце приказом по Морскому ведомству великий князь был восстановлен на службе капитаном 2-го ранга с прежним званием флигель-адъютанта, а в апреле 1910 года произведен в капитаны 1-го ранга. В начале мая в Россию приехала его жена Виктория Федоровна с детьми. В Царском Селе им предоставили Кавалерский дом. Брак признали, а отношения с монархом и его супругой восстановили.

Не восстановилась только семейная дисциплина — в отличие от отца, Николай II не умел добиваться безусловного выполнения всеми Романовыми положений «Учреждения об Императорской фамилии»; наказывая провинившихся родственников, он вскоре их прощал. Никакой системы в действиях самодержца не было — он поступал так, как в данную минуту считал необходимым, не всегда сопрягая свое желание с действовавшим в России законом. Ведь император выше закона — он сам закон. Те, кто разделял это убеждение, могли рассчитывать на царское благоволение и поддержку. Впрочем, приобрести эту поддержку было так же легко, как и потерять.

...Однажды великий князь Николай Николаевич задал С. Ю. Витте вопрос, считает ли он государя человеком. Витте ответил, что «государь есть мой государь и я его верный на всю жизнь слуга, но хотя он самодержавный государь, Богом или природою нам данный, но все-таки человек со всеми людям свойственными особенностями». Великий князь, наоборот, не считал государя человеком, как не считал и Богом, находя в нем «нечто среднее». Почитая самодержца как «полубога», Николай Николаевич («Николаша», как звали его в царской семье) долгое время пользовался безусловным расположением царя даже в делах матримониальных. Пытавшийся играть роль «строгостого блюстителя»

семейных устоев дома Романовых, Николай II принял активное участие в сложном вопросе заключения супружеского союза своего дяди и «черногорской княжны» Анастасии Николаевны, с 1889 года состоявшей в браке с герцогом Георгием Максимилиановичем Лейхтенбергским. С начала XX века она (как и ее старшая сестра — Милица Николаевна) была близкой подругой Александры Федоровны. Царская чета часто встречалась с «черногорками», посещая их дома. Близкие к придворным кругам современники рассказывали, что «у Станы» они занимались спиритизмом, а у Милицы встречались с самыми «разношерстными» людьми. Ничего удивительного в этом конечно же не было: «черногорки» увлекались мистикой, глубоко почитая первого царского «друга» Филиппа. В 1906 году в аристократических салонах Петербурга ходили слухи о том, что Анастасия Николаевна играла у царя и царицы «первую роль», что она «воплотила в себе медиума Филиппа, что он в нее вселился, и она теперь предсказывает, что теперь все будет спокойно». Ради этого предсказания, писала А. В. Богданович, царь и царица верили «черногорке», потому якобы были веселы и спокойны. Доверять слухам, разумеется, невозможно — на то они и слухи, но в одном сообщавшие их современники не ошибались: императорская чета в то время действительно дружила с дочерьми черногорского князя и великими князьями Николаевичами — Николаем и Петром. Желание первого жениться на Анастасии для информированных современников секретом не было. Еще до ее официального развода (последовавшего 10 ноября 1906 года) много говорили о ее грядущем замужестве. Благоволил ему и Николай II. В марте 1907-го, принимая столичного митрополита «по некоторым делам», самодержец спросил его, «что он думает во вопросу возможности Николаше жениться на Стане?». Владыка обещал переговорить с остальными членами Святейшего синода и сообщить их общее мнение. Неделью спустя он приехал к Николаю II с ответом, что поскольку такие браки постоянно разрешаются епископами в различных епархиях России, то синодалы «ничего не имеют против этой свадьбы, лишь бы она состоялась в скромной обстановке и вдали от Петербурга». «Признаюсь, — писал царь матери, — такой ответ меня очень обрадовал, и я сообщил Николаше вместе с моим согласием. Этим разрешается трудное и неопределенное положение Николаши и в особенности Станы. Он стал неузнаваем с тех пор, и служба его сделалась для него легкой. А он мне так нужен!»

А вскоре, 10 апреля 1907 года, царь посетил месячный обед Гусарского полка, который был также и «мальчишником» для Николая Николаевича —

29 апреля в Крыму он официально обвенчался с Анастасией Николаевной. Никаких сомнений в том, что дядя поступил правильно, у Николая II не было. Подобное в царской семье случилось впервые: до того ни один из членов дома Романовых не женился на женщине, ранее состоявшей в браке с его родственником (герцог Георгий Лейхтенбергский, как и великий князь Николай Николаевич, приходился внуком императору Николаю I). Однако подобные «тонкости» для последнего самодержца никакого значения не имели: ведь великий князь был «так нужен».

Ситуация повторилась через несколько лет, когда «нужный» Николаю II генерал В. А. Сухомлинов, так же как и Николай Николаевич, решал свои матримониальные дела. Только самодержавная поддержка обеспечила генералу возможность счастливо заключить брак. История этого брака такова. В. А. Сухомлинов, с 1908 года занимавший пост начальника Генерального штаба, а в 1909 году назначенный военным министром, был страстно влюблен в некую Екатерину Викторовну Бутович (урожденную Гошкевич), с которой желал обвенчаться. Но для этого необходимо было получить развод, доказав, что виновник его — муж Екатерины Викторовны. Однако муж вел безупречный образ жизни и обвинить его в супружеской неверности оказывалось проблематично. Святейший синод вынужден был отклонить предъявленные ему материалы, 27 августа 1909 года во всеподданнейшем докладе на имя царя заявив о необходимости проведения дополнительной проверки. Надуманность обвинения мужа истицы оказалась столь очевидна, что члены Святейшего синода решились доложить царю о невозможности исполнить его волю и окончить дело к 1 сентября!

Недовольный подобным ходом дела, царь решил содействовать решению вопроса о разводе на основании «верховных своих прав». Он повелел Святейшему синоду предоставить новый доклад, «дающий возможность решить это дело в смысле развода супругов Бутович», ожидая «такой постановки этого вопроса, которая, ничем не задевая достоинства членов Синода, содержала бы такие нравственные мотивы, которые дали бы основание вмешательства верховной власти». Положение, в которое попали иерархи православной церкви, оказалось исключительно щекотливым: беспрекословно исполняя самодержавную волю, они обрекались на нарушение церковных правил.

В конце концов, игнорируя поступавшие в высшую церковную инстанцию прошения мужа Екатерины Викторовны — В. Н. Бутовича, в ноябре 1909 года иерархи исполнили высочайшую волю (хотя один из них — епископ Рязанский Никодим (Боков) представил собственное мнение, не

подписав документ, утверждавший расторжение брака Бутовичей). Воля царя со скандалом, но была исполнена, а нужный человек — соответствующим образом «вознагражден». Верховный Ктитор Церкви получил желаемое, даже не подумав о том, насколько его вмешательство оскорбляло достоинство православных архипастырей, неоднократно писавших ему о трудностях согласования «самодержавной воли» и церковного законодательства. Считая себя полновластным монархом, Николай II обыкновенно в частных делах и проявлял свое «самодержавие».

При этом особой любви к тому или иному чиновнику он не испытывал. По замечанию генерала А. А. Мосолова, царь относился к министру как ко всякому другому чиновнику, и «любил их, поскольку они были ему нужны». Нужда проходила — царь со спокойной совестью расставался с сановником, с необычайной легкостью увольняя даже тех, кто служил ему в течение многих лет. Будучи от природы застенчивым человеком, Николай II не любил спорить, доказывая правоту собственных взглядов. Ему было проще «обойти» сложный вопрос, а затем заставить сделать все по-своему. «Нужные» люди, как правило, оставались на своем посту до тех пор, пока не противоречили царю. В ином случае сановник был обречен рано или поздно впасть в немилость.

Яркое доказательство сказанному — история падения С. Ю. Витте. Выдающийся государственный деятель, тонкий политик и блестящий экономист, Витте после 17 октября 1905 года стремительно терял царское доверие. Николай II не мог простить графу того, что под его давлением, надеясь на скорое успокоение страны, подписал «конституцию», а никакого успокоения не получилось. Революция продолжала развиваться; по мере ее углубления менялось и настроение Витте: после Декабрьского вооруженного восстания в Москве председатель Совета министров стал активным поборником репрессий по отношению к революционерам. Не уважая людей, предающих (или меняющих) свои принципы, царь уже в январе 1906 года окончательно решил вопрос об отставке графа. Оставалось только найти замену и правильно выбрать время. В том же году, как уже говорилось, на политическом небосклоне императорской России возшла звезда П. А. Столыпина. «Я тебе не могу сказать, как я его полюбил и уважаю, — писал в октябре 1906-го Николай II матери. — Старый Горемыкин дал мне добрый совет, указавши *только* на него! И за то спасибо ему».

О С. Ю. Витте царь пишет уничижительно, припоминая кошмарность «прошлогоднего опыта» (то есть подписание «конституционного» манифеста 17 октября) и уверенно заявляя о том, что *ему*, царю, *вместе со*

Столыпиным удалось ослабить «смуту». «Нет, никогда, пока я жив, — восклицает Николай II, — не поручу я этому человеку самого маленького дела!» Пожалуй, это одно из немногих заявлений последнего самодержца, которое никогда им не было нарушено. С. Ю. Витте навсегда перешел в категорию «ненужных», ибо ему не доверяли и его презирали. Обыкновенно сдержанный и деликатный, царь даже известие о смерти графа, последовавшей 28 февраля 1915 года, встретит с нескрываемой радостью. «От того ли это происходит, — делился Николай II своими чувствами с супругой, — что я беседовал с нашим Другом (Распутиным. — С. Ф.) вчера вечером, или же от газеты, которую Бьюкенен (посол Великобритании в России. — С. Ф.) дал мне, от смерти Витте, а может быть, от чувства, что на войне случится что-то хорошее — я не могу сказать, но в сердце моем царит истинно пасхальный мир».

Радость от известия о смерти — чувство не христианское, но что же делать! Николай II ненавидел Витте вовсе не потому, что завидовал его выдающимся государственным способностям. Он не мог простить ему акта 17 октября 1905 года, ибо в его глазах это была измена самому себе, своему долгу, заключавшемуся в том, чтобы править самодержавно. В конце концов ненависть к Витте дошла до того, что царь отказал своему бывшему премьеру в его «посмертной» просьбе — передать графский титул внуку — Льву Кирилловичу Нарышкину. И неудивительно: обращаясь к Николаю II, Витте имел бестактность напомнить ему, что русский народ никогда не забудет царского призыва «к совместным законодательным трудам», назвав это бессмертной заслугой. Подобное напоминание было для царя тем больнее, что манифест 17 октября воспринимался им как нарушение коронационной клятвы. К тому же «конституционные итоги» революции современники связывали вовсе не с волей Николая II, а с действиями Витте, тем самым в глазах монарха ставшего невольным разрушителем самодержавного принципа. Такое невозможно было забыть и простить.

После революционных потрясений 1905–1906 годов, пережив вынужденное «заточение» в Петергофе и отказ от привычного уклада жизни, царь снова вернулся к мысли о необходимости преодоления «средостения», пытаясь найти выход в особых, специфически русских ценностях. Миф о «народном царе», знающем нужды своих подданных и желающем облегчить их жизнь, в эпоху Николая II становится доминирующим национальным мифом. Как писал американский исследователь Р. Уортман, этот национальный миф исключал всех, кто противостоял власти монарха, из числа истинно русских и определял их как врагов государства. Противостоять — значило противоречить

суждениям монарха, расширительно понимая, что значит «верная служба». Любой подданный — прежде всего слуга, ни его возраст, должность или особое положение роли не играют. Поэтому-то «как для министра, так и для последнего камердинера у царя было всегда ровное и вежливое отношение», проще говоря — отношение господина к слуге. Самостоятельность слуги допустима лишь в тех рамках, которые допускает для него господин. Иначе — немилость и отставка, тем более что господин воспринимает себя в качестве благодетеля для всех, а не для какого-либо слоя.

Исходя из сказанного, становится понятна логика тех, кто указывал на то, что русский самодержец — это не только внешний носитель государственной власти, но и символ особого национального понимания жизни, мировоззрения, близкого и простолюдину, и образованному человеку. Идея царя, полагал монархист В. И. Назанский, «не умрет до тех пор, пока в русских сердцах жива будет православная вера, вся полнота которой находит свое выражение в Русском царстве». Эта мистическая идея, имеющая религиозное основание, для русского самодержца была жизненно необходима, она укрепляла его веру в благодетельность патриархального союза царя и народа. Однако реальная жизнь самым радикальным образом деформировала возвышенную идею. Столыпинская концепция государственного национализма основывалась на собственническом чувстве. Поддержав программу реформ своего премьера, Николай II, по существу, согласился на разрушение патриархального аграрного строя. Царь вел страну в противоположную допетровской Руси сторону, не просто разрушая устои общинной крестьянской жизни, но и поддерживая открыто провозглашенную П. А. Столыпиным «ставку на сильных», опору на дееспособную (в экономическом отношении) часть крестьянства, расслоение деревни. Таким образом, идея «царя-батюшки» — защитника слабых — уничтожалась, а Николай II превращался в «царя кулаков».

«Парадоксально, — пишет современный петербургский исследователь С. П. Подболотов, — но обстоятельства времени, в которое правил Николай II, привели к тому, что царь — убежденнейший консерватор, с ностальгическими симпатиями к патриархальной Руси, оказался в роли скорее радикального модернизатора, а не „народного монарха“ — популиста». Впрочем, объективный факт и его восприятие далеко не всегда одно и то же. Стремление царя стать выше всех и всяких сословий и групп, играть роль объединителя нации вполне объяснимо. Другое дело — насколько эти благие пожелания оказывались осуществимы. В любом

случае, невозможно не согласиться с тем, что для русского царя «благо России было абсолютно значимым и не имело никакой политической окраски», ведь Николай II воспринимал себя как «народного царя».

Давно подмечено, что связь последнего самодержца с народом имела личный характер, проявляясь в пылких выражениях духовного сродства и взаимной привязанности. Царское Село, где зимой жила его семья, стало главным местом его единения с народом. В Царском был построен Федоровский городок, где квартировали Собственный Его Императорского Величества Сводный пехотный полк и Конвой. Там же возвели Федоровский собор. «Город был призван представлять духовный образец возродившейся нации, заимствованный из далекого прошлого России», — пишет Р. С. Уортмен. Построенный накануне 300-летнего юбилея дома Романовых, домовый храм императора наделялся общегосударственным смыслом. В архитектуре и убранстве Федоровского собора, посвященного фамильной иконе царской семьи, соединились черты главных соборов Московского Кремля (Благовещенского, Успенского и Архангельского), а значит — и всей России. Вторым важным способом выражения идеи царствования Николая II было посвящение престолов. Престолы верхнего храма Федоровского собора освятили в честь Федоровской иконы Божией Матери и в честь святого митрополита Московского Алексея — небесного покровителя наследника, нижний (пещерный) храм — в честь святого Серафима Саровского. Освященный 20 августа 1912 года, храм стал главным династическим собором Романовых, а сама царскосельская резиденция формировалась как уникальный архитектурный ансамбль, пронизанный идеалами народной монархии.

Показательно, что в годы Первой мировой войны родился абсурдный миф о том, что царский «друг» — Григорий Распутин — получил официальное назначение именно в Федоровский собор — «лампадником», позволявшее ему «зажигать все лампы во всех комнатах дворца»^[82]. «Связь» Распутина с Федоровским собором, рожденная в чьем-то воспаленном сознании, представляет безусловный психологический интерес — приближенный к трону представитель народа делается «лампадником» в храме, посвященном святыне русских государей — Федоровский иконе Божией Матери! Однако под каким углом зрения ни смотреть на стремление последнего царя воплотить идею народной монархии, необходимо признать: желание преодолеть «средостение» выражалось преимущественно в том, что царь больше всего любил простой народ, который, по его убеждению, верил ему постольку, поскольку видел в нем помазанника Божьего. По словам В. И. Назанского, все близко знавшие

Николая II люди свидетельствовали, «что особенное расположение он всегда чувствовал к людям сравнительно плохо одетым, с неважными манерами; его влекло к ним». Кто знает, может быть, это обстоятельство и заставило царя обратить внимание на сибирского странника Григория Ефимовича Распутина, рокового человека его царствования, само имя которого стало нарицательным.

О Григории Ефимовиче Распутине опубликовано множество работ совершенно разной направленности. В одних он восхваляется как праведник у престола, настоящий святой земли Русской, в других называется «проходимцем» и «хлыстом». В нашу задачу не входит подробный анализ его жизни, равно как и разбор всевозможных характеристик сибирского странника. Во-первых, цель настоящей работы иная — представить биографию Николая II, а во-вторых, в последнее время появились серьезные книги, позволяющие заинтересованному и не ангажированному идеологически читателю самостоятельно разобраться в истории жизни этого человека. Среди новых исследований необходимо назвать книги А. Н. Варламова и А. В. Терещука. Заранее не предвосхищая выводы, которые читатель должен сделать самостоятельно, А. В. Терещук специально подчеркнул, что не хотел бы навязывать «вынесенный категорический вердикт и квалифицировать Григория Ефимовича либо как „государева богомольца“, либо как „богомерзкого Гришку“, или „удобную педаль немецкого шпионажа“ (как выразился Александр Блок)».

Подобный подход позволил ученому избежать крайностей в оценке последнего «старца» империи, в том числе и при описании его отношений с царской семьей. В своем изложении я постараюсь следовать этому примеру, не забывая, что Распутин еще при жизни стал превращаться в мифическую фигуру, в некий символ. Символ же не всегда сохраняет подлинные черты того, кого символизирует. «Распутинщина» — это диагноз политической болезни, переживавшейся страной в последние годы монархии, а Распутин — ее олицетворение. По словам барона Н. Е. Врангеля, «плодимаемая Распутиным грязь рикошетом обрызгала царя. Последние остатки его авторитета исчезли. В обществе и даже близких ко двору кругах повторялись слова: „так дальше продолжаться не может“. Шепотом говорили о необходимости дворцового переворота» (курсив мой. — С. Ф.). Таким образом, в Распутине видели разрушителя монархии,

влиятельную и страшную фигуру, человека, имевшего возможность влиять на русского царя и его супругу. Можно ли считать это показателем того, насколько сильно прогрессировала, по словам А. Н. Боханова, «эрозия политических и религиозных чувств, пристрастий, стремлений» подданных последнего самодержца? Однозначный ответ дать вряд ли получится, как не получится оценить значение личности Распутина, хотя бы кратко не рассмотрев вопрос о морально-нравственном и религиозном состоянии русского общества.

...В 1932 году издательство «Academia» опубликовало сборник русских народных сказок под названием — «Барин и мужик». То, что сказки, относящиеся преимущественно к XIX веку, имели явную социально-сатирическую направленность, подчеркивалось в предисловии, написанном профессором Ю. М. Соколовым. А цель сборника, по словам ученого, состояла в стремлении показать, что «сказочное творчество никогда не оставалось аполитичным», «ярко выражало чаяния и стремления народных (главным образом, крестьянских) масс, было одним из орудий ожесточенной классовой борьбы, что оно в известной мере организовывало общественное мнение трудовой, преимущественно крестьянской, среды». Классовая риторика — дань эпохе строительства нового мира — нас не должна смущать; не в этом дело.

Хочется отметить иное: сказки, в которых резко высмеивались барская жестокость, жадность, спесь, безделье и глупость (материал и располагался в соответствующей последовательности), никак не высмеивали «главного барина» — царя. Разумеется, это не было упущением составителей: были бы антицаристские сказки, их опубликовали бы в обязательном порядке. В народной мифологии царь не рассматривался как «барин», он — благодетель и отец своего народа. Эта мифология дожила до XX века, полностью не смогла ее уничтожить и революция 1905 года. Десакрализация — сложный процесс, светлый образ царя в одночасье не мог потускнеть и после 9 января. Далеко не все «простолюдины» с тех пор Зимний дворец стали воспринимать как символ деспотизма, а царя — как палача своего народа. Точно так же и «царское отношение» к народу не могло быть рациональным, особенно для мистически настроенного Николая II.

Сын своего времени, он остро переживал те же страхи и надежды, что и многие «богоискательствующие» его современники. «Противоречие ведет вперед», — говорил Г. Гегель. Потому, вероятно, не стоит однозначно оценивать времена кардинальных ломок, когда опасения неизвестности и отсутствие видимой позитивной (с точки зрения «добротного старого

времени») перспективы ломали судьбы многих людей и целых поколений, заставляли верить в ложные ценности и всякого рода «пророков». Вера далеко не всегда основывается на страхе, но страх обязательно ищет выхода в вере. Одиночество, как правило, сопровождает такого рода страх.

В своей тюрьме, в себе самом,
Ты, бедный человек,
В любви, и в дружбе, и во всем
Один, один навек, —

писал Д. Мережковский.

Стремление уйти от реальности, которое мы видим в последние годы императорского режима в России, прежде всего было стремлением уйти от самого себя, спрятаться от действительности, найти «точку опоры». Путь к вере был тогда для многих правдоискателей единственной возможностью вырваться из тенет страха. Но этот путь далеко не всегда связывался с официальной церковностью. Д. С. Мережковский и его единомышленники, например, вообще предрекали близкий конец христианства — «потому что оно „исполнилось“, подобно тому, как „закон и пророки“ окончились с пришествием Христа». Подобные заключения однозначно свидетельствовали о кризисе религиозного сознания, о том, что не всякое «богоискательство» ведет к «Храму». И дело было вовсе не в том, насколько прав или, наоборот, ошибался писатель, — подобные высказывания вернее всего рассматривать как тревожный симптом нравственно-психологического характера, когда «ищущий» не только не может обрести желаемое, но и не в состоянии определить, что же он хочет. Это обстоятельство заставляет человека, озабоченного обретением «истины в себе», искать какие-либо иные формы организации религиозной жизни.

Авторитет и влияние Церкви все более слабели и в так называемой «народной массе». Современник тех событий, будущий митрополит Вениамин (Федченков) по этому поводу писал: «Мы [пастыри] перестали быть „соленую солью“ и поэтому не могли осолить и других». А старший современник владыки, епископ Благовещенский Иннокентий (Солодчин) еще более откровенно выражал эту мысль: «Вот жалуется, что народ не слушает наших проповедей и уходит из храма, не дожидаясь конца службы. Да ведь чего слушать-то? Мы питаем его манной кашей, а люди хотят уже взрослой твердой пищи». И в среде русского образованного общества, и в народной среде процессы в своей основе протекали похожие. Ощущение

чего-то «финального» (или даже фатального) было общим. «Ах, как трудно, как трудно жить! Так трудно, что и умереть хочется!» — заявила императрица Александра Федоровна, впервые принимая отца Вениамина (Федченкова), ей совершенно до того неизвестного. Апокалипсические переживания, ожидания, неудовлетворенность, религиозные движения, поиск «праведников» свидетельствуют о том, что в обществе происходят серьезные, глубинные изменения, изменяется как сама жизнь, так и ее оценка со стороны современников. Пророчества о близившемся конце мира, появлявшиеся довольно часто в последние годы существования самодержавия, по мнению Н. А. Бердяева, «может быть, реально означали не приближение конца мира, а приближение конца старой императорской России».

Трудно точно обозначить время перехода человека от детства к взрослому состоянию, а от взрослого — к старости. Процесс этот, незаметный на первый взгляд, тем не менее осознается всеми. В истории каждого народа также есть определенное время, когда он вступает в «иной возраст», когда народ как бы становится «другим». Революционные катаклизмы являются лишь последней точкой, которая фиксирует конец давно шедших процессов. В России «фиксация» пришлось на 1905–1907 годы, вызвав к жизни не только бурный социальный протест, но и стимулировав развитие негативных, хулиганских в своей основе, асоциальных явлений, прежде всего — хулиганства, названного современниками полным отрицанием общественно-государственного порядка. Конечно, считать революцию главной причиной усиления хулиганских проявлений нельзя. Скорее, события 1905–1907 годов были своего рода импульсом для тех процессов, которые происходили и ранее, но «на глубине».

Старый мир с его традициями уходил в небытие, а на его место приходила неизвестность. Необразованный человек, вышедший за пределы своего «мира» и столкнувшийся с непонятной ему жизнью, с неясными для него ценностями и стереотипами, совершенно естественно воспринимал только то, что мог воспринять. Некритическое усвоение новых знаний, стремление быть похожим на тех, с кем его столкнула жизнь в городе, характеризовало поведение молодого человека, вышедшего в буквальном смысле «из другого мира». Столкновение с новым часто заканчивалось выступлением против старого. Выражением этого протеста, неосознанного, дикого, и стало явление хулиганства, ведь «сила весенних вод, — как образно выразился Е. Н. Трубецкой, — прямо пропорциональна количеству накопившегося за зиму снега». Незрелость личности, или, используя

слова С. Ю. Витте — «запоздание в развитии принципа индивидуальности, а следовательно, и сознания собственности и потребности гражданственности, а в том числе и гражданской свободы», — стала одной из главных причин первой революции, доказавшей, какая опасность заключается в «предоставленном самому себе» народе.

До поры русское образованное общество могло лишь наблюдать происходившие в стране события, не имея возможности деятельно влиять на ход социальных процессов. Но наиболее дальновидные из них уже тогда разглядели основную опасность, грозившую российской государственности. Речь идет о понятой авторами знаменитого сборника о русской интеллигенции «Вехи» трагедии отчуждения культурных слоев общества от народа. М. О. Гершензон писал: на Западе «нет той метафизической розни, как у нас, или, по крайней мере, ее нет в такой степени, потому что нет глубокого качественного различия между строем простолюдина и барина. <...> Между нами и нашим народом — иная рознь. Мы для него — не грабители, как свой брат, деревенский кулак; мы для него даже не просто чужие, как турок или француз: он видит наше человеческое и именно русское обличье, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, вероятно, с бессознательным мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои».

Русские народные сказки о барине и мужике могут служить доказательством заявленной М. О. Гершензоном сентенции (тем более что интеллигента в народной среде традиционно воспринимали как барина). Ранние прозрения — привилегия избранных. Большинство русских интеллигентов, как «богоискателей», так и всех остальных (от агностиков до воинствующих безбожников), встретили «Вехи» в штыки, проверив верность прозвучавшего пророчества через несколько лет, уже после падения царской власти. М. О. Гершензон, говоря о непроходимой метафизической пропасти, разделявшей русский народ на две несоединимые части, не ошибся. Православная церковь — единственная реальная надклассовая сила — тоже не могла быть мостом над пропастью, опираясь «не на самое себя, не на свою паству, а на городского!».

То, что Церковь в то время пользовалась государственной поддержкой, являясь «первенствующей и господствующей» в империи, не облегчало, а, наоборот, затрудняло ее существование. Чем она могла ответить на насущные требования жизни, особенно после того, как 17 апреля 1905 года Николай II подписал указ «Об укреплении начал веротерпимости»? Ничем. Церковь, которая по большому счету и воспитывала народ, все больше не

соответствовала тем задачам, которые ставила перед ней стремительно менявшаяся российская действительность. «Мы становились „требоисполнителями“, — писал о тех годах митрополит Вениамин (Федченков), — а не горящими светильниками. Не помню, чтобы от нас загорелись души...» Таких высказываний можно привести множество.

Не разбирая вопрос о «виновности» Церкви, среди пастырей которой было мало «светильников», стоит все-таки отметить, что она была в принципе несамостоятельна, никогда не имела собственной социальной политики, не смела высказывать собственные суждения «о мире и человеке», в конце концов превратившись в ведомство православного исповедания. Ведь были и «светочи», и святые (достаточно вспомнить старцев Оптиной пустыни и отца Иоанна Кронштадтского), но не они, а «требоисполнители» играли главную роль в церковно-политической жизни тех лет. Общая усредненность, «теплохладность» характеризовали православное священство в целом. Еще в самом начале XX века, на заседаниях религиозно-философских собраний В. В. Розанов заметил, что «если храм обернут ко мне так официально, то пусть уже не взыщут, что и я его не держу у себя около сердца, у себя за пазухой. Я ему не тепел, и он мне не тепел».

В подобных условиях каждый, кто горел «огнем огненным», был «факелом горящим», воспринимался прежде всего в самой церковной среде как явление неординарное, выдающееся. Такой человек неминуемо становился центром притяжения для многих «ищущих и растерявшихся». Цельность характера и сила духа воспринимались как Божий знак, тем более что этот цельный человек был плотью от плоти русского народа, мужиком. Его вера, его умение молиться и побеждать страсти, лечить и заговаривать кровь, предсказывать судьбу служили дополнительным доказательством его особой избранности. Так на исторической сцене появляется сибирский мужик Григорий Распутин.

На заре XX века он не стремился играть какую-нибудь «политическую» роль, да и слово это, по всей видимости, вряд ли понимал. Но он появился в эпоху безвременья, когда, по мнению информированных современников, все содействовало росту интереса к новоявленному «старцу»: «неудачная (Русско-японская. — С. Ф.) война, разочарование, сменившее волну революционного подъема, наступившая реакция вызвали в обществе, в особенности в аристократических кругах, повышенную нервную и чувственную жизнь, странное сплетение религиозности и чувственности. Это было как раз время так называемого „неохристианства“, стремившегося соединить „дух и плоть“, „Бога и

Диониса“. Распутин пришел на готовую почву, и она его затянула; в свою очередь, он и сам после закреплял ее и развивал делом и идейно»^[83].

Итак, Распутин — лучшая иллюстрация морального состояния российского общества. Вне времени «старец» Григорий, равно как и некоторые другие его современники, подвизавшиеся в роли «провидцев» и «духовных наставников», — может служить объектом исследований лишь для психиатров. Он появился в то время, когда «духовная жажда» ощущалась как «богоискателями», так и венценосным Верховным Ктитором православной церкви. Ощущалась эта «жажда» и многими церковными деятелями, впоследствии горько разочаровавшимися в сибирском страннике.

Он родился в 1869 году в крестьянской семье, нигде не учился и до конца жизни так и не постиг всех премудростей письма: сохранившиеся собственноручные записки «старца» поражают безграмотностью. Почти тридцать лет прожил дома, работал в хозяйстве отца даже после того, как женился. Затем начался период странничества, в течение которого Распутин самостоятельно научился читать и писать, познакомился со Священным Писанием. Природная любознательность и живой крестьянский ум помогли Григорию «выйти в люди», произвести впечатление на мистически настроенных пастырей и искавших религиозного утешения православных мирян. Цельный и волевой (что в дальнейшем не раз отмечали современники), Распутин в тот период не давал повода «к соблазну» — вел себя (по крайней мере на публике) благочестиво и скромно.

Однако уже тогда, на грани веков, проявился его особый дар воздействовать на женщин. Неслучайно именно «духовно утешенная» Распутиным купчиха отвезла его в Казань, где познакомила с православными клириками. Викарный епископ Казанской епархии Хрисанф (Щетковский), непонятно почему, решил дать молодому крестьянину рекомендацию, с которой тот в 1903 году и приехал в Петербург к ректору Духовной академии епископу Сергию (Страгородскому). Последний познакомил с Распутиным инспектора академии архимандрита Феофана (Быстрова), а тот, в свою очередь, — Саратовского епископа Гермогена (Долганева). В дальнейшем именно отец Феофан рассказал о «старце» дочерям черногорского князя Николая Негоша — Милице и Анастасии, которых окормлял духовно. Сестры и поведали своей подруге императрице Александре Федоровне о новой религиозной знаменитости. Первые встречи Николая II и его супруги с Распутиным проходили, как правило, в присутствии сестер-«черногорок».

Последующее разочарование сестер в «старце» привело не к удалению Распутина из дворца, а, наоборот, к разрыву Александры Федоровны с подругами. Но почему же внимание всероссийского самодержца и его супруги привлек именно Распутин? Современники, придерживавшиеся порой диаметрально противоположных политических взглядов, при разговоре о феномене Распутина обычно обращали внимание на психологический фактор.

«Важно сказать, *нем он в действительности был*, — подчеркивал князь Н. Д. Жевахов, — но не менее важно отметить и то, *чем он казался* в глазах Их Величеств и тех людей, которые считали его святым» (курсив мой. — С. Ф.). Повторимся: Распутин уже при жизни стал легендой; и легенда заслонила собой образ реального, живого человека. Для адептов «старца» легенда была самодостаточна, как, впрочем, и для его противников (хотя в первом и во втором случаях содержание легенды было совсем не тождественным). Мифотворчество нашло отражение и в мемуарах современников, пытавшихся понять причины роста влияния «старца» на царскую семью. Пример тому — отношение Григория Распутина к святому Иоанну Кронштадтскому. Генерал В. Ф. Джунковский, в годы Первой мировой войны выступивший против сибирского странника и лишившийся должности товарища министра внутренних дел, в своих воспоминаниях передавал слух, что разрыв великих княгинь Милицы и Анастасии с Распутиным был вызван тем, что распоясавшийся «старец» стал поносить к тому времени покойного отца Иоанна Кронштадтского, которого они почитали как святого.

«Этого было достаточно, — писал в воспоминаниях В. Ф. Джунковский, — чтобы великий князь Николай Николаевич (муж Анастасии Николаевны. — С. Ф.) приказал его больше не пускать. Великие княгини совсем отошли от Распутина и пытались возбудить против него и императрицу и Государя, но было уже поздно, в Распутина уже верили». Со своей стороны, убийца Распутина князь Ф. Ф. Юсупов, восстанавливая биографическую канву жизни «старца» и описывая его «петербургский период», особо отметил, что в Александро-Невской лавре Распутина принял отец Иоанн Кронштадтский, «которого он поразил своим простосердечием». Великий молитвенник будто бы поверил, «что в этом молодом сибиряке есть „искра Божия“».

Если верить обоим сообщениям, получается, что Распутин поносил того, кто определенно признал в нем человека глубоко религиозного. Впрочем, многочисленные фактические погрешности, встречающиеся и в мемуарах Джунковского, и в мемуарах Юсупова, заставляют предположить,

что сообщаемая ими информация о первых шагах сибирского странника в столице — легендарна, хотя признать ее полностью недостоверной также нельзя. Скорее всего, Распутин действительно встречался с отцом Иоанном, быть может, даже разговаривал с ним. Вполне вероятно и то, что кронштадтский пастырь обратил внимание на молодого странника, глубоко религиозного и умевшего молиться. Известно, что Распутин любил посещать столичный Иоанновский женский монастырь, где был погребен подвижник. Однако послушницы, к радости игуменьи монастыря Ангелины, скоро его от этого отвадили. «Стоит Распутин, — вспоминал хорошо знавший настоятельницу митрополит Евлогий (Георгиевский), — пройдет одна из послушниц, взглянет на него и говорит вслух, точно сама с собой рассуждает: „Нет, на святого совсем не похож...“ А потом другая, третья — и все, заранее сговорившись, то же мнение высказывают. Распутин больше и не показывался».

Приведенный частный пример, касающийся отношений Распутина и отца Иоанна Кронштадтского, думается, достаточно показателен: авторитет последнего привлекается и для объяснения, почему Распутин приобрел славу «старца» (слово об «искре Божией»), и — с тем же успехом — для объяснения происшедшего разрыва между ним и его первыми благодетельницами — великими княгинями Милицей и Анастасией. Однако выяснение причин разрыва вовсе не объясняет факта первоначального доверия к сибирскому страннику.

В молодости близко знавший Распутина, даже составлявший для императрицы Александры Федоровны его биографию, митрополит Вениамин (Федченков) много лет спустя вспоминал о появлении Распутина в Петербурге: «И вдруг появляется горящий факел. Какого он духа, качества, мы не хотели, да и не умели разбираться, не имея для этого собственного опыта. А блеск новой кометы, естественно, привлек внимание». Митрополит Вениамин был убежден, что далеко не все окружавшие Распутина люди были сплошь плохи. По его мнению, Распутин слишком рано вышел в мир руководить другими, не имея сам соответствующего духовного руководства, и притом отправился в такое общество, «где не очень любили подлинную святость, где грех господствовал широко и глубоко». Владыка подчеркивал наличие соответствующей почвы в высшем обществе, которая и содействовала росту увлечения Распутиным. «А потому не в нем одном, даже скажу не столько в нем, сколько в общей той атмосфере лежали причины увлечения им, — писал владыка Вениамин. — И это характерно для предреволюционного безвременья». Вновь, как мы видим, заявление о

времени соотносится с вопросом о росте влияния сибирского странника.

Общие переживания той эпохи не обошли стороной и царскую чету. Постоянные неудачи и огорчения, болезнь единственного сына, а быть может, и осознание своей обреченности требовали «религиозного прикрытия»; Николай II искренне хотел услышать праведника, доверить ему свои переживания, получить утешение. Возможно, одной из причин, заставивших его держать возле трона сибирского странника, и было желание иметь около себя представителя «простого народа», который бескорыстно доведет до царя все чаяния и проблемы этого самого «народа». «Монарх желал слышать правдивое открытое слово и думал, что такое слово может исходить от простого человека», — свидетельствовал жандармский генерал П. Г. Курлов. А то, что этот «простой человек» ко всему прочему еще и «старец», носитель подлинной духовности, так не похожий на обычных «традиционных» иереев и иерархов, могло лишь укрепить императора в правильности сделанного выбора. Показательно, что когда ему стали известны соблазнительные факты жизни «старца», он, как сообщает митрополит Вениамин, ответил: «С вами тут и ангел упадет! — Но тут же добавил: — И царь Давид пал, да покался».

Показательно не то, что император так отреагировал на полученную информацию (начиная с 1910 года он имел возможность многократно знакомиться с материалами о разгульной жизни «старца»), а то, что простому мужику он доверял несравненно больше, чем своим чиновникам и приближенным. По словам протопресвитера русской армии и флота Георгия Шавельского, в августе или сентябре 1916-го начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев прямо спросил императора, что он может находить «в этом грязном мужике». Николай II с удивительной для него откровенностью ответил: «Я нахожу в нем то, чего не могу найти ни в одном из наших священнослужителей». А на такой же вопрос, адресованный Алексеевым Александре Федоровне, последняя, по сведениям того же источника, сказала: «Вы его (то есть Распутина) совершенно не понимаете», — и отвернулась от генерала.

Своеобразным комментарием к сказанному можно считать «современные диалоги» С. Н. Булгакова «На пиру богов», написанные в начале Гражданской войны для сборника о русской революции «Из глубины». В роковом влиянии Распутина, писал Булгаков, вкладывая эти слова в уста «беженца», более всего сказался исторический характер последнего царствования: ведь император «взыскал пророка теократических вдохновений». «Его ли одного вина, что он встретил в ответ на этот свой зов, идущий из глубины, только лжепророка? Разве здесь

не повинен и весь народ, и вся историческая Церковь с первосвященниками во главе?»

Таким образом, проблема феномена Распутина — это проблема олицетворения идеала, восприятия «живого символа». Одни воспринимали его как нравственное чудовище, толкающее монархию в бездну, другие — как святого, непонятого и гонимого. Яркий портрет Распутина нарисовал замечательный русский поэт Н. С. Гумилев, посвятив ему стихотворение «Мужик».

В чащах, в болотах огромных,
У оловянной реки,
В срубах мохнатых и темных
Странные есть мужики.

Выйдет такой в бездорожье,
Где разбежался ковыль,
Слушает крики Стрибожьи,
Чуя старинную быль.

С остановившимся взглядом
Здесь проходил печенег...
Сыростью пахнет и гадом
Возле мелеющих рек.

Вот уже он и с котомкой,
Путь оглашая лесной
Песней протяжной негромкой,
Но озорной, озорной.

Путь этот — светы и мраки,
Посвист разбойный в полях,
Ссоры, кровавые драки
В страшных, как сны, кабаках.

В гордую нашу столицу
Входит он — Боже, спаси! —
Обворожает царицу
Необозримой Руси

Взглядом, улыбкою детской,
Речью такой озорной, —
И на груди молодецкой
Крест просиял золотой.

Как не погнулись — о горе! —
Как не покинули мест
Крест на Казанском соборе
И на Исакии крест?

Над потрясенной столицей
Выстрелы, крики, набат,
Город ощерился львицей,
Обороняющей львят.
«Что ж, православные, жгите
Труп мой на темном мосту,
Пепел по ветру пустите...
Кто защитит сироту?»

В диком краю и убогом
Много таких мужиков.
Слышен по вашим дорогам
Радостный гул их шагов».

Поэт сумел, как мне кажется, лучше многих своих современников показать самое главное — мужицкую сущность Распутина, в котором Николай II и его супруга почему-то узрели «пророка теократических вдохновений». «Странный мужик», каких на Руси «много», благодаря своему поведению, часто разгульному, подозревался в принадлежности к мистической секте хлыстов. Даже князь Жевахов, имевший печальную славу «распутинца», в воспоминаниях не стал отрицать фактов такого поведения сибирского странника. Он считал, что трагедия императора и императрицы состояла в том, что *Распутин не был старцем*. Одни считали Григория праведником, а другие — одержимым, так как «одни видели его таким, каким он был в царском дворце... а другие — таким, каким он был в кабаке, выплясывая „камаринскую“». Удивительное сочетание греха и праведности отмечали в нем многие. Так, мнение Н. Д. Жевахова (к которому отношение почитателей «старца» традиционно доброе) о

двойственности поведения сибирского странника разделял В. Ф. Джунковский (критикуемый некоторыми сегодняшними почитателями Григория Ефимовича как масон, много лет занимавшийся фабрикацией полицейских фальшивок на «старца»): «Он безобразничал, пьянствовал, развратничал, но это не мешало ему в то же время прикидываться самым кротким, смиренным и набожным, когда он бывал в Царском». Оставляя в стороне как недоказуемое заявление о лицемерии Распутина («прикидывался»), отметим, что его набожность была таким же фактом для одних, как для других — его разгульность.

Митрополит Вениамин, например, писал, что в Распутине «боролись два начала, и низшее возобладало над высшим». А крупный чиновник Министерства внутренних дел С. П. Белецкий, в последние предреволюционные годы хорошо изучивший (в том числе и по долгу службы) жизнь и привычки «старца», в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства сформулировал своеобразное религиозное *credo* Распутина. Как писал Белецкий, сибирский странник считал, что человек, впитывая в себя грязь и порок, внедрял в телесную оболочку и те грехи, с которыми боролся, и таким образом совершал «преображение» своей души, омытой собственными грехами. Иначе говоря: не согрешишь — не покаешься. Эту примитивную философию, свойственную «широкой русской натуре», Распутин, юродствовавший, по словам З. Н. Гиппиус, постоянно и с большой сметкой («соображал, где сколько положить»), использовал в корыстных целях. Именно поэтому Гиппиус считала, что Распутин интересен только как тип: его похоть, тщеславие и страх она видела в русской острой безмерности и бескрайности: «Все до дна: и гик, и крик, и пляс, и гомерическое бахвальство. В эти минуты расчет и хитрая сметливость отступают от него. Ему действительно „море по колено“».

Впрочем, скандальную известность Распутин приобрел не сразу: в течение нескольких лет его поведение не вызывало пристального внимания русской общественности, в том числе и церковной. Лишь с 1908 года отношения Распутина с православными клириками стали портиться, его прежние покровители (начиная с архимандрита Феофана, из исповеди духовной дочери узнавшего о соблазнительном поведении «старца») отшатнулись от него. Отец Феофан постарался довести до сведения высочайших особ полученную информацию — близкий тогда к архимандриту отец Вениамин (Федченков, будущий митрополит) ездил к князю В. Н. Орлову, другу императора, но результатов это не принесло — Распутин оказался сильнее. В 1911 году о негативном влиянии Распутина

доложил Николаю II первоприсутствующий член Святейшего синода митрополит Антоний (Вадковский). По словам председателя Четвертой Государственной думы М. В. Родзянко, государь сказал, что митрополита эти дела не касаются. Владыка взял на себя смелость напомнить, что эти дела касаются всей России, так как цесаревич не только сын императора, но и наследник престола. Когда Николай II прервал владыку, заявив, что не позволит, чтобы кто-либо касался происходящего во дворце, архипастырь, волнуясь, ответил: «Слушаю, государь, но да позволено будет мне думать, что русский царь должен жить в хрустальном дворце, доступном взорам его подданных».

Сообщенное Родзянко находит подтверждение в так называемом «Дневнике Распутина», писанном под диктовку одной из почитательниц «старца» — аристократкой Марией (Муней) Евгеньевной Головиной и хранившемся у монахини Акулины Никитичны Лаптинской, также почитательницы Распутина, излеченной им от «беснования». От Лаптинской, видимо, «Дневник» и попал в руки архивистов. В «Дневнике» можно найти материал с характерным названием: «Как я митрополиту Антонию нос натянул». В нем идет речь об уже упоминавшемся докладе петербургского владыки. Приведем его полностью, сохранив «живую речь» сибирского странника, донесенную до нас составителями «Дневника».

«Я, грит Антоний, монах честной, мне от миру ничаво не надо! А коли не надо, зачем — лезешь? Тожсе, вот, явился к Папе (Николаю II. — С. Ф.) с докладом обо мне, „Большой“, мол, „нам от мужика этого — конфуз... Он и царством править хочет и до Церкви добирается. Он в царский дом вхож и на царску семью — пятно от его кладется“. А Папа и говорит Антонию: „Зачем не в свое дело мешаешься? Кака тебе забота до того, што в моем дому делается? Аль уж я и в своем доме — не хозяин?“

А Антоний и говорит: „Царь-Батюшка, — в твоём доме сын растёт... и сын этот будущий наш царь-повелитель, — и попечался о том, по какому пути ты своё сына поведешь! Не испортил бы его душу еретик, Григорий?!“

А Царь-Батюшка на его цыкнул... Куда, мол, лезешь?! Я, чай, и сам не маленький, учить меня не гоже.

Как пришел митрополит Антоний домой... кукиш проглотил... запечалился... А я велел через человека толстопузого (? — С. Ф.), чтоб ему Мама (Александра Федоровна. — С. Ф.) наказала, што тебе, мол, Антоний, на покой пора... Ужо об этом позабочусь...

Вот».

Митрополит Антоний, как известно, вплоть до своей смерти в ноябре

1912 года оставался столичным архиереем, но своим докладом он окончательно испортил отношения с монархом. Видимо, только частые болезни владыки, заставлявшие надолго уезжать из епархии на лечение, делали неактуальной его отставку. То, что царь не пожелал прислушаться к мнению иерарха, объясняется не только и не столько его недоверием к владыке, сколько категорическим неприятием чьего бы то ни было вмешательства в свою личную жизнь. Ранее, в 1910 году, попытку «открыть глаза» царю предпринял П. А. Столыпин: Николай II молча выслушал представленную премьером информацию и попросил его перейти к очередным делам. В «Дневнике Распутина» сообщается, что Столыпин встречался со «старцем», показывал компрометирующие его документы и в конце концов из-за очевидно вызывающего поведения — выгнал. Несколько дней спустя Распутин покинул столицу и уехал на родину. Всегда находившаяся в курсе придворных сплетен А. В. Богданович тогда же, со слов царского камердинера, написала в дневнике о недовольстве Александры Федоровны: «Она продолжает злиться на тех, кто ей в глаза говорил, что он мошенник и проч.».

По словам информированного современника, «за разоблачение и удаление Распутина, вскоре, впрочем, возвращенного отправившеюся за ним А. А. Вырубовой», возненавидела Столыпина царица. Непоправимо и навсегда оказались испорчены и его отношения с царем. Ведь еще с 1906 года премьер прекрасно знал о «замечательно сильном впечатлении», произведенном сибирским странником на царскую чету (осенью того же года Николай II даже писал Столыпину о желании «старца» увидеться с ним и благословить его дочь иконой: «Очень надеюсь, что вы найдете минутку принять его на этой неделе»). Подобное доверие Столыпин «не оправдал», выступив с разоблачениями «Друга» царей. Тем самым он вмешался в частную жизнь самодержца, не желавшего понимать, что должен жертвовать «приватным» ради идеи, им олицетворяемой.

В царской «коллекции» разного рода простонародных «духоносцев» Распутин был не единственный, хотя и сумел стать первым. Дневник Николая II показывает, как «старец» становится желанным гостем во дворце: встречи с ним неизменно фиксировались, равно как и рассказы о нем, которые царь с царицей могли слушать весь вечер. «Вечером *имели отраду* видеть Григория. Так было тихо и спокойно», — записал император 2 января 1914 года, а спустя несколько месяцев, 17 октября, констатировать, что его «*душа пришла в равновесие*» «*под влиянием успокаивающей беседы Григория*» (курсив мой. — С. Ф.). Стоит отметить, что встречи эти не отличались регулярностью. В 1913 году, согласно дневниковым записям

монарха, их было пять (18 апреля, 1 июня, 17 июля, 23 сентября и 5 октября). В следующем 1914-м, — тринадцать (2 января, 2,18 и 20 февраля, 14 марта, 15,18 и 21 мая, 17 июня, 19 сентября, 7 и 17 октября, а также 4 ноября). В 1915 году состоялось шестнадцать встреч (20 января, 7 и 27 февраля, 22 марта, 27 апреля, 4, 18 и 31 мая, 31 июля, 4 августа, 28 сентября, 21 октября, 21 ноября, 6, 11 и 26 декабря)^[84]. В последнем для Распутина 1916 году император (вместе с императрицей и — в большинстве случаев — с А. А. Вырубовой) виделся с ним только шесть раз (26 января, 24 февраля, 23 апреля, 21 октября, 26 ноября и 2 декабря).

Совершенно очевидно, что для самодержца беседы с сибирским странником были радостным событием, которого он ждал. Распутин не только беседовал с царем, но иногда даже благословлял его иконами. Все это не оставляет сомнений в том, что для Николая II он действительно был своеобразным «полномочным представителем» народа, доносившим до престола крестьянские нужды и проблемы. Он видел в сибирском страннике того, кого хотел видеть, — простого и честного православного русского человека, не желая прислушиваться к мнению представителей ненавистного «средостения».

Намеки прессы на всесилие «старца» стали для Николая II неприятным сюрпризом. По воспоминаниям графа В. Н. Коковцова, «интерес» печати к Распутину очень раздражал императора, который потребовал даже от министра внутренних дел, совместно с председателем Совета министров и с обер-прокурором Святейшего синода, решить, что следует предпринять для обуздания печати, а также в личной беседе заявил Коковцову, что необходимо «пресечь эту гадость в корне», намекая, как потом уяснил премьер, на слухи о хлыстовстве Распутина. Повод для возмущения у императора действительно был. Так, например, 14 января 1912 года в газете «Новое время» появилась статья известного публициста М. О. Меньшикова, озаглавленная «Распутица в Церкви». В резкой форме Меньшиков писал об увольнении от присутствия в Святейшем синоде саратовского епископа Гермогена (Долганева).

Некоторое время считавший Распутина высоконравственным человеком и настоящим молитвенником, Гермоген в конце концов узнал о его далеко не святой жизни и потребовал удалиться из царского дворца. 16 декабря 1911 года епископ, действовавший в союзе с бывшим другом «старца» — иеромонахом Илиодором (Труфановым), под благовидным предлогом пригласил Распутина к себе на подворье и там в присутствии еще шести человек стал «обличать» его и несколько раз ударил крестом. Подавленный, Распутин дал требуемые от него клятвы, но, отпущенный на

свободу, тут же рассказал императрице о совершенном над ним насилии. Расплата не заставила себя долго ждать: уже 3 января 1912 года епископ Гермоген, уволенный от присутствия в Святейшем синоде, получил распоряжение отбыть в свою епархию. 7 января повеление довели до сведения саратовского архиерея, однако тот не спешил покидать столицу.

В своей статье М. О. Меньшиков сообщал о причинах увольнения владыки от присутствия в Синоде: неуступчивость в вопросах веры и Григорий Распутин, против посвящения которого в сан священника якобы категорически выступал епископ. «Почти безграмотный (у меня есть записка с его подписью), — писал Меньшиков, — хлыстовский начетчик оказался в ХХ веке, в те дни, когда принимают в Петербурге лордов и джентльменов, ученых и писателей, — большой силой. <...> По-видимому, голос святителя Гермогена против великосветской хлыстовщины раздался как раз вовремя». Распутин, как видим, называется хлыстом, что делает борьбу против него в первую очередь борьбой религиозной, церковным долгом. Следовательно, преодоление «распутицы в Церкви» — и есть выполнение этого долга.

Статья не остановила падения Гермогена. Отказ епископа подчиниться императорской воле привел лишь к тому, что 17 января он был уволен и от управления епархией. За неповиновение его наказали ссылкой в Жировицкий монастырь, император отказался отвечать на телеграммы владыки и не принял его. Оберпрокурор Святейшего синода В. К. Саблер получил от Николая II телеграмму владыки, на которой «высочайшей рукой» было написано, что архиерей должен немедленно удалиться из столицы. Пресса своими нападками на Распутина все больше и больше вызывала недовольство самодержца, но остановить поток разоблачений было невозможно. В свою очередь, разоблачения только способствовали росту всевозможных слухов, в которых истина переплеталась с вымыслом. Вновь пошли разговоры о «сектантстве» Распутина, заставившие Николая II лично распорядиться об ознакомлении председателя Государственной думы с делом о принадлежности «старца» к хлыстам.

В феврале 1912 года «дело», взятое из архива, передали М. В. Родзянко. Император хотел, чтобы Родзянко, прочитав материалы, высказал ему *свое собственное мнение*. Результат оказался неожиданный: председатель Государственной думы привлек к изучению «дела» членов Думы Н. П. Шубинского и А. И. Гучкова. Получив 26 февраля 1912 года аудиенцию, Родзянко повел себя как деятель, призванный спасти царя от опасности, исходящей от близости Распутина к престолу. «Общественность» в лице представителей Думы как бы поучала царя,

предлагая ему навсегда выгнать «старца». Результат мог быть только один — Николай II понял свою ошибку и никогда впредь этого вопроса с «общественностью» не обсуждал. Ему тем более было неприятно поведение М. В. Родзянко, что в январе 1912 года Дума уже заявила о своем негативном отношении к Распутину. А в марте депутат А. И. Гучков обрушился на церковную власть, которая якобы подчинена Распутину. «Из его речи можно было заключить, — вспоминал митрополит Евлогий (Георгиевский), — что Синод Распутину мирволит, а оберпрокурор всячески добивается его расположения... Состояние Саблера было отчаянное». Скандалы множились, газеты, иногда открыто, иногда используя язык Эзопа, сообщали читателям самые фантастические подробности жизни сибирского странника, среди прочего обвиняя его и в разврате. Эти слухи не были лишены основания: в официальных справках о Распутине, составлявшихся полицией, сообщались даже имена женщин легкого поведения, с которыми «старец» проводил время. Знал ли царь о вольной жизни своего «Друга»? Безусловно. Знала об этом и Александра Федоровна и даже пыталась найти этому нравственное обоснование.

Протопресвитер русской армии и флота Г. И. Шавельский в своих воспоминаниях приводит рассказ, услышанный им в сентябре 1915 года от вдовы герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого графини Н. Ф. Карловой. Александра Федоровна передала ей для прочтения, как весьма интересную, книгу «Юродивые святые русской Церкви», в которой красным карандашом императрицы были подчеркнуты слова, где говорилось, что у некоторых святых юродство проявлялось в форме половой распущенности. Комментировать это, по мнению протопресвитера, не стоило. Правда, он подчеркнул, что заголовок книги воспроизводил по памяти. «Мне говорили, — писал протопресвитер, — что книга эта составлена архимандритом Алексием (Кузнецовым), распутинцем, в оправдание Распутина. Может быть, в награду за эту услугу архимандрит Алексей, по рекомендации Распутина, в 1916 году был сделан викарием Московской епархии». В дальнейшем ученый монах представил свою книгу в столичную Духовную академию для получения степени магистра богословия, но совет академии ее отверг.

Очевидно, речь шла о религиозно-психологическом исследовании «Юродство и столпничество», изданном в Петербурге в 1913 году. Скорее всего, императрица могла обратить внимание на главу IX («Бесстрастие, как завершение подвига „юродства“». Проявление высшей степени святости в св. юродивых»). Автор (в то время иеромонах) подчеркивал, что бесстрастие есть стремление к богоподобию, при котором все страсти

утихают. «Приобретению состояния бесстрастности, — указывалось в книге, — способствовала еще сильным образом та житейская обстановка, среди которой действовали св. юродивые, приучавшие себя к индифферентному бесстрастному обращению с людьми (напр[имер] с блудницами)».

Приходя к блуднице, такой святой не только не чувствовал движения страсти, но даже блудницу приводил к чистому и подвижническому житию. Далее иеромонах Алексей приводил историю со святым юродивым Серапионом Синдонитом, предложившим одной затворнице проверить, умерла ли она для этого мира, — снять одежды и пройти вместе с ним обнаженной по городу. Таким образом, делал вывод автор, святые юродивые преобладали естество, становились выше его. «И только божественной помощью, — писал отец Алексей, — при собственных напряженных усилиях ума и воли и можно объяснить то явление, что св. юродивые, вращаясь почти нагие в кругу женщин, оставались нечувствительными к женским прикосновениям».

Уже то, что Распутина могли сравнивать со святыми юродивыми, — достаточно показательно. Однако не менее показательно, что для большинства имевших с ним дело лиц (исключая конечно же поклонников) Распутин оставался человеком аморальным, «хлыстом», окруженным «мироносицами». Столь откровенная неприязнь к человеку, почитаемому в императорской семье, неминуемо должна была закончиться трагически: ведь даже крайне правые смотрели на «старца» как на проходимца и политического авантюриста. Говорящий на вдохновенно-мужицкий лад, «но в господском вкусе», Распутин, по мнению беседовавших с ним людей, никогда не высказывал то, что думал, скрывая собственные мысли.

«Видали вы на траве комки белой пены, точно слюны? — писал в дневнике (после разговора со «старцем») слышавший черносотенцем Б. В. Никольский. — В этой пенистой слюне живет червячок. Так и у Распутина, слова — слюнная пена, точно кто плюнул; никто и не заподозрит в глубине этого плевок вредного червяка-паразита, жадную, хитрую, скрывающуюся мысль». Эта образная характеристика свидетельствует о том, что отношение к Распутину базировалось на понимании его неординарности. Разумеется, заурядный человек никогда не смог бы удержаться у трона более десяти лет, не сумел бы, несмотря ни на что, оставаться «на плаву». Некоторые современники полагали, что «старец» обладал гипнотическими способностями и умело манипулировал своими царственными «друзьями».

Однако подобные заявления нельзя воспринимать всерьез. Дело было не в гипнозе. Конечно, многое в отношениях сибирского странника и

царской семьи можно объяснить неизлечимой болезнью наследника. По воспоминаниям ближайшей подруги Александры Федоровны А. А. Вырубовой, Распутин мог останавливать кровоизлияния, часто случавшиеся у Алексея Николаевича. «После революции я встречалась с профессором Федоровым, лечившим наследника, — расписывала она. — Мы говорили о случаях, в которых, по словам профессора, медицинская наука бессильна остановить внутреннее кровоизлияние. В таких случаях стоило Распутину осенить наследника крестным знаменем, как кровоизлияние останавливалось. „Нельзя не понять родителей больного мальчика“, — сказал профессор Федоров». Болезнь единственного царского сына, безусловно, наложила отпечаток на взаимоотношения Николая II и особенно его супруги с Григорием Распутиным. Но считать, что все вращалось вокруг его способностей останавливать кровь, — нельзя.

Вспомним: в течение Первой мировой войны Александра Федоровна регулярно писала мужу, упомянув имя «старца» 228 раз. А Николай II вспоминал о Распутине в своих письмах к ней только 8 раз. Видимо, не вполне корректно связывать огромное влияние Распутина лишь с его умением «заговаривать кровь» страдавшего гемофилией наследника — в тех же письмах имя «старца» в контексте с болезнью цесаревича Алексея практически не упоминается. Протопресвитер Г. И. Шавельский, имевший возможность в 1914–1916 годах регулярно видеть царя, отмечал, что если для Александры Федоровны разного рода блаженные, юродивые и прозорливцы были необходимы, то для государя — только не были лишними. «Императрица не могла жить без них, он к ним скоро привыкал. Скоро он привык и к Распутину».

Царь действительно привык к Распутину, но, по словам А. А. Вырубовой, с началом Первой мировой войны заметно охладел к нему. Произошло это из-за телеграммы «старца», посланной в ответ на депешу его царственных «друзей» с просьбой молиться об успешном завершении войны. В ответ Распутин написал, что необходимо достичь мира любой ценой и что война будет гибелью для России. «Получив эту телеграмму, император вышел из себя и порвал ее», — сообщает А. А. Вырубова. Конечно, подобные заявления не поддаются проверке, но игнорировать их не представляется разумным. Думается, не будет большой ошибкой предположить, что император относился к Распутину (как, впрочем, и ко всему остальному), исходя из усвоенных с юности мировоззренческих установок — неизменно полагаясь на волю Провидения, часто повторяя слова Христа: «Претерпевший же до конца спасется» (Мф. XXIV, 13).

Провидение послало ему «старца» Григория, который облегчал

страдания его сына. К тому же Распутин был простым мужиком, нахождение которого у царского трона символизировало преодоление «средостения». Мужик мог быть и с достоинствами, и с недостатками, иначе говоря — мог быть разным. И хотя слухи о «старце» после 1914 года самым пагубным образом отражались на престиже императорской власти (о чем мы еще расскажем подробнее), выбросить его из жизни своей семьи Николай II не мог. В «обществе» это неизбежно восприняли бы как капитуляцию перед врагами «Друга». Чем громче звучали требования о необходимости удаления из дворца «грязного хлыста», тем сложнее Николаю II было выполнить эти требования, не изменив самому себе.

Круг замыкался. Ничего не менялось. Александра Федоровна могла быть уверена, что ее супруг не посмеет выслать «Друга». «Старец», очевидно, это также понимал и даже позволял себе пренебрежительные отзывы о Николае II. «Он не из царского матерьяла, — якобы говорил Распутин, — он создан для семейной жизни, чтобы любоваться природой с цветочками, а не царствовать. Это выше его сил...» При этом в телеграммах он увещевал Николая II слушаться советов супруги, которую ставил неизмеримо выше царя. В 1915–1916 годах в политической жизни империи Распутин играл исключительную роль, оказывая влияние на министерские назначения и решение государственных вопросов. Однако чем больше становилось влияние «старца», тем больше росло раздражение царя, недовольного политической активностью «Друга». «Мужик» зарвался, и только преданность императрицы Александры Федоровны позволяла ему и далее оставаться у трона. Его насильственная смерть в декабре 1916 года уже ничего не могла изменить.

«Сейчас в умах и душах русского народа происходит самая ужасная революция, которая когда-либо имела место в истории, — говорил 27 декабря 1916 года депутат Государственной думы В. А. Маклаков, представляя доклад о роли Распутина. — Это не революция, это — катастрофа: рушится целое вековое мирозерцание, вера народа в царя, в правду его власти, в ее идею как Божественного установления. И эту катастрофическую революцию в самых сокровенных глубинах души творят не какие-нибудь злонамеренные революционеры, а сама обезумевшая, влекомая каким-то роком власть». Отмечая, что власть ужаснулась бы, узнав, каким языком говорит деревня, облекая зерно истины «в невероятные одежды легенды», Маклаков предрекал ужас грядущей революции: «Это будет не политическая революция, которая могла бы протекать планомерно, а революция гнева и мести темных низов, которая не может не быть стихийной, судорожной, хаотичной». Депутат говорил об

обрушении самой важной для монархической государственности идеи: гибели мистического союза царя с народом, символом которого в глазах Николая II долгое время и был Григорий Распутин...

Уже после отречения императора, 25 марта 1917 года, вспомнив о Распутине и пересказав легенду об отпевании сибирского странника, З. Н. Гиппиус определила главную проблему старой власти, спровоцированную близостью «старца» к царскому престолу: «Безнадежно глубоко (хотя фатально-несознательно) воспринял народ связь православия и самодержавия». На смену «мужику Распутину» пришел «мужик с топором», вместе со «средостением» уничтоживший монархию. В ноябре 1905 года, познакомившись с сибирским странником, Николай II об этом, разумеется, не мог и помыслить. Конечно, можно вслед за советскими исследователями утверждать, что «„распутинщина“ — это и симптом болезни и сама болезнь, означавшая, что царизм уже на пороге гибели»^[85], но констатации не помогают разобраться в вопросе о роли Распутина в жизни последнего русского царя.

В самом деле, — кем он был? Мужиком или все-таки «старцем»? Полагаю, что прежде всего мужиком, «бородой перед престолом». Если для Александры Федоровны «старческие» подвиги Григория Ефимовича значили гораздо больше его «социального происхождения», то, повторимся, для Николая II он символизировал живую связь с простым народом. По словам Э. С. Радзинского, для царя Григорий — итог правдоискательства. Начавшись с А. А. Клопова, все завершилось подлинным мужиком, заключением союза царя и народа. «Конечно, — пишет Э. С. Радзинский в книге „Господи... спаси и умири Россию“, — он знал о беспутстве Григория. И в отличие от Аликс не строил мистических обоснований. Нет, он принимал его как беспутство реального народа. Оно лишний раз доказывало: его народ не готов к конституции. Но вперемежку с этой дикостью он видел в Григории здравый смысл, доброту и веру. Голос Григория для него — глас народный».

Царь не мог иначе и помыслить, хотя симптомы «морального разложения» этого самого «народа» год от года проступали все явственнее. В 1912 году собеседница А. В. Богданович — Е. А. Шеина рассказывала, как на ярмарке, открывавшейся в селе ее матери, княгини Л. Л. Урусовой, крестьяне не только не оказали никакого внимания своей помещице, но даже, когда священник начал молиться за царя, простодушно-цинично заявили: «Не стоит за него молиться, пойдем отсюда». Поведение отдельных мужиков, разумеется, не следует обобщать, но игнорировать также неправильно. Неслучайно еще в 1907 году Л. А. Тихомиров с

горечью признавался, что «разрушено все: власть, вера, совесть, честь, достоинство, даже просто самолюбие». В этом смысле, думается, «старца», как и царя, можно считать символами разрушения монархической идеи, которой они оба, каждый по-своему, верно служили. Чем не парадокс!

Безусловно, роль Распутина как «бороды перед престолом» была ясно определена, но сыграна, увы, оказалась неудовлетворительно; «союз царя и народа» распался. Винить в том Николая II, думается, так же бессмысленно, как и оправдывать «оклеветанного молвой» сибирского странника. Случилось то, что случилось.

Время между двумя революциями, тесно связанное с именем Григория Распутина, было конечно же наполнено множеством иных событий, сыгравших важную роль в жизни последнего русского венценосца. Не вдаваясь в анализ политических хитросплетений тех лет (это отдельная тема, преимущественно связанная с правлением Николая II), стоит подчеркнуть, что именно тогда остро встал вопрос о будущем монархии, символом которого оказался единственный сын самодержца — неизлечимо больной гемофилией цесаревич Алексей Николаевич. Революция, заставившая власть осуществить ряд серьезных государственных реформ, хлестко названных Андреем Белым «штопаньем дырявистого гниловища», была подавлена, и раздумья о будущем империи вошли в более спокойное, чем в 1905–1907 годах, русло. Современники тревожились: наследник престола слишком мал, случись что с царем, политическая ситуация в стране вновь осложнится. На этом сходились люди разных политических лагерей, от правых до «либералов». К примеру, и генерал Е. В. Богданович, и член Государственного совета граф С. А. Толь, беседа в конце 1910 года, вынуждены были признать, «что положение России крайне тяжелое. Случится что-либо с царем — Россия окажется в безвыходном положении». По их мнению, «безвольный и слабоумный» брат царя — великий князь Михаил Александрович, «так же, как и молодая царица, страшен России».

Страхи эти имели свою историю: еще в октябрьские дни 1905 года ненавидимый супругами Богданович С. Ю. Витте предупреждал Николая II: если с ним, самодержавным повелителем России, Боже сохрани, произойдет несчастье, «то останется младенец император и регент (Михаил Александрович), совсем к управлению не подготовленный». А Россия со времен Бирона не знала регентов. Тогда положение для династии может

стать совершенно безвыходным. Потому граф и предлагал государю «воспользоваться хотя и неудобной гаванью, но выждать бурю в гавани, нежели в бушующем океане на полугнилом корабле». Бурю выждали, корабль, как могли, отремонтировали, но неудобная («конституционная») «гавань» осталась: манифест 17 октября определил новый строй, в который необходимо было органично «вписать» самодержавие. А для этого требовалось искреннее желание монарха добросовестно выполнять сказанные в разгар революции слова. Рано или поздно, путь, открытый манифестом 17 октября, привел бы к укреплению в России конституционных начал, что на практике означало усечение самодержавных прав царя. Наследник, таким образом, получил бы власть в ином объеме, чем его венценосный родитель. Подобный сценарий совершенно не устраивал Николая II. Накануне Первой мировой войны он постарался воплотить в жизнь свою давнюю идею — превратить Государственную думу и Государственный совет в законосовещательные органы, реанимировав манифест 6 августа 1905 года. Однако даже правые министры не поддержали решение самодержца, и ему пришлось уступить.

Как видим, Николай II так и не смог преодолеть внутреннее неприятие представительного строя, считая его «не органичным» для России. «Смирясь», он внутренне оставался непримиримым противником русской «конституции» 1905 года. И не в последнюю очередь — из-за желания сохранить полноту самодержавной власти для сына, тем более что уже в раннем детстве — четырех лет от роду — цесаревич, по словам придворных, отличался большой твердостью воли. «На днях он попросил Тютчеву (воспитательницу царских детей. — С. Ф.) отпустить с ним двух старших сестер, — записывал со слов самой камер-фрейлины А. А. Половцов. — Тютчева отвечала ему, что согласна, но под условием, чтобы они не опоздали к уроку в 4 часа. Я вам это обещаю, отвечал ребенок, а вы знаете, что я держу свои обещания. Если они вздумают опаздывать, то я их прогоню». Наследник был искренним, добрым и чутким ребенком, надеждой и радостью родителей, надеявшихся, что грядущее обещает ему счастливые годы.

Когда наследнику пошел восьмой год, родители решили приступить к серьезной учебной подготовке сына. Руководство взяла в свои руки Александра Федоровна, избрав четырех исполнителей собственных предназначений: законоучителя протоиерея Александра Петровича Васильева (в дальнейшем ставшего царским духовником, о чем еще будет речь), преподавателя русского языка — тайного советника Петра Васильевича Петрова, преподавателя арифметики статского советника

Эраста Платоновича Цытовича и преподавателя французского языка (и гувернера) Пьера Жильяра, на русский манер «перекрещенного» в Петра Андреевича. Английскому языку императрица учила сына сама. За физическим воспитанием Алексея Николаевича следил сам царь. За здоровье наследника отвечали лейб-медик Е. С. Боткин, почетный лейб-медик С. А. Острогорский и почетный лейб-хирург В. Н. Деревенко, находившийся при нем неотлучно.

В официальной биографии цесаревича, специально составленной к его десятилетию, подчеркивалось, что мальчик обладает «очень добрым и отзывчивым сердцем, горячо отзывается на чужое горе, всегда стремится помочь, если в том оказывается надобность». Подданные должны были знать, что их будущий монарх получает соответствующие его высокому положению воспитание и образование, необходимые для управления одной из величайших империй мира. Назначения цесаревича шефом различных полков, зачисления в их списки, практиковавшиеся и ранее, в XIX веке, объяснялись тем, что царь «понемногу, незаметно» осуществляет великую мысль — создать обновленную, сплоченную вокруг «державного вождя», армию. Алексей Николаевич, таким образом, репрезентировался в качестве гаранта будущих успехов Родины, с народами которой, их бытом и нуждами, отец-император стремился его знакомить «с молодых лет». Этому же служили и путешествия, в которые «Хозяин Земли Русской» брал сына, дабы показать ему красоты родной страны.

Радужную картину портило только одно обстоятельство, которое составитель биографии вынужден был достаточно подробно описать: болезнь цесаревича. И хотя заявлялось, что болезнь не оставила никаких последствий, отмечалось, что она «вызвала тревогу в самых широких кругах общества и заставила всю Россию с замиранием сердца прислушиваться к сообщениям из Спалы, где находилась в то время царская семья». Спала ранее принадлежала польским королям и была их любимым местом охоты. Русские монархи — и Александр III, и Николай II, страстные охотники, регулярно посещали этот заповедник. Именно там в 1912 году произошло событие, чуть было не стоившее России наследника престола. Гемофилия, или кровоточивость, — недуг, при котором простые ушибы могут вызвать обширные подкожные, внутримышечные и внутрисуставные кровоизлияния и привести к смерти. Основным симптомом этой болезни является нарушение свертываемости крови. Гемофилией болеют только мужчины, но носителем заболевания являются женщины; сын наследует болезнь через свою здоровую мать. Императрица Александра Федоровна была, таким образом, невольной виновницей

страданий собственного сына: малейшая царапина, кровотечение из носа, порез, падение могли окончиться для него фатальным исходом.

«Его нужно было окружать особым уходом и заботами в первые годы его жизни и постоянной бдительностью стараться предупреждать всякую случайность, — вспоминал Пьер Жильяр. — Вот почему к нему, по предписанию врачей, были приставлены, в качестве телохранителей, два матроса с императорской яхты: боцман Деревенко и его помощник Нагорный, которые по очереди должны были за ним следить». Но уследить за подвижным, любящим активные игры ребенком было крайне сложно.

Болезнь приняла столь опасный оборот, что о ней вынуждены были сообщить в «Правительственном вестнике» (этого потребовал министр Императорского двора, убежденный в том, что отсутствие официальной информации недопустимо). П. Жильяр вспоминал, что, приехав в Спалу, он и его коллега П. В. Петров «были поражены бледностью ребенка, а также тем, что его носили, как будто он не способен был ходить». Сообщалось, что цесаревич 2 октября случайно ушибся и «в левой подвздошной области появилось кровоизлияние». Так накануне собственного тезоименитства Алексей Николаевич оказался прикованным к постели. 5 октября в походной церкви Спалы была совершена литургия, на которой присутствовали царские дети. «Правительственный вестник» не уточнил, был ли Алексей Николаевич на службе, отметив лишь, что члены Святейшего синода во главе с митрополитом Антонием (Вадковским) в тот день отправили царю и царице телеграмму, молитвенно помянув Алексея Николаевича с упованием на то, что Бог «возрастит» «цесаревича дорогому Отечеству нашему во славу и Вашим Величествам на радость». 5 октября 1912 года благодарственное молебствие по случаю его тезоименитства прошло в Казанском соборе столицы.

А спустя четыре дня, 9 октября, страна узнала, что цесаревич опасно болен: за подписью профессора Федорова, лейб-медиков Боткина и Острогорского, через министра Императорского двора барона Фредерикса был обнародован первый бюллетень.

Первые симптомы болезни, впрочем, появились не в начале октября, а месяцем ранее, когда Николай II с семейством прибыл в Беловежскую Пущу. Там предстояла охота на зубров и оленей, — император надеялся хорошо отдохнуть и отвлечься от государственных дел. Однако отдыха не получилось. Вскоре после приезда цесаревич, прыгая в лодку, сделал очень широкий шаг и растянул ногу. В ночь на 7 сентября появилась опухоль, немедленно определенная врачами как забрюшинное кровоизлияние. Особой тревоги по поводу случившегося царь в своей обычной манере в

дневнике не высказал: сперва написал об удачной охоте на оленя и лишь затем о том, как «бедный Алексей целый день промучился с ногой». 8 сентября, в праздник Рождества Богородицы, информация о больной ноге цесаревича повторяется — «он пролежал целый день в нашей кровати». Далее Николай II описывает облавы, охоту на зубров, оленей и кабанов. Потом информация о болезни сына в дневнике царя пропадает.

Но 5 октября царю не удается скрыть беспокойство. «Невеселые именины провели мы сегодня, — записывает он в тот день, — бедный Алексей уже несколько дней страдает вторично от внутреннего кровоизлияния. Первый раз это случилось в Беловеже. Проф[ессор] Федоров вчера приехал. Слава Богу сегодня он нашел известное улучшение». Как показало ближайшее будущее, болезнь тогда только развивалась. 6 октября император вынужден был констатировать: «С Алексеем перемен нет, только сон стал спокойнее». Ситуация осложнялась, цесаревич бредил, температура превысила 39. Царь старался находить время для больного сына, не ломая установившиеся правила: регулярно охотился, играл в теннис, посещал спектакли.

Старалась не показывать своей тревоги и императрица. П. Жильяр сообщает, как оживленно вела себя Александра Федоровна, наблюдая за театральной игрой дочерей — Марии и Анастасии. Но сразу же по завершении представления она бросилась в комнату, где лежал ее больной сын. «Через несколько минут императрица вернулась, — вспоминал П. Жильяр, — она снова надела свою маску и старалась улыбаться тем, кто толпился перед нею. Но я заметил, что государь, продолжая разговаривать, занял такое место, откуда мог наблюдать за дверью, и я схватил на лету отчаянный взгляд, который императрица ему бросила на пороге». «Двойное существование» царственной четы поразило швейцарца, ему тогда было непонятно, зачем государь и его супруга, желавшие быть около больного ребенка, заставляли себя показываться гостям и улыбаться? Ответ не составлял сложности — они не желали, чтобы стало известно, какой болезнью страдал наследник. «Я понял, что эта болезнь в их глазах имела значение государственной тайны», — резюмировал П. Жильяр.

Правомерно ли это утверждение?

Не берусь утверждать, но предположение выскажу: «государственной тайной» для придворных чинов и сановников болезнь наследника не была, как не было тайной желание царской четы проводить время не на публичных мероприятиях, а рядом со страдавшим сыном. К 9 октября состояние Алексея Николаевича настолько ухудшилось (о чем свидетельствовали и бюллетени), что с соизволения государя лица свиты и

сановники, находившиеся в Спале, приняли участие в специально организованном молебствии о здравии цесаревича. Через день Святейший синод принял определение, благословив возносить во всех церквях империи прошения о выздоровлении болящего. Тогда же доктор тибетской медицины П. А. Бадмаев предложил царю свою методику лечения «в продолжение трех дней». «Я убежден, — писал Бадмаев, — что после трех чашек отвара, принятых внутрь, и одной чашки отвара для компресса снаружи улучшит состояние (так в тексте. — С. Ф.) государя-наследника и изменит температуру». Доктор предупреждал, что в таком случае необходимо отказаться от прочих лекарств.

Неизвестно, согласился ли царь на предложение Бадмаева, только вскоре острая фаза болезни миновала. Существует легенда о том, что заслуга в этом принадлежит Григорию Распутину. В своей книге о последнем самодержце Э. С. Радзинский приводит телеграмму, посланную «старцем» Александре Федоровне: «Бог воззрил на твои слезы и внял твоим молитвам. Не печалься сын твой будет жить», замечая: «Знаменитые врачи только печально качают головами: страшный финал неминуем». Телеграмму эту Аликс якобы торжествующе показывала врачам.

Данный факт находит подтверждение, в частности, у генерала А. А. Мосолова, осенью 1912 года находившегося в Спале. Императрица бодрой вышла к обеду, объявив, что боли у цесаревича прекратились и «через неделю мы едем в Петербург». «По словам императрицы, — писал Мосолов, — это было уже не в первый раз, что старец спасал жизнь наследника». Зная, что отъезд состоялся 4 ноября, нетрудно посчитать, когда императрица распорядилась о поездке, — это случилось 28 или 29 октября. К тому времени острая фаза болезни уже миновала. Распутинская телеграмма пришла вовремя.

Двадцать второго октября в «Правительственном вестнике» появилась официальная информация о том, как протекала болезнь. Врачи откровенно писали, что брюшинные кровоизлияния, подобные случившемуся в Спале, бывают чрезвычайно редко и представляют собой крайне тяжелую форму (*Haetoma retroperitoneale*), что такие гематомы могут сопровождаться высокой температурой и что «естественным последствием таких обширных кровоизлияний является значительное малокровие, требующее иногда немалого времени для полного его излечения». По сути это было описание клинической ситуации, позволяющее говорить о гемофилии. Тайное стало явным, хотя никаких политических последствий это не имело и иметь не могло. Наследник продолжал оставаться наследником, и с его именем связывались все «лучшие» надежды на

будущее.

...Бюллетени о состоянии здоровья прекратили публиковать после 7 ноября, уже после того, как Алексея Николаевича с максимальными предосторожностями перевезли в Царское Село. С 10 октября Николай II описывает процесс постепенного выздоровления цесаревича: «Сегодня, слава Богу, наступило улучшение в состоянии здоровья дорогого Алексея». И в дальнейшем отмечает, что сын «стал веселее», «спал отлично и день провел в веселом настроении».

Двадцатого октября, сообщая матери о болезни «несчастливого маленького», Николай II отметил как самые тяжелые — дни с 6 по 10 октября. Ребенок «страдал ужасно, боли охватывали его спазмами и повторялись каждые четверть часа». Ни спать, ни плакать он не мог, лишь повторял: «Господи, помилуй!» Царь пишет, как сменял у постели сына супругу, выдерживавшую «это испытание» лучше него. «10 октября мы решились причастить его утром, и сейчас же ему сделалось лучше, температура спала с 39.5 до 38.2, боли почти прекратились, и он заснул первым спокойным сном». 21 октября наследника причастили вновь, что, по словам царя, было для него и супруги «отрадой». Получила ли к тому времени Александра Федоровна телеграмму от «старца» или нет, не принципиально, — важнее отметить, что угнетенное состояние императорской четы постепенно проходило, но при этом вновь обострилась проблема престолонаследия.

Болезнь цесаревича совпала с новым скандалом в доме Романовых, отчасти даже спровоцировав его. По словам В. Н. Коковцова, «до половины октября вся страна жила под страхом близкой катастрофы»; даже председатель Совета министров не решался беспокоить царя делами. Трагедии не произошло — Алексей Николаевич стал постепенно поправляться. Однако оптимизма его болезнь не внушала: информированные современники, такие как И. И. Толстой, полагали, что «маленький наследник почти безнадежен: у него сухотка ноги и порок кровообращения, при существовании которого редко кто доживает до 20 лет». При таких обстоятельствах вновь актуализировался вопрос о правах на престол брата царя — великого князя Михаила Александровича. Но как раз в период болезни племянника Михаил Александрович совершил поступок, лишавший его возможности быть наследником.

История была обычной: он женился по любви на женщине, не принадлежавшей к владетельному дому Европы. В ноябре 1912 года это событие активно обсуждалось в петербургских салонах. Говорили, что великий князь устроил личную жизнь вопреки всему — и своим

обещаниям, и воле государя, и желанию матери, сочетавшись браком с бывшей женой гатчинского офицера. За совершенный проступок, говорили современники, он изгонялся из России, лишаясь прав и доходов из уделов. Однако проблема не решалась только наказанием великого князя. Неизбежно вновь вставал вопрос о престолонаследии, ведь следующий за Михаилом Александровичем великий князь — Кирилл Владимирович тоже был женат на разведенной женщине, в то время еще не принявшей православие. Борис Владимирович якобы был человеком «невозможного характера, а Андрей будто бы в чахотке». Слухи неистребимы, им можно доверять, их можно игнорировать, но как бы к ним ни относиться, они являются важным психологическим фактором. Граф И. И. Толстой, размышляя о Михаиле Александровиче и о Владимировичах, писал в своем дневнике, что «требуется издание нового указа о регентстве на случай смерти государя при малолетстве наследника, а Михаил Александрович, предназначенный в регенты существующим указом, должен быть теперь устранен от этого. По-видимому, все это представляет картину полной дегенерации!..».

Современники, случается, более несправедливы к своему времени, чем потомки. Слова И. И. Толстого могут служить тому доказательством. «Картина полной дегенерации» была вызвана не глупостью или «злой волей» великих князей, а трагическим стечением обстоятельств. Право человека на счастье отрицать трудно. Потому-то Кирилл Владимирович и женился, нарушив все установленные правила и законы, на своей двоюродной сестре, а его младший брат — Андрей — жил с Матильдой Кшесинской, гражданской женой великого князя Сергея Михайловича, и даже имел от нее сына. Собственно говоря, и Михаил Александрович в конце концов предпочел личное счастье статусу потенциального наследника престола. Для осуществления своей цели он выбрал не самое подходящее время, когда его племянник находился между жизнью и смертью. Последнее обстоятельство было особенно болезненным для царя. Однако обо всем по порядку.

Великий князь Михаил Александрович был младшим и самым любимым сыном Александра III. Он родился 22 ноября 1878 года, а 10 декабря был крещен в церкви Зимнего дворца. Среди восприемников был и его державный дед — император Александр II. Не отличаясь выдающимся умом и талантами, Михаил, тем не менее, подкупал педагогов и воспитателей своей живостью, непосредственностью и искренностью. В отличие от стеснительного старшего брата, он не робел перед отцом, позволяя себе шутки, на которые в семье никто бы не отважился (например,

облить самодержца водой). Разумеется, его «профессиональная» подготовка и обучение не продумывались так тщательно, как для цесаревича, но это, очевидно, не слишком беспокоило великого князя: в 1880-х годах никто не мог предположить, что когда-либо Михаил будет наследником престола, — Николай Александрович рос здоровым и крепким, да и болезнь среднего брата Михаила — великого князя Георгия Александровича — тогда еще не давала о себе знать.

Оказавшись в роли наследника (в 1899 году), но не получив титула цесаревича (о чем уже говорилось), Михаил Александрович, скорее, тяготился этой новой для себя династической ролью и был безмерно рад, когда у Николая II наконец родился мальчик. Не обременяя себя государственными заботами (хотя и являясь с 1901 года членом Государственного совета), Михаил Александрович находил удовлетворение в частной жизни. Как и все Романовы-мужчины, он служил, будучи в 1909 году произведен в полковники. Время шло, но «блестящий холостяк» не спешил жениться на принцессе крови. Причиной тому была любовь. Избранницей великого князя стала дочь московского присяжного поверенного Наталия Сергеевна Вульферт (урожденная Шереметьевская), до встречи с ним дважды успевшая побывать замужем. Первым ее мужем был дирижер Большого театра С. И. Мамонтов; второй — В. В. Вульферт — служил в лейбгвардии Кирасирском Его Величества полку, в котором с 1898 года числился и Михаил Александрович. В 1899 году великий князь был пожалован во флигель-адъютанты..

Все обычно, в традициях романовского дома. Правда, существовало одно обстоятельство, которое позволяло говорить о Михаиле Александровиче как о великом князе, облеченном исключительным доверием государя: 1 августа 1904 года было объявлено, что в случае смерти «Его Императорского Величества» и до совершеннолетия наследника он становится правителем государства. Обладал ли он силой воли? По словам матери — императрицы Марии Федоровны, — в еще меньшей степени, чем старший брат. Современники вспоминали его как милого, симпатичного молодого человека, имевшего все данные быть хорошим конституционным монархом, но только в устоявшемся государстве, с твердым и хорошо налаженным аппаратом власти. По словам генерала Ю. Н. Данилова, «его скромная и искренняя натура сказалась и в его браке, соединившем его с тою, которую он избрал по влечению сердца, вопреки чопорным традициям царствующих домов». Не все были столь корректны в высказываниях, как генерал Данилов. Беспощадная А. В. Богданович, например, передавая свой разговор с Б. В. Штюрмером и

вспоминая его слова о вымирании рода Романовых, называла Михаила Александровича дурачком. Впрочем, умственные способности великого князя нельзя увязывать с его желанием быть счастливым в браке.

Разговоры о женитьбе Михаил Александрович начал еще летом 1906 года, попросив у брата официального разрешения. Разумеется, разрешения он не получил. Изменять закон даже ради брата Николай II категорически отказывался. Не помогло и его обращение к матери, хотя императрица Мария Федоровна не знала, что делать, видя сына «в таком горе». У царя было стремление любыми способами не допустить рокового (то есть «брачного») исхода: он даже опасался отпустить брата в Данию, где тот мог отпроситься поехать к находившимся за границей Романовым. А кто поручился бы за то, «что она (любимая великого князя. — С. Ф.) не приедет к нему и они все-таки [не] повенчаются?» — писал он матери. В результате Николаю II удалось предотвратить нежелательный для династии брак младшего брата, но то было лишь начало...

В 1908 году царь вновь серьезно обеспокоился возможностью «необдуманного» шага Михаила Александровича. «Он говорит, — писал Николай II матери, — что думает вернуться домой в начале ноября, а что теперь поедет... в Англию. Я боюсь, что „она“ там». «Она» — это Н. С. Вульферт, на тот момент еще не разведенная с мужем. «Я ужасно боюсь с „ее“ стороны какого-нибудь решительного шага, который может сразу все испортить», — признавался царь. Время показало, что его страх не был напрасным. В сентябре 1909 года великий князь прислал Николаю II письмо, испрашивая разрешение поехать в отпуск, дабы совершить в одиночестве путешествие по Италии. В ответ получил нравоучение: служба — не забава, брат должен остаться при полку; поехать же можно будет в следующем году.

Понятно, что Николай II хотел оставить брата в России не только по причине формальных соображений — «быть самому примером для других». Проблема состояла в том, что Михаил Александрович собирался ехать за границу с Н. С. Вульферт. Для царя это был скандал («какое скверное впечатление получится для всех, если узнают, с кем он путешествует»). Старший брат настоятельно советовал младшему «не ехать с ней в поезде и не жить в одной гостинице вместе». Михаил Александрович поблагодарил за письмо, но желаемых самодержцем выводов делать не стал. В следующем году он совершил путешествие по Европе — без сопровождения свиты, но вместе с любимой женщиной. А в июле 1910 года у Михаила Александровича родился сын, очевидно, в честь покойного брата названный Георгием. В сложившихся условиях

заключение брака было делом времени. Соответственно, и царю ничего не оставалось, как установить за великим князем негласный надзор.

В октябре 1910 года министр Императорского двора барон В. Б. Фредерикс сообщил министру внутренних дел П. А. Столыпину о намерении младшего брата Николая II совершить путешествие под фамилией Брасов, уведомив премьера о необходимости организовать за путешествующим наблюдение, «дабы о возможных случайностях своевременно предупредить и избавить Его Величество от беспокойства неизвестности, если бы извещения о местопребывании Его Высочества им не сообщались своевременно государю». Барон также указал, что все сообщается с ведома императора. Департамент полиции командировал трех агентов для незаметного сопровождения великого князя. Ввиду того, что имелись сведения о намерении Михаила Александровича вступить в брак, старшему из агентов вменялось в обязанность, «в случае получения сведений о приготовлении к этому браку, срочно донести Департаменту». Аналогичное наблюдение организовывали и в сентябре 1911 года — до возвращения великого князя (в январе 1912-го) обратно в Россию. В очередной раз Михаил Александрович отбыл в Европу в сентябре 1912 года, как обычно инкогнито (под фамилией Брасов). Вслед за ним отправился генерал-майор Корпуса жандармов А. В. Герасимов с особыми полномочиями, полученными годом раньше. Он должен был принять все возможные меры к недопущению брака Н. С. Вульферт и Михаила Александровича. Дипломатические миссии России в Европе обязывались оказывать генералу необходимое содействие, вплоть до помощи в проведении ареста лиц, на которых он мог указать.

Доверие к А. В. Герасимову было полное — ведь именно он в 1909 году расстроил уже подготовленное венчание великого князя. Дело обстояло следующим образом: в начале того года дворцовый комендант генерал В. А. Дедюлин рассказал Герасимову (тогда занимавшему пост начальника Охранного отделения) о матримониальных намерениях царского брата и попросил его содействия. Венчание Михаила Александровича должно было состояться в домовый церкви какого-то благотворительного учреждения — некий священник за крупное вознаграждение (не то пять, не то пятнадцать тысяч рублей) решил помочь влюбленным. Герасимов нашел этого священника и жестко с ним поговорил, вырвав клятву ни за какие деньги не венчать брата царя. Решив вопрос, генерал доложил об этом дворцовому коменданту. Достаточно скоро обо всем узнал и министр Императорского двора. Через некоторое время о Герасимове вспомнили снова и отправили за границу расстраивать

«венчальные» планы Михаила Александровича. Однако на этот раз ничего сделать не удалось: великий князь и Н. С. Вульферт стали мужем и женой. Будущие супруги без сопровождающих лиц 30 октября 1912 года прибыли в Вену и остановились в отеле «Тегетгоф» (Tegethof). Полицейские сводки сухо сообщили о случившемся:

«В тот же день, в 4 часа пополудни великий князь и г-жа Вульферт проехали в сербскую церковь св. Саввы (Weitgasse, 3), где и совершился обряд бракосочетания.

Запись произведена была при этом следующая: Михаил Александрович, русский великий князь, род. 22 ноября 1878 года в Санкт-Петербурге, и дворянка Наталия Брасова, род. 7 июня 1880 г[ода] в Pezowa, близ Москвы. <...> Для всех окружающих великого князя и г-жу Вульферт лиц поездка их в Вену осталась совершенно неизвестной».

Герасимов смог лишь достать официальную копию брачного свидетельства, заплатив за документ 500 или 600 крон. «Свадьба была очень скромная, — вспоминал генерал, — свидетелями были старик церковный служка и его жена».

Седьмого ноября царь написал матери, что между ним и братом «сейчас все кончено, потому что он нарушил свое слово». «Ему нет дела ни до твоего горя, ни до нашего горя, ни до скандала, который это событие произведет в России, — жаловался Николай II матери. — И в такое время, когда все говорят о войне, за несколько месяцев до юбилея Дома Романовых!!! Стыдно становится и тяжело».

Действительно, в глазах царя поступок брата выглядел совершенно неприличным: помимо того, что брак был заключен с нарушением «Учреждения об Императорской фамилии», без согласия монарха, это произошло во время болезни цесаревича Алексея, трагический исход которой делал Михаила Александровича наследником престола. Опасаясь, что в этом случае он никогда не сможет легализовать отношения с Н. С. Вульферт, великий князь и поспешил на венчание в Вену. Эгоизм возобладал над всеми остальными чувствами, легко превозмог и горе матери — смерть ее брата — короля Дании Фридриха VIII. В условиях сложной международной обстановки (8 октября 1912 года открылись военные действия между Балканским союзом и Турцией), когда европейский мир в очередной раз висел «на волоске», правитель крупнейшей европейской державы должен был уделять достаточно много времени решению семейно-династических проблем, демонстрируя свою «твердость» и «жесткость».

Первоначально Николай II хотел скрыть известие о женитьбе брата, но

поняв, что это невозможно, решил, что великому князю лучше в Россию не возвращаться. Рано или поздно все узнали бы о случившемся и удивились, если бы Михаила Александровича никак не наказали, тогда как с другими поступили очень строго. Брат царя был изгнан со службы, лишен флигель-адъютантского чина и права на условное регентство, полученное после рождения цесаревича Алексея. Однако как частный человек Михаил Александрович был счастлив. Супруги-изгнанники вели приятный образ жизни — то в Париже, то в Лондоне, то в Каннах. По словам посла Франции в России М. Палеолога, «сбылось то, чего [так] желала Наталия Сергеевна».

Действительно, госпожа Вульферт давно добивалась официального оформления брака с Михаилом Александровичем, будучи, по мнению того же Палеолога, особой не только интеллигентной, но также ловкой и энергичной. Именно эти качества и раздражали родных царского брата. Морганатическая супруга великого князя Павла Александровича — княгиня Палей откровенно признавалась: «Мы знали, что он (Михаил Александрович. — С. Ф.) был человеком бесхарактерным, всецело находившимся под влиянием своей жены, г-жи Брасовой...» В результате великий князь отсутствовал на праздновании 300-летия дома Романовых, как тогда казалось — надолго (если не навсегда) удаленный от какой бы то ни было власти. Даже в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона было объявлено, что он вступил в морганатический брак, а супруга его получила фамилию Брасова.

Для политически грамотных читателей комментировать данное обстоятельство нужды не было: нарушив закон, Михаил Александрович не мог рассматриваться в качестве наследника российского престола. Своеобразно доказывалось это и в брошюре, посвященной десятилетию со дня рождения цесаревича Алексея Николаевича. «От времен седой старины и до наших дней, — подчеркивал ее составитель, — русский народ с понятием государя неразрывно связывает понятие наследника его в прямом колене. Он, безусловно, подчинял себя только прямой отрасли „от царского колена“. Так было искони, так осталось и теперь. Многие изменилось в русской жизни и в русских обычаях, но не изменилось отношение народа к верховному вождю своему, не изменились его воззрения на преемственность царской власти»^[86].

Таким образом, громко заявлялось о том, что наследник — это сын правящего монарха, а не его ближайший родственник. Соответственно заявленному, от официальных публицистов требовалось всячески подчеркивать, что порфирородный ребенок, переживший тяжелую болезнь

в 1912 году, полностью оправился и состояние его здоровья позволяет не беспокоиться за будущее, которое рисовалось радужными красками. «И ныне, — резюмировал в 1914 году составитель брошюры, — праздную десятую годовщину дня рождения возлюбленного сына своего, государь с отрадой в душе видит, что на добрую почву пало посеянное им, не погибнет великий труд его жизни». Завершало брошюру наивное стихотворение:

Небо хранит тебя, милый,
Царственный отрок, родной:
Будут служить твои силы
Руси великой, святой.

Итак, цесаревич Алексей Николаевич рассматривался как *единственный* полноправный наследник всего достояния Российской империи, причем не только по закону, но и в соответствии с «традицией». То, что в истории Императорского дома Романовых случалось и по-другому (например, в 1825 году, когда бездетному Александру I наследовал брат Николай I), в расчет не бралось. Тем самым давался однозначный ответ тем, кто предлагал царю изменить закон о престолонаследии (в частности, великому князю Николаю Михайловичу, предложившему в связи с болезнью цесаревича в 1912 году передать права на трон роду старшей сестры Николая II, великой княгини Ксении Александровны).

Предвоенное пятилетие — время многочисленных официальных торжеств, имевших общегосударственное (и церковно-политическое) значение. Для царя они были доказательством того, что революция 1905 года — не тревожный симптом разрушающейся связи монарха и *его народа*, а внутреннее «нестроение», вызванное скорее внешними обстоятельствами. В таких условиях сильный премьер, отстаивавший неразрывность идеи «успокоения» и реформ, мог только раздражать. П. А. Столыпин должен был разделить участь С. Ю. Витте. Лишь трагедия 1 сентября 1911 года, когда Столыпина смертельно ранил агент полиции и провокатор Д. Г. Богров, не позволила царю отправить своего первого министра в отставку. Но у назначенного на его место В. Н. Коковцова не

могло быть сомнений в том, что Николай II желает видеть в премьер-исполнителя своей *самодержавной воли*, не нового Столыпина — властного и сильного, умевшего «дружить» с Думой и добиваться претворения в жизнь намеченных задач, а чиновника, понимающего пределы собственной власти не только «по закону», но и в соответствии с представлениями об этом царя.

Спустя месяц после смерти П. А. Столыпина в разговоре с Коковцовым императрица Александра Федоровна откровенно предупредила его: «Мы надеемся, что вы никогда не вступите на путь этих ужасных политических партий, которые только и мечтают о том, чтобы захватить власть или поставить правительство в роль подчиненного их воле». Разумеется, новый премьер заверил, что всегда старался быть «вне всяких партий», не забыв упомянуть и об усложнившемся положении — «в Думе нет более того сплоченного умеренно-консервативного большинства». Слушая его, Александра Федоровна неожиданно заметила, что премьер постоянно сравнивает себя со Столыпиным: «Мне кажется, что вы очень чтите его память и придаете слишком много значения его деятельности и его личности. Верьте мне, не надо так жалеть тех, кого не стало... Я уверена, что каждый исполняет свою роль и свое назначение, и если кого нет среди нас, то это потому, что он уже окончил свою роль и должен был ступать, так как ему нечего было больше исполнять. Жизнь всегда получает новые формы, и вы не должны стараться слепо продолжать то, что делал ваш предшественник. Оставайтесь самим собою, не ищите поддержки в политических партиях; они у нас так незначительны. Опирайтесь на доверие Государя — Бог вам поможет. Я уверена, что Столыпин умер, чтобы уступить вам место, и что это — для блага России».

Проще говоря, — Александра Федоровна искренне верила в возможность вернуться в прошлое, восстановив самодержавие в дореволюционных масштабах. Времена изменились, следовательно, должны измениться и политики. Вспоминая дела давно минувших дней, барон М. А. Таубе писал, что после убийства П. А. Столыпина идея «объединенного правительства» была похоронена, а «внутренняя борьба ведомств и соответствующих министров продолжалась подчас подлинно безрезультатно».

Мечтавший о восстановлении самодержавия во всей полноте, Николай II только укреплял «самодержавие» своих чиновников, оставляя за собой право в любой момент отправить их в отставку. Помыслы царя были по-своему честны и благородны. Самодержавная «идея» (так, как он ее

усвоил) заставляла Николая II с болью вспоминать манифест 17 октября 1905 года — ведь он с детства усвоил: права царя на неограниченную власть — *не политического происхождения, а религиозного*. Неслучайно С. Ю. Витте, отмечая развитие государственных пороков царя — как правителя самодержавного и неограниченного, четко (в двух словах) сформулировал *credo* Николая II: «Бог и я». Такая жизненная установка определяла и отношение к народу, идеализировавшемуся несмотря ни на что.

Удивлявшее многих современников благоволение царя к Союзу русского народа, возникшему в ноябре 1905 года, думается, не в последнюю очередь определялось его верой в исконный монархизм «простого мужичка», в грозные годы революции вставшего на защиту монархии и монарха. Так, 23 декабря 1905 года Николай II принял большую депутацию «союзников» во главе с председателем Главного совета Союза русского народа А. И. Дубровиным, который поднес царю и наследнику значки членства в СРН. Значки были приняты; царь просил передать свою благодарность всем русским людям, примкнувшим к СРН, особенно крестьянам, и призвал русский народ в трудный час к единению.

В июне 1907 года все газеты опубликовали текст телеграммы царя на имя Дубровина. «Передайте всем председателям отделов и всем членам Союза русского народа, приславшим Мне изъявление одушевляющих их чувств, Мою сердечную благодарность и готовность служить престолу и благу дорогой родины. Уверен, что теперь все истинно верные и русские, беззаветно любящие свое отечество сыны сплотятся еще теснее и, постоянно умножая свои ряды, помогут Мне достичь мирного обновления нашей святой и великой России и усовершенствования быта ее народа. Да будет же Мне Союз русского народа надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка. Николай».

Переписавший текст телеграммы в свой дневник граф И. И. Толстой констатировал, что царь всецело сочувствует ретроградным учреждениям черносотенцев и преисполнен радости по поводу роспуска Второй Государственной думы. Действительно, царская телеграмма не могла не обескуражить, — ведь даже в правых кругах Дубровин имел чрезвычайно плохую репутацию (Б. В. Никольский, например, называл его «противным, грубым животным»). Но дело было не в Дубровине, а в организации, которую он возглавлял. Царь верил, что Союз русского народа объединяет миллионы его верноподданных, что для этих миллионов слова о самодержавии — не пустые фразы. К тому же и устав СРН гласил: «Благо Родины — в незыблемом сохранении православия, русского

неограниченного самодержавия и народности», причем самодержавие «создано народным разумом, благословлено Церковью и оправдано историей; самодержавие наше — в единении царя с народом».

Это были мысли самого Николая II, политически воспитанного в духе старой уваровской триады. Безусловно, прав петербургский историк С. П. Подболотов, указывающий, что «Николай II с его патриархальным видением своей политической роли никогда не собирался заниматься партийной политикой. Сотрудничество царя с СРН и прочими монархическими организациями более носило характер взаимного ободрения, чем осуществления политической программы». Движение имело сочувствующего, но достаточно индифферентного царя, а роман с черной сотней так и не перерос в брачный союз. Самодержец не мог допустить появления рядом с собой влиятельного «вождя русского народа».

Конечно, черносотенцы были политическими единомышленниками Николая II, утверждая, что Россия не нуждается в партиях и законодательной Думе. Но единомышленники — это не «партийные соратники». Лидеры черной сотни полагали, что если коленопреклоненно попросить царя, то Россия легко вернется в прежнее состояние. Николай II, сожалеющий о сделанных в революционные годы уступках, был более трезв. По мнению исследователя С. А. Степанова, «вряд ли можно утверждать, что Николай II считал необратимыми свершившиеся перемены. Но он пытался в первую очередь уберечь оставшуюся у него власть и сдерживал нереалистические поползновения своих союзников». В столыпинскую эпоху, после государственного переворота 3 июня 1907 года, крайне правые не сумели вписаться в политическую систему, одним из архитекторов которой и был премьер. «В то время как политическое половодье бурлило и выплескивалось через узкое третьеиюньское русло, они вели бесконечные споры о том, можно ли восстановить самодержавную преграду».

Споры спорами, в нашем случае интереснее отметить единомыслие «союзников» с царем по принципиальному вопросу — о самодержавии. Неслучайно, по словам Витте, вся система государя состояла в качании на политических качелях, на одной стороне которых находился «порядочный, но недалекий Столыпин, а на другой — негодяй, тип лейб-кабатчика Дубровин». Когда власть окрепла, а революционная волна пошла на убыль, Николай II изменил тактику, вновь вернувшись к идее *личного общения* со своим народом. Полтавские торжества, проходившие летом 1909 года, в 200-ю годовщину победы войск Петра I над шведами, предоставили образец для встреч с крестьянами, инсценированных Министерством

внутренних дел в 1911 году (в Харькове и Чернигове) и в Беловежской Пуще годом позже. Однако, по мнению Р. Уортмана, «восторг, вызванный полтавскими торжествами, лишь четче размежевал монархию с новой политической нацией».

Воистину так! Новая политическая нация для Николая II была чем-то инородным, опасным, не «истинным». Он, царь, должен быть единственным предметом национальных чувств, ни Дума, ни сановники не могут и не должны с ним конкурировать. 26 июня 1909 года царь провел в оживленной беседе с полтавскими мужиками более трех часов, оставшись в восторге от встречи. На следующий день, 27 июня, за завтраком Николай II произнес речь, в которой ни разу не упомянул ни правительство, ни Думу, уповая на «единение царя с народом» и вновь подтверждая личный характер собственного правления. Как здесь не вспомнить, что приемы многочисленных черносотенных делегаций являлись результатом недоверия, которое испытывал царь к депутатам Государственной думы. В народных избранниках, вспоминал генерал А. А. Мосолов, он видел представителей не народа, а интеллигенции. Крестьянские делегации — совсем другое дело. С ними царь встречался охотно, говорил подолгу и приветливо, не утомлялся. «Так было на полтавских торжествах».

В те годы царь все более идентифицировал себя со своими предшественниками, вдохновлялся их успехами, начал даже осознавать себя военным вождем — по образу Петра I и Александра I. В это время царь часто говорил, что в случае войны возьмет на себя роль главнокомандующего. В начале 1911 года планировалось проведение в Зимнем дворце военной игры с картами под руководством Николая II. Лишь вмешательство великого князя Николая Николаевича, полагавшего, что игра может поставить всех в неловкое положение, заставило царя отказаться от этой затеи.

Итак, «национальный сценарий» восстановлен, вера в народ — подтверждена. После 1911 года не стало масштабного и яркого Столыпина, «заслонявшего» самодержца. Николай II мог тешить себя надеждой на восстановление старых политических «форм». Своеобразным напоминанием об этом можно считать открытие в Москве в мае 1912 года перед храмом Христа Спасителя памятника императору Александру III. Монарх изображался сидящим на троне, с царскими регалиями и в короне. Р. Уортман пишет, что «памятник отражал представления Николая II о том, что божественное предназначение, которое царь обретает во время коронации, — это единственный источник самодержавной власти». Власть царя сакральна, ибо он — помазанник Божий; коронация — религиозное

действие. Памятник должен был стать зримым доказательством этой важной для царя мысли. Потому он и приехал в Москву, в которой не был с 1903 года!

Вера Николая II в свои «сакральные» права, сочетавшаяся с убеждением в преданности ему «простого народа», искусно поддерживалась «верноподданнической» прессой, в то время много писавшей о государе — надежде земли. Пример сказанному — опубликованное в день рождения Николая II стихотворение некоего священника Ев. Б. под характерным названием — «Боже, Царя храни!».

Солнышко майское ясное
С неба лучи свои льет;
Звон колокольный торжественный
В храм призывает народ.
В день Государя рождения,
Бога — Владыку моля,
В тихой молитвенной радости
Слилась родная земля.
Жизни Всесильный Подателю,
Дай, чтоб Помазанник Твой навеки
Царствовал долго во здравии,
Волей Твоей Всеблагой!
Трон Его — Предков наследие, —
Славы России залог,
Молим: храни Всемогущею
Силой Твоею, наш Бог.
Нашему Солнышку красному,
Светлой надежде земли,
Счастья народа хранителю,
Счастье, Всевышний, пошли!..

Итак, царь — хранитель народного счастья, гарант светлого будущего своего народа. Революция прошла — и все стало как прежде. Но отвечал ли народ взаимностью? Блажен, кто верует! Даже православные епископы были далеки от безоглядной веры в «простой народ», откровенно предупреждая о возможных трагедиях грядущего дня. Патриархальная связь с монархом-отцом была разрушена.

В те же годы официальных празднеств и торжеств епископ

Екатеринославский Агапит (Вишневецкий) прислал в Святейший синод отчет, в котором характеризовал моральное состояние своей паствы:

«В религиозно-нравственном отношении, — пишет владыка, — прихожан епархии можно разделить на три группы. *К первой категории*, к сожалению, очень малочисленной, принадлежат люди русско-православного мировоззрения и старинного домостроевского уклада жизни. Занимаясь хозяйством, трудясь из-за материальных интересов не менее других, они, однако, подобно Аврааму, ясно сознают и постоянно помнят, что на земле сей они только „странники и пришельцы“. А потому не прилепляются к земному шару всей душой. Думают о Боге и о спасении своей души, о райских блаженствах святых и об адских мучениях грешников, хотя и представляют себе все это довольно грубо и материально. Люди эти честны, трезвы и целомудренны. Имеют в сердце своем страх Божий и каждый шаг свой делают осмотрительно, стараясь проверить его с своим упованием. <...> Сектантов и разных современных вольнодумцев отрицают всей душой, считая их хуже язычников, и за великий грех почитают входить с ними в общение. <...> Но с другой стороны, если из этой категории уклонится кто-либо в сектантство, то уже делается сектантом-фанатиком, упорным и непримиримым врагом Православия.

Вторая категория прихожан — категория, по численности своей самая большая. Это люди земли, „сыны человеческие“, с головой ушедшие в житейскую суету сует. *Земля* как главный источник их существования, и „душа“, в известном смысле известной земельной единицы, служат главным предметом их дум и разговоров, основным мотивом их поступков и деятельности. Верят эти люди в Бога, вечную загробную жизнь, верят в Церковь и во все церковные обряды. Но вера эта у них очень неясная, какая-то туманная, расплывчатая, перепутана с преданиями глубокой старины и с суевериями, а потому не проникает глубоко в их жизнь и не имеет на нее нравственного влияния. В жизни, в своих отношениях к миру и к близким люди эти не руководствуются религиею, а всегда поступают по житейским расчетам и соображениям. С утра до вечера, и в будни, и в праздники они всегда в труде, в хлопотах, в суете и работе. Им „всегда некогда“, все не время, все недосуг. Храм Божий они посещают, но исправно только по большим праздникам, в воскресные же дни — изредка. <...> К духовенству относятся почтительно, но официально. <...> Пьянства, воровства и других грубых, наглядных пороков среди категории этой не замечается. Но ложь, всякие обманные ухищрения и вообще недобросовестность среди них — обычные явления. В сектантство из этой

категории уклонений почти не бывает. <...>

Наконец, *третья категория*. Это, в большинстве своем, молодое поколение, невоспитанное, необузданное, беспринципное, которого коснулся современный тлетворный дух отрицания и сомнения, дух гордыни и неповиновения. Под влиянием новых идей, усердно распространяемых и левою прессою, и брошюрами, и ораторами революционного направления, а в особенности под влиянием порнографической лубочной литературы, современная молодежь исповедует только „культ плоти“ и делается совершенно индифферентной к религии вообще. Более того, делается кощунственно-неверующей, дерзкой и нахальной. Не хочет верить ничему святому, духовному, вечному, считая все это „выдумкою попов“ и правительства ради корыстных целей и порабощения простого темного народа. Над духовенством смеются и издеваются, при встрече с ним демонстративно не желают поклониться и вообще стараются держать себя вызывающе. Не признают и родителей своих и вообще авторитета старших. Пьянствуют, развратничают, хулиганствуют. В храм являются очень редко, разве только в самые большие и торжественные праздники: в Пасху, храмовый день, Рождество Христово, Новый год, Крещение. <...> Хозяйственным, земледельческим трудом заниматься они не любят. Стараются находить для себя более легкий труд и веселую компанию товарищей. *Мечтают о новой революции, от которой ждут для себя „земного рая“, то есть всяческих благ и удовольствий для тела, а главное — ничегонеделания* (курсив мой. — С. Ф.).

В обществе они совершенно оттеснили старших и являются первыми крикунами и застрельщиками. <...> Далеко отстоя от храма и Церкви по своему религиозно-нравственному настроению, они, однако, очень любят толковать о церковных делах, а особенно о церковных доходах, которые, по своему невежеству, преувеличивают в десятки раз, и распоряжение которыми мечтают забрать в свои руки. В случае какой-либо оплошности духовенства они же являются первыми подстрекателями и жалобщиками на него по начальству.

Вот три элемента современной деревни и современного прихода».

После таких признаний можно ли было говорить о жизненности идеалов «православия, самодержавия и народности»? Вопрос риторический. «Грядущий Хам», о котором (правда, по другому поводу) еще в 1906 году писал Д. С. Мережковский, был представлен епископом Агапитом во всей его неприглядной наготе. О том, что «христианская хрупкая тоненькая оболочка легко спадает с наших мужиков», в том же 1906-м писал и генерал А. А. Киреев. Но для Николая II это не было столь

очевидно, как для его более чутких современников. И после революции он верил «в мужика», не сомневаясь в том, что простой народ никогда более не пойдет против помазанника Божьего. Участвуя в праздновании юбилеев исторических событий, царь воспринимал себя как полноправного представителя русского народа и династии, а сами юбилеи — как *личные* праздники. В августе 1912 года Николай II участвовал в торжествах, посвященных 100-летию Бородинского сражения, и беседовал с приветствовавшими его крестьянскими старшинами. Для него они были представителями русского крестьянства в целом. Религиозный тон празднества заставлял царя верить в то, что все вернулось «на круги своя» (тем более что по настоянию московских монархически настроенных дворян в приветственной речи Николая II назвали самодержавным монархом). Неудивительно, что на Бородинские торжества депутаты Государственной думы не были приглашены.

Следующий, 1913 год для Российской империи также был юбилейным — исполнялось 300 лет царствующему дому Романовых. Торжественное празднование должно было продемонстрировать силу и мощь династии, доказать «вкорененность» самодержавных принципов «в плоть и кровь» русского народа, его «природный монархизм». Разумеется, что в проведении подобных торжеств особое место отводилось православной церкви, которая должна была своим *религиозным авторитетом* способствовать приданию празднику всенародного характера.

Однако цели и задачи властей явно диссонировали с политическими реалиями того времени. Столь громко отмечаемый юбилей наводил некоторых современников, в частности В. Б. Лопухина, «на мысли о будущем царского Дома», перспективы которого на распутинском фоне представлялись им грозными. Впрочем, далеко не всех. Крайне правые круги смотрели на торжества совсем по-иному, надеясь окончательно убедить самодержца в необходимости отмены акта 17 октября. По словам В. С. Дякина, «весь ход торжеств демонстрировал отрицательное отношение Николая II к навязанной ему „конституции“». Из написанного Кривошеиным проекта юбилейного манифеста были вычеркнуты слова о единении с „выборными от народа, призванными... к участию в законодательстве“». Царь первоначально не желал даже приглашать думцев на выход в Зимнем дворце.

Повторялась история годичной давности — рассматривая 300-летие как *личный* праздник, царь не желал видеть членов Государственной думы, претендовавших, как и он сам, на право называться представителями русского народа. Даже представители православной церкви, в 1905 году

надеявшиеся на то, что царь позволит созвать Поместный собор, к 1913 году не искушали судьбу соответствующими обращениями к самодержцу. В «Благословенной грамоте Святейшего Синода», подписанной всеми его членами, не содержалось хотя бы завуалированной просьбы решить наконец проблемы «церковных нестроений». Составленная в духе прежних восторженно-подобострастных посланий, грамота казенными фразами говорила о чувствах «беспредельной преданности» царю многомиллионных «чад Церкви», подчеркивая, что он «не раз засвидетельствовал пред лицом народа Твоего, что только в единении с Церковью все благо народа, только в православии — спасение народности нашей, только в неразрывном союзе Церкви с государством — сила и мощь Руси родной».

Кичливая напыщенность грамоты лишней раз давала критикам повод говорить о безусловном подчинении Церкви царству и об обслуживании православными клириками государственных интересов. Примечательны в этой связи воспоминания о 300-летию дома Романовых митрополита Вениамина (Федченкова), одного из представителей «ученого монашества», с 1913 года являвшегося ректором Тверской духовной семинарии. «Всюду были отданы приказы устраивать торжества. Заготовлены особые романовские кругленькие медали на Георгиевской треугольной ленточке. *Но воодушевления у народа не было. А уж про интеллигентный класс и говорить нечего. Церковь тоже лишь официально принимала обычное участие в некоторых торжествах. По-видимому, торжество предназначалось к поднятию монархических чувств против будто бы убитой революции. Но это не удалось. И вся эта затея была тоже искусственной*» (курсив мой. — С. Ф.).

Примечательно, что подобное заключение делал человек, в то время не потерявший связи с крестьянской средой, из которой вышел, и одновременно имевший возможность наблюдать отношение к юбилею церковной иерархии. Для Вениамина было очевидно, что монархические чувства как среди «культурных слоев» населения, так и в народной среде ослабели и торжества задумывались для укрепления царского авторитета. Но можно ли без воодушевления решать эту задачу? Очевидно, нет. Потому-то Вениамин и приходил к выводу о «малой торжественности» торжеств, — ведь «отбывалась временная повинность». Этот факт, думается, ясно показывал, что процесс *десакрализации власти* после революции 1905 года стал необратим (что, тем не менее, откровенно игнорировалось самодержцем).

1913 год начался с выпуска (1 января) серии российских почтовых

марок разного номинала, на которых изображались все российские самодержцы, вплоть до императора Николая II. Однако подобная «презентация власти» оказалась не вполне удачной — почтовые чиновники не решались ставить штемпель на марки, боясь «замарать царский портрет». В итоге, по докладу министра Двора В. Б. Фредерикса, марки с портретами изъяли из обращения в том же 1913 году. По мнению современного петербургского исследователя С. И. Григорьева, так закончился этот проект, — «вероятно, последняя попытка введения новых форм репрезентации образа Верховной власти в Российской империи». Неудача, думается, была вполне закономерна: отношение к царю как к известной государственной персоне, чье изображение используется «для технических нужд», трудно увязывалось с представлениями о самодержце как «земном боге», по крайней мере — помазаннике Божьем.

Разумеется, изображения царя украшали некоторые предметы быта его подданных, но считать это нормой никак нельзя. Как полагает Р. Уортман, предметы такого рода «ослабляли харизму монарха, который претендовал на то, чтобы быть величественным воплощением русской религии, русского государства и русской нации». По его мнению, многие из тех, кто относился с почтением к монарху, ощущали, что новые формы репрезентации унижают его достоинство, делая похожим на руководителей западных правительств. Возможно ли было избежать подобной «похожести», в то же время не ослабив «харизму»? Сказать трудно. Скорее всего, данная задача не имела однозначного решения. Царь хотел совместить «и то, и это», быть и «демократом», и самодержцем. О том, насколько ему удалось задуманное — разговор впереди.

...Юбилейные торжества открылись богослужением 21 февраля 1913 года в Казанском соборе столицы. Литургию совершал митрополит Петербургский Владимир (Богоявленский) в сослужении целого сонма архиереев: митрополита Сербского Димитрия, Киевского — Флавиана, Триполитанского — Александра и многих других. В соборе, где помимо Императорской фамилии и представителей правящих домов Европы собрались члены Государственного совета и Государственной думы, представители армии и флота, делегаты от различных обществ и сословий, находился и антиохийский патриарх Григорий IV, сослуживший после литургии молебен. От имени российской Церкви императора поздравили все члены Святейшего синода во главе с митрополитом Владимиром. Николаю II преподнесли большую (14 на 17) икону Знамения Божией Матери 1630 года. Кроме того, архиепископ Антоний (Храповицкий), будущий Первоиерарх Русской зарубежной церкви, специально «на 21

день февраля 7421 года», составил особую молитву, стилизованную под старославянский язык. Молитва эта, по благословению Святейшего синода прочитанная во всех церквях империи 21 февраля (в конце царского молебна), отличалась столь высокопарным стилем и была так «цветиста», что смысл ее не сразу мог быть понят.

Вольно или невольно, но Святейший синод своими речами, заявлениями и молитвами лишь содействовал созданию ложной атмосферы апофеоза самодержавия, в которой Николай II мог предаться мечтам о необходимости возвращения к старому, дореволюционному, политическому строю. Записывая в дневник впечатления о дне 21 февраля 1913 года, император отметил свое радостное настроение, напомнившее ему коронационные торжества 1896 года. Примечательно, что, по сообщению М. В. Родзянко, во время торжественного богослужения 21 февраля в Казанском соборе находился и Григорий Распутин. Рассказывая об этом, председатель Государственной думы перепутал факты и вымысел. Он писал, что на «старце» был надет наперсный крест на золотой цепочке. Не сомневаясь в том, что сибирский странник мог присутствовать в Казанском соборе 21 февраля 1913 года, стоит отметить как выдумку указание на священнический крест, в котором Распутин пришел на торжественное богослужение. В 1913 году он действительно принимал участие в торжественных богослужениях, на которых присутствовали высочайшие особы. Протопресвитер русской армии и флота Г. И. Шавельский вспоминал, как в 1913 году, в Костроме, «старец», стоявший на левом клиросе собора, молился вместе с царской семьей, стоявшей за правым клиросом. «Очевидно, — писал отец Георгий, — так было повелено: иначе его попросили бы уйти оттуда».

Весной того же 1913 года состоялось торжественное прославление патриарха Гермогена (Ермогена), сопричисленного православной церковью к лику святых. Прославление патриарха именно в год 300-летнего юбилея правившей тогда династии, разумеется, нельзя считать случайностью. В статье о новом святом, опубликованной в апреле «Церковными ведомостями», заявлялось о целом ряде чудотворений, произошедших на его могиле, и о том, что православные жители Москвы обратились в Святейший синод с ходатайством о сопричтении патриарха к лику святых «как великого молитвенника за Святую Русь». Святейший синод, в свою очередь, поднес царю всеподданнейший доклад, в котором, изложив дело, приурочил прославление к воскресному дню 12 мая, озаботившись составлением особой службы святителю. В статье сообщалось также, что 4 апреля, ознакомившись с докладом, император написал на нем о своем

удовлетворении («Прочел с чувством истинной радости»). Впрочем, на торжества Николай II не прибыл, отправив в Москву лишь поздравительную телеграмму. Во время московских торжеств он находился в Германии на бракосочетании Виктории-Луизы Прусской (с 9 по 12 мая) и даже не упомянул (в своем дневнике) о происходившем в то время церковном прославлении святителя.

После участия в прославлении святого Серафима Саровского самодержец более не присутствовал на всероссийских церковных торжествах, имевших место после революции 1905–1907 годов. Его не было в июне 1909 года на втором прославлении великой княгини Анны Кашинской; в мае 1901-го — на праздновании перенесения святых мощей преподобной Евфросинии Полоцкой; в сентябре 1911-го — на прославлении святителя Иоасафа Белгородского. Делать из этого какие-либо принципиальные выводы, полагаю, не следует (ведь все решения Святейшего синода утверждались не кем иным, как самодержцем), но отметить — стоит. Если Саровский старец был для императора близким, «своим» святым, поездка на прославление которого летом 1903 года была не данью необходимости, а потребностью верующего сердца, то другие праведники, канонизированные в его царствование, не вызывали у Николая II столь глубоких чувств.

Впрочем, вернемся в 1913 год. Вернувшись в Россию, Николай II с семьей 15 мая отправился в большое путешествие по памятным для династии историческим местам. С 16 по 28 мая он побывал во Владимире, Суздале, Нижнем Новгороде, Костроме, Ярославле, Ростове, Переславле и Москве, а также в некоторых пригородных монастырях. Везде, где бывал император, православная церковь устраивала торжественные богослужения, крестные ходы и т. п. Николай II встречался с «народом» — принимал волостных старшин, представителей духовенства, хуторян. Разумеется, были встречи с должностными лицами губерний, с местным дворянством. 25 мая царь поклонился гробнице патриарха Гермогена. Пребывание в Первопрестольной вновь, как и в 1912 году, напомнило Николаю II коронационные торжества 1896 года. В целом впечатления от путешествия остались у царя самые радужные. «Въехали в свой дом с отрадным чувством исполненного долга», — записал он в дневнике 28 мая.

Однако на этом празднование юбилея не завершилось. 1 июня в Большом Царскосельском дворце Николай II принял придворное духовенство и служащих Министерства Двора. По случаю 300-летия клирики поднесли ему большую икону Федоровской Божьей Матери, а служащие — статую патриарха Филарета Никитича, основателя династии

Романовых. Статую разместили в государевых покоях. Подношения были со смыслом — икона Покровительницы рода и изваяние отца царя Михаила Федоровича напоминали о незыблемости идеалов «православия, самодержавия и народности» с давних пор и «до веку». Николай II был не только наследник по крови (по крайней мере, с формальной точки зрения), но, что гораздо важнее, — наследник Московского царства по духу. Он — представитель народа, который, к слову сказать, в лице Григория Распутина в тот же день 1 июня встречался с венценосцем.

У Николая II, воспринимавшего свою власть как служение России и русскому народу, по логике, не должно было быть секретов от верноподданных. Они *имели право все знать* о царе. Очевидно, Николай II именно так и думал, пропустив через личную цензуру книгу о самом себе, написанную профессором А. Г. Елчаниновым. Р. Уортман, обративший внимание на труд Елчанинова, справедливо указал, что при изложении материала профессор склоняется то к панегирику, то к демократической пропаганде. «Основное значение книги „Царствование Государя Императора Николая Александровича“, — полагает исследователь, — заключается, однако, не в ее воздействии на русскую публику того времени, а в ее воздействии на самого царя».

Очень точное наблюдение! Книга рассказывала всем, как Николай II понимал свою власть и как он хотел, чтобы ее понимал народ. Царь лично вымарал предложение, утверждавшее, что «Государь Император считает своими ближайшими сотрудниками в законодательной деятельности призванные Им к жизни обновленный Государственный совет и Государственную думу». Считая изменение государственного строя в 1905–1906 годах своей ошибкой, он решил, что если уж невозможно скрыть совсем ее результаты, то хотя бы не надо их «выпячивать». Царь поступал так же, как человек, случайно замаравший одежду и раздражающийся оттого, что на нее пристально смотрят окружающие.

Книга состоит из двенадцати разделов, в которых последовательно рассказывалось о царе как «державном кормчем» Русской земли; о «венценосном труженике»; его личной жизни и жизни его семьи; об охоте, развлечениях и театре; о царских детях; о православии самодержца; об отношениях царя и народа; царя и армии; о народных торжествах; государственных преобразованиях и государевой работе; наконец, о высоком значении царского служения. Книга открывается пространной цитатой статьи о «чине действия Священного Коронования». Таким образом, подчеркивается роль императора как помазанника, принимающего царство с молитвой к Богу, дабы Он наставил его «в великом служении, яко

Царя и Судию Царству Всероссийскому, да будет сердце Его в руку Божию, во еже вся устроить к пользе врученных Ему людей и к славе Божией, яко да в день суда Его непостыдно воздаст Ему слово». Внимание читателя обращается на молитвенный подвиг царского служения, цель которого — благо подданных. Заявив о столь высоком предназначении самодержавной власти, профессор А. Г. Елчанинов начинает излагать историю повседневной жизни Николая II.

Царь (в духе Петра I) представлен «работником на троне», рано встающим (в 8, а иногда и в 7 часов утра); первый завтрак («простой и умеренный») заканчивающимся к 9 часам, после чего приступающим к работе в своем кабинете. Хотя с 10 до 11 предусматривалась прогулка (с любимыми собаками породы колли), «но на самом деле» Николай II уже с 10.30 принимает чинов двора. В 11 часов — лично пробует пищу полков (поочередно — либо лейбгвардии Собственного Его Величества пехотного, либо — Конвоя). Далее следуют доклады, прерываемые 13-часовым обильным завтраком, хотя также «простым и скромным». Около 14 часов у царя — вновь приемы, продолжающиеся до 15–16 часов. Потом — час отводится прогулке, час проводится в кругу семьи и — работа, работа, работа, до 20 часов (когда подается обед). Проведя с семьей за обедом полтора часа, царь снова работает, ложится спать не ранее полуночи. «Не менее 10 и часто до 12 часов в сутки работает Державный Хозяин Земли Русской, — сообщалось читателям, — в том числе — не менее четырех часов один, не более семи часов спит, не более пяти-шести часов уделяет на принятие пищи и общение, в виде отдыха, с Семейей».

В изложенном ошибки или сознательного обмана не было, что подтверждается и более поздними сообщениями царских слуг, оставивших на этот счет свои воспоминания. Описывая распорядок жизни Николая II, личный камердинер Александры Федоровны А. А. Волков лишь отметил, что за обедом и завтраком царь выпивал по одной маленькой рюмке вина (сливовицы), а во время войны вина вообще к столу не подавали. «Исключение делалось только в тех случаях, когда к столу бывали приглашенные. Только дети постоянно пили предписанное врачами Сан-Рафаэль». В 1910-е годы жизнь царя и его семьи была спокойной и размеренной, в ней царили любовь и взаимопонимание. Описать эту атмосферу в официальной книге, разумеется, было невозможно, но сообщить читателям о том, как проходит частная жизнь самодержца и его государственная деятельность, — вполне. При этом задача отделить «приватное» от «общего» не преследовалась. А. Г. Елчанинов, как и редактировавший его Николай II, прекрасно понимали, что жизнь

самодержца необходимо показывать как не прерывающееся ни на минуту служение Родине.

Поэтому вполне естественно выглядело и упоминание о «религиозной составляющей» жизни самодержца. В книге сообщалось о том, как царь молится, присутствует на всенощной, слушает Божественную литургию, в посты, вместе с семьей, ведет воздержанный образ жизни. Отмечалось, что в Пасху он христосуется с множеством поздравляющих его лиц (более трех тысяч человек), что все они получают в подарок «пасхальные яички из драгоценных металлов или уральских камней изящной работы». Благочестие (как отличительная черта монарха) подчеркивалось и указанием на то, что он ни одного дела не начинал без молитвы к Богу, у Которого искал «вразумления и поддержки» в делах, — ведь «от Господа Бога, как Помазанник Божий, ведет Он свою власть». Вера царя в происхождение собственной власти (как власти, от Бога исходящей), убеждение в покровительстве свыше находили отклик во всех наиболее важных делах его царствования.

Именно поэтому он и стремился сохранить самодержавие в тех формах, в которых оно сложилось в России за прошедшие века. Измена самодержавию была равнозначна религиозной измене, что для верующего казалось невозможным и святотатственным. Разумеется, такая идеология предполагала и неизменное исполнение тех правил, которым должен был следовать каждый православный. Как и все благочестивые подданные, царь и его семья несколько раз в год исповедовались и причащались. В обязательном порядке — на Страстной неделе, предшествующей Светлому Христову Воскресенью (в среду Николай II, его супруга и дети всегда исповедовались, а в четверг — причащались).

До своей смерти (в 1910 году) духовником самодержца и его близких был протопресвитер И. Л. Янышев. В 1911 году его обязанности исполнял протоиерей Петр Афанасьевич Благовещенский, сакелларий собора Зимнего дворца. Однако духовником царской семьи отец Петр не стал. Через год в официальной должности царского духовника утвердили протоиерея ведомства придворного духовенства Николая Григорьевича Кедринского. Но, очевидно, и он чем-то не удовлетворял самодержца. Завоевать доверие царя смог другой клирик — протоиерей Александр Петрович Васильев, с 1914 года ставший его духовником. Его в семье любили и привечали. И неудивительно: отец Александр, ко всему прочему, считал Григория Распутина «прекрасным человеком». Кроме того, Александра Федоровна очень любила его службы и всегда до конца их выстаивала, восхищаясь тем, что он громко читал все молитвы, даже

произносящиеся вполголоса в алтаре. Деликатность и чуткость к внутренней жизни семьи самодержца — вот что требовалось от духовника, и протоиерей А. П. Васильев в глазах Николая II и Александры Федоровны отвечал этим требованиям. В биографии профессора А. Г. Елчанинова об этом, понятно, не говорилось (к тому же в 1913 году духовником состоял протоиерей Н. Г. Кедринский), но о существовании у самодержца официального духовника было хорошо известно. Все это только подчеркивало глубокую «православность» русского царя, жившего полнокровной религиозной жизнью.

Так формировался образ в высшей степени погруженного в государственные дела, любящего семью и народ *православного монархотца, умеющего и любящего работать*. Для сановников такая работа была «чистейшим наслаждением», а «обворожительность приемов Русского Царя вошла в поговорку во всем мире...». Пожалуй, подобным оборотам мог бы позавидовать любой сатирик, желающий посмеяться над монархом, но сам монарх этого не замечал. Ему хотелось выглядеть так и только так — правильным человеком с ясным умом и великолепными манерами. Манеры (если под ними понимать умение вести себя в обществе) действительно были безупречны. Но о «чистейшем наслаждении» и «обворожительности приемов» можно поспорить.

Человек — всегда человек. Государственный деятель тоже. Монарх — от рождения государственный человек, который должен уметь подчинять свою жизнь интересам страны, даже в ущерб себе и своему расписанию. Николай II государственной работы не любил, хотя и старался делать ее как прилежный ученик домашнее задание, освобождая больше времени для отдыха и развлечений. Современники подметили это еще давно. «Если дела личные привлекают высочайшее внимание, — писал знавший государя с юных лет А. А. Половцов, — то дела правительственные скользят быстро». Подметил он и другую особенность Николая II — *запиской* требовать от министра, отстаивавшего во время всеподданнейшего доклада собственное, отличное от государева, мнение, категорического исполнения того, чего желал государь; записка посылалась через несколько дней после доклада.

Николай II не терпел противоречий и не любил спорить. По словам С. Ю. Витте, царь предпочитал тех государственных людей, которые его развлекали (как морской министр адмирал А. А. Бирилёв, забавлявший его и Александру Федоровну шуточками и анекдотами). Не понимавший этого сановник имел мало шансов заслужить высочайшее доверие. Но тот, кто правильно усваивал «правила игры», умел все представлять «в розовом цвете», мог рассчитывать на внимательное отношение царя к своим

докладам. Среди «усвоивших» был и военный министр В. А. Сухомлинов. Уже в разгар Великой войны, в 1915 году, Николай II вынужден был отправить генерала в отставку, назначив на его место А. А. Поливанова. Человек иного склада, Поливанов всегда говорил то, что думал. К тому же он имел хорошие отношения с депутатами Государственной думы.

«Доклады министра происходили два раза в неделю, по понедельникам и четвергам, — вспоминал «народный избранник» Б. А. Энгельгардт. — В один из понедельников Поливанов делал обычный доклад, никаких возражений со стороны царя не вызвавший. На прощанье, подавая руку, Николай II сказал: „итак, до четверга...“ Вернувшись домой, Поливанов нашел на столе письмо царя с объявлением о своем увольнении, написанное до того, как царь говорил о предстоящей встрече». Увольняя министров, царь обычно использовал традиционную фразу: «Согласно прошению», хотя часто бывало так, что они этих прошений в действительности не подавали. Неужели все это — достойные примеры обворожительности, вошедшей в поговорку?

Существовало и еще одно обстоятельство, о котором следует сказать, разбирая официальную биографию последнего самодержца, — рисуя картину самодержавного правителя, ее составитель А. Г. Елчанинов ни словом не обмолвился о том, насколько зависим от своих чиновников был царь. Граф И. И. Толстой, в правительстве С. Ю. Витте занимавший пост министра народного просвещения, был уверен в том, «что, выслушивая доклады каждого министра в отдельности, находясь все время под впечатлением калейдоскопа меняющихся периодически лиц и мнений, Государь не получает возможности руководить внутреннею политикою государства, но, напротив, теряет ее, несмотря на все честное желание удержать „бразды правления“ в своих руках». По мнению Толстого, право всеподданнейшего доклада, которым пользовались министры, являлось краеугольным камнем самодержавия чиновничества, заменившего самодержавную власть монарха.

Калейдоскоп ежедневных встреч, постоянное желание показать свою самодержавную волю, проявляемое обыкновенно по мелочам (о чем уже была возможность поговорить), при болезненном самомнении и подозрительности, часто воспринимавшимися как двоедушие, приводили к тому, что власть монарха ограничивалась правом заменять министров по усмотрению — и не более. В свою очередь, министры могли манипулировать «Державным Хозяином Земли Русской», прикрываясь его собственной «волей» и правами (особенно учитывая, по словам И. И. Толстого, что «серьезные и принципиальные дела составляли всегда

незначительную часть всего преподносимого Его Величеству министрами»).

Понимал ли абсурдность положения сам Николай II? Понимал. И даже выразил однажды намерение собирать под своим председательством Совет министров, на котором могли бы делаться очередные доклады. Благое пожелание, увы, не было осуществлено. Рутинная продолжала затягивать: императору не оставалось ничего, как заявлять: «Я работаю за троих. Пусть каждый умеет работать хотя бы за двоих», продолжая заполнять свое время «личным трудом», посещением учреждений и войск. Император старался честно играть свою роль, не внося в ее исполнение никаких принципиальных изменений. Как здесь не согласиться с утверждением о том, что чувство реальности было у него отражением собственного образа и ощущением своего политического предназначения... Этот образ и зафиксировала официальная биография последнего самодержца.

Биография, впрочем, содержала информацию не только о государственной деятельности монарха, во всем показывающего пример своим подданным. Читатели могли узнать и о некоторых пристрастиях Николая II, о том, как он проводит досуг, что предпочитает. Могли узнать и некоторые факты из жизни его семьи. Так, сообщалось, что царь занимается изучением прошлого своего Отечества, наполняя «немногие досуги» историческими беседами и чтениями в кругу семьи, особое внимание уделяет правлению Тишайшего Алексея Михайловича. Внимательный современник из этого без труда мог сделать вывод о том, почему единственного сына самодержца назвали Алексеем, и даже догадаться об отношении Николая II к основателю Российской империи — Петру Великому. Неслучайно подчеркивалось и тяготение государя «ко всему русскому». Он хорошо знал классическую русскую литературу, любимым писателем его был Н. В. Гоголь. Иногда в кругу семьи и близких (в число которых неизменно входила ближайшая подруга Александры Федоровны — А. А. Вырубова) царь читал вслух. «Это всегда было очень интересно, — вспоминала Анна Александровна, — читал он превосходно».

В книге Елчанинова сообщалось также и о спортивных увлечениях царя — ходьбе, верховой езде и езде на самокате, игре в теннис, в кегли, о любви к плаванию и гребле. Действительно, Николай II был одним из самых «спортивных» русских монархов. Современники писали, что за царем нелегко поспевали даже молодые флигель-адъютанты, сопровождавшие его на длинных пеших прогулках. В теннисе он достиг определенного мастерства, умело сопротивляясь графу Сумарокову-Эльстону, чемпиону России по этому виду спорта. Во время одного из

поединков, писал Б. А. Энгельгардт, «чемпион с такой силой всадил свой мяч в коленную чашку царя, что тот хромал после этой игры в течение двух дней». Царь любил море и при первой же возможности купался — и в Крыму, и в финских шхерах.

Много путешествуя, Николай II пристрастился к фотосъемкам, стал (как и вся его семья) страстным фотолюбителем. И у него, и у его детей были фотоаппараты, и из каждой поездки привозились целые собрания снимков. Благодаря этой страсти последнего венценосца сохранилось огромное количество фотографий, связанных с частной жизнью его семьи. Однако самым любимым развлечением самодержца была охота на оленей, кабанов, зайцев, фазанов и другую дичь. В Беловежской Пуще ходили на зубров. К охоте царь пристрастился еще будучи наследником. Первый «мастер-класс» дал ему дядя — великий князь Владимир Александрович. В декабре 1891 года будущий царь убил первого своего лося.

И в дальнейшем он не отказывал себе в удовольствии «бить зверя». Современники не всегда одобряли эту царскую страсть. В 1901 году генерал Е. В. Богданович даже просил любимого камердинера Николая II — Н. А. Радцига — дать своему хозяину, слишком часто ездящему на охоту, соответствующие наставления. «Сегодня тоже поехал в 10 часов утра, а вернется к вечеру, — отмечала супруга генерала. — Поэтому очередные доклады министерств отложены, а между ними и доклад министра внутренних дел. Время теперь тяжелое — надо делом заниматься». А. В. Богданович не могла понять, что для самодержца охота была не просто развлечением, это было бегство от себя, от государственных дел и принятия ответственных решений, короче говоря — от необходимости нести непосильную ношу самодержавного монарха. Отвлечение давало силы: «... как всегда чувствовал себя после охоты бодрым», — записал Николай II весной 1906 года..

Будучи блестящим стрелком, царь из самолюбия стрелял только наверняка, скрупулезно записывая в дневник, сколько и какой живности он убил. Так, в 1895 году на охоте и «просто так» он убил 125 зверей и птиц, в 1896-м — 260, в 1904-м — 551, в 1905-м — 199, в 1906-м — 1157, в 1914-м — 246 и т. д. Во время Великой войны царь не охотился. Как видим, год на год не приходится. Но показательно, что более всего животных он убил в тяжелейшем для страны 1906 году. Не ограничиваясь выслеживанием и отстрелом диких лесных животных и «дичи», Николай II любил стрелять по воронам, также фиксируя в дневнике, сколько птиц убил (в опубликованном дневнике царя, согласно моим подсчетам, есть

информация о 29 подстреленных воронах). Однажды царь убил в лесу дятла и сову. Для охотников-профессионалов, живущих отстрелом животных, даже случайное убийство этих птиц считается экстраординарным событием.

Для Николая II, вероятнее всего, все обстояло иначе. Удивительное хладнокровие позволяло царю, простояв церковную службу и приняв доклад министра, на прогулке в дворцовом парке убить кошку, а затем продолжить череду обычных дел. А ведь, согласно русскому поверью, убить кота — семь лет ни в чем удачи не видать. Конечно, право человека — верить или не верить примете, но факт остается фактом — царь убивал ради убийства. То был выход агрессии всегда ровного и спокойного царя; если угодно — охота и отстрелы, в которых участвовал царь, можно понимать как ее своеобразное переориентирование. «Уже древние греки знали понятие катарсиса, очищающей разрядки, — писал выдающийся австрийский ученый К. Лоренц, — а психоаналитики прекрасно знают, какая масса похвальнейших поступков получает стимулы из „сублимированной“ агрессии и приносит добавочную пользу за счет ее уменьшения». Но как бы то ни было, это предположение может служить объяснением, но не оправданием «убийства кошки». Жестоким человеком Николай II не был. Однажды в Крыму в царскую спальню занесло красную куропатку. Найдя ее под кроватью, царь сам выпустил ее в окно. В другой раз он искренне пожалел «бедного лося», напоровшегося на решетку у Петербургского шоссе и «убившегося». Но одно дело — специальное выслеживание дикого зверя или прогулка «со своим ружьем», предпринятая с целью кого-нибудь подстрелить (ворону ли, кошку — неважно), а другое — случайность. Полагаю, что корни «сентиментального» отношения к куропатке и лосю заключаются именно в этом.

Описывая привычки царя, официальный биограф ничего не написал о пристрастии Николая II к курению. Станным это обстоятельство признать конечно же нельзя. В XIX веке курение не считалось чем-то дурным, более того — вредным. Курили тогда многие. Царь впервые узнал вкус табака в двадцать один год. «Не выдержал и начал курить, уверив себя, что это позволительно...» — записал он в дневнике в 1889 году. И в дальнейшем, уже будучи самодержавным владыкой, он не мог скрыть радости, получая «табачные подношения». «В 2¹/₂ ч. принял посланного от Султана Ариф-Пашу, — отмечал он в дневнике, — он привез серебряный столик с предметами для курения и целый шкафчик с папиросами. Табак самый

практичный и приятный подарок, по-моему!» Когда началась Великая война, император шутил, что успел к ней подготовиться. «Новый запас табака был мне привезен в Крым от Султана незадолго до начала войны, — говорил он, — и, таким образом, я оказался в этом отношении в довольно благоприятных условиях». Курил он папиросы, не переносил (как и супруга) запаха сигар. Единственным человеком, который в присутствии высочайших особ мог курить сигары, был престарелый Г. И. Гирш — лейб-хирург, скончавшийся в 1907 году. Его уважали и любили, считая чуть ли не членом царской семьи (примечательно, что постепенно главный надзор за детьми императора перешел к гофлектрисе Е. А. Шнейдер, приходившейся племянницей Гиршу, — для Александры Федоровны данное обстоятельство имело важное значение). Но дозволенное Г. И. Гиршу было скорее исключением, лишь подтверждавшим общее правило: при Николае II и Александре Федоровне сигар закуривать не полагалось. Со временем при дворе стало традицией курить папиросы; к концу официального обеда сам государь подавал присутствовавшим пример, доставая из портсигара папиросу и вставляя ее в пенковый коленчатого вида мундштук.

В общении последний самодержец старался быть простым и естественным. Насколько это ему удавалось — другой вопрос, но спокойствие редко покидало Николая II. К прислуге царь и его семья старались проявлять максимум внимания, о чем, разумеется, также упоминалось в книге А. Г. Елчанинова. Большинство тех, кто состояли в качестве слуг царя и его семьи, происходили из дворцово-служительского сословия, существовавшего еще при крепостном праве. Они были блюстителями установленных при дворе обычаев и традиций, противодействовать которым не мог никто. Однако это не сказывалось на их политических убеждениях. При выборах в Думу дворцовая прислуга голосовала преимущественно за представителей крайне левых партий. Гордясь своей службой при царе, эти люди жили как бы в параллельных мирах, умудряясь сочетать монархизм и веру в призывы и обещания противников самодержавия. Иногда случались и курьезы. В конце 1902 года, незадолго до переезда в Петербург, царь «захворал болями в ухе». Вызвали специалиста-врача, заставшего Николая II кричащим от боли. Немедленно прописали успокоительное средство, но «камердинер отказался идти за ним в аптеку и, несмотря на продолжавшиеся крики больного, утверждал, что это дело не его, а какого-то солдата». Понятно, что камердинер — не низшая прислуга, но случай не может не вызывать удивления.

В 1913 году было официально заявлено и о том, что царь ведет дневник. Для информированных современников это никогда не было тайной. Но одно дело — знание о факте, другое — публичное сообщение, как ежедневно, «перед сном Государь обязательно заносит в свой дневник впечатления дня, — хотя бы в нескольких словах, — где бы он ни находился — в пути, дома, в чужих краях...»^[87]. С какой целью в книге о последнем самодержце появилась информация о дневнике — неясно. Об этом писала А. В. Богданович, слышал (то ли от С. Ю. Витте, то ли от П. А. Столыпина) А. С. Суворин. Последний, кстати сказать, полагал, что Николаю II следует вести дневник, «потому что обвинений против него в мемуарах современников будет очень много». Как в воду глядел! Одного лишь не предвидел издатель «Нового времени»: дневник царя был всего лишь кратким информационным листком, — по остроумному замечанию К. Ф. Шацилло, несомненно являясь «ценнейшим источником для всякого собирающего материал о состоянии погоды в местах пребывания царя с 1882 по 1918 год».

Осуществлявший общую редакцию царских дневников, изданных в 1991 году, московский историк К. Ф. Шацилло полагал, что царь записывал то, что ему было интересно, а интересовало его только и исключительно то, что касалось его семьи (хотя и сохранение в стране самодержавия воспринималось им как семейное дело). Если согласиться с К. Ф. Шацилло, то следует признать: дневник царя не предназначался для истории. Следовательно, и сообщать о его ведении в официальной книге не следовало. Мало ли кто что делает перед сном... Но политический расчет и здравый политический смысл не интересовали последнего самодержца. Он не собирался давать «исторический отчет», очевидно, полагая, что суд потомков для помазанника Божьего — «суета сует». Готовить себе оправдание в виде дневника было ниже его достоинства. Вынужденный ежедневно заниматься решением политических вопросов, царь мечтал о жизни частного человека. Его дневник и стал этому доказательством.

Значит ли сказанное, что заявление о приоритете частной жизни есть негативная характеристика последнего самодержца? Нет, такой вывод был бы ошибочен. Николай II искренне полагал, что имеет право на приватность. Иначе не стал бы редактировать книгу А. Г. Елчанинова. Не желая публичного обсуждения себя и своей семьи, он не хотел скрывать от подданных того, как проходит будничная жизнь порфириносцев и их детей. Да и скрывать-то было нечего. Семья была дружная и чистая. Неслучайно в книге имелся специальный раздел о царских детях, в высокопарных выражениях сообщавший банальную правду: родители любили детей, а те

отвечали им взаимностью... Чем проще и откровеннее истина, тем сложнее бывает в нее поверить. Однако в царской семье все обстояло именно так, как излагалось в книге.

К 1913 году старшие дочери Николая II были уже барышнями, будущее которых обсуждалось не только в царской семье, но и в великосветских салонах, кабинетах Министерства иностранных дел. Что их ждет, за кого они выйдут замуж, насколько их брак будет выгоден Российской империи? Прежде всего говорили о старшей великой княжне — Ольге, которую называли самой одаренной из всех дочерей царя. Религиозная и склонная к мистицизму, не только по характеру, но также по осанке и грации напоминавшая мать, она, по словам А. А. Вырубовой, «думала о браке с Борисом Болгарским. Еще ребенком она получила от него в подарок какую-то драгоценность и с тех пор говорила о браке с ним». Трудно сказать, насколько сказанное соотносится с реальностью, — прошлое оставляет нам загадки, решить которые не всегда возможно, но сообщенное ближайшей подругой Александры Федоровны следует учитывать, имея в виду, что в 1912 году сановный Петербург бурно обсуждал «помолвку» великой княжны и внука Александра II — великого князя Дмитрия Павловича.

Как это часто бывает, слух оказался неверным: старшая дочь Николая II замуж не вышла. Не вышла замуж и любимая дочь царя — великая княжна Татьяна. Младшие сестры Ольги и Татьяны, в силу возраста, накануне войны с матримониальной точки зрения еще не рассматривались. Императрица, лично занимавшаяся воспитанием великих княжон, внимательно следила за тем, с кем они общаются, опасаясь сближения дочерей с аристократическими семьями и даже с многочисленными кузинами. Стремясь воспитать детей «правильно», императрица уделяла большое внимание религиозной «составляющей». Ее дочери были глубоко религиозными и мистически настроенными христианками («под влиянием Распутина молоденькие великие княжны утверждали, что они никогда не выйдут замуж, если замужество может означать отход от православия»).

Они глубоко любили Россию и, если верить А. А. Вырубовой, «не допускали мысли о замужестве вне пределов родины и вне православия. Девушки хотели служить России, выйти замуж за русских и иметь детей, которые бы тоже служили России». Максимализм юности не девальвирует искренность чувств великих княжон, но вызывает некоторые недоумения — а как же «избранник» Ольги Николаевны, болгарский принц Борис? Впрочем, логика в данном случае неприменима: та же А. А. Вырубова заявляла, что только революция помешала дочерям последнего самодержца

выйти замуж за представителей иноземных царствующих домов. По ее же утверждению, императрица «пролила немало слез, зная, что как царские дочери, они никогда не смогут выйти замуж по любви, а выбор их должен быть обусловлен политическими или иными подобными соображениями».

Но удивительно не это. В конце концов дочери поступили бы так, как предписали бы им родители, — с самого раннего детства великим княжнам прививалось чувство долга. Важнее другое — странный инфантилизм царских дочерей, о котором писали общавшиеся с ними современники. «Надо отметить, — вспоминал генерал А. А. Мосолов, — что великие княжны — я говорю о том периоде, когда две старшие были вполне взрослыми барышнями, — часто разговаривали как 10–12-летние дети». Ничего удивительного в том не было: лишенные возможности нормально общаться со сверстницами, жившие по правилам, жестко установленным матерью, великие княжны были обречены обходиться без близких друзей, на правах детей занимая свое место в мире взрослых.

Как уже говорилось, с течением времени надзор за ними перешел к гофлектрисе императрицы — Екатерине Адольфовне Шнейдер, племяннице лейб-медика Г. И. Гирша. В свое время она учила русскому языку великую княгиню Елизавету Федоровну и сумела произвести наилучшее впечатление на ее младшую сестру. Эта обрусевшая иностранка не предала своих венценосных покровителей, оставшись с царской семьей и после гибели монархии. К сожалению, искренность и честность не всегда могут заменить воспитание. Е. А. Шнейдер при всех своих достоинствах была только исполнительницей предначертаний Александры Федоровны, не имея возможности стать для царских дочерей учителем и наставником. Русскую жизнь она знала плохо (если вообще знала). Собственно, жизнь для нее ограничивалась двором и правилами придворного этикета. Думается, инфантилизм царских дочерей, о котором писали современники, и был расплатой за подобное воспитание. Родители воспринимали их как маленьких детей даже тогда, когда Ольге и Татьяне Николаевнам было уже по 18–20 лет.

Здесь, впрочем, стоит сделать отступление, вспомнив, что старшая дочь Николая II имела возможность выйти замуж в 1917 году. Многократно упоминавшийся генерал А. А. Мосолов писал, как в годы Великой войны, уже в качестве посла в Румынии, докладывал императрице о матримониальных намерениях румынского принца Кароля. Александра Федоровна высказала намерение пригласить королеву Румынии и принца Кароля в Царское Село на пасхальные праздники 1917 года. После этого и предполагалось обсудить, насколько возможен этот брак. Но Мосолов

чувствовал, что царю, которого он об этом оповестил, было бы приятнее узнать, что Александра Федоровна отказала: «...расставаться с дочерью было неприятной перспективой для отца». Другой современник, генерал А. И. Спиридович, наоборот, писал, что родители обеих сторон к возможности брака относились благожелательно.

Румынский принц приезжал в Царское Село (вместе с председателем Совета министров Румынии Братиано) в самом начале 1917 года. 9 января по случаю пребывания высокого гостя в Александровском дворце Царского Села состоялся парадный обед, на котором присутствовали и три царские дочери — Ольга, Татьяна и Мария. В официальных сообщениях и комментариях российских газет никаких намеков на то, что визит Кароля имеет «брачный» характер, не было. Современники вспоминали, как принц сожалел о том, что за все время пребывания в Царском Селе ему ни разу не удалось поговорить с великой княжной Ольгой Николаевной без посторонних. В результате 26 января 1917 года Кароль, пожалованный орденом Святого Владимира 4-й степени, безрезультатно отбыл на родину. История несостоявшегося брака оказалась закрытой. Случившаяся месяцем позже революция навсегда похоронила даже обыкновенную возможность личного счастья великих княжон, сделав их арестантками — заложницами политической катастрофы, подведшей под русской монархией роковую черту...

Они целиком и полностью соответствовали той роли, которая отводилась национальным мифом дочерям «благочестивейшего самодержца»: скромные, верующие, послушные воле родителя. Жизнь распорядилась так, что в историю они вошли, сыграв эту единственную роль, «растворившись» в отце и матери. Если это рассматривать как невольную (хотя и чистосердечную) жертву, то это жертва идее, самодержавной идее, стилизованной Николаем II под XVII век. Идея поглотила личное счастье, а в итоге и жизнь, дав взамен страстотерпческую славу. Но об этом позже. В 1913 году будущая трагедия монархии со всей отчетливостью еще не просматривалась. Апологеты самодержавия имели возможность заявлять, что «Россия воплощается в своем Царе», а царь «есть высшее проявление понимания народом русским своей судьбы». В качестве доказательства казалось вполне нормальным вспомнить о гимне: «Боже, Царя храни! Сильный, Державный, царствуй на славу нам! Царствуй на страх врагам, Царь православный! Боже, Царя храни!» Однако чем дальше, тем больше слова гимна становились только словами; содержание выхолащивалось, а форма продолжала существовать.

Если для монархистов 300-летний юбилей дома Романовых был государственным праздником, главным действующим лицом которого являлся самодержавный государь, то для политической оппозиции это было напоминание об «отсталости» и «дикости» политического бытия России. Один из самых талантливых публицистов русской социал-демократии — Л. Д. Троцкий откликнулся на 300-летие памфлетом, героем которого стал правящий монарх. Понятно, что для революционеров царь был средоточием всех бед страны, ответственным за любые «преступления и злодеяния» режима. И все же, по моему убеждению, памфлет Троцкого игнорировать не стоит, ибо в нем содержится квинтэссенция всех «левых» претензий к самодержавию. В духе Троцкого большевики писали о царе и после того, как они захватили власть, и даже когда автор был объявлен «врагом трудового народа», агентом всевозможных разведок и фашистским наймитом.

Итак, для Троцкого Николай II не просто «августейший штампель» (как его назвал еще в 1904 году П. Б. Струве), силой обстоятельств он стоит в центре всей государственной машины, оказывая на ее ход определяющее влияние и «усугубляя ее подлый святошески-разбойнический, церковно-погромный характер». При этом сам Николай II, по словам автора, — «вырожденец по всем признакам, со слабым, точно коптящая лампа, умом, со слабой волей», воспитанный «в атмосфере казарменно-конюшенной мудрости и семейно-крепостнического благочестия своего родителя, крутого и тупого Александра III». Давая столь яркую и резкую характеристику, Троцкий указал и на то, что Николай II имеет много черт, роднящих его с «полоумным Павлом».

Схема была проста и удобна. Описывая самодержца, она позволяла критиковать самодержавие, и наоборот. Грубо, развязно и безжалостно, но тем не менее верно Троцкий указывает на главную черту личной политики Николая II — охранение самодержавия (как он пишет, «самодержавного идиотизма, общественной и государственной неподвижности»). Охранение самодержавия для автора — это преодоление козней и чар исторического процесса, приостановка колеса развития. Для доказательства составляется и список «достижений» царя, открываемый Ходынкой «с 5000 трупов». Далее упоминаются стачки и выступления рабочих, закончившиеся их убийством; закрытие периодических изданий; репрессивная студенческая политика; отлучение от Церкви Л. Н. Толстого и политика в отношении

Финляндии; Русско-японская война; 9 января 1905 года; ненависть к инородцам, покровительство погромам и дело Бейлиса, которое якобы «ведется в угоду царю»; и наконец, государственный переворот 3 июня 1907 года.

Свалив в одну кучу всё и вся (и случайные трагедии, и государственные просчеты, и церковные решения), Троцкий нарисовал картину деградации власти, возглавляемой «ничтожным по духу», но «всесильным по власти» царем, не забыв поиздеваться над его предрассудками, достойными эскимоса, и кровью, «отравленной всеми пороками ряда царственных поколений». После 9 января 1905 года, утверждал Троцкий, «царь становится признанным и открытым покровителем... разномастной, но одинаково преступной сволочи» (партии «политических фальшивомонетчиков», с одной стороны, и «банды кровопускателей» — с другой). «Это — его единомышленники, его соратники, его духовные братья. <...> Это — его партия, это — подлинный, романовский „народ“».

Вывод напрашивался сам собой — самодержавие есть безусловное зло, а его апологеты могут рассчитывать только на поддержку презренного политически-националистического. Троцкий договорился до того, что заявил: в любой «культурной» стране такого человека, как Николай II, приговорили бы к пожизненным каторжным работам, конечно, если бы признали вменяемым. Получалось, что носитель «славы и чести якобы „трехсотлетней“ династии» по своим моральным, интеллектуальным и деловым качествам вполне соответствовал клонящейся к неизбежному концу преступной монархической государственности. Иначе говоря, Николай II — человек из прошлого, которое должно погибнуть. Символ соответствовал символизируемому.

Выставляя политический счет самодержцу, Троцкий коснулся и национального вопроса — одного из наиболее болезненных в многонациональной Российской империи. По его мнению, Николай II более всего не любил евреев. Антисемитизм — тема деликатная, говорить об этом, прилагательно к истории последнего самодержца, нелегко. Безусловно, можно отделаться констатациями, но они вряд ли помогут разобраться в вопросе. Прежде всего необходимо отметить, что Николай II был сыном своего отца, а Александр III слыл ярим антисемитом. Современники отмечали особую ненависть царя-миротворца к евреям, на одной из резолюций написавшего, «что все евреям приключаящееся заслужено ими, потому что сами они хотели, чтобы кровь Иисуса Христа осталась „на нас и на детях наших!“»^[88]. Неудивительно, что с 1881 по

1894 год было издано 65 законов, направленных против евреев.

Николай II в этом отношении был последовательным единомышленником венценосного родителя: за двадцать лет правления (до июня 1914 года) он издал еще 50 законов и распоряжений антиеврейской направленности.

«В этой вакханалии соревновались министры и губернаторы, городские управления и учебные округа, — пишет Б. Динур. — Естественно, что это рождало „еврейский бунт“, — неизбежное сопротивление». «Сопротивление» опосредованно влияло на политические настроения царя; круг замыкался, и все начиналось по-новому. Неслучайно история правления Николая II показывает, что «мистические настроения» царя в области еврейского вопроса подсказывали ему только решения, согласные с пожеланиями Союза русского народа. В этом контексте можно рассматривать и «дело» М. Бейлиса, суд над которым состоялся в юбилейном 1913 году, осенью, в городе Киеве. Еврея Бейлиса обвиняли в ритуальном убийстве христианского мальчика Андрея Ющинского. И хотя присяжные оправдали обвиняемого, «дело» способствовало распространению погромной литературы и мифов о «еврейских религиозных изуверах».

Действие (в том числе и социальное) обыкновенно вызывает противодействие. Так было и осенью 1913 года. Либеральная и революционная общественность как России, так и Запада бурно реагировала на киевский процесс, по стране прокатилась волна митингов и протестов. Царя, в то время отдыхавшего в Крыму, постоянно информировали о происходившем. На фоне нараставшего рабочего движения средневековое обвинение евреев выглядело не только абсурдным, но и политически опасным. Но «пьеса» была разыграна до конца. И хотя черносотенцы не получили удовлетворения, а православные богословы официально признали, что миф о ритуале не имеет под собой никакого основания, репутация России, несомненно, пострадала. Вспоминая то время, «ликвидационные процессы, дело Бейлиса и под[обное]», протоиерей Сергей Булгаков с горечью констатировал: «Россия экономически росла стихийно и стремительно, духовно разлагаясь». О «стихийном росте» речь пойдет немного позже, а сейчас хочется обратить внимание на жестокость булгаковского признания, звучащего как приговор («духовное разложение»)! Судебный процесс в Киеве стал «полицейской Цусимой», то есть новым поражением власти. «Дело» Бейлиса, таким образом, негативно повлияло и на отношение к монарху — самодержавному правителю многонациональной империи.

Впрочем, был и еще один важный момент. По мнению такого квалифицированного юриста, как А. С. Тагер, «неоднократные доклады, которые по этому делу представлялись Николаю II как по Министерству юстиции, так и по Министерству внутренних дел, так, наконец, и по Министерству иностранных дел, свидетельствуют о том, что *все это начинание имело за собою с начала и до конца поддержку и одобрение самого царя*».

И подвел итог: *«Так союз воровской шайки, убившей Ющинского, с государственной прокуратурой и командовавшей организацией объединенного дворянства был возглавлен царской фигурой»*.

Моральное одобрение, действительно, часто бывает не менее важно, чем юридическое «оформление» тех или иных решений. Это, вероятно, и имел в виду А. С. Тагер. Николай II до конца жизни относился к евреям с подозрением. Через год после отречения от престола, в марте 1918 года, ознакомившись с книгой С. А. Нилуса об Антихристе, куда были включены «Протоколы сионских мудрецов», он отметил в дневнике: «весьма своевременное чтение». Очевидно, революцию 1917 года он считал не в последнюю очередь результатом действия «жидо-масонских сил». С убеждениями не поспоришь! А ведь он был не только царем православным, но и «Белым царем», то есть благодетелем и милостивцем для всех своих подданных. Несомненно, Николай II искренне желал играть роль такого «милостивца», но, увы, это удавалось ему далеко не всегда.

По большому счету, проблема заключалась не только в евреях, которых в империи проживало около шести миллионов. Многие зависело от того, как «инородцы» в большинстве своем относятся к русской короне, насколько они считают русского царя «своим» господином. Это беспокоило многих современников последнего самодержца. Считая свое время переходным, являющимся «в истории исходным или для обновления России, или для ее распада и гибели», граф И. И. Толстой в своих мемуарах отмечал: по переписи 1897 года в империи было приблизительно 128 миллионов жителей. Прирост населения составлял 1,8 процента ежегодно, соответственно, к 1906 году на бескрайних просторах России проживало 150 миллионов. Из них 97 миллионов славян и до 53 миллионов неславянских народов (причем только 56 миллионов великороссов, 25^{1/2} миллиона малороссов, 6^{1/2} миллиона белорусов и 9 миллионов поляков). Убирая поляков из общего числа славян, получали более 58 процентов «русских» и 42 процента «инородцев». «В отношении культурности, — писал граф, — русские стоят далеко не на первом месте: культурнее их

поляки, немцы, которых в России более полутора миллионов, финны Великого Княжества».

В таких условиях необходимо было проводить чрезвычайно аккуратную национальную политику, опасаясь резких заявлений и непродуманных действий. На практике все было не так. К примеру, «пренебрежение национальными и вероисповедными интересами местного населения, дикое самоуправство административной власти и массовая конфискация земель в интересах колонизации превратили Казахстан и Среднюю Азию во взрывоопасный для царизма регион, подготовив почву для андижанского восстания 1916 года». Известный отечественный ученый В. С. Дякин, которому принадлежат процитированные выше строки, полагал, что национальный вопрос в эпоху последнего царствования стал одним из важнейших дестабилизирующих факторов. К сожалению, необходимо признать безусловную верность данного заявления, согласившись и с тем, что «при определенной степени зрелости этносов, включенных в состав многонациональных империй, удержание их в одном государстве становится возможным только при помощи силы. Поэтому как только империя демонстрирует отсутствие такой силы, она разваливается».

В 1913 году казалось, что у империи сила есть, что она сможет решить свои проблемы и выйти на исторический простор обновленной и сильной. Экономические данные, свидетельствующие о состоянии России, вселяли оптимизм. Укреплялась уверенность в том, что окончательное решение земельного вопроса не за горами. А раз так, то коренное великорусское население, несомненно, будет самой крепкой опорой самодержавной власти. Насколько верны оказывались подобные ожидания? Попробуем ответить.

Земледельцы составляли большинство подданных русского монарха. И. И. Толстой полагал, что не ошибется, утверждая, что из общего числа 88 миллионов «русских всех трех наречий» не менее 70–75 миллионов — хлебопашцы. Таким образом, по его мнению, кардинальным вопросом русской жизни являлся аграрный, «в широком смысле». Нельзя сказать, что вопрос этот не решался — после Первой российской революции крестьянская жизнь постепенно изменялась к лучшему. Согласно данным 1912–1916 годов, площадь Европейской России (не считая Польши и Финляндии) была около 410 миллионов десятин, из которых 130 миллионов составляли пахотные земли, 80 миллионов — луга, 130 миллионов — леса и 70 миллионов — земли, неудобные для занятия сельским хозяйством. Более 50 процентов леса и большое количество неудобных земель принадлежало казне (около 110 миллионов десятин). 35

миллионов десятин числились как земли уделов, а также городские, церковные, банковские, войсковые. Свыше 75 процентов пахоты и лугов находились в руках крестьян — это более 180 миллионов десятин. Частные владельцы распоряжались 55 миллионами десятин, половину которых составляли леса. Ежегодно более миллиона десятин переходили в руки крестьян при посредстве Крестьянского банка.

«Не прошло бы и двадцати лет, — полагал Б. А. Энгельгардт, — как аграрный вопрос, чисто эволюционным путем, оказался бы фактически разрешенным полностью». Оптимистические прогнозы делали в то время и иностранные эксперты, писавшие о серьезном улучшении экономических условий жизни русских крестьян^[89].

Можно ли было доверять им? Безусловно, можно, но с некоторыми комментариями. Глубоко изучавший аграрные проблемы николаевской России В. С. Дякин полагал, что финансирование сельского хозяйства не могло существенно изменить в лучшую сторону положения деревни, а это неминуемо должно было сказаться (и сказалось) на политическом будущем страны. В экономическом и политическом строе империи не были преодолены полуфеодальные пережитки, затруднявшие приток капиталов в сельское хозяйство. Это привело к тому, «что в третьеиюньский период диспропорция между промышленным и сельскохозяйственным производством увеличилась. По подсчетам С. Н. Прокоповича, — писал ученый, — чистый прирост производства (без влияния изменения цен) составил с 1900 по 1913 год в промышленности 62,7 процента, а в сельском хозяйстве 33,8 процента. В обоих случаях этот прирост почти целиком падает на 1907–1913 годы. При этом рост производства в сельском хозяйстве происходил в значительной мере за счет экстенсивных факторов — увеличения посевных площадей за Уралом и на юго-востоке Европейской России и серии урожайных лет. Наименьшую роль в некотором подъеме сельского хозяйства сыграла земельная реформа, влияние которой только начинало сказываться...». Логика В. С. Дякина понятна — он связывает возможности качественных изменений в деревне с проведением социально-политических реформ. Остановка реформ, таким образом, для сельского хозяйства была равносильна строительству большого здания при отсутствии прочного фундамента.

Однако существовало и еще одно обстоятельство. Россия, при всем своем предвоенном движении вперед, существенно отставала от европейских стран — как своих союзников, так и будущих противников. Из всех ведущих мировых держав, вставших на путь капитализации народного хозяйства, по всем имперским структурам Россия занимала последнее

место (только Великороссия приближалась к среднемировому уровню). По размеру национального дохода у России было четвертое место в мире, по среднедушевым показателям она находилась на предпоследнем месте, опережая лишь Японию, но не достигая среднемирового значения. Все российские качественные показатели (как то: объем промышленного производства на человека и годовая выработка одного рабочего) составляли половину среднемировых значений, в 5–10 раз уступая Соединенным Штатам, Германии и Великобритании. И это притом что в период между 1890 и 1913 годами русская промышленность увеличила свою производительность в четыре раза! С 1910 по 1914 год число вновь учреждавшихся акционерных обществ возросло в России на 132 процента, а положенный в них капитал — почти в четыре раза. Экономическое развитие — несомненно, но оно не успевало за стремительно менявшейся политической обстановкой, заставлявшей серьезных политиков задумываться о приближающейся войне. А ведь по основным показателям оснащения вооруженных сил Россия уступала не только армиям Германии и Франции, но также Италии, Австро-Венгрии, Японии. Даже в мирное время российская промышленность в лучшем случае могла обеспечить только текущие нужды вооруженных сил в основных типах вооружений, а современных ударных систем в императорской армии было в два — пять раз меньше, чем в Германии и во Франции.

Примеры можно продолжать. Но что из этого следует?

Только одно: по качественным показателям, характеризующим степень индустриализации, страна, как отмечает историк А. И. Степанов, «являлась развивающейся аграрно-индустриальной державой, обладавшей огромными возможностями. По природно-демографическому потенциалу она занимала одно из ведущих мест в мире после Британской империи, значительно превосходя (в 1,5–6 раз) все остальные державы. По уровню индустриализации общества и экономическому потенциалу в целом Российская империя, включая ее центральные части, наряду с Японской империей, входила в третью группу индустриально развивающихся стран, в которых были созданы основы крупного машинного производства, имелся значительный отряд фабрично-заводских рабочих...». О чем это говорило? Только о том, что легенда о «русском паровом катке», который своей мощью может раздавить любого врага, могла дорого стоить стране.

«Недооценка потенциала вероятных противников России в предстоящей войне, — продолжает А. И. Степанов, — явилась одной из причин дезориентации верховной власти, рассчитывавшей на кратковременную победоносную кампанию». Но дело конечно же было не

только в дезориентации власти. Европейские политики (и в России, и на Западе) понимали, что европейская война неизбежна. Уже после катастрофы 1917 года и Гражданской войны граф В. Н. Коковцов вспоминал: «Война была предрешена еще тогда, когда у нас были убеждены, что ее не будет, и всякие опасения ее считались преувеличенными либо построенными на односторонней оценке событий». Будучи в Берлине за восемь месяцев до начала войны, он ясно осознал: мирное время подходит к концу, развязка приближается неотвратимым шагом, и «ряд окончательных подготовительных мер, начатых еще в 1911 году, то есть за три года, уже замыкает свой страшный цикл, и никакое миролюбие русского императора или искусство окружающих его деятелей не в состоянии более разомкнуть скованной цепи, если не совершится чуда». В конце 1913 года В. Н. Коковцов доложил государю о своей поездке, дополнив рассказ личными впечатлениями, сводившимися к убеждению в близости и неотвратимости катастрофы. Николай II ни разу не прервал своего премьера, закончив беседу сакраментальной фразой: «На все воля Божия!»

Была ли это покорность судьбе, понимание своей обреченности, ощущение скорой трагедии? Кто знает... Не будем гадать.

Глава четвертая

У БЕЗДНЫ НА КРАЮ: ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И ЦАРЬ

Священное Писание говорит нам о том, что ревностная вера требует военных подвигов, поддерживаемых уверенностью в Божьей помощи и надеждой на победу (одновременно политическую и религиозную). «С Богом мы окажем силу; Он низложит врагов наших», — говорит псалмопевец (Пс. 59:14). В древнем Израиле война была религиозным делом; это отношение к ней сохранилось и в христианской традиции. Борьба требовала божественной санкции, оправдания своих действий и обвинения врага. И хотя искушение отождествить Божье дело с земным благополучием всегда было велико, это никого и никогда не останавливало. И в древности, и в начале XX века актуально звучал библейский вопрос: «Зачем мнутятся народы, и племена замышляют тщетное? Восстают цари земли, и князья совещаються вместе против Господа и против помазанника Его» (Пс. 2:1–2). За историю цивилизации война, к сожалению, стала страшной нормой человеческой жизни, находя себе оправдание и объяснение. Однако вплоть до начала XX века европейцы не представляли, насколько кровавой и страшной может быть вооруженная борьба, а также какие последствия она может принести и победителям, и побежденным. Первая мировая война в этом смысле оказалась самым страшным за всю предшествовавшую историю экспериментом, «достижения» которого были превзойдены только в годы Второй мировой...

Действительно, за 1914–1918 годы по абсолютному размеру человеческих потерь были побиты все рекорды — Великая война собрала больше жертв, чем все войны, начиная с 1790 года, то есть за 125 лет. Прямые военные расходы России составили 113 миллиардов франков (золотом). К 1 сентября 1917 года (за тридцать семь с половиной месяцев войны) военные расходы страны превысили 41 миллиард рублей, колоссально выросла ее задолженность перед странами-кредиторами. Если вспомнить, что до войны национальное достояние России оценивалось в 120 миллиардов рублей, то мы лучше поймем всю трагичность экономического и политического положения империи в 1914–1917 годах, когда государственный долг составил более 50 процентов всего национального богатства! Зная все это, невольно задаешься наивным

вопросом: неужели нельзя было избежать столь масштабной трагедии, результатом которой стала не только гибель России, но и ее врагов — Австро-Венгрии и Германии? Конечно, представить все последствия Великой войны современники не могли (хотя многое понимали), но избежать глобального конфликта главные политические игроки европейской сцены, увы, возможностей не имели. Вспомним, каков был расклад сил накануне 1914 года.

Отношения России и Германии стали напряженными еще в царствование Александра III, не желавшего чрезмерного усиления молодой европейской империи в ущерб Французской республике. Политику Германии русский монарх считал двойственной, направленной против России. Для подобных выводов имелись основания: еще в октябре 1879 года был заключен пятилетний оборонительный австро-германский договор, имевший яркую антироссийскую направленность. В дальнейшем договор неоднократно продлевался. В 1882 году Бисмарк привлек на сторону Германии и Австро-Венгрии Италию. Между странами был заключен секретный договор, направленный против Франции и России. Не желая втягивать свою страну в европейскую войну, Александр III всеми силами старался предотвратить возможные военные осложнения и не брать на себя никаких военно-политических обязательств.

Однако международная ситуация диктовала свои правила: когда в 1891 году кайзер Вильгельм II объявил о возобновлении Тройственного союза между Германией, Австро-Венгрией и Италией, Александр III официально заявил о состоявшемся сближении между Россией и Францией. Летом 1892 года был подписан проект секретной военной конвенции, согласно которой в случае нападения Германии на Францию Россия обязывалась начать войну с Германией. Так же должна была поступить и Франция, если Россия начала бы войну с Австро-Венгрией и (или) Германией. В декабре 1893 года конвенцию утвердили. Так в Европе оформились два военных блока, что недвусмысленно свидетельствовало о начале подготовки к войне за господство на континенте. С тех пор и вплоть до революции 1917 года Франция стала главным союзником России.

В свою очередь, Великобритания в начале XX века все больше втягивалась в конфликт с Германией, что толкало ее на сближение с Францией и (в перспективе) — с Россией. Убежденным поборником такого сближения был король Эдуард VII, кроме всего прочего, испытывавший личную неприязнь к Вильгельму II. Немецкий кайзер, прекрасно понимавший всю сложность борьбы с объединенными против Германии Францией и Великобританией, стремился превратить Россию в

политического союзника своей страны и тем самым разрушить антигерманский фронт. Осенью 1904 года, в разгар Русско-японской войны, был даже составлен проект договора, согласно которому «в случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, союзница ее придет к ней на помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. В случае надобности обе союзницы будут также действовать совместно, чтобы напомнить Франции об обязательствах, принятых ею на себя согласно условиям договора франко-русского союза»^[90]. Проект корректировался в ноябре, когда Вильгельм II предложил в статье 1-й записать, что русский царь предпримет необходимые шаги, чтобы сообщить Франции этот договор, побудив ее присоединиться к нему в качестве союзницы.

Однако ничего из предложенного кайзером не вышло — Николай II понял, что союз с Германией будет означать разрыв с Францией, являвшейся, кстати сказать, крупнейшим кредитором Российской империи. В следующем, 1905 году Вильгельм II попытался вновь добиться у царя подписания союзного оборонительного договора. Встретившись в Балтийском море, в июле 1905 года императоры подписали документ, согласно которому в случае нападения в Европе на одну из договаривающихся стран другая должна была оказать ей военную помощь. «Вернулся домой под самым лучшим впечатлением проведенных с Вильгельмом часов!» — записал в дневнике царь.

Впечатление, впрочем, довольно скоро оказалось испорчено: соглашение, названное по имени острова, рядом с которым состоялось свидание императоров, — Бьоркским, — вызвало настоящий дипломатический скандал, встретив противников в лице великого князя Николая Николаевича, председателя Комитета министров С. Ю. Витте и министра иностранных дел России В. Н. Ламздорфа. В конце концов царь вынужден был написать «кузену Вилли», что договор может вступить в силу только в случае согласия с ним Франции. Это означало восстановление политического *status quo* и дипломатический проигрыш германского императора. Кайзер, как мог, старался воздействовать на Николая II, заявляя: «Мы соединили свои руки и подписали договор перед лицом Бога, который слышал нашу клятву... То, что подписано, — подписано. Бог наш свидетель. Я жду твоих предложений»^[91].

Но предложений не последовало. Так усилия немецкой дипломатии оказались напрасными: «При молчаливом согласии Николая II бьоркский младенец был признан мертворожденным»^[92]. Случившееся тем не менее

заставило беспокоиться союзников России. Раймон Пуанкаре, в годы Великой войны занимавший пост президента Франции, в работе «Происхождение мировой войны» признавался, что они «всегда чувствовали себя в зависимости... от ошибки или уступчивости русского императора». Интимную дружбу «Ники» и «Вилли» Пуанкаре рассматривал как потенциальную угрозу союзническим обязательствам России по отношению к Франции. История показала ошибочность такого подхода, но то, что он имел место, само по себе показательно. Верность союзникам Николай II доказал в полной мере. Но случилось это позже, а тогда, в начале 1910-х годов, сохранялась надежда на дипломатическое решение имевшихся проблем.

Ухудшение отношений России с Германией компенсировалось изменением (в лучшую сторону) ее отношений с Туманным Альбионом. Более того, именно эти отношения навсегда похоронили даже мысль о возможности заключения оборонительного союза с Германией: 31 августа 1907 года при содействии Франции было подписано англо-русское соглашение, касавшееся Афганистана, Тибета и Персии. С тех пор борьба Антанты с Австро-германским блоком развивалась по нарастающей. Как писал советский историк В. М. Хвостов, «с 1911 года военная опасность грозной тучей непрерывно висит над Европой. Не успеваешь разрешиться один кризис, как уже возникает другой»^[93]. Марокканский конфликт, Итало-турецкая война, Балканские войны 1912–1913 годов — все это свидетельствовало о неизбежном приближении общеевропейского конфликта (хотя ухудшение международного положения не сказывалось на встречах русского монарха с немецким кайзером: они проходили и в 1907-м, и в 1909-м, и в 1910-м, и в 1912 годах). Время от времени Вильгельм II встречался и с английскими монархами (Эдуардом VII и сменившим его Георгом V).

Будучи верным союзником слабеющей Австро-Венгрии, Германия, хотел этого кайзер или нет, во многом влияла на нагнетание в Европе военной истерии. Стремясь решить «славянский вопрос», не считаясь с политическими интересами соседней России, Габсбургская монархия неизбежно входила с ней в конфликт, разрешение которого в большей степени зависело не от австро-венгерских вооруженных сил, а от мощи стального немецкого кулака. Для европейских дипломатов и военных это было очевидно точно так же, как и то, что отказаться от своей миссии на Балканах для России значило «сдать без сопротивления врагам славянских народов занятые вековыми усилиями политические позиции».

«В Вене и в Берлине отлично понимали, — писал в воспоминаниях

министр иностранных дел империи С. Д. Сазонов, — что без России никакого балканского вопроса в двадцатом веке бы не было и что Сербия и Болгария уже давно перестали бы существовать как независимые государства.

Это убеждение послужило отправной точкой той политики, которая привела в 1914 году к мировой войне, а вслед за ней — к безвозвратной гибели Габсбургской Монархии и к крушению, хотя и временному, государственной мощи России и Германии».

Подготовка к войне — дело не одного дня, требующее не только наращивания военной мощи, но и организации тылов. Для России таким «тылом» был Дальний Восток, где укреплялась победившая империю Япония. В 1910 году Страна восходящего солнца формально аннексировала Корею. Самая сильная держава Дальнего Востока, Япония имела свои интересы и в Китае, в котором в 1911 году произошла революция и власть богдыхана пала. После этого правитель Монголии отказался повиноваться республике и отложился от Китая. В ноябре 1912 года он заключит соглашение с Россией. А год спустя Николай II уже принимал в Петербурге монгольское посольство, наградившее его орденом Чингисхана. Великобритания признала интересы России во Внешней Монголии, точно так же поступила и Япония. Восточная Внутренняя Монголия с согласия России становилась сферой влияния Японии, а Тибет — сферой влияния Великобритании. В ноябре 1913 года благодаря России Китай признал национальную автономию Монголии. Все складывалось таким образом, что интересы России и Великобритании на Дальнем Востоке оказывались защищенными от агрессивной Японии.

Силы можно было направить на решение европейских дел, тем более что англо-германский антагонизм в начале 1910-х годов постоянно усиливался. Германские политики отдавали себе отчет, что мирным исходом накопившиеся проблемы не решить. Следовательно, обострялся вопрос о том, когда лучше начать военные действия. Для Германии 1914 год оказался наиболее оптимальным. В июле 1914 года статс-секретарь ведомства иностранных дел Вильгельма II — Г. фон Ягов откровенно писал об этом немецкому послу в Лондоне. «В основном Россия сейчас к войне не готова. Франция и Англия также не захотят сейчас войны. Через несколько лет, по всем компетентным предположениям, Россия уже будет боеспособна. Тогда она задавит нас количеством своих солдат; ее Балтийский флот и стратегические железные дороги уже будут построены. Наша же группа (Германия и Австро-Венгрия. — С. Ф.) между тем все более слабеет»^[94]. Откровеннее не скажешь.

К войне готовились все, но наиболее подготовленной оказалась Германия. Этим необходимо было воспользоваться. Однако признаваться в очевидном для политика не всегда правильно. Поэтому уже после войны, лишившись короны и проживая в эмиграции, Вильгельм II выпустил мемуары, в которых стремился доказать, что его страна к войне в 1914 году не готовилась. Стремясь переложить «пальму первенства» за развязывание войны на страны Антанты, кайзер приводил слова Николая II, якобы сказанные им весной того рокового для Европы года гофмаршалу: «Je resteraï chez moi cette annee, parce que nous aurons la gueree»^[95]. Вильгельм II не мог не вспомнить и случай в Бьорке, и встречу в Балтийском порту в 1912 году, когда Николай II давал ему честное слово и клялся «в неизменной дружбе и благодарности за корректное отношение Германии в Русско-японскую войну, и обещал не выступать на стороне врагов Германии, если бы разгорелась война, а особенно никогда не быть заодно с Англией». Вот уж действительно: каждый видит то, что хочет! Р. Пуанкаре опасался тесных контактов русского и германского императоров, а Вильгельм II возмущался коварством и лицемерием Николая II. Характер царя давал право на претензии и тому, и другому.

Хотел ли Николай II войны, стремился ли к ней? Безусловно, не хотел. Но обстоятельства порой оказываются выше воли монархов. Добрая воля не всегда все решает. Будучи прекрасно осведомленным о состоянии экономики России и подготовленности ее вооруженных сил, царь не мог желать военной развязки. Для империи война могла стать историческим приговором, обжаловать который не было ни времени, ни возможностей. Многие современники думали так же, как царь, опасаясь неизбежной катастрофы. Одним из них был П. Н. Дурново, в октябре 1905-го — апреле 1906 года занимавший пост министра внутренних дел. Составленная им в феврале 1914 года записка давно известна исследователям, неоднократно указывавшим на удивительные прозрения этого сановника. П. Н. Дурново, слывший ярым германофилом, предсказал не только ближайшие перспективы возможной войны России с Германией, но и верно указал ее последствия. Его записка — настоящее «сивиллино пророчество», привести которое (хотя бы в выдержках), на мой взгляд, необходимо для лучшего понимания русской трагедии, ознаменованной 1917 годом.

«Центральным фактором переживаемого нами периода мировой истории, — писал Дурново, — является соперничество Англии и Германии. Это соперничество неминуемо должно привести к вооруженной борьбе между ними, исход которой, по всей вероятности, будет смертельным для побежденной стороны. Слишком уж несовместимы интересы этих двух

государств, и одновременное великодержавное их существование, рано или поздно, окажется невозможным. <...> Предстоящее в результате отмеченного соперничества вооруженное столкновение ни в коем случае не может свестись к единоборчеству Англии и Германии. Слишком уж неравны их силы и, вместе с тем, недостаточно уязвимы они друг для друга. <...> Несомненно поэтому, что Англия постарается прибегнуть к не раз с успехом испытанному ею средству и решиться на вооруженное выступление не иначе, как обеспечив участие в войне на своей стороне стратегически более сильных держав. А так как Германия, в свою очередь, несомненно, не окажется изолированной, то будущая англо-германская война превратится в вооруженное между двумя группами держав столкновение, придерживающимися одна германской, другая английской ориентации.

До Русско-японской войны русская политика не придерживалась ни той, ни другой ориентации. Со времени царствования Александра III Россия находилась в оборонительном союзе с Францией, настолько прочном, что им обеспечивалось совместное выступление обоих государств в случае нападения на одно из них, но, вместе с тем, не настолько тесном, чтобы обязывать их непременно поддерживать вооруженною рукою все политические выступления и домогательства союзника. Одновременно Русский двор поддерживал традиционно дружественные, основанные на родственных связях, отношения с Берлинским. Именно благодаря этой конъюнктуре в течение целого ряда лет мир между великими державами не нарушался, несмотря на обилие наличного в Европе горючего материала. <...> Русско-японская война в корне изменила взаимоотношения великих держав и вывела Англию из ее обособленного положения. Как известно, во время Русско-японской войны Англия и Америка соблюдали благоприятственный нейтралитет по отношению к Японии, между тем как мы пользовались столь же благожелательным нейтралитетом Франции и Германии. Казалось бы, здесь должен был быть зародыш наиболее естественной для нас политической комбинации. Но после войны наша дипломатия совершила крутой поворот и определенно стала на путь сближения с Англией. В орбиту английской политики была втянута Франция, образовалась группа держав Тройственного Соглашения с преобладающим в ней влиянием Англии, и столкновение с группирующимися вокруг Германии державами сделалось, рано или поздно, неизбежным. <...> Главная тяжесть войны, несомненно, выпадет на нашу долю, так как Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна, а Франция, бедная людским

материалом, при тех колоссальных потерях, которыми будет сопровождаться война при современных условиях военной техники, вероятно, будет придерживаться строго оборонительной тактики. Роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам, а между тем сколько факторов будет против нас и сколько на них нам придется потратить и сил, и внимания. <...> Готовы ли мы к столь упорной борьбе, которую, несомненно, окажется будущая война европейских народов? На этот вопрос приходится, не обвиняясь, ответить отрицательно. Менее, чем кто-либо, я склонен отрицать то многое, что сделано для нашей обороны со времени японской войны. Несомненно, однако, что это многое является недостаточным при тех невиданных размерах, в которых неизбежно будет протекать будущая война. <...> Бесспорно, в области обучения войск мы, по отзывам специалистов, достигли существенного улучшения по сравнению со временем, предшествовавшим японской войне. По отзывам тех же специалистов, наша полевая артиллерия не оставляет желать лучшего: ружье вполне удовлетворительно, снаряжение удобно и практично. Но бесспорно также, что в организации нашей обороны есть и существенные недочеты.

В этом отношении нужно, прежде всего, отметить недостаточность наших военных запасов, что, конечно, не может быть поставлено в вину военному ведомству, так как намеченные заготовительные планы далеко еще не выполнены полностью из-за малой производительности наших заводов. Эта недостаточность огневых запасов имеет тем большее значение, что при зачаточном состоянии нашей промышленности мы во время войны не будем иметь возможности домашними средствами восполнить выяснившиеся недохваты, а между тем с закрытием для нас как Балтийского, так и Черного морей, — ввоз недостающих нам предметов обороны из-за границы окажется невозможным.

Далее неблагоприятным для нашей обороны обстоятельством является вообще чрезмерная ее зависимость от иностранной промышленности, что, в связи с отмеченным уже прекращением сколько-нибудь удобных заграничных сообщений, создаст ряд трудноодолимых затруднений. Далеко недостаточно количество имеющейся у нас тяжелой артиллерии, значение которой доказано опытом японской войны, мало пулеметов. К организации нашей крепостной обороны почти не приступлено, и даже защищающая подступ к столице Ревельская крепость еще не закончена.

Сеть стратегических железных дорог недостаточна, и железные дороги обладают подвижным составом, быть может, достаточным для нормального движения, но не соответствующим тем колоссальным требованиям,

которые будут предъявлены к нам в случае европейской войны. Наконец, не следует упускать из вида, что в предстоящей войне будут бороться наиболее культурные, технически развитые нации. Всякая война неизменно сопровождалась доселе новым словом в области военной техники, а техническая отсталость нашей промышленности не создает благоприятных условий для усвоения нами новых изобретений. <...> Эта война потребует таких огромных расходов, которые во много раз превысят более чем сомнительные выгоды, полученные нами вследствие избавления от немецкого засилья. Мало того, последствием этой войны окажется такое экономическое положение, перед которым гнет германского капитала покажется легким.

Ведь не подлежит сомнению, что война потребует расходов, превышающих ограниченные финансовые ресурсы России. Придется обратиться к кредиту союзных и нейтральных государств, а он будет оказан не даром. Не стоит даже говорить о том, что случится, если война закончится для нас неудачно. Финансово-экономические последствия поражения не поддаются ни учету, ни даже предвидению и, без сомнения, отразятся полным развалом нашего народного хозяйства. Но даже победа сулит нам крайне неблагоприятные финансовые перспективы: вконец разоренная Германия не будет в состоянии возместить нам понесенные издержки. Продиктованный в интересах Англии мирный договор не даст ей возможности экономически оправиться настолько, чтобы даже впоследствии покрыть наши военные расходы. То небольшое, что может быть урвать с нее урвать, придется делить с союзниками, и на нашу долю придутся ничтожные, по сравнению с военными издержками, крохи. А между тем военные займы придется платить не без нажима со стороны союзников. Ведь после крушения германского могущества мы уже более не будем им нужны. Мало того, возросшая вследствие победы политическая наша мощь побудит их ослабить нас хотя бы экономически. И вот неизбежно, даже после победоносного окончания войны, мы попадем в такую же финансовую экономическую кабалу к нашим кредиторам, по сравнению с которой наша теперешняя зависимость от германского капитала покажется идеалом. Как бы печально, однако, ни складывались экономические перспективы, открывающиеся нам как результат союза с Англией, следовательно и войны с Германией, — они все же отступают на второй план перед политическими последствиями этого по существу своему противоестественного союза.

Не следует упускать из вида, что Россия и Германия являются представительницами консервативного начала в цивилизованном мире,

противоположного началу демократическому, воплощаемому Англией и, в несравненно меньшей степени, Францией. Как это ни странно, Англия, до мозга костей монархическая и консервативная дома, всегда во внешних своих сношениях выступала в качестве покровительницы самых демагогических стремлений, неизменно потворствуя всем народным движениям, направленным к ослаблению монархического начала.

С этой точки зрения борьба между Германией и Россией, независимо от ее исхода, глубоко нежелательна для обеих сторон, как, несомненно, сводящаяся к ослаблению мирового консервативного начала, единственным надежным оплотом которого являются названные две великие державы. Более того, нельзя не предвидеть, что при исключительных условиях надвигающейся европейской войны таковая, опять-таки независимо от ее исхода, представит смертельную опасность и для России, и для Германии. По глубокому убеждению, основанному на тщательном многолетнем изучении всех современных противогосударственных течений, в побежденной стране неминуемо разразится социальная революция, которая, силою вещей, перекинется и в страну-победительницу.

Слишком уж многочисленны те каналы, которыми за много лет мирного сожителства незримо соединены обе страны, чтобы коренные социальные потрясения, разыгравшиеся в одной из них, не отразились бы и в другой. Что эти потрясения будут носить именно социальный, а не политический характер, — в этом не может быть никаких сомнений, и это не только в отношении России, но и в отношении Германии. Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма. Несмотря на оппозиционность русского общества, столь же бессознательную, как и социализм широких слоев населения, политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое. За нашей оппозицией нет никого, у нее нет поддержки в народе, не видящем никакой разницы между правительственным чиновником и интеллигентом. Русский простолюдин, крестьянин и рабочий, одинаково не ищет политических прав, ему и ненужных, и непонятных.

Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужою землею, рабочий — о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта, и дальше этого их вождения не идут. И стоит только широко кинуть эти лозунги в население, стоит только правительственной власти безвозбранно допустить агитацию в этом направлении, — Россия, несомненно, будет ввергнута в анархию, пережитую ею в приснопамятный период смуты 1905–1906

годов. Война с Германией создаст исключительно благоприятные условия для такой агитации. Как уже было отмечено, война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием в Берлин. Неизбежны и военные неудачи, — будем надеяться, частичные, — неизбежными окажутся и те или другие недочеты в нашем снабжении. При исключительной нервности нашего общества этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение, а при оппозиционности этого общества все будет поставлено в вину правительству.

Хорошо, если это последнее не сдастся и стойко заявит, что во время войны никакая критика государственной власти недопустима, и решительно пресечет всякие оппозиционные выступления. При отсутствии у оппозиции серьезных корней в населении этим дело и кончится. Не пошел в свое время и народ за составителями Выборгского воззвания, точно так же не пойдет он за ними и теперь.

Но может случиться и худшее: правительственная власть пойдет на уступки, попробует войти в соглашение с оппозицией и этим ослабит себя к моменту выступления социалистических элементов. Хотя и звучит парадоксом, но соглашение с оппозицией в России, безусловно, ослабляет правительство. Дело в том, что наша оппозиция не хочет считаться с тем, что никакой реальной силы она не представляет. Русская оппозиция сплошь интеллигентна, и в этом ее слабость, так как между интеллигенцией и народом у нас глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия. Необходим искусственный выборный закон, мало того, нужно еще и прямое воздействие правительственной власти, чтобы обеспечить в Государственную думу даже наиболее горячих защитников прав народных. Откажи им правительство в поддержке, предоставь выборы их естественному течению, — и законодательные учреждения не увидели бы в самых стенах ни одного интеллигента, помимо нескольких агитаторов-демагогов. Как бы ни распинались о народном доверии к ним члены наших законодательных учреждений, крестьянин скорее поверит безземельному казенному чиновнику, чем помещику-октябристу, заседающему в Думе; рабочий с большим доверием отнесется к живущему на жалованье фабричному инспектору, чем к фабриканту-законодателю, хотя бы тот исповедовал все принципы кадетской партии.

Более чем странно при таких условиях требовать от правительственной власти, чтобы она серьезно считалась с оппозицией, ради нее отказалась от роли беспристрастного регулятора социальных отношений и выступила перед широкими народными массами в качестве

послушного органа классовых стремлений интеллигентно-имущего меньшинства населения. Требуя от правительственной власти ответственности перед классовым представительством и повиновения ей же искусственно созданному парламенту (вспомним знаменитое изречение В. Набокова: „Власть исполнительная да подчинится власти законодательной!“), наша оппозиция, в сущности, требует от правительства психологию дикаря, собственными руками мастеращего идола и затем с трепетом ему поклоняющегося.

Если война окончится победоносно, усмирение социалистического движения в конце концов не представит непреодолимых затруднений. Будут аграрные волнения на почве агитации за необходимость вознаграждения солдат дополнительной нарезкой земли, будут рабочие беспорядки при переходе от вероятно повышенных заработков военного времени к нормальным расценкам — и, надо надеяться, только этим и ограничится, пока не докатится до нас волна германской социальной революции. Но в случае неудачи, возможность которой при борьбе с таким противником, как Германия, нельзя не предвидеть, — социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна.

Как уже было указано, начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ. Победенная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованною, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению. <...>»^[96].

Это удивительное то ли прозрение, то ли пророчество П. Н. Дурново, которое я позволил себе столь пространно цитировать, есть одновременно и диагноз болезни, переживавшейся тогда Россией, и констатация ее принципиальной неизлечимости. То был приговор, представленный Николаю II незадолго до приведения его в исполнение. Тщательно

анализировавший записку П. Н. Дурново еще в начале 1920-х годов выдающийся российский историк Е. В. Тарле, отдавая должное уму и проницательности ее составителя, тем не менее обратил внимание на нежелание экс-министра признать одно простое обстоятельство: если конфликт Германии и Великобритании неизбежен, то России придется принять в нем участие. Нейтральной она не будет, ее обязательно втянут в войну. Следовательно, нужно было выбирать не между войной и миром, а между войной против Германии и войной против Великобритании. А это означало, что никакого выбора (в смысле выбора «войны» или «мира») у русского царя не было. Наверное, данное обстоятельство можно назвать политической трагедией Николая II, но, как бы то ни было, в 1914 году изменить сценарий развития международных событий он возможности не имел.

...В январе 1914 года царь вместе с тремя старшими дочерьми и великой княгиней Елизаветой Федоровной присутствовал на торжественном освещении храма-памятника, посвященного 300-летию дома Романовых. Храм располагался на окраине столицы (на Полтавской улице) — город уступил место под строительство безвозмездно. Некоторым современникам показалось, что устройство собора на окраине и вблизи свалок было ошибкой; говорили даже, что лучше не строить вовсе, чем на таком неподходящем месте. Но сам Николай II так, очевидно, не считал. Посвященный Федоровской иконе Божией Матери — небесной покровительнице рода — храм произвел на Николая II приятное впечатление. «Он высок, светел и красив», — отметил царь в дневнике. В любом случае, январское освящение Федоровского собора стало завершением романовских торжеств предшествовавшего года, подвело под ними итоговую черту. И хотя храмы в честь 300-летия дома Романовых продолжали строиться и далее, царь уже ни разу на подобных торжествах не присутствовал.

Пережив в Петербурге зимние месяцы, в марте 1914 года Николай II и его семья переехали в Крым, пребывание в котором всегда было для царя большой радостью. Там, в Ливадии, в 1911 году был отстроен большой белый дворец, ставший летней резиденцией русского монарха. В Ливадии же Николай II отметил последний перед войной праздник Пасхи, собственный день рождения, день рождения супруги и дочери Татьяны, а также 50-летний юбилей замирения Западного Кавказа. Те весенние дни были для царя временем не только работы, но и отдохновения — он много гулял, играл в теннис, посещал имения и заповедные места (в частности, Аскания-Нова). На юге лучше чувствовал себя и наследник, чье здоровье

укреплялось как теплым морским воздухом, так и евпаторийскими грязями, специально привозившимися в Ливадию. Как вспоминал С. Д. Сазонов, Алексей Николаевич был бодрее и крепче, и у венценосных родителей хотя бы на время утихала острая тревога за его будущее «и зарождалась надежда увидеть его взрослым, и если не здоровым, то, по крайней мере, жизнеспособным человеком».

Конечно, министры регулярно приезжали для докладов из сырого Петербурга — государственные дела не ждали, — но для царя, любившего «русскую Ривьеру», жизнь у Черного моря была предпочтительней пребывания в столице, куда он вернулся уже 5 июня. Жизнь шла своим чередом. Казалось, что ничто не предвещает беды (хотя международная обстановка да и внутривосточная ситуация в стране были чрезвычайно тревожными). Первая половина 1914 года по размаху массового рабочего движения оказалась рекордной. Забастовки проходили в Риге, Баку, Москве и Петербурге. Социал-демократы заговорили о серьезном политическом кризисе царизма и о грядущей революции. Даже крайне правый депутат Государственной думы В. М. Пуришкевич, позже «прославившийся» убийством Григория Распутина, заявлял, что происходившие в стране события напоминают «преддверие... 1905 года» и что «правительственная власть бессильна».

...Все изменилось после того, как 15 июня (28-го по григорианскому календарю) в боснийском городке Сараеве малолетний сербский националист Гаврило Принцип убил наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда. В организации покушения австрийское правительство обвинило сербскую офицерскую патриотическую организацию, хотя убийца был боснийцем и, следовательно, подданным Австро-Венгрии. 10 (23) июля правительство императора Франца Иосифа предъявило Сербии ультиматум с требованиями, унижительными для независимого государства. Оказавшаяся в безвыходном положении, Сербия имела только одну надежду — на Россию. Наследный сербский королевич Александр в те тревожные дни обратился за поддержкой к императору Николаю II и получил от него однозначно положительный ответ. Заявляя о желании избежать кровопролития, царь уверил своего корреспондента в том, что его страна «ни в каком случае не останется равнодушной к участи Сербии».

Большого он обещать не мог: через сорок восемь часов после вручения ультиматума Австро-Венгрия объявила Сербии войну. В ответ Россия начала мобилизацию. Военная машина начинала набирать обороты. И тем не менее, стремясь остановить войну, Николай II направил «кузну Вилли»

телеграмму, в которой просил повлиять на союзное Германии государство, указывая на то, что война возбудила глубокое негодование в России. «Будет очень трудной задачей успокоить здесь воинственное настроение», — резюмировал царь. В ответной телеграмме кайзер заявил, что мобилизация русских войск, направленная против Австро-Венгрии, сделает невозможным его посредничество. Николай II, таким образом, должен был остановить мобилизацию, что было технически невозможно. Генеральный штаб и военное министерство требовали ее продолжения, не имея иллюзий относительно миролюбия союзной Австро-Венгрии Германии.

Но русский самодержец продолжал сохранять надежду на мирный исход. Ему было мучительно трудно принять окончательное решение. «Это значит обречь на смерть сотни тысяч русских людей. Как не остановиться перед таким решением?» — говорил он министру иностранных дел С. Д. Сазонову. Сазонов уверил царя, что сделано «решительно все», чтобы избежать войны, и самодержцу не придется отвечать за ее развязывание ни перед Богом, ни перед совестью, ни перед грядущими поколениями русского народа. Под напором этих аргументов Николай II сдался, приказав передать начальнику Генерального штаба Н. Н. Янушкевичу приказ о всеобщей мобилизации. Было около четырех часов дня. Министр сразу же позвонил генералу, но услышал в ответ, что у того сломался телефон. С. Д. Сазонову смысл прозвучавшей фразы был понятен: Н. Н. Янушкевич опасался получить по телефону отмену приказания. Но никакой отмены не последовало. «Государь поборол в своей душе угнетавшие его колебания, и решение его стало бесповоротно».

Два дня спустя, 19 июля, Николай II послал кайзеру последнюю телеграмму. «Понимаю, что ты должен мобилизовать свои войска, — писал он Вильгельму II, — но желаю иметь с твоей стороны такие же гарантии, какие я дал тебе, то есть, что эти военные приготовления не означают войны и что мы будем продолжать переговоры ради благополучия наших государств и всеобщего мира, дорогого для всех нас». Никаких гарантий царь, естественно, уже не получил. Его объяснения и уверения Вильгельму II были не нужны: Германия желала лишь остановки мобилизации русской армии. Вечером 19 июля немецкий посол в Петербурге граф Пурталес явился к министру иностранных дел России С. Д. Сазонову и, получив ответ, что мобилизация не будет остановлена, вручил ноту своего правительства с объявлением войны. По недосмотру германского МИДа в ней заключалось два варианта ответа. Что бы Россия устами своего министра ни сказала, ответ Германии был predetermined заранее. 21 июля Германия объявила войну Франции. Спустя два дня, ввиду вторжения

немецкой армии на территорию нейтральной Бельгии, войну Германии объявила и Великобритания. 26 июля Россия объявила о войне с Австро-Венгрией, указав, что в предстоящей борьбе она не одна: вместе с ней «доблестные союзники», стремящиеся «устранить, наконец, вечную угрозу германских держав общему миру и спокойствию»^[97].

А несколькими днями раньше, 20 июля, Николай II подписал манифест, извещавший подданных Российской короны о войне с Германией. Манифест в высокопарных, но верных по существу выражениях излагал историю конфликта: предъявление Австро-Венгрией ультиматума сербскому правительству, скорое открытие боевых действий и бомбардировка Белграда, перевод русских вооруженных сил на военное положение, требование Германии остановить проведение мобилизации в России и объявление России войны. «Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, — говорилось в манифесте, — но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди Великих Держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные». Царь призывал «в грозный час испытания» забыть все внутренние распри и отразить натиск врага.

На первых порах казалось, что царский призыв услышан: патриотические манифестации с пением государственного гимна стали в те дни обычным явлением. Германию проклинали, называли агрессором, которому уже не избежать расплаты. Поддавшись порыву, решились даже на переименование столицы. Высочайшее повеление, предложенное Правительствующему сенату министром юстиции, говорило о том, что впредь (с 18 августа) город надлежит именовать Петроградом. Современники в большинстве своем отнеслись к случившемуся без энтузиазма — в условиях начинавшейся борьбы с сильным противником переименование «на русский лад» столицы казалось мелочным и ненужным. Генерал В. Ф. Джунковский искренне сожалел, что царь подписал такой приказ.

Такие же чувства испытывал и И. И. Тхоржевский, камергер Высочайшего двора, лично знавший инициатора переименования — министра земледелия А. В. Кривошеина. «Петроград... Что-то захолустное. И подражать плохим обруселым немцам, наскоро менявшим фамилии!» — восклицал Тхоржевский. Свое удивление случившимся некоторые современники выказывали и самому царю. Министр путей сообщения С. В. Рухлов, по ходившим тогда слухам, сказал Николаю II: «Что это Вы, Ваше Величество, — Петра Великого исправлять!» и получил шутливый ответ:

«Что же! Царь Петр требовал от своих генералов рапортов о викториях, а я рад был бы вестям о победах. Русский звук сердцу милее...» Однако даже такие сравнения удовлетворяли мало:

«Петербург был недоволен. Его переименовали не спросясь, точно разжаловали, — вспоминал Тхоржевский. — Позднее, когда война обернулась гибелью, — переименованию Петербурга стали придавать какое-то мистическое значение: сглазили, мол, столицу! „Роковая незадачливость государя!“»

Опять перед нами старый набор обвинений: что бы ни делал царь, все у него выходит не так, как задумано. Если бы в то время знали бы фразу нашего времени: хотели как лучше, а получилось как всегда, то наверняка использовали бы ее для определения результатов самых добрых пожеланий и намерений последнего самодержца. Едкая З. Н. Гиппиус отмечала в дневнике как «худой знак» то, что «по манию царя» Петербург великого Петра был разрушен. «Воздвигнут некий Николоград — по-казенному — „Петроград“». Что к этому добавить? В царе хотели видеть — и видели символ неудач, вестника грядущего несчастья.

Тогда же, летом, в России был введен запрет на продажу водки. Своеобразный «сухой закон» превратил империю (по крайней мере декларативно) в трезвое государство. Старая проблема получила волевое разрешение, названное В. В. Розановым *исцелением народа*. Он же считал случившееся заслугой именно самодержца. «Даже было бы печально нам, русским, — писал В. В. Розанов в статье „Кто победит „зеленого змия““, — если бы победу над страшным и застарелым врагом Руси, над вином, мы получили из чьих-нибудь рук, а не из Царских. Да и никто не в силах его победить, как только один Царь: все будут полумеры, слова, полурешения, с „обходцами“ и „хитростью“». В принятом решении философ видел проявление самодержавной силы, а в самодержце — историческую «надежу» Руси. «Нам другой надежды не нужно. За Царем мы все крепки, с Царем мы никого и ничего не боимся. У него — подвиг; св. Русь может и умеет только молиться».

Розанов — современник событий пристрастный, но искренний. Отказ от водки для него был путем к возрождению страны, к ее примирению: все пойдет хорошо, «и цари оправдаются в своей суровости. А народ объяснится в своем долготерпении». Оставшееся от водки время и энергия обязательно пойдут на что-то благородное. «Господь даст — падет и проституция, это хулиганство и помои пола». Наивно? Конечно, наивно. Но мечта облагораживает, укрепляет силы и дает счастье веры. В этом Розанов был не одинок, поддавшись пробужденному войной «национализму». О

«смерче патриотизма» лета 1914 года вспоминал на закате своих дней и В. В. Шульгин, в то время — депутат Государственной думы. «Патриотизмом была захвачена в то время вся Россия. Запасные являлись всюду, в полном порядке и даже не произвели бунта, когда продажа водки одним решительным ударом была прекращена по всей империи. Это было чудо. Неповторимое». Говоря о чуде, В. В. Шульгин, впрочем, вынужден был сознаться, что в глубине души чувствовал, что всеобщее воодушевление — мираж.

Зная дальнейшую историю, можно согласиться с мемуаристом. Но ведь предвидеть печальное будущее в период подъема национального духа под силу только избранным. Большинство живет одним днем; так было всегда, и, вероятно, так всегда будет. Посему отметим лишь главное: в крупных городах война первоначально вызвала энтузиазм и пробудила надежды на скорую победу над «врагом славянства». Что же касается крестьянского населения, то говорить о патриотическом подъеме деревни затруднительно. «Война вызвала молчаливое, глухое, покорное, но все же недовольство. В значительной степени примирила с ней начавшаяся приблизительно месяц спустя раздача пособий семьям призванных запасных», — писал прослуживший многие годы в Министерстве внутренних дел В. И. Гурко.

Однако в Петрограде это недовольство не чувствовалось. Действия Германии повсеместно осуждались; вечером 22 июля националистически настроенная толпа разгромила немецкое посольство, сбросив вниз венчавшую здание скульптуру — символ мощи и славы ненавистных «тевтонов». Царило приподнятое настроение, казалось, возрождался культ самодержавного «Хозяина Земли Русской». 26 июля в Николаевском зале Зимнего дворца был устроен высочайший прием членов Государственного совета и Государственной думы. «Стесненный так, что он мог бы протянуть руку до передних рядов, метавшихся в припадке чувств, стоял государь», — вспоминал Шульгин. На его просветленном лице было заметно волнение. Овладев собой, царь произнес краткую речь, отметив, что огромный подъем патриотических чувств, любви к Родине и преданности престолу, «который как ураган пронесся по всей земле нашей», служит «ручательством в том, что Наша великая матушка-Россия доведет ниспосланную Господом Богом войну до желанного конца». В ответном слове председатель Государственной думы М. В. Родзянко от имени депутатов заверил царя в том, что русский народ не остановится ни перед какими жертвами, пока враг не будет сломлен, а достоинство страны — ограждено. Доказательством заявленного казалась многотысячная толпа,

которую царь и Александра Федоровна в день объявления войны приветствовали с балкона Зимнего дворца. При появлении монарха все пришедшие на Дворцовую площадь опустились на колени, тем самым продемонстрировав свои глубокие монархические чувства. Случилось то, что официальная пресса называла актом единения царя и народа. Никто из стоявших на площади, равно как и сам монарх, не знали, что это — последняя монархическая манифестация, последнее публичное проявление народной любви к своему царю.

В июльские дни был решен и вопрос о том, кто возглавит русскую армию. Первоначально царь хотел лично стать во главе войск, о чем и объявил Совету министров, членам которого с величайшим трудом удалось отговорить его от этой мысли. Верховным главнокомандующим стал великий князь Николай Николаевич, из всех членов дома Романовых наиболее близко стоявший к армии и пользовавшийся большой популярностью, отчасти унаследованной им от отца, командовавшего русскими войсками в войну 1876–1877 годов. С этим назначением, однако, не все было просто. К 1914 году Николай II уже не дружил, как то было в начале XX века, со своим амбициозным дядей. Недолюбливала его и Александра Федоровна. Николай Николаевич, некогда являвшийся поклонником Григория Распутина, к 1914 году стал ярим его врагом. Не ладил великий князь и с военным министром В. А. Сухомлиновым, пользовавшимся исключительным доверием самодержца.

Николай Николаевич был назначен Верховным главнокомандующим 19 июля, причем царь специально оговорил, что делается это впредь до его, Николая II, приезда в армию. Если верить дневниковым записям генерала В. А. Сухомлинова, то Николай II думал и о назначении Верховным главнокомандующим своего военного министра. «Я доложил, — записал в дневнике генерал, — что счастлив был бы получить такое назначение, — но тогда в[еликий] кн[язь] Ник[олай] Ник[олаевич] попадет под мое начальство, а это окончится для меня скверно, — главное, пострадает дело. Велик[ий] князь всегда действовал против меня и, оставаясь в резиденции Государя, употребит все силы к интригам, противостоять которым у меня не будет сил. На публику произведет неблагоприятное впечатление начало кампании по примеру Японской, военный министр сам напросился, как тогда Куропаткин».

Сухомлинов тогда не мог и представить, что летом 1915 года общественное мнение будет обвинять его в неподготовленности русской армии, в беспечности и даже в потакании шпионам. Великий князь, разумеется, тоже не будет стоять в стороне и с удовлетворением воспримет

отставку военного министра. Но все это случится позже. А тогда в русском обществе господствовали иные настроения, объединявшие всех (или, по крайней мере, многих). Верили: «Немецкий волк будет, по-видимому, скоро затравлен: все против него»^[98]. Верховный главнокомандующий спешил проявить себя не только в военном деле, но и в политике, уже 1 августа выпустив свое воззвание к полякам — самому, пожалуй, беспокойному народу из всех входивших в состав империи. «Пусть сотрутся границы, — патетически восклицал великий князь в воззвании, — разрезавшие на части Польский народ! Да воссоединится он воедино под скипетром Русского Царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении».

Подобное заявление свидетельствовало о том, сколь широко понимал Николай Николаевич свою власть, выступая — ни много ни мало — от имени России! Не желая останавливаться на этом, великий князь через несколько дней выпустил новое воззвание — уже к «русскому народу» Австро-Венгрии, а точнее говоря — к карпатским русинам: всем им необходимо воссоединиться с великой Россией, перестав быть «подъяремной Русью». Прикрываясь именем Николая II (молитвенно желая тому завершить дело собирателя русских земель Ивана Калиты), Верховный главнокомандующий предлагал русинам встать «на сретенье русской рати», то есть восстать против своего монарха — императора Франца Иосифа. О том, что подобные предложения расшатывают монархический принцип как таковой, Николай Николаевич не задумывался, призывая славян обратить «меч свой на врага, а сердца свои к Богу с молитвой за Россию, за Русского Царя».

Тогда же, в августе 1914 года, Верховный главнокомандующий распорядился отпечатать на девяти языках народов Австро-Венгрии воззвание, в котором говорилось о стремлении России добиться такого положения, чтобы каждый народ мог развиваться и благоденствовать, «храня драгоценное достояние отцов — язык и веру, и, объединенный с родными братьями, жить в мире и согласии с соседями, уважая их самобытность». Подданных австро-венгерской короны призывали встречать русские войска как верных друзей и борцов за их идеалы! Забегая вперед, стоит сказать, что призывы возымели определенное действие — подобные призывы стимулировали в Австро-Венгрии масштабную кампанию преследования русин. Всего же за период 1914–1917 годов было уничтожено не менее 200 тысяч мирных жителей в Закарпатье. Австро-венгерское правительство рассматривало русин (как и другие родственные русским народы своей империи) в качестве потенциальных изменников —

и соответствующим образом к ним относилось. Но в 1914 году масштаб возможной трагедии понять и оценить было трудно. Не оценил их и Николай Николаевич — человек средних способностей, но, по образному выражению его родственника — великого князя Николая Михайловича, своим внешним видом (осанкой, голосом, манерой держаться) вселяющий «„решпект“ и повиновение, при отсутствии мозговых тканей для вдохновения».

Николай Михайлович одним из первых и обратил внимание на воззвания Верховного главнокомандующего. Человек больших дарований, незаурядный аналитик, тонкий наблюдатель и выдающийся историк, с первых же дней войны он внимательно следил за развитием военных и политических настроений в стране. Вслед за многими современниками отмечая летом 1914 года популярность войны (как в обществе, так и в народных массах, уверенных в победе) и задавшись вопросом, «надолго ли хватит такого настроения», Николай Михайлович обратил внимание на польское воззвание своего родственника. То, что воззвание подписал Верховный главнокомандующий, а не Николай II, озадачило великого князя, «потому вряд ли все обещанное — чистосердечно, а, вероятно, исторгнуто у царя насильно, иначе он сам подписал бы такого рода документ»^[99]. Предположение Николая Михайловича трудно проверить, но игнорировать его, думается, было бы неправильно. Факт оставался фактом: историческое заявление о Польше «Хозяин Земли Русской» не делал. Некоторое время спустя Николай Михайлович вынужден был констатировать, что воззвание Верховного главнокомандующего «остается большим пухом», что в большинстве своем польское население настроено к русским враждебно, тревожа императорские войска где только возможно. «Ляхи чутки и догадываются о фальши этого воззвания, — писал великий князь, — ...для меня уже вполне ясно определилось, это то, что власть верховная только мешает и путает, вторгаясь в распоряжения нашего спокойного вождя».

Впрочем, не будем категоричны: воззвания великого князя стоит оценивать исходя из «некритического патриотизма» первых дней войны. По справедливому замечанию историка и общественного деятеля С. П. Мельгунова, «то был гипноз, обычный для начала всякой войны — до первой неудачи». А неудачи не заставили себя долго ждать. Не имея возможности и не ставя перед собой цели описывать ход боевых действий, полагаю необходимым лишь кратко охарактеризовать основные события первых месяцев вооруженного противостояния России с Германией и Австро-Венгрией. Исполняя союзнический долг, Николай II вынужден был

уже в первые дни августа согласиться на вторжение 1-й и 2-й русских армий Северо-Западного фронта в Восточную Пруссию. Первоначальные победы вскоре сменились тяжелым поражением: к 1 сентября немецкие вооруженные силы вытеснили русские войска со своей территории. В то же самое время на Юго-Западном фронте были достигнуты серьезные успехи, взяты крупные австрийские города, оккупированы Галиция и австрийская часть Польши. Спасая Австро-Венгрию от неминуемого разгрома, немецкое командование перебросило на помощь ей крупные силы из Восточной Пруссии.

Однако добиться каких-либо серьезных успехов, позволявших говорить об изменении стратегического положения России, Германия тогда не смогла. Обе противоборствующие стороны были истощены и перешли к обороне. Быстро окончить войну не получалось. Восточный фронт представлял серьезную угрозу для центральных держав; сражаться одновременно на Западе и на Востоке Германия не могла. Поэтому к 1915 году ее командование выработало план, согласно которому предполагалось, обороняясь на Западе, главный удар нанести по России. Задуманное немецким и австро-венгерским вооруженным силам удалось. 19 апреля 1915 года они прорвали фронт 3-й русской армии, в результате чего весь Юго-Западный фронт с 27 апреля вынужден был начать отступление. Была оставлена завоеванная Галиция. А вскоре — и Польша. В октябре 1915 года русские армии закрепились на рубеже Риги, реки Западная Двина, Двинска, Сморгони, Барановичей, Дубны и реки Стрыпы. И хотя основная задача — выведение России из войны — решена не была, Германия нанесла русской армии серьезный удар, отвоевав значительные территории империи.

В стране все это было воспринято болезненно. От восторгов и надежд августа 1914 года не осталось и следа. Авторитет самодержца и его правительства был серьезно поколеблен. Чем дальше, тем больше будущее рисовалось современниками в мрачных красках. Предвидения П. Н. Дурново, изложенные им накануне Великой войны, оправдывались. Вопрос «кто виноват?» обсуждали чаще, чем «что делать?»; поиски врагов и ответственных за поражения неизбежно приводили к обсуждению «темных сил», якобы свивших себе у подножия трона гнездо и влиявших на имперскую внутреннюю политику. В таких условиях царь оказывался в центре критики — и слева, и справа. Не желая отказываться от личной ответственности за происходившее в стране в период тяжелых военных неудач лета 1915 года, Николай II решил отстранить великого князя от должности Верховного главнокомандующего и принять на себя руководство всеми вооруженными силами, находившимися на театре

военных действий. Главнокомандующим царь оставался вплоть до 2 марта 1917 года.

Но обо всем по порядку...

Вторая половина июля и август 1914 года прошли под знаком надежды. Царь отовсюду слышал верноподданнические заявления и заверения в удачном для русского оружия завершении войны. В семье тоже все было благополучно. 30 июля в столице торжественно отметили десятилетие цесаревича — во всех церквях города после литургии совершались торжественные молебствия о здравии дома Романовых. В цветочных магазинах и в окнах были выставлены бюсты царя и царицы, пестрели ленты цветов национального флага и патриотические надписи. В Казанском соборе прошло богослужение, совершенное архиепископом Финляндским Сергием (Страгородским), прочитавшим в конце особую молитву за царя. Во время богослужения провели сбор средств для оказания помощи семьям призванных в действующую армию запасных.

Последующие дни Николай II проводил как обычно: принимая министров и генералов. 3 августа царь с семьей выехал в Первопрестольную, где на следующий день был встречен восторженной речью градоначальника Москвы Брянского: «Москва — сердце России, призывает на Вас, Государь, благословение Божие». В Кремле семью Николая II приветствовала уже многотысячная толпа монархически настроенных подданных. Как после этого было не поверить в то, что пресловутое «средостение» навсегда кануло в Лету и народ в едином порыве встал на защиту Родины под водительством самодержавного царя! А 5 августа в Большом Кремлевском дворце состоялся высочайший выход. В Георгиевском зале присутствовали премьер-министр, министры, председатели Государственного совета и Государственной думы, послы Франции и Великобритании, представители московского дворянства. Предводитель московского дворянства — А. Д. Самарин, в дальнейшем ставший обер-прокурором Священного синода, произнес речь, в которой, по старой русской традиции, обращался к монарху на «Ты». «Мы все за Тобой и за Тебя! — восклицал Самарин. — Не усомнись же бестрепетно опереться на несокрушимую силу народного духа! Да поможет Тебе Бог в борьбе за целость и честь Русской Державы и Царственным велением Твоим да возродится Славянский мир! Мужайся, Русский Царь! С Тобой вся русская земля!» В таких же тонах были выдержаны и речи представителей «народа» — старшины купеческого сословия Первопрестольной Булочкина и председателя земской управы Шлиппе.

Громкие признания часто производят сильное впечатление. Очевидно,

так случилось и в тот раз. Царь хотя и не любил публичные выступления, тоже произнес речь — он подчеркнул, что военная гроза надвинулась на Россию вопреки его намерениям, что в стенах древнего Кремля в лице жителей Москвы он приветствует весь русский народ, повсюду единодушно откликнувшийся на призыв, откинув распри, встать на защиту Родины и славянства. Словами «с нами Бог!» царь закончил свою речь, давая понять, что для него война не только военная, но и религиозная акция. Неслучайно продолжением стало общее соборное молебствие о даровании победы с чтением коленопреклоненной молитвы. И в дальнейшем, вплоть до своего отъезда из Москвы 8 августа, царь посещал церкви и молился о победе. В последний день пребывания в Первопрестольной царь с семьей и великой княгиней Елизаветой Федоровной побывал в Троице-Сергиевой лавре, где высочайшие паломники прослушали молебствие с провозглашением многолетия «победоносному христолюбивому воинству и царствующему Дому», а также были благословлены иконой.

Возвращение в Царское Село ничего в жизни царя не изменило — как обычно, приемы депутаций и сановников, прогулки, чтение, общение с детьми. О ходе боевых действий в царском дневнике практически нет никаких сведений, что, конечно, не удивляет: царь писал для себя, как частное лицо, а не как государственный деятель. Эмоциональная сдержанность была отличительной чертой последнего самодержца. Но иногда все-таки давал волю чувствам. 11 августа, например, он с радостью писал о приезде в Царское Село брата — великого князя Михаила Александровича, накануне вернувшегося из Англии. Остававшиеся в России друзья великого князя сразу после объявления войны послали ему телеграмму, в которой говорили, что ждут его возвращения. Михаил Александрович, посетив английского короля Георга V, также, телеграммой, обратился к брату, испросив разрешение вернуться на Родину. Николай II разрешил. Так война позволила ослушнику самодержавной воли получить прощение (но опека над личностью, имуществом и делами Михаила Александровича, установленная в декабре 1912 года, была отменена лишь в сентябре 1915 года!). 23 августа великий князь был произведен в генерал-майоры и назначен командующим Кавказской конной дивизией с зачислением в свиту. В октябре 1914 года он отбыл на театр военных действий.

Приблизительно в то же время, когда брат царя получил высочайшее прощение, Сенат получил императорский указ об удовлетворении ходатайства герцога Михаила Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого о

принятии его в российское подданство. Ранее находившийся в подданстве своего герцогства, М. Г. Мекленбург-Стрелицкий как член *Российского императорского дома* в условиях начавшейся войны с Германией поспешил подчеркнуть свою лояльность правящему монарху.

Сентябрь 1914 года также принес много хороших новостей: наступление на Юго-Западном фронте развивалось успешно, ничто еще не предвещало катастрофы. Верховный главнокомандующий предлагал царю приехать в Ставку (тогда располагавшуюся в Барановичах). И хотя Николаю II всегда грустно было покидать семью, от поездки в действующую армию он не мог отказаться. С 21 по 25 сентября он провел в обществе генералов, наградив Николая Николаевича боевым орденом Святого Георгия 3-й степени. Во время этой поездки, по пути из Ставки в Белосток, он посетил крепость Осовец, подвергавшуюся немецкой бомбардировке. То были первые увиденные царем плоды безжалостной войны. О его посещении позиций, расположенных вблизи боевой линии, немедленно объявил по армиям великий князь Николай Николаевич, уверенный, что сообщение «воодушевит всех на новые подвиги, подобных которым Святая Русь еще не видала»^[100].

Царь остался доволен поездкой. Вернувшись в Царское Село («в лоно дорогой семьи»), он узнал и о первой потере, понесенной на фронтах Великой войны Императорской фамилией — при атаке на прусские разъезды был смертельно ранен сын великого князя Константина Константиновича князь императорской крови Олег. Смерть, конечно, не выбирает, но парадокс состоял в том, что раненый был, вероятно, самым «штатским» из всех живших тогда Романовых. На десятом году жизни зачисленный в кадеты Полоцкого кадетского корпуса, Олег, тем не менее, предпочел не связывать свою жизнь с военной службой и в 1910 году поступил в Александровский лицей, где изучал творчество русских классиков. В 1911-м князь издал «Рукописи Пушкина» с факсимиле поэта. Закончив лицей, он был зачислен в гвардейский полк в качестве вольноопределяющегося, произведен в корнеты и с началом войны в восторженно-приподнятом настроении отправился на фронт.

Однако жизнь распорядилась так, что Олег Константинович отвоевал только два месяца. Раненого перевезли на поезде в Вильно, где сделали операцию. Вскоре после этого он получил телеграмму царя, извещавшую князя о награждении орденом Святого Георгия 4-й степени — «за мужество и храбрость, проявленные при атаке и уничтожении германских разъездов». Прислал телеграмму и Верховный главнокомандующий. Раненый князь был счастлив и оживлен, хотя силы его с каждым часом таяли. 29 сентября

в Вильно прибыли его отец и мать — великий князь Константин Константинович (поэт К. Р.) и великая княгиня Елизавета Маврикиевна. Отец привез сыну Георгиевский крест его деда — генерал-адмирала Константина Николаевича. Уже теряя сознание, Олег принял и поцеловал награду. Через несколько минут он скончался. На семейном совете, состоявшемся в больнице, было решено отпевать Олега «в местной Романовской церкви и, во исполнение воли почившего, испросить высочайшее соизволение на похороны тела в Бозе почившего князя в его любимом Осташеве, на берегу реки Рузы»^[101].

Высочайшее соизволение было получено — покойного доставили в великокняжеское имение, располагавшееся в Московской губернии, где 3 октября 1914 года с воинскими почестями на высоком кургане под сенью тополей и лиственницы предали земле. На похороны съехались родители и ближайшие родственники: Королева Элинов Ольга Николаевна, великий князь Дмитрий Константинович, супруга Иоанна Константиновича (брата погибшего) — княгиня Елена Петровна, княгиня Татьяна Константиновна и князь Георгий Константинович. Император и императрица, не имея возможности приехать в Осташево, 3 октября посетили заупокойную службу по князю Олегу в Петропавловской крепости. Похороны члена Императорской фамилии не в официальной усыпальнице Романовых было явлением уникальным. Только убитого в 1905 году великого князя Сергея Александровича похоронили отдельно — в Москве, но причина этого никак не была связана с заветательным распоряжением: в то время власти опасались террористических актов против членов Императорской фамилии (в случае проведения обряда погребения в Петербурге). Показательно, что скончавшегося летом 1915 года отца князя Олега — великого князя Константина Константиновича похоронили уже в соответствии с традициями — в усыпальнице Петропавловской крепости. Исключений до революции 1917 года больше не было, как, впрочем, не было и официальных похорон.

Незадолго до смерти, весной 1915 года, великий князь Константин Константинович пережил еще одно потрясение: 19 мая, под Львовом, был убит его зять, супруг дочери Татьяны — князь Константин Александрович Багратион-Мухранский, флигель-адъютант императора и поручик Кавалергардского полка. Смелый человек и замечательный офицер, имевший Георгиевское оружие, он командовал ротой и погиб от шальной пули чуть ли не в первом бою. У князя остались маленькие дети — сын Теймураз и дочь Наталия. Потомка древнего рода грузинских царей, К. А. Багратион-Мухранского похоронили на Кавказе, в старинном православном

Мцхетском соборе. И хотя формально князь не принадлежал к Императорской фамилии (в 1911 году Николай II издал указ, позволявший княжнам и князьям императорской крови нединастические браки при условии того, что их дети утратят право на престол), его дети были законными внуками русского великого князя, связанными многочисленными родственными узами с членами дома Романовых.

Чем больше становились потери, чем дальше отодвигались сроки окончания военных действий, тем тревожнее чувствовали себя дальновидные современники. Уже осенью 1914 года великий князь Николай Михайлович осознал, что конечным результатом войны для всех стран станут «громадные перевороты». «Мне мнится, — писал он, — конец многих монархий и триумф всемирного социализма, который должен взять верх, ибо всегда высказывался против войны. У нас на Руси не обойдется без крупных волнений и беспорядков, когда самые страсти улягутся, а вероятий на это предположение много, особенно если правительство будет бессмысленно лгнуть направо, в сторону произвола и реакции»^[102]. Прекрасно зная историю (в том числе и французской революции), великий князь предвидел горькую развязку, не ошибся и в определении «тактической линии» верховной власти. В сентябре 1914 года, говоря о том, что выбор Николая Николаевича Верховным главнокомандующим уже признается неудачным, он не без ехидства отмечал, что император признает несвоевременным брать бразды управления армиями. «*Вот когда побьют, да мы отступим*, — писал Николай Михайлович, — *тогда можно будет попробовать*. Едва ли я очень далек от истины. Поживем — увидим» (курсив мой. — С. Ф.). Летом 1915 года все случилось именно так, как и предсказывал великий князь: интуиция его не подвела.

Война тем временем набирала свои обороты: 16 октября 1914 года начались боевые действия на турецком фронте — Порта выступила на стороне Германии. Настроение Николая II, насколько можно судить по его дневнику, было «бешеным» — он негодовал на «немцев-подлецов» и на союзных с ними турок. «Только вечером, — записал он 17 октября, — под влиянием успокаивающей беседы Григория душа пришла в равновесие!» Действительно, именно в годы Великой войны «старец» стал полномасштабной «фигурой влияния», хотя преувеличивать это влияние все же не стоит. В Распутина верили, как верят преданному бескорыстному другу, всегда радующемуся твоим радостям и сопереживающему твоим несчастьям. Друг может и не знать всех задач, которые тебе приходится решать, но он никогда не посмеет давать советы на темы, которых ты предпочитаешь с ним не касаться. И наоборот, поддержит в тех делах,

которые для тебя важны.

После назначения Николая Николаевича Верховным главнокомандующим «старец» неоднократно заводил речь о том, что тот «возгордился». Императрица Александра Федоровна полностью разделяла это мнение и еще осенью 1914 года говорила супругу: «Г[ригорий] ревниво любит тебя, и для него невыносимо, чтобы Н[иколаша] играл какую-либо роль». Царь, записавший эти слова в дневнике 17 октября, и сам не хотел, чтобы Верховный главнокомандующий «затмил» его. Поездки на фронт, посещение Ставки для него были способом доказать всем (прежде всего самому себе), что авторитет монарха неоспорим и не может быть кем-либо поколеблен.

Уже 20 октября Николай II вновь отправился в армию, побывал не только в Ставке, но и в Холме, Ровно, Ивангороде, Гродно и Двинске. Двухнедельная поездка снова укрепила в нем веру в победу над врагом. А спустя пятнадцать дней его путь лежал на юг. Через Ставку царь проехал в Тулу, затем в Орел, Курск, Харьков, Екатеринодар, Дербент и Тифлис. Затем совершил путешествие по кавказским крепостям, через Новочеркасск доехав до Воронежа, где его ждали супруга и старшие дочери. Далее в Рязань и Москву. 12 декабря Александра Федоровна отправилась в Царское Село, а Николай II — на запад, в армию. Вернулся он только 19 декабря.

Это путешествие, безусловно, убедило самодержца в глубокой привязанности к нему «простого народа», в том, что война усилила связи подданных с российским престолом. Окружавшие царя лица также могли наблюдать трогательное отношение мужиков к носителю верховной власти. В Курске, например, когда он посетил госпиталь, к казаку, державшему пальто государя, подошел крестьянин и попросил указать, «а какое пальто государя». Казак показал. «Крестьянин взял край пальто, поцеловал, перекрестился и заплакал»^[103]. На Кавказе Николай II показал себя не только царем православным, но и Белым царем, для которого дороги подданные разных исповеданий. Прибыв в Тифлис 26 ноября, он прежде всего посетил православный Сионский собор, где был встречен экзархом Грузии архиепископом Питиримом (Окновым), выслушал краткое молебствие и приложился к святыням. Затем он направился в армяно-григорианский храм. Патриарх-католикос Кеворк V, духовный лидер армянского народа, произнес верноподданническую речь, после чего было краткое моление о государе, а хор певчих местной семинарии пропел молитву Господню («Отце наш»).

В Азербайджане Николай II посетил также шиитскую мечеть, где его

встречал глава закавказских мусульман шейх-уль-ислам Ахунд-Гусейнзаде, множество мулл и персидских принцев. В мечети шейх-уль-ислам по-арабски произнес молитву, обращенную к царю, его семье и войску: «Господи, одели нас даром покорности и воздержи от преступного неповиновения, внуши нам чистые помыслы и умение различать добро от зла, возвысь нас любовью к истине, дай языку нашему правдивость, очисти душу нашу от всего преступного и неблаговидного и удержи руки наши от притеснений и хищений, закрой очи наши от разврата и бесчестия, избави слух наш от пустословия и хулы. Благоверному Государю Нашему Николаю Александровичу и Августейшей Семье Его даруй здравия, долголетия и успеха в достижении великих целей, доблестному воинству даруй помощь и победу над врагом, павшим воинам — вечную память во имя величия и милосердия Твоего, о, Милостивейший и Милосердный!»

Не желая никого из своих иноверных подданных обделять вниманием, Николай II после шиитов посетил суннитскую мечеть, где его встретил 85-летний муфтий Гуссейн Эфенди Гаибов во главе с членами суннитского духовного правления и совершил молитвословие с провозглашением царского многолетия. Николай II приветствовал муфтия рукопожатием и короткое время провел в беседе со старцем. Гаибов был искренне растроган вниманием и лаской царя. Подняв правую руку и показывая ее окружающим, он с гордостью говорил: «Ведь это не шутка. Сам государь подал руку. Это ведь не шутка»^[104].

Тремя днями позже царь принял депутацию русских молокан, не желавших подчиняться православной церкви и имевших собственное представление о христианстве, а также представителей многих народностей Кавказа (ишавов, хевсур, тушинов, осетин, сирийцев, горских евреев и многих других). «На этом приеме более наглядно, чем когда-либо, было видно, что для русского царя нет различий среди его подданных, — вспоминал генерал А. И. Спиридович. — Ему все равны без различия положений, сословий, национальностей и религий». В дальнейшем официальное издание, посвященное пребыванию Николая II в действующей армии, поместило на своих страницах рисунок с характерным названием: «Народы Белого царя». Художник изобразил подданных самодержца в их национальных костюмах^[105].

Позже, в мае 1916 года, в Евпатории Николай II вместе с супругой и детьми посетил мечеть и караимскую кеннасу (молельню), отдав дань верованиям своих подданных. А летом 1916 года царь получил телеграмму от Оренбургского муфтия Мухаммед Сафа Баязитова, повергавшего к его

«стопам» верноподданнические чувства и молившегося Всевышнему Аллаху «о полном сокрушении дерзких врагов во славу великой нераздельной России и Державного ее Повелителя, также на счастье многочисленных народностей ее, в том числе верных сынов... мусульман». В ответ Николай II поблагодарил всех мусульман, собравшихся тогда на праздник Рамазан-Байрама, за молитвы и сказал, что высоко ценит доблесть приверженцев ислама, сражающихся в рядах армии. 22 июня 1916 года в Царском Селе муфтий был принят Александрой Федоровной. «Он насказал много милых вещей, молитв и пожеланий тебе», — в тот же день сообщила она супругу.

Итак, никаких сомнений не вызывает то, что Николай II вполне искренне и честно старался быть Белым царем, но насколько это способствовало решению сложнейшего национального вопроса, существовавшего в Российской империи, — проблема иного плана. Бурный подъем национальных движений, вызванный революцией 1905–1907 годов и охвативший тогда практически все народы страны (на Западе, в Закавказье, в Средней Азии, в Сибири), свидетельствовал о том, что доверять верноподданническим заверениям духовных лидеров и представителям местных элит — значит заниматься самообманом. 1917 год стал тому горьким доказательством. Но в конце 1914 года, после своей кавказской поездки, Николай II предпочитал об этом не задумываться. Не стоит поспешно обвинять его в наивности: не все вопросы могут быть решены. Россия начала XX века представляла собой накренившийся дом, двигать мебель в котором было не только бессмысленно, но и опасно. Радужные приветствия представителей кавказских народов Николай II, воспитанный на идеалах царя-отца Отечества, мог воспринимать только как проявление глубоких монархических чувств, и никак иначе. Он не был «беспечен», как о том писали некоторые современники, но он был фаталистом, до конца надеявшимся лишь на Божье милосердие. Фатализм и заставлял его идти за бурно развивавшимися событиями.

Официальный историограф царя, описывавший его жизнь во время войны, генерал Дубенский отмечал, что в тревожные осенне-зимние дни 1914 года Николай II, совершив несколько поездок к действующей армии, испытал облегчение, увидев, как верит ему страна, как она его любит. Это, собственно говоря, и было то, ради чего предпринимались столь долгие путешествия. Генерал, вольно или невольно, продолжил традицию описания царской жизни, заложенную в книге А. Г. Елчанинова, рисуя образ добродетельного монарха, имеющего непосредственную связь с народом. По мнению современного петербургского исследователя С. В.

Куликова, многочисленные встречи с простым народом, относящиеся к периоду войны, являлись для царя доказательством того, что большинство его подданных абсолютно ему преданы, а недовольство исходит от тонкой прослойки, состоящей преимущественно из представителей привилегированных сословий^[106].

Впрочем, как бы то ни было, для Николая II 1914 год заканчивался под знаком надежды. «Молились Господу Богу о даровании нам победы в наступающем году и о тихом и спокойном житии после нее. Благослови и укрепи, Господи, наше несравненное доблестное и безропотное воинство на дальнейшие подвиги!» — записал он в дневнике 31 декабря. Считая обязательным регулярное посещение войск, царь уже 22 января отправился в Ставку, затем посетил Ровно, Киев, Полтаву, Севастополь и через Екатеринослав и Курск 2 февраля вернулся в Царское Село. Однако наступивший год не стал победным. Через несколько дней после возвращения из поездки Николай II написал в дневнике о неудачных для русских боях в районе Мазурских озер и об отходе войск в Буковине и прилегающих Карпатах. «Грустно и неприятно, но, надо думать, все это преходяще!» — спокойно отмечает он, как обычно, безропотно принимая случившееся.

Его поездки не прекратились — в конце февраля 1915 года он отправляется в Финляндию, инспектирует корабли военно-морского флота, объезжает сухопутную линию обороны и затем вновь едет в Ставку. В Барановичах царь получает радостное известие о падении Перемышля. Воодушевленный победой, он награждает великого князя Николая Николаевича Георгиевским крестом 2-й степени. На следующий день самодержец возвращается в Царское Село. Казалось бы, худшее позади: сильнейшая австрийская крепость пала — «после нескольких унылых месяцев эта новость поражает, как неожиданный луч яркого солнечного света, и как раз в первый день весны», — пишет он супруге 9 марта.

Весна 1915 года ознаменовалась странным на первый взгляд событием — присуждением царю степени доктора русской истории *honoris causa* «ввиду особо выдающихся заслуг Его Императорского Величества в области русской истории». Неудивительно, что подобное предложение появилось после начала Великой войны, — взрыв патриотизма и надежды на решение старого и большого «славянского вопроса» не оставили равнодушными и ученых гуманитариев. Думается, это не было проявлением холопства официальной историографии, как об этом в начале 1930-х годов писал марксистский публицист Д. Заславский.

Зная о любви Николая II к прошлому России, о его участии в

деятельности Русского исторического общества, отечественные исследователи считали, что царь содействует («всемерно и мощно») развитию русской исторической науки.

Инициатором присуждения царю «доктора honoris causa» в ноябре 1914 года выступил профессор древнеклассической филологии и литературы Юрьевского университета М. Н. Крашенинников. Профессор считал царя приобщенным «к числу таких избранных Провидением *делателей русской истории*, как Александр Невский, Иван Калита, Дмитрий Донской, Петр Великий, Александр II и Александр III...»^[107]. Именно война заставила Крашенинникова говорить о Николае II как о *делателе* истории, сравнимом с теми, кто боролся за ее независимость, расширял ее пределы и реформировал ее строй. Александр III попал в этот список, скорее всего, потому, что был отцом правящего императора.

На инициативу профессора Юрьевского университета откликнулся ректор Московского — профессор М. К. Любавский, отправив секретное письмо товарищу министра народного просвещения барону М. А. Таубе. Любавский, узнавший об инициативе коллег от самого Таубе, писал о технических сложностях присуждения царю ученой степени. По закону, для присвоения соискателю ученой степени необходимо было ходатайство факультета перед советом университета, голосование, иногда закрытое, в совете (большинством в две трети голосов), наконец, утверждение решения министром. «Все эти моменты... — полагал ректор Московского университета, — не могут быть приложены к особе Государя Императора, носителя наивысшей санкции, от которой проистекают и все полномочия подчиненных органов управления».

Профессор М. К. Любавский предложил выход из создавшегося щекотливого положения: организовать съезд русских историков, которые составят и преподнесут самодержцу торжественный адрес с изображением всех его заслуг перед исторической наукой России. Профессор писал также о возможном созыве съезда профессоров русской истории — для обсуждения способов торжественного признания заслуг Николая II перед русской исторической наукой и их увековечения. Наконец, в феврале 1915 года ректор Московского университета, совместно с профессором М. М. Богословским, внес на обсуждение историко-филологического факультета свое представление.

Их призывы были услышаны: 24 мая 1915 года в Царском Селе император принял восемнадцать профессоров русской истории и русского права, которые преподнесли ему верноподданнический адрес, представлявший собой панегирик николаевскому царствованию и

увязывавшийся с текущей войной. Весь русский народ, утверждали профессора, по зову монарха встал «на освобождение от тевтонского ярма своих братьев славян, на защиту собственного достоинства и чести, на восстановление поруганных начал права и справедливости в международных отношениях. Близятся к разрешению, — заявляли историки, — очередные великие задачи России, поставленные ей историей, исполняются заветы ее прошлого и открываются перспективы светлого будущего...». Разрешение этих задач они и связывали с правлением Николая II, особо отмечая его «любовное внимание» к отечественной истории и памятникам прошлого и называя его высоким покровителем науки истории и духовным вождем русских историков. Вспомнив о состоявшемся в 1914 году съезде представителей губернских ученых архивных комиссий для выяснения их нужд, задач и объединения их действий, профессора информировали царя, что ныне «пришли к мысли» связать с именем Николая II «возникновение в России нового установления — периодических съездов русских историков в широком смысле этого слова, имеющих созываться каждые пять лет в университетских городах по очереди и в обмене с изысканиями и мнениями объединять всех ученых, работающих в разных отраслях русской истории и соприкасающихся с нею дисциплин»^[108].

Царь благословил и утвердил начинание, поблагодарив ученых и с «особым удовольствием» согласившись на присвоение его имени периодическим историческим съездам. В их адресе он нашел еще одно подтверждение собственной мысли об исторической правоте России в Великой войне, о том, что он выполняет завещанную державными предками миссию. «Хозяин Земли Русской» был и ее «Верховным Вождем», *обязанным* вести свой народ, армию к победе, утверждая *не только силу, но и право* Российской империи на руководство европейским славянством. В обращении историков царь видел проявление веры в блестящее монархическое будущее страны.

Однако же в то время, когда русские историки готовились преподнести Николаю II свой адрес и обсуждали его содержание, произошло событие, сыгравшее, как потом оказалось, едва ли не фатальную роль в политической дискредитации русского самодержавия и самого самодержца. Речь идет о деле полковника С. Н. Мясоедова. История возникновения этого дела в нескольких словах выглядела следующим образом. В январе — начале февраля 1915 года русские войска вели тяжелые бои на Северо-Западном фронте и несли такие потери, что это привело в ярость Ставку и лично Николая Николаевича. Командующему 10-й армией и начальнику его

штаба грозили трибуналом. В народе распространялись слухи о генеральской измене. В этих условиях в конце марта 1915 года верховное командование и объявило о казни некоего полковника Мясоедова, якобы снабжавшего немцев секретной информацией. В закрытом режиме были проведены судебные заседания, вина обвиняемого «подтверждена» и он — повешен. Следивший за процессом великий князь Андрей Владимирович вынужден был констатировать, что следствие не установило даже факта сообщения Мясоедовым военных сведений неприятелю. Имелись только косвенные улики.

По словам генерала А. И. Спиридовича, была совершена ужасная судебная ошибка, отчасти объясняющаяся обстоятельствами военного времени, но главным образом — политической интригой. Никаких данных, уличавших Мясоедова в измене, кроме оговора, суд не представил. Полковник оказался ответчиком за военные неудачи Ставки в Восточной Пруссии. Некогда покровительствовавший Мясоедову военный министр В. А. Сухомлинов сразу же откrestился от бывшего своего подчиненного, ранее выполнявшего его щекотливые поручения. Еще 26 февраля, только узнав об аресте полковника, Сухомлинов записал в дневнике: «Бог наказал этого негодяя за шантаж и всякие гадости, которые он пытался мне устроить за то, что я его не поддержал». Не вдаваясь в подробности отношений военного министра и его бывшего протеже, нужно подчеркнуть, что для общественного мнения был важен сам факт этих отношений.

К тому же задолго до того, как предстать перед судом, Мясоедов уже обвинялся в шпионаже (правда, не в пользу Германии, а в пользу ее союзницы — Австро-Венгрии). Это случилось в 1912 году, когда лидер октябристов А. И. Гучков заявил о преступности Мясоедова публично. Полковник вызвал Гучкова на дуэль, но и после нее примирения не последовало. Офицер вынужден был уйти со службы и стал председателем Общества Северо-Западного пароходства. Проведенное по линии Генерального штаба и Отдельного корпуса жандармов расследование состава преступления в действиях Мясоедова не нашло. Вновь он надел погоны в 1914 году, получив (по рекомендации Сухомлинова) назначение в 10-ю армию. Дальнейшее известно. Казнь Мясоедова совпала с распространением сообщений о нехватке оружия и боеприпасов на фронте, которая явилась основной причиной отступления в апреле — сентябре 1915 года. Все связалось в цепочку: шпионы, окружавшие военного министра, отсутствие снарядов и, как следствие, военные неудачи. Общественное мнение получило «подтверждение» проникновения немцев в высшие государственные сферы. Почва для кризиса доверия была подготовлена.

Первой жертвой должен был пасть военный министр, не устававший твердить, что кара постигла Мясоедова по заслугам.

Конечно же проблема заключалась не в личности В. А. Сухомлинова, чья преданность царю была безусловной, а деловые качества оставляли желать лучшего. Он был «государев министр», и следовательно, критика Сухомлинова, с которой выступали представители думской «общественности», рикошетом била и по царю. К лету имя военного министра стало нарицательным. Даже императрица в письмах супругу признавалась, что «ярость офицеров против Сухомлинова безмерна, — бедняга, — они проклинаят самое имя его и жаждут его отставки». Александра Федоровна тогда полагала, что для него отставка была бы самым лучшим выходом — «во избежание скандала». Отставка последовала незамедлительно — 12 июня, во время заседания Совета министров генерал получил собственноручный рескрипт императора, подписанный днем ранее.

«В моем лице вел[иким] кн[язем] Никол[аем] Ник[олаевичем] „козел отпущения“ найден, — записал Сухомлинов на следующий день в дневнике. — Ищем с женою квартиру, чтобы освободить казенную». Николай II не сразу порвал отношения с бывшим министром. Через месяц принял его в Царском Селе и позволил откровенно доложить о положении дел. Впрочем, что бы тот ни доложил, побороть общественное мнение (тогда совпадавшее и с мнением Александры Федоровны) было невозможно: ведь в 1914 году он уверял, «что мы готовы и сможем выдержать войну, а у нас не было достаточно снаряжения»!^[109] Верховный главнокомандующий мог торжествовать: давно презираемого им военного министра сместили. А некоторое время спустя царь согласился на учреждение Верховной комиссии по расследованию деятельности В. А. Сухомлинова. Весной 1916 года его арестовали. Узнав об этом, Александра Федоровна предложила Николаю II снять с бывшего министра аксельбанты. «Нет настоящих „джентльменов“, — сетовала императрица в письме от 4 марта, — вот в чем беда — ни у кого нет приличного воспитания, внутреннего развития и принципов, — на которые можно было бы положиться. Горько разочаровываешься в русском народе — такой он отсталый; мы столько знаем, а когда приходится выбирать министра, нет ни одного человека, годного на такой пост». Таков оказался печальный итог политической и военной карьеры преданного царю министра.

Но все это было еще впереди, а тогда, в июне 1915 года, под нажимом великого князя Николаю II пришлось пожертвовать еще тремя министрами, вызывавшими неудовольствие цензовой «общественности» — министром

внутренних дел Н. А. Маклаковым, обер-прокурором Святейшего синода В. К. Саблером и министром юстиции И. Г. Щегловитовым. Самодержец согласился и на возобновление заседаний Государственной думы, которая после объявления войны собиралась только 26 июля 1914 года и 27–29 января 1915 года. «Когда общественное мнение возбуждено против отдельных лиц, ими надо жертвовать», — заметил тогда же великий князь Андрей Владимирович^[110].

Усиление власти Верховного главнокомандующего чрезвычайно волновало императрицу, все более активно участвовавшую в политике ее венценосного супруга. «Он не имеет права себя так вести и вмешиваться в твои дела, — писала Александра Федоровна Николаю II. — Все возмущены, что министры ездят к нему с докладом, как будто бы он теперь государь». Императрица была также убеждена, что «человек, который стал просто предателем Божьего человека, не может быть благословенен, и дела его не могут быть хорошими». Ненависть Николая Николаевича к Распутину она не могла ни забыть, ни простить. Существовало и еще одно обстоятельство, заставлявшее императрицу относиться к Верховному главнокомандующему с подозрением. С конца апреля стали распространяться слухи о возможном устранении Николая II от вмешательства в дела войны и даже от управления страной, об учреждении диктатуры или регентства в лице Николая Николаевича. Заговорили и о заключении императрицы в монастырь. Слух о заточении стал даже достоянием царской прислуги. «Дошло и до Их Величеств, знали дети». Лейб-хирург С. П. Федоров рассказывал генералу А. И. Спиридовичу, как, придя однажды во дворец к больному цесаревичу, «увидел плачущую великую княжну Марию Николаевну. На его вопрос, что случилось, великая княжна ответила: „Дядя Николаша хочет запереть мамá в монастырь“. Сергею Петровичу пришлось утешать девочку, говорить, что все это неправда».

Тем же летом (в июле — августе) в Думе появились слухи о желании царицы заключить сепаратный мир с немцами. Александра Федоровна, чья жизнь была окутана «каким-то туманом непонятной атмосферы», во время войны надевшая платье сестры милосердия и посвятившая себя работе в госпиталях, облегчая участь раненых, подозревалась в симпатии к врагам России. «Единственно, в чем ее можно было упрекнуть, — это, что она не сумела быть популярной», — полагал великий князь Андрей Владимирович и был недалек от истины. Неумение быть популярной дорого стоило супруге самодержца. Пошли разговоры о желательности регентства великого князя Михаила Александровича. «Роковое слово

„измена“ произвело, по словам непосредственного свидетеля, А. И. Деникина, „потрясающее“ впечатление в армии; слухи об „измене“ сыграли огромную роль в настроении армии, в отношении и к династии, и к революции», — писал историк и общественный деятель С. П. Мельгунов.

С тех пор и вплоть до Февральской революции остановить слухи не удавалось. Генерал Н. А. Епанчин вспоминал, как знакомый штаб-офицер, откомандированный в январе 1917 года во внутренние губернии империи по делам службы, рассказывал ему, что в тех местах, «где он был, новобранцы последнего призыва толпами шлялись по городу, распевая: „За немецкую царицу взяли парня на позицию“». И хотя Епанчин видел в этом доказательство преступной пропаганды в войсках агентов врага, на самом деле все обстояло гораздо серьезнее: слухи распространяли сами «верноподданные» Ее Величества. С. П. Мельгунов не ошибался: «инстинктивный голос» «всей страны», действительно, часто может звучать фальшиво. Только понимание совершенной ошибки осознается современниками лишь спустя некоторое время. И все же, как бы то ни было, слухи — своеобразный барометр, позволяющий судить о моральном состоянии общества.

Летом 1915 года слухи о возможном смещении правителя дополнялись объединением всех монархистов, недовольных положением дел в стране. В Думе октябристы и значительная часть националистов пошли на союз с либералами (кадетами). Так возник Прогрессивный блок. Кадеты, стремясь закрепить достигнутый политический успех, заменили свое программное требование — ответственности правительства перед Думой — лозунгом министерства доверия. Создатели блока видели в нем «последнее средство спасти монархию»^[111]. В свою очередь, царь оказывался в странном положении, ибо, желая ладить с «общественностью», должен был согласиться с непрошеными «спасителями». Или резко с ними порвать. Но как раз резких политических действий царь и не любил. Оставалось одно — по возможности лавировать. Последствия подобного поведения оптимизма вызвать не могли. Летом 1915 года Николай II стремился найти компромисс с Думой, надеясь, что его достижение на почве Основных законов 1906 года все-таки возможно. При этом быть игрушкой в чьих-либо руках самодержец не хотел и не мог. В критические минуты царь, по уверениям знавших его людей, был тверд и решителен. Август 1915 года стал проверкой этих его качеств.

В августе царь, чувствовавший, «что все его надувают, верить никому нельзя», принял решение самому встать во главе армии. Это решение вызвало недоумение не только министров, но и императрицы-матери.

Мария Федоровна была убеждена, что удаление Верховного главнокомандующего приведет к неминуемой гибели ее сына, что этого ему не простят. Накануне своего отъезда в Ставку царь имел с матерью серьезный разговор: она умоляла его подумать обо всем хорошенько и не вести Россию на гибель, на что Николай II ответил: ему нужно спасти страну — это его долг и призвание. Во время их разговора супруга венценосца находилась в соседней комнате, вместе с великой княгиней Ксенией Александровной, которая упомянула о популярности Николая Николаевича. «Опять про Николашу, все только о нем и говорят, — ответила Аликс, — это мне надоело слышать; Ники гораздо более популярен, нежели он, довольно он командовал армией, теперь ему место на Кавказе»^[112]. Разлад в Императорской фамилии усиливался: посетившая Марию Федоровну вдова царского дяди Владимира Александровича — великая княгиня Мария Павловна услышала от императрицы страшное признание, что все происходящее «ей напоминает времена императора Павла I, который начал в последний год удалять от себя всех преданных людей, и печальный конец нашего прадеда ей мерещится во всем своем ужасе». Продолжая рассуждать на эту тему, великий князь Андрей Владимирович провидчески, как показало будущее, заметил: «Малейшая ошибка может создать события, непоправимые по тем впечатлениям, которые они оставляют»^[113].

Этого же боялись и царские министры. Один из наиболее влиятельных членов кабинета — главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин считал необходимым протестовать, умолять, настаивать, просить, делать все возможное, дабы удержать Николая II от бесповоротного шага. «Мы должны объяснить, — полагал Кривошеин, — что ставится вопрос о судьбе династии, о самом троне, наносится удар монархической идее, в которой и сила, и вся будущность России. Народ давно... считает государя несчастным царем, несчастливым, незадачливым». Цитируя эти слова, С. П. Мельгунов привел текст художника В. В. Каррика, записавшего рассказ кухарки, слышавшей на рынке: «Царь поехал на фронт — быть беде». А упомянутый А. В. Кривошеин воскликнул: «Государь решил встать во главе армии! Жутко!.. При его невезении, в разгар неудач!» и задался безответным вопросом: не идет ли Николай II прямо навстречу своей гибели? Несчастливый царь, приносящий беду, что может быть ужаснее для монархического сознания?

В таких условиях большинство министров считали своим долгом бороться «за монарха», не допустить принятия им верховного

главнокомандования. Но председатель Совета министров И. Л. Горемыкин полагал бессмысленным бороться — «раз дело сделано, его не воротишь». Сменивший в самом начале 1914 года В. Н. Коковцова, Горемыкин большинством министров воспринимался как помеха для вступления правительства на новый путь — путь совместной с ценовой «общественностью» деятельности для достижения победы над врагом. Но его это обстоятельство не беспокоило. Еще 31 января 1914 года, посещая В. Н. Коковцова, Горемыкин высказал сомнения в возможном успехе своей деятельности в качестве премьера: «Какой же может быть успех, ведь я напоминаю старую енотовую шубу, которая давно уложена в сундук и засыпана камфарою, и совершенно недоумеваю, зачем я понадобился; впрочем, эту шубу так же неожиданно уложат снова в сундук, как вынули из него».

Пессимизм Горемыкина преодолеть было невозможно; он доказывал своим коллегам, что в условиях почти катастрофического положения дел на фронте царь считает своей священной обязанностью находиться среди войск. «При таких чисто мистических настроениях, — говорил премьер, — вы никакими доводами не уговорите Государя отказаться от задуманного им шага».

Но надежда умирает последней. 21 августа у министра иностранных дел в частном порядке собрались практически все министры (кроме военного и морского, которым мундир не позволял принимать участие в такого рода демаршах). Оберпрокурор Святейшего синода А. Д. Самарин составил письмо государю, остальные сановники его подписали.

«Все милостивейший Государь! — говорилось в письме. — Не поставьте нам в вину наше смелое и откровенное обращение к Вам. Поступить так нас обязывает верноподданнический долг, любовь к Вам и родине и тревожное сознание грозного значения совершающихся ныне событий. Вчера на заседании Совета министров под Вашим личным председательством мы повергли перед Вами единодушную просьбу о том, чтобы великий князь Николай Николаевич не был устранен от участия в Верховном командовании армией. Но мы опасаемся, что Вашему Императорскому Величеству не угодно было склониться на мольбу нашу, и смеем думать, всей верной Вам России.

Государь, еще раз осмеливаемся Вам высказать, что принятие Вами такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями. На том же заседании воочию сказало коренное разномыслие между председателем Совета министров и нами в оценке происходящих внутри страны событий и в установлении

образа действий правительства. Такое положение, во всякое время недопустимое, в настоящие дни губительно. Находясь в таких условиях, мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и родине.

Вашего Императорского Величества верноподданные Петр Харитонов, Александр Кривошей, Сергей Сазонов, Петр Барк, кн. Н. Щербатов, Александр Самарин, гр. Павел Игнатъев, кн. Всеволод Шаховской».

По сути дела — это был ультиматум. В истории монархической России подобного еще не случалось. Большинство подписавших письмо министров со временем были удалены: в сентябре 1915 года — министр внутренних дел Н. Б. Щербатов и оберпрокурор Синода А. Д. Самарин, в октябре 1915 года — министр земледелия (так стало называться Главное управление землеустройства и земледелия) А. В. Кривошеин и министр путей сообщения С. В. Рухлов (чьей подписи, впрочем, под обращением к царю не было — его деятельностью была недовольна Александра Федоровна), в январе 1916-го — государственный контролер П. А. Харитонов, в июле 1916-го — министр иностранных дел С. Д. Сазонов, в декабре 1916 года — министр народного просвещения П. Н. Игнатъев. Только министр торговли и промышленности В. Н. Шаховской встретил революцию, будучи членом правительства.

Николай II, не терпевший навязывания ему чьих-либо мнений, остался чрезвычайно недоволен министерской «забастовкой» и поступил так, как задумал. 23 августа 1915 года появился императорский приказ по армии и флоту, извещавший всех подданных о том, что Верховный вождь страны принял на себя руководство всеми вооруженными силами, сухопутными и морскими, находящимися на театре военных действий. В тот же день был опубликован и рескрипт на имя Николая Николаевича — о его назначении Кавказским наместником и главнокомандующим Кавказской армией. Царь выражал великому князю глубокую признательность за понесенные им боевые труды и объяснял свое желание возглавить вооруженные силы «из соображений пользы государственной». То, что Верховное главнокомандование не было принято летом 1914 года, объяснялось причинами общегосударственного характера, не позволившими царю стать во главе армии. Днем 23 августа был помечен и последний приказ Николая Николаевича, в котором до сведения вооруженных сил доводилась информация о том, что во главе их встал царь и что теперь воины явят новые подвиги, а «Господь от сего дня окажет Своему Помазаннику свою всесильную помощь, дарующую победу».

Двадцать третьего августа 1915 года царь прибыл в свою Ставку, располагавшуюся уже не в Барановичах, а в Могилеве, куда ее за два

месяца до того перевел Николай Николаевич. Там же он выслушал первый доклад своего начальника штаба — генерала М. В. Алексева. На его плечи с тех пор и легла основная нагрузка по стратегическому планированию и управлению войсками. Царь, человек «среднего масштаба», по мнению знавших его военачальников, не мог непосредственно руководить войной.

«В искусство и знание военного дела Николаем II никто (и армия, конечно) не верил, — вспоминал впоследствии генерал А. А. Брусилов, — и было очевидно, что верховным вершителем станет его начальник штаба — вновь назначенный генерал Алексеев.

Войска знали Алексева мало, а те, кто знал его, не особенно ему доверяли ввиду его слабохарактерности и нерешительности. Эта смена, или замена, была прямо фатальна и чревата дальнейшими последствиями. Всякий чувствовал, что наверху, у кормила правления, нет твердой руки, а взамен являются шатанье мысли и руководства».

Указание на «слабохарактерность» нового начальника штаба весьма показательно. Получалось, что «слабый» (в представлении большинства современников) царь выбрал себе в помощники генерала с характером, похожим на его собственный. Конечно, во всем верить генералу Брусилову трудно — мемуары он писал уже в годы советской власти, которую признал и которой верно служил. О «фатальности» замены Верховного главнокомандующего он рассуждал в 1920-е годы, после пережитой революции и Гражданской войны. Но обвинить его в сознательной клевете также невозможно: как бы то ни было, а «руку» царя «твердой» действительно не считали.

Впрочем, в данном случае, думается, важнее было иное обстоятельство, которое ни один русский военачальник Великой войны (включая и А. А. Брусилова) никогда не опровергал и недооценивать которое было бы ошибкой: *царь признавал авторитет своих генералов и, как правило, никогда не вмешивался в принятие ими военных решений*. И хотя генералы имеют склонность винить вышестоящие инстанции в ошибках, ни один из них никогда не жаловался на вмешательство Николая II в сугубо военные вопросы.

Желая довести войну с Германией и Австро-Венгрией до победного конца, Николай II полагал, что серьезные изменения в государственном управлении до заключения мира неблагоприятны. В результате осенью 1915 года царь отказался от создания «министерства доверия» и сотрудничества с теми сановниками, которые, как он полагал, не знали «настоящей» России. Николай II «решил повести чисто персональную политику», идеологической основой которой естественно стало его

политическое мировоззрение^[114]. Учитывая, что это мировоззрение имело ярко выраженную двойственность, некоторые современные исследователи считают правомерным рассуждать об изоляции, в которой оказался самодержец, лишившись опоры как слева, так и справа: «...однозначно консервативным сановникам император казался недостаточно консервативным, сановникам же однозначно либеральным — либеральным не вполне»^[115].

О двойственности Николая II можно рассуждать с учетом фактора интеллектуальной робости, которой он отличался. Не доверяя собственной способности отвергнуть выдвинутый против его решения аргумент, царь часто колебался между несовместимыми альтернативами, никогда не забывая одного: принцип самодержавия пострадать не должен. Не желая во время войны разрушать общественные организации, созданные для помощи фронту, Николай II вынужден был считаться и с давлением «правых», постоянно внушавших: пошатнется царская власть — Россия погибнет. Постоянное раскачивание на политических качелях (о чем уже приходилось писать, цитируя С. Ю. Витте) в сентябре 1915 года сказалось и в роспуске Государственной думы.

«Умеренные, еще умерившись под [Прогрессивным] блоком, всему покорились, — ехидно замечала З. Н. Гиппиус. — Выслушали указ о роспуске и разошлись.

Все это очень хорошо. Все это, само по себе взятое, прекрасно и может быть полезно... в свои времена. А когда немец у дверей (надо же помнить), все это неразумно, потому что недействительно.

Царь последовательнее всех. Он и возложил всю надежду на чудо. Пожалуй, других надежд сейчас и нету».

З. Н. Гиппиус оказалась права — царь всегда рассчитывал на чудо, на милость Божью, которая спасет. И военные поражения могли только усилить эту царскую веру. Все остальное — не принципиально, даже то, что каждый день тогда имел запах катастрофы.

Однако царь выдержал натиск, взвесив все «за» и «против». В ответ на слова председателя Государственной думы М. В. Родзянко о том, что при неудаче трон подвергнется риску, Николай II пророчески сказал: «Я знаю, пусть я погибну, но спасу Россию». До гибели самодержца оставалось чуть менее трех лет и чуть менее полутора лет — до гибели монархии. За это время общественное мнение окончательно разуверилось в способностях самодержца как правителя, хотя говорить о «линейности» этого процесса не приходится. Генерал А. И. Спиридович, человек, безусловно,

информированный, писал, что после передачи власти от Николая Николаевича к царю у некоторых из окружавших великого князя лиц «прорвалось озлобление». Пустили слух, будто Верховного главнокомандующего свергла немецкая партия, что скоро будет заключен сепаратный мир с немцами.

Этот слух дорого стоил царю и особенно его супруге, о «немецких симпатиях» которой говорили много неправды. Слух рос как снежный ком, обрастая всевозможными скабрёзными подробностями и анекдотами. На этом нездоровом фоне фигура Распутина казалась не только зловещей, но и роковой. В политических кругах пошли разговоры об усилении реакции, о возросшем влиянии «старца». Стали открыто говорить и о необходимости государственного переворота, назначении регента, которым мог бы стать Николай Николаевич. В то же самое время распространялись и слухи о «регентстве» императрицы Александры Федоровны. Реальная жизнь и мифы, рождаемые чьим-то воспалённым воображением, существовали в едином временном пространстве, влияли на сознание и «общественности», и Императорской фамилии, и простого народа.

В 1916 году слухи и сплетни, не щадившие венценосной четы, достигли апогея. Стабилизация положения на фронте никак не влияла на изменение внутривнутриполитической ситуации, хотя в период руководства вооружёнными силами Николая II Ставка и командование Юго-Западного фронта разработали и блестяще осуществили прорыв австро-германских позиций (так называемый Брусиловский прорыв). Русские войска нанесли сокрушительный удар по врагу: более миллиона солдат и офицеров противника были убиты и ранены, а около 400 тысяч — попали в плен. Потери русских войск составили до полумиллиона человек. В районе Луцка фронт продвинулся на 80—120 километров. Под влиянием побед России Румыния в конце августа 1916 года объявила войну Австро-Венгрии, Турции, Германии и Болгарии (которая выступила на стороне австро-германского блока ещё в октябре 1915-го). Несмотря на поражение, нанесённое немцами румынским войскам, накануне 1917 года русско-румынские войска закрепились на оборонительных позициях от Фокшан до устья Дуная, не позволив врагу окончательно дестабилизировать Румынский фронт. В целом сражения 1916 года привели к тому, что стратегическая инициатива перешла в руки Антанты. Надежда на благоприятный исход войны перерастала в уверенность.

Однако именно в это время ситуация в России обострилась настолько, что разговоры об «измене» и «немецких влияниях» захватили самые широкие слои населения. Провоцировал их и арест генерала Сухомлинова,

о котором приходилось писать выше. В измену бывшего военного министра люди, хорошо его знавшие, не верили, не верил в нее и начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев. Но «дело» Сухомлинова лучше любых революционных прокламаций развращало народ в тылу и солдат на фронте. Если царский генерал-адъютант был «изменником», значит, и сам венценосец «законно» может подозреваться. Слухи связывали воедино «стремления» царя и царицы к сепаратному миру и чаяния сибирского «старца», якобы желавшего замирения с немцами.

Много говорилось тогда и о влиянии Распутина на внутренние дела империи. Последнее обстоятельство связывалось с близостью к Распутину Александры Федоровны. «По доходившим до меня сведениям, — вспоминал близкий императору генерал В. Н. Воейков, — пропаганда против императрицы, которой ставилось в вину ее знакомство с Распутиным, стала сильно распространяться по всей армии, в особенности же в тыловых частях. Эти сведения я считал долгом доложить со всеми подробностями Его Величеству. Упоминание имени Распутина было Государю, видимо, болезненно неприятно». О хождении подобных слухов не только в армии, но и в столице вспоминал Ф. И. Шаляпин. Молва, по его словам, признала Распутина немецким агентом, толкавшим царя на сепаратный мир с Германией, а императрицу — выдававшей Вильгельму II «по прямому проводу» государственные тайны. «Солдаты на фронте считали дурной приметой получать из рук царицы Георгиевский крестик — убьет немецкая пуля...» Описывая ходившие по Петрограду перед революцией разговоры, В. В. Шульгин устами некоего «порядочного человека» заявлял, что поскольку царь пускает во дворец «уличного развратника», страна оскорбляет его ужасными подозрениями. В результате рвутся столетние связи, которыми держалась страна. И все это — «из-за слабости одного мужа к одной жене».

Так постепенно, по нарастающей, протекал процесс разложения самодержавной власти и развенчания авторитета ее носителя. В Николае II переставали видеть монарха «милостью Божьей», без стеснения распространяя скабрёзные сплетни и пошлые карикатуры. В начале 1916 года, например, журналист М. К. Лемке описал в дневнике историю рисунка, опубликованного в немецком издании «Fliegende Blätter». Некий офицер А-в показывал в офицерской и чиновничьей среде карикатурный рисунок, изображавший «слева Вильгельма, меряющего метром длину германского снаряда, а справа Николая, меряющего, стоя на коленях, аршином... Распутина... И все хохотали, — писал Лемке, — никто не

считает нужным стесняться... Развал полный».

Постепенно оформилось положение, при котором Николай II царствовал, был Верховным главнокомандующим, но уважением подданных пользовался все меньше и меньше; государством не правил и армией не командовал. Самодержцем, по мнению многих современников, быть не умел. «Он был бесполезен, безволен и полностью погружен в себя, — писал барон Н. Е. Врангель. — Он держался за трон, но удержать его не мог и стал пешкой в руках своей истеричной жены. Она правила государством, а ею правил Григорий Ефимович Распутин. Распутин внушал, царица приказывала, царь слушал». Сказанное — своеобразная формула власти, существовавшей в Российской империи накануне революции 1917 года.

Правда, в этой формуле не упомянут еще один «элемент» — ближайшая подруга Александры Федоровны Анна Александровна Вырубова. Недалекая, но далеко не глупая женщина, Вырубова сумела удержаться «при царях» в условиях всеобщей ненависти и возникавших иногда на почве ревности чисто женских недоразумений с императрицей. Будучи «граммофоном» Распутина, Вырубова стала для своих венценосных покровителей незаменимой по причине абсолютного единомыслия с ними по всем вопросам — и религиозным, и политическим, и личным. Постепенно в ходе конфронтации самодержавной власти с Прогрессивным думским блоком утвердилась четырехчленная схема: Распутин — Вырубова — царица — царь. Воссоздавая картину последних месяцев существования самодержавия в России, советский историк А. Я. Аврех даже позволил себе говорить о «сердцах четырех», охарактеризовав «глупость» Анны Александровны словами мужиков о «диком помещике» М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Дурак-то он дурак, да ум ему большой даден».

В октябре 1915 года император выехал на фронт, взяв с собой сына. Появление наследника в действующей армии свидетельствовало о намерении Верховного главнокомандующего довести войну до победного конца, как и то, что после поездки цесаревич не вернулся обратно в Царское Село, а остался жить с отцом в Ставке. Вскоре Николай II вместе с сыном вновь отправился к войскам, побывал вблизи передовых позиций Юго-Западного фронта, в зоне обстрела противника. Поездка завершилась к 15 октября, когда на два дня в Могилев приехала императрица Александра Федоровна. То было ее первое посещение Ставки.

Через день после ее отъезда, по ходатайству генерала Н. И. Иванова, Николай II наградил цесаревича Георгиевской медалью 4-й степени «в память посещения армий Юго-Западного фронта вблизи боевых позиций».

А вскоре — 21 октября — он получил телеграмму Георгиевской думы Юго-Западного фронта (которым и командовал генерал Иванов), в которой содержалась просьба «оказать обожающим Державного Вождя войскам великую милость и радость, соизволив возложить на Себя орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, на основании ст. 7-й статуса». Поводом послужило его присутствие на передовых позициях, когда «Его Императорское Величество явил пример истинной воинской доблести и самоотвержения». 25 октября член Георгиевской думы генерал-майор Свиты князь А. В. Барятинский в Александровском дворце Царского Села вручил монарху орден. «Незабвенный для меня день получения Георгиевского Креста 4-й степени, — записал император в дневнике. — <...> В 2 часа принял Толю Барятинского, приехавшего по поручению Н. И. Иванова с письменным изложением ходатайства Георгиевской думы Юго-Западного фронта о том, чтобы я возложил на себя дорогой белый крест! Целый день после этого ходил как в чаду».

В тот же день Николай II послал генералу Н. И. Иванову благодарственную телеграмму, в которой сообщал, как несказанно тронут и обрадован «незаслуженным» отличием, и согласился «носить наш высший боевой орден».

Событие было запечатлено в кинохронике и показывалось в синематографах. И что же? Содействовало ли информирование подданных о награждении царя боевым орденом подъему боевого духа и укреплению монархических чувств? Увы... В конце концов «фильму» даже запретили. «Потому что как только начнут показывать, — вспоминал В. Шульгин, — из темноты голос — „Царь-батюшка с Егорием, а царица-матушка с Григорием...“».

Политический фольклор со второй половины 1915 года преследовал царя повсюду. Своеобразно комментировались беседы царя с бывшим Верховным главнокомандующим, в ходе которых (если верить записям великого князя Андрея Владимировича) Николай Николаевич сделал «выговор» своему венценосному родственнику: «Как тебе не стыдно было поверить, что я хотел свергнуть тебя с престола!.. Стыдно, Ники, мне за тебя». В ответ царь якобы только отмалчивался. Накануне беседы, 5 ноября 1915 года, на ту же тему с Николаем II говорил и протопресвитер русской армии и флота Г. И. Шавельский. «После этого я понял, что все кончено, — заявил Николай Николаевич, — и потерял надежду на его спасение. Ясно было, что мы катимся быстро по наклонной плоскости и рано или поздно он корону потеряет». По мнению С. П. Мелыунова, приведенная беседа показательна, ибо с этого момента Николай Николаевич как бы считает, что

его руки развязаны. Фольклор немедленно реагирует на беседу великого князя с царем, приписав бывшему Верховному главнокомандующему слова: «Смотри, не доведи до того, что вместо Николая II будет Николай III». Комментировать здесь нечего. Приговор «общественного мнения» произнесен.

Будучи Верховным главнокомандующим, царь значительную часть времени проводил в Могилеве, где резиденцией ему служил губернаторский дом. Жил он в двух комнатах, одна стала кабинетом, а другая — спальней. Распорядок дня, установленный с самого начала его командования армией, практически не менялся вплоть до февраля 1917 года. В начале десятого царь шел в штаб, где вместе с генералами Алексеевым и Пустовойтенко (генерал-квартирмейстером) разбирал донесения, поступившие в течение ночи и утром из действующей армии. К половине первого он возвращался в резиденцию и завтракал. Обыкновенно к царскому столу приглашались десять — двенадцать человек, а также военные агенты союзников, состоявшие при Ставке. После трапезы Николай II переходил в кабинет, где рассматривал различные дела и доклады. Затем отправлялся на полутора-двухчасовую прогулку.

Согласно информации официального летописца — генерала Д. Н. Дубенского, дальнейшее время «царственный труженик» вновь работал, слушал доклады, «доклады без конца», переживая все то, о чем ему доносили «правлящие лица изнутри России и о чем телеграф сообщает с фронтов». В половине восьмого накрывался обед, обыкновенно состоявший из трех блюд, на котором присутствовали постоянно находившиеся в Ставке лица. В девять вечера царь вновь удалялся в кабинет и там «до глубокой ночи» занимался делами. «Не может быть и никогда не будет отдыха Русскому Императору в эти дни кровавой брани», — патетические заявления генерала Дубенского, безусловно, были данью традиции, тому «национальному мифу» (если использовать терминологию американского ученого Р. Уортмана), который усиленно разрабатывался в эпоху Николая II.

В «черновой работе» император участия не принимал — ее исполнял начальник его штаба. Готовые выводы и решения царь мог утвердить или отвергнуть. Экстренных докладов генерал М. В. Алексеев практически никогда не делал, предпочитая отдавать срочные распоряжения

самостоятельно и лишь позже докладывать о них. Таким образом, ежедневным часовым докладом начальника штаба, собственно, и ограничивалась работа государя как Верховного главнокомандующего. Остальное время «Хозяин Земли Русской» проводил по своему усмотрению и расписанию.

Необходимо согласиться с генералом Д. Н. Дубенским: жизнь царя в Могилеве была скромной и подчинялась условиям военных действий (конечно, в той мере, какую сам Николай II находил достаточной). Разумеется, в Ставке не соблюдался «сухой закон», установленный в России после начала Великой войны. Но и пьянства, о котором так любили сплетничать впоследствии ангажированные критики самодержавия, не было. Обыкновенно, подходя к закусочному столу, царь выпивал одну-две чарки особой водки «сливовицы», приглашая и всех гостей следовать его примеру. Затем он садился в середине обеденного стола, напротив него неизменно было место министра Императорского двора. Остальных усаживал гофмаршал. К столу подавались столовое вино и яблочный квас. За обедом царь ничего не пил, лишь в конце наливая себе немного хереса или портвейна. Завершался обед краткой беседой с приглашенными.

Неоднократно присутствовавший за царским столом генерал Ю. Н. Данилов считал, что рассказы об излишествах государя (как он деликатно именуется сплетни о пристрастии последнего самодержца к алкоголю) были плодом фантазии недобросовестных рассказчиков. В основе сплетен, вероятно, лежал факт посещения Николаем II офицерских собраний некоторых гвардейских частей, дислоцировавшихся в Царском Селе. Рассказ о высочайших трапезах можно найти и в воспоминаниях протопресвитера Г. И. Шавельского, неперемного участника всех царских завтраков и обедов. Как и многие современники, отец Георгий отмечал, что в тесном кругу царь был милым и интересным собеседником, с которым можно было говорить, не считаясь с этикетом, обо всем.

Сердечность собеседника царя иногда вознаграждалась его удивительной искренностью: однажды, жалуясь на то, что его извели столичные посетители и просители, отец Георгий сказал царю, что не выдержал пребывания в Петрограде и вскоре уехал обратно (в Ставку). «Понимаю это... — сказал Государь, — со мной не лучше бывает, когда приезжаю в Царское Село. Но мне убежать некуда...» Услышав столь откровенное признание, протопресвитер заявил, что не хотел бы поменяться с царем местами. С удивлением посмотрев на него, Николай II с грустью сказал: «Как вы хорошо понимаете мое положение!» Только присутствие в Ставке сына скрашивало жизнь царя. Даже официозные

авторы писали, что цесаревич вносил в жизнь Ставки «особое настроение», ибо император «стал не так одинок и короткие часы свободы от дел» проводил более спокойно. В кабинете отца Алексей Николаевич готовил уроки, в спальне самодержца стояла и кровать его сына. Завтракал цесаревич всегда за общим столом, сидя по левую руку государя. Сопровождал отца на прогулке и в церковь.

Желая сыну только блага, Николай II, однако же, не очень серьезно относился к образованию наследника престола. В Ставке арифметику ему преподавал генерал В. Н. Воейков. Причина была проста до банальности: гофмаршал убедил самодержца, что так будет дешевле! Услышав это, протопресвитер Г. И. Шавельский «чуть не упал от ужаса». Оказалось, что «при выборе воспитателей и учителей для Наследника Российского престола руководятся дешевизной и берут того, кто дешевле стоит». Так до 1917 года В. Н. Воейков, лучше знавший лошадей и занимавшийся обучением солдат, продолжал преподавать цесаревичу арифметику.

Всеобщий любимец, Алексей Николаевич был бойким и озорным ребенком. Однако стоило Николаю II строго посмотреть на сына, как тот успокаивался. Добрый и простой в общении, цесаревич вел себя так, как обыкновенно ведут себя дети его возраста. Для Николая II он, безусловно, был самой большой радостью и гордостью. И хотя воспитатель цесаревича видел много неудобств от его долгого пребывания в Ставке, Николай II полагал, что лучше временно пожертвовать образованием сына, даже рискуя его здоровьем, чем лишать его той пользы, какую приносила жизнь в Могилеве. Царь, страдавший от своей застенчивости и от того, что его в молодости держали вдали от дел, не хотел повторять старых ошибок, воспитывая своего наследника. Ребенок должен был расти среди тех, кем он впоследствии должен был править.

Время от времени в Ставку приезжала императрица с дочерьми. Она предпочитала жить в собственном поезде, но официальные завтраки неизменно посещала. Современникам она запомнилась своим величественным видом и скорбным взглядом. Во время пребывания императрицы в Ставке Николай II обедал только со своей семьей. Императрицу не любили, и она, очевидно, это чувствовала, но ничего изменить не могла: покупать любовь подданных, подлаживаясь под их вкусы, для нее было неприемлемо. Она стала главным советником супруга, не стеснялась давать советы по вопросам военного и государственного управления, что, разумеется, не могло вызвать симпатии к ней не только общественности, но и генералов Ставки, опасавшихся мифических «германских симпатий» императрицы.

Не радовало военных и желание Александры Федоровны добиться приезда в Ставку Григория Распутина. Однажды в разговоре с М. В. Алексеевым она спросила, почему он противится этому. «Ваше Величество, — ответил ей генерал, — глас народа — глас Божий. Я, верный слуга своего государя, готов сделать все для его облегчения, но не могу допустить присутствия здесь человека, о котором армия и народ единодушно самого отрицательного мнения». Понятно, что такие беседы не способствовали взаимопониманию императрицы и генералов Ставки. Отношения были формально корректными, но не более.

Трудно сказать, что подтолкнуло Александру Федоровну к той грани суеверия, к которой и ранее влекла ее «неведомая сила» души, — болезнь единственного сына или еще что-либо. Но вера в Распутина оказалась для нее и для династии роковой. Имя царского «Друга» ко времени Великой войны стало нарицательным, а общение с его носителем — показателем моральной нечистоплотности. И дело не в том, соответствовало ли восприятие действительности, а в том, что оно сказывалось на отношении к самодержцу и к принципу самодержавия. Данное обстоятельство Александра Федоровна не понимала, а царь — игнорировал. «Общественное» мнение для них не существовало. «Старец» прочно занял свое место в жизни венценосных «друзей».

Показательный пример: в феврале 1916 года, на первой неделе Великого поста, Николай II и его семья причащались в Федоровском соборе Царского Села, как обычно — перед Царскими вратами; Распутин же причастился в алтаре собора, куда был проведен без предупреждения об этом дворцового коменданта. «Свой человек» в семье, Распутин был в курсе личных дел близких последнего венценосца, в частности, младшей сестры государя — великой княгини Ольги Александровны. Именно в годы Великой войны ее жизнь кардинальным образом изменилась, — она вышла замуж по любви, но с нарушением «Учреждения об Императорской фамилии». Ольга Александровна совсем не походила на царственную особу, нередко гуляла по столице одна, заходила в лавки, бывала в театральном училище. Письма писала не в виде рескриптов, а самые обыкновенные.

Простосердечная девушка, наивная и искренняя, в июле 1901 года она стала супругой принца Петра Александровича Ольденбургского, который был старше ее на 14 лет. Брак оказался несчастливый — страстный игрок и кутила, принц, ко всему прочему, не интересовался дамами. Много лет спустя Ольга Александровна вспоминала, что за 15 лет брака они с принцем ни разу не состояли в супружеских отношениях. Но принц не

хотел стеснять супругу в ее сердечных увлечениях. В 1903 году на военном параде великая княгиня познакомилась с гвардейским офицером Н. А. Куликовским, в ее жизнь вошла первая и единственная любовь. Великодушный принц в 1911 году сделал Куликовского своим адъютантом и поселил в своем петербургском дворце на Сергиевской улице. А во время войны с октября 1915 года штаб-ротмистр находился в распоряжении П. А. Ольденбургского.

Тогда же Ольга Александровна решилась, наконец, изменить свою жизнь и в сентябре 1916 года добилась развода с супругом. Следующим шагом должно было стать венчание с Н. А. Куликовским. О том, что великая княгиня будет добиваться заключения неравного брака с ротмистром, в царской семье знали заранее. И Александра Федоровна сетовала в письме к Николаю II, сожалея, что «в такое время, когда настроены непатриотично и против нашей семьи», великая княгиня «придумала такую вещь». И все-таки ее стремление к личному счастью нашло отклик у императрицы. Александра Федоровна даже решает спросить у Распутина, «когда лучше этому быть».

В октябре Ольга Александровна письменно попросила разрешения обвенчаться 5 ноября 1916 года. Император согласился. «Я принял ее сторону, сказав, что, по моему мнению, надо покончить с этим делом», — написал он супруге 30 октября. Но потом венчание перенесли на пятницу 4 ноября. Оно состоялось в Киеве, в маленькой церкви над Днепром, где некогда помещалось изваяние Перуна. «Да благословит ее Бог и да будет Н. А. [Куликовский] действительно достоин ее любви и жертвы!» — писала 2 ноября императрица. Венчание Ольги Александровны отметил в своем дневнике и царь. На скромном торжестве присутствовали императрица Мария Федоровна, великий князь Александр Михайлович, офицеры патронируемого Ольгой Александровной полка и сестры милосердия ее госпиталя.

А что же сибирский «старец»? Он был очень огорчен поступком великой княгини. Заявив, что заключение брака «было нехорошо» по отношению к царю и «что это не принесет ей счастья». Александра Федоровна сразу же написала *и о своем сожалении* по поводу брака Ольги Александровны, не забыв выразить понимание ее вполне естественному стремлению к личному счастью. Однако Григорий Распутин ошибся — брак сестры царя и Н. А. Куликовского оказался счастливым и долгим. И — безнаказанным. Николай II, судя по всему, смирился с нарушениями брачных правил, установленных его отцом для членов Императорской фамилии. Но стоит ли винить царя за понимание чувств своей сестры?

Вопрос, очевидно, некорректен. Война на многое заставила посмотреть по-другому, закрыть глаза на то, что раньше воспринималось вопиющим нарушением династического порядка и семейной дисциплины. При этом закон 1886 года царь и не думал изменять, на бумаге все оставалось как и при Александре III. Парадоксально только то, что «радетелем» императорских традиций выступил сибирский странник, а не глава Фамилии.

Пройдет немногим более трех месяцев, и самодержавие рухнет. Личное счастье Ольги Александровны, во время Великой войны служившей сестрой милосердия и удостоенной за храбрость солдатской Георгиевской медали, намного переживет монархическую государственность...

В политической жизни России начало 1916 года ознаменовалось уходом И. Л. Горемыкина с поста председателя Совета министров. 20 января он получил рескрипт государя, в котором говорилось о заслугах сановника, о «его» ходатайстве об отставке и о пожаловании ему чина действительного тайного советника первого класса. Эта странная награда в царствование Николая II давалась дважды: первый раз в мае 1906 года — графу Д. М. Сольскому, короткое время состоявшему председателем Государственного совета, и, соответственно, И. Л. Горемыкину. Согласно Табели о рангах, после чина действительного тайного советника следовал чин канцлера. Можно предположить, что изобретение чина преследовало единственную цель — никого не награждать претенциозным чином канцлера. Награждение Горемыкина, таким образом, должно было свидетельствовать о том, что его отставка никак не связана с ухудшением отношения к нему монарха и его супруги (кстати сказать, именно Александра Федоровна и предложила дать сановнику «титул старого Сольского»). Царь вынужден был пожертвовать Горемыкиным в преддверии возобновления заседаний Думы, но вовсе не желал назначать на его место лицо, пользовавшееся доверием цензовой «общественности».

Первоначально надежду возглавить кабинет питал министр внутренних дел А. Н. Хвостов, «человек без сдерживающих центров» (как он сам себя аттестовывал). Хвостов вместе со своим заместителем С. П. Белецким цинично вошел в «договорные отношения» с Распутиным о совместной работе. «Старец» должен был поддерживать выдуманные ими

планы и продвигать их во дворце. Министр надеялся при этом на содействие А. А. Вырубовой и прожженного авантюриста — князя М. М. Андроникова, вхожего ко многим министрам и иерархам православной церкви. Так впервые два члена правительства фактически признали Распутина и его влияние. История их дружбы со «старцем», закончившаяся попыткой Хвостова убить царского «Друга», изложена в многочисленных публикациях, посвященных Распутину. Поэтому специально останавливаться на ней не стоит. Подчеркнем только, что Хвостов, задавшись целью получить пост премьер-министра, потерпел фиаско, в начале марта 1916 года получив отставку и с поста министра внутренних дел. Тогда он стал распускать слухи о том, что стал жертвой происков немецких шпионов, окружающих сибирского «старца». Вышел громкий скандал. Императрица даже предлагала лишить Хвостова расшитого мундира или отдать под суд. Но экс-министру терять уже было нечего, и он зарабатывал политические «очки», ничем не гнушаясь.

Главой правительства между тем в конце января 1916 года стал гофмейстер Борис Владимирович Штюрмер, хорошо известный царю сановник. Многие годы он прослужил в МВД и являлся членом Государственного совета. Правый по своим убеждениям, Штюрмер всегда считался «своим», «верным» и числился «в запасе». В начале января 1916 года он наконец был «призван». В его пользу говорило и то, что «старец» поддерживал «старика». «Наш Друг сказал про Штюрмера: не менять его фамилии и взять его хоть на время, так как он, несомненно, очень верный человек и будет держать в руках остальных, — писала Александра Федоровна супругу. — Пусть возмущаются, кому угодно, это неизбежно при каждом назначении».

Верность императрица ценила выше всех государственных добродетелей. Неслучайно днем раньше она заявляла супругу, что после войны необходимо будет произвести *расправу*. «Почему это должны оставаться на свободе и на хороших местах те, кто все подготовил, чтоб низложить тебя и заточить меня, а также Самарин (бывший оберпрокурор Святейшего синода. — С. Ф.), который сделал все, чтоб натворить неприятностей твоей жене?» — писала она супругу 8 января 1916 года. Логика императрицы, все более проникавшейся ролью политического советника царя, была проста: «...ради Бэби (наследника. — С. Ф.) мы должны быть твердыми, иначе его наследие будет ужасным, а он с его характером не будет подчиняться другим, но будет сам господином, как и должно быть в России, пока народ еще так необразован, — m-г Филипп и Гр[игорий] того же мнения». Для Александры Федоровны мнения

покойного первого «Друга» и «Друга» живого были главным аргументом, заставлявшим отстаивать перед супругом принципы самодержавия, разумеется, так, как она это понимала. Удивления достойно, что о «необразованности» русского народа она судила со слов француза, не знавшего ни слова по-русски, и сибирского крестьянина, который сам был человеком малограмотным.

Чтобы отстаивать самодержавие «как надо», после отставки А. Н. Хвостова должность министра внутренних дел отдали Б. В. Штюрмеру, сосредоточившему, таким образом, в своих руках все рычаги управления внутренней политикой правительства. Значило ли это, что от «общества» Николай II решил бесповоротно отвернуться? Утверждать это было бы неверно. Еще в ноябре 1915 года созыв думской сессии был предметом постоянных забот царя. Даже Распутин, тогда певший с голоса Хвостова, говорил, что «только в случае победы Дума может не созываться, иначе же непременно надо». «Старец» рекомендовал царю съездить в Думу и сказать несколько слов при ее открытии. С такой же рекомендацией обратился к Николаю II и его давний знакомый — коллежский асессор А. А. Клопов, имевший право писать самодержцу личные письма. 1 февраля 1916 года, подчеркнув необходимость примирения правительства с Думой, он заверил высочайшего корреспондента, что страна ответит на его приезд подъемом патриотизма. «Этот величественный и простой акт единения Царя со своим народом, — указывал А. А. Клопов, — как поднял бы престиж России в глазах союзников и какое уныние вызвал бы среди наших врагов».

В результате 9 февраля 1916 года царь в первый (и, как оказалось, в последний) раз посетил Таврический дворец. Генерал Д. Н. Дубенский подчеркивал, что это событие имело не только всероссийское, но и международное значение. Посещение Думы совпало с победой, одержанной русскими войсками на Кавказском фронте (был взят Эрзерум), в связи с чем депутаты у иконы святого Николая Чудотворца и совершили благодарственное молебствие. Затем император произнес краткую речь, отметив, что счастлив находиться среди народных избранников — представителей «верного Моего народа». Николай II выразил уверенность в том, что каждый депутат внесет в свою ответственную работу «весь свой опыт, все свое знание местных условий и всю свою горячую любовь к нашему Отечеству, руководствуясь исключительно ею в трудах своих». В ответном слове председатель Государственной думы М. В. Родзянко поблагодарил царя, произнеся здравицу в честь «великого государя всея России».

Вместе с тем в отчете о посещении Николаем II Таврического дворца

составитель хроники его царствования посчитал важным специально отметить личную роль самодержца в военных операциях Великой войны, приписав ему стабилизацию фронта после сентября 1915 года. Генерал Д. Н. Дубенский вновь подчеркнул факт постоянного посещения царем войск, а также то, что он «Своим присутствием воодушевляет их на новые и новые подвиги. Велика сила и энергия русского войска, — продолжал историограф, — вдохновляемого Державным Вождем, Божьим Помазанником. Разве найдутся на свете такие муки и силы, которых не одолела бы русская сила? Мы в это верим и крепко убеждены, что пока наш Царь с нами, наша вера не тщетна и надежда на широкий успех в будущем не призрачна». Патетические заявления делались не только ради «красного словца». Они были призваны показать, что царь — гарант победы, не желающий заключать сепаратного мира с немцами. В качестве доказательства приводилось утверждение Николая II, относившееся к декабрю 1915 года и адресованное представлявшимся ему георгиевским кавалерам: «Будьте вполне покойны: как Я сказал в начале войны, Я не заключу мира, пока мы не изгоним последнего неприятельского воина из пределов Наших».

Это была официальная реакция на многочисленные слухи, будоражившие российских обывателей и проникшие в действующую армию. Не имея возможности отрицать факт широкого распространения слухов о желании правительства заключить мир, официальная печать указывала на то, что их сеют агенты Вильгельма II. *«Это низкая бесчестная клевета, — заявлял Дубенский, — распространяемая кем-то у нас повсюду, как удушливые немецкие газы, мутит настроение России»* (курсив мой. — С. Ф.). Признание распространения «клеветы» повсюду характерно само по себе. Клеветникам предлагалось отвечать, что царь, приводящий к войскам «самое заветное, что есть у Него, Своего Сына», не может даже думать о мире ранее победоносного конца. Тогда же Комитет народных изданий выпустил (для бесплатного распространения среди народа и войск) листок с декабрьской 1915 года речью царя. Крупным шрифтом под портретом Николая II помещались его слова: «Я не заключу мира, пока мы не изгоним последнего неприятельского воина».

Трудно судить, насколько эффективной была такая «контрпропаганда». Интереснее отметить другой момент: в годы Первой мировой войны слухи стали играть весьма большую роль. По мнению петербургского исследователя Б. И. Колоницкого, специально изучавшего этот феномен, распространители слухов были носителями монархического сознания, часто противопоставлявшими «плохого» Николая II «хорошим» членам

Императорской фамилии. В некоторых случаях указывалось, что правящий монарх не соответствовал образу идеального царя, почему и должен был быть заменен более достойным кандидатом (одни предлагали — Николая Николаевича, другие — Михаила Александровича). Факты оскорбления царской семьи важны потому, считает Б. И. Колоницкий, что «позволяют точнее описать ситуацию политической изоляции Николая II. В условиях войны даже люди консервативных взглядов, носители разных типов монархического сознания переставали быть прочной опорой режима. „Царь-дурак“ не соответствовал их патриархальному идеалу могучего, мудрого и справедливого государя».

На этом фоне особенно опасным выглядел рост революционного движения в стране. Росло число стачек, начало которым в январе 1916 года положила забастовка столичных рабочих. Экономические выступления быстро обрели политическое звучание, уже в первый месяц года прокатившись по 25 губерниям империи. «Предупреждайте счет, который история, народ предъявит власти, платите по нему вперед — он будет вам стоить дешевле», — взывал к правительству член Государственной думы кадет Родичев. Не желая революции, русские либералы оказывались в странном положении оппозиционеров, критиковавших власть, но все-таки не заинтересованных в ее окончательном падении. Премьер Штюрмер быстро приобрел в глазах «общественности» дурную репутацию. В прессе появилась информация о его «стяжательских» наклонностях, продвижении своих людей на «хлебные» места и даже протектировании сыну, назначенному вице-губернатором в занятую неприятелем Сувалкскую губернию. Получив подъемные, сын премьера был переназначен в Курск, также получив новые средства. «Вот, собственно, чем был занят Б. В. Штюрмер, — утверждал кадет И. В. Гессен. — И с этой точки зрения, очевидно, для него безразлично, выступать ли на сцену для примирения с Думой, как это имело место, или для борьбы. Под каким бы лозунгом ни выступить — все равно, важно иметь власть в своих руках, чтобы делать назначения вроде приведенных... меблировать дома, закупать белье и т. д., и т. д.».

Но дело было не только в корысти председателя Совета министров. «Свой» для царя и царицы, он беззастенчиво обманывал своих венценосных покровителей, скрывая от них реальную картину положения в стране. Вызвав в начале мая в Петроград 15 губернаторов наиболее важных российских губерний и проведя с ними совещание, Штюрмер подал Николаю II доклад, из которого следовало, что все в империи обстоит благополучно. Позже генералу А. И. Спиридовичу приходилось слышать,

что многие из присутствовавших на совещании губернаторов говорили Штюмеру о тревожном настроении, увязываемом с именем Григория Распутина, об упадке престижа монарха. Председателю Совета министров не хватило мужества поднять эти вопросы перед царем. Тем самым он нарушил важнейшую обязанность честного монархиста — говорить своему государю только правду, ничего не утаивая.

К осени 1916 года для всех внимательных современников стало ясно, что внутривластное состояние страны неудовлетворительно. «Министерская чехарда», как назвал быструю смену министров правый член Думы В. М. Пуришкевич, все сильнее сказывалась на работе государственной машины, которая уже не могла справиться с продовольственным кризисом. Летом 1916 года Б. В. Штюмер, отказавшись от руководства МВД, стал преемником С. Д. Сазонова, самонадеянно взяв портфель министра иностранных дел. На его место — в Министерство внутренних дел — был назначен министр юстиции А. А. Хвостов — дядя А. Н. Хвостова, занимавшего этот пост до Штюмера. Министром юстиции стал А. А. Макаров. Перестановки и увольнения не прекратились и дальше. Министр земледелия А. Н. Наумов уступил свое место графу А. А. Бобринскому, а тот вскоре — А. А. Риттиху. Заменявший А. Д. Самарина на посту обер-прокурора Святейшего синода А. Н. Волжин был отправлен в отставку. На его место назначили Н. П. Раева.

Историю перемещений можно было бы продолжать, но суть от этого не изменится: в условиях кровопролитной войны и деградации народного хозяйства непрерывное «тасование» министров не могло привести не только к взаимопониманию власти и общества, но и разрушительно воздействовало на саму власть. Лишь 38 губернаторов и вице-губернаторов оставались на своих постах с довоенного времени. В 1914 году были назначены 12, в 1915-м — 33, а за девять месяцев 1916 года — 43 высших представителя власти в губерниях. Губернаторы плохо осведомляли правительство о положении дел на местах, ибо неблагополучие им же и ставилось в вину.

Падение авторитета правительства пугало военное руководство. В июне 1916 года генерал М. В. Алексеев представил Николаю II доклад, предлагая сосредоточить всю власть в тылу «в руках одного полномочного лица, которое возможно было бы именовать верховным министром государственной обороны». Предложение принято не было: сановники испугались введения диктатуры, хотя председатель Совета министров стал руководителем образованного вскоре Особого совещания для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла.

Совещание состояло из министров внутренних дел, путей сообщения, торговли и промышленности, земледелия и военного.

Однако не имея авторитета среди общественности и не пользуясь достаточным влиянием в Совете министров, Б. В. Штюрман никак не мог играть роли политического координатора всероссийского масштаба. Постепенно уменьшались и его «ставки» при Дворе. По мере этого падения росли шансы нового претендента на роль спасителя монархии — Александра Дмитриевича Протопопова. Член IV Государственной думы, левый октябрист и товарищ председателя русского парламента, Протопопов был заочно представлен царю летом 1916 года. М. В. Родзянко, предложивший Николаю II своего думского коллегу, думал, что в качестве министра торговли и промышленности тот будет полезен стране. Если согласиться с утверждением, что 1915 год был годом тревоги, а 1916-й — отчаяния, то, вероятно, можно понять, почему именно тогда на политическом небосклоне больной империи и возшла роковая звезда Протопопова — «последнего временщика» последнего царствования.

О нем стоит сказать несколько слов. По рождению — столбовой дворянин, Протопопов имел большие земельные угодья в Симбирской губернии. Однако он был не только барин, но также и капиталистом, по наследству от дяди получив Селиверстовскую суконную мануфактуру. Занимался он и лесопромышленной деятельностью. По своему внешнему виду, как отмечал в 1920-е годы его биограф, Протопопов одинаково мог сойти и за крупного капиталиста, директора коммерческого банка, и за важного сановника «на линии министра»^[116]. Образование он получил военное — окончил 1-й Кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Академию Генерального штаба (в 1890 году). Но с армией карьера Протопопова была связана недолго: прослужив несколько лет в конно-гренадерском полку (до поступления в академию), вскоре по ее окончании он вышел в отставку. На многие годы его жизнь оказалась связана с Симбирской губернией, где будущий министр исполнял обязанности уездного предводителя дворянства, избирался гласным губернского земства и почетным мировым судьей. Кто знает, живи он в более спокойное время, тем и окончилась бы его карьера, а судьба не вызывала бы насмешек и глумления современников и потомков-историков. Протопопов являл собой тип «добротного барина», по мере возможности стремившегося помочь своим соседям-крестьянам. Земли под выгоны крестьянского скота, прогоны и пастьбу были «даровые», на его усадьбах даром строились избы для крестьян, возводились школы, больницы, приюты. Он интересовался научными достижениями своего времени, писал

работы по текстильному делу и крестьянскому землевладению, состоял действительным членом Русского императорского географического общества, являлся председателем Союза суконных фабрикантов. Но политиком до революции 1905–1907 годов он не был. Только после того как была образована Государственная дума, «исправленная» столыпинским законом от 3 июня 1907 года, Протопопов оказался «народным избранником», заняв место на октябристской скамье среди депутатов 3-го созыва. В 1912 году его переизбрали на новый пятилетний срок. К 1914 году он имел чин действительного статского советника, уважение коллег и «общественное» признание. Вплоть до назначения министром, Протопопов имел хорошую репутацию и весной 1916 года даже возглавил думскую делегацию, посещавшую Англию, Францию и Италию и Скандинавские страны. Поездка завершилась в июне 1916-го. Возвращаясь на родину, Протопопов в Стокгольме встретился с представителем германского посла — банкиром М. Варбургом. Современники полагали, что они вели речь о возможности и условиях заключения сепаратного мира с Германией. П. Н. Милюков, ездивший вместе с Протопоповым к союзникам, полагал, что «как раз с этой беседы с Варбургом Протопопов быстро пошел в ход. Он был приглашен царем в Ставку, чтобы рассказать о впечатлениях заграничной поездки — и для другой цели». Многозначительность Милюкова вполне ясна — он намекает на то, что царя интересовал вопрос о мире с немцами. Прямых доказательств не существовало, но слухи — другое дело. Протопопов и стал одним из основных «разносчиков» этих «миролюбивых» слухов. Впрочем, летом 1916 года о нем как о крупной политической фигуре еще никто не говорил. Правда, он произвел хорошее впечатление на царя, оставившего на этот счет любопытное свидетельство. «Вчера я видел человека, который мне очень понравился, — Протопопов, товарищ председателя Гос[ударственной] Думы, — информировал Николай II супругу 20 июля. — Он ездил за границу с другими членами Думы и рассказал мне много интересного». Начало знакомству было положено. Некоторое время спустя Протопоповым заинтересовалась царица, узнавшая о «старой дружбе» перспективного думского деятеля с сибирским странником. Уже 7 сентября Александра Федоровна написала супругу, что Григорий Распутин «убедительно просит» назначить на пост министра внутренних дел именно Протопопова. «Ты знаешь его, — давила она на царя, — он член Думы (не левый), а потому будет знать, как с ними себя держать. Эти мерзкие люди собрались и постановили, чтоб Родзянко отправился к тебе и просил сменить всех министров и назначить их кандидатов, — дерзкие скоты. — Мне кажется, что ты не мог бы ничего

сделать лучше, как назначив его. <...> Уже, по крайней мере, 4 года, как он знает и любит нашего Друга, а это многое говорит в пользу человека». Настойчивость царицы была вознаграждена, а «скоты» — оскорблены.

Председатель Думы при первой же встрече сказал своему бывшему заместителю, что тот поступил предательски, войдя в состав правительства, которое депутаты осудили как бездарное и вредное. Думские «заслуги» Протопопова быстро забылись, бывшие товарищи его откровенно высмеивали, но зато царь и царица относились к нему с исключительным доверием. «Появление этого человека было последним проблеском надежды; после этого ей уже ни разу не суждено было порадовать бывшего царя, — писал историк-марксист первого послереволюционного поколения Д. Заславский. — Как серьезно и неизлечимо больной хватается за всякое средство, хотя бы и заведомо сомнительное, и готов верить всякому уверенному слову, так Николай II верил, что Протопопов, опытный делец, может накормить армию и народ». Николай II действительно поверил своему новому министру, несмотря на то, что даже министры его собственного кабинета не поддерживали нового министра внутренних дел. В своей неприязни к Протопопову сошлись цензовая «общественность» и руководители Совета министров империи. Б. В. Штюрмер, как и сменивший его на посту премьера в ноябре 1916 года А. Ф. Трепов требовали отставки Протопопова, называя его «сумасшедшим». Но, как отмечал П. Н. Милюков, по более приемлемой номенклатуре Двора он, скорее, был на счету «юродивого». В этом качестве он пользовался благоволением царского кружка, а 20 декабря был окончательно утвержден в министерской должности.

Большое время требует своих героев, их появление закономерно и вполне объяснимо тем, что обычно называется «духом времени». Время часто действует как наркотик — рождает галлюцинации, создает обманные образы и миражи. А миражи в свою очередь становятся жизнью. Нереальное еще вчера становится фактом сегодня. Кто знает, может быть, в этом и кроется ключ к объяснению феномена Протопопова, после убийства Распутина, о котором еще придется сказать, укрепившего свое положение при Дворе и вызывавшего для совета дух почившего «старца». Может быть, в Протопопове умер выдающийся актер — играя роль спасителя империи, он в конце концов сам в это поверил, искренне считая, что сумеет подавить революцию. Бывший его патрон — председатель Государственной думы М. В. Родзянко как-то назвал Протопопова «глухарем» — в роли спасителя России, с верой в собственную избранность, он ничего не хотел и не мог видеть и слышать...

«На исходе 1916 года все члены государственного тела России были поражены болезнью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операции». Эти слова принадлежат поэту А. А. Блоку, в 1917 году служившему в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Суд современников не всегда справедлив, а часто и излишне суров. Но в данном случае у нас есть возможность подтвердить заявление великого поэта сообщениями многочисленных «свидетелей обвинения», как «левых», так и «правых» взглядов. Кризис власти был настолько всеобъемлющим, что не заметить его возможности не было. Отказ царя идти на кадровые уступки и удалить министра внутренних дел был вызван не столько его «самодержавным упрямством», сколько теми мировоззренческими установками, изменить которые значило предать самого себя. Именно так думала императрица Александра Федоровна, еще в ноябре 1916 года писавшая супругу, что дело не в А. Д. Протопопове или в ком-либо еще. «Это — вопрос о монархии и твоём престиже, которые не должны быть поколеблены во время сессии Думы, — указывала Александра Федоровна. — Не думай, что на этом одном кончится: они по одному удалят всех тех, кто тебе предан, а затем и нас самих».

Подобная установка не могла быть поколеблена ничем и никем. Сменивший Б. В. Штюрмера в должности председателя Совета министров егермейстер А. Ф. Трепов с самого начала оказался «под ударом» только потому, что не желал поддерживать министра внутренних дел и хотел наладить диалог с Думой. Пробыв в должности около полутора месяцев, 27 декабря 1916 года он был уволен с поста премьера и заменен председателем Комитета по оказанию помощи русским военнопленным князем Н. Д. Голицыным — креатурой императрицы. Он оказался последним главой императорского правительства. С ним у Александры Федоровны проблем не было. Он правильно понимал свою роль, не стараясь что-нибудь изменить или исправить. Правительственная власть демонстрировала свою слабость, а императрица — свою силу и влияние. Накануне грозных потрясений она внушала Николаю II быть «Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом» и сокрушить всех врагов. По ее убеждению, Думу необходимо было закрыть, а о «конституции» — и не вспоминать («так как это будет гибелью России и твоей»), тем более что об этом говорил даже m-г Филипп.

Императрица вышла на «тропу войны», примирение с «общественностью» оказалось невозможно. Жестко вели себя и народные избранники. 1 ноября 1916 года, выступая в Государственной думе, лидер кадетов П. Н. Милюков заявил о «глупости» и «измене». «Я говорил о слухах об „измене“, неудержимо распространяющихся в стране, о действиях правительства, возбуждающих общественное негодование, — вспоминал Милюков, — причем в каждом случае предоставлял слушателям решить, „глупость“ это „или измена“. Аудитория решительно поддержала своим одобрением второе толкование — даже там, где сам я не был в нем вполне уверен». Спровоцировав вопрос, Милюков получил тот ответ, который был «очевиден» для большинства политически ангажированных критиков самодержавной государственности (хотя этот ответ ничего общего с правдой не имел). Опять — «слухи»!

С речи П. Н. Милюкова, собственно, и началась революция. Парламентское слово превратилось в «штурмовой сигнал». Настроения, охватившие всю страну, по утверждению Милюкова, получили лозунг. Вопрос о будущем империи постепенно превращался в вопрос о будущем императора Николая II и его супруги. Разговоры о необходимости насильственного удаления царя и царицы в конце 1916-го — начале 1917 года раздавались все чаще и звучали громче. Императорская фамилия также принимала участие в подобных беседах. М. В. Родзянко вспоминал о встрече с вдовой великого князя Владимира Александровича — Марией Павловной, которая говорила ему о необходимости *устранить, уничтожить императрицу*. Родзянко также сообщает о том, что в те месяцы в Петрограде упорно проводилась мысль о принудительном отречении государя. «Все негодовали, все жаловались, все возмущались, и в светских гостиных, и в политических собраниях, и даже при беглых встречах в магазинах, в театрах и трамваях, но дальше разговоров никто не шел», — вспоминал Родзянко.

Но и уничижительные разговоры о царе и его правительстве — симптом тревожный, на который необходимо было обратить внимание. Не обратили. А в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года произошло новое событие, ставшее «вторым актом» зарождавшейся революции. При участии члена Императорской фамилии и депутата Государственной думы во дворце князя Ф. Ф. Юсупова был убит Григорий Распутин. То, как в обществе восприняли известие об убийстве Распутина, свидетельствовало, что процесс десакрализации самодержавной власти зашел слишком далеко — смерть царского «Друга» воспринималась чуть ли не как национальная победа. По словам Т. Шавельского, даже в Ставке Верховного

главнокомандующего «и высшие, и низшие чины бросились поздравлять друг друга, целуясь, как в день Пасхи». По словам Ф. И. Шаляпина, убийство Распутина укрепило мнение народа в наличии при Дворе измены: ее заметили и за нее отомстили убийством. А раз так — все, что рассказывали о Распутине, — правда!

Великий князь Николай Михайлович, самый «либеральный» представитель Императорской фамилии, в те дни писал, что желание убить Распутина во что бы то ни стало у Юсупова появилось после того, как он узнал: «...к концу декабря было решено подписать сепаратный мир с Германией!!» И так, Распутин — «немецкий агент», или «агент влияния», желающий остановить войну за спиной союзников. Есть от чего прийти в ярость. Так «глупость» превращала сибирского странника в «изменника». Но даже смерть не дала ему покоя.

Всевозможные слухи стали распространяться и о том, где и как будет похоронен «старец». 19 декабря газета «Русская воля» сообщила, что принято решение хоронить недалеко от столицы, и привела легенду, рассказывавшуюся для оправдания этого слуха: «Убитый — прямой потомок легендарного Федора Кузьмича. Последний долго жил в Сибири — и вот...» Получалось, что Распутин — родственник Николая II. Подобные легенды не могут удивлять: еще Илиодора — друга-врага «старца», автора скандальной книги «Святой чорт», — после его победы над правительством П. А. Столыпина в 1911 году народная молва выставляла «незаконным братом государя, от отца, чисто русской крови»^[117]. Психология народного восприятия очевидна — авторитет указанных лиц «освящается» их личной (то есть родственной) близостью к венценосцу. Следовательно, слухи о порочности таких «родственников», равно как и сведения о их благочестии, непосредственно затрагивали психологию восприятия «простым народом» самих носителей высшей власти. По существу, это был религиозный подход к власти, свидетельствовавший, сколь опасно игнорировать настроения, распространенные в обществе.

Петроградские газеты, печатавшие во второй половине декабря 1916 года заметки о Распутине, отмечали, что недоучет религиозного отношения общества к «Другу» сказывается и на авторитете верховного носителя власти, правившего «милостью Божьей». Распутин был похоронен 21 декабря в Царском Селе, рядом с Федоровским собором. На похоронах присутствовала царская семья. По сообщению министра внутренних дел А. Д. Протопопова, именно Александра Федоровна решила хоронить его в Царском Селе. И она, и император восприняли смерть «старца» внешне

спокойно — Александра Федоровна только выразила надежду, что молитвы мученически погибшего Григория Ефимовича спасут их семью от опасности смутного времени. В дневнике царь отметил, что был на похоронах «незабвенного Григория, убитого в ночь на 17-е дек[абря] извергами в доме Ф. Юсупова». Оценка «старца», равно как и его убийц, — налицо.

На грудь Распутина царица положила иконку, которой благословил ее архиепископ Арсений (Стадницкий) 11 декабря 1916 года во время посещения новгородского Знаменского собора, где находилась чудотворная икона Знамения Божией Матери. В этой поездке, оказавшейся последним до революции путешествием Александры Федоровны, ее «инкогнито» сопровождал и сибирский странник. Отпевал Распутина не столичный митрополит Питирим (Окнов), а епископ Исидор (Колоколов), человек скандальной известности, лишь благодаря непонятному заступничеству «старца» незадолго перед революцией обретший «высочайшее благоволение».

Правда, ожидавшегося инициаторами «патриотического террористического акта» отрезвления власти не произошло. Все осталось по-старому. Ярче засверкала «звезда» нового «рокового человека» — А. Д. Протопопова. В него стали верить, как ранее верили в Распутина, тем более что незадолго перед смертью «старец» заповедал: «Его слушайте... что скажет, то пусть и будет...» Протопопов постарался создать вокруг Распутина ореол мученика, чем еще больше поднял свой авторитет «преданного человека» в глазах императрицы. О «святости» «старца» (но, разумеется, с издевкой) говорили той зимой многие современники. З. Н. Гиппиус, например, вспоминая убийство Распутина, отметила в дневнике, что после случившегося «ждем чудес на могиле. Без этого не обойдется. Ведь мученик. Охота была этой мрази венец создавать. А пока болото — черти найдутся, всех не перебьешь». Всех действительно перебить было невозможно. К тому же после убийства Распутина для успокоения венценосцев министр внутренних дел попытался выписать из-за границы своего старого знакомого — хироманта Шарля Перрена. В столичных салонах вновь заговорили о популярных ранее «блаженных» — Мите Козельском и Васе-босоножке. «Свято место» не пустовало.

Ополчившись на родственников, посмевших заступиться за одного из убийц «старца» — великого князя Дмитрия Павловича, императрица требовала покарать не только непосредственных участников, но и наиболее негативно к ней настроенных Романовых. Первой жертвой ее мести «пал» великий князь Николай Михайлович, в последний день декабря 1916 года

получивший высочайшее повеление покинуть Петроград. Безусловно, Александра Федоровна не ошибалась — великий князь откровенно радовался убийству ее «Друга». Более того, он полагал, что это — «полумера, так как надо обязательно покончить и с Александрой Федоровной и с Протопоповым. Вот видите, — продолжает он рассуждать, — снова у меня мелькают замыслы убийств, не вполне еще определенные, но логически необходимые, иначе может быть еще хуже, чем было»^[118]. Обозленный высылкой, великий князь не стеснялся в выражениях, изливая свою горечь на страницах дневника. «Александра Федоровна торжествует, но надолго ли, стерва, удержит власть?! — писал он, попутно характеризуя и самодержца. — А он, что за человек, он мне противен, а я его все-таки люблю, так как он души недурной, сын своего отца и матери; может быть, люблю по рикошету, но что за подлая душонка!» По мнению Николая Михайловича, «подлость» царя состояла в его подчинении властной супруге, не понимавшей, куда идет страна.

Убийство Распутина, таким образом, стало проверкой лояльности самодержцу. Родственники Николая II этой проверки не выдержали или, лучше сказать, просто проявили свою нелояльность: ведь «Друг» царя не может быть врагом его верноподданных! Даже его мать, императрица Мария Федоровна, узнав о гибели «старца», сказала «слава Богу», хотя и добавила: «Нас ожидают теперь еще большие несчастья». В этих условиях царские родственники вместе с представителями «общественности» радовались смерти мужика и стремились помочь великому князю Дмитрию Павловичу, высочайшим повелением высылаемому в отряд генерала Баратова, дислоцировавшийся в Персии. 29 декабря почти все члены дома Романовых, находившиеся в Петрограде, собрались у великой княгини Марии Павловны и подписали коллективное письмо, ходатайствуя перед царем о его высылке в одно из подмосковных имений.

Письмо подписали Королева Эллинов Ольга Константиновна, великая княгиня Мария Павловна, ее дети — Кирилл, Борис и Андрей Владимировичи, супруга Кирилла — Виктория Федоровна, дядя Николая II Павел Александрович, вдова Константина Константиновича — великая княгиня Елизавета Маврикиевна, ее дети — Иоанн, Гавриил, Константин и Игорь Константиновичи, супруга князя Иоанна — Елена Петровна, великая княгиня Мария Павловна (младшая), а также великие князья Николай и Сергей Михайловичи. Через день письмо вернулось с высочайшей резолюцией: «Никому не дано право заниматься убийством, знаю, что совесть многим... не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне. Николай». Итак,

обращение, как и следовало ожидать, не возымело на царя никакого действия. Не помогло и заступничество великого князя Александра Михайловича, тестя князя Ф. Ф. Юсупова. Считая Дмитрия Павловича и Юсупова не обыкновенными убийцами, а патриотами, пошедшими по ложному пути, Александр Михайлович услышал от Николая II простые слова, с которыми не мог согласиться: «Никто — будь он великий князь или же простой мужик — не имеет права убивать». Однако моральные мотивы в то время мало кого удовлетворяли. Ненависть «к режиму», к императрице и ее венценосному супругу проникла в среду тех, кто называл себя монархистами. О возможности цареубийства говорил даже «националист» В. В. Шульгин и миллионер М. И. Терещенко. Куда уж дальше!

Разговоры о готовящихся заговорах становятся зловещей приметой времени. Вновь муссируются слухи о Николае Николаевиче как возможном «наследнике» незадачливого монарха. В декабре 1916 года этот вопрос обсуждался на квартире князя Г. Е. Львова — будущего главы Временного правительства, а в то время — главы Земгора, объединявшего Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам и Всероссийский союз городов. Предполагалось, что «воцарение» Николая Николаевича будет сопровождаться образованием ответственного министерства. Князь Львов в таком случае становился бы премьером. Присутствовавший на совещании тифлисский городской голова А. И. Хатисов уполномочивался вступить с Николаем Николаевичем в переговоры, ознакомив его с проектом дворцового переворота. В Тифлисе, во время новогоднего приема, Хатисов изложил великому князю «проект Львова». Подумав, Николай Николаевич от участия в заговоре отказался, но государю о предложении не сообщил. Исследовавший эту тему эмигрантский историк С. П. Мельгунов отмечает, что «великокняжеские „заговоры“ сами по себе скоро заглохли», да и «перевернутая „великокняжеская“ страница свидетельствовала больше о растерянности, чем о серьезных планах».

Впрочем, планировался и военный переворот, более известный как «заговор Гучкова», названный так по имени создателя и лидера партии «Союз 17 октября». Во время Великой войны член Государственного совета Александр Иванович Гучков стал председателем Центрального военно-промышленного комитета и членом Особого совещания по обороне. Выступая с обличениями «распутинской клики», Гучков, некогда являвшийся политическим союзником П. А. Столыпина, вызвал недовольство царя и ненависть Александры Федоровны. Именно этот человек в конце 1916-го — начале 1917 года вынашивал планы

династического переворота, предусматривавшего отречение Николая II в пользу наследника при регентстве великого князя Михаила Александровича, и создание ответственного перед Думой правительства, состоящего из либеральных политиков.

В середине ноября 1916 года Гучков принял участие в политическом совещании думских деятелей, в ходе которого обсуждался и дворцовый переворот. Но никаких решений совещание не выработало. Гучков тогда заявил, что это предстоит сделать тому, кто совершит переворот. Позже к нему приехали Н. В. Некрасов и М. И. Терещенко — будущие министры Временного правительства, полностью солидаризировавшиеся с ним. Так якобы и возник «комитет трех», члены которого, желая избежать кровопролития, намечали, как арену действий, одну из железнодорожных станций на царском пути в Новгородской губернии. Там была расположена запасная гвардейская часть, преданная заговорщикам. К марту предполагалось также подтянуть в столицу верные воинские части. Но подготовка шла медленно. Как вспоминал впоследствии сам Гучков, «сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось».

Слухи о дворцовом перевороте с конца декабря 1916 года проникали и в Ставку, где сплетничали об участии в заговоре великих князей и видных военных. Разговоры эти не вызывали гнева, к перевороту относились спокойно, полагая, что государственный порядок того времени приведет к поражению в войне. В глазах офицеров и солдат государь уже не пользовался авторитетом, престиж царской власти упал совершенно. «Даже за генеральскими столами» говорили о низложении царя и заточении царицы. Министр внутренних дел предупреждал Николая II о том, что значительное число генералов сочувствует перевороту. Очевидец рассказывал историку С. П. Мельгунову, что когда в масонскую ложу принимали командира Финляндского полка Теплова, один из «братьев» задал ему вопрос о царе. Теплов ответил: «Убью, если велено будет». О верности присяге в таких условиях говорить не приходилось. В великосветских гостиных Петрограда и Москвы открыто говорили, что государя принудят отречься, а регентом будет его брат Михаил Александрович. Сплетничали, что великая княгиня Мария Павловна приняла у себя морганатическую супругу царского брата как жену будущего регента. «Все ждали какой-то развязки», — отмечает информированный современник, что накануне революции об уходе государя говорили как о смене неугодного министра, а об убийстве царицы

и ее ближайшей подруги А. А. Вырубовой отзывались так же просто, как о госпитальной операции^[119]. «Что-то надломилось в среде правящего класса. Авторитет государя и его супруги, видимо, был окончательно подорван. Распутиным началось, войной кончилось»^[120]. Земля буквально горела под ногами самодержца, заставляя близких ему людей вновь и вновь пытаться «открыть» ему глаза.

В конце декабря 1916 года к царю решил обратиться друг его юности — великий князь Александр Михайлович. Письмо давалось ему тяжело, он несколько раз прерывал послание и вновь приступал к нему, окончательно завершив изложение своих мыслей только 4 февраля 1917 года. По мнению великого князя, «какие-то силы внутри России» вели его венценосного кузена к неминуемой гибели. Чтобы избежать катастрофы, необходимо было изменить принцип политического управления страной, призвав к власти тех, кто пользовался доверием людей. Нынешние соратники царя, полагал Александр Михайлович, никого удовлетворить не могут. «В заключение скажу, — писал он, — что как это ни страшно, но правительство есть сегодня тот орган, который подготавливает революцию, — народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу».

Призыв услышан не был. На состоявшейся 10 февраля 1917 года встрече с царем и царицей Александр Михайлович попытался доказать, что положение в стране — критическое. Александра Федоровна не желала об этом слышать, восклицая: «Это неправда! Народ по-прежнему предан Царю. <...> Только предатели в Думе и в петроградском обществе мои и его враги». Убедить ее оставить политическую деятельность, предоставив решение государственных дел супругу, не удалось. Разговор чуть не закончился скандалом: и императрица, и великий князь говорили на повышенных тонах. Николай II стоял рядом, молчал и курил. Расставание было холодным — императрица даже не поцеловала Александра Михайловича, чего ранее никогда не случалось. Больше он ее никогда не видел.

Даже политически недалекий брат Николая II — великий князь Михаил Александрович окончательно осознал всю катастрофичность положения, о чем откровенно сообщил в начале января 1917 года председателю Государственной думы. Разговор с неизбежностью вышел на императрицу, которая имела огромное влияние на правительственные назначения. «Ради Бога, Ваше Высочество, — взывал Родзянко, —

повлияйте, чтобы Дума была созвана и чтобы Александра Федоровна с присными была удалена». Великий князь обещал свою помощь, соглашаясь со всем, что ему говорили. Соглашался он и с негативной оценкой роли А. Д. Протопопова, которому Родзянко на царском новогоднем приеме 1 января 1917 года отказался подать руку. В ответ министр внутренних дел даже не прислал председателю Думы вызова на дуэль, что в высшем обществе расценивалось как позор и бесчестье.

Накануне, 30 декабря 1916 года, император принимал английского посла Джорджа Бьюкенена, который позволил себе, в нарушение дипломатического этикета, затронуть вопросы внутреннего состояния страны, где был аккредитован, и заявить, что Протопопов привел Россию на край гибели. «Вы находитесь, государь, на перекрестке двух путей, — заявил посол, — и вы должны теперь выбрать, по какому пути вы пойдете. Один приведет вас к победе и славному миру, другой — к революции и разрушению. Позвольте мне умолять Ваше Величество избрать первый путь. Сделайте это, государь, и вы обеспечите своей стране осуществление ее вековых стремлений, а самому себе — положение наиболее могущественного монарха в Европе. Но, кроме всего прочего, Ваше Величество, обеспечите безопасность тем, кто вам столь дорог, и освободитесь от всякого беспокойства за них».

Царь не прервал речь дипломата, тепло простился с ним, но изменять ничего не стал. Он не любил, когда на него «давили», не признавая за советчиками права давать ему указания.

Было ли это проявлением известного царского упрямства?

Скорее всего, не было. Будучи в постоянных разъездах (Ставка, фронт, Царское Село), во многом упустив нити управления страной, которые благодаря этому оказались в руках супруги, Николай II отдался воле Провидения и, по словам А. А. Блока, был уже «сам себе не хозяин». Перестал ли он отчетливо понимать положение в стране или же совершенно отдался в руки тех, кого сам поставил у власти? А. А. Блок отвечал утвердительно, вспоминая фразу Распутина, что у царя «внутри недостает». Не будем спешить с заключениями, памятуя о распространенности в эпоху Великой войны всевозможных слухов. Ведь и близкие к царю люди «лично слышали», как приближенные Николая II «делали специальный сильный настой из тибетских трав и этим настоем спаивали царя»! После этого якобы он впадал в меланхолию, чувствительность атрофировалась, он становился безразличным, был молчалив и лишался возможности реагировать на заявления и указания приближенных. Так, за последние годы царь пережил большую эволюцию

и стал буквально неузнаваем.

Исторические сказки — все равно сказки. Чего стоит упоминание приближенных — одни, дескать, спаивали царя, а другие не могли добиться от него нужной реакции. Неужели речь идет о борьбе «придворных кланов»?! Ничего подобного. Просто сообщается очередная сплетня, начала и концы которой не сходятся. Разговоры о слабовольном царе требовали «информационной поддержки», — так на свет Божий и появлялись нужные материалы о «спаивании». И не только тибетскими травами. П. Н. Милюков вспоминал о ходивших тогда слухах, что «состояние умственной и моральной апатии поддерживается в царе усиленным употреблением алкоголя». Похожие сплетни распускались даже членами Императорской фамилии: о спаивании Николая II «каким-то дурманом» сообщал, например, великий князь Дмитрий Павлович.

Представляется, что подобные оценки только запутывают вопрос о состоянии Николая II в последние месяцы существования самодержавной власти в России. Конечно, император был измотан, не зная, кому доверять и кого слушать: супруга постоянно напоминала о необходимости укреплять самодержавие, большинство родственников и сановников твердили о необходимости сговориться с «общественностью» и пойти навстречу пожеланиям Государственной думы. Было от чего прийти в уныние, оставляя надежду лишь на то, «чтобы Господь умилился над Россией».

Надежду на это разделяли с ним и те, кто пессимистически смотрел на ближайшее будущее империи. Одним из таких лиц был А. А. Клопов. Не искавший чинов и власти, он искренне любил Николая II, видя в нем прежде всего помазанника Божьего и символ стабильности страны. В конце 1916-го — начале 1917 года он неоднократно обращался к царю с посланиями, в которых предостерегал, советовал, просил...

Имея старые связи с великим князем Николаем Михайловичем и его младшим братом — Александром Михайловичем, Клопов иногда использовался ими для доведения до царя мнения «простого народа». Так, 26 октября 1916 года Николай Михайлович откорректировал записку коллежского асессора, в которой говорилось о необходимости назначить достойного председателя Совета министров. По сути, это было письмо о необходимости образовать министерство доверия, назначив главой кабинета человека, пользующегося авторитетом в стране. Аналогичные призывы содержались и в письме Клопова от 4 ноября 1916 года. После того как письмо было перлюстрировано, «творчеством» коллежского асессора заинтересовалось Министерство внутренних дел. А. Д.

Протопопов даже написал царю письмо и получил лаконичный ответ: «Клопов старичок, давно мне известный». После этого царь дал министру письмо своего многолетнего корреспондента, которое содержало различные «политические положения». МВД выработало на письмо свой ответ, который, после подписания его Протопоповым, был отправлен Николаю II.

Какое впечатление произвел на царя ответ, неизвестно, но вскоре, 29 января 1917 года, Клопов получил высочайшую аудиенцию. Во время аудиенции и в ряде писем, переданных царю между 19 января и 13 февраля, Клопов выдвигал идею о необходимости создания ответственного министерства, немедленного созыва Думы и провозглашения амнистии. В качестве наиболее подходящего премьера он называл князя Г. Е. Львова. По мнению известного российского историка В. С. Дякина, тексты всех писем А. А. Клопова и план его разговора с царем были согласованы с великим князем Михаилом Александровичем. Кроме того, Клопов поддерживал связь и с Львовым, который явно участвовал в разработке его плана действий. Все запутывается окончательно: «заговорщик» Львов, действуя рука об руку с братом царя, стремится через доверенного корреспондента Николая II добиться решения главной политической задачи тех месяцев — удовлетворения требований цензовой «общественности» и успокоения страны.

«Россия накануне катастрофы, — взывал к царю Клопов. — Никогда это еще не чувствовалось так реально, как теперь... В стране нет доверия к власти, у Вас же нет доверия к стране, доверия настолько, чтобы дать ей то Правительство, которое она хочет и которому может верить». Перед самодержцем жестко ставился вопрос: с кем он — с Россией или с правительством. Тем самым без обиняков ему говорили, что царский Кабинет министров не имеет отношения к стране, ею презирается и отвергается. Как и Дж. Бьюкенен, А. А. Клопов заметил Николаю II, что тот стоит «на расстани двух путей», один из которых ведет к анархии и гибели династии, а другой — к победе над врагом и светлому будущему отчизны. Он вновь призывал царя прибыть в Думу, даровать ответственное министерство, отречься от старого режима. Необходимо было выбирать: революция или преобразования, отставка Протопопова или новый кабинет во главе с князем Львовым. Последнее свое письмо А. А. Клопов отправил за две недели до февральских событий как завещание, указав царю на необходимость идти вперед вместе с Думой, а не против нее. «Государь, перекреститесь. Вспомните, что сегодня прощенный день. — В этот день, когда Великий Учитель и Мученик за наши грехи шел на крестные

страдания, в этот день в старину вся Русь браталась и каждый из нас прощал друг другу свои грехи».

Начинался Великий пост, во время которого и произошло то, о чем столь настойчиво говорили царю. Последний раз — во время всеподданнейшего доклада председателя Государственной думы, 10 февраля. В ходе доклада М. В. Родзянко пытался внушить Николаю II, что Россия объята тревогой, и эта тревога не только естественна, но и необходима. Но Николай II имел на этот счет иное мнение. Надежда на чудо в очередной раз давала ему силы не согласиться с требованиями «общественности». Впрочем, существовало и еще одно обстоятельство, заставлявшее царя, слушая, «не слышать» голоса оппозиционно настроенных «верноподданных».

Правые еще в конце 1916 года, предлагая Николаю II свой сценарий развития внутривластной ситуации, предупреждали его о слабости оппозиционных сил. На закате премьерской деятельности Б. В. Штюрмера член Государственного совета М. Я. Говорухо-Отрок, посещавший известный в консервативных кругах политический салон А. А. Римского-Корсакова, составил записку, в ноябре переданную царю. Сторонник неограниченного самодержавия, Говорухо-Отрок предложил ряд мероприятий, направленных на подавление революции и усмирение оппозиции. Государственную думу он предлагал распустить без указания срока ее нового созыва, но с упоминанием о предстоящем коренном изменении некоторых статей основных законов и положений о выборах. Тем самым Дума должна была превратиться в законосовещательный орган. В тех местах, где можно было ожидать волнений «революционной толпы», и прежде всего в Петрограде и Москве, он предлагал ввести военное (а если возникнет необходимость — то и осадное) положение, со всеми последствиями, вплоть до полевых судов.

Об умеренно-либеральных партиях Говорухо-Отрок был невысокого мнения, полагая, что они, может, и примирились бы с правительством, ими поставленным, но дело не в правительстве, а «в том, что сами эти элементы столь слабы, столь разрозненны и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество их было бы столь кратковременно, сколь и непрочно». Не жаловал Говорухо-Отрок и правые партии, полагая, что они находятся в состоянии летаргии. Устранившись от участия в осуществлении манифеста 17 октября 1905 года, как основанного на началах, противоречащих их государственному самосознанию, правые не могли стать реальными защитниками самодержавной власти.

Наибольшую же опасность Говорухо-Отрок усматривал в левых

партиях, хотя и полагал, что любого социал-демократа и социалиста-революционера за несколько сот рублей можно сделать агентом Охранного отделения. Дело заключалось в том, что у левых была идея, деньги и хорошо организованная толпа. «Эта толпа, — отмечалось в записке, — часто меняет свои политические устремления, с тем же увлечением поет „Боже, Царя храни“, как и орет „Долой самодержавие“, но в ненависти к имущим классам, в завистливом порыве разделить чужое богатство, в так называемой классовой борьбе толпа эта крепка и постоянна; она вправе притом рассчитывать на сочувствие подавляющего большинства крестьянства, которое пойдет за пролетариатом тотчас же, как революционные вожди укажут им на чужую землю. 1905 и 1906 годы с достаточной убедительностью уже показали, что яростный защитник чужой собственности и такой же консерватор в своем быту, русский мужик делается самым убежденным социал-демократом с той минуты, когда дело коснется чужого добра».

Эти слова можно считать дополнением к сказанному в феврале 1914 года П. Н. Дурново. Николай II услышал новое-старое предсказание о будущем страны вместе с уничижительной критикой партий цензовой «общественности». Говорухо-Отрок писал, что объявление *действительной конституции* привело бы в России к поглощению сильными партиями менее жизненных и к полному разгрому правых партий. Кадетам грозила бы та же участь. «При выборах в пятую Думу эти последние, бессильные в борьбе с левыми и тотчас утратившие все свое влияние, если бы вздумали идти против них, оказались бы вытесненными и разбитыми своими же друзьями слева. <...> А затем... Затем выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погромы имущественных классов и, наконец, мужик — разбойник. Можно было бы идти в этих предсказаниях и дальше и после совершенной анархии и поголовной резни увидеть на горизонте будущей России восстановление Самодержавной Царской, но уже мужичьей власти в лице нового Царя, будь то Пугачев или Стенька Разин, но, понятно, что такие перспективы уже заслоняются предвидением вражеского нашествия и раздела между соседями самого Государства Российского, коему уготована была бы судьба Галиции или Хорватской Руси».

М. Я. Говорухо-Отрок рассчитывал быть услышанным. Он предлагал царю единственный приемлемый для самодержца выход: жестоко покарать внутренних врагов и восстановить свою власть силой. Иначе говоря, он предлагал ему малой кровью остановить сползание в революцию. Он предлагал ему *стать кровавым*. Но для Николая II этот выход был

невозможен. Окончательно порвать с Думой, вернуться к положению, существовавшему до 17 октября 1905 года, значило нарушить данную в первую революцию «конституцию». Может быть, он отказался от этого потому, что недооценивал остроту кризиса, надеялся на возможность все-таки найти компромисс с «общественностью»?

Утверждать не берусь. Одно ясно: царь надеялся погасить оппозиционную волну не только репрессиями. Его министр внутренних дел, ненавидимый Думой и большинством сановников, А. Д. Протопопов имел свой план действий, предусматривавший проведение ряда реформ, способных укрепить лояльные элементы. Нужно было время. К участию в Думе следующего созыва, по мысли Протопопова, следовало привлечь крупный капитал, предоставить свободу торговли и даже отменить ограничения, существовавшие для евреев. Министр планировал перевести все православное духовенство на государственное жалованье, наделить крестьян-фронтовиков (за счет немецких колонистов и Крестьянского банка) дополнительными отрезками земли. В январе 1917 года он внес предложение провести более широкую аграрную реформу на основе «принудительного отчуждения по справедливой оценке» помещичьих земель. Это было средство припугнуть фрондирующее дворянство. План Протопопова явно не вписывался в предложенную правыми схему, ибо ломал устоявшиеся традиции политической жизни империи, в которой царь был первым дворянином. «Персональная политика» привела самодержца к конфронтации со всеми — и либералами, и консерваторами. Рекомендации и тех и других не принимались в расчет, оставался простор для идеологических импровизаций, в условиях нарастания революции чрезвычайно опасных.

Все это свидетельствовало о растерянности власти, олицетворявшейся монархом. К тому же и сама власть не была монолитна. Опасность отсутствия единства в действиях министров отмечали в то время многие. Во второй половине 1916 года, например, об этом написал царю бывший министр внутренних дел Н. А. Маклаков. «Штурм власти» уже начался, признаки анархии уже показали, а правительство никак на угрозы времени не отвечало. Опасаясь за будущее монархии, без которой «Россия останется как купол без креста», Маклаков предлагал отложить на более отдаленный срок работу Государственной думы. Николай II не решился воспользоваться советом, хотя указ о ее роспуске (без проставления даты) он уже подписал и передал премьеру — князю Голицыну. Царь и царица верили Д. А. Протопопову, убеждавшему своих венценосных покровителей в том, что справится с нарастающим движением. Но справедливо говоря о

слабости думской оппозиции (с которой можно не считаться), он недооценивал революционную ситуацию и полагал, что рабочее движение направляется цензовой «общественностью». Протопопов был искренне убежден в том, что, усмирив думцев, сможет «оттянуть» революцию. Самонадеянность «последнего временщика» оказалась роковой.

Возможность что-то изменить, если верить воспоминаниям М. В. Родзянко, окончательно была упущена царем в феврале 1917 года. В те дни Николай II встречался с некоторыми министрами и с премьером и обсуждал вопрос об ответственном министерстве. Решившись пойти навстречу требованиям цензовой «общественности», он намеревался приехать в Думу и объявить о своей воле. Князь Голицын был очень рад, но в тот же день вечером его вновь вызвали во дворец, где он узнал, что решение изменено и царь уезжает в Ставку. Премьер якобы объяснял случившуюся перемену желанием Николая II избежать новых докладов, совещаний, разговоров. Объяснение по меньшей мере странное — от себя самодержец не мог убежать никуда. Скорее всего, в решающий момент в дело вмешалась Александра Федоровна — и все вернулось «на круги своя». Начался отсчет последних дней монархической государственности, последних дней правления несчастного венценосца, который, по словам историка русского зарубежья Г. М. Каткова, всякий раз, когда требовалось принять решение, прибегал к взвешиванию аргументов за и против двух диаметрально противоположных линий поведения. Он занимался этим и накануне отъезда из Царского Села. Но уезжая днем 22 февраля в Ставку, Николай II конечно же не мог представить, что через восемь дней он навсегда лишится короны и вскоре окажется в положении арестованного, а ненавистные его супруге лидеры оппозиции станут у руля власти новой России...

Говоря о тех роковых днях, В. В. Шульгин полагал, что революционеры не были готовы, но революция — была, ибо она создавалась не только из революционного напора, но и из ощущения властью своего собственного бессилия. С. П. Мельгунов, соглашавшийся с этим определением, добавил от себя еще один компонент: «Стихия рождается и в силу непредусмотрительности и безответственности тех, которые ставят своей задачей обойти „рок“ и избавить страну от революции. Ошибки людей иногда бывают пагубны». Он писал об ошибках царя, о его личных промахах. Собственно говоря, эти ошибки во всей своей очевидности и проявились в феврале, когда стало явью удивительное «Предсказание» М. Ю. Лермонтова, написанное почти за сто лет до гибели империи, — в 1830 году.

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низверженный не защитит закон;
Когда чума от смрадных мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей мирный край терзать,
И зарево окрасит волны рек, —
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

Об этом «мощном человеке», пользуясь фразеологией М. Я. Говорухо-Отрока — «Пугачеве» или «Стеньке Разине», у нас еще будет возможность сказать несколько слов. Сейчас же отметим одно: предсказание, сделанное в эпоху «апогея самодержавия», при Николае I, сбылось при жизни его правнука, который так хотел походить на своего венценосного предка. Чем не усмешка истории! Последний русский царь, религиозно относившийся к своей миссии помазанника Божьего, воспитанный на идеях уваровской триады «православия, самодержавия и народности», вынужден был отречься от Российского престола и тем самым подвести черту под 300-летней историей царственного дома Романовых и, как показало будущее, под русской монархией. Драма порфиноносца превратилась в драму его страны, хотя вначале эту драму многие представители «общественности» и воспринимали как «освобождение» и «зарю новой жизни». Но обо всем по порядку.

Царь приехал в Могилев 23 февраля, сбежав от столичной суеты и нервозности. В любимой им армейской среде все было иначе, проще и яснее. Он выслушивал доклады генерала М. В. Алексеева, участвовал в официальных обедах, гулял, писал письма. Все как обычно. «Мой мозг отдыхает здесь, — писал он супруге 24 февраля 1917 года, — ни

министров, ни хлопотливых вопросов, требующих обдумывания». Откровеннее не скажешь: во время Великой войны Ставка для царя была самым комфортным местом, где он мог позволить себе не размышлять о внутривнутриполитических проблемах, прикрываясь участием в решении неотложных дел военного руководства. Так продолжалось до 27 февраля, когда в дневнике самодержца появилась первая запись о беспорядках в Петрограде, которые начались «несколько дней тому назад» и в которых, «к прискорбию», стали принимать участие войска. «Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия!» — отметил царь, решившись ехать в Царское Село и в час ночи 28 февраля переехав из губернаторского дома в собственный поезд.

За эти пять дней произошло то, что современники, а вслед за ними и историки назвали началом Февральской революции. Сперва императрица оценивала движение как хулиганское: «Мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, — просто для того, чтобы создать возбуждение, — и рабочие, которые мешают другим работать». Если бы погода была холоднее, писала Александра Федоровна 25 февраля, все они сидели бы по домам. Надежда на скорое успокоение столицы не покидало ее, в том же убеждали и министры, прежде всего Протопопов. В те дни императрица больше сообщала супругу о болезни детей, заразившихся корью, чем о событиях в Петрограде. О страшном конце она и не мыслила, хотя в Петрограде события принимают угрожающий характер.

Еще 18–20 февраля столица перенесла лихорадку очередей в хлебных лавках: из-за снежных заносов не прибыли поезда и, соответственно, уменьшилась продажа муки. Повод был найден, идея забастовки быстро становилась популярной, охватывая все более широкие массы. 23 февраля, в Международный день работниц, начались митинги, агитаторы бросали в толпу призывы протестовать против недостатка хлеба, против дороговизны, продолжения войны. Сняв полицейскую заставу, рабочие Петроградского и Выборгского районов вышли в центр города. Власти расценили это выступление только как хлебные волнения, не придав им политического значения. Но следующий день не принес успокоения: рабочие в большинстве своем к работам не приступили, приняв участие в забастовке. Командующий Петроградским военным округом генерал С. С. Хабалов отдал распоряжение о немедленном вызове войск. Но по демонстрантам 24 февраля решили не стрелять; казаки не получили нагаек. 25 февраля начались нападения толпы на полицейских: был сильно избит полицеймейстер Выборгской стороны, легко ранены два конных городских и убит участковый пристав — ротмистр Крылов, пытавшийся разогнать

митинг рабочих на Знаменской площади. Полицейского зарубил подхорунжий 1-го Донского полка *полный георгиевский кавалер* М. Г. Филатов. Это был тревожный знак: армия отказывалась следовать приказам своих командиров и поддерживать верные правительству силы. В Петрограде ораторы призывали «низвергнуть преступное, предавшееся на сторону немцев правительство». Войска призывали обратить оружие на изменников и избивать полицейских.

Осознав угрозу и вечером 25 февраля получив жесткое повеление царя «прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией», командующий Петроградским военным округом генерал С. С. Хабалов приказал расклеить объявление, предупреждавшее, что антиправительственные выступления будут подавляться силой оружия. Объявление появилось воскресным утром 26 февраля, когда власти вывели в город дежурные роты солдат. Все силы войск и полиции сосредоточивались в центре города. Власть стремилась не допустить повторения митингов. В пятом часу офицеры стали требовать от участников демонстраций разойтись. Неповиновение толпы заставило офицеров отдать приказ об открытии огня. Только на Знаменской площади были убиты и ранены 40 человек. Но в этот же день произошел случай, который можно считать началом конца императорской власти: солдаты 4-й роты Запасного батальона лейбгвардии Павловского полка, вызванные на усмирение беспорядков, выказали неповиновение и даже открыли огонь по конным городовым. Прибывшему на место происшествия командиру батальона полковнику А. Н. Экстену солдаты кричали, что не желают выступать против народа. Попытка уговорить забывших дисциплину «воинов» закончилась для него смертельным ранением.

«Этот безнаказанный выстрел, — вспоминал последний градоначальник столицы генерал А. П. Балк, — имел большие последствия. Руководители [антиправительственного движения] поняли, в какую среду надо направить все свои усилия. Они использовали, как выяснилось впоследствии, все средства и силы вплоть до пропаганды думских депутатов в ночь на 27-е февраля в казармах Волынского и Преображенского полков и достигли решительных результатов: штыки солдат завоевали так называемую великую, бескровную, российскую революцию». Зачинщиков беспорядков, случившихся в Павловском полку, выявили, арестовали и ранним утром 27 февраля препроводили в Петропавловскую крепость, но уже через день — по требованиям восставших — их освободили. Полевой суд, грозивший нарушителям воинской присяги расстрелом, не состоялся.

Однако вечером 26 февраля никто не мог и представить, что через сорок часов власть будет повержена. Время словно удлинилось, вбирая в себя бурные события тех дней. Если воскресным вечером 26-го полицейские власти могли отрапортовать о восстановлении порядка, то уже 27-го все совершенно изменилось. На политическую сцену вышел Петроградский гарнизон. Сигналом к его выступлению можно считать чрезвычайное событие, случившееся в Волынском полку. Солдаты этого подразделения принимали участие в расстреле демонстрантов на Знаменской площади, но этот приказ вызывал у них негодование. Утром 27 февраля они решили нарушить присягу и отказались выйти на улицу. Офицер Лукаш, отдавший приказ, был убит. Это убийство оказалось той искрой, которая попадает в пороховой погреб: с тех пор судьба солдат зависела от успеха мятежа (в ином случае преступников ждал суровый военный суд). «Бунт Волынского полка и быстрое распространение мятежных настроений на другие части Петроградского гарнизона, — полагал Г. М. Катков, — были, несомненно, решающими событиями понедельника 27 февраля». Мятеж стал полной неожиданностью для военной и гражданской администрации. Представить, что войска не будут поддерживать правительство, оказалось выше сил царских министров и генералов. Ситуация с каждым часом ухудшалась, участие в революции приняла и Государственная дума, 27 февраля получившая царский указ о роспуске. В тот же день был утвержден Временный комитет Государственной думы (ВКГД), получивший неограниченные полномочия, которые можно трактовать как наказ депутатов своим лидерам возглавить революцию и создать новую власть.

Тогда же великий князь Михаил Александрович связался с начальником штаба Верховного главнокомандующего и попросил генерала М. В. Алексева доложить царю, что необходимо уволить весь состав Совета министров. Это же подтвердил великому князю и сам премьер. Новым главой правительства предлагалось назначить князя Г. Е. Львова, который и составил бы новый кабинет. В ответ Михаил Александрович услышал, что Николай II завтра же выезжает в Царское Село, до того времени откладывая решение всех кадровых перестановок. Сообщалось и о направлении в Петроград генерала Н. И. Иванова в качестве главнокомандующего столичным военным округом. С Северного и Западного фронтов 28 февраля должны были прибыть в восставший город четыре пехотных и четыре кавалерийских полка. Вскоре телеграфное сообщение между Петроградом и Ставкой прекратилось: мятежники захватили Управление телеграфной сети.

В сложившихся условиях Совет министров сам себя распустил, отстранившись от управления государством, а Дума (в лице ВКГД) получила права верховной власти, одновременно законодательной, исполнительной и судебной. При этом верховная власть ВКГД была ограничена сотрудничеством с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов и фактом формально еще существовавшей власти самого императора! Абсурд не мог продолжаться долго. Думе необходимо было решаться на захват всей власти, в данном случае действуя вместе с антимонархически настроенным Петроградским советом. 28 февраля ВКГД принял окончательное решение о необходимости отречения царя в пользу малолетнего наследника при регентстве великого князя Михаила Александровича. Предполагалось, что к Николаю II с требованиями отречения отправится делегация в составе председателя Государственной думы М. В. Родзянко и депутата С. И. Шидловского. Проект депутатов встретил резкое противодействие со стороны председателя Петроградского совета социал-демократа меньшевика Н. С. Чхеидзе, одновременно являвшегося и членом ВКГД. На заседании думского Комитета в ночь с 1 на 2 марта было принято постановление образовать Временный общественный совет министров. О легитимности новообразования уже не задумывались: революция развивалась по своим законам. Неслучайно уже 28 февраля М. В. Родзянко приказал снять висевший в главном зале Таврического дворца, где проходили заседания депутатов, портрет царя.

Двадцать восьмого февраля начались аресты царских министров и активных «прислужников» самодержавия: были взяты под стражу председатель Совета министров князь Н. Д. Голицын, Б. В. Штюрмер, столичный градоначальник А. П. Балк, военный министр М. А. Беляев, лидер Союза русского народа А. И. Дубровин, другие сановники и общественные деятели «правого» толка. Около полуночи в Таврический дворец явился переодетый А. Д. Протопопов, попросивший какого-то студента вызвать члена Временного комитета Государственной думы А. Ф. Керенского, в руки которого и передал себя. 1 марта был арестован министр финансов П. Л. Барк, министр торговли и промышленности князь В. Н. Шаховской, бывшие министры — внутренних дел Н. А. Маклаков и военный В. А. Сухомлинов. Арестовали и незадачливого командующего Петроградским военным округом генерала С. С. Хабалова. Позднее арестованных перевели в казематы Петропавловской крепости. Революция торжествовала.

А что же делал в те дни самодержец? По воспоминаниям находившихся с ним в Ставке лиц, о волнениях в Петрограде там узнали 25

февраля, но никаких мер тогда не было принято: Николай II был по обыкновению спокоен и никаких указаний не давал. В Могилеве жизнь текла спокойно и размеренно, никаких выступлений не наблюдалось. Может быть, это спокойствие и вселяло уверенность в невозможность победы революции? Но уже на следующий день Николай II не был столь спокоен, как накануне, — его тревожили известия из столицы, он опасался за семью, тем более что дети болели. Семья самодержца оказалась в роли заложников революции, которая в любой момент могла расправиться с ненавистной «обществу» императрицей. В тот же день у Николая II случился первый сердечный приступ: стоя на молитве, он почувствовал мучительную боль в середине груди, продолжавшуюся в течение пятнадцати минут.

Тогда же, 26 февраля, Александра Федоровна наконец услышала от преданных ей людей, которым безусловно доверяла, что ситуация в столице приобретает чрезвычайно опасный оборот. Прибывший в Александровский дворец шталмейстер Двора Н. Ф. Бурдуков охарактеризовал положение как безнадежное и упрашивал императрицу уехать куда-нибудь из Царского Села. Александра Федоровна ответила, что «она при больных», что сейчас она сестра милосердия. «Я верю в русский народ. Верю в его здравый смысл, в его любовь и преданность государю. Все пройдет, и все будет хорошо», — с гордостью заявила она Бурдукову. Ее надеждам не суждено было сбыться. Следующий день развеял последние сомнения в том, что правительство может справиться с ситуацией. В Мариинском дворце не только Родзянко, но и князь Голицын упрашивали великого князя Михаила Александровича из-за отсутствия государя объявить себя регентом, принять командование над войсками и поручить князю Львову составить новый кабинет. Верный своему брату, Михаил Александрович на регентство не согласился, но со Ставкой все-таки связался. О его переговорах с генералом Алексеевым речь шла выше. В тот же день, 27 февраля, императрица поняла, наконец, что днем ранее ее не запугивали, убеждая не оставаться в Царском Селе. В 10 часов вечера генерал П. П. Гротен, назначенный помощником дворцового коменданта, был вызван к телефону военным министром М. А. Беляевым. По совету председателя Государственной думы тот рекомендовал немедленно увезти императрицу с детьми подальше от Петрограда: «Завтра, возможно, будет уже поздно». О предложении проинформировали царя, приказавшего готовить для отъезда семьи поезд, но до утра об этом Александре Федоровне не докладывать. Он был против выезда императрицы с больными детьми, но, очевидно, понимал, что обстоятельства иногда бывают сильнее желания людей.

Эти обстоятельства, по воспоминаниям П. Жильяра, проявились уже вечером, когда царская резиденция стала походить на осаждаемую врагами крепость. Царскосельский гарнизон взбунтовался, на улицах была слышна стрельба. Мятежные солдаты продвигались в направлении Александровского дворца, в 500 шагах от него был убит часовой. Столкновение казалось неизбежным. Императрица ужасалась при мысли о кровопролитии, которое могло начаться прямо на ее глазах. Вместе с великой княжной Марией Николаевной она вышла к верным солдатам, занявшим оборону, побуждая их сохранять спокойствие и умоляя офицеров вступить в переговоры с мятежниками. К счастью, все закончилось благополучно; была установлена нейтральная зона, разделявшая охрану дворца и солдат гарнизона, а утром официальный приказ новой власти «положил предел этому мучительному положению». Разумеется, предвидеть такое развитие событий Николай II не мог, хотя прекрасно понимал, что «беспорядки» негативно отразятся на жизни его любимой семьи.

Поэтому, думается, даже не зная о самороспуске правительства (информация об этом пришла в Ставку только 28 февраля), царь еще вечером 27-го телеграммой уведомил супругу о намеченном на следующий день отъезде в Царское Село. Решение Николай II принял самостоятельно, несмотря на просьбы генерала Алексеева не покидать Ставку. В крайнем случае Алексеев предлагал ему выехать в распоряжение гвардии, но не в Царское Село. Вначале царь поддался уговорам своего начальника штаба, но вскоре изменил решение. Алексеев был потрясен, но ничего сделать не мог. Последняя роковая ошибка была совершена: Николай II подверг себя случайностям и опасностям путешествия в охваченный мятежом город.

В день его отъезда в Александровском дворце царило беспокойство: состояние здоровья наследника ухудшилось, Александра Федоровна была в нерешительности: ехать ли в Гатчину или оставаться и ждать прибытия супруга? Утром согласившись на эвакуацию и отдав соответствующие распоряжения, через некоторое время она переменила решение, отказавшись следовать советам графа Бенкендорфа и генерала Гротена, считавших это необходимым. Опасение за здоровье наследника стало главным фактором. О ее решении известили Родзянко, который якобы ответил: «Когда горит дом, прежде всего выносят больных». Услышав призыв покинуть дом, Александра Федоровна вызвала своего камердинера А. А. Волкова, рассказала ему о предложении и в сильном беспокойстве заявила: «Никуда не поедем. Пусть делают, что хотят, но я не уеду и детей губить не стану». Она отказалась уезжать, зная, что из петроградских

тюрем стали выпускать арестантов, что в столице горят Литовский замок, отдельные полицейские участки и суд, — после того как прервалась связь с Министерством внутренних дел, а еще раньше — и с А. Д. Протопоповым! Вскоре к императрице приехал гофмейстер Двора граф П. Н. Апраксин и стал уговаривать императрицу перебраться в Новгород и создать там центр для сбора верных государю людей. Все было напрасно. Она осталась ждать супруга *и надеяться на лучшее* в Царском Селе, куда, как она знала, он вскоре должен был прибыть.

История этой поездки хорошо известна. Специально освещать ее нет необходимости. Стоит лишь кратко описать ее внешнюю сторону. Еще накануне царь был сумрачен и малоразговорчив. Ближайшие к нему лица свиты не скрывали своих опасений и боялись революционных переворотов. Адмирал К. Д. Ниллов постоянно повторял: «Все будем висеть на фонарях, у нас будет такая революция, какой еще нигде не было». Такое поведение не могло внушать оптимизма. Оптимизм могли внушать только слухи об ответе Николая II на телеграмму, посланную ему Родзянко, — даровать ответственное министерство, правда, оставив в сфере высочайшей компетенции четыре министерства: военное, морское, иностранных дел и Двора. Слухи на тот момент оказались только слухами.

Двадцать седьмого февраля в Ставке состоялся последний царский обед. За обедом Николай II тихо разговаривал с генералом Н. И. Ивановым, посылавшимся, как уже указывалось, с Георгиевским батальоном водворять в Петрограде порядок. Скорее всего, их разговор вращался вокруг телеграммы военного министра. В ней генерал Беляев говорил о распространении мятежа, поджогах и полной утрате Хабаловым контроля над ситуацией, а также просил послать в столицу надежные войска. Все это царь еще раз обсудил с Ивановым в третьем часу ночи 28 февраля. А в четыре и в пять часов утра литерные поезда «А» и «Б» (свитский и царский) отправились из Могилева через Оршу, Смоленск, Вязьму, Лихославль, Бологое и Тосно в Царское Село. Во время движения на остановках в царский поезд допускались высокопоставленные чиновники губерний, через которые лежал путь Николая II. Очевидно, в ходе этих встреч он получал информацию о последних событиях.

Около четырех часов дня 28 февраля ехавшие в свитском поезде офицеры получили информацию о том, что в Петрограде образовано какое-то Временное правительство (так, скорее всего, назвали Временный комитет Государственной думы) и что в столице захвачено Министерство путей сообщения. Затем пришло распоряжение с вокзала в Петрограде изменить маршрут движения литерных поездов, чтобы они прибывали не в

Царское Село, а в Петроград. Дворцовому коменданту В. Н. Воейкову должностные лица, следовавшие в свитском поезде «Б», посоветовали изменить маршрут движения на станции Бологое и отправиться по боковой ветке — в Псков, где располагался штаб Северного фронта. В ответ Воейков потребовал сделать все возможное, чтобы поезда успели проскочить через Царское Село в Тосно.

Рано утром 1 марта поезда приблизились к Петрограду. Поезд «Б» остановился у станции Малая Вишера, где стало известно о захвате революционерами станций Любань и Тосно. Позже выяснилось, что информация была искажена преувеличенными страхами информатора. Но тогда, 1 марта, о движении дальше не могло быть и речи. Литерный поезд «Б» остановился в ожидании царского («А»). Прибыв на станцию Малая Вишера и узнав об обстановке, царь приказал вернуться в Бологое и оттуда уже следовать в Псков. Когда об этом стало известно в Петрограде, из Думы последовало распоряжение задержать поезда — до встречи с М. В. Родзянко. Но то ли запоздала телеграмма, то ли она не была вручена адресатам, но литерные «А» и «Б» беспрепятственно проследовали через Бологое на Старую Руссу. В революционном Петрограде произошедшее вполне могли расценить как нежелание царя встречаться с председателем Думы и его намерение вернуться в Ставку. Последовала новая телеграмма — депутата А. А. Бубликова (в те дни распоряжавшегося в Министерстве путей сообщения), с требованием задержать поезда, следующие от станции Бологое до станции Дно. Однако и этот приказ выполнен не был. Попытку железнодорожников перегородить путь организацией крушения балластного поезда сорвали жандармы. В результате царь беспрепятственно доехал до станции Дно. Здесь он получил телеграмму от М. В. Родзянко и сделал остановку, надеясь дождаться председателя Государственной думы. Но узнав, что Родзянко задерживается, Николай II отдал приказ ехать в Псков. Была какая-то грустная символика в том, что последнюю остановку перед Псковом, где царь отрекся от престола, он сделал на станции Дно.

Поезд прибыл в Псков около половины восьмого вечера 1 марта, и обстановка его встречи не предвещала ничего хорошего: ни военного, ни гражданского начальства на перроне не было видно. Командующий Северным фронтом генерал Н. В. Рузский появился лишь через несколько минут. Николай II принял его, а когда аудиенция закончилась, генерал оказался в центре расспросов сопровождавших монарха лиц. Генерал был явно не в духе, с досадой заявил, что «теперь уже трудно что-нибудь сделать», упомянул о реформах, которых давно требовала «вся страна», о

Распутине, Протопопове и Голицыне. «Посылать войска в Петроград уже поздно, — сказал Рузский, — выйдет лишнее кровопролитие и лишнее раздражение... надо их вернуть». На конкретный вопрос: что же делать? — он ответил жестко и однозначно: «Теперь придется, быть может, сдаваться на милость победителя».

Ближайшие часы стали доказательством слов генерала. Пока царский поезд безуспешно пытался прорваться к Царскому Селу, Ставка изменила свою позицию относительно вооруженного сопротивления в Петрограде. Если ранее генерал М. В. Алексеев активно поддерживал курс на вооруженную борьбу с беспорядками в столице, то получив новые сведения о развитии событий, он стал склоняться к мысли о необходимости найти соглашение с Временным комитетом Государственной думы. «Хорошо дисциплинированная боевая часть, — писал российский исследователь Г. З. Иоффе, — вероятно, без особого труда могла бы навести порядок в Петрограде. Но ничего этого в Ставке не знали». А в ночь на 1 марта начальник штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев принял решение пойти навстречу лидерам Думы, предполагая, что большинство главнокомандующих фронтами должны поддержать его.

Решение генерала стало тем Рубиконом, перейдя который, нельзя было надеяться на сохранение государственной власти в руках императора Николая II. Он обрекался на роль жертвы, приносимой думским лидерам ради ликвидации революционной смуты и во имя победы над врагом. О наивности или, наоборот, о политической корысти и «подлости» забывших присягу генералов однозначно судить нельзя — революция живет по своим законам, в основе которых — эксперимент и сумма случайностей, часто оцениваемых в суете и спешке. Непримируемые критики, желающие найти конкретных врагов, «спровоцировавших» революцию, обычно крепки задним умом, имея возможность осознать последствия революции и ошельмовать тех современников, чье поведение кажется им злонамеренным. Но революция — это внезапная перемена состояния, порядка, отношений, насильственный переворот гражданского быта, вызванный государственной смутой и мятежом, которые не могут сводиться сугубо к злой воле конкретных людей. Революция порой заставляет человека поступаться прежними принципами, противопоставляя их неверно понятым интересам Родины и народа. Это, скорее, историческая трагедия, чем продуманный и спланированный заранее политический фарс (хотя его последствия и могут быть ужасными). Полагаю, что, говоря об отречении последнего самодержца, о данных обстоятельствах забывать не стоит.

В два часа ночи рокового дня 2 марта 1917 года царь вызвал генерала Рузского и вручил ему указ об ответственном министерстве. Вспоминая об этом несколько дней спустя, командующий Северным фронтом говорил корреспонденту столичной газеты: «Я знал, что этот компромисс запоздал и цели не достигнет, но высказывать свое мнение, не имея решительно никаких директив от Исполнительного комитета или даже просто известий о происходящем, — я не решался. Поэтому я предложил царю переговорить по телеграфному аппарату непосредственно с Родзянко». Итак, центр, решавший будущее России, по мнению Рузского, находился в восставшем Петрограде. От этого центра зависело, какое решение принимать. О том, чтобы использовать силы своего фронта для того, чтобы навести в столице порядок, даже не поднимался вопрос. После этого, думается, царю все стало ясно: он в руках революции, а его генерал-адъютант — добровольный исполнитель решений Временного комитета Государственной думы. Неслучайно, уже будучи в екатеринбургском заточении, Николай II заявил: «Бог не покидает меня. Он дает мне силы простить всем врагам, но я не могу победить себя в одном: я не могу простить генерала Рузского».

Ночью 2 марта Рузский вел переговоры с Родзянко и Алексеевым, а Ставка — с командующими фронтами. Во всех разговорах была ясно сознаваемая неизбежность отречения. Династический вопрос, по словам председателя Думы, был поставлен ребром, и войну можно продолжить лишь после отречения Николая II в пользу наследника при регентстве Михаила Александровича. В своей телеграмме главнокомандующим фронтами генерал Алексеев подчеркивал, что необходимо спасти армию от развала, продолжить борьбу с внешним врагом любой ценой, спасти независимость России и судьбу династии. «Это нужно поставить на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок, — подчеркивал начальник штаба царя. — Если вы разделяете этот взгляд, то благоволите телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу Его Величеству через главнокомандующего Северным фронтом, известив меня». Телеграмма была помечена 10 часами 15 минутами утра 2 марта.

Военачальники должны были по возможности быстро ответить, заранее зная, что и генерал Алексеев, и генерал Рузский целиком поддерживают предложение Родзянко об отречении. Ответные телеграммы не оставляли у царя никаких надежд: командующие согласились на предложенную им *во имя благих целей* жертву. Около трех часов дня 2 марта командующий Северным фронтом доложил Николаю II о состоянии дел. Выслушав его, царь заявил, что готов отказаться от власти. В Ставку,

на имя начальника штаба, была послана телеграмма: *«Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. Николай»*. Вторая телеграмма адресовалась Родзянко. В ней царь извещал председателя Государственной думы о своем намерении отречься в пользу сына, *«с тем, чтобы Он оставался при Мне до совершеннолетия при регентстве брата Моего Великого Князя Михаила Александровича»*.

Решение было принято, оставалось только оформить его. Обязанность составления манифеста об отречении взяла на себя Ставка, начальник дипломатической службы которой Базили подготовил первую редакцию. Текст одобрили генералы Алексеев и Лукомский, а также великий князь Сергей Михайлович. Во время своего доклада генерал Рузский имел при себе этот текст и тогда же передал его царю. Однако официальное оповещение страны было приостановлено после того, как стало известно, что в Псков на встречу с царем выехали В. В. Шульгин и А. И. Гучков. Не имея достоверных сведений о том, что творится в Петрограде, придворные еще надеялись на возможность «повернуть дело» и, быть может, сохранить царя на престоле. Но время уже работало не на них, непопулярный монарх должен был освободить трон для сына, а власть отдать регенту и революционной «общественности».

Николай II все это ясно осознавал и, очевидно, по этой причине решил переговорить о здоровье наследника с лейб-медиком профессором С. П. Федоровым. Разговор состоялся днем, около четырех часов. Доктор откровенно признался, что болезнь Алексея Николаевича неизлечима, хотя он и может прожить долго. «Мне и императрица тоже говорила, — сказал Николай II, — что у них в семье та болезнь, которою страдает Алексей, считается неизлечимой. В Гессенском доме болезнь эта идет по мужской линии. Я не могу при таких обстоятельствах оставить одного больного сына и расстаться с ним». Чувства отца понять можно. Надеясь на чудо (Распутин в свое время предсказал, что если наследник доживет до 17 лет, то поправится), венценосные родители и представить не могли своей жизни без сына. А между тем Николаю II могли запретить воспитывать его до совершеннолетия: будущий «конституционный» монарх не должен был проживать под одной крышей с бывшим «самодержавным» царем. Федоров, собственно, и указал Николаю II на то, что в случае воцарения Алексея родителям не позволят заниматься его воспитанием. Выход в таком случае у Николая II был один: отречься не только за себя, но и за сына. Манифест потребовал корректировки. Не говоря никому ни слова,

царь составил текст в пользу брата. По словам обер-гофмаршала Двора графа П. К. Бенкендорфа, «вопрос о законности этого акта не приходил ему в голову».

Впрочем, российский исследователь Г. З. Иоффе предполагает, что, говоря о необходимости для царя расстаться с сыном (в случае его отказа от трона), С. П. Федоров выступал против отречения вообще. По его мнению, доказывают это и воспоминания генерала Д. Н. Дубенского, в которых приводится история беседы царя с Федоровым. Лейб-медик говорил о наследнике, *указывая на опасность оставления трона для России*. Придворные, выехавшие с Николаем II из Ставки и жившие в литерном поезде, тоже протестовали против вынужденного «желания» царя отречься от престола. Но сделать уже ничего не могли. Около десяти часов вечера в Псков прибыли посланцы революционной столицы — Шульгин и Гучков. По дороге, в Гатчине, они довольно долго дожидались генерала Н. И. Иванова, еще 28 февраля отправленного царем на усмирение Петрограда. Встреча не состоялась.

В Пскове ситуация была иной. На вокзале их сразу же встретил адъютант Николая II и немедленно проводил в царский поезд. Небритые, уставшие после долгого пути, в мятой одежде, Гучков и Шульгин имели непрезентабельный вид. Однако время не ждало — посланцы «с места в карьер» вынуждены были приступить к переговорам с царем. Начал их Гучков, сообщивший Николаю II, что единственным выходом из создавшегося положения было бы его отречение. Царь, спокойно выслушав речь посланца «общественности», не повышая голоса, ответил ему: «Я вчера и сегодня целый день обдумывал и принял решение отречься от престола. До 3 часов дня я готов был пойти на отречение в пользу моего сына, но затем я понял, что расстаться со своим сыном я не способен. <...> Поэтому, — резюмировал царь, — я решил отречься в пользу моего брата».

Предложение застало Гучкова и Шульгина врасплох. Они надеялись на отречение в пользу цесаревича при регентстве великого князя Михаила Александровича. Другая комбинация не рассматривалась. Посланцы решили посоветоваться, но, по словам Шульгина, «очень скоро сдали ему позицию», после чего Николай II вышел в соседний вагон подписать акт отречения. Около четверти двенадцатого ночи он вернулся обратно с листочками небольшого формата. Шульгин и Гучков ознакомились с текстом, который произвел на них хорошее впечатление и был принят с небольшими техническими исправлениями. Около двенадцати часов ночи царь его подписал. Шульгин попросил обозначить время подписания манифеста 15 часами, когда самодержец сам пришел к мысли об отречении

в пользу Михаила Александровича. Николай II согласился. При Шульгине и Гучкове он написал и указ Правительствующему сенату, сообщавший о назначении князя Г. Е. Львова председателем Совета министров. Указ поместили 13 часами. Верховным главнокомандующим император вместо себя назначил великого князя Николая Николаевича, совсем недавно, вместе с другими военачальниками, «коленипреклоненно» умолявшего его отречься от престола. Покончив с делами, царь ответил Шульгину на вопрос о своих дальнейших намерениях, что не намерен сейчас же ехать на встречу с супругой, а желает вернуться в Ставку (для прощания), затем повидать матушку, а уж потом возвратиться в Царское Село.

...Николай II стал «частным человеком». 2 марта 1917 года манифест объявил об этом всем его «верноподданным». Простой и лаконичный, этот манифест закрывал целую эпоху российской истории, связанную с 22-летним правлением старшего сына Александра III. На престол должен был вступить младший сын «царя-миротворца» — Михаил Александрович. Так, по крайней мере, заявлялось в манифесте, адресованном генералу М. В. Алексееву.

«Справка

НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России, почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной думой признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя Верховную Власть. Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, мы передаем наследие Наше Брату Нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимою присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех

верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повинованием Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай.

г. Псков.

2 марта 15 час. 5 мин. 1917 г.

Министр Императорского двора

Генерал адъютант граф Фредерикс».

Осознавал ли царь, что отречением дело не ограничится, что он навсегда останется символом: для одних — величия и славы великой империи, погибшей в результате «заговора» врагов монархической государственности, для других — «проклятого прошлого»? Тем более что революция не знает пощады к тем, кто противостоял ей в прошлом. Николай II не мог надеяться на положительный исход и потому, что смотрел на собственную жизнь как на череду несчастий — от плохого к еще более худшему. Неслучайно еще днем 2 марта он сказал генералу Рузскому, что рожден для несчастья, что приносит несчастье России и что уже 1 марта понял: манифестом об ответственном министерстве дело не исправить. «Если надо, чтобы я ушел в сторону для блага России, я готов, — сказал государь, — но я опасюсь, что народ этого не поймет. Мне не простят старообрядцы, что я изменил своей клятве в день священного коронавания. Меня обвинят казаки, что я бросил фронт».

Властитель «милостью Божьей», последний самодержец прекрасно осознавал, что право на правление получил в результате священного коронавания, «обвенчавшись» со своей страной. Отречение, таким образом, могло восприниматься как констатация расторжения этого пожизненного союза, иначе говоря — измена (хотя и спровоцированная событиями в Петрограде и «генеральской изменой»). Следовательно, вопрос об отречении был насколько политическим, настолько и мировоззренческим.

Понимала это и Александра Федоровна, 1 и 2 марта не имевшая связи с супругом и очень беспокоившаяся за него. В день отречения Николая II — 2 марта через казака она попыталась переправить супругу два письма, в которых рассказала о злоключениях последних дней и о своей вере в грядущее. Желая поддержать попавшего в западню царя, Александра Федоровна говорила, что принуждение к уступкам позволит ему не исполнять их ни в каком случае — «потому что они были добыты недостойным способом». И хотя Николай II письма вовремя не получил,

мог представить ее отношение к происходящему с ним в Пскове, Они были единомышленниками и смотрели на мир одинаково.

Даже накануне отречения царя Александра Федоровна считала любые разговоры о конституции идиотизмом. За предложение конституционного манифеста, который предполагалось «даровать» после войны, его составитель — великий князь Павел Александрович — вместо похвалы получил от императрицы порицание и «страшнейшую головомойку за то, что *ничего* не делал с гвардией».

В ночь на 2 марта Александра Федоровна встретила с генералом Н. И. Ивановым, о чем написала супругу. «Я думала, что он мог бы проехать к тебе через Дно, но сможет ли он прорваться?» — задается она беспокойным вопросом. Увы, надеждам не суждено было сбыться. Генерал Иванов не стал спасителем самодержавия. После посещения Александровского дворца он отвел свои части в Вырицу. Затем, по дороге на станцию Александровская, где рассчитывал встретить верный 67-й полк, получил телеграмму уже известного нам думца Бубликова о том, что генеральская поездка помешает царю добраться до Царского Села. Поезд Иванова (под предлогом освободить дорогу другому составу) поставили в тупик. Прождав шесть часов и поняв, что железнодорожники выполняют чьи-то инструкции, Иванов возмутился. Но Бубликов пригрозил обстрелом поезда. Пришлось отступить. Попытка подавления восставшего Петрограда провалилась. «Была какая-то ирония в том, что готовый отдать жизнь за царя Иванов потерпел фиаско на станции Сусанино», — отметил историк М. М. Сафонов. А 3 марта он получил телеграмму от Родзянко: «Генерал-адъютант Алексеев телеграммой от сего числа № 1892 уведомляет назначение главнокомандующим Петроградского округа генерал-лейтенанта Корнилова. Просит передать Вашему Высокопревосходительству приказание о возвращении вашем в Могилев».

Впрочем, 3 марта — это уже другая эпоха, начало «нового мира». А днем ранее вера и надежда императрицы скреплялись ее признаниями в любви к супругу и рассуждениями по поводу возможных уступок мятежникам. Александра Федоровна не уставала повторять как заклинание, что обещание ответственного министерства или дарование конституции не будет иметь силы, когда власть снова возвратится в руки царя. Все тяжело, «...но, Всемогущий Бог надо всем, — пишет она супругу 2 марта, — Он любит своего помазанника *Божия* и *спасет* тебя и восстановит тебя в твоих правах! Вера моя в это безгранична и *непоколебима*, и это поддерживает меня».

Ее вера не поколебалась и тогда, когда все было кончено: в

одиннадцать часов утра 3 марта великий князь Павел Александрович навестил царицу в Александровском дворце, где еще не знали об отречении. Она была спокойна, по крайней мере внешне, но услышав о том, что супруг отказался от престола за себя и за сына, содрогнулась и опустила голову. Потом, выпрямившись, сказала: «Если Ники это сделал, значит, это было нужно. Я верю в милосердие Божие: Бог нас не оставит». С печальной улыбкой Александра Федоровна заявила, что больше не государыня, но останется сестрой милосердия. «Так как государем теперь будет Миша, — сказала она, — я займусь детьми, госпиталем, мы поедем в Крым». Великий князь некоторое время оставался с ней. Александра Федоровна, желая знать о происходивших в Думе событиях и о поступке Кирилла Владимировича, который в первый день марта явился в Таврический дворец во главе Гвардейского экипажа, расспрашивала его. Поступок Кирилла Владимировича, одного из «легитимных претендентов» на престол, глубоко возмутил императрицу. Но возмущение это уже не могло иметь никаких практических последствий: у нее больше не было власти.

А вскоре ситуация еще более запуталась и усложнилась: великий князь Михаил Александрович отрекся от престола. Получив об этом известие, императрица немедленно написала супругу наивное письмо: «люди» обожают отрекшегося царя, а «среди войск начинается движение». «Я чувствую, что армия восстанет...» Надежда на добрый исход не покинула ее в самый тяжелый момент жизни, а любовь к супругу выдержала все испытания. Однако представить всю масштабность свершившегося Александра Федоровна в тот момент не могла, как не могла она до конца оценить трагичность отречения царского брата.

Михаил Александрович, с 27 февраля 1917 года находившийся в Петрограде и в революционные дни упрасивавший Николая II согласиться на уступки и даровать ответственное министерство, в разгар революционных выступлений не стал «спасать» Петроград, отказавшись от предложения военного министра и командующего округом возглавить верный правительству отряд. Великий князь был проинформирован об отречении брата утром 3 марта. Министры Временного правительства решили посетить Михаила Александровича и на месте сообщить ему о развивающейся ситуации. Кроме П. Н. Милюкова, в революционном кабинете занимавшего пост министра иностранных дел, полагавшего, что конституционную монархию необходимо сохранить до Учредительного собрания, и его единомышленника А. И. Гучкова, остальные министры были настроены на отречение великого князя.

Против принятия Михаилом Александровичем короны выступал и М. В. Родзянко, мечтавший сохранить за ВКГД характер верховной власти. Комбинация председателя Думы, предложенная главе Временного правительства князю Г. Е. Львову, была простой: он поддерживает правительство, настаивающее на отречении нового «царя», а взамен становится партнером кабинета и делит с революционными министрами власть. То, что конструкция, предложенная Родзянко, была отвергнута, а сам он довольно скоро перестал играть сколько-нибудь заметную политическую роль, в данном случае вторично. 3 марта 1917 года об этом никто не думал. События следовали с калейдоскопической быстротой. Волны революции, поднимая одних, низвергали других, еще вчера сильных и властных. Прежние традиции отвергались и заменялись новыми.

Милюков, кажется, одним из первых осознал, что для укрепления нового порядка необходим привычный для масс символ власти. Этим символом, по его убеждению, и должен был стать великий князь. Об этом лидер кадетов страстно говорил на совещании 3 марта, состоявшемся в присутствии царского брата. Михаил Александрович слушал и молчал, и лишь в конце попросил время на размышление. Вместе с ним на совещание удалились князь Львов и Родзянко. Решение Михаила Александровича было непреклонно: он разделял мнение председателя Государственной думы. Присутствовавший там же А. Ф. Керенский патетически заявил: «Ваше Высочество, Вы — благородный человек!» После того как решение было принято, члены нового кабинета пригласили правоведов (В. Д. Набокова и Б. Э. Нольде), которые и составили текст отречения Михаила Александровича.

«Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народа.

Одушевленный единой со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования Учредительное

собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

Подписал Михаил».

Решение великого князя было восторженно встречено на улицах Петрограда.

«Депутат Караулов, — сообщалось в информационном листке „Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов“, — явился в Думу и сообщил, что государь Николай II отрекся от Престола в пользу Михаила Александровича. Михаил Александрович в свою очередь отрекся в пользу народа.

В Думе происходят грандиознейшие митинги и овации. Восторг не поддается описанию».

В тот же день Петроград был расцвечен красными флагами: народ должен был понять, что отречение Николая II и отказ от права наследовать трон Михаила Александровича — *государственный праздник*. «В аполитических низах, у просто „улицы“, переходящей в „демократию“, общее настроение: против Романовых (отсюда и против „царя“, ибо, к счастью, это у них неразрывно соединено)», — характеризовала настроения момента З. Н. Гиппиус, замечая, что «кое-где на образах — красные банты (в церкви)». Еще раньше — 2 марта — красное полотнище взвилось и над главной резиденцией монарха — Зимним дворцом, который стал национальной собственностью. Новые правители думали приспособить его для будущих заседаний Учредительного собрания.

Тогда же по городу поползли слухи о смерти цесаревича Алексея. Очевидно, их распространению (появились они раньше) способствовало отречение Николая II. Слухи докатились и до Александровского дворца. В ночь на 3 марта придворный доктор Е. С. Боткин был вызван к телефону одним из членов Временного правительства, который спросил о здоровье Алексея Николаевича. К счастью, слухи оказались пустыми. Но на фоне «радости» праздной столичной публики, воеторгавшейся «бескровной» революцией, они выглядели удручающе.

Бывший император, разумеется, не разделял восторгов толпы. Подписав манифест об отречении, он той же ночью покинул Псков «с тяжелым чувством пережитого». Произшедшее не воспринималось им как потеря народного доверия, трагическая размолвка царя и его народа. Нет! «Кругом измена, и трусость, и обман!» — записал он в дневнике в ночь со 2 на 3 марта, тем самым характеризуя свое отношение к псковским событиям. На следующий день он прибыл в Могилев, где генерал Алексеев доложил ему последние известия от Родзянко. Известия не вдохновляли.

«Миша отрекся, — с горечью отметил в дневнике 3 марта Николай II.

— Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!» Для бывшего царя услышанное стало неприятным сюрпризом. И все же, приехав в Могилев, Николай II заявил генералу Алексееву, что передумал и хочет послать телеграмму в Петроград. *«На листке бумаги отчетливым почерком государь писал собственноручно о своем согласии на вступление на престол сына своего Алексея...»* Генерал не отправил телеграмму, ибо было поздно: стране уже объявили два манифеста^[121]. Но то, что 3 марта 1917 года Николай II пожелал изменить принятое накануне решение, показательное. Полагаю, это, скорее, свидетельствовало не о нерешительности и непостоянстве царя, а о том, что стремительно менявшаяся ситуация ломала все предварительные расчеты, которые он мог делать, подписывая 2 марта злополучный манифест.

Что это могли быть за расчеты, можно лишь догадываться. В любом случае, в том, что манифест об отречении *с юридической точки зрения* представлял собой ничтожную силу, сомневаться не приходится. Во-первых, стоит обратить внимание на оформление манифеста: он адресовался царем не «верноподданным», а начальнику штаба, находившемуся в Ставке. Подобная «небрежность» для самодержца, более двадцати лет правившего государством, недопустима. Документ, имевший колоссальное значение для судеб миллионов людей, должен был составляться «по форме». Безусловно, нельзя забывать, что Основные законы империи не предусматривали возможности отречения, но ведь эти законы можно было бы предварительно дополнить (или изменить). Этого никто не сделал. Об этом не вспомнили в Ставке, где составили текст, об этом не вспомнили и в царском поезде, где его редактировали. Придворные в сердцах говорили, что Николай II сдал власть, никого не спросив, «как сдадут эскадрон». Но придворные — не политики, их задача была иная: быть рядом с монархом, разделяя его досуг и сопровождая на официальных («придворных») раутах. Спрашивать их совета относительно вопросов государственного значения царь и не собирался.

Дело было в другом. Сознательную или случайную оплошность составителей текста отречения Николай II не исправил, по сути, «подыграв» Ставке: получив из Могилева текст отречения, он и адресовал его начальнику своего штаба. Другой вопрос, на который обыкновенно обращается внимание, это вопрос об отречении царя не только за себя, но и за сына. Права на подобное «самоуправство» царь не имел и прекрасно понимал это. Понимал он, что и Михаил Александрович, женатый неравным браком на дважды разведенной женщине, не мог быть законным

наследником русского престола. Конечно, революция сама себе закон, но тогда монарх вообще должен был отказаться от подписания каких бы то ни было актов.

Можно посмотреть на проблему отречения и под другим углом зрения, лишний раз вспомнив, что для приверженца самодержавного принципа конституционная власть не много значит. Мечтая оставить цесаревичу *самодержавное наследство* и не сумев реализовать свою мечту, Николай II предпочел вообще уйти из политической жизни, не делая Алексея Николаевича заложником революционных пертурбаций. Со сказанным можно согласиться только в том случае, если быть уверенным в твердости принятого царем 2 марта решения. А этой уверенности у нас нет. Нельзя отрицать, что в случае изменения политической ситуации Николай II имел бы возможность объявить манифест недействительным и вернуться к власти. Как мы знаем, Александра Федоровна тоже надеялась на это.

Петербургский историк М. М. Сафонов справедливо замечает, что, подписав манифест, Николай II открыл себе путь на Петроград, но поехал не к супруге и детям, а к войскам, в Ставку. «Очевидно, — пишет исследователь, — царь надеялся, что его отречение вызовет в войсках верноподданническое движение». Движения не получилось. Сценарий нарушил и Михаил Александрович, под давлением отказавшийся взойти на престол. Может быть, все это и повлияло на решение Николая II снова переиграть ситуацию и согласиться на ранее предложенную ему комбинацию: Алексей — царь, Михаил — регент? Кто знает...

Г. З. Иоффе, занимавшийся проблемой революции в судьбах Романовых, полагает, что формально и фактически монархический строй в России упразднил именно отказ от престола Михаила Александровича. «Ибо, отказавшись от власти лишь условно, Михаил как бы прервал законную „цепь“ порядка в престолонаследии. Никто из Романовых теперь не мог претендовать на престол „в обход“ Михаила, и тем самым даже юридическая возможность монархической реставрации оказалась парализованной». Замечание историка находит подтверждение и в рассуждениях современника Николая II — князя С. Е. Трубецкого, который соглашался с тем, что личный престиж самодержца накануне революции был поколеблен, но престиж царской власти — нет. Не спорил он и с тем, что отречение Николая II за себя и за сына было противозаконно. «Но строгий легитимизм мало свойственен русскому народу, — отмечал князь, — и переход власти от Государя к его брату не показался бы незаконным широким массам населения». Обрушения здания русской монархии не произошло бы, если бы Михаил Александрович принял корону. Проблема

заклучалась в том, что, отказываясь от престола (на что имел законное право), великий князь должен был указать своего преемника, а не заявлять об Учредительном собрании. С. Е. Трубецкой писал об ошеломляющем впечатлении, которое произвел отказ Михаила Александровича: «Основной стержень был вынут из русской государственной жизни; короткое время, по инерции, все оставалось как будто на месте, но скоро все развалилось». Об ошеломляющем впечатлении, произведенном отречением Михаила Александровича, писал в письме брату и великий князь Сергей Михайлович, в мартовские дни находившийся в Ставке («мы все ахнули, так как знали, что это противозаконно»).

Все сказанное конечно же справедливо. Однако не следует забывать и о том, что отказ брата царя от престола был оформлен с нарушением всех полагающихся формальностей. К тому же, по большому счету, великий князь и не имел права отречься от того, что не могло «*по закону*» быть ему передано. На это обстоятельство обратил внимание М. М. Сафонов, указавший, что для составителей текста отречения Михаила Александровича главное заключалось в том, чтобы, не прерывая монархической традиции, передать всю власть первому общественному кабинету, одновременно сообщив и о созыве Учредительного собрания. Самодержавная власть переуступалась Временному правительству, возникшему по почину Государственной думы. Представитель династии призывал на него Божье благословение.

Получалось, будто Временное правительство не захватило, а «наследовало» власть. Добившись отречения самодержца и получив от него же *утверждение* Временного правительства еще 2 марта, через день новые хозяева России сосредоточили в своих руках все политические рычаги управления (хотя вскоре и вынуждены были поделиться властью с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов). Революция победила: начав с попытки реализовать идею о создании ответственного министерства, Государственная дума в лице ее Временного комитета добилась максимального успеха в деле борьбы с самодержавием и олицетворявшим его Николаем II. Думские либералы из оппозиционеров превратились в революционеров, столкнув страну в хаос гражданской войны. Конечно, они этого не желали, надеясь на возможность «остановить поток». Но если у революции, по словам поэта, есть начало, то конца обыкновенно нет. Начав с врагов, революция по традиции пожирает своих детей. Все происходит по слову древнего провидца: «И возвращается ветер на круги свои» (Еккл. 1:6).

...В Ставке Николая II встречали все чины штаба во главе с генералом

Алексеевым. Казалось, никаких изменений не произошло: Верховный главнокомандующий вернулся к войскам. Жизнь текла по ранее определенному порядку, обращение к царю оставалось прежним: «Ваше Императорское Величество». 4 марта Николай II пришел в управление генерал-квартирмейстера Ставки и, узнав из доклада, что за время его отсутствия никаких крупных событий не произошло, выразил свое удовлетворение и добавил: «Ведь ответственность за фронт все еще лежит на Мне...» После этого Николай II решил официально сдать должность и на листе бумаги написал: «Сдал фронт. Николай». Ниже генерал Алексеев подтвердил это: «Принял фронт. Алексеев». Только после этой процедуры царь мог считать себя частным человеком.

В Ставке он провел пять дней, до 8 марта. Время пребывания отрекшегося царя зависело от Временного правительства, от которого он тогда же потребовал личных гарантий. Николай II желал беспрепятственно выехать в Царское Село для воссоединения с семьей, свободно проживать в своей резиденции до полного выздоровления детей, беспрепятственно с семьей проехать до Романова на Муроме (для дальнейшего отъезда по морю в Англию) и, после окончания войны, вернуться в Россию для постоянного жительства в Ливадии. До сведения новых властей эти пожелания довел генерал Алексеев, попросивший князя Г. Е. Львова командировать представителей правительства для сопровождения поездов отрекшегося императора «до места назначения». 6 марта положительный ответ на первые три просьбы был получен. Относительно проживания царской семьи в Ливадии ничего не говорилось. Об аресте царя речи тогда не шло. Не думал об этом и бывший властитель России.

Однако жизнь распорядилась иначе: уже 6 марта Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов от своего председателя Н. С. Чхеидзе узнал, что Временное правительство «видимо, не возражает» против переезда Николая II за границу. Протесты против «министров-капиталистов» усилились. Раздались требования арестовать отрекшегося царя. Под давлением улицы Исполком разослал «по всем железным дорогам и другим путям сообщения» радиотелеграмму с требованием немедленно задержать Николая II. Возмущение лидеров Совета, подогревавшееся призывами революционизированной толпы, приняло столь резкий характер, что Временное правительство после переговоров с Исполкомом приняло решение об аресте «Николая Романова». Последствия этого не могли не быть фатальными: бывший самодержец отдавался на волю антимонархически настроенных политиков, открыто провоцировавших «народные массы» демагогическими

заклинаниями о необходимости покончить с «проклятым прошлым», символом которого и был «Хозяин Земли Русской».

Но в то время о действиях Совета царь ничего не знал. Начиная с 4 марта он постоянно встречался с приехавшей в Могилев матерью — императрицей Марией Федоровной, гулял, принимал генералов. 5 марта он простился с графом В. Б. Фредериксом и его зятем — генералом В. Н. Воейковым, которые должны были покинуть Могилев. Николай II не понимал, почему их присутствие «всех» в Ставке раздражало. Многие из тех, кого отрекшийся от престола царь считал преданными ему людьми, подвергались общественному остракизму и безосновательной критике. Вскоре эту чашу, еще более горькую и несправедливую, предстоит испить и самому Николаю II. Заканчивалась и его «свободная» жизнь: решение об аресте последовало вскоре после согласия предоставить бывшему монарху гарантии. Рано утром 8 марта в Могилев прибыли уполномоченные Временного правительства (депутаты Думы А. А. Бубликов, В. М. Вершинин, С. Ф. Грибунин и С. А. Калинин). Они привезли указ об аресте Николая II. Генерал Алексеев немедленно доложил об этом царю, который якобы сказал, что необходимо повиноваться, и поставил условие — никому до его отъезда в Царское Село об этом не сообщать. В то же утро он написал свой последний прощальный приказ по армиям, который стараниями Временного правительства был от войск скрыт. Его простой и ясный текст лишней раз свидетельствовал о желании бывшего Верховного главнокомандующего видеть свою Родину победительницей сильного врага.

«В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска, — писал Николай II. — После отречения за себя и за сына моего от Престола Российского власть передана Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути Славы и Благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага.

В продолжение двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы. Кто думает теперь о мире, кто желает его, тот изменник отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защитите доблестную нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайте ваших начальников и помните, что всякое

ослабление порядка службы — только на руку врагу. Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине.

Да благословит вас Господь Бог, и да ведет вас к победе Святой Великомученик Победоносец Георгий».

Это было своеобразное заветание царя войскам, его благословение и напутствие. Опасаясь возможного влияния на солдат, еще сохранявших монархические симпатии, министры сочли за благо впредь в армии имя царя не вспоминать (разумеется, если речь шла о каких-либо связанных с ним позитивных моментах). Вскоре решили не вспоминать и имя нового-старого Верховного главнокомандующего — великого князя Николая Николаевича. Еще во время пребывания отрекшегося самодержца в Ставке, 6 марта, генерал Алексеев говорил по прямому проводу с князем Львовым и А. И. Гучковым. Новые властители вынуждены были признать, «что догнать бурное развитие невозможно», что события несут их, а не они этими событиями управляют. Руководители Временного правительства заявляли о желательности отказа Николая Николаевича (ввиду негативного отношения к дому Романовых) от поста Верховного главнокомандующего. Алексеев пробовал говорить о популярности великого князя в войсках, о том, что для окончательного решения поднятого в разговоре вопроса лучше дождаться его приезда в Ставку, но вновь услышал, что в настоящий момент «события рождаются психологией масс, а не желанием правительства». Тем самым Львов и Гучков констатировали свое бессилие как руководителей страны. На тот момент и премьеру, и военному министру казалось, что единственный выход из сложившегося положения — назначить на должность главковерха генерала Алексеева. К 11 марта вопрос был «благополучно» решен — Николай Николаевич сложил с себя должность, на которую был поставлен неделей ранее, и попросил уволить его в отставку. Он намеревался уехать с семейством в Крым. Князь Г. Е. Львов от имени кабинета уже официально уведомил Николая Николаевича, что «ввиду назначения его, состоявшегося одновременно с отречением Николая Романова, оно недействительно». Временное правительство победило само себя. Таких побед у него еще будет много. История не прощает власти бессилия.

Но все описанное случится позднее, а тогда, 8 марта 1917 года в половине одиннадцатого утра Николай II простился со всеми чинами штаба и управлений Ставки, в губернаторском доме — с офицерами и казаками Конвоя и Сводного полка. Он с трудом сдерживал чувства; понимали горечь минуты и собравшиеся на проводы царя чины. Один есаул Собственного Его Императорского Величества конвоя не выдержал и,

потеряв сознание, упал без чувств. Это послужило странным сигналом. В разных местах зала начались припадки, слышались всхлипывания. Прощание было удивительно теплым, никак не увязывавшимся с только что произошедшей в Петрограде революцией.

«„Это называется революция“, — раздался чей-то голос около меня, — вспоминал один из офицеров Ставки день 8 марта и добавлял: — Но это была революция: через несколько минут я видел из окна штаба, как увозивший в последний раз Монарха автомобиль сворачивал с площади в соседнюю улицу, а с углового здания (Земской управы) — свисали два огромных красных флага»^[122].

Спустя много лет, в эмиграции, вспоминая первый период Февральской революции, один из ее главных «героев» — А. Ф. Керенский писал, что никому из присутствовавших на проводах в Ставке не хватило духу крикнуть: «Постойте, государь! Ваш брат отказывается от престола, надо заново пересмотреть решение, нельзя оставлять империю без рулевого. Все мы, здесь присутствующие, готовы энергично поддерживать вас до конца». В устах Керенского такие слова звучат как глумление над поверженным революцией монархом, и все же необходимо признать его правоту: никто в Ставке ничего подобного не произнес, полагая (или, по Керенскому, — «зная»), что возврат назад невозможен.

В 12 часов дня Николай II прибыл в вагон матери и провел с ней несколько часов. Затем простился (как оказалось — навсегда). В поезде Марии Федоровны были также родственники — великие князья Александр и Сергей Михайловичи, Борис Владимирович и принц Александр Петрович Ольденбургский. Их бывшему самодержцу тоже не суждено уже было еще раз увидеть. Простился он и с К. Д. Ниловым: адмиралу не разрешили ехать в Царское Село. «В 4.45 уехал из Могилева, — записал царь в дневнике, — трогательная толпа людей провожала. 4 члена Думы сопутствуют в моем поезде! Поехал на Оршу и Витебск. Погода морозная и ветреная. Тяжело, больно и тоскливо».

Царь знал, что теперь он — арестант. Отречение превратилось в низложение. Позднейшие заявления лидеров Временного правительства о том, что «арест императора являлся просто временной мерой», не могут дезавуировать случившегося 8 марта. Наступал новый, последний этап жизни русского царя. Ему, как и его близким, вскоре предстояло своей жизнью доказать правильность старой христианской истины, которую в стихах изложил А. Н. Майков:

Чем ночь темней, тем ярче звезды,

Чем глубже скорбь, тем ближе Бог.

Глава пятая

ЦАРЬ В ЗАТОЧЕНИИ: «ОСВОБОЖДЕНИЕ» ИЗ САМОДЕРЖАВНОГО ПЛЕНА

Человек далеко не всегда может правильно оценить смысл происходящих с ним событий. Лишь позднее, когда многое исправить уже невозможно, когда настоящее становится расплатой за минувшие ошибки, человек яснее осознает смысл метафизических истин, а верующий человек в этих истинах видит Божьи предзнаменования. Унижения позволяют лучше понять слова Нагорной проповеди, так странно звучащие в мире, наполненном жестокостью и насилием: «Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Мф. 5:39–41). Иисус призывал Своих последователей быть совершенными, «как совершенен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48). Стремление к духовному совершенству для христианина — наиважнейшее, хотя в круговороте дел далеко не каждый может найти время и силы это стремление реализовать. Порой лишь обстоятельства, оказывающиеся выше человека, позволяют ему решить главную задачу жизни верующего: подготовиться к «миру горнему». Такими обстоятельствами стали для царя и его семьи последние четырнадцать месяцев жизни.

...Когда Николай II покидал Ставку, его семья в Царском Селе уже находилась под арестом. 8 марта 1917 года в Александровский дворец явился новый командующий столичным военным округом — генерал Лавр Георгиевич Корнилов. В своем дневнике Александра Федоровна лаконично записала, как он «Объявил, что мы находимся взаперти» и что «с этого момента присутствующие [во дворце] считаются изолированными, не должны видаться ни с кем посторонним». Сам генерал постарался успокоить супругу царя, указав ей на то, что в аресте нет ничего опасного, даже особых стеснений арест повлечь не может. Очевидно, что нахождение под стражей особым стеснением Корнилов не считал, как не считал чем-то странным объявление, сделанное для находившихся при Александре Федоровне лиц: в течение двух дней они должны были решить — остаться

им во дворце или уйти. Для всех оставшихся через два дня наступал арест. Тогда же императрице были представлены два офицера: полковник лейбгвардии Петроградского полка Е. С. Кобылинский и штаб-ротмистр гвардейского Уланского полка П. П. Коцебу, брат которого долгое время служил адъютантом великого князя Николая Николаевича. Кобылинский стал начальником Царскосельского гарнизона, а Коцебу — комендантом Александровского дворца. Правда, уже 21 марта, за лояльное отношение к семье последнего самодержца, Коцебу был снят с должности и заменен личным другом А. Ф. Керенского полковником П. А. Коровиченко, впоследствии принимавшим участие в работе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Поэтому с 26 мая комендантом назначили полковника Кобылинского, сумевшего добиться благорасположения царской семьи и искренне ее любившего. Во время переезда царской семьи в Тобольск он был командиром Отряда особого назначения, а затем — комендантом Губернаторского дома, в котором отбывали ссылку Романовы. В начале мая 1918 года советские комиссары сместят его с должности, и он покинет высочайших арестантов.

Но все это — впереди. А тогда, в начале марта 1917 года, узнав об аресте, императрица приступила к уничтожению своих бумаг. Она торопилась, опасаясь, что ее письма и дневники попадут в руки пристрастных людей и будут использованы для дополнительных унижений и оскорблений и ее самой, и ее несчастного супруга. Каждый день, начиная с 8 марта, она бросала в огонь свою корреспонденцию. Так продолжалось вплоть до 23 марта. К тому времени дети уже все знали — с дочерьми она переговорила сама, маленького сына проинформировал воспитатель Пьер Жильяр.

Восьмого марта бывший наследник узнал, что его отец возвращается в Царское Село из Могилева и больше туда не вернется, — ибо «не хочет быть больше Верховным главнокомандующим». Известие огорчило ребенка, через несколько минут узнавшего, что отец не хочет быть больше и императором. На вопрос «почему?» П. Жильяр ответил как можно проще: потому что царь очень устал и за последнее время перенес много тяжелого. Но Алексей Николаевич не мог понять, кто же будет царем, если отец отказался от власти, возвращаться к ней не собирается, а его примеру последовал великий князь Михаил Александрович. «Если нет больше Царя, кто же будет править Россией?» — удивлялся наследник, услышавший в ответ о Временном правительстве и Учредительном собрании, которое, быть может, позволит «дяде Михаилу» взойти на престол. Больше ребенок ни о чем не спрашивал. Свершилось.

Маленький наследник интуитивно понял то, что потом пытались объяснить и сформулировать взрослые и образованные современники. Царская власть, кто бы ей ни помогал, в России была *источником права*. Именем царя как Архимедовым рычагом двигались все дела, неважно — к лучшему или к худшему.

«Не он опирался на государственные учреждения, а они им держались, — написал много лет спустя камергер Высочайшего двора И. И. Тхоржевский. — Поэтому впоследствии, когда Государь был свергнут, вынужденно отрекся — мгновенно был как бы выключен электрический ток, и вся Россия погрузилась во тьму кромешную.

Оставалось принуждение, сила, переходившая из рук в руки, оставался властный или безвластный приказ, но не стало власти как источника права».

Последующие события стали доказательством этой простой истины.

Восьмого марта столичные газеты опубликовали два сообщения Временного правительства. Первое — о всеобщей политической амнистии, и второе — о лишении Николая II и его супруги свободы. Амнистия, таким образом, увязывалась с арестом того, кто еще вчера единолично решал вопросы преступления и наказания.

В тот же день бывшие подданные российского самодержца были извещены о желании правительства вскоре обсудить вопрос об Императорской фамилии, определив, может ли она остаться в России или же Романовым разрешат выезд за границу. Говорилось также о возможном рассмотрении проблемы «цивильного листа» (то есть содержания) прежнего правителя государства.

Даже православные публицисты и писатели в первый период «великой и бескровной» революции показали себя ее сторонниками. Евгений Поселянин (Е. Н. Погожев), например, откликнулся на февральские события статьей «Обвал трона», в которой проводил мысль, что прежняя власть была далека от народа, не знала и не понимала русских людей. «Говорили о самодержавии, — подчеркивал Евг. Поселянин, — тогда как была злейшая форма олигархии. Происходило так, что верховная власть, державшая в плену всю страну, сама находилась в плену у малой кучки придворных дельцов, и „дворцовый комендант“ за последние десятилетия стал невидимой шестерней механизма, к которой присоединялись еще и еще тайные безответственные влияния». Известная фраза о «безответственных влияниях» нашла своего апологета и в среде тех, кого либералы считали «завзятыми монархистами». Ныне же и они заявляли:

Дню прошедшему — забвенье!
Дню грядущему — привет!^[123]

Приветы дню грядущему посылались тогда часто. Заговорили и о необходимости нового народного гимна. За словами дело не стало: один из первых образцов стихийного «творчества» появился еще до официального объявления об аресте царя и, скорее всего, был написан вскоре после его отречения от престола.

Радость, великая радость горит
В сердце воскресшем народа!
Клич наш победный весь мир облетит:
Братство, любовь и свобода!
Братья! Свободная Родина нам
Счастья дороже и жизни!
Слава России свободным сынам!
Слава великой Отчизне!
Свет возрожденья гордо несет
Вольное братство народа!
Наш триединый могучий оплот —
Братство, любовь и свобода!^[124]

«Триединый оплот» сменял уваровскую триаду. «Братство, любовь и свобода» ставились вместо прежних «православия, самодержавия и народности». Как понимать новые слова, мало кто знал, их смысл для большинства россиян был неясен или, по крайней мере, ничего не говорил ни уму, ни сердцу. Интерпретации могли быть самыми различными. И результаты этих интерпретаций — тоже. Ждать оставалось недолго.

...Девятого марта, в половине двенадцатого дня, Николай II вернулся домой, в Царское Село. Радость предстоящей встречи омрачалась разительно изменившейся за несколько дней обстановкой. «На улице и кругом дворца внутри парка часовые, а внутри подъезда какие-то прапорщики!» — записал он в дневнике. С тех пор покидать Александровский дворец без ведома Временного правительства Николай II не мог. Его жизнью распоряжались бывшие враги. В новых условиях, воссоединившись с семьей, отрекшийся самодержец стал уничтожать свои письма и бумаги, как и Александра Федоровна, очевидно опасаясь их

попадания в руки политических недоброжелателей. Большинство тех, кто ранее заискивал перед самодержцем, ловил его благосклонный взгляд и улыбку, покинули своего еще вчера могущественного владыку. Даже такой резкий человек, как великий князь Николай Михайлович, вынужден был признать, что после отречения, в течение сорока восьми часов, царская чета была покинута не только высшими сановниками, чинами Двора и членами Государственного совета по назначению, но и многочисленной свитой, представители которой думали только об отличиях и доходных местах. Так же повела себя большая часть губернаторов России. В царскосельском заточении с царской семьей остались только самые верные придворные и слуги.

Вместе с ними Николай II совершал прогулки по парку, работал на свежем воздухе, устраивал огород, читал и беседовал. Они помогали ему переносить унижения домашнего ареста. Постепенно сложился распорядок дня. Обычно семья вставала в восемь часов утра, молилась, пила чай (первоначально — без больных детей, еще не вышедших из своих комнат). Гулять разрешалось два раза в день: с одиннадцати до двенадцати часов утра и с половины третьего до пяти часов дня. Николай II всегда пользовался правом на прогулку. Обед, занятия с детьми, чтение для себя и вслух — в семейном кругу, вот, собственно, все дела, которые он мог себе позволить.

В половине второго дня традиционно проходила смена караула. Оба офицера — бывший и вступавший на сутки начальники караула приходили к Николаю II, который принимал их иногда вместе с супругой. Здороваясь, Николай II неизменно обменивался с пришедшими рукопожатием. Но однажды случилось непредвиденное: заступавший на должность начальник караула отказался принять протянутую бывшим самодержцем руку, якобы крикнув: «Ни за что на свете!» По воспоминаниям графа Бенкендорфа, в ответ Николай II спросил: «Что вы имеете против меня?», после чего офицер растерялся, повернулся и вышел. Камердинер Александры Федоровны А. А. Волков передает этот случай с иными подробностями. Согласно его рассказу, Николай II, после демонстративного поступка караульного офицера, подошел к нему, положил на плечо руку и ласково спросил:

— За что же, голубчик?

— Я из народа, — был ответ. — Вы не хотели протянуть народу руку, не подам ее и я.

Быть может, Волков и Бенкендорф рассказывают о разных случаях, но как бы то ни было, приходится констатировать: в царскосельский период

заточения публичное проявление неуважения к Николаю II имело место. В конце июня 1917 года полковник Кобылинский даже попросил царя «не давать руки офицерам при посторонних и не здороваться со стрелками. До этого, — записал царь в дневнике, — было несколько случаев, что они не отвечали».

В течение марта — июля Николай II имел возможность несколько раз встречаться с А. Ф. Керенским, с первых дней февраля и до прихода к власти большевиков остававшимся одним из главных действующих лиц революции. Керенский, как и большинство представителей русского образованного общества тех лет, не считал царя ни волевой личностью, ни самодержцем. По его мнению, это был заурядный, замкнутый, слабый, почти автоматически исполнявший чужие желания человек, подчинявшийся жене, которая в критические моменты оказывала на него подавляющее влияние. С таким человеком он в качестве нового министра юстиции и встретился впервые 21 марта. Пройдя через все комнаты, кратко переговорив с царем, он представил обитателям Александровского дворца нового коменданта и приказал арестовать А. А. Вырубову. Ближайшая подруга Александры Федоровны навсегда покинула царскую семью, которая более десяти лет была и ее семьей... Анну Александровну отвезли в Петроград, а на следующий день из Думы перевели в Петропавловскую крепость. Так начались ее тюремные мытарства.

Свою чашу унижений вынуждены были испить и оставшиеся в Александровском дворце. 27 марта Керенский приехал в Царское Село вновь. Он попросил царя и царицу ограничить их встречи друг с другом временем еды и даже с детьми сидеть отдельно. Николаю II он объяснил это тем, что необходимо держать в спокойствии Совет рабочих и солдатских депутатов. «Пришлось подчиниться, во избежание какого-нибудь насилия», — записал в тот же день в дневнике царь. Сам министр в мемуарах мотивировал свой поступок тем, что на время расследования действий ближайшего окружения императрицы необходимо было оградить Николая II от влияния супруги — «на случай их вызова в качестве свидетелей». Благие пожелания Керенского, разумеется, не могли встретить сочувствия в царской семье (хотя он и полагал, что отдельное проживание Николая II и Александры Федоровны благотворно сказалось на царе: «Он воспрял духом и стал гораздо бодрее»). Подобные приказы оскорбляли достоинство пленников, вынужденных безропотно исполнять любые предписания Временного правительства. А газеты с умилением писали, как «А. Ф. Керенскому приходится вникать во все подробности узников Царскосельского дворца», — замечая, что даже увольнение поваров и

судомоек не обходится без его санкции. Министр юстиции, решающий вопросы увольнения придворной прислуги, — это действительно достойно умиления.

Казалось, за несколько мартовских дней революция до неузнаваемости изменила всё и всех, разрушив существовавшие в течение многих десятилетий традиции и устои. Даже члены дома Романовых оказались втянуты в революционную воронку, не только официально присягнув Временному правительству, но и заявив новой власти о *своей поддержке*. Телеграммы с извещением о принятом решении прислали великие князья Николай Николаевич, Александр Михайлович (от своего имени, имени супруги и детей), Борис Владимирович и Сергей Михайлович. К ним присоединился и принц А. П. Ольденбургский с семьей. Керенский получил письма, подписанные великими князьями Георгием и Николаем Михайловичами, Дмитрием Константиновичем и князьями крови Гавриилом и Игорем Константиновичами. Все они присоединялись к доводам, изложенным в акте отказа от престола Михаила Александровича, и отказывались от владения удельными землями. Через несколько дней о своем подчинении новым властям публично заявила и сестра государыни — великая княгиня Елизавета Федоровна. Династия больше ни на что не претендовала, ее представители покидали государственную службу и становились частными лицами. Могло ли их это спасти, обеспечив спокойную жизнь в будущем? Однозначного ответа не существовало, хотя постоянные нападки на Романовых, день ото дня учащавшиеся, оптимизма не внушали. Даже Михаил Александрович, добровольно отказавшийся от трона, вскоре должен был подать в отставку с поста генерал-инспектора кавалерии и председателя Георгиевского комитета. Его ходатайство немедленно удовлетворили. Фамилия «Романов» звучала тогда как политический приговор, не подлежащий обжалованию. Глумление над членами Дома, и прежде всего над «поверженным тираном» и его супругой, в журналистской среде стало признаком хорошего тона. Деятели левых партий открыто говорили о необходимости не только суда, но и казни бывшего самодержца. И хотя, например, для социал-демократов и большевиков любой монарх был «коронованным разбойником», достойным смерти, в условиях русской революции подобные разговоры были больше чем просто разговоры.

Самодержавная государственность поносилась как «строй насилия», принимались решения о признании земель Кабинета бывшего императора государственными, национализировались (до решения Учредительного собрания) удельные земли, даже изменялось изображение боевых медалей:

портрет Николая II заменялся Георгием Победоносцем. От старого ничего не должно было остаться — даже от царского «Друга», убитого в декабре 1916 года. Уже в ночь на 9 марта революционно настроенные борцы с «режимом» выкопали гроб с телом Григория Распутина, погребенный под строившимся склепом в честь преподобного Серафима Саровского. Гроб вскрыли, под бородой покойного нашли икону Божьей Матери, привезенную Александрой Федоровной накануне революции из Новгорода. На обороте иконы прочитали имена: Александра, Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и Анна Вырубова. И немедленно через газеты оповестили всех о случившемся. Зачем? Тогда об этом не задумывались. Как не задумывались, арестовывая семью покойного «старца». Какое отношение к борьбе «темных сил» имели его дочери и сын? Никакого. Да и не в детях «старца» было дело (тем более что вскоре их отпустили). Метили в царя и царицу, пытаясь как можно больнее обидеть заключенных Александровского дворца. И разумеется, из добрых побуждений, для «очищения» страны, в преддверии построения «светлого завтра». В целом, «хотели как лучше, получилось — как всегда». К счастью, ни царь, ни царица не знали продолжения страшного эпилога истории глумления над телом их «Друга». Впервые в 1923 году об этом кратко сказал В. Б. Шкловский в «Сентиментальном путешествии»: «Перед тем, как сожгли труп Распутина в топке Политехнического института, раздели тело, ворошили, мерили кирпичом, — и добавил, резюмируя: — Страшная страна. Страшная до большевиков».

«Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три, — писал о мартовских событиях В. В. Розанов. — Даже „Новое Время“ нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных. И собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая „Великого переселения народов“. Там была — эпоха, „два или три века“. Здесь — три дня, кажется, даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом — буквально ничего.

Остался подлый народ, из коих вот один, старик лет 60 „и такой серьезный“, Новгородской губернии, выразился: „Из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть“, то есть не сразу сорвать кожу, как индейцы скальп, но надо по-русски вырезать из его кожи ленточка за ленточкой.

И что ему царь сделал, этому „серьезному мужичку“.

Вот и Достоевский...

Вот тебе и Толстой, и Алпатыч, и „Война и мир“».

В. В. Розанов оказался, безусловно, прав: «братство, любовь и свобода» породили ненависть, зависть к ближнему и желание убивать. «Задуло свечку...»

Атмосфера была соответствующая. Бульварная литература внесла свой весомый вклад в процесс разложения монархического сознания — уже после гибели монархии. Издавались всевозможные брошюры о «тайнах русского Двора», из которых непритязательный читатель мог почерпнуть много сведений об альковной жизни венценосной четы. Легковесные и грязные истории потом обрабатывала народная молва, создавая нечто, напоминавшее плохую сказку с недобрый концом: подлость тоже можно воспитывать. Так, журнал «Прожектор» опубликовал рассказ о любвеобильной и похотливой царице, ее лицемерной подруге А. А. Вырубовой, вечно пьяном, жестоком и подозрительном царе-эротомане. Сюжет незамысловат. Александра Федоровна и Анна Александровна одновременно влюбляются в красивого молодого офицера Орлова, которого царица, пользуясь преимуществом государыни, делает любовником. Вырубова «мстит», провоцируя столкновение царя с женой. Николай II, застав на месте «преступления» жену и любовника, убивает последнего. В отместку за смерть Орлова в Александру Федоровну, уже в годы Великой войны, стреляет лежавший на излечении в Царскосельском госпитале его младший брат. Покушение заканчивается легким ранением Вырубовой, царица прощает стрелявшего. Детективная история рассказана, «кошмарная» тайна Двора — раскрыта. Издатели обещают и дальше публиковать сенсационные разоблачения.

Нельзя сказать, что подобные художества были уделом лишь дешевых журналистов, падких на скандалы и сплетни. Увы! Таким же образом разоблачали «проклятый царизм» и маститые писатели. Например, Лев Жданов, уже в мае 1917 года подготовивший почти 300-страничное произведение под названием «Николай Последний». Убеждающий читателя, что любой царь — деспот и поэтому заслуживает изгнания, Л. Жданов собирает на страницах книги все доступные ему слухи, начиная от «информации» о смерти Александра III от пьянства и заканчивая историей раздачи Николаем II (перед отъездом из Могилева в Царское Село 8 марта 1917 года) автографов. Группа молодежи якобы получила от царя автографы на кусках военной карты, которую тот снял со стены своего вагона и разрезал кинжалом. Не скупится автор и на черные краски, описывая царских родственников и постоянно называя Фамилию «лжеРомановыми». Под пером Жданова лионский «магнетизер» Филипп становился агентом папы римского, а вдова великого князя Владимира

Александровича — особой, верно служащей германским интересам. Понятно, что Февральские дни для него — священные, а самодержавие — символ насилия и произвола. Но все же Жданов не кровожаден. Более того, он — великодушен, мечтая, как после «счастливо-оконченной войны» и Учредительного собрания свободная и счастливая Россия отправит своего бывшего властителя куда-нибудь на остров, расположенный в Эгейском море.

«И этот островок населен необычной публикой...

Ряд красивых дворцов... Над каждым — веет штандарт, каких уже нет нигде в Европе... <...> Миноносцы и крейсера — реют кругом, следят, чтобы не улизнули с островов, из своей почетной тюрьмы бывшие владыки земли...

А народы их, рабы и твари раньше, — вольные люди теперь, изредка пробегают глазами газетные известия:

— „Алиса Гессенская, по мужу — Александра Романова, в мире опочила... Тихо умерла...“

Принцесса такая-то, по мужу так-то, благополучно родила.

„Карл Габсбург — скончался, вскоре после Вильгельма Гогенцоллерна, оставив после себя многомиллионное наследство...“

И, таким образом, угаснут бесславно и бесшумно последние потомки последних угнетателей народа на земле!..»

Красивая сказка, в которой начало не предвещает столь замечательного конца, а великодушие «народа» преподносится на фоне «низости» его прежних хозяев. Есть чем восторгаться!

Однако большинство писавших на «царскую» тему весной и летом 1917 года не слишком утруждали себя пророчествами о будущем венценосца. Главное для них заключалось в том, чтобы максимально «разоблачить», осмеять и дискредитировать «бывших» — давно известный и постоянно используемый прием. На этом поприще достойно показал себя Лев Никулин, в стиле скоморошины излагавший в сатирическом журнале «Будильник» историю царствования Николая II и жизнь его супруги. Названия говорили сами за себя: «О Романовской породе и русском народе» или — «О гессенской мухе и русской разрухе». Все доступно и понятно:

На Руси идет разруха,
Рада гессенская муха,
Знает Вилли каждый форт,
Для него атака — спорт.
Только догадались штабы,

Отчего стратеги слабы,
Отчего наш каждый шаг
Угадает сразу враг.
Как царица едет в Ставку —
Просто выходи в отставку.
Удивляй в боях весь свет,
А удачи нет как нет.

И пошли в народе слухи:
«Нет житья от этой мухи,
Вместо этого царя
Александра правит зря.
И зачем нам эта пара,
И не будет в том удара,
Если б весь их хищный род
От себя прогнал народ».
И как все узнали это,
Не видала муха света,
Дунул яростный народ,
И как лист слетел их род...

Подобные вирши воспитывали не столько антипатию к монархии, сколько презрение к монарху и его супруге, в которых читателя заставляли видеть источник всех бед страны. Неслучайно весной 1917 года, задолго до большевиков, по стране прокатилась волна низвержений памятников. В Екатеринославле с пьедестала сняли памятник Екатерине Великой, объявив, что его материал пойдет на снаряды. Юмористы немедленно откликнулись:

Пушка, плюй бомбами и погромче ори:
В первый раз в истории человечества
Оказались цари
Полезными для Отечества!

Весной 1917 года появилось множество новых юмористических изданий, избравших для себя мишенью отрекшегося Николая II, его супругу и род Романовых. Трескучие «Пугач», «Трепач», «Барабан» конкурировали с уже известными публике «Новым Сатириконом» и «Бичом». К примеру, «Бич», вышедший из печати 12 марта 1917 года, открывался картинкой, на которой был изображен стоявший около трона царь, у ног которого — штыки. Здесь же помещенный лозунг «За свободу!» ясно показывал, как воспринимали отречение публикаторы, процитировавшие и фразу из манифеста 2 марта: «А посему признали мы за благо отречься от престола Государства Российского». Символично, что на последней странице номера был изображен находящийся за решеткой двуглавый орел — государственный символ — с пояснением: «Наконец-то!..» («Ах, попалась, птичка, стой, / Не уйдешь из клетки».)

Следующий номер «Бича» имел уже дополнение к заголовку: особо отмечалось, что этот номер «от скончания цензуры 2-й». На обложке поместили запоздалый — по тому времени — шарж на «Равноапостольного Григория», стремясь «художественно» обыграть традиционные для обывательской среды сплетни об эротических подвигах и пьянстве сибирского странника. Последнюю страницу отдали карикатуре, на которой изображался железнодорожный вагон с Николаем II, императрицей и наследником, следующими из Петрограда через Мурман в Ливерпуль. Подавалась картина в стиле художника Ярошенко «Всюду жизнь» и, очевидно, по мысли исполнителей, должна была показать, что отъезд царской семьи в Англию стоит воспринимать как наказание, равное уголовному.

Имевшие хождение в мартовско-апрельской прессе 1917 года представления о скором отъезде семьи Николая II за границу были достаточно распространены, и сатирические журналы обыгрывали эту тему. В «Будильнике», например, уже 7 марта на обложку вынесли рисунок, на котором изображались царь в короне, царица с иконой Распутина и наследник. Царь подписывал манифест. Фраза, вложенная в уста Александры Федоровны, не оставляет сомнений в том, что хотели сказать карикатуристы: «Подписывай, и едем». Следующий номер (от 18 марта) открывался карикатурой под названием «В Англию». На картинке изображалась стоящая в кассу 1-го класса царская семья (причем императрица — в костюме сестры милосердия и с обязательным портретом Распутина). В том же номере помещена информация о выраженном царем (за день до ареста) желании поселиться в Ливадии и разводить цветы. «Его дядя Н. Н. Романов, — говорилось далее, — предполагает поселиться на

Кавказе и:

— Возделывать свой клочок земли.

„Будильник“ сказал:

— Почтеннейшие! Вот я вам внемлю,

Не верю сказочной были,

И думаю: с чего это русскую землю

Романовы так полюбили?»

А в мартовском «Трепаче» в карикатурной форме делался «прогноз» о будущем «бывших». Под заголовком «Что с ними будет через 10 лет» помещалась карикатура на царя, изображенного за стойкой бара в качестве хозяина лондонского погребка. Рядом помещалась и карикатура на любимую подругу императрицы — А. А. Вырубову, из которой сделали содержательницу дома терпимости.

Желание как угодно доказать (а точнее, демагогически заявить), что Романовым — не место в новой России, заставляло карикатуристов напоминать читателям о немецких симпатиях царской семьи. «Трепач» постарался оформить старый лживый слух об измене царицы графически, поместив на своих страницах шарж под названием «Телеграф Берлин — Петроград» (изображались линия связи и столб с головой царицы, как бы «соединяющий» провода. «Вили? Это ты? Коля кланяется», — гласит надпись).

Политическое глумление не имело границ, в революционном угаре «юмористы» и самого Николая II пытались выставить агентом Германии, изображая в виде обезьянки «немецкого шарманщика» Вильгельма II. Обыгрывалось и лишение русского императора мундира «гессенского полка», шефом которого он состоял до войны: на просьбу дать ему юбку карикатурная «царица» заявляет: «Что же у меня разве юбка не гессенская?» Революционные сатирики пользовались газетными сообщениями, появлявшимися в те дни в прессе, пытаясь обыгрывать то, что распространяли журналисты. Так, вышедший 2 апреля номер «Бича» открывался эпиграфом: «Из Царскосельского дворца были частые сношения с Берлином», что иллюстрируется картинкой: на фоне Александры Федоровны, одетой в форму сестры милосердия, помещена голова Вильгельма II и стихи: «Я тот, которому писала / Ты в полуночной тишине...»

Впрочем, обыгрывались не только политические сюжеты. «Юмористы» охотно рассуждали на тему любви государя к народу, «рисовали» его жизнь после отречения, развлекая читателей понятными им картинками «царского быта» и намеками на возможное ужесточение

содержания под арестом. Журнал «Пугач» уже в апреле поместил картинку, на которой был изображен идущий в военной форме по набережной Невы царь, за которым виднелась Петропавловская крепость. Надпись гласила: «До сих пор в Петропавловскую крепость возили только мертвых царей, а меня первого повезут живым». Приблизительно в это же время в «Трепаче» появилась аналогичная карикатура с издевательским заголовком «На дачу». На фоне Петропавловской крепости изображалась телега, на которой, поверх вещей, восседали «царица» с иконой Распутина, «царь» с лампой и «сестра милосердия» с болонкой. За телегой ковылял «В. Б. Фредерикс», державший корону и мантию. Телегой управлял шедший рядом с лошадьёю возница — «Милюков». Подпись не оставляла сомнений, что хотели разъяснить читателям, выдавая прямую речь от имени царя: «Тяжелая это пора — переезд на дачу. Слава Богу, если где поблизости: в Озерках, Лесном или Келломяках хибарку найдешь, а вот потрясись-ка из Царского в Петропавловскую. Сам лампу держишь, супруга портреты любимых существ, фрейлина — болонок и узлы готова выбросить. Фредерикс и язык в сторону выпустил... А Милюков, знай, погоняет. И куда торопится!!!»

Читателям старались внушить мысль о том, что царь всегда был далек от народа по собственной вине, не умея разобраться, где истина, а где ложь. Он характеризовался «последним могиканином», находящимся под охраной революционных войск. Журналисты чем дальше, тем больше приучались называть его «Николаем Последним», заставляя карикатурного «царя» задаваться вопросом о том, где же ныне «возлюбленный народ, кричавший „ура“ при моем появлении?». На обращенный к конвойному офицеру вопрос следовал ответ: «Частью в дворницких, г. полковник, а частью из охраны на фронт отправлен».

Подобный «юмор», безусловно, должен оцениваться в контексте стремительно менявшихся после Февраля событий, а также желанием публицистов обыграть все, что прямо или косвенно было связано с Николаем II, о котором до 1917 года большинство из них писало как о «Священной Особе». Интерес к такого рода творчеству может быть по преимуществу психологический: шаржи и карикатуры первых месяцев революции помогают увидеть, как происходило воспитание невзыскательного обывателя, привыкшего к лубку. Собственно говоря, это и есть революционный лубок, предназначенный для массового потребления оглушенных произошедшими событиями бывших «верноподданных». Таким же целям служила бульварная литература, о которой мы говорили выше.

Делу развенчания монархической государственности служили не

только публикации и заявления, непосредственно касавшиеся императора и его семьи: на это были нацелены *и действия* новых властей, буквально сразу же после отречения «озаботившихся» коренным переустройством форм и принципов прежней жизни, базировавшейся на православном основании.

Уже в первых числах марта Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов постановил организовать 10 марта гражданские похороны «павших за свободу», определив местом захоронения Дворцовую площадь. Намерение устроить братскую могилу в центре столицы страны показательно и не требует особых комментариев. Тем самым революция стремилась обеспечить себя новыми «сакральными центрами», «святыми местами» победившей «демократии». Десакрализация поверженной власти, глумление над ее символикой (жертвы должны были лежать в центре площади, на месте Александрийского столпа) шли полным ходом. Правда, выкопать братскую могилу на главной площади столицы не удалось: забитые при установке Александрийского столпа деревянные сваи сделали проведение работ невозможным.

Тогда было принято решение организовать похороны на Марсовом поле, где они и состоялись 23 марта. Впервые в истории России торжественные (государственные) похороны проходили без участия Церкви, под боевые звуки, Марсельезу и пролетарские песни. 184 гроба провожало в общей сложности около 350 тысяч человек. Тогда же было заявлено о возведении (в дальнейшем) на этих могилах нового здания парламента свободной России.

Создание нового пантеона героев в постфевральской России представляло закономерный процесс, который восходил к 1905 году. Идея завершения начатого тогда находила себе приверженцев в среде тех, кто считал идейную борьбу с самодержавием делом жизни. Доказательством сказанному является публикация «Календаря русской революции», составленного еще в 1907 году и тогда же конфискованного полицией. «Календарь», дававший обзор революционных и общественных движений в России, начиная с эпохи Александра I и заканчивая 1905–1906 годами, был своего рода альтернативной историей, подчеркивая и отмечая то, что ранее воспринималось как аномалия политической жизни монархической государственности. «Календарь» давал четкое понимание того, что в России борьба с монархическими принципами была неразрывно связана и с конкретными их носителями. После Февраля противники русского самодержавия, равно как и все подпавшие под страшное обаяние революции, меняли стиль эпохи, не имея возможности задуматься о том,

какие инстинкты в большинстве своем необразованного народа они пробуждают.

Царь, по свидетельству очевидцев, совершенно спокойно принимал то, что писали про него и его супругу, видя в обвинениях и издевательствах стремление восстановить против монархии народные массы. Тонкий знаток человеческой души, В. В. Розанов замечательно красиво выразил это в «Апокалипсисе нашего времени» в нескольких простых словах: *царь не ломался и не лгал*. Но видя, как ужасно отреклись от него «народ и солдатчина», как предали («ради гнусной распутинской истории»), написал, «что, в сущности, он отрекается от такого подлого народа. И стал (в Царском) колоть лед. Это разумно, прекрасно и полномочно». Патетичность заявленного не должна нас смущать: философ говорил не о факте отречения, его интересовала психологическая подоплека случившегося. С этой точки зрения В. В. Розанов и указывал на «полномочность» и «разумность» царского времяпрепровождения.

Николай II вел образ жизни частного человека, далекого от забот правителя, радовался маленьким семейным радостям, находя отдохновение в семейном чтении, занятиях с сыном и прогулках. К 19 апреля все дети наконец выздоровели и семья в полном составе стала собираться за обеденным столом. На прогулки Александра Федоровна обыкновенно вывозилась камердинером в кресле, все остальные проводили часы прогулки активным образом: в апреле стали заниматься огородом. В эти месяцы семейное счастье было единственной радостью отрекшегося самодержца. Придворные, оставшиеся с ним в Александровском дворце, восхищались гармонией отношений и взаимной любовью, связывавшей Николая II и Александру Федоровну. Разделявший с царем заточение генерал И. Л. Татищев даже позволил себе выразить восторженное удивление семейной жизнью царя. «Если Вы, Татищев, который были моим генерал-адъютантом и имели столько случаев составить себе верное суждение о Нас, так мало знали Нас, — заметил ему Николай II, — как Вы хотите, чтобы Мы с Государыней могли обижаться на то, что говорят о Нас в газетах?»^[125]

Царь надеялся, что с течением времени все встанет на свои места, и до «успокоения» страны мечтал уехать к английским родственникам. 23 марта он записал в дневнике, что начал разбираться в своих вещах и книгах, откладывая все, которые хотел взять с собой в Англию. Увы! Надежды на отъезд не оправдались. Если в начале марта англичане согласились предоставить русскому монарху и его семье политическое убежище, то уже в конце месяца они изменили принятое решение. В левых кругах палаты

общин и в британской прессе возмущались тем, что отрекшийся русский самодержец вступит на землю Туманного Альбиона. Короля Георга V — кузена Николая II, похожего на него как брат-близнец, общественность сочла инициатором принятого решения о приезде царя и забросала оскорбительными письмами. Георг V понял, что его правительство не в полной мере предусмотрело все возможные осложнения, и через личного секретаря предложил премьер-министру заявить, что учитывая негативное отношение общественности, правительство Его Величества вынуждено взять обратно ранее данное согласие на приезд Николая II с семьей в Великобританию.

Однако не стоит всю вину перекладывать на англичан: по мнению С. П. Мельгунова, специально занимавшегося исследованием вопроса о судьбе последнего русского монарха после отречения, переговоры представителей Временного правительства об отъезде царскосельских узников не носили характера каких-то настойчивых обращений к кабинету Георга V. Для решительных действий Временному правительству нужна была «сочувственная общественная атмосфера», которой не было как среди министров, так и в советской среде. Изменить настроение могло опубликование («во всеобщее сведение») опровержения клеветы об «измене» и укрепившихся в сознании обывателя слухов о подготовке царской властью сепаратного мира с Германией. Но революционные газеты не опровергали, а скорее, подтверждали ходячие версии (хотя в июне 1917 года российский административный аппарат был восстановлен, Временное правительство стало «подлинной властью», а расследование Чрезвычайной следственной комиссией деятельности «темных сил» и действий распутинской «клики» сняло вину с царя). Николай II, его семья и слуги так вплоть до августа 1917 года никуда и не выехали.

Для бывшего самодержца пребывание в революционной России было равнозначно жизни человека, ожидающего казни, который лишь в силу стечения различных обстоятельств может надеяться на отсрочку исполнения смертного приговора. Все стало понятно уже к середине апреля, когда надежды на отъезд в Англию растаяли как дым. О новом повороте событий царю сообщил А. Ф. Керенский. Очевидно, это случилось 12 апреля, когда супругам разрешили, наконец, совместное проживание. Выслушав министра юстиции, тогда же царь выразил желание поехать вместо Англии в Крым. О необходимости для царских детей и для Александры Федоровны более здорового климата, чем петроградский, заявил Керенскому и доктор Е. С. Боткин. А спустя три месяца, 11 июля, Керенский, ставший к тому времени председателем Совета министров и

сосредоточивший в своих руках огромную власть, сообщил Николаю II о вероятном отъезде его семьи на юг, ввиду близости Царского Села к беспокойной столице. Уезжая, премьер советовал царю готовиться к дороге втайне, не привлекая внимания караульных солдат.

Казалось, что мечта о Ливадии вскоре станет явью. Мечта эта согревала узников Александровского дворца вплоть до конца месяца. Николай II относился к вынужденному заточению с удивительной стойкостью. Отметив в дневнике три месяца своего пребывания под арестом, он заметил только одно: «Тяжело быть без известий от дорогой Мамá, а в остальном мне безразлично» (курсив мой. — С. Ф.). Грустное признание человека, не надеющегося на лучшее. Все лучшее для него — в прошлом, впереди — неизвестность и, вероятно, новые разочарования. Крепка лишь надежда на Бога. Она и дает волю к жизни. Жизнь эта была однообразной, ничем не напоминая минувшее. Хлопоты и заботы частного человека, кажется, полностью захватывают Николая II. Однажды, например, он посвятил досуг разбору собственных сапог, отбирал старые и негодные. Трудно представить более нелепое занятие, чем это. Но царь, экономный и непритязательный в быту, не находил в «инвентаризации» обуви чего-либо удивительного.

Спокойное течение жизни иногда прерывалось неожиданными неприятностями и осложнениями. Так, 1 мая (18 апреля по юлианскому календарю) в Царском Селе отметили шествиями по улицам с музыкой и красными флагами. На могилу «жертв революции», сооруженной в парке Александровского дворца еще 30 марта, были возложены цветы. Все это делалось революционными властями сознательно — для унижения узников, вынужденных наблюдать глумление над всем, что им было дорого. Превращение части парка в кладбище-символ, находившееся невдалеке от дворца, показательно само по себе. В начале июня правительственный комиссар Ф. А. Головин, которого царь давно знал (как председателя Второй государственной думы), предложил графу П. К. Бенкендорфу, разделявшему с семьей Николая II заточение, содержать стол в Александровском дворце на личные средства отрекшегося монарха (средства эти Временное правительство не конфисковало). В результате пришлось сократить меню, так как капиталы Николая II и его супруги были невелики, составляя всего 2,5 миллиона рублей, из которых выплачивалось множество пособий.

Впрочем, жить в Царском Селе царю и его близким оставалось совсем недолго. 28 июля, после завтрака, через графа Бенкендорфа арестанты узнали, что их отправляют не в Крым, «а в один из дальних губернских

городов в трех или четырех днях пути на восток!». Однако о месте будущей ссылки царю ничего не сказали; не знал об этом и комендант Е. С. Кобылинский. Приготовления к отъезду велись в строжайшей тайне, поскольку любое сообщение могло привести к непредвиденным осложнениям. А. Ф. Керенский, выславший семью последнего самодержца из Царского Села, в своих воспоминаниях подчеркивал, что именно он предложил Tobольск в качестве нового места жительства Николая II и его семьи. Резиденция губернатора была вполне комфортабельна, а сам город не имел со страной железнодорожной связи. Керенский вспоминал, что для принятия решения об отправке царя с семьей и слугами в Сибирь потребовалось лишь его личное распоряжение, утвержденное Временным правительством. «Ни Совет, ни кто-либо еще об этом не знали».

Тридцать первое июля, понедельник, стал последним днем пребывания семьи Николая II в Царском Селе. Накануне отметили тринадцатилетие наследника, ходили к обедне и к молебну, прикладывались к иконе Знаменской Божьей Матери, специально по этому случаю принесенной в Александровский дворец. Затем, как обычно, работали в парке: рубили и распиливали деревья. Уложили к отъезду все вещи, только на стенах остались картины. Утром, в ожидании долгого путешествия, вновь работали в парке. Время отъезда постоянно откладывалось. Неожиданно приехал Керенский, привезший с собой брата царя — для прощания. Разговаривать было трудно, тем более что революционный премьер присутствовал на встрече. Повидать племянников Михаилу Александровичу не разрешили. Братья крепко обнялись и расстались — уже навсегда. Керенский сидел в комнате рядом с царским кабинетом, ожидая сообщения о прибытии поезда. Время шло, железнодорожники колебались, думая, подавать или не подавать состав. Юный наследник устал, ему хотелось спать. Нервничали слуги, отъезжавшие вместе с семьей. Только после пяти часов утра Керенский объявил, что можно ехать. Подали автомобили. В сопровождении охраны все тронулись к Александровской станции. У поезда проверили списки отъезжавших. В шесть часов десять минут утра 1 августа Николай II навсегда покинул Царское Село.

Подданные бывшей империи узнали о случившемся на следующий день. С правительственным сообщением перед представителями комитета журналистов выступил заместитель председателя Совета министров Н. В. Некрасов. О новом местопребывании царя не говорили, но обещали проинформировать «своевременно». Некрасов рассказал, что вопрос о переводе Николая II из Царского Села был поднят еще в середине июля по

военно-политическим соображениям и рассматривался на секретном заседании правительства. Советы рабочих и солдатских депутатов в принятии этого решения никакого участия не принимали. Уже 2 августа читающая публика могла ознакомиться и с подробностями отъезда царя, и даже со слухами о том, куда он отправлен. Одни говорили, что теперь семья будет жить в Ипатьевском монастыре Костромской губернии, другие — что ее перевезут в Архангельскую губернию. Опять слухи! Они постоянно сопровождали венценосцев. Но не всё из сообщаемого прессой оказывалось уткой. Журналисты правильно описали царский поезд, в котором были вагон-буфет, три международных спальных вагона и вагоны третьего класса, прицепленные «спереди и сзади царских». В этих вагонах поместился конвой. Правда, не сообщалось о том, что был и еще один поезд, который вез часть прислуги и солдат, которые должны были в Сибири охранять царя. Не сообщалось и о том, что поезда следовали под японским флагом.

Ссылку царя тогда же оценили и члены дома Романовых. Не все они поддержали решение Временного правительства, убеждавшего россиян, что это сделано для «сохранности» царской семьи. «Теперь проснутся все реакционные силы и сделают из него (Николая II. — С. Ф.) мученика, — полагал великий князь Сергей Михайлович. — На этой почве может произойти много беспорядков. Правительство, по-видимому, не учитывает последствий этого шага. Кроме того, и сохранность их теперь более не обеспечена. Большевики легко могут завладеть чернью и солдатами Тобольска, и тогда — конец». Великий князь, информированный лучше, чем большинство россиян, как в воду глядел: его предсказание сбылось — большевики завладели «чернью и солдатами». Но Керенский думал иначе, а его слово тогда значило неизмеримо больше, чем мнение представителя свергнутой династии. «Музыка революции» звучала все сильнее, заглушая здравый смысл и предостережения «бывших». Под эту «музыку», собственно говоря, и развивалась драма, завершившаяся в Екатеринбурге менее чем через год.

О том, что царский поезд без задержек идет на восток и уже миновал Челябинск, бывшие подданные монарха узнали только 5 марта. «Как окончательно выяснилось, — сообщало «Новое время», — семья Романовых будет поселена в Тобольске, на р. Оби, в 300 верстах от железной дороги. Там для нее отведен губернаторский дом». Журналисты даже отметили, что узнав об отъезде в Сибирь, Николай II прослезился, заявив: «Себя мне не жаль, но жаль тех, кто за меня страдали и страдают». Характерная фраза! Из тех, кто сопровождал царскую семью в Тобольск,

назывались лейб-медик профессор Е. С. Боткин, воспитатель наследника П. Жильяр, фрейлина А. В. Гендрикова и гофлектриса Е. А. Шнейдер. На самом деле сопровождавших было гораздо больше — всего тридцать девять человек. Позднее в Тобольск прибыли еще шесть человек, но не все из них были допущены к венценосным арестантам.

Официальное правительственное сообщение о переводе Николая II и сопровождавших его лиц в Тобольск, подписанное А. Ф. Керенским, было опубликовано 6 августа. В нем заявлялось, что сделано это по соображениям государственной необходимости, а также что «вместе с бывшим императором и императрицей на тех же условиях отправилась в г. Тобольск *по собственному желанию их дети* и некоторые приближенные к ним лица» (курсив мой. — С. Ф.). Из сообщения следовало, что дети могли и не ехать вместе с родителями, тем самым не терять свободы. Большого цинизма для оправдания их ареста, а также для ареста сопровождавших Николая II и Александру Федоровну лиц придумать было сложно. Получалось, что при желании старшие дочери царя могли бы благополучно остаться в Петрограде или воссоединиться с родственниками, например, в Крыму. Оценивать с нравственной точки зрения подобные сентенции не приходится.

Вместе с правительственным сообщением газеты публиковали и краткую историю вопроса об отправке царя и о его будущей резиденции. Временное правительство обсуждало разные города — Казань, Екатеринбург, Орел, Саратов и другие, но большинство членов Кабинета якобы нашли эти местности неподходящими. Тобольск выбрали как наиболее отдаленный и спокойный город, где пребывание семьи гарантирует ее безопасность и предотвратит возможность «контрреволюционных попыток». Указывалось, что отправка Николая II и его близких в Сибирь — не кара. Временное правительство желало изолировать царскую семью на случай приближения войск неприятеля с Северного фронта и обеспечить ее безопасность. Жители России информировались, что в Тобольске семья будет пребывать под постоянной воинской охраной. Приведенное сообщение требует некоторых разъяснений. Во-первых, — как мы помним, Керенский в своих воспоминаниях указывал, что *лично* распорядился об отправке арестованных в Тобольск и только затем получил утверждение правительства. Следовательно, ни о каком коллегиальном решении не было и речи. Во-вторых, — перевод царя в Тобольск мог состояться не без влияния епископа Гермогена (Долганева), некогда друга, а затем непримиримого врага Григория Распутина, в 1912 году наказанного за

непослушание царской воле ссылкой в Жировицкий Успенский монастырь. В марте 1917 года владыку — как пострадавшего при самодержавии — реабилитировали, назначив епископом Тобольским и Сибирским. Важно отметить, что несмотря на борьбу с Распутиным Гермоген всегда оставался искренним монархистом, глубоко почитая царя и его семью.

О Гермогене писал председатель Екатеринбургского совета П. М. Быков, подчеркивавший, что епископ «все время вел с Петроградом какие-то переговоры. Вполне возможно, что в результате этих переговоров царская семья была водворена именно в Тобольск». Свидетельство уральского большевика использовал в своем исследовании российский историк Г. З. Иоффе, указавший также и на то, что в конце июля 1917 года в Петрограде состоялся съезд губернских комиссаров Временного правительства. На съезде присутствовал и тобольский комиссар В. Пигнатти. «Тогда-то, по-видимому, и были согласованы конкретные вопросы, связанные с переездом Романовых», — полагал Г. З. Иоффе. Вместе с царем в Тобольск выехали комиссар губернии, член Государственной думы В. М. Вершинин, комиссар Временного правительства П. М. Макаров и начальник отряда, охранявшего узников, — полковник Е. С. Кобылинский. Отряд состоял из 337 солдат и семи офицеров трех гвардейских стрелковых полков (1, 2 и 4-го). Провожая отъезжавших, Керенский обратился к солдатам с речью. Он призвал их держать себя с пленниками вежливо, а не по-хамски. Его призыв, судя по всему, был услышан.

В течение поездки по стране Николай II, как обычно, вел дневник, своеобразную краткую хронику путешествия на восток. Вагон, в котором поместили царя, ему понравился, кухня Китайско-Восточной железной дороги, заботившаяся о его питании, — тоже. Но были и раздражающие моменты. Царю, например, чрезвычайно не нравилось требование коменданта на всех станциях завешивать окна. Что делать! Это делалось, согласно инструкции, в целях безопасности арестованных.

Поздно вечером 4 августа поезд с бывшим самодержцем подошел к речной пристани Тюмени. Все пересели на пароход «Русь», но погрузка вещей продолжалась до утра. 5 и 6 августа царь с семьей продолжили путешествие по воде. Николаю II, его супруге и сыну предоставили по каюте 1-го класса, дочерям — одну пятиместную, свита расположилась в коридоре. Стрелки, ехавшие с ними в поезде, поместились внизу. В первый день, после обеда, пароход прошел мимо села Покровского, родины Григория Распутина. Так, благодаря стечению трагических обстоятельств, Николай II и Александра Федоровна вновь получили возможность

помянуть своего «Друга» и увидеть его дом. По воспоминаниям П. Жильяра, Распутин предсказал это: «Случай снова, казалось, подтверждал его пророческие слова».

Прибытие вечером 6 августа в Тобольск не означало переезда в город: в доме («губернаторском дворце») не все было готово, ремонт не закончился. На пароходе жили еще неделю. Болели и выздоравливали дети, время от времени устраивались небольшие прогулки и развлечения, но в целом господствовала скука, ничем особенным не прерываемая. Не было и никаких эксцессов. Спокойная провинциальная жизнь в пораженной революцией стране...

Тринадцатого августа утром семья перебралась наконец в губернаторский дом, в революционном духе названный «домом Свободы». Немедленно его осмотрели — от подвала до чердака. Расположились, как и предполагалось, на втором этаже. В 12 часов дня священник отслужил молебен и окропил все комнаты святой водой. На следующий день комиссар Временного правительства П. М. Макаров уехал в Москву. А через неделю власть назначила нового — В. С. Панкратова, снабдив его специальной инструкцией по охране царя и его семьи. Среди прочего он имел право просматривать переписку пленников и получаемые ими письма (тогда же выяснилось, что комиссар Макаров вообще не цензурировал царскую корреспонденцию).

В прошлом народник-революционер, осужденный за убийство жандарма на 20-летнее заключение и просидевший 14 лет в Шлиссельбургской крепости, Панкратов не проявил себя мстительным и черствым по отношению к царю человеком. Более того, он сразу же предупредил солдат охраны, что нельзя допускать грубости по отношению к пленникам и чинить им обид. «Отряд вполне оценил мое заявление, — вспоминал позднее Панкратов, — и доказал это тем, что за все пять месяцев моего комиссарства никто ни разу не проявил себя хамом. Поведение отряда было рыцарским».

Постепенно жизнь семьи в Тобольске наладилась. Обычно все жильцы губернаторского дома вставали в 9 часов утра и после утреннего чая занимались каждый своим делом — царь вместе со старшей дочерью читали, младшие дети делали уроки, Александра Федоровна преподавала Закон Божий и читала вместе с великой княжной Татьяной Николаевной. В 11 часов все выходили на прогулку в маленький сад, примыкавший к дому. В 1 час дня был завтрак, затем (до 4 часов) прогулка продолжалась. Во второй половине дня, после дневного чая, царские дочери вновь занимались уроками и рукодельничали, а Алексей Николаевич в течение

двух часов играл. В половине восьмого подавался обед, после которого свита, обедавшая и завтракавшая с Николаем II и Александрой Федоровной, оставалась на вечер. Устраивались игры в карты и домино, царь читал вслух (по большей части — произведения русских классиков). Страдая от недостатка физических упражнений, Николай II пожаловался полковнику Кобылинскому, который распорядился привезти бревна и купил пилы и топоры. Царь стал заниматься заготовкой дров для кухни и печей. Со временем к новому виду «спорта» пристрастились П. Жильяр и великие княжны.

Монотонность заключения утомляла пленников, вынужденных придумывать себе всевозможные развлечения. Одним из таких развлечений стали домашние спектакли (преимущественно на иностранных языках), в которых царь, наравне со своими детьми, принимал участие. И все же пленники очень скучали. Дочь доктора Е. С. Боткина, вспоминая об этом, писала, что великие княжны часто сидели на подоконниках в зале губернаторского дома и в течение часа или двух смотрели на пустынные улицы Тобольска. Заняться было нечем, время текло медленно. Царь, страстно любивший прогулки, пробовал добиться у комиссара Панкратова разрешения выходить за ограду губернаторского дома, но тот отказал. По-своему деликатный, комиссар не хотел объяснять Николаю II и лицам свиты, что для царя выход в город был небезопасен.

В газетах регулярно появлялись ложные сообщения о побеге царя, о его разводе и новой женитьбе, о переводе в монастырь, будоражившие население. Панкратов, дважды в неделю сообщавший Керенскому обо всем происходившем с царской семьей в Тобольске, просил принять меры против газетного вранья. Но ни одна мера не достигла цели. Пока появлялось опровержение, «утка» успевала облететь всю Россию. Контролировать ситуацию Временному правительству становилось все труднее. В адрес Николая II и его близких приходило все больше угрожающих писем. В результате, чтобы избавиться себя от бесконечных разговоров по поводу прогулок, Панкратов рассказал о получаемой им на адрес царя корреспонденции Е. С. Боткину. Не подозревавший об этом, доктор все понял.

...Ситуация накалялась по мере того, как страна «левела», постепенно скатываясь к большевизму. Предсказания Дурново исполнялись! С первых дней пребывания в Тобольске Николай II внимательно следил за стремительно развивавшимися событиями, постепенно теряя веру в возможность мирного разрешения внутривосточного кризиса. Он был чрезвычайно огорчен конфликтом между генералом Корниловым и

премьером Керенским, видя в генерале единственного человека, способного восстановить в России порядок. Но Корниловский мятеж был Временным правительством подавлен при помощи большевиков. Все было кончено (хотя агония Временного правительства продлилась еще почти два месяца). В те дни З. Н. Гиппиус назвала Керенского самодержцем-безумцем и рабом большевиков, аттестовав Николая II как самодержца-упрямца. Но если «упрямец», критикуемый и слева и справа, оставался у власти в течение многих лет, то «безумец» — только несколько месяцев 1917 года. Прав был барон Н. Е. Врангель, когда писал, что винить последнего царя за неспособность к управлению нельзя, ведь власть ему вручила Судьба, а Временное правительство схватилось за власть само, следовательно, оно полностью ответственно за неспособность к управлению. Из двух слабых и неспособных, полагал барон, самым неспособным оказалось Товарищество «Милюков, Керенский и Компания». Даже если не принимать мнение Врангеля о царе, нельзя не согласиться с его характеристикой политических наследников самодержавной власти. Они показали свою полную несостоятельность.

К сентябрю это окончательно понял и Николай II. Тогда-то в первый раз он и выразил сожаление по поводу своего отречения. Подчиняясь требованиям «общественности», царь верил в возможность новой власти довести войну до победного конца и избежать гражданской войны. Все получилось с точностью до наоборот. «Он страдал теперь при виде того, что его самоотречение оказалось бесполезным, — писал П. Жильяр, — и что он, руководствуясь лишь благом своей родины, на самом деле оказал ей плохую услугу своим уходом. Эта мысль стала преследовать его все сильнее и впоследствии сделалась для него причиной великих нравственных терзаний».

В такой ситуации оставалось только одно: жить «по нужде каждого дня», радоваться маленьким радостям и, как всегда, верить в милость Божью. Он продолжал заниматься с сыном, преподавал ему русскую историю. Уроки географии после 17 октября были переданы К. М. Битнер, бывшей начальнице Царскосельской Мариинской женской гимназии. Она же преподавала царским детям литературу. Школьная подготовка великих княжон и цесаревича не удовлетворила К. М. Битнер. «Очень многого надо желать, — говорила она комиссару Панкратову. — Я совершенно не ожидала того, что нашла. Такие взрослые дети и так мало знают русскую литературу, так мало развиты. Они мало читали Пушкина, Лермонтова еще меньше, а о Некрасове не слыхали. О других я уже и не говорю. Алексей не проходил именных чисел, у него смутное представление о русской

географии. Что это значит? Как с ними занимались? Была полная возможность обставить детей лучшими учителями, — и этого не было сделано». Полагаю, что подобная «неразвитость» стала платой за домашнюю изоляцию, в которой выросли великие княжны, совершенно оторванные от мира их ровесников. Наивные и чистые девушки не имели, в отличие от матери, глубоких философских познаний, хотя и были, судя по всему, начитаны в богословской литературе. Александра Федоровна больше заботилась о правильном воспитании (как она его понимала), чем о полноценном образовании дочерей и наследника. Было ли это результатом сознательной педагогической политики императрицы или же ее недосмотром? Кто знает... Екатеринбургская трагедия навсегда закрыла этот вопрос. Дети разделили судьбу поверженных революцией родителей.

...Осень 1917 года, как мы уже знаем, не принесла успокоения царю, — из газет, приходивших с опозданием, он знал, что правительство не имеет никаких рычагов, позволяющих ему реально управлять страной. 17 ноября царь записал в дневнике: «Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и Москве! Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени». Так он отметил приход к власти большевиков, а на следующий день назвал их «подлецами» — за предложение «заклучить мир, не спрашивая мнения народа, и в то время, что противником занята большая полоса страны». Утешение было только в молитве, посещение храма для царской семьи в тот период стало самой большой радостью и отдохновением. Заключение лишь укрепило их веру, научив с христианским смирением переносить свое положение.

Новое ленинское правительство — Совет народных комиссаров — вспомнило о тобольских узниках уже в первые дни после прихода к власти. 30 ноября 1917 года СНК обсуждал вопрос «О переводе Николая II в Кронштадт», вынесенный в связи с соответствующей резолюцией некоторых кораблей и частей Балтийского флота. Тогда перевод признали преждевременным. Вслед за этим на основе полученных сообщений из Тобольска большевики опубликовали несколько опровержений о бегстве Романовых. Снова слухи! Они в то время будоражили жизнь России непрерывно. Современники часто отмечали их нелепость, однако остановить поток лживых известий никто не мог. Они формировали жизнь революционной страны не меньше (если не больше), чем извещения «официальных» властей. К тому же властям этим не слишком доверяли, разуверившись в их способности навести хоть какой-нибудь порядок.

Большевики внимательно следили за тем, чтобы бывшим правителям России не было никаких послаблений, хотя первоначально серьезно

повлиять на их жизнь не могли. Однако время работало на них, гражданская война разгоралась, а вместе с ней в народе росли ненависть и неприязнь. Те годы стали доказательством страшной истины: зло не менее заразно, чем любая инфекционная болезнь. Агрессия постепенно получала права на существование и проявлялась по любому поводу. В очередной раз царская семья испытала это на Рождество. На богослужении диакон по указанию священника громогласно провозгласил многолетие Императорскому дому (в жизни царя и царицы это было в последний раз!). Разразился настоящий скандал. Присутствовавшие при этом солдаты потребовали удаления провинившегося священника. В дальнейшем солдаты даже вынесли постановление о его убийстве. Результатом инцидента стало ужесточение режима содержания и более строгое наблюдение за пленниками. Особенно возмущались представители местного Совдепа.

Дело постарался уладить местный архиерей Гермоген (Долганев). В письменной форме он заявил революционно настроенным депутатам, что Россия юридически не есть республика, и объявить ее таковой полномочно лишь Учредительное собрание, что, согласно Священному Писанию, государственному и каноническому праву, церковным канонам и данным истории, бывшие монархи, находящиеся вне управления своей страны, не лишаются сана как такового и соответствующих им титулов. Следовательно, священник, дозволивший провозглашение многолетия, ничего предосудительного не совершил. По тем временам это было смелое заявление, которое не могло вызвать сочувствия депутатов, более руководствовавшихся принципами революционного правосудия. Для них Николай II был «бывшим» монархом и «кровавым палачом» собственного народа. И только.

Третьего января 1918 года солдатский комитет отряда особого назначения постановил «снять погоны, чтобы не подвергаться оскорблениям и нападениям в городе». Для царя это было непостижимо. Всегда трепетно относившийся к армейской форме, он воспринял запрет на ношение погон как личное оскорбление. Не желая носить форму без погон, командир отряда полковник Кобылинский на следующий день пришел на службу в штатской одежде. Впрочем, солдатская инициатива должны была найти подтверждение во Всероссийском центральном исполнительном комитете. Некоторое время спустя санкцию получили. Резолюция, вынесенная секретарем ВЦИК, гласила: «Сообщите, что б[ывший] ц[арь] находится на положен[ии] арестован[ного] и решение отряда [нахожу] правильным». Телеграмма из Москвы была получена в начале апреля, и

Николай II вынужден был подчиниться. Ефрейторские погоны требовалось снять и с маленького наследника. С тех пор на прогулки царь выходил без погон, надевал их только в доме. «Этого свинства я им не забуду!» — в сердцах записал он в дневнике.

Развязка приближалась с каждым днем. Борьба с прошлым окончательно и бесповоротно персонифицировалась с последним самодержцем, ограничение прав которого рассматривалось с точки зрения пресловутых «интересов пролетарской революции». Неслучайно в том же январе 1918 года, когда в Тобольске заговорили о погонах, в президиуме ВЦИКа и в СНК стали обсуждать возможность открытого суда над Николаем II. 29 января ленинские наркомы слушали сообщение о переводе царя в Петроград для предания суду. Тогда ничего не решили, но уже 20 февраля вопрос вновь оказался на повестке дня. В результате комиссариат юстиции и представители Крестьянского съезда, завершившего свою работу незадолго до этого, получили задание подготовить следственный материал по делу Николая II. Вопрос о переводе царя отложили до его пересмотра в СНК.

Советская власть в Тобольске тогда еще не была окончательно установлена, но влияние большевиков неуклонно росло. Утративший после падения Временного правительства связь с центром комиссар В. С. Панкратов оказался в положении представителя несуществующей власти. Кроме того, изменялся и личный состав охранявшего царскую семью отряда. На смену выбывших старых солдат из большевистского Петрограда прислали новых. Обстановка в отряде резко ухудшилась, начались раздоры.

«Мои противники, — вспоминал Панкратов, — старались выставить истинной причиной всего этого меня, как комиссара, который не устанавливает никаких отношений с центром.

Мои сторонники, солдаты отряда, приходили меня уговаривать, уверяя, что если я соглашусь уступить, то отряд успокоится».

И Панкратов уступил. 24 января 1918 года он подал в комитет Отряда заявление о своем уходе с поста комиссара. Можно предположить, что его отставка стала одним из последствий обращения делегации представителей отряда в СНК и во ВЦИК, встречи с Я. М. Свердловым.

Ухудшалось и материальное положение пленников. При отъезде в Тобольск Керенский выдал Кобылинскому значительную сумму денег, из которой оплачивались содержание прислуги и стол свиты. Деньги должны были высылаться ежемесячно. Однако уже в октябре Петроград ничего не прислал, но Кобылинский не хотел обращаться к не признанному тогда Тобольском большевистскому правительству и первое время пытался

самостоятельно решать материальные проблемы. Однако без центральной власти и ее поддержки продолжать вести прежний образ жизни царская семья не могла. И не только по причинам материального свойства (в конце концов, у царя имелись собственные средства). Дело было в том, что большевики решили перевести семью Николая II на солдатский паек и позволили ему тратить не более 150 рублей в неделю на человека. По воспоминаниям дочери доктора Боткина — то есть Мельник, на содержание всех (царя, царицы, их детей, свиты и прислуги) ежемесячно отпускалось по четыре тысячи рублей. «Свита, конечно, тотчас стала платить за себя, но не так-то легко было устроиться с прислугой». Платить ей жалованье приходилось исходя из выделенного государством лимита в четыре тысячи рублей. Пришлось ввести режим жесткой экономии. 27 февраля Николай II записал в дневнике: в последние дни «все мы были заняты высчитыванием того минимума, кот[орый] позволит сводить концы с концами». По этой причине царской семье пришлось расстаться со многими из тех, кто приехал вместе с ними в Tobольск, так как возможности содержать всех уже не было. Но мир не без добрых людей: вскоре в Tobольск стали приходить посылки с маслом, кофе, печеньем и вареньем. «Так трогательно!» — заметил по этому поводу царь в дневнике.

В свою очередь, представители местной власти старались как можно сильнее оскорбить царя, показать ему, что теперь он — самый обыкновенный, рядовой человек. *Такой, как все.* Ему выписали продовольственную карточку за номером 54 и в графе «Звание» написали — «Экс-император». Согласно правилам, владелец карточки получал продукты только при ее предъявлении в городской лавке или лавке некоего кооператива «Самосознание»; в случае утраты карточки — лишался права на получение ее дубликата (если не мог доказать утрату «официальными данными»); мог узнавать нормы выдачи и цены в названных лавках и не имел права передавать карточку другому лицу. То, что «экс-император» не имел права получать продукты в городских лавках, так как считался заключенным, вовсе не заботило тех, кто выписал ему эту карточку. Унижение царя было одной из тактических задач властей, осознававших себя борцами с «проклятым прошлым». Их орудием стали охраняющие семью солдаты, своими придирками и поведением систематически изводившие пленников.

Чем больше укреплялась власть Советов, тем очевиднее становилось, что положение царя и его близких будет только ухудшаться. В этих условиях освобождение из заточения становилось единственной возможностью избежать трагической развязки. По воспоминаниям П.

Жильяра, и царь, и царица, несмотря на постоянно растущую тревогу, сохраняли надежду, «что среди верных им людей найдется несколько человек, которые попытаются их освободить». Наглый, но небрежный надзор делал надежду на освобождение реальной. Однако Николай II ставил два условия, сильно осложнявшие дело: во-первых — он не допускал и мысли о разлучении семьи, а во-вторых — не желал покидать Россию. Царь был убежден, что он и его близкие смогут жить на родине. Это было настолько возвышенно, насколько и наивно.

И все же надежда на побег оставалась. Побегу сочувствовал и епископ Гермоген, планировавший привлечь к делу тобольский «союз фронтовиков», которому пожертвовал четыре тысячи рублей. Примечательно, что весной владыка получил письмо от вдовствующей императрицы Марии Федоровны, в котором она призывала Гермогена спасти Родину, вспоминая о подвигах героя Смутного времени — патриарха Гермогена. Спасти Родину и царя епископу не удалось. В июне 1918 года он сам оказался жертвой красного колеса. Так неумолимый рок событий нес последнего русского самодержца навстречу смерти. 26 марта из Омска в Тобольск прибыл первый большевистский отряд в составе ста человек, через два дня явились еще пятьдесят красногвардейцев из Тюмени. Вскоре из-за недисциплинированности тюменцы вынуждены были отправиться обратно, а им на смену приехали красные екатеринбуржцы. И омичи, и екатеринбуржцы стремились проникнуть в губернаторский дом и навести там свой порядок. Солдаты отряда особого назначения наотрез отказались исполнять требования уральцев. Патрули и караулы вокруг дома были усилены. Но конфликт погасить не удалось.

Ситуация накалялась, большевики все чаще говорили о желании царя «удрать из Тобольска», о том, что в город съезжаются «черносотенцы», готовящие побег. Уральский обком партии принял решение в целях его предотвращения организовать в Тобольске подлинно революционный Совет рабочих и солдатских депутатов, приставив к царю надежную охрану. Для выполнения поставленной задачи были командированы проверенные большевики — Павел Хохряков, Семен Заславский и Александр Авдеев. Через несколько месяцев именно Авдеев станет комендантом Дома особого назначения в Екатеринбурге, где будут содержаться Николай II и его близкие. Его, человека сильно пьющего и вороватого, отстранят от должности лишь 4 июля, менее чем за две недели до убийства царской семьи. Но все это еще впереди. А тогда, весной 1918 года, план предусматривал укрепление позиций уральцев, желавших перевести царскую семью в Екатеринбург.

В начале апреля 1918 года в Тобольске, под давлением уральских большевиков, прошли перевыборы Совета. Большинство мест получили сторонники ленинской партии. 9 апреля состоялось первое заседание нового исполкома Совета, председателем которого избрали бывшего матроса Балтийского флота и одного из организаторов екатеринбургской ЧК П. Д. Хохрякова. Авдеев и Заславский стали членами исполкома. Комиссара Временного правительства Пигнатти арестовали, местную думу и земство распустили. Опасаясь побега Николая II («как только вскрыется река Иртыш»), уральцы требовали немедленной высылки царской семьи из Тобольска. После переговоров с ЦК большевистской партии Хохряков, Заславский и Авдеев получили сообщение, что ВЦИК высылает в Тобольск особоуполномоченного В. В. Яковлева, который и должен вывезти Николая II на Урал. Настоящая фамилия особоуполномоченного была Мячин. Он был профессиональный революционер, в годы первой революции руководил действиями уральских боевиков-экспроприаторов. Некоторое время он проживал в эмиграции, в Россию вернулся после Февраля. В октябре 1917 года он входил в Военно-революционный комитет, принимал участие в Октябрьском перевороте. Был одним из организаторов ВЧК. Проверенный борьбой «солдат партии», хорошо известный Ленину и Свердлову, Яковлев пользовался их исключительным доверием. Весной 1918 года в очередной раз он должен был это доверие оправдать.

Приблизительно в то же время в Москву был послан делегат отряда особого назначения. 1 апреля 1918 года он выступил на заседании президиума ВЦИКа. Согласно принятому постановлению, предусматривалось сформировать отряд из двухсот человек для подкрепления караула и «в случае возможности» перевести всех арестованных в Москву. Пять дней спустя, в дополнение к ранее принятому постановлению, ВЦИК поручил Я. М. Свердлову снестись с Екатеринбургом и Омском, сообщить им о назначении подкрепления и о переводе арестованных на Урал. Историк Г. З. Иоффе полагал, что между двумя постановлениями состоялись какие-то переговоры центра с уральцами, и центр уступил, согласившись отправить царскую семью на Урал. Выполнить решение и должен был Яковлев.

В середине апреля Яковлев прибыл в Уфу, где в его отряд включили 15 кавалеристов, 100 пехотинцев (при четырех пулеметах), двух телеграфистов и сестру милосердия. Вскоре после его отъезда, вдогонку, из Уфы было послано подкрепление. Но рассчитывать только на силу Яковлев не мог. Ему необходимо было завоевать доверие отряда особого назначения. С поставленной задачей особоуполномоченный центра

успешно справился: отряд признал его мандат. В 11 часов утра 23 апреля Яковлев посетил губернаторский дом и встретился с царем. «Он вошел, бритое лицо, улыбаясь и смущаясь, — записал в тот день Николай II, — спросил, доволен ли я охраной и помещением. Затем почти бегом зашел к Алексею, не останавливаясь, осмотрел остальные комнаты и, извиняясь за беспокойство, ушел вниз. Так же спешно он заходил к другим в остальных этажах». Александра Федоровна была еще не готова, поэтому Яковлев пришел спустя полчаса снова, представился царице, зашел в комнату цесаревича и удалился.

Через два дня он опять явился и в присутствии полковника Кобылинского объявил царю, что получил приказание увезти его из Тобольска. Решение было окончательным и не могло измениться. Поскольку цесаревич болел, то Москва разрешила Яковлеву увезти одного царя. «Протестовать не стоило», — отметил в своем дневнике Николай II. Александре Федоровне предстояло сделать нелегкий выбор: либо остаться с больным сыном, либо ехать вместе с супругом неизвестно куда. «Решила сопровождать его, — в тот день записала в дневнике царица, — т[ак] к[ак] я могу быть нужнее и слишком рискованно не знать, где и куда (мы представляли себе Москву). Ужасные страдания. Мария едет с нами. Ольга будет ухаживать за Бэби (Алексеем Николаевичем. — С. Ф.), Татьяна — по хозяйству, а Анастасия приведет все в порядок». Александра Федоровна опасалась, что ее супруга заставят подписать соглашение с немцами, тем самым «легализовав» Брестский мир. Она не могла себе представить, насколько велико презрение большевистских лидеров к «старой морали» как в жизни, так и в политике. Накануне отъезда она дала поручение старшим дочерям — Ольге и Татьяне — спрятать в одежде фамильные драгоценности, вывезенные из Царского Села (из большей части ювелирных украшений камни были вынуты и зашиты в платье и белье). Они выполнили наказ матери.

...На следующий день, в 4 часа утра пленников вывезли из Тобольска. Вместе с бывшими венценосцами и их дочерью ехали князь В. А. Долгоруков, доктор Е. С. Боткин, горничная А. С. Демидова, камер-лакей Т. И. Чемодуров и лакей И. Д. Седнев. Везли их в обыкновенных крестьянских повозках, представлявших собой большие плетеные корзины, положенные на две длинные жерди (служившие рессорами). Дорога на Тюмень (почти 260 верст!) предстояла тяжелая: начиналась весенняя распутица. Как вспоминал сам Яковлев, в дороге царь чувствовал себя хорошо, интересовался тремя вопросами: семьей, погодой и едой. То, что Николай II с представителем большевиков мог иметь только формальное

общение, Яковлеву, очевидно, не приходило в голову. Из путешествия он вынес впечатление об удивительной ограниченности последнего самодержца. Об Александре Федоровне, наоборот, он был высокого мнения, как об очень хитрой и гордой женщине, имевшей на супруга сильное влияние. Под большим влиянием матери, по мнению Яковлева, находилась и великая княжна Мария, «молодая девушка, совершенно неразвитая для своих лет» и не имевшая о жизни никакого понятия. Обсуждать и оценивать сказанное Яковлевым, полагаю, бессмысленно: не имея никакого представления о внутренней жизни царской семьи, о дружбе, согласии и любви всех ее членов, особоуполномоченный большевистской власти увидел то, что мог и, главное, захотел увидеть.

Проехав 130 верст и переправившись через Иртыш, царская семья остановилась на ночевку в селе Иевлеве. Разместились в большом чистом доме, в котором раньше был деревенский магазин. Однако и там, на полпути в Тюмень, Яковлев не сообщил пленникам, куда в конце концов они должны прибыть. На следующий день вновь отправились в путь. Реку Тобол пришлось переходить пешком: со дня на день ожидался ледоход. В селе Покровском перепрягали лошадей, «долго стояли как раз против дома Григория и видели всю его семью, глядевшую в окна». Это было своеобразное прощание с «Другом». Для Николая II и Александры Федоровны посещение Покровского имело мистический, провиденциальный смысл. Вечером того же дня Яковлев доставил царскую семью в Тюмень и посадил на поезд.

Ни царь, ни его супруга не знали тогда, что они рискуют и в любую минуту могут стать жертвами жаждавших их крови екатеринбургских большевиков. Зато Яковлев это хорошо понимал и не желал оказаться в положении «разменной монеты» и погибнуть вместе с Николаем II. Для него не было секретом, что уральские большевики готовили нападение на царя. В случае удачи в живых не осталось бы никого из сопровождавших Николая II, включая самого Яковлева. К тому же уже в пути Яковлев получил дополнительные сведения о готовившемся нападении екатеринбургских отрядов, весной 1918 года прибывших в Тобольск. Спасти жизнь Романовых тогда удалось за счет быстрой езды и бдительной охраны, доверенной уфимским красногвардейцам.

Но опасность нападения осталась и после прибытия в Тюмень: навстречу царскому поезду руководители Урала хотели выслать ряд дополнительных подразделений 1-го Уральского полка. Нападение на поезд под провокационным предлогом планировалось на пути к Екатеринбургу. Пытаясь изменить сценарий развития событий, Яковлев еще из села

Иевлева направил большевистским лидерам Урала телеграмму, в которой выразил протест против действий их представителей, а в Тюмени вступил в переговоры со Свердловым и Лениным. Яковлев поставил вопрос о необходимости изменить маршрут, заявив, что «груз» (так в целях конспирации назывались перевозимые пленники) лучше доставить через Омск — Челябинск в Симский горный округ, и там ждать распоряжений. Свердлов просьбу удовлетворил.

Неудовлетворенными остались уральские большевики. Узнав на следующий день, 28 апреля, о выезде литерного поезда № 42 в Омск, они объявили Яковлева изменником революции, потребовали остановить поезд и принять самые решительные меры. Правда, в ходе начатых затем переговоров с Лениным и Свердловым уральцы выяснили, что Яковлев не своевольничает. Обвинение в измене делу революции уральцы с него сняли, но намеченный Яковлевым план отменили, добившись от центра разрешения вернуть поезд в Тюмень для дальнейшего следования в Екатеринбург. Они говорили Москве и о том, что обеспечат безопасность бывшего самодержца, *но только в смысле предотвращения его похищения*. В итоге Москва согласилась на передачу «груза» в Тюмени. Однако Яковлев, зная о настроениях уральцев, решил не подчиняться Москве и самостоятельно доставить царя в Екатеринбург — под охраной своего проверенного отряда.

Тридцатого апреля в 8 часов 40 минут поезд прибыл в Екатеринбург — один из самых антимонархически настроенных центров Сибири и Урала. Для проживания царской семьи там срочно подготовили дом Ипатьева. Особняк обнесли высоким деревянным забором. Уральский историк И. Ф. Плотников полагает, что сама «срочность» подготовки дома Ипатьева к приему пленников говорит о многом. «Не значит ли это, — пишет ученый в книге «Правда истории: Гибель Царской Семьи», — что был расчет на то, что Семья по дороге обязательно „погибнет“, и подготовка к ее приему была вовсе ни к чему до предотвращения готовившегося акта убийства, широкой огласки этого по Уралу и Сибири и требования „гарантий“? Да, Мячин из-за очевидного недопонимания подлинной задачи (при реализации которой он мог оказаться и „козлом отпущения“) стремился доставить семью именно живой и спутал кое-кому карты». Возвращаться в Тобольск и перевозить цесаревича и великих княжон в Екатеринбург он не стал. В мае операцию провели силами ВЧК и уральцев.

Вместе с цесаревичем и великими княжнами в Екатеринбург приехали 27 человек из окружения и прислуги. Но в Дом особого назначения допустили не всех. Некоторых арестовали и впоследствии расстреляли,

некоторым даровали свободу. «Я и сейчас не могу понять, чем руководствовались большевистские комиссары при выборе, который спас нашу жизнь, — вспоминал воспитатель цесаревича П. Жильяр, не допущенный в Дом особого назначения. — Зачем было, например, заключать в тюрьму графиню Гендрикову и в то же время оставлять на свободе баронессу Буксгевден, такую же фрейлину Государыни? Почему их, а не нас? Произошла ли путаница в именах и должностях? Неизвестно». Получилось так, как получилось. Придворные и слуги последнего самодержца оказались, как и он сам, заложниками гражданской войны.

В сложившихся условиях и монархическая Германия не пришла на помощь царским узникам. Конкретное решение о судьбе «немецких принцесс» (Александры Федоровны и ее дочерей) немцы не могли принять, понимая важность сохранения Брестского мира с Советской Россией, с одной стороны, и, с другой, — учитывая запутанность политической обстановки в самом русском монархическом лагере. Но в истории действуют не только «объективные законы», есть и пресловутый «человеческий фактор». Исходя из этого можно сказать, что, по большому счету, кайзер Вильгельм II принес в жертву государственным интересам (достаточно узко понимаемым) своих лишенных власти родственников. Жертва оказалась напрасной: ноябрьская революция 1918 года навсегда покончила с династией Гогенцоллернов, а Вильгельм II вынужден был бежать из собственной страны. Предсказания Дурново оправдались и здесь! Гибель Российской империи повлекла за собой и гибель Германской империи. Война, ради победы в которой кайзер был готов на все, завершилась поражением. Увы, Николай II не узнал об этом. Его жизнь оборвалась на четыре месяца раньше...

Итак, начиная с весны 1918 года судьба Романовых полностью зависела от воли большевиков, — как руководивших страной из Кремля, так и уральских. Ненависть последних к династии была хорошо известна и проявилась уже в день приезда царя в Екатеринбург. На станции Екатеринбург-1 скопилась толпа, выкрикивавшая требования вывести царя на обозрение. Стоявшая на платформе охрана не могла сдерживать ее натиск. Яковлев приказал приготовить пулеметы — это подействовало отрезвляюще. Народ отпрянул, проклиная уже самого Яковлева. Но время было выиграно: длинный товарный состав отделил кричащих от царского поезда. Через несколько минут поезд остановился у безопасной станции Екатеринбурга. «Стояли целую вечность и вместе с поездом двигались то назад, то вперед, пока наши 2 ком[иссара] Яковлев и Гузаков вели с

Совд[епом] переговоры о здешних обстоятельствах, — записала в тот день в дневнике Александра Федоровна. — В 3 [часа] приказали выбираться из поезда. *Яковл[еву]* пришлось передать нас *Ур[альскому] Областн[ому] Совету*. Их начальник посадил нас 3-х в открытый автомобиль, нас сопровождал грузовик с вооруженными до зубов солдатами. Ехали по окольным улицам, пока не приехали к небольшому домику, вокруг которого был сооружен высокий деревянный забор. Здесь новая охрана, и офицер, и другие гражданские лица просмотрели весь наш багаж». Сопровождавшие пленников восемь солдат отряда особого назначения в тот же день были разоружены и посажены в тюрьму, откуда, правда, благодаря заступничеству Яковлева через два дня были выпущены. С того времени ответственность за жизнь Романовых взяли на себя уральцы. Председатель исполкома Уралоблсовета А. Г. Белобородов и был тем начальником, о котором написала Александра Федоровна. Вскоре он станет одним из главных организаторов убийства семьи и многие годы спустя будет гордиться этой страницей собственной биографии. Но закончит он плохо — в 1938 году его расстреляют в подвале НКВД. А в 1950-е годы реабилитируют — посмертно.

Как жила семья последнего самодержца в последние несколько месяцев? Как и в Тобольске, только хуже. Караул размещался в нижнем, полуподвальном этаже дома, семья и слуги — наверху. В одной комнате разместились Николай II и Александра Федоровна, общую, примыкавшую к ней, заняли великие княжны, а отдельную выделили наследнику. Слуги разместились на кухне и в соседней с ней проходной комнате. Комнатная девушка А. Демидова ночевала в столовой. Позднее, когда наследник стал жить в общей с матерью и отцом комнате, перебралась в его комнату. Доктор Боткин спал в зале-гостиной. Стесненность была не главной проблемой екатеринбургского житья царской семьи и их верных людей. Не стоит акцентировать внимание и на вопросе о питании, хотя оно, несомненно, ухудшилось. Важнее было другое: режим содержания узников в целом ужесточился: были введены крайние ограничения на прогулки, запрет открывать окна в знойное время суток, никак не пресекались хамство и хулиганство охранников по отношению к великим княжнам, процветало и не наказывалось воровство. Если в Тобольске отряд особого назначения состоял из солдат, прошедших войну, дисциплинированных и в большинстве своем честных, то в Екатеринбурге новая охрана заставляла желать много лучшего.

Царская семья коротала время за чтением, игрой в карты и беседами. Иногда в дом приглашали священников и служили обедню. «Несносно

сидеть так взаперти и не быть в состоянии выйти в сад, когда хочется, и провести хороший вечер на воздухе! Тюремный режим!!» — записал однажды царь в дневнике.

Режим был действительно тюремным. Весной 1918 года он применялся уже ко всем членам бывшего Императорского дома, не исключая и тех, кто никакой политической роли в жизни страны не играл. Большевики стремились уничтожить Романовых не только «идеологически», но и физически. Окончательно это стало ясно после убийства брата царя, великого князя Михаила Александровича. Он открыл романовский мартиролог. Цареубийство, совершенное в подвале Ипатьевского дома, было предварено драмой в Перми.

Первый раз Михаила Александровича лишило свободы Временное правительство — в конце августа 1917 года. Вместе с ним под домашним арестом оказалась его супруга графиня Н. С. Брасова. Аналогичным образом поступили и с семьей великого князя Павла Александровича — княгиней Палей и их сыном Владимиром. Сообщая об аресте Михаила Александровича, великий князь Сергей Михайлович писал брату, что по распоряжению Керенского в Гатчину, где жил тогда брат последнего самодержца, явился лейбгвардии Стрелковый полк. «Можно предположить, — писал Сергей Михайлович, — что после ареста кое-каких контрреволюционных организаций открыт был заговор без участия самого Миши, клонившийся к его воцарению. По-моему, арест это неосторожный шаг правительства. Могли арестовать контрреволюционные организации, но его не надо было трогать». Неосторожность была вскоре исправлена, и великого князя освободили. Но сам факт ареста показывал, куда качнулся исторический маятник. «Левые» настроения брали верх, борьба с «контрреволюцией» становилась самоцелью, даже когда за этим странным словом ничего не стояло.

Второй раз великого князя арестовали уже в октябре 1917 года. Арест санкционировал Петроградский военно-революционный комитет. Но и этот арест был краткосрочным. Михаил Александрович скромно жил в Гатчине, не принимая никакого участия в политической жизни взбаламученной революцией страны. По некоторым сведениям, его секретарь, англичанин Н. Н. Джонсон получил для него визу в Великобританию, но Михаил Александрович не принял ее. Гатчинская жизнь великого князя завершилась весной 1918 года, когда постановлением ленинского СНК от 9 марта его вместе с Н. Н. Джонсоном «до особого распоряжения» выслали в Пермскую губернию. В Перми Михаил Александрович проживал в номерах «Королёвской гостиницы». Политически не ангажированные современники

вспоминали, что его присутствие не вызывало у жителей города никакого интереса, хотя ввиду господствовавшего тогда террора общаться с ним боялись. Великий князь свободно ходил по магазинам, покупал продукты и прочие вещи [\[126\]](#).

Так продолжалось до конца мая 1918 года, когда свобода царского брата стала раздражать большевистских активистов Перми. Один из них, рабочий-большевик А. В. Марков, указывал, что прогулки Михаила Александровича совпали по времени с описью церковных имуществ. «Набожные старухи», узнав о пребывании в Перми великого князя, начали совершать «паломничества» к тем местам, где он гулял, «чтобы хоть глазком взглянуть на будущего помазанника Божия». Оценив все это как угрозу революции и опасаясь бегства великого князя, «активисты» решили «Михаила Романова изъять из обращения путем похищения его из „Королёвских номеров“». Идея зародилась у партийного вожака местных рабочих Г. И. Мясникова, даже по большевистским меркам — «левака».

В ночь с 12 на 13 июня несколько «активистов» буквально вытащили великого князя и его секретаря из гостиницы, отвезли за город и там расстреляли. Только на следующий день, вернувшись на место преступления, убийцы зарыли трупы Михаила Александровича и Джонсона. Никакого раскаяния в совершенном преступлении никто из «активистов» не испытывал. Наоборот. Мясников (волею судьбы в дальнейшем эмигрировавший из России, вернувшийся обратно и расстрелянный в эпоху сталинского террора) даже написал трактат «Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова». Его психология не только ужасает, но и удивляет. Для Мясникова образцом свободной личности является Смердяков, бунтующий герой-смерд. Убийство Михаила, по Мясникову, — это ликвидация знамени и программы всех контрреволюционных сил. Логика его понятна: борьба с этими силами — главное дело революционера. Таким образом, убийство получает свое оправдание. «А все-таки странно, — замечает Мясников. — Иван Сусанин. Крестьянин. Спасает Михаила Романова, Михаила I. А я, рабочий, изгой, смерд, закуп, тоже сын крестьянина, уничтожаю Михаила II и последнего. Начало и конец, альфа и омега...»

Сказанное можно признать гимном новому миру, который исполняет человек, поверивший в то, что он возможен только на руинах проклинаемого прошлого. Конечно, и для Мясникова революция — это трагедия истории, трагедия трудовых масс и «отживших классов». Но зло неизбежно должно переродиться в добро, в царство трудового человека. В новом доме трудящихся места для Михаила Александровича не

предусматривалось: он должен был дать ответ за дела царственных поколений, которые «предпочли бы царствовать, а не умирать». Все предельно просто и жестоко. Предсказанный Мережковским Хам громко заявил о своем моральном *credo*. Идея выше правды, выше честности и права человека на жизнь.

Уже 13 июня ЧК Пермского округа послала в центр телеграмму о похищении великого князя и его секретаря. Розыски результатов не дали, но самые энергичные меры были приняты. В «Известиях Пермского уездного исполкома Совета крестьянских и рабочих депутатов» от 18 сентября 1918 года должно было появиться сообщение Пермской ЧК о задержании «сбежавшего» Михаила Александровича и история его «поимки». Но в последний момент информацию решили снять: вместо статьи появился черный квадрат. В других губернских и уездных газетах подобные объявления тоже были сняты и вместо них появились белые квадраты. Современные исследователи полагают, что «перед нами одно из звеньев сложной операции со всеми ее элементами, включая дезинформацию». Брат царя сбежал, — следовательно, необходимо ужесточить содержание под стражей бывшего венценосца, его супруги и детей в Екатеринбурге и членов дома Романовых, сосланных в Алапаевск, — на всякий случай. «Репетиция была проведена, сценарий апробирован. Впереди был главный акт драмы: Екатеринбург и Алапаевск»^[127].

Николай II был обречен и, по логике новой власти, должен был умереть. Как и когда это будет, тогда еще не знали, но что будет — не сомневались. Еще 19 мая 1918 года на заседании ЦК большевистской партии Свердлов сообщил, что в президиуме ЦИКа стоит вопрос о дальнейшей участи царя, а также о том, что этот вопрос ставят и уральцы, и левые эсеры. Какое же решение приняли члены ЦК? Не предпринимать пока ничего, озаботившись лишь необходимыми мерами предосторожности. Более ни в одном из протоколов ЦК или в других официальных документах партийных верхов о последнем самодержце не упоминалось. По мнению Г. З. Иоффе, постановление от 19 мая подтверждает прямую зависимость судьбы Романовых от центра: без его санкций или прямых консультаций с ним эта судьба не могла решаться. Уральский историк И. Ф. Плотников также полагает, что роль Москвы была основополагающая. Решение, по его мнению, приняли «в Кремле, а в Екатеринбурге все решалось дублирующе-формально, для прикрытия центра, оповещения общественности, что все совершено на месте». Проводившая источниковедческий анализ документов центральных и советских органов московская исследовательница Л. А. Лыкова тоже

убеждена в том, что расстрел царской семьи — инициатива не Уралоблсовета, а СНК и ВЦИКа и их руководителей, в том числе и Ленина. Л. А. Лыкова не исключает того, что глава советского правительства вел переговоры с председателем исполкома Уралоблсовета А. Г. Белобородовым.

К сожалению, у нас нет возможности подробно освещать историю убийства. Во-первых, это потребовало бы отдельного большого разговора и заставило бы отойти от рассмотрения главной темы: биографии последнего самодержца, а во-вторых, о екатеринбургской трагедии за последнее время опубликовано множество серьезных работ, в которых анализируются подробности екатеринбургского убийства. Достаточно указать на уже цитировавшиеся книги: Ю. А. Буранова и В. М. Хрусталева («Гибель Императорского дома»), Г. З. Иоффе («Революция и судьба Романовых»), И. Ф. Плотникова («Правда истории. Гибель Царской Семьи»), Л. А. Лыковой («Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи»), и на новую монографию — Н. Л. Розановой («Царственные страстотерпцы. Посмертная судьба»). В перечисленных работах изучены как известные материалы, давно введенные в научный оборот, так и источники, найденные в последнее время. Разумеется, авторы внимательно изучили ранние книги об убийстве царской семьи: М. К. Дитерихса и Н. А. Соколова. Таким образом, у меня есть возможность кратко изложить основную канву событий, опираясь на проведенную отечественными исследователями глубокую и всестороннюю работу.

Лето 1918 года для большевиков было трудным временем: решался вопрос, быть или не быть новой власти. В этих условиях вопрос о будущем царской семьи невозможно было откладывать, но что именно делать — никто не знал. Л. Д. Троцкий в своих воспоминаниях писал, что он предлагал устроить открытый судебный процесс, на котором была бы развернута картина всего царствования Николая II; по радио (это в 1918 году!) его ход должен был передаваться по всей стране, а отчеты — читаться и комментироваться каждый день. Ленин положительно отреагировал на предложение, но, очевидно, сомневался в осуществлении задуманного. Времени на организацию процесса могло не хватить. «Прений никаких не вышло, — вспоминал Троцкий, — т[ак] к[ак] я на своем предложении не настаивал, поглощенный другими делами. Да и в Политбюро нас, кажется, было 3–4: Ленин, я, Свердлов... Каменева как будто не было. Ленин в тот период был настроен довольно сумрачно, не очень верил тому, что удастся построить армию». В результате никакого суда не вышло. А политическая ситуация ухудшалась день ото дня. Опять

поползли слухи, на сей раз — об убийстве царя. 20 июня управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич даже запросил информацию из Екатеринбурга. В ответ от командующего Североуральской группой войск Р. И. Берзина пришла телеграмма, что все члены семьи и сам Николай II живы, а сведения об убийстве — провокация. На основании полученных ответов большевики несколько раз опровергали слухи.

Опровержение лживой информации, разумеется, не означало, что большевики не собирались «окончательно решить» вопрос о жизни бывшего самодержца. Развязка приближалась по мере ухудшения внутреннего положения советской власти. В середине июля 1918 года из Москвы в Екатеринбург вернулся военный комиссар Уральского военного округа Ф. И. Голощекин, вероятнее всего, ездивший в столицу именно для того, чтобы обсудить с руководителями СНК и ВЦИКа будущее царской семьи. Около 15 июля он, вместе с другими большевистскими лидерами красного Урала прогуливаясь в лесу, «в веселом настроении», обсуждал вопрос, как поступить с Николаем II и его близкими. Голощекин и его друзья считали, что все семейство необходимо расстрелять. Разговоры, конечно, не выражение «мнения центра», но все же показательны.

По предположению уральского историка И. Ф. Плотникова, Голощекин сразу по прибытии в Екатеринбург встретился с Я. М. Юровским — комендантом Дома особого назначения, где проживала царская семья, и отдал распоряжение подготовить все для казни, которая должна была совершиться в ближайшие дни. Юровский сразу же оказался весь «в заботах», в тот же день организовал для узников, без их просьбы, богослужение — обедницу. Для этого 14 июля был приглашен местный клирик — протоиерей Иоанн Сторожев, уже бывавший в доме Ипатьева. Он стал последним священником, служившим для царской семьи и ее слуг. Жизнь часто наполнена удивительными, порой мистическими случайностями, которые для верующих людей имеют символическое значение. Так было и в тот раз: во время обедницы, по чину, в определенном месте положено читать слова «со святыми упокой». Но в тот раз диакон не прочел, а пропел молитву, запел ее и священник. Едва они запели, вся семья Николая II опустилась на колени, и отец Иоанн, по его собственным словам, ощутил высокое духовное утешение, какое дает разделенная молитва.

Заканчивалась земная жизнь последнего русского самодержца. Понимал ли он это, понимали ли это его близкие? Скорее всего, понимали, хотя, быть может, и не догадывались, что конец наступит так скоро. Что-то странное чувствовал в своем сердце и Юровский, по воспоминаниям

священника, после богослужения перекрестившийся и якобы сказавший: «Ну, слава Богу, сердце на место стало». Если это действительно имело место, то остается только с удивлением повторить старую фразу: «Пути Господни неисповедимы». Получается, что в палаче шевельнулось что-то человеческое, он почувствовал необходимость в последний раз дать узникам дома Ипатьева духовное утешение.

Юровский был старым, проверенным большевиком, революционным «рыцарем без страха и упрека». Он прошел боевой путь борца с самодержавием, участвовал в террористических актах и экспроприациях, арестовывался, жил в эмиграции. В 1917 году он был активным деятелем большевистского переворота в столице. С начала 1918-го находился на ответственной работе в Екатеринбурге, был заместителем председателя местной ЧК и областного комиссара юстиции, заведовал охраной города. Лично честный и принципиальный (в той мере, как обычно бывают принципиальны фанатики идеи), Юровский был на отличном счету у большевистского руководства, почему и стал комендантом Дома особого назначения. Он сумел остановить воровство, процветавшее при прежнем коменданте — Авдееве, но режим содержания узников при нем не ослаб. Наоборот, 11 июля окно царской комнаты снаружи было закрыто решеткой. О предстоящем Юровский не счел необходимым заранее сообщить пленникам. «Этот тип нам нравится все менее», — записал в тот же день в дневнике царь. Но коменданта это совершенно не волновало. Для него важно было все подготовить для убийства. С поставленной задачей он справился, хотя и не являлся инициатором «дела».

Еще до назначения Юровского комендантом Дома особого назначения, в июне 1918 года под руководством П. Л. Войкова — члена исполкома Уралоблсовета и комиссара продовольствия, от имени некоего верного офицера были составлены письма, адресованные Николаю II. Цель не отличалась новизной: царя хотели склонить к побегу, который можно было использовать как предлог для физического уничтожения всей семьи. Послания (для придания им большей «правдивости») на французском языке собственноручно написал И. И. Родзинский — студент-недоучка, служивший в то время в екатеринбургской ЧК. Большевистские провокаторы доставляли почту в пробке молочной бутылки: Николай II, его близкие и слуги с 18 июня получали некоторые продукты (яйца, сметану, молоко, масло, овощи и мясо) от инокинь екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря.

Таким образом, в руки царя попало три письма. Четвертое подготовили в дни смены караула и вступления в должность коменданта

дома Ипатьева Я. М. Юровского. Но доставить его возможности уже не было: Юровский запретил носить молоко в бутылке. Почему это произошло, историки точного представления не имеют. Возможно, Войков решил не посвящать Юровского в свои «игры», дабы тот поверил в то, что в Екатеринбурге существует заговор с целью освобождения Николая II. А возможно, наоборот, зная о фабрикации писем, Юровский исполнил указания Войкова, решившего, что надобность в «игре» отпала. В любом случае, сама идея с составлением подложных писем весьма показательна. Стремление обмануть Николая II и заставить его совершить необдуманные шаги было той целью, которую ставили перед собой екатеринбургские большевики, давно мечтавшие об уничтожении царской семьи.

...Убийство произошло в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. Об этом оставил записку и Юровский, об этом же с гордостью вспоминали впоследствии и некоторые его подручные. Несмотря на то что в частностях их рассказы расходятся (например, в том, кто именно убил последнего самодержца), они едины в главном: вся семья последнего самодержца и находившиеся при них слуги погибли. Накануне убийства Юровский вывел из дома Ипатьева Леонида Седнева — племянника лакея великих княжон И. Д. Седнева, еще 27 мая переведенного в тюрьму. Остававшимся в доме Ипатьева заключенным объяснили, что мальчика отпустили навестить дядю. В половине второго ночи, когда его обитатели давно спали, к дому прибыл грузовик. «Операция» вступила в последнюю стадию. Юровский разбудил доктора Боткина, а тот всех остальных. Выдумали и объяснение: в городе неспокойно, необходимо перевести семью Романовых из верхнего этажа вниз. Семья и слуги в течение получаса оделись и вышли из своих комнат.

Комендант лично отправился за ними и проводил в заранее подготовленную комнату, из которой была вынесена вся мебель. Царь нес на руках сына, остальные захватили подушки и мелкие вещи. Войдя в комнату, Александра Федоровна попросила принести стулья. Юровский разрешил. Охранники принесли два стула, на один из которых села царица, а на другой посадили наследника. Остальные по указанию коменданта встали в ряд. Затем он позвал команду. Во дворе работал двигатель автомобиля, что должно было помешать случайным свидетелям услышать выстрелы. Когда до убийства оставались считанные секунды, Юровский заявил узникам, что родственники Романовых в Европе продолжают наступление на Советскую Россию и поэтому Уралоблисполком принял постановление о расстреле. Николай II повернулся лицом к семье, затем обернулся к коменданту, успев сказать лишь: «Что? Что?» Юровский

быстро повторил и отдал последний приказ. Царь, Александра Федоровна, великая княжна Мария, камердинер А. Е. Трупп и повар И. М. Харитонов были убиты сразу же. Цесаревича, великих княжон Ольгу, Татьяну и Анастасию, доктора Е. С. Боткина и комнатную девушку А. М. Демидову, которые после первых выстрелов остались живы, убийцы добивали отдельно, в том числе и штыками. Через двадцать минут все было кончено.

Теперь Юровский должен был замести следы и организовать «похороны». Убитых вынесли из дома и стали укладывать в грузовик, выстланный сукном. Немедленно началось воровство, которое коменданту под угрозой расстрела удалось остановить. Тела повезли в Коптяковский лес, где предварительно для «захоронения» была выбрана заброшенная шахта Четырехбратского рудника. Но там убийц ожидала первая неудача: шахта оказалась непригодной: тела, сброшенные в нее, не покрывались водой из-за ледового панциря, образовавшегося на глубине шахты. Если бы сокрытие готовилось продуманно, то убийцы предварительно пробили бы лед. Исправлять ошибку времени не было, поэтому решили вернуться к шахте на следующий день.

Тогда же возникла еще одна непредвиденная проблема: по дороге в Коптяковский лес красноармейцы обнаружили драгоценности, вшитые в одежду убитых великих княжон Ольги, Татьяны и Анастасии. Поняв, чем это может обернуться, Юровский отправил большую часть команды обратно в город, оставив наиболее надежных красноармейцев. Но перед тем, как побросать убитых в шахту, с них сняли одежду, из которой предварительно выпороли драгоценности, и на кострах ее сожгли. Новые инструкции Юровский отправился получать в Уралоблсовет. На следующий после расстрела день был сформирован целый спецотряд, который должен был извлечь тела из шахты и озаботиться их надежным сокрытием. Но оказалось, что уничтожить их путем сожжения невозможно: трупы сильно замерзли. На лицах царя, его дочерей и супруги даже проступил румянец.

Все сказанное заставляет признать правильной версию о том, что уральские чекисты не имели никакого продуманного плана похорон и решили этот вопрос на ходу. К утру 18 июля Юровский с помощью комиссара Войкова нашел в городе и привез к шахте три бочонка с керосином и три большие банки с серной кислотой. Туда же привезли и трупы двух убитых в доме Ипатьева комнатных собак царской семьи. На месте попытались сжечь тела царя, его супруги, наследника и доктора Боткина. Ничего не вышло: после пребывания в ледяной воде трупы не горели. Неудача заставила искать иные способы сокрытия преступления,

один из которых предусматривал погребение прямо на дороге.

Завершить «дело» убийцам удалось только с третьей попытки, в ночь на 19 июля, когда весь караван телег и машин выехал по Коптяковской дороге из района рудника по направлению к Московскому тракту. В болотистой местности Поросенкова лога, за железнодорожным переездом № 184, один из грузовиков застрял. Тогда и возникла идея похоронить убитых именно здесь. С дороги сняли настил (шпалы), выкопали яму, сложили трупы и, разбив лица прикладами ружей, залили их серной кислотой. После всё закопали, набросали шпал и проехали по дороге, выравнивая ее. Для того чтобы никто не догадался о том, кого зарыли на дороге (в случае обнаружения захоронения), чекисты двух убитых в доме Ипатьева «похоронили» отдельно. Это были цесаревич и великая княжна Мария Николаевна. Предварительно их вновь попытались сжечь, затем разбросали костер, выкопали яму и погребли в ней останки детей. Затем на том же месте развели огонь.

Могилы находились недалеко друг от друга. Однако если первую удалось обнаружить в 1979 году Г. Т. Рябову и А. Н. Авдоницу (при негласной поддержке и покровительстве министра внутренних дел Н. А. Щелокова), то вторую нашли только в 2007 году. В 1991-м в Поросенковом логу уже официально было организовано вскрытие первого захоронения. Ученые долго исследовали то, что в литературе получило название «екатеринбургских останков». В июле 1998 года они были торжественно захоронены в соборе Святых Петра и Павла Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге. Но Русская православная церковь тогда не признала их останками царской семьи, правда, выразила надежду на то, что в дальнейшем будут сняты все сомнения в их подлинности и исчезнут основания для смущения верующих и противостояния в обществе. На сегодняшний день эта надежда, увы, в полной мере не оправдалась. И причина тому — незнание или предвзятость некоторых современных «почитателей» царской семьи, доверяющих старым мифам и ошибочным мнениям. Доказывать им что-либо — проблематично.

Впрочем, история обретения «екатеринбургских останков» — отдельная тема, требующая специального рассказа. К сожалению, на страницах этой книги она не может быть освещена, тем более что глубокое и всестороннее исследование посмертной судьбы царской семьи совсем сравнительно недавно проведено упоминавшейся выше Н. Л. Розановой. К ее работе я и отсылаю заинтересованного читателя.

...В январе 1928 года Екатеринбург, за четыре года до того переименованный в Свердловск, посетил поэт Владимир Маяковский.

«Певцу революции» показали место захоронения Николая II — на девятой версте от города. Он не оставил без внимания увиденное, откликнувшись стихотворением «Император», в котором есть и такие строки:

Здесь кедр
топором перетроган,
зарубки
под корень коры,
у корня, под кедром,
дорога,
а в ней —
император зарыт.

Маяковскому показали то, что скрывали от простых граждан Страны Советов: тайна не должна была выйти наружу.

Летом 1918 года никто не мог знать, что большевики окажутся победителями в Гражданской войне и навяжут стране собственные ценностные ориентиры. Как же восприняли известие о казни царя его современники? Да и что это было за известие?

История эта давно и хорошо известна исследователям. 17 июля в 12 часов дня председатель ВЦИКа Я. М. Свердлов получил телеграмму из Екатеринбурга. В ней говорилось, что ввиду приближения к городу неприятеля и раскрытия большого заговора, имевшего целью похищение Николая II и его семьи, по постановлению президиума Областного совета царь расстрелян, а его близкие эвакуированы в надежное место. Екатеринбургские большевики по этому поводу выпустили специальное извещение. В тот же день, вечером, в Москве началось заседание президиума ВЦИКа, признавшее решение уральцев правильным. Предусматривалось составление заявления для печати. После девяти часов вечера из Екатеринбурга пришла шифровка, сообщавшая, что и семейство царя постигла участь его главы («официально семья погибнет при эвакуации»)^[128].

Три года спустя о расстреле узников дома Ипатьева расскажет председатель исполкома Екатеринбургского совета П. М. Быков, опубликовав статью «Последние дни последнего царя» и назвав совершенное исполнением воли революции («хотя при этом были нарушены многие формальные стороны буржуазного судопроизводства и не был соблюден традиционно-исторический церемониал казни

„коронованных особ“»). В своей статье Быков глумливо заявлял, что таким образом власть рабочих и крестьян проявила «крайний демократизм», расстреляв царя «наравне с обыкновенным разбойником». Однако откровения революционера не встретили одобрения вышестоящих начальников: сборник с его признаниями вскоре изъяли из продажи. Руководители Советского государства желали представить случившееся по возможности «спокойно». Бывшие подданные последнего самодержца извещались о его казни, но не узнавали ее подробностей.

«С хамскими выкриками и похабствами, замазывая собственную тревогу, объявили, что РАССТРЕЛЯЛИ НИКОЛАЯ РОМАНОВА, — записала в дневнике З. Н. Гиппиус 6 июля 1918 года. — Будто бы уральский „совдеп“, с каким-то „тов[арищем] пятаковым“ во главе убил его 3-го числа (по старому стилю. — С. Ф.). Тут же, стараясь ликовать и бодриться, всю собственность Романовых объявили своей. „Жена и сын его в надежном месте“... воображаю!» Ей было не жаль «щупленького офицера», но непереносимо было «отвратительное уродство всего этого». Возмущаясь расстрелом, Гиппиус не скорбела о том, кого расстреляли! Это был тревожный симптом, о многом говорящий. Захваченная революционным вихрем, страна спокойно восприняла бессудную расправу над тем, кто в течение более двадцати двух лет был ее правителем. Царя не жалели, вспоминая о том, как он был жалок, хотя попутно отмечали удивительное: теперь народ — цареубийца, а он (Николай II. — С. Ф.) мученик. Эти слова петроградского архивиста Г. А. Князева еще не раз повторят... потом. Повторят другие, чтившие память убиенного монарха.

Было ли известие об убийстве императора неожиданным? Для кого как. Граф В. Н. Коковцов писал, что уже перемещение царской семьи в Тобольск оценивал как начало страшного конца, а расправа — только вопрос времени. Однако на всех, кого в то время видел граф, сообщение большевистских газет произвело ошеломляющее впечатление. «Одни просто не поверили, другие молча плакали, большинство просто тупо молчало. Но на толпу, на то, что принято называть народом, — отмечал В. Н. Коковцов, — эта весть произвела впечатление, которого я не ожидал». Ни малейшего проблеска жалости или сострадания. Усмешки, издевательства, комментарии сопровождали чтение этой газетной новости. «Какое-то бессмысленное очерствение, какая-то похвальба кровожадностью. Самые отвратительные выражения: „давно бы так“, „ну-ка — поцарствую еще“, „крышка Николашке“, „эх, брат, Романов, доплясался“ — слышались кругом, от самой юной молодежи, а старшие

либо отворачивались, либо безучастно молчали. Видно было, что каждый боится не то кулачной расправы, не то застенка».

О том же и почти в таких же, что и В. Н. Коковцов, выражениях писала Марина Цветаева: «Стоим, ждем трамвая. Дождь. И мерзкий мальчишеский петушиный выкрик: „Расстрел Николая Романова!.. Николай Романов расстрелян рабочим Белобородовым!“ Смотрю на людей, тоже ждущих трамвая и тоже (тоже!) слышащих. Рабочие, рваная интеллигенция, солдаты, женщины с детьми. Ничего! Хоть бы что! Покупают газету, проглядывают мельком, снова отворачивают глаза — куда? В пустоту»^[129].

В пустоту... Гражданская война входила в силу, смерть стала восприниматься «народом» буднично, как нечто понятное и естественное. Большевики могли не волноваться: их призывы и лозунги о непримиримой борьбе с «эксплуататорами» усваивались быстро и прочно. О последствиях радующиеся гибели царя не задумывались, хотя предвидеть их было не столь трудно. Еще 29 октября 1917 года З. Н. Гиппиус, никогда не любившая и не уважавшая последнего самодержца, пророчески написала по поводу новых претендентов на власть в России:

Блевотина войны — октябрьское веселье!
От этого зловонного вина
Как было омерзительно твоё похмелье,
О бедная, о грешная страна!
Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кошмарным обуянный сном,
Народ, безумствуя, убил свою свободу,
И даже не убил, засек кнутом?
Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой,
Смеются пушки, разевая рты...
И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь.

Хотела этого З. Н. Гиппиус или нет, но для русского человека на протяжении веков *святыней* были «вера, царь и Отечество». В 1917 году два первых слова оказались уничтоженными, заменить их было нечем. «Отечество», всегда мыслимое только в неразрывном единстве с «царем» и «верой», стало понятием абстрактным, лишенным своего метафизического звучания. Право сильного в подобных условиях и значило право Хама, о котором супруг поэтессы Д. Мережковский написал еще в 1906 году.

Откликнулась только Церковь, унижаемая и растаптываемая борцами «за светлое будущее без Бога». 19 июля на Поместном соборе, проходившем в Москве, обсуждалось предложение о необходимости совершить панихиду «по убиенному рабу Божию бывшему государю Николаю II». Присутствовавший на заседании князь Е. Н. Трубецкой напомнил, что екатеринбургское убийство совпало с днем памяти великомученика Московского митрополита Филиппа (Колычева), пострадавшего за правду при Иоанне Грозном. «Это совпадение, — заявил князь, — налагает на нас особый долг»: не скрывая правду и не заботясь о возможных последствиях, а осенив себя крестным знамением, совершить моление об упокоении души Николая II. В результате Собор принял решение о совершении панихиды.

А 21 июля, за литургией в Казанском соборе Москвы, патриарх Тихон (Беллавин) выступил перед верующими и резко осудил убийство царя. Не желая судить дела убитого монарха, патриарх напомнил, что тот отрекся от престола из любви к России, не покинул пределов страны, желая страдать вместе с ней и безропотно покорившись судьбе. «И вдруг он приговаривается к расстрелу где-то в глубине России небольшой кучкой людей не за какую-либо вину, а за то только, что его будто бы кто-то хотел похитить. Приказ этот приводят в исполнение, и это деяние — уже после расстрела — одобряется высшею властью. Наша совесть примириться с этим не может, и мы должны во всеуслышание заявить об этом как христиане, как сыны Церкви. Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточают в тюрьмы, пусть нас расстреливают. Мы готовы все это претерпеть в уповании, что к нам будут отнесены слова Спасителя нашего: „Блаженни слышащий слово Божие и хранящий е“». 26 июля члены Собора поддержали патриарха, указав, что в его слове выражены мысли и чувства, которые должна исповедовать вся православная Россия. Был ли исполнен этот долг? Ответ дала история. Голос патриарха («глас вопиющего») услышали немногие. Но то, что Церковь нашла в себе силы оценить действия большевистской власти, бессудно убившей последнего самодержца, — было не только проявлением христианского долга, но и актом гражданского мужества.

А вскоре за убийством Николая II и его семьи пришла очередь и других Романовых. Еще в марте 1918 года из Северной столицы постановлением Совета комиссаров Петроградской трудовой коммуны были высланы великие князья Сергей и Николай Михайловичи, Павел Александрович и Дмитрий Константинович, а также князья императорской крови Гавриил, Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи. Вместе с

ними в ссылку отправился сын Павла Александровича князь Владимир Палей. Всех Романовых обязали выбрать место жительства в пределах Вологодской, Вятской и Пермской губерний. В случившемся великий князь Николай Михайлович — известный историк и фрондер — увидел грустную усмешку истории. В письме журналисту А. В. Амфитеатрову, автору нашумевших «Господ Обмановых», он подчеркивал, что это его вторая ссылка: в первую он отправился по царскому повелению 1 января 1917 года, а сейчас — по декрету Зиновьева и Урицкого. «Невольно вспоминаю слова моего покойного батюшки, которые он передавал по завету его отца (нашего деда) Императора] Николая I: „Всякий из вас должен всегда помнить, что только своей жизнью он может искупить происхождение великого князя“. Эти слова глубоко запечатлелись в моей юношеской башке и стали лозунгом моего земного существования». Нам трудно судить, что имел в виду Николай Михайлович, говоря об «искуплении» великокняжеского происхождения, но то, что в революционное лихолетье Романовы заплатили за него исключительно большую цену — несомненно.

Николай Михайлович и Дмитрий Константинович в апреле 1918 года оказались в Вологде, где встретились с Георгием Михайловичем, арестованным в Финляндии и доставленным в Россию, в ссылку. До начала июля они пользовались относительной свободой. Однако с ужесточением режима всех их вернули в Петроград и посадили под арест в Доме предварительного заключения. Туда же вскоре перевели Павла Александровича и Гавриила Константиновича, по состоянию здоровья весной 1918 года оставленных в бывшей столице империи. В дальнейшем только князь Гавриил Константинович, благодаря содействию М. Горького, сумел выйти из тюрьмы и эмигрировать из России. Остальных великих князей расстреляли 29 января 1919 года в Петропавловской крепости, хотя за Николая Михайловича официально просила Академия наук. Они пали жертвами «красного террора» — были лишены жизни в ответ на «злодейское убийство в Германии товарищей Розы Люксембург и Карла Либкнехта»^[130].

За полгода до этой расправы большевики убили находившихся на Урале, в Алапаевске Пермской губернии, сестру императрицы великую княгиню Елизавету Федоровну, великого князя Сергея Михайловича, князей императорской крови Иоанна, Константина и Игоря Константиновичей и князя Владимира Палея. Большинство из них попали в Алапаевск, месяц пробыв в Вятке и затем (в течение двух недель) — в Екатеринбурге. После «побега» Михаила Александровича из Перми ко всем находившимся в Алапаевске Романовым по распоряжению областного

Совета применили тюремный режим. Их содержали в «Напольной школе», находившейся на краю города. Оттуда они и взошли на свою Голгофу. Убийство было совершено в ночь на 18 июля, то есть в то время, когда тела царственных узников и их слуг еще не захоронили.

Членов дома Романовых и их людей (сопровождавшую Елизавету Федоровну сестру Марфо-Мариинской обители Варвару Яковлеву и служившего у Сергея Михайловича Ф. С. Ремеза) сбросили в шахту живыми: лишь оказавший палачам сопротивление великий князь Сергей Михайлович был убит. Смерть была мучительной: покалеченные люди умирали в течение трех дней (очевидцы рассказывали, что из шахты слышались молитвы и религиозные песнопения). Н. А. Соколов, расследовавший дело о гибели царской семьи, полагал, что «и екатеринбургское и алапаевское убийства — продукт одной воли одних лиц». Как и в Екатеринбурге, в Алапаевске в ход пустили провокацию, первоначально заявив, что находившихся под стражей Романовых похитили «белогвардейцы». Ложь достаточно быстро открылась: осенью 1918 года, после того как большевиков выбили из Алапаевска, следственным органам удалось найти ту страшную шахту, куда были сброшены тела членов дома Романовых.

Таким образом, на конкретном примере большевики доказали всему миру, что человека можно назвать виновным только на основании его происхождения. Новая мораль утверждалась на крови, а понятия добра и зла провозглашались классовыми категориями. Посеявшие ветер, большевики затем пожали бурю. Многие из них жизнью заплатили за тот мир, который, по их представлениям, должен был стать «раем на земле».

Виноваты ли они в случившемся после Октября 1917-го?

Проще всего было бы ответить положительно. Но так кажется лишь при первом приближении к вопросу. На самом деле все обстояло значительно сложнее. Большевизм был отечественным «продуктом», появившимся на русской почве далеко не случайно. Это очень верно описал Н. А. Бердяев, подчеркнувший, что большевизм — русская народная революция, разлив стихии. Революция всегда означает изменение сознания и возможна тогда, когда народные верования серьезно разрушены. Н. А. Бердяев полагал, что к началу XX века организующей духовной силы в русском обществе уже не существовало, христианство в России переживало глубокий кризис. Роковой фигурой для судьбы страны был Распутин, первый человек из народа, получивший доступ ко двору. В глазах царя и особенно царицы Распутин стал олицетворением народного православия, которое не зависит от царя и может быть для него

поддержкой. Итог всем известен. «Распутин был символом духовного разложения старого мира и свидетельством о духовной неизбежности революции», — писал философ в работе «Истоки и смысл русского коммунизма».

Большевики, таким образом, оказываются силой, порожденной всем ходом русской жизни. Но при этом, придя к власти, коммунизм вбирает в себя традиции государственного абсолютизма, для которого человек — средство. «Ленин объявляет нравственным все, что способствует пролетарской революции, другого определения добра он не знает. Отсюда вытекает, что цель оправдывает средства, всякие средства. Нравственный элемент в человеческой жизни теряет самостоятельное значение. И это есть несомненная дегуманизация».

Запомним сказанное, добавив только, что добро и зло — асимметричны и могут различаться как подъем на гору от спуска с горы. Подниматься всегда тяжелее, в то время как, оступившись, — уже без усилий катишься вниз. Поэтому величие духа проявляется реже, чем хамство. Зато величие духа рано или поздно приобретает общественный резонанс, закрепляясь на века, а привычная низость мало кого задевает, вызывая лишь отвращение и брезгливость^[131]. Исходя из заявленного, можно предположить, что большевики, чьи деяния часто и справедливо вызывают негодование, благодаря русской революции оказались в положении апологетов, славивших «падение вниз». *Не они* заставили народ «оступиться» или обманным путем подвели его «к краю пропасти». Но они научились отстаивать диктатуру своей идеи («диктатуру пролетариата»), подчинив утопии политику и поставив человека на службу новой организации общества. В их системе координат жизнь человека значила гораздо меньше, чем жизнь организации. Смерть Николая II и стала первым доказательством этой простой и страшной идеи. Он оказался не только жертвой обстоятельств, собственной «недальновидности» или «предательства» генералов и министров, как кому угодно, но и ответчиком за грехи прошлого. В этом, думается, и заключается его подлинное историческое значение — как помазанника Божьего, глубоко любившего свой народ и свою страну, и как последнего самодержца, для которого власть никогда не была самоцелью.

Вместо эпилога

ЗИГЗАГИ ИСТОРИИ: ОТ «НИКОЛАЯ КРОВАВОГО» К «ЦАРЮ-ИСКУПИТЕЛЮ»

Пытаясь найти ответ на вопрос об отношении Николая II к Григорию Распутину, поэтесса З. Н. Гиппиус вынуждена была признать, что никто никогда об этом не узнает, поскольку царь «был завязан в молчание, точно в платок. Так, в молчании, и отошел к прошлому. Ни одного слова от него не осталось. Те, что читал он по бумажке на приемах, — забылись». Фраза о молчании — ключевая. Не только З. Н. Гиппиус, но и многие современники воспринимали последнего самодержца именно как «великого молчальника», скорее как «образ» власти, ее символ, чем реального человека со всеми его достоинствами и недостатками. И сегодня Николай II для его почитателей и критиков часто предстает олицетворением прошлого, старой императорской России, для одних — великой страны, «которую мы потеряли», для других — государства с архаической политической системой, реформировать которую царь «по недалёковидности» или даже «ничтожеству» не мог и не хотел.

Политические установки определяют отношение к «Хозяину Земли Русской», обезличенному и превращенному в сказочного героя, неважно — положительного или отрицательного. Сказка же назидает, воспитывает и утверждает человека в истине о добре и зле. Советская «сказка» долгое время говорила о Николае II не только как о слабом правителе, лишенном политических талантов (тем более что здесь не все очевидно), но и как о ничтожном человеке, жестоком и злом. Подобная характеристика нашла свое выражение в «Истории Великого Октября» академика И. И. Минца, суммировавшей давний набор претензий к последнему самодержцу. Для советского историка царь — «коронованная бездарность», окруженная «такими же коронованными ничтожествами». «Николай Романов начал свое царствование с Ходынки, — писал И. И. Минц, — провел его в постоянном терроре против революции и кончил попыткой потопить ее в крови. Недаром народ прозвал его Николаем Кровавым».

Разумеется, эта характеристика активно использовалась в

публицистической литературе и до упомянутой работы академика. О «кровавом» царе заговорили еще в 1905 году, после событий 9 января. Но то, что для оппозиционно настроенных критиков самодержавия в начале XX века было вполне естественно, для ученых и публицистов первого в мире рабоче-крестьянского государства стало своеобразным политическим «символом веры», ибо, как заметил Н. А. Бердяев, психический тип коммуниста определяется тем, что в его восприятии мир разделяется на два противоположных лагеря — царство света и царство тьмы (Ормузда и Аримана). Для истребления «темного царства» все дозволено. Ненависть является главным качеством строителей социалистического мира, и она всегда обращена к прошлому, всегда от него зависит. Ненависть преобладает над любовью.

Николай II, таким образом, оказывается жертвой идеологических построений и теоретических посылок новоявленных «строителей», а марксистско-ленинская «форма» определяет историческое «содержание» эпохи последнего царствования и анализ личности несчастного убитого в Екатеринбурге венценосца. И хотя в сталинскую эпоху о Николае II специальных работ практически не писали, это никак не влияло на отношение к нему официальной исторической науки. Установки «Краткого курса истории ВКП(б)» были руководством к действию для всех гуманитариев вплоть до разоблачения «культы личности». В «энциклопедии большевизма» (как называли «Краткий курс» советские идеологи) о Николае II почти ничего не сообщалось. Говорилось лишь, что 9 января 1905 года он встретил пришедших к нему рабочих «недружелюбно» и приказал в них стрелять. Схема требовала от исторической правды жертв, — и в книге появилось упоминание о том, что царь в тот день находился в столице, в Зимнем дворце. Соответственно, писалось и о «кровавом злодеянии *царя*», персонально ответственного за случившуюся трагедию (курсив мой. — С. Ф.). Читатели убеждались в том, что последний самодержец «опирался, главным образом, на крепостников-помещиков»; что накануне февраля 1917 года «буржуазия» боялась заключения им сепаратного мира с Германией (тем более что при дворе «хозяйничали пройдохи вроде Распутина»), почему-де и готовился дворцовый переворот. В результате накануне 1917 года царь оказался изолированным. О расстреле Николая II, его семьи и слуг в «Кратком курсе» вообще не говорилось ничего.

Как видим, личность последнего самодержца была полностью «смазана». Символ прошлого пытались деперсонифицировать, воспитав целые поколения в забвении относительно того, кто более двадцати лет

стоял во главе Российской империи. Но желание выйти за пределы установленной схемы оказалось невозможно истребить. Этим, очевидно, можно объяснить успех книги М. К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз», впервые увидевшей свет в начале 1970-х годов. И хотя автор использовал старые штампы (да и само название книги говорило за себя), она была обречена на читательский успех, ибо приоткрывала завесу над тайной жизни и смерти последнего самодержца. Пусть М. К. Касвинов писал о «ничтожном» и «кровавом» царе, но он все-таки писал *о человеке*, а не о социально-экономических и политических предпосылках пролетарской революции! Неслучайно его работа пользовалась популярностью, неоднократно переиздаваясь большими тиражами.

За границей, особенно в кругах почитателей последнего царя, отношение к нему было принципиально иным. В эмиграции впервые прозвучали и голоса о необходимости почитания памяти Николая II, о его будущей канонизации. Среди тех, кто громко заявил об этом, был и полковник В. И. Назанский, до революции 1917 года служивший помощником московского градоначальника. Для него царь — историческая личность, изначально призванная глубоко страдать за себя и за других. Памятуя, что Николай II появился на свет в день религиозного поминовения Иова Многострадального, В. И. Назанский в книге «Крушение великой России и Дома Романовых» упомянул о строившемся тогда (в конце 1920-х годов) брюссельском храме во имя святого праведного Иова — в память царя-мученика и всех русских людей, в смуте богоборческой властью убиенных. Полковник был убежден, что настанет время, когда подвиг венценосного страстотерпца будет осознан и в России. Народ очнется и отомстит за все своим обидчикам.

Спи, Государь. Тебя добром помянет,
Благословит несчастный твой народ,
Спи с твердой верою, что время то настанет,
Когда убийц Твоих Россия проклянет.
Прости же ей предсмертные все муки,
Обиды все прости и позабуди,
Смотри — она уж тянет руки
И бьет в тоске свою больную грудь.
Смотри, она несчастная какая,
Как вся в огне горит Россия-Мать,
Как вокруг нее волков собралась стая
И по частям стремится разорвать...

Прости ж ее и спи, наш Царь, спокойно,
Пускай ничто Твой не тревожит прах,
А по Тебе, на целый мир достойно,
Мы тризну спразднуем на вражеских полях.
Верь, Государь, — за все придет расплата
И вспомнит мир про Русь, как было встарь,
Увидит вновь он Царского солдата...
Пока же спи спокойно, Государь.

Одним из первых, кто заговорил о святости последнего самодержца, был товарищ (заместитель) обер-прокурора Святейшего синода Н. П. Раева — князь Н. Д. Жевахов, в 1920-е годы выпустивший два тома своих воспоминаний. Князь был убежден, что русские цари были глубоко религиозными людьми и обуславливали благо государства благом Церкви. Именно ему принадлежат слова о том, что царствование Николая II «даст православной церкви нового святого и в будущем будет оцениваться как „Житие Святаго Благовернаго Царя-Мученика императора Николая Александровича“». Жевахов воспринимал царя как одного «из величайших подвижников Церкви последнего времени, подвиги которого заслонялись лишь его высоким званием Монарха».

Этот тезис с течением лет становился все более и более популярным среди представителей русской монархической эмиграции. Убийство Николая II стали оценивать прежде всего в религиозных категориях — как убийство помазанника Божьего. Именно в среде этих людей идея канонизации царской семьи нашла активных сторонников и осуществилась в 1981 году, когда Русская зарубежная православная церковь приняла решение о сопричтении к лику святых Николая II, его семьи и слуг (среди которых, к слову сказать, были и неправославные: католик А. Е. Трупп и незадолго до екатеринбургской трагедии разлученная с царской семьей гофлектриса императрицы Александры Федоровны лютеранка Е. А. Шнейдер).

Вместе с тем были канонизированы и другие погибшие в 1918–1919 годах члены дома Романовых: великие князья — Михаил Александрович, Павел Александрович, Дмитрий Константинович, Георгий Михайлович, Сергей Михайлович, великая княгиня Елизавета Федоровна, князья императорской крови Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи, а также князь Владимир Палей — сын Павла Александровича от морганатического брака с О. В. Карнович. Лишь великий князь Николай

Михайлович, которого зарубежные монархисты считали оппозиционером и «фрондером», не был удостоен церковного прославления (хотя и погиб вместе с другими родственниками). Акт прославления Архиерейский синод РЗПЦ совершил 1 ноября 1981 года. Новым святым молились как *новомученикам и исповедникам Российским*.

В советской идеологической системе это решение иерархов Зарубежной церкви восприняли как новую активизацию монархической пропаганды. При этом коммунистические агитаторы вспоминали о критике канонизации, исходившей от членов самой Зарубежной церкви, цитировали пассажи о «курении и блудодеянии» последнего самодержца, а также о том, что канонизация есть политический акт.

Со скепсисом восприняли известие о прославлении царской семьи и некоторые православные деятели, жившие на Западе и не испытывавшие особых симпатий к существовавшему в СССР режиму. Одним из них был протоиерей Александр Шмеман, в ноябре 1981 года прокомментировавший в дневнике реакцию американских газет на прославление новомучеников. «„Russian sect canonizes Nicolas II...“. Как не понять, не почувствовать, — писал отец Александр, — что „прославлять“ Государя в Нью-Йорке, да еще с банкетом в Hilton — нельзя?» Несколько дней спустя он продолжил «обзор» западной прессы, упомянув о «Time», где о канонизации писали как о каком-то чудачестве, с сарказмом и иронией. Очевидно, не сочувствуя решению архиереев РЗПЦ, отец Александр с горечью записал, что «иногда хочется куда-нибудь убежать от этого православия ряс и камилавки, бессмысленных церемоний, елейности и лукавства. Быть самим собой, а не играть вечно какую-то роль, искусственную, архаичную и скучную».

Отношение протоиерея А. Шмемана к Николаю II кардинальным образом отличалось от представлений о последнем самодержце большинства клириков Русской зарубежной православной церкви: он делал акцент *не на подвиге веры* Николая II, а на *внутреннем распаде самодержавной России*, которая потеряла свое единство задолго до рокового 1917 года. Монархия более не соединяла все сословия и народы империи, да и сама страна к началу XX века утратила, по его мнению, душу. Таким образом, Россия была обречена. Подобный подход к проблеме нельзя назвать типичным для представителей русской церковной эмиграции, пытавшейся определиться не столько с проблемой «обреченности» империи, сколько с вопросом о жертве императора. Назвать это подменой понятий, думается, не вполне корректно, — воспоминания о «золотой эпохе» самодержавной государственности закономерно приводили монархистов — почитателей памяти последнего

самодержца к необходимости больше говорить о врагах и предателях императорской России, злонамеренно уничтоживших все «святое» и «чистое», чем, например, обращать внимание на вопрос о «кризисе самодержавия» и неслучайности 1917 года.

Так, вскоре после канонизации императора мирянином Русской зарубежной православной церкви Е. Е. Алферьевым (1908–1986) была подготовлена книга о Николае II *как о человеке сильной воли*. Ее автор по образованию являлся инженером, а по последнему месту служения — деканом Свято-Троицкой духовной семинарии. В своей книге Евгений Евлампиевич попытался доказать ошибочность мнения исследователей и современников о слабоволии Николая II. Пройти такой тяжелый жизненный путь с достоинством и смирением могла только сильная личность, обладавшая волей и крепким духом. После канонизации, полагал Е. Е. Алферьев, вопрос о мнимом слабоволии потерял смысл и заслуживает изучения лишь в интересах восстановления исторической истины — для правдивого изложения жития царя-мученика.

В интересах именно таким образом понимаемой правды Е. Е. Алферьев очень кратко изложил основные вехи жизни последнего самодержца. Все основные достижения царствования приписывались венценосцу, его воле, умению и талантам. Царь характеризовался как «Удерживающий» страну, да, пожалуй, и весь мир, от зла. Автор обращался с фактами так, как хотел, не слишком утруждая себя анализом сложных отношений последнего царя с министрами и сановниками. В частности, Е. Е. Алферьев заявлял, что только преждевременная смерть П. А. Столыпина («от руки террориста-еврея») помешала ему завершить земельную реформу, хотя исследователям давно было известно, что именно смерть не позволила царю отправить премьера в отставку. Получалось, что, решая вопросы внутренней и внешней политики, царь неизменно и безусловно был прав. Создавался образ не только праведного, но и мудрого правителя, достойно и умело на протяжении более чем двадцати лет управлявшего страной. В книге Е. Е. Алферьева упомянут и сибирский странник Г. Е. Распутин, «обладавший чудесным даром врачевания», «единственный человек, облегчавший страдания Наследника и умевший прекращать Его припадки гемофилии». Специально о его праведности не говорилось, но начало церковной «реабилитации» «старца» было положено.

Но главное, как мне кажется, заключалось в другом. Е. Е. Алферьев популяризировал мнение епископа Сеаттлийского (РЗПЦ) Нектария (Концевича), незадолго до канонизации Николая II заявлявшего, что убийство «Удерживающего» было ритуальным, а не политическим, и

«подобно тому, как Христос был распят за грехи всего мира на Голгофе, всеми оставленный, так и Государь принесен в жертву за грехи всей России, также всеми оставленный». Владыка подчеркивал, что грех царубийства тяготеет над всем русским народом и канонизация нужна для того, «чтобы иметь маленькую надежду на снятие греха с совести России». Государь, подчеркивал епископ Нектарий, принял смерть за Православную веру, Церковь и Отчизну.

Акценты были расставлены и задачи определены. Николай II воспринимался как глава всех новомучеников, как символ разрушенного и уничтоженного иноверными врагами православного мира. Его смерть уподоблялась крестной смерти Христа, а его убийство ставилось в вину прошлым, нынешним и грядущим поколениям, — вплоть до соборного покаяния. И хотя иерархи РЗПЦ не называли царя «Искупителем», их частные заявления и признания не могли не сыграть злой шутки с историей восприятия святости православными верующими, разумеется — в перспективе. Чем больше разлагалась коммунистическая идеология с ее обязательными атрибутами: декларируемым неприятием монархического строя и государственным атеизмом, тем больше граждан СССР, чьи предки некогда называли себя православными, обращали внимание на прошлое своей страны, в силу своего разумения пытались понять, что же «потеряла», а что «приобрела» страна после 1917 года. Горбачевская перестройка сделала этот процесс необратимым. На фоне антисталинских публикаций, довольно быстро сменившихся резкой критикой Ленина, его «гвардии» и большевизма в целом, восприятие царской России менялось буквально на глазах. Разговоры о «Николае Кровавом» и прежняя риторика советских пропагандистов всерьез восприниматься уже не могли. За период с апреля 1989-го по 17 марта 1998 года было опубликовано 1635 книг, статей, заметок и публикаций, где так или иначе затрагивались и освещались вопросы, связанные с последним русским самодержцем. Требовалось все переосмыслить и переоценить.

Одним из последствий такой переоценки можно считать возросший интерес к предреволюционной истории страны и к Николаю II, эту историю олицетворявшему. Неслучайно тогда и прозвучали голоса тех, кто разделял рассмотренные выше позиции епископа Нектария и Е. Е. Алферьева. Вопрос о святости, жизни и смерти царя становился для новых «советских» монархистов определяющим их мировоззрение. В конце 1980-х годов отечественные монархисты впервые заговорили и о «святом старце» Григории Распутине, праведнике, оболганном врагами последнего самодержца. Вопрос этот на Царском вечере 16 июля 1989 года,

устроенном обществе «Радонеж», затронул московский журналист А. А. Щедрин. С тех пор Щедрин, взявший псевдоним Николай Козлов, стал одним из самых активных и неумных проповедников святоети Николая II, якобы «ритуально» убитого врагами России, равно как и «оклеветанного» царского «Друга», также «ритуально» умерщвленного накануне революции 1917 года.

Православные маргиналы непременно связывали (и связывают поныне) «святость» Распутина и праведность царской семьи. Одним из первых по времени проявлений такого отношения к сибирскому страннику можно считать его «прославление» так называемыми истинными христианами Катакомбной Русской православной церкви. На своем «Освященном соборе епископов» 11 (24) февраля 1991 года они приняли несколько постановлений о причислении к лику святых. Среди новых святых значился и «мученик Григорий, наставник Царской Семьи Романовых». «Истинные христиане» заявляли, что он встал на пути разрушения царской власти и был убит в результате заговора масонской ложи, прославив Русскую церковь в апокалиптическое последнее время.

Логика «канонизаторов» проста и понятна: рядом с царской семьей не мог находиться «хлыст и развратник», ибо и Николай II, и Александра Федоровна почитали «отца Григория» как своего «Друга» вплоть до собственной кончины. Этой логики придерживался и упоминавшийся выше Щедрин (Н. Козлов), в начале 1990-х годов много потрудившийся на ниве популяризации самых экстравагантных идей о царе, Распутине и их убийстве. На протяжении ряда лет Козлов распространял «Опричный листок», в котором и нашли отражение его церковно-политические взгляды. Разумеется, Козлов — воинствующий юдофоб, для которого смерть царя и гибель монархии есть результат «жидовских козней». Все его убогое богословие и зиждется на этом основании. «До той поры будут блуждать русские люди во мраке жидовского наваждения в поисках Святой Руси, — поучал читателей Н. Козлов, — пока не воздадут должное почитание памяти русского Царя, умученного от жидов со всей Его Семей, и царского Друга и человека Божия Григория, посланного Богом для спасения России от греха богоотступничества и клятвопреступления, хотя бы для этого пришлось поднять все те же клеветы и поношения, которые понесли ради Христа и России Царственные Мученики и их Друг. И тогда болезнь, которую наваждают жиды на Россию, „обратится на главу их“».

Итак, канонизация царя и его «Друга», по Козлову, — необходимое условие для духовного возрождения страны. Как говорили древние — *sapienti sat!* От придуманной однажды схемы Козлов более не отступал,

говоря о святости последнего самодержца непременно в контексте его «ритуального» убийства. Козлов договаривается до того, что заявляет как о тайне — о сакральном имени «того еврея из колена Данова, который приказом об убийстве Царской Семьи таинственно взял на себя скипетродержание Царства Русского». Следовательно, заявляет Козлов, с тех пор Россия находится под властью врагов православной веры. С такой властью нельзя общаться, правды от нее быть не может, доверять ее заявлениям нельзя. Если власть говорит о екатеринбургских останках как об останках убитых в доме Ипатьева, она лжет. Мощи святых не принимают из вражеских рук. Останки обретут верные почитатели и духовные наследники царя-мученика, и обретение это проявится «в грозных знамениях и силе отмщающей Божественной благодати».

Н. Козлов, конечно, не является и никогда не являлся выразителем мнения церковной общественности современной России, но его взгляды в «разбавленном», так сказать, виде в 1990-е годы имели широкое распространение в православной и околоправославной среде. Случайностью назвать это невозможно: знание и понимание запутанного прошлого требует больших усилий воли и дисциплины ума, чем принятие «на веру» утверждений о «врагах», сознательно разрушающих все доброе и честное. 1990-е годы показали, что советскому человеку, выросшему в плену коммунистических мифов, было легче поменять «знаки» (с «минуса» на «плюс» или наоборот), чем признаться в принципиальной абсурдности дихотомического отношения к истории. Поэтому, думается, христианское восприятие прошлого часто оказывалось окрашено в политические цвета самых экзотических оттенков. Богословская некомпетентность большинства «новых православных» приводила (а зачастую и приводит) их к оценке последнего самодержца не только как «воплощения русской государственности» и символа национальной идентичности, но и как религиозного лидера Российской империи.

Неслучайно призывы к канонизации царя, наряду с другими жертвами большевизма, в 1990-е годы возбуждали страсти как «слева», так и «справа». Писавший об этом западный славист Доминик Ливен замечал, что важным пунктом здесь являлся факт еврейского происхождения основных участников подготовки убийства царской семьи — Юровского, Голощекина и Свердлова. «Обвинение в том, что именно евреи уничтожили носителя и символ русской национальности и государственности — мощное оружие в арсенале антисемитов», — подчеркивал Д. Ливен^[132]. Антисемитов не смущает, что Юровский был крещен, а большинство непосредственных убийц Романовых были русскими. К чему обращать

внимание на это? Ведь «ритуал» многое объясняет и заставляет смотреть на екатеринбургское злодеяние как на религиозное преступление. Впрочем, и здесь не все оказывается гладко. Сторонники «еврейского следа», вопреки логике и здравому смыслу, вслед за епископом Нектарием пытаются утверждать, что грех цареубийства — наследственный для русского народа (вплоть до соборного покаяния в совершенном преступлении).

Одним из современных апологетов данной идеи является филолог Т. Л. Миронова, указывающая на то, что многие документы, касавшиеся жизни царской семьи и их «Друга», искажены и претенциозны, что подозрения в фальсификации могут быть сняты с тех источников (касающихся последнего самодержца и его близких), «которые опубликованы были при жизни их авторов и под их неусыпным контролем». Подобное заявление можно назвать «новым словом» в источниковедческой науке, ибо следование предложенному принципу изначально резко сужает круг материалов, которые следует считать «истинными». К счастью, призыв «новатора» не находит поддержки в среде серьезных исследователей, занимающихся изучением истории предреволюционной России и ее последнего самодержца.

Но вернемся к идеям госпожи Мироновой. Для нее очевидно, что отречение от царя — помазанника Божьего было отречением «от самого Господа и Христа Его». Тезис иллюстрируется примером «греха Богоубийства», лежащего «печатью богоотверженности» на всем еврейском народе! Наследный грех предков у русских, таким образом, переходит от поколения к поколению. Избыть его возможно, лишь утвердившись в святости христианского подвига Николая II и начав молиться ему, восклицая: «Святой Царю Николае, искупителю грехов наших, великомучине, моли Бога о нас!» Искать логику в приведенных выше фразах — дело неблагодарное, тем более что Т. Л. Миронова ничтоже сумняшеся пишет и о ритуальном характере екатеринбургской трагедии.

Все оказывается свалено в одну кучу: «вездесущие жида», «предательство» царя православным народом, искупление грехов этого самого народа великим царем. Спрашивается, какие грехи русских людей искупил Николай II, если на них и на их предках продолжает пребывать проклятие отречения, совершенного *всем народом* в 1917 году?! Все, кроме греха отречения от него самого как помазанника? А ведь догмат об искуплении грехов всего мира крестной смертью Иисуса Христа является в православном вероучении одним из важнейших! Но даже если согласиться с тем, что царь «искупил» грехи русского народа, то остается вопрос о том, как быть с «ритуальной» версией. Следуя ей, необходимо признать

«виновными» в убийстве Николая II «злых иноверцев», а православных — жертвой собственного неведения, наивности, помрачения или чего-нибудь еще, что привело к «нарушению» (по логике «царебожников») клятвы 1613 года на верность династии Романовых! Наказывать грядущие «нераскаившиеся» поколения за неведение и помрачение абсурдно (тем более что покаяние всегда индивидуально, человек спасает прежде всего свою собственную душу, даже полагая ее «за други своя»). Однако мифологическое мышление невосприимчиво к таким «нюансам».

Еще до официального прославления царской семьи (о чем речь впереди) в среде почитателей последнего самодержца получили распространение «Житие и акафист Святому Благоверному Царю и Великомученику Николаю Второму» — результат православного «народного творчества», — в которых были следующие слова: *«Аггелов Творец посла Тя Земли Российстей, яко аггела незлобия и вразумления к народу Твоему, Тя бо избра по образу Сына Своего Единороднаго в жертву искупления за грехи людския. Мы же, дивишися таковому о Тебе промышлению Вседержителя, покаянно зовем Ти: Радуйся, Христу уподобление. Радуйся, жертво всесожжения. Радуйся, российских царей украшение. <...> Радуйся, за Русскую Землю жертво умильная»* и т. д. И хотя в среде неумных почитателей царя подобные опусы пользовались признанием, вплоть до официального акта канонизации они широко распространяться не могли.

Вот в такой непростой обстановке священноначалие Русской православной церкви приступило к обсуждению вопроса о церковном почитании Николая II и его близких. В 1996 году Синодальной комиссией РПЦ по канонизации святых был подготовлен сборник материалов, связанных с вопросом о канонизации царской семьи. Сборник появился не случайно, — ведь еще весной 1992 года Архиерейский собор поручил Синодальной комиссии исследовать материалы об убийстве последнего самодержца. Тогда же решили приступить к исследованию исторического, нравственного и религиозного аспектов его царствования. В итоге церковные ученые и богословы подготовили необходимые справки — об отношении Церкви к страстотерпчеству, о православном взгляде на государственную деятельность Николая II и его церковную политику, о событиях 9 января 1905 года, отношениях царской семьи и Г. Распутина, о последних днях царя и его близких. Так как Николая II предполагалось канонизировать в чине страстотерпца, то последний раздел (о периоде его заключения под стражей) рассматривался более подробно, чем остальные.

Синодальная комиссия стремилась доказать, что Николай II в строгом

смысле слова не являлся мучеником за Христа, а безвинно принял насильственную смерть от рук «противников», попавших «в сети дьявола, который уловил их в свою волю» (2 Тим. 2:25–26). Составители справок, в отличие от Е. Е. Алферьева, не преследовали цель во что бы то ни стало представить царя «идеальным» правителем государства. Так, описывая события 9 января 1905 года, они признали, что определенная доля ответственности за пролитую кровь «может быть возложена на Государя как с исторической, так и с нравственной точек зрения», а по поводу сибирского «старца» отметили, что Николай II «оказался не в состоянии противостоять воле Императрицы, истерзанной отчаянием из-за болезни сына и находившейся в связи с этим под зловещим влиянием Распутина, — добавив с пафосом, — как дорого пришлось впоследствии заплатить всей семье за это!».

Честно рассмотрев основные вехи жизни и правления последнего самодержца, Синодальная комиссия акцентировала внимание на страданиях царской семьи в последние дни ее земного существования, подчеркнув, что за ними «мы видим всепобеждающий зло свет Христовой истины, который был явлен в их мученической кончине»^[133]. Как видим, священноначалие Русской православной церкви при рассмотрении вопроса о канонизации царской семьи попыталось избежать тех крайностей, на которые ее толкали неумные почитатели «царя-искупителя». Смерть Николая II назвали политическим убийством, тем самым избежав разговора о религиозной его «подкладке». Сама канонизация тогда проведена не была — ее планировали осуществить некоторое время спустя на церковном Соборе.

Подобный подход не умиротворил и не остановил как сторонников, так и противников причисления Николая II к лику святых. Почитатели «искупительного подвига» царя продолжали и далее говорить о нем в прежнем духе, подчеркивая «духоносность» Григория Распутина и популяризируя «ритуальную» версию екатеринбургского убийства. К примеру, за год до канонизации царской семьи уже упоминавшаяся Т. Л. Миронова утверждала, что Распутин духовно сопутствовал царю в его служении помазанника Божьего, что через поношение имени царского «Друга» предавалось поношению и имя венценосца, что «Друг» пал жертвой организованной клеветы, закончившейся его ритуальным убийством, и, наконец, что прогнать царя можно только вместе с Богом, благодатно на нем пребывающим.

Нельзя сказать, что подобные призывы игнорировались церковной публицистикой. О «царе-искупителе» и ереси «царебожия» неоднократно

писал консервативный церковный журнал «Благодатный огонь». В мае 2000 года священник Петр Андриевский, разбирая богословские новаторства «царебожников», назвал Т. Л. Миронову самозванным историком Церкви, чьи мнения граничат с кощунством. Но ни госпожу Миронову, ни ее единомышленников это не остановило: у них было свое видение истины, своя шкала ценностей, свое объяснение идеи искупления.

Взгляд на царя как на *первого в сонме христиан, «за Христа пострадавших»* в период большевистских антирелигиозных гонений, был свойствен не только «царебожникам», но и тем православным, кто не говорил об «искуплении» и «наследственном грехе» народа. Известный московский священник — отец Александр Шаргунов в 1990-е годы активно выступал в поддержку идеи сопричисления царя к лику святых. По его мнению, свержение и убийство Николая II («первомученика в Церкви новомучеников») вызвало и другие убийства — православных священников и мирян. «Подвиг мученичества, святости, — указывал отец Александр в работе „О значении канонизации царственных мучеников“, — заключается в полном отвержении себя, в совершенном предании себя воле Божией. Вот тайна отречения от престола последнего святого Царя, которое постоянно ставят ему в вину: для него не было разницы между долгом христианина, исполняющего заповеди Божии, и долгом Государя».

Понятно, что при желании можно объяснить все, что угодно, но делать смелые заключения о причинах отречения Николая II от престола лишь на основании произвольно трактуемого долга государя, полагаю, исторически некорректно. Получалось, что последний самодержец понимал «волю Божью» лучше, чем кто бы то ни был в России. Может, так оно и есть, но доказательная база на сегодняшний день, увы, явно недостаточна. Мало того, апологеты последнего самодержца пытаются доказать, что о своем трагическом конце Николай II знал от старцев и стариц. В качестве примера можно привести материалы, помещенные в сборнике 2000 года, посвященном последнему царю и изданном «Обществом святителя Василия Великого». Каких только пророчеств и предсказаний там нет! Сообщается, например, о том, что со всеми серьезными вопросами государь обращался к дивеевской блаженной Паше (Параскеве Ивановне), посылал к ней великих князей, и что Паша заявила ему: «Государь, сойди с престола сам». Точно так же поступала, согласно помещенному в сборнике рассказу, и Александра Федоровна, в 1910 году ездившая узнать свое будущее к некоей юродивой Марфе — в Царицын. Юродивая якобы предсказала смерть и сожжение тел царских мучеников. «Предсказателем» будущего последнего самодержца делают и монаха Авеля, о котором уже

говорилось в этой книге. Повторимся: главное в приводимых историях — показать, насколько «закономерным» был трагический исход, насколько царь выполнял волю Божию, безропотно принося себя в жертву.

Нельзя не сказать, что в церковной среде подобные настроения встречали противодействие и резкую критику. В частности, такой цели служила подготовленная православным публицистом И. В. Смысловым книга «Царский путь». Автор, высказав свое отрицательное отношение к только намечавшейся тогда канонизации, рассмотрел вопросы о симфонии властей, затронул тему семейных отношений в царской семье и проблеме Распутина, рассказал о собственном видении отречения и даже о «чудесах царственных мучеников». На огромном фактическом материале И. В. Смыслов постарался доказать, что «нарисованный ныне образ святого Царя часто не соответствует историческим фактам», и привел в конце своего повествования рассказ из Отечника, где речь шла о подвижнике высокой духовной жизни, мыслившем себе Бога по образу человека. Собравшиеся вместе старцы и ученые-монахи доказали ему, что слова «руце» и «нозе» Божии в Священном Писании — не плоть и кровь, а слова в переносном значении. Подвижник упал на землю и зарыдал: «Отняли у меня Бога моего!..» «С иллюзиями расставаться очень сложно, — резюмировал И. В. Смыслов. — Но необходимо!»

Благое пожелание, как и следовало ожидать, не было услышано теми, к кому было обращено: сторонники канонизации царя (и писавшие о его страстотерпческом подвиге, и «царебожники») остались при своем мнении. А вскоре на Юбилейном Архиерейском соборе Русской православной церкви 2000 года решение о канонизации царской семьи единогласно утвердили. За страданиями, перенесенными Николаем II и его близкими, заявил председатель Синодальной комиссии по канонизации святых митрополит Ювеналий (Поярков), «мы видим людей, искренне стремившихся воплотить в своей жизни заповеди Евангелия»^[134]. Постановлением Архиерейского собора Николай II, императрица Александра Федоровна и их дети: цесаревич Алексей и великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия были прославлены как страстотерпцы в Соборе новомучеников и исповедников российских, включающих 860 православных праведников. К лику святых не были причислены канонизированные за рубежом великие князья, князья императорской крови, придворные и слуги Романовых, убитые большевиками в 1918–1919 годах на Урале и в Петрограде. Исключение составили только великая княгиня Елизавета Федоровна и ее помощница Варвара, канонизированные Русской православной церковью ранее, — в первой половине 1990-х годов.

К 2000 году оказался открытым и вопрос о признании Церковью найденных в 1991 году «екатеринбургских останков» как останков убитых в Ипатьевском доме царя, царицы, их детей и слуг. Вплоть до сегодняшнего времени эта проблема не нашла своего окончательного решения. Разумеется, не признали (и не признают) «екатеринбургские останки» и те, кто почитает последнего самодержца как «искупителя» грехов русского народа. 26 февраля 1998 года, когда выяснились правительственная позиция и желание власти организовать в июле торжественные похороны этих останков в Петропавловской крепости Петербурга, Священный синод РПЦ принял определение, в котором заявил: *«Решение Государственной комиссии об идентификации найденных под Екатеринбургом останков как принадлежащих семье Императора Николая II вызвало серьезные сомнения и даже противостояния в Церкви и обществе»*. Члены Синода высказались в пользу безотлагательного погребения останков в символической могиле-памятнике, посчитав, что они могут принадлежать жертвам богоборческой власти. О том, что это останки царской семьи, не говорилось: все ограничилось надеждой на то, что в будущем, «когда будут сняты все сомнения», к вопросу о захоронении можно вернуться. Решение о непризнании «екатеринбургских останков» царскими Синод принял в самый последний момент. Очевидно, здесь сыграла свою роль настойчивость «православной общественности», не верившей экспертизе, проведенной ненавидимым «оккупационным режимом».

Я вспоминаю, как в те дни в церковной лавке одного из патриархийных храмов Петербурга купил брошюру «Царь-мученик Николай II». На первой странице под изображением императорской короны и именем царя («Император всея Руси Николай Александрович») помещалось две надписи: «Родился 6 мая 1868 г.» и «4/17 июля 1918 г. царская семья была расстреляна иноверцами». Третья строка была замазана белилами. Однако расчистив надпись, удалось прочесть следующее: «7 июля 1998 г. — погребен в соборе Петра и Павла в Санкт-Петербурге». Православное издательство, готовившее брошюру к печати, очевидно, в последний момент узнало о решении Синода и, не желая перепечатывать заново первую страницу, ограничилось «технической правкой».

Правительство не приняло в расчет пожелания Синода, и 16 июля 1998 года в Петербурге прошли траурные церемонии, связанные с похоронами тех, кого государство объявило последним самодержцем, его супругой, детьми и слугами. Под звуки похоронного марша старшие офицеры Российской армии вынесли из самолета, прилетевшего утром из Екатеринбурга, гробы с останками Алоизия Труппа, Ивана Харитонов,

Анны Демидовой, доктора Евгения Боткина и великих княжон Анастасии, Татьяны и Ольги. Когда настало время выноса покрытых императорскими штандартами гробов Александры Федоровны и Николая II, военный оркестр, ранее игравший не в полном составе, заиграл церковный гимн «Коль славен наш Господь в Сионе». В таком же порядке, как их вынесли из самолета, гробы установили на катафалки, и кортеж тронулся по улицам Петербурга — в крепость. Проехав мимо Зимнего дворца через Троицкий мост, процессия прибыла к месту похорон. При въезде кортежа на Троицкую площадь начался колокольный звон, прекратившийся в момент внесения в собор (на руках офицеров) гроба императора. Церемония прощания состоялась на следующий день, в пятницу 17 июля.

По благословению патриарха Алексия II прошла панихида, которую возглавил настоятель собора Петра и Павла протоиерей Борис Глебов. Во время ее совершения клирики молились *«О упокоении душ усопших рабов Божиих: всех в годину лютых гонений за веру Христову умученных и убиенных, их же имена, Господи, Ты Сам веси»*. На церемонию прибыли около тридцати потомков дома Романовых — из США, Канады, Великобритании, Италии, Швейцарии, Дании, Австралии, Франции и Уругвая. Президент России Б. Н. Ельцин выступил с кратким словом, в котором оценил перезахоронение «невинно убиенных» как «символ единения народа, искупление общей вины». Траурное событие было явно государственного масштаба. О том, что хоронят именно Николая II и его близких, говорили практически все теле-и радиокомментаторы России и мира. Занимавший в то время пост губернатора города В. А. Яковлев за неделю до похорон выступил со специальным обращением к жителям Северной столицы, призвав всех сохранять национальную память. «Пусть наши грехи и ошибки останутся в прошлом, — говорил В. А. Яковлев. — А ныне воздадим последний долг усопшим и даруем долгожданное успокоение их останкам».

Как могло, Российское государство постаралось этот долг отдать: «екатеринбургские останки» нашли свое вечное упокоение в Екатерининском приделе собора Петра и Павла. «Акт, который совершался через 80 лет после расстрела царской семьи, не является актом простых похорон. Это акт покаяния, в каком-то смысле символический», — писал в те дни журналист «Аргументов и фактов», убежденный в том, что отказ Церкви признать подлинность «екатеринбургских останков» является огромной ошибкой: «Наши попы вдруг опустились до уровня простого, простейшего материализма. Это второе поражение Церкви в нашей истории после разоблачения ее связей со спецслужбами». Такое резкое

замечание, по большому счету, не столько клеймило «попов», сколько дезавуировало заявление о покаянии, ведь верующие, и признающие и не признающие «екатеринбургские останки», были частью нового, постсоветского общества. И все-таки, думается, журналист не ошибался, когда заявлял, что после 17 июля 1998 года «коммунизм наконец перестал быть страшен. Его пригвоздили к позорному столбу...».

Преодоление страха, однако, не принесло в российское общество примирения. В статье «Нераскающаяся Россия», опубликованной «Санкт-Петербургскими ведомостями» 25 июля 1998 года, петербургский историк В. В. Калашников, разделяющий социалистические убеждения, заявил, что национальное примирение не достигается путем лукавства. «Примирение, построенное на обмане, — заявил он, — всегда оборачивается еще большей непримиримостью». В. В. Калашников был не одинок в своем восприятии похорон последнего самодержца как *политической акции* правительства Б. Н. Ельцина. Недоверие к первому президенту России, в 1977 году беспрекословно (что удивлять, конечно, не может) исполнившему решение Политбюро ЦК КПСС о сносе дома Ипатьева, испытывали не только «левые» критики тогдашнего российского «режима», в лучшем случае безразлично относившиеся к памяти последнего самодержца, но и «правые» — православные монархисты, люто ненавидевшие российских «демократов» и безосновательно подозревавшие их в фальсификации экспертизы «екатеринбургских останков». Их «принципиальность», скорее, психологического свойства, ибо поверить в то, что Николай II нашел упокоение в Петербурге, значит, признать останки «честными мощами», возвращенными православным «неправославной» властью. Психологически это тяжело и священноначалию, хотя вопрос о принадлежности «екатеринбургских останков» царской семье — после обнаружения в августе 2007 года останков цесаревича Алексея и великой княжны Марии, — несомненно, актуализировался. Но привело ли это к исчезновению оснований «для смущения и противостояния» в обществе? Очевидно, не привело.

Вплоть до сегодняшнего дня животрепещущим вопросом церковной жизни остается и вопрос о «царе-искупителе»: те, кто верил в особую миссию последнего русского самодержца, не изменили своего убеждения и отстаивают его как только возможно. Не будет преувеличением сказать, что в последнее время священноначалие Русской православной церкви стало воспринимать «царебожие» как серьезную болезнь, требующую срочного врачевания. Но объяснение «впавшим в прелесть» учения о «царе-искупителе» симптомов их «болезни» крайне редко приводит их к мысли о

необходимости лечения. Наоборот, «врачи» могут услышать от своих «пациентов» сакраментальное: «Исцелися сам».

На сегодняшний день можно констатировать, что внутрицерковная критика «ереси царебожия» ни к чему не привела: все остается по-прежнему. Восприятие святости канонизированного царя у разных православных различно. Для одних он — «страстотерпец», для других — «искупитель», которого Собор 2000 года возвел в «неправильный чин святости». И хотя для большинства тех, кто считает себя чадами Русской православной церкви, это не имеет принципиального значения, вопрос о том, как с *религиозной точки зрения* относиться к последнему самодержцу, весьма показателен. Судя по всему, для Николая II «историческая давность» еще не наступила. Он не только историческая, но и политическая фигура. А это значит, что он принадлежит прошлому не меньше, чем будущему. Как это отзовется в новых работах о последнем русском царе — покажет время, которое, как считается, лучший врач. На это и будем уповать!

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

1868, 6 мая — рождение великого князя Николая Александровича в Царском Селе.

20 мая (Духов день) — крещение великого князя в церкви Большого Царскосельского дворца.

1871, 27 апреля — рождение брата, великого князя Георгия Александровича.

1875, 25 марта — рождение сестры, великой княжны Ксении Александровны.

6 декабря — Николай Александрович произведен в чин прапорщика.

1877 — назначение генерала Г. Г. Даниловича воспитателем великого князя.

1878, 22 ноября — рождение брата, великого князя Михаила Александровича.

1881, 1 марта — смерть императора Александра II.

2 марта — Николай Александрович объявлен наследником престола с присвоением титула «цесаревич» и назначением атаманом казачьих войск.

13 марта — цесаревич — канцлер Александровского университета в Финляндии.

Июль — посещение цесаревичем, вместе с отцом, императором Александром III, Москвы.

1882, 1 января — великий князь Николай Александрович начал вести дневник.

1 июня — рождение сестры, великой княжны Ольги Александровны.

1883, май — участие цесаревича в коронационных торжествах отца, императора Александра III.

1884, 6 мая — церемония совершеннолетия, принятие Николаем Александровичем присяги и вступление на действительную службу.

30 августа — получение цесаревичем чина поручика.

1887, 30 августа — получение цесаревичем чина штабс-капитана.

1888, июнь — август — командование ротой Его Величества лейбгвардии Преображенского полка.

17 октября — крушение царского поезда, в котором находились

император Александр III и члены его семьи, включая цесаревича Николая Александровича, около станции Борки Курско-Харьковско-Азовской железной дороги.

1889, январь — первое знакомство на придворном балу в Петербурге с будущей женой, принцессой Гессенской Алисой. *6 мая* — цесаревич назначен флигель-адъютантом, членом Государственного совета и Комитета министров.

1890, март — его знакомство с балериной М. Ф. Кшесинской.

23 октября — 1891, 4 августа — участие Николая Александровича в кругосветном путешествии.

1891, 17 марта — высочайший рескрипт цесаревичу на открытие уссурийского участка сплошной Сибирской железной дороги.

21 апреля — получение цесаревичем чина капитана.

29 апреля (11 мая) — покушение на цесаревича, совершенное в японском городе Отсу полицейским Санцо Тсуда.

17 ноября — Николай Александрович назначен председателем Особого комитета для помощи нуждающимся в местностях, пострадавших от неурожая.

1892, апрель — август — его служба в 1-й Его Величества батарее Гвардейской конно-артиллерийской бригады.

6 августа — производство в чин полковника.

1893, 2 января — цесаревич назначен командиром 1-го батальона лейбгвардии Преображенского полка.

14 января — цесаревич назначен председателем Комитета Сибирской железной дороги (состоял в должности до 15 декабря 1905 года).

5 марта — высочайший рескрипт цесаревичу за председательствование в Особом комитете для помощи нуждающимся в местностях, пострадавших от неурожая.

1894, 8 апреля — помолвка цесаревича и Алисы Гессенской в Кобурге (Германия).

Июнь — июль — посещение Великобритании, встреча с невестой.

Июль — торжества, связанные с бракосочетанием сестры цесаревича — Ксении Александровны и великого князя Александра Михайловича.

Сентябрь — обострение болезни императора Александра III, переезд царской семьи в Ливадию.

10 октября — приезд невесты цесаревича принцессы Алисы Гессенской в Ливадию.

20 октября — кончина императора Александра III, вступление на престол императора Николая II.

21 октября — приведение к присяге новому императору первых чинов двора; миропомазание невесты императора и наречение ее «благочестивой великой княжной Александрой Федоровной».

7 ноября — похороны императора Александра III в Петропавловском соборе Петропавловской крепости.

14 ноября — свадьба императора Николая II и Александры Федоровны.

1895, 17 января — произнесение Николаем II речи в Николаевском зале Зимнего дворца в ответ на верноподданнический адрес, подготовленный тверским земством. Заявление о преемственности политического курса.

3 ноября — рождение дочери, великой княжны Ольги Николаевны.

1896, 14 мая — коронация в Москве.

18 мая — Ходынская катастрофа.

15–17 августа — первый официальный визит императору Австро-Венгрии Францу Иосифу.

24–26 августа — первая встреча Николая II в качестве императора всероссийского с германским императором Вильгельмом II. *23–27 сентября* — официальное посещение Николаем II и Александрой Федоровной Франции. (Со времени всемирной выставки 1867 года, после установления республики, коронованные гости Париж не посещали.)

1897, 28 января — проведение первой Всероссийской переписи населения.

15–16 апреля — официальное посещение Петербурга императором Австро-Венгрии Францем Иосифом. Заключение соглашения о поддержании на Балканах существующего положения.

29 мая — рождение дочери, великой княжны Татьяны Николаевны.

26–30 июля — официальный ответный визит в Россию императора Германии Вильгельма II.

11–14 августа — официальный ответный визит в Россию президента Франции Феликса Фора.

19–22 августа — посещение Николаем II и Александрой Федоровной Варшавы.

29 августа — указ, инициировавший проведение в России реформы золотого денежного обращения.

1898, август — выступление Николая II с инициативой, обращенной к правительствам государств, аккредитованных при Русском Дворе, с предложением созыва конференции и обсуждения на ней возможностей «положить предел росту вооружений» и «охранить» всеобщий мир.

15 марта — занятие Россией Лядунского полуострова.

1899, 3 февраля — подписание Николаем II Манифеста о Финляндии и

опубликование «Основных положений о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского».

18 мая — начало работы «мирной» конференции в Гааге, инициированной Николаем II. На конференции обсуждались вопросы ограничения вооружений и обеспечения прочного мира; в ее работе приняли участие представители 26 стран.

14 июня — рождение дочери, великой княжны Марии Николаевны.

28 июня — смерть наследника престола, младшего брата Николая II цесаревича Георгия Александровича.

1900, 12 июня — указ об отмене ссылки в Сибирь на поселение.

Июль — август — участие русских войск в подавлении «боксерского восстания» в Китае. Занятие Россией всей Маньчжурии — от границы империи до Ляодунского полуострова.

Конец октября — ноябрь — болезнь императора (брюшной тиф).

1901, 14 февраля — убийство министра народного просвещения Н. П. Боголепова.

5 июня — рождение дочери, великой княжны Анастасии Николаевны.

Июль — бракосочетание сестры царя Ольги Николаевны и принца П. А. Ольденбургского (брак был расторгнут в сентябре 1916-го).

20 сентября — встреча и знакомство Николая II и Александры Федоровны с «лионским магнетизером» Филиппом Низье-Вашо, ставшим впоследствии «Другом царей».

1902, 2 апреля — убийство министра внутренних дел Д. С. Сипягина.

1903, 26 февраля — Манифест «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка».

12 марта — издание закона об отмене круговой поруки.

17–20 июля — участие Николая II и некоторых других членов дома Романовых в торжествах по случаю канонизации преподобного Серафима Саровского.

1904, 27 января — атака японскими эсминцами русской эскадры, стоявшей на внешнем рейде Порт-Артура; начало Русско-японской войны.

31 марта — гибель командующего Тихоокеанским флотом вице-адмирала С. О. Макарова.

3 июня — убийство генерал-губернатора Великого княжества Финляндского Н. И. Бобрикова.

15 июля — убийство министра внутренних дел В. К. Плеве.

30 июля — рождение сына, наследника престола цесаревича и великого князя Алексея Николаевича.

25 августа — назначение князя П. Д. Святополк-Мирского министром внутренних дел; попытка установления «доверительных» отношений с обществом.

12 декабря — подписание Николаем II указа «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка».

1905, 6 января — высочайший выход к Иордани (сделанной на Неве напротив Иорданского подъезда Зимнего дворца), во время которого одна из батарей «салутовала» царю боевой картечью.

9 января — Кровавое воскресенье в Петербурге. Начало Первой российской революции.

19 января — прием в Царском Селе Николаем II делегации рабочих столичных и пригородных заводов и фабрик. Из собственных средств на помощь членам семей убитых и раненых 9 января царем было выделено 50 тысяч рублей.

4 февраля — убийство в Москве дяди царя, великого князя Сергея Александровича.

18 февраля — рескрипт Николая II на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина о разработке мер для привлечения населения к обсуждению законодательных предположений. Весна — рост аграрных беспорядков в ряде центральных губерний империи.

14–15 мая — Цусимское сражение, гибель русской эскадры.

17 апреля — подписание Манифеста «Об утверждении начал веротерпимости».

14–24 июня — восстание на броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический».

10–11 июля — свидание императоров Николая II и Вильгельма II в финских шхерах (на рейде Бьорке). Подписание Бьоркского договора, согласно которому стороны должны были оказывать друг другу поддержку в случае нападения на них в Европе. Дезавуирован вскоре после подписания Николаем II как несоответствующий интересам союзной России Франции.

18–26 июля — Петергофские совещания, прошедшие под председательством Николая II и посвященные выработке проекта Государственной думы.

6 августа — подписание Манифеста об учреждении Государственной думы («Булыгинская дума»).

23 августа — заключение Портсмутского трактата, положившего конец Русско-японской войне. Ценой мира стали: потеря Россией южной части острова Сахалин, уступка Японии аренды Ляодунского полуострова с

крепостями Порт-Артуром и Дальним, признание японских интересов в Корее и уплата Японии денежных сумм за содержавшихся ею русских военнопленных.

17 октября — подписание Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка». Начало новой эпохи — эпохи «Думской монархии».

22 октября — опубликование Манифеста, приостанавливавшего действия всех законов, начиная с Манифеста 3 февраля 1899 года, оспаривавшихся сеймом Финляндии.

24 октября — 1906, 22 апреля — граф С. Ю. Витте — председатель Совета министров.

1 ноября — знакомство Николая II и Александры Федоровны с сибирским странником Григорием Распутиным.

5, 7, 11 декабря — Особое совещание под председательством царя, посвященное обсуждению нового избирательного закона.

9–19 декабря — вооруженное восстание в Москве. *12 декабря* — опубликование царского указа с изменениями положения о выборах в Государственную думу.

23 декабря — прием Николаем II делегации Союза русского народа и принятие за себя и за наследника значков членства в СРН.

1906, 8 марта — 15 декабря — работа Предсоборного Присутствия Православной Российской Церкви.

22 апреля — вместо С. Ю. Витте председателем Совета министров назначен И. Л. Горемыкин.

23 апреля — утверждение новой редакции «Основных государственных законов» Российской империи, оформивших существование самодержавной власти совместно с Государственной думой.

27 апреля — начало работы Первой Государственной думы; речь Николая II перед депутатами в Георгиевском тронном зале Зимнего дворца.

8 июля — отставка И. Л. Горемыкина и назначение П. А. Столыпина председателем Совета министров.

12 августа — покушение на П. А. Столыпина (взрыв министерской дачи на Аптекарском острове Петербурга).

5 октября — отмена правовых ограничений для лиц крестьянского сословия.

9 ноября — подписание указа о выделении крестьян из общины с получением земли в личную собственность; начало Столыпинской аграрной реформы.

1907, 20 февраля — открытие Второй Государственной думы.

10 марта — кончина учителя и политического наставника Николая II К. П. Победоносцева.

25 апреля — отказ Николая II созвать «в ближайшее время» Поместный Собор Православной Российской Церкви.

3 июня — Манифест о роспуске Думы и о введении нового избирательного закона; окончательное подавление Первой российской революции.

21 июля — свидание императоров Николая II и Вильгельма II на рейде в Свинемюнде.

18 августа — подписание в Петербурге конвенции с Великобританией по делам Персии, Афганистана и Тибета. Фактическое включение России в состав Антанты.

1 ноября — начало работы Третьей Государственной думы.

1908, 28 мая — принятие Николаем II звания адмирала британского флота.

1909, 6 июня — встреча императоров Николая II и Вильгельма II в финских шхерах.

26–27 июня — участие царя в торжествах, посвященных 200-летию Полтавского сражения; его встречи «с простым народом».

Июль — август — поездки Николая II во Францию и в Англию. Присутствие на морских парадах; встречи с английским королем Эдуардом VII.

Октябрь — встреча с итальянским королем Виктором Эммануилом III в Раккониджи (резиденции итальянских королей под Туринном).

1911, 1 сентября — покушение на председателя Совета министров П. А. Столыпина в Киеве.

9 сентября — 1914, 30 января — В. Н. Коковцов — председатель Совета министров.

1912, май — участие Николая II в открытии памятника императору Александру III в Москве перед храмом Христа Спасителя.

Июнь — встреча Николая II с Вильгельмом II в Балтийском порту.

25–26 августа — участие Николая II в торжествах, посвященных 100-летию Бородинского сражения.

Октябрь — болезнь цесаревича Алексея Николаевича.

30 октября — тайное венчание брата царя, великого князя Михаила Александровича и Н. С. Брасовой.

15 ноября — начало работ Четвертой Государственной думы.

1913, февраль — торжества по случаю 300-летия царствования дома Романовых.

9–11 мая — встречи с германским императором Вильгельмом II и английским королем Георгом V в Берлине.

Май — поездка Николая II и Александры Федоровны по России.

25 сентября — 28 октября — слушание дела М. Бейлиса в Киевском суде.

1914, 30 января — 1916, 20 января — И. Л. Горемыкин — председатель Совета министров.

7–10 июля — официальный визит президента Франции Р. Пуанкаре в Петербург.

19 июля — назначение великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим.

20 июля — Манифест о начале войны с Германией.

26 июля — объявление Россией войны Австро-Венгрии.

29 сентября — смерть от полученного на фронте ранения князя императорской крови Олега Константиновича.

4 августа — 2 сентября — Восточно-прусская операция русской армии, закончившаяся для нее полным разгромом.

15 сентября — 26 октября — Варшавско-Ивангородская операция, закончившаяся для русских войск успехом.

29 октября — 12 ноября — Лодзинская операция, не позволившая немецким войскам получить стратегическое преимущество на Восточном фронте.

Октябрь — начало успешных боевых действий русских войск против Турции.

1915, 9–11 апреля — посещение Николаем II отвоеванной у Австро-Венгрии Галиции.

Май — август — отступление русских войск из захваченной ранее Галиции, а также из Польши и Литвы, потеря части территорий Латвии и Белоруссии.

Июнь — июль — отставки «непопулярных министров»: военного — генерала В. А. Сухомлинова, внутренних дел Н. А. Максакова, юстиции И. Г. Щегловитова и обер-прокурора Святейшего синода В. К. Саблера.

23 августа — принятие Николаем II обязанностей Верховного главнокомандующего и назначение великого князя Николая Николаевича наместником на Кавказ.

Август — создание в Государственной думе Прогрессивного блока.

Октябрь — принятие Николаем II ордена Святого Георгия IV степени.

1916, 20 января — 10 ноября — В. Б. Штюрмер — председатель Совета министров.

16 февраля — вручение Николаю II знаков фельдмаршала британской армии.

22 мая — 31 июля — наступление русских войск на Юго-Западном фронте, Брусиловский прорыв.

Лето — осень — восстание в Средней Азии.

16 сентября — назначение А. Д. Протопопова управляющим Министерством внутренних дел.

10 ноября — 27 декабря — А. Ф. Трепов — председатель Совета министров.

26 и 30 ноября — усиление «оппозиции Его Величества»: впервые в истории России Государственный совет и съезд объединенного дворянства присоединились к требованию депутатов Государственной думы устранить влияние «темных безответственных сил» и создать правительство, готовое опираться на большинство в обеих палатах.

27 декабря — 1917, 28 февраля — князь Н. Д. Голицын — председатель Совета министров. Время «министерской чехарды».

5 ноября — венчание сестры царя великой княгини Ольги Александровны и штаб-ротмистра Н. А. Куликовского.

8 ночь с 16 на 17 декабря — убийство Григория Распутина.

21 декабря — присутствие Николая II и Александры Федоровны на похоронах Григория Распутина в Царском Селе.

1917, 23 февраля — начало беспорядков в Петрограде.

28 февраля — принятие Временным комитетом Государственной думы окончательного решения о необходимости отречения царя в пользу наследника престола при регентстве великого князя Михаила Александровича; начало арестов царских министров; отъезд Николая II из Ставки в Петроград.

1 марта — прибытие царского поезда в Псков.

2 марта — неудачные попытки царя найти компромисс с Государственной думой; получение телеграмм от командующих фронтами; подписание Манифеста об отречении от престола за себя и за цесаревича Алексея Николаевича в пользу брата — великого князя Михаила Александровича.

3 марта — отказ великого князя Михаила Александровича принять престол.

3–8 марта — пребывание Николая II в Ставке (Могилев); последние встречи с матерью.

6 марта — принятие Временным правительством (под давлением исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов)

решения об аресте Николая II.

9 марта — приезд Николая II в Царское Село.

9 марта — 31 июля — пребывание Николая II вместе с семьей под арестом в Александровском дворце Царского Села.

31 июля — отправка Николая II, его семьи и слуг в Тобольск.

6 августа — прибытие в Тобольск и размещение в губернаторском доме.

1918, апрель — запрет новой власти на ношение бывшим императором офицерских погон.

30 апреля — перевод на новое место — в екатеринбургский Дом особого назначения («Дом Ипатьева»).

В ночь с 12 на 13 июня — убийство великого князя Михаила Александровича в Перми.

В ночь с 16 на 17 июля — убийство Николая II, Александры Федоровны, их детей и слуг в екатеринбургском Доме особого назначения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А-в А. К переводу бывшего царя из Тобольска в Екатеринбург // Мельник Т. (рожденная Боткина).

Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.

[Александра Федоровна] Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. — 16 июля 1918 г. Новосибирск, 1999.

Алферьев Е. Е. Император Николай II как человек сильной воли. Материалы для составления Жития Св. Благодетельнейшего Царя-Мученика Николая Великого Страстотерпца. Джорданвилль, 1983.

Александр Михайлович, вел. кн. Книга воспоминаний. М., 1991.

Алексеева И. В. Сестры царя: Ксения Александровна и Ольга Александровна // Императорская Фамилия в истории России. К 80-летию убийства в Петрограде Великих Князей Павла Александровича, Дмитрия Константиновича, Николая Михайловича и Георгия Михайловича. СПб., 1999.

Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М. В. Алексеев. СПб., 2000.

Алексий (Кузнецов), иером. Юродство и столпничество. Религиозно-психологическое исследование. СПб., 1913.

Амальрик А. Распутин. Документальная повесть. М., 1992.

[Амфитеатров А. В.] Old Gentleman. Господа Обмановы (провинциальные впечатления) // Россия. Газета политическая и литературная. 1902. 13 января.

Ананьин Б. В., Ганелин Р. Ш. Николай II // Вопросы истории. 1993. № 2.

[Ананьин Б. В., Ганелин Р. Ш.] От составителей // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.

Андреев Л. Губернатор // Собр. соч.: В 6 т. М., 1990. Т. 2.

[Андрей Владимирович] Дневник б[ывшего] великого князя Андрея Владимировича. 1915 год. Л.; М., 1925.

Андриевский П., свящ. Еще раз о «Царе-искупителе» // Благодатный огонь. Православный журнал. 2000. № 5.

Апушкин В. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1911.

- Б. Ев., свящ.* Боже, Царя храни // Колокол. 1912. 6 мая.
- Бадмаев П. А.* За кулисами царизма: Воспоминания. Мемуары. Минск; М., 2001.
- [*Белецкий С. П.*] Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного Правительства. Л., 1926. Т. IV.
- Белый А.* Воспоминания о А. Блоке // Эпопея. 1922. № 1. [Берлин].
- Белый А.* Между двух революций. М., 1990.
- Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- Бердяев Н. А.* Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990.
- Бич.* Сатирико-юмористический еженедельник. 1917. № 10–11.
- Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990.
- Боханов А. Н.* Последний царь. М., 2006.
- Боханов А.* Самодержавие. Идея царской власти. М., 2002.
- Бояновский В., Голлербах Э.* Русская сатира первой революции 1905–1906 гг. Л., 1925.
- Бразоль Б. Л.* Царствование императора Николая II в 1894–1917 гг. в цифрах и фактах. Б/м, 1991.
- Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 1963.
- Булгаков С. Н.* Карл Маркс как религиозный тип // Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 2.
- Булгаков С., прот.* Автобиографические записки. Париж, 1991.
- Булгаков С. Н.* На пиру богов // Вехи. Из глубины. М., 1991.
- Буранов А., Хрусталева В.* Гибель Императорского дома. 1917–1919 гг. М., 1992.
- Бурцев В.* «Протоколы сионских мудрецов» — заказанный подлог // *Бурцев В.* В погоне за провокаторами. М., 1991.
- Бурьшкин П.* Филипп — предшественник Распутина // Новый журнал (The New Review). Нью-Йорк, 1955. Кн. XL.
- Быков П.* Последние дни последнего царя // Архив русской революции. М., 1993. Т. XVII.
- Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991.
- В кулуарах Государственной Думы // Русская воля.* 1916. 19 декабря.
- В. С.* Размышления у гроба императора // Аргументы и факты. 1998. Июль. № 30 (927).
- Варламов А.* Григорий Распутин. М., 2007.
- Василевский И. М. (Не-Буква).* Николай II. Пг., М., 1923.
- Ведерников В. В. К. П.* Победоносцев в зеркале «Московского

сборника» // Эволюция революционности и консерватизма в социальных слоях России и других государств. СПб., 2008.

Великий князь под надзором. Официальная справка // Былое. Журнал, посвященный истории освободительного движения. 1918. № 3 (31).

Вильгельм Гогенцоллерн. Мемуары. Пг., 1923.

Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994.

[*Витте С. Ю.*] Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 1.(Кн. 1,2), 2.

Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996.

[*Воейков В. К.*] С Царем и без Царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II В. Н. Воейкова. М., 1994.

Возрождение. 1957. № 63.

Волков А. А. Около царской семьи. М., 1993.

Врангель Н. Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М., 2003.

Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода по ведомству православного исповедания за 1911–1912 гг. СПб., 1913.

Выборгский процесс. СПб., 1908.

[*Вырубова А. А.*] Фрейлина Ее Величества: «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990.

[*Вырубова А. А.*] Дневник А. А. Вырубовой // Минувшие дни. Иллюстрированный исторический альманах. 1927. № 1.

Вырубова А. А. Неопубликованные воспоминания // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.

Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб.; Дюссельдорф, 1993.

Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991.

Ганелин Р. Ш. Черносотенные организации, политическая полиция и государственная власть в царской России // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. СПб., 1992. Ч. I.

Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М, 1991.

Гершензон М. О. Творческое самосознание // Вехи. Из глубины. М., 1991.

Гессен И. Внутренняя жизнь // Ежегодник газеты «Речь» на 1916 год. Пг., б/г.

Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами

градоначальника А. П. Балка // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 1991. Кн. 1.

Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве царской семьи. (Август 1918 — Февраль 1920) / Сост. Н. Г. Росс. Франкфурт-на-Майне, 1987.

Гиппиус З. Веселье // Живые лица. Стихи. Дневники. Тбилиси, 1991. Т. 1.

Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. Т. 2.

Гиппиус З. Дневники. М., 1999. Т. 1, 2.

Гиппиус З. Истинная сила царизма // Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. Сборник. М., 1999.

Гиппиус З. Маленький Анин домик. (Вырубова) // Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. Т. 2.

Гиппиус З. Революция и насилие // Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. Сборник. М., 1999.

Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939. Т. 1, 2.

Головин Ф. А. Николай II // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.

Гольденвейзер А. А. Правовое положение евреев в России // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим; М.; Мн., 2002.

Готье Ю. В. К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865–1881 // К. П. Победоносцев: Pro et contra. Личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение Константина Петровича Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / Сост. С. Л. Фирсов. СПб., 1996.

Гордиенко Н. С., Комаров П. М. Обреченные. О русской эмигрантской псевдоцеркви. Л., 1988.

Граф Г. К. На службе Императорскому дому России. 1917–1941. Воспоминания. СПб., 2004.

Григорьев С. И. Придворная цензура и образ верховной власти. 1831–1917. СПб., 2007.

Гумилев Н. Мужик // Стихи. Письма о русской поэзии. М., 1990.

Гурко В. И. Царь и царица // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.

Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника.

М., 2000.

Д'Альгейм П. Ходынский ужас. (Из воспоминаний) // *Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы.* 1917. № 4.

Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975.

Даль В. Словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. 2, 4.

Данилов Ю. Н. Мои воспоминания об императоре Николае II и вел[иком] кн[язе] Михаиле Александровиче // *Архив русской революции.* М., 1993. Т. XIX.

Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917. М., 1991.

Детский дневник цесаревича Николая Александровича (императора Николая II) Публ. Т. Ф. Павловой и З. И. Перегудовой / Отечественные архивы. 1995. № 5.

Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. I, II.

Дивный старец. Жизнеописание преподобного и богоносного отца нашего Серафима Саровского, всея России чудотворца // *Журнал Московской патриархии.* 1993. № 6.

Динур Б. Религиозно-национальный облик русского еврейства // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим; М; Минск, 2002.

Дитерихс М. К. В своем кругу // *Волков А. А.* Около Царской Семьи. М., 1993.

Дитерихс М. К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М., 1991. Ч. I, II.

Додзё. 2005. № 5.

Дорошевич В. М. И. Н. Дурново. (Этюд) // *Избранные рассказы и очерки.* М., 1962.

Дубенский Д. Н., ген[ерал]. Как произошел переворот в России // *Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы.* Л., 1927.

[*Дурново П. Н.*] Записка Дурново // *Красная новь. Литературно-художественный и научно-публицистический журнал.* 1922. Кн. 6 (10).

Дякин В. С. Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг. (Аграрный кредит в экономической политике царизма). СПб., 1997.

Дякин В. С. К вопросу о «заговоре царизма» накануне Февральской революции // *Был ли шанс у Столыпина? Сборник статей.* СПб., 2002.

Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.) СПб., 1998.

Дякин В. С. Николай, Александра, Распутин и Камарилья // *Новый часовой.* 1995. № 3.

Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994.

Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии. Ноябрь — Декабрь 1914 г. / Сост. генерал-майор [Д. Н.] Дубенский. Пг., 1915.

Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии. Июль 1915 г. — Февраль 1916 г. Пг., 1916.

Елевферий (Богоявленский), иером. Главнейшие черты нравственного мировоззрения русских подвижников 19-го века. Курсовое соч. СПб., 1904 // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 574. Оп.2.

Елчанинов А., проф. Царствование Государя Императора Николая Александровича. СПб.; М. [1913].

Епанчин Н. А., генерал от инфантерии. На службе трех императоров. М., 1996.

Жданов Л. [Николай Последний]. Николай «Романов». Последний царь. Исторические наброски. Пг., 1917.

[*Жевахов Н. Д.*] Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего синода князя Н. Д. Жевахова. М., 1993. Т. 1, 2.

Жильяр П. Император Николай II и его семья. Л., 1990.

Житие и акафист Святому Благоверному Царю и Великомученику Николаю Второму. СПб., 1996.

Жорес Ж. Смерть царизма // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. 1917. № 4.

Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973.

Записки Петербургских Религиозно-философских собраний: 1902–1903 гг. СПб., 1906.

Зернов Н. Русское религиозное пробуждение XX века. Париж, 1991.

Заславский Д. Последний временщик Протопопов. Л., б/г.

Иванов Г. Книга о последнем царствовании // Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 2.

Иванов П. Тайна святых. Введение в Апокалипсис. М., 1993. Т. II.

Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. // Красный архив. Исторический журнал. М.; Л., 1932. Т. 1–2 (50–51).

Из переписки С. М. и Н. М. Романовых в 1917 г. // Красный архив. Исторический журнал. М.; Л., 1932. Т. 4 (53).

Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

1917.

[Ильменский А.] Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич. 1904–1914. К десятилетию со дня рождения / Сост. А. Ильменский. СПб., 1914.

Иоффе Г. Революция и судьба Романовых. М., 1992.

Иславин М. В., бывший Новгородский губернатор. Приезд в Новгород в 1916 г. императрицы Александры Федоровны // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 551.

История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978.

История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс. М., 1946.

История дипломатии. М.; Л., 1945. Т. П.

К истории ареста и суда над социал-демократической фракцией II Государственной думы // Красный архив. Исторический журнал. М.; Л., 1926. Т. 3 (16).

Кавторин Вл. Первый шаг к катастрофе: 9 января 1905 года. Свободное размышление строго по документам. СПб., 1992.

Калашников В. Нераскаившаяся Россия // Санкт-Петербургские ведомости. 1998. 25 июля.

Календарь русской революции / Под общ. ред. В. Л. Бурцева. Пг., 1917.

Канторович В. А. Александра Федоровна (Опыт характеристики). Л., 1927.

Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. Кишинев, 1988.

Катков Г. Февральская революция. М., 2006.

Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993.

Керенский А. Ф. Трагедия династии Романовых. М., 2005.

Кони А. Ф. Из лет юности и старости // К. П. Победоносцев: Pro et contra. Личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение Константина Петровича Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / Сост. С. Л. Фирсов. СПб., 1996.

Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 1997.

[Киреев А. А.] Дневник А. А. Киреева // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 126. Д. 13, 14.

Кириченко Е. И. Эхо канонизации Серафима Саровского в Царском Селе // V Всероссийская историческая научно-практическая конференция, посвященная 100-летию канонизации Серафима Саровского. Саров, 2004.

Ключевский В. О. Дневники и дневниковые записи // Письма.

Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.

Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922 г. // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 1991. № 2; 1993. № 4.

Козлов Н. Российская Голгофа // Опричный листок № 5. Б/м, б/г.

Козлов Н. За канонизацию // Опричный листок № 22. Б/м, б/г.

Козлов Н. Царский меч // Опричный листок № 23. Б/м, б/г.

Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1911 гг. М., 1992. Кн. 2.

Колоницкий Б. И. Великий князь Николай Николаевич в оскорблениях и слухах эпохи Первой мировой войны // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. СПб., 2006.

Кон Н. Лицензия на геноцид: Миф о всемирном еврейском заговоре и «Протоколах сионских мудрецов». М., 2000.

Кони А. Ф. Николай И. (Воспоминание) // Избранное. М., 1989.

Кони А. Ф. Открытие I Государственной думы // Избранное. М., 1989.

Кони А. Ф. «Петр IV» // Избранное. М., 1989.

Кривенко В. С. В Министерстве Императорского Двора. Воспоминания. СПб., 2006.

Кривошеин К. А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М., 1993.

Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984.

Кузьмин Ю. А. Николай II Александрович // Российская Императорская Фамилия. 1797–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2005.

Куликов С. В. Император Николай II в годы Первой мировой войны // Английская набережная, 4. Ежегодник. СПб., 2000.

Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1991.

[Куропаткин А. Н.] Дневник А. Н. Куропаткина // Красный архив. Исторический журнал. М.; Пг., 1922. Т. 2.

Куропаткин А. Н. Из дневников // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.

Кшесинская М. Воспоминания. М., 2003.

[Ламсдорф В. Н.] Дневник В. Н. Ламсдорфа (1886–1890). М.; Л., 1926.

Ламсдорф В. Н. Дневник. 1891–1892. М.; Л., 1934.

Ламсдорф В. Я. Дневник. 1894–1896. М., 1991.

Лемке Мих. 250 дней в Царской Ставке (25 сент[ября] 1915 — 2 июля 1916). Петербург, 1920.

Ленин В. И. Письма из далека // Сочинения. М., 1935. Т. XX.

Ленин В. И. Последние известия // Сочинения. М., 1935. Т. XXX.

Ленин В. И. Резолюция Центрального Комитета РСДРП 4 мая (21 апреля) 1917 г. // Сочинения. М., 1935. Т. XX.

Лермонтов М. Ю. Предсказание // Поли. собр. соч. Л., 1989. Т. 1.

Личность Николая II и Александры Федоровны по свидетельствам их родных и близких. (Газетные материалы) // Исторический вестник. 1917. Т. 148.

Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. (По поводу «Воспоминаний» гр. С. Ю. Витте). М.; Пг., 1923.

Лопухин В. Б. Записки б[ывшего] директора департамента [Министерства] иностранных дел. 1894–1917 // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 765.

Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994.

Лукоянов И. В. Тайный корреспондент Николая II А. А. Клопов // Из глубины времен. 1996. № 6.

Лукоянов И. В. Политическое маклерство в России в начале XX века: Н. А. Демчинский // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. Материалы Всероссийской научной конференции 6–7 февраля 2006 г. СПб., 2007.

Лукоянов И. В. Проекты изменения государственного строя в России в конце XIX — начале XX в. и власть. (Проблема правого реформаторства). СПб., 1993. (Машинопись).

Львов А. Н. «Князья Церкви». (Из дневника А. Н. Львова) // Красный архив. Исторический журнал. М.; Л., 1930. Т. 3 (40).

Львов Л. За кулисами старого режима (Воспоминания журналиста). Л., 1926.

Лыкова Л. А. Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи. Историографический и археографический очерк. М., 2007.

Любош С. Николай II // Последние Романовы. Л.; М., 1924.

Мавлиханова Е. А. Царь и народ на прославлении Саровского старца летом 1903 года // V Всероссийская историческая научно-практическая конференция, посвященная 100-летию канонизации Серафима Саровского. Саров, 2004.

Майков А. Н. Избранные произведения. Л., 1977.

Манифест отречения Николая II // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927.

Материалы, связанные с вопросом о канонизации Царской Семьи. М., 1996.

Мартирологии русской периодической печати // Самодержавие и

печать в России. Берлин, 1898.

Масси Р. Николай и Александра. СПб., 1998.

Маяковский В. В. Император // Поли. собр. соч.: В 13 т. М., 1958.

Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. М., 2007.

Мельгунов С. П. Судьба Николая II после отречения. Историко-критические очерки. М., 2005.

Мельник Т. (рожденная Боткина). Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. М., 1993.

Меньшиков М. Распутица в Церкви // Новое время. 1912. 14 января.

Мережковский Д. С. Последний святой // Не мир, но меч. К будущей критике христианства. СПб., 1908.

Мещерский [В. П.], кн. Воспоминания. М., 2001.

Мещеряков А. Покушение на жизнь цесаревича Николая // Япон.ру. Японский журнал. (<http://www.japon.ru?TextArchivePrint&ID=418>).

Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1, 2.

Милюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001.

Миц И. И., акад. История Великого Октября. М., 1977. Т. 1.

Мицпов С. Р.Дневник. 1905–1906 гг. // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. 1917. № 11–12.

Миронова Т. Из-под лжи. Государь Николай II. Григорий Распутин. Краснодар, 2005.

[Михаил Александрович] Брак в[еликого] к[нязя] Михаила Александровича. (Сыскной надзор за братом царя) // Николай II и великие князья. (Родственные письма к последнему царю). Л.; М., 1925.

Михайлов О. Пленник культуры. (О Д. С. Мережковском и его романах) // *Мережковский Д. С.* Собр. соч. М., 1990. Т. 1.

Монархия перед крушением. 1914–1917. Из бумаг Николая II. М., Л., 1927.

Мордвинов А. А., полк. Последние дни императора // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927.

Московские ведомости. 1881; 1894.

Мосолов А. А., ген. При Дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра Двора. СПб., 1992.

Мясников Г. Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1995. Т. 18.

Назанский В. И. Крушение великой России и Дома Романовых. Париж, 1930.

Назаров М. Кто наследник Российского престола? М., 1998.

Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия (подгот. Ю. Б. Соловьев) // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974.

Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005.

[*Николай II*] Дневники Николая II // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 601. Оп. 1. Д. 240.

[*Николай II*] Дневники Николая II // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 601. Оп. 1. Д. 242.

[*Николай II*] Дневники Николая II // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 601. Оп. 1. Д. 259.

[*Николай II*] Дневник императора Николая II. М., 1991.

Николай II — «доктор русской истории» // Красный архив. Исторический журнал. М.; Л. 1934. Т. 6 (67).

Николай II и великие князья. (Родственные письма к последнему царю). Л.; М., 1925.

[*Николай II*] Полное собрание речей императора Николая II. 1894–1906 / Сост. по официальным данным «Правительственного вестника». СПб., 1906.

[*Николай Михайлович*] Записки Н. М. Романова // Красный архив. Исторический журнал. М.; Л., 1931. Т. 4–5 (47–48); т. 6 (49).

[*Никольский Б. В.*] Дневник Бориса Никольского (1905–1907) // Красный архив. Исторический журнал. М.; Л., 1934. Т. 2 (63).

[*Никольский Б. В.*] Борис Никольский и Григорий Распутин // Красный архив. Исторический журнал. М.; Л., 1935. Т. 1 (68).

Нилус С. А. На берегу Божьей реки. Записки православного. Сан-Франциско, 1969. Т. II.

Новый энциклопедический словарь. Пг., б/г. Т. 26.

Никон (*Рклицкий*), еп. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1957. Т. II.

Никулин Л. О гессенской мухе и русской разрухе // Будильник. 1917. № 14–15.

Никулин Л. О романовской породе и русском народе // Будильник. 1917. № 16.

Новое время. 1903; 1912; 1917.

Обнинский В. П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992.

Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991.

[*Орлов В. Н*] Из дневника князя В. Орлова // Былое. 1919. № 14.

- Основные государственные законы. СПб., 1892. Т. I. Ч. 1.
- Палей, княгиня.* Мои воспоминания о русской революции // Февральская революция. М.; Л., 1926.
- Палеолог М.* Александр II и Екатерина Юрьевская // Царская Россия накануне революции. М., 1991.
- Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991.
- Панкратов В. С.* С царем в Тобольске. Из воспоминаний. Убийство царской семьи и ее свиты. Официальные документы. Л., 1990.
- Панкратова Л.* Предисловие // Революция 1905 года и самодержавие. М.; Л., 1928.
- Паозерский М. Ф.* Николай II, Сухомлинов и Синод. (К характеристике положения Русской Церкви перед революцией) // «Былое»: неизданные номера журнала / Сост. Ф. М. Лурье. Л., 1991. Кн. 1.
- 1 марта 1881 года. Казнь императора Александра II. Л., 1991.
- Переписка Николая и Александры Романовых. 1916 год. М.; Пг. (Л.), 1923–1927. Т. III, IV, V.
- Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905–1906 гг.) // Красный архив. Исторический журнал. М.; Л., 1927. Т. 3 (22).
- Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг. М.; Пг., 1923.
- Перцов П. П.* Брызги памяти. Брюсов начала века // Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М., 2002.
- Петрункевич Ив. Ил.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. Берлин, 1934. Т. XXI.
- Платонов О. А.* Жизнь за царя. (Правда о Григории Распутине). СПб., 1996.
- Платонов О. А.* Убийство царской семьи. М., 1991.
- Плотников И. Ф.* Правда истории. Гибель Царской Семьи. Екатеринбург; М., 2003.
- [*Победоносцев К. П.*] Граф Панин. Министр юстиции // К. П. Победоносцев: Pro et contra. Личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение К. Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / Сост. С. Л. Фирсов. СПб., 1996.
- Победоносцев К. П.* Московский сборник // Победоносцев: Pro et contra. Личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение К. Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / Вступ. ст., сост. и примеч. С. Л. Фирсова. СПб., 1996.
- [*Победоносцев К. П.*] К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М.; Пг., 1923. Т. I.
- Подболотов С.* Царь и народ: популистский национализм императора

Николая II // *Ab Imperio*. 2003. № 3.

Покровский М. Предисловие // Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг., 1923. Т. III.

Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933.

Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. СПб., 1996. Т. II.

Полное собрание законов Российской империи. (ПСЗ-III). СПб., 1888. Т. VI.

Полное собрание законов Российской империи. (ПСЗ-III). СПб., 1905. Т. XXIII.

Полное собрание законов Российской империи. (ПСЗ-III). СПб., 1908. Т. XXV.

[*Половцов А. А.*] Дневник А. А. Половцова // Красный архив. Исторический журнал. М.; Пг., 1923. Т. 3.

[*Половцов А. А.*] Дневник А. А. Половцова // Красный архив. Исторический журнал. М.; Пг., 1923. Т. 4.

[*Половцов А. А.*] Из дневника А. А. Половцова (1895–1900 гг.) // Красный архив. Исторический журнал. М.; Л., 1931. Т. 3 (46).

[*Половцов А. А.*] Из дневника А. А. Половцова // Красный архив. Исторический журнал. М.; Л., 1934. Т. 6 (67).

[*Половцов А. А.*] Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. I, II.

Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок. Пг., 1921.

Последний временщик последнего царя: Материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства о Распутине и разложении самодержавия // Вопросы истории. 1964. № 10; 1965. № 2.

Правительственный вестник. 1870; 1878; 1888; 1894; 1895; 1896; 1897; 1899; 1900; 1901; 1902; 1904; 1905; 1906; 1912; 1914; 1915; 1916.

Прибавления к Церковным ведомостям. 1903.

Придворный календарь на 1869 год. СПб., б/г.

Придворный календарь на 1894 год. СПб., б/г.

Придворный календарь на 1910 год. СПб., б/г.

Придворный календарь на 1911 год. СПб., б/г.

Придворный календарь на 1912 год. СПб., б/г.

Придворный календарь на 1913 год. СПб., б/г.

Придворный календарь на 1914 год. СПб., б/г.

Придворный календарь на 1915 год. Пг., б/г.

Придворный календарь на 1916 год. Пг., б/г.

[Протопопов А. Д.] Показания А. Д. Протопопова // Падение царского режима. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного Правительства. Л., 1926. Т. IV.

Пуанкаре Р. Происхождение мировой войны. М., 1924.

Пугач. Еженедельный художественный сатирический журнал. 1917. № 4.

Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891/ Авт. — изд. кн. Э. Э. Ухтомский. СПб.; Лейпциг, СПб., 1893–1897. Т. I–III.

Пчелов Е. В. Романовы: История династии. М., 2002.

Радзинский Э. «Господи... спаси и умири Россию». Николай II. Жизнь и смерть. М., 1993.

Райан В. Ф. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России. М., 2006.

[Распутин Г. Е.] Дневник Распутина // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 612. Оп. 1. Д. 36.

[Распутин Г. Е.] Г. Е. Распутин глазами официальных властей // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 1996. Кн. 6.

[Родзянко М. В.] Допрос М. В. Родзянко // Падение царского режима. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного Правительства. М.; Л., 1927. Т. VII.

Родзянко М. В. Крушение империи. (Записки председателя русской Государственной думы) // Архив русской революции. М., 1993. Т. XVII.

Рождественский И. В., прот. Речи, говоренные при выпуске в офицеры воспитанников Дворянского полка с 1840 по 1850 гг. СПб., 1850.

Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. М., 2000.

Розанов В. В. Еще о «питии» // На фундаменте прошлого. Статьи и очерки 1913–1915 гг. М.; СПб., 2007.

Розанов В. В. Кто победит «зеленого змия» // На фундаменте прошлого. Статьи и очерки 1913–1915 гг. М.; СПб., 2007.

Розанов В. В. О подразумеваемом смысле нашей монархии. СПб., 1912.

Розанова Н. Царственные страстотерпцы. Посмертная судьба. М., 2008.

Романов Б. Концессия на Ялу. К характеристике личной политики Николая II // Русское прошлое. Исторические сборники. Пг.; М., 1923. Кн. 1.

Российский Императорский Дом. Дневники. Письма. Фотографии / Сост., авт. предисл., очерков А. Н. Боханов, Д. И. Исмаил-Заде. М., 1992.

Россия перед вторым пришествием. Материалы к очерку русской эсхатологии / Сост. С. Фомин. М., 1993.

Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991.

Ростковский Ф. Я. Дневник для записывания... (1917-й: революция глазами отставного генерала). М., 2001.

Рузский Н. В., ген. Беседа с журналистом В. Самойловым об отречении Николая II // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927.

Русские ведомости. 1868.

Русский инок. 1913. № 4.

Савельев А. А. Два восшествия на престол русских царей. (Из воспоминаний земского деятеля) // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. 1917. № 4.

Савельев А. А. Николай II в Саровской пустыни. (Из воспоминаний земского деятеля) // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. 1918. № 4–6.

Савинков Б. Воспоминания террориста. Л., 1990.

Савченко П. Государыня императрица Александра Федоровна. Джорданвилл, 1983.

Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991.

Самодержавие: История, закон, юридическая конструкция. СПб., 1906.

Сафонов М. М. Ложь и правда об отречении Николая II // Нестор. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2005. № 3.

Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Третья сессия. М., 2000.

Северная почта. Газета Министерства внутренних дел. 1868.

Сергеев С. М., Гумеров А. А. Победоносцев Константин Петрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4.

Силин А. Философия и психология власти // Свободная мысль. Теоретический и политический журнал. 1995. № 12.

Симбирский Н. Правда о Гапоне и «9-м январе». СПб., 1906.

Словцов Р. Отъезд Царской Семьи из Царского Села. Воспоминания графа Бенкендорфа // *Мельник Т.* (рожденная Боткина). Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. М., 1993.

Слюнькова И. Н. О пребывании на празднике в Сарове 1903 г. царской семьи // V Всероссийская историческая научно-практическая конференция, посвященная 100-летию канонизации Серафима Саровского. Саров, 2004.

Смыслов И. В. Царский путь. Размышления о канонизации царской

семьи. Б/м., 2000.

Соколов Н. А. Убийство Царской Семьи. М., 1990.

Соколов Ю. Сказки о барах // Русские народные сказки. Барин и мужик. М.; Л., 1932.

Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце ХГХ века. Л., 1973.

Союз русского народа в сопротивлении новому мировому порядку. М., 2007.

Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция (1914–1917). М., 2004.

Степанов А. И. Место России в мире накануне Первой мировой войны // Вопросы истории. 1993. № 2.

Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992.

Столыпин. Жизнь и смерть / Сост. А. Серебренников, Г. Сидоровнин. Саратов, 1991.

Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991.

Стремоухов П. П. Моя борьба с епископом Гермогеном и Илиодором // Архив русской революции. М., 1993. Т. XVI.

[*Суворин А. С.*] Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London; М., 1999.

Судьба Михаила Романова // Вопросы истории. 1990. № 9.

[*Сухомлинов В. А.*] Дневник генерала Сухомлинова // Дела и дни. Исторический журнал. Петербург, 1920; 1922. Кн. I; III.

Сысоев Д., свящ. Новая исповедь: декларация царебожия вместо раскаяния // Благодатный огонь. Православный журнал. 2003. № 11.

Тагер А. С. Царская Россия и дело Бейлиса // Дело Бейлиса. Исследования и материалы. М.; Иерусалим, 1995.

Тайны русского двора. М., 1917. Вып. 1, 2.

Тайный советник императора / Авт. — сост. В. М. Крылов, Н. А. Малеванов, В. И. Травин. СПб., 2002.

Тарле Е. Германская ориентация и П. Н. Дурново в 1914 г. // Былое. Журнал, посвященный истории освободительного движения. 1922. № 19.

Таубе М. А. «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М., 2007.

Твен М. Монолог царя // Собр. соч.: В 12 т. М., 1961. Т. 11.

Телохраниитель России. А. С. Суворин в воспоминаниях современников. Воронеж, 2001.

Терещук А. Григорий Распутин. Последний «старец» Империи. СПб.,

2006.

[Тихомиров Л. А.] 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. Исторический журнал. М.; Л., 1930. Т. 2 (39); т. 3 (40).

[Тихомиров Л. А.] Из дневника Л. Тихомирова 1907 г. // Красный архив. Исторический журнал. М.; Л., 1933. Т. 6 (61).

Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 2006.

Толстая А. А. Записки фрейлины. Печальный эпизод из моей жизни при Дворе. М., 1996.

Толстой И. И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997.

[Толстой И. И.] Мемуары графа И. И. Толстого. М., 2002.

Толстой Л. Н. [Бессмысленные мечтания] // Собр. соч.: В 20 т. М., 1964. Т. 16.

Толстой Л. Н. Молодой царь//Лев Толстой и Русские Цари. М., 1918.

[Толстой Л. Н.] Письмо Л. Н. Толстого к Николаю II // Голос минувшего. 1917. № 4.

Трепач. Еженедельный журнал сатиры, юмора и вопче. 1917. № 3.

Троцкий Л. Николай II. (Юбилей позора нашего: 1613–1913 гг.) // Политические силуэты. М., 1990.

Трубецкой Е. И. Буран // Смысл жизни. М., 1994.

Трубецкой С. Е., кн. Минувшее. М., 1991.

Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999.

Тэри Э. Россия в 1914 г. Экономический обзор. Paris, 1986.

Тысячелетие Крещения Руси. Поместный Собор Русской православной церкви. Материалы. М., 1990. Кн. 1.

Убийство 3-х министров/ Издание И. Балашова. [СПб.], 1906.

Уортман Р. Николай II и образ самодержавия // История СССР. 1991. № 2.

Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II.

Февральская революция 1917 года. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего Северным фронтом) // Красный архив. Исторический журнал. М.; Л., 1927. Т. 3 (22).

Федорченко Ф. Дом Романовых. Энциклопедия биографий. Красноярск, М.; 2003.

Федотов Г. П. Революция идет // Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1.

Ферро М. Николай II. М., 1991.

[Фигнер В. Н.] Сановники в Шлиссельбургской тюрьме. Из

воспоминаний Веры Фигнер // Былое. 1919. № 14.

Фигнер В. Н. Шлиссельбургские узники. П. В. Карпович // Поли. собр. соч. М., 1932. Т. 4.

Философов Д. Царь-Папа // *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д.* Царь и революция. Сборник. М., 1999.

Фирсов С. К вопросу о маргинализации сознания в современной религиозной жизни православной России // Православное учение о Церкви. Москва, 17–20 ноября 2003 г. Материалы. М., 2004.

Фирсов С. Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996.

Фоменко Кл., прот. Хулиганство // Киевские епархиальные ведомости. Часть неоф. 1913. № 40.

Фрейд З. Я и Оно. Л., 1924.

Фриз Г. Л. Церковь, религия и политическая культура на закате старой России // История СССР. 1991. № 2.

Царь Николай II и новые мученики: пророчества, чудеса, открытия и молитвы. Документы. [М.], 2000.

Церковные ведомости. 1901; 1903; 1913.

Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в Первой русской революции. М., 1970.

Чернуха В. Г. Утраченная альтернатива: Наследник престола великий князь Николай Александрович (1843–1865) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. Сборник статей памяти Валентина Семеновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьева. СПб., 1999.

Четырехлетняя война 1914–1918 г. и ее эпоха (продолжение) // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. М., б/г. Т. 47.

Шавельский Г., протопресв. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 1, 2.

Шаламов В. Золотая медаль // Колымские рассказы. М., 1992. Кн. 2.

Шаляпин Ф. И. Маска и душа. Мои сорок лет на театрах. М., 1989.

Шаргунов А, прот. О значении канонизации царственных мучеников. М., 1999.

Шацилло К. Ф. Николай II: реформы или революция // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX. М., 1991.

Шацилло К. Ф. Предисловие // Дневники императора Николая II. М., 1991.

Шереметев С. Д. Император Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001.

Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного Совета Российской империи. 1801–1906. Библиографический справочник. СПб., 2007.

Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М., 1990.

Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983. М., 2005.

Шульгин В. Годы // Годы. Дни. 1920 год. М., 1990.

Шульгин В. В. Подробности отречения // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927.

Шульгин В. В. «Дни» // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927.

Шустов Я. Чужие в родном краю. Русины — народ, о котором редко вспоминают // Смысл. Общественно-политический проект. 2007. № 9.

Энгельгардт Б. А. Воспоминания камер-пажа выпуска 1896 года // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1052. Д. 21; 23.

Энгельгардт Б. А. Воспоминания о далеком прошлом // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1052. Д. 25.

Энгельгардт Б. А. Николай II. Воспоминания // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1052. Д. 62.

Юбилейный Архиерейский собор Русской православной церкви. Москва, 13–16 августа 2000 года. Сборник докладов и документов. СПб., 2000.

Юсупов Ф., кн. Перед изгнанием. 1887–1919. М., 1993.

Якобий И. Л. Император Николай II и революция. М., 2005.

Lieven D. Nicholas II. Twilight of the Empire. New York, 1996.

Massie R. Nicholas and Alexandra. London, 1968.

Paleologue M. La Russie des Tsars pendant la grande guerre. Paris, 1921.

V. I.

Radzinsky E. The Last Tsar. London, New York, 1992.

Tattoo History: A Source Book, by Stephen G. Gilbert now available in print. Tattoo History Source Book: England, (<http://tattoos.com/jane/steve/england.htm>).

Иллюстрации

Александр II с супругой Марией Александровной. 1860 г.

Цесаревич Александр Александрович с супругой цесаревной Марией Федоровной. *Конец 1880-х гг.*

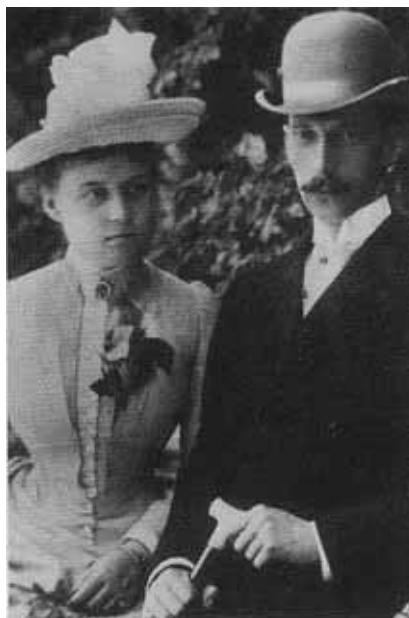
Цесаревна Мария Федоровна с двухлетним сыном Николаем. 1870 г.

Василий Баженов. 1865 г.

Иоанн Кронштадтский. 1890 г.

Великий князь Павел Александрович с женой Александрой Георгиевной (принцессой Греческой). 1889–1890 гг.

Великий князь Сергей Александрович с супругой великой княгиней

Елизаветой Федоровной. 1884 г.

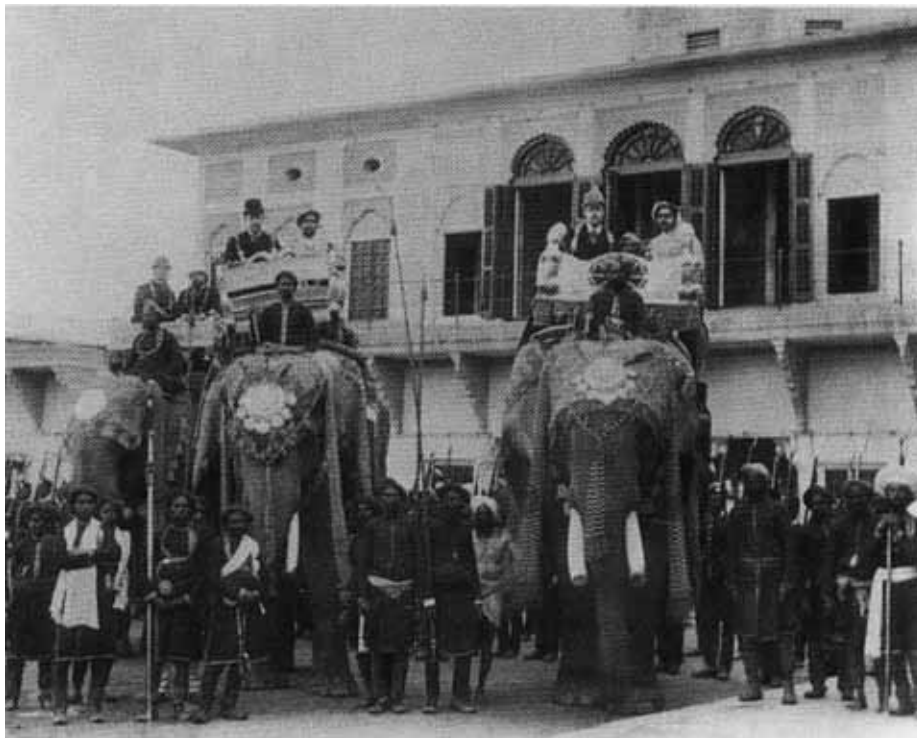
Великие князья Николай Александрович, Георгий Александрович и их воспитатель Карл Осипович Хис. Копенгаген. 1884 г.

Цесаревич Николай Александрович и великая княжна Ксения Александровна. Дания, 1887 г.

Крушение царского поезда в Борках, 17 октября 1888 г.

Цесаревич Николай Александрович во время кругосветного путешествия. Индия, 1891 г.

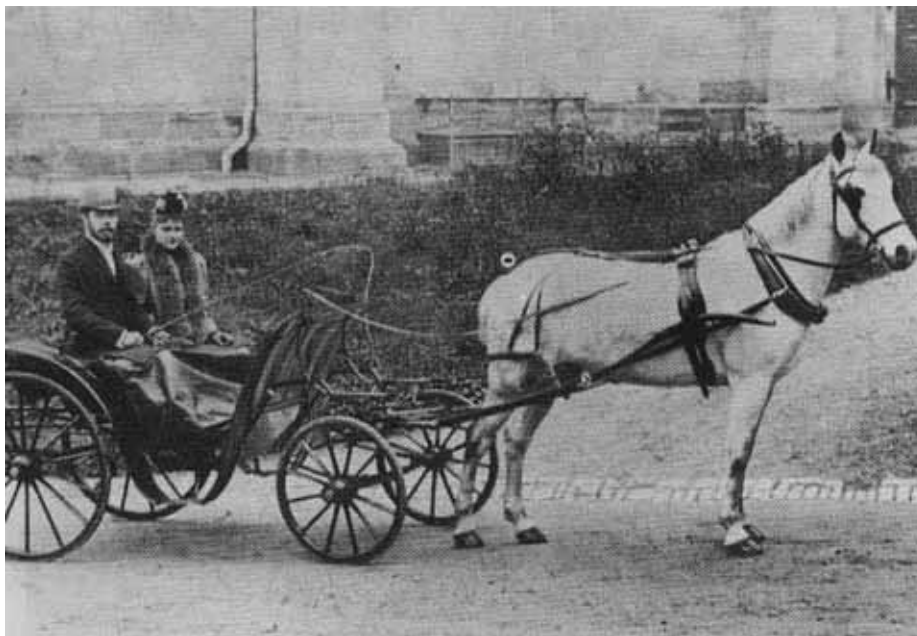
После охоты на леопарда. Индия. 1891 г.

Цесаревич Николай Александрович. 1894 г.

Принцесса Алиса Гессенская. 1894 г.

Помолвленная пара на прогулке. *Кобург, апрель 1894 г.*

Николай и Аликс. Кобург, 1894 г.

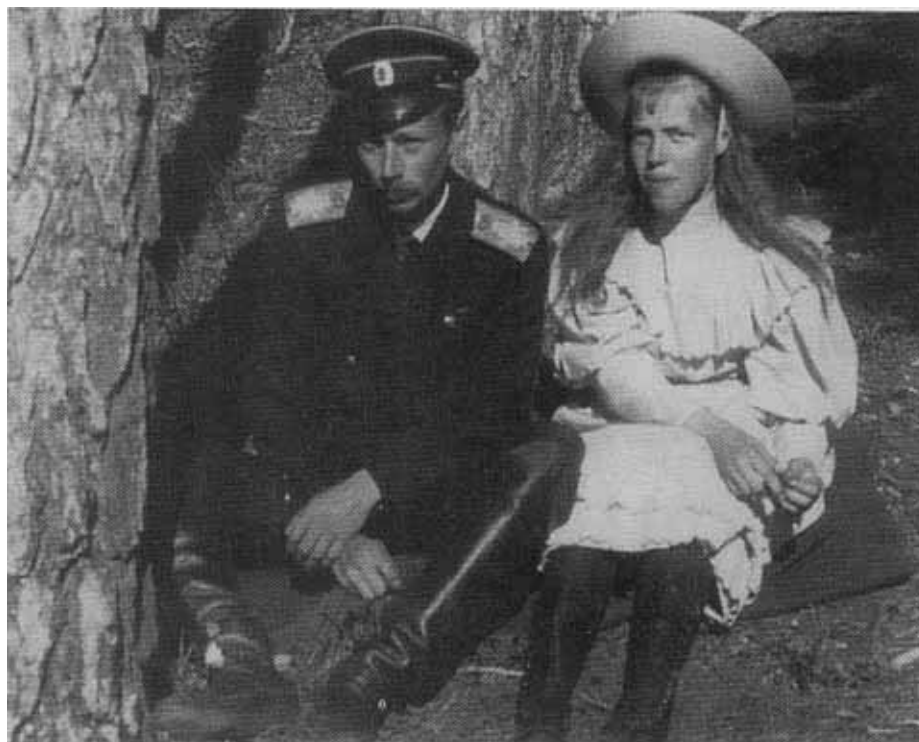
Семья императора Александра III: *слева направо* — Николай, Георгий, императрица Мария Федоровна, Ольга, Михаил, Ксения, император Александр III. *Ливадия, 1893 г.*

Катафалк с гробом императора Александра III. *Санкт-Петербург, 1894 г.*

Великий князь Александр Михайлович. 1896 г.

Великий князь Георгий Александрович и великая княжна Ольга Александровна. 1896 г.

Сестры-черногорки, великие княгини Милица Николаевна и Анастасия Николаевна. *Конец XIX в.*

Коронованный император с супругой покидают Успенский собор.
Москва, 14 мая 1896 г.

Торжественное шествие в день коронации Николая II. 14 мая 1896 г.

Император и императрица выходят из храма после крестного хода и парада на Ходынском поле. Москва, 21 мая 1896 г.

Императрица Александра Федоровна с дочерью Ольгой, император Николай II, королева Великобритании Виктория и принц Уэльский Эдуард.
Лондон, 1896 г.

Николай II. 1890-е гг.

К. П. Победоносцев. *Портрет работы А. В. Маковского. 1899 г.*

Здание Святейшего синода. *Начало XX в.*

С. Ю. Витте. 1890-е гг.

Князь В. П. Мещерский. *Начало XX в.*

Князь П. Д. Святополк-Мирский. *1904 г.*

Великий князь Владимир Александрович. 1902 г.

Великий князь Михаил Александрович. 1900-е гг.

Матильда Кшесинская. 1900-е гг.

В. К. Плеве. 1902 г.

И. Л. Горемыкин. 1906 г.

Николай II после посещения церкви по случаю Саровских торжеств.
Саровская пустынь, 1903 г.

Осада Порт-Артура. 1904 г.

Захоронения русских солдат рядом с Порт-Артуром. 1904 г.

Русские военные корабли в гавани; на заднем плане — пожар от японских бомбардировок. Порт-Артур, 1904 г.

Русский лагерь рядом с Порт-Артуром. 1904 г.

Семья императора Николая II. 1904 г.

Доктор Папюс. *Начат XX в.*

Доктор Филипп Низье-Антельм Вашо. *Конец XIX в.*

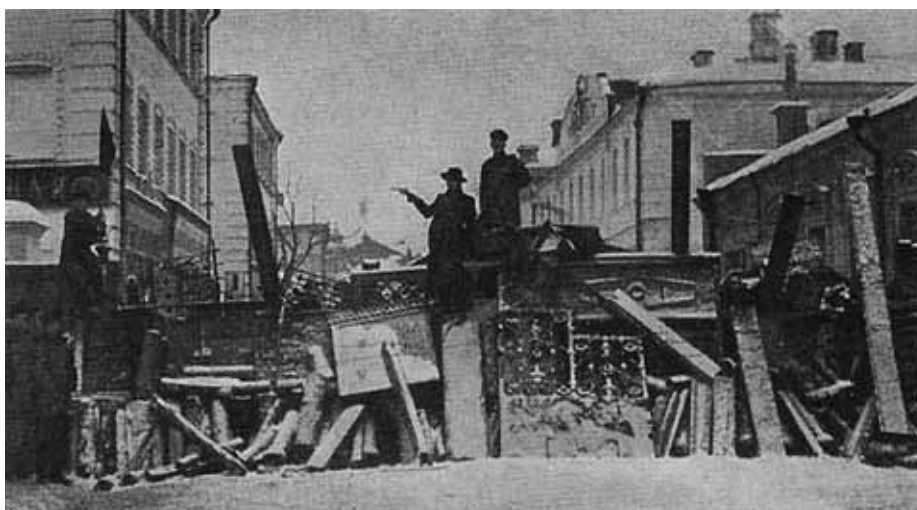
Священник Г. А. Гапон и градоначальник И. А. Фуллон. 1904.

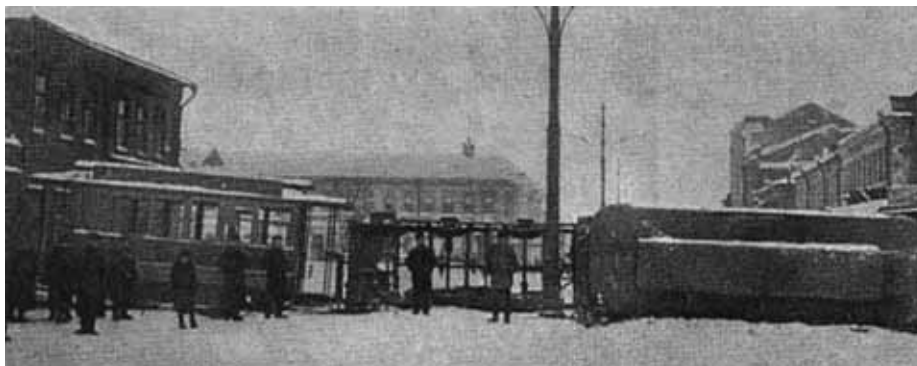
Великий князь Сергей Александрович. 1896 г.

На месте убийства великого князя Сергея Александровича. 1905 г.

Баррикады на Малой Бронной в Москве. *Декабрь 1905 г.*

Баррикады на Лесной улице в Москве. *Декабрь 1905 г.*

Баррикады на Арбате в Москве. *Декабрь 1905 г.*

Николай II зачитывает манифест об открытии Государственной думы в Георгиевском зале Зимнего дворца. *Санкт-Петербург. 27 апреля 1906 г.*

П. А. Столыпин. 1906 г.

Дача П. А. Столыпина на Аптекарском острове после

террористического акта. *12 августа 1906 г.*

Николай II с наследником цесаревичем Алексеем Николаевичем.
Начало 1910-х гг.

Цесаревич Алексей Николаевич на Финском заливе. Около 1910 г.

Император Николай II на параде лейбгвардии Измайловского полка.
Царское Село, 17 мая 1909 г.

Император Николай II и цесаревич Алексей Николаевич обходят подразделения лейбгвардии Егерского полка. *Новый Петергоф, 17 августа 1912 г.*

А. А. Вырубова. 1910-е гг.

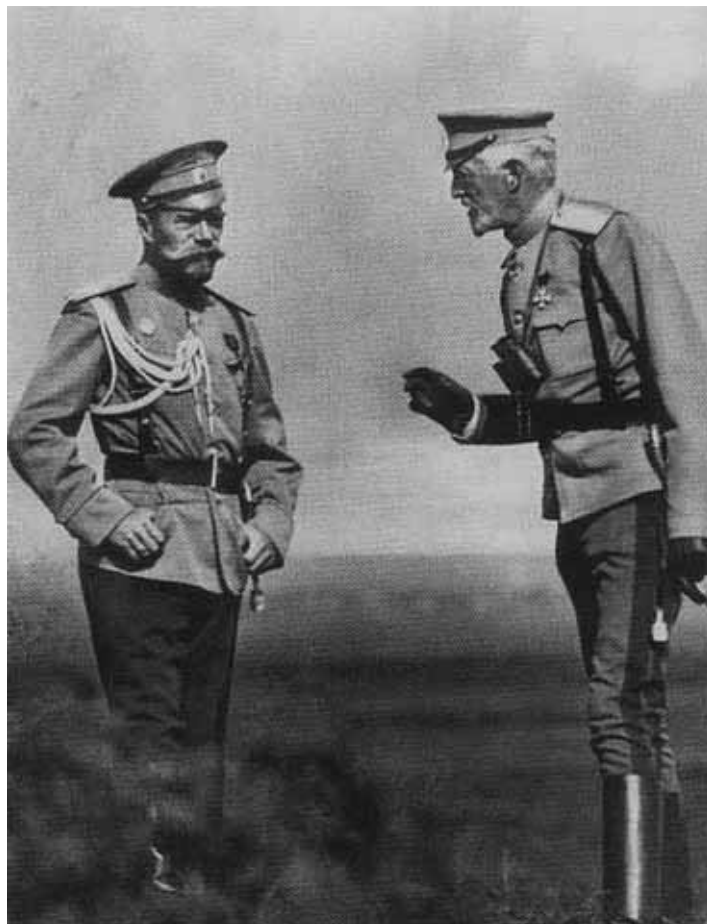

Григорий Распутин, саратовский епископ Гермоген (Долганев) и

иеромонах Илиодор (Труфанов). 1910-е гг.

Николай II. 1910–1914 гг.

Николай II и великий князь Николай Николаевич (Младший). 1913 г.

Николай II и Вильгельм II в экипаже. Германия, начало 1913 г.

Дочери Николая II великие княжны Мария, Татьяна, Анастасия и Ольга. 1914 г.

Торжество по случаю 300-летия дома Романовых. *На переднем плане* — император Николай II с императрицей Александрой Федоровной и цесаревич Алексей Николаевич (на руках у дядьки). Москва. 1913 г.

А. Д. Протопопов. 1910-е гг.

В. П. Коквцов. 1910-е гг.

М. В. Родзянко. 1917 г.

Б. В. Штюмер. 1913 г.

Императрица Александра Федоровна (*сидит*) и великие княжны Татьяна Николаевна (*слева*) и Ольга Николаевна — сестры милосердия. 1914 г.

Александра Федоровна и цесаревич Алексей Николаевич объезжают войска перед началом парада запасных батальонов гвардии на Марсовом поле. *Петроград, 1916 г.*

Совет министров. Царская ставка. *Барановичи. 1915 г.*

Николай II в окне собственного вагона. 1916 г.

Цесаревич Алексей Николаевич со своими преподавателями П. Жильяром, В. Н. Воейковым, С. Гиббсом и П. В. Петровым в Ставке. 1916 г.

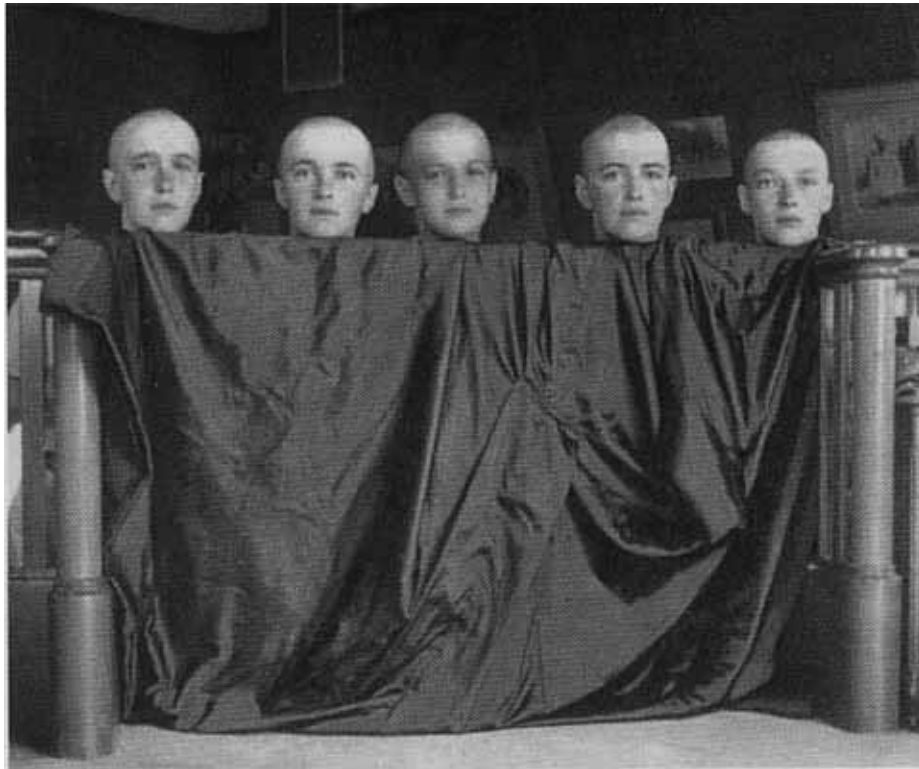
Февральские дни в Петрограде. 1917 г.

Баррикады на Литейном проспекте. 1917 г.

Николай II. Царское Село. весна 1917 г.

Дети Николая II после болезни. Царское Село, март 1917 г.

Великий князь Михаил Александрович. Апрель 1917 г.

А.Ф. Керенский. 1917 г.

Антонин (Вадковский), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (1898–1912). *Портрет работы А. А. Карелина. 1911 г.*

Владимир (Богоявленский), митрополит Санкт-Петербургский

(Петроградский) и Ладожский (1912–1915). *Портрет работы Б. Я. Берлинга, 1963–1966 гг.*

Питирим (Окнов), митрополит Петроградский и Ладожский (1915–1917). *Портрет работы Б. Я. Берлинга. 1963–1966 гг.*

Гостиная в доме тобольского губернатора. 1917 г.

Дом тобольского губернатора. 1917 г.

Николай II с сыном Алексеем. Тобольск, зима 1917/18 г.

Дом Ипатьева. Екатеринбург. 1928 г.

В.С. Боткин. 1910 г.

А. С. Демидова. 1910-е гг.

И. М. Харитонов. 1910-е гг.

А. Е. Трупп. 1910-е гг.

Ф. И. Голощекин. 1920-е гг.

Я. М. Юровский. 1920-е гг.

А. Г. Белобородов. 1920-е гг.

П. М. БЫКОВ. 1920-е гг.

Икона святых Царственных Страстотерпцев. Начало XXI в.

notes

Примечания

Radzinsky E. Uhe Last Tsar. London, New York, 1992.

Lieven D. Nicholas II. Twilight of the Empire. New York, 1996.

Massie R. Nicholas and Alexandra. London, 1968.

См. например: *Боханов А. Н. Последний царь. М., 2006.*

Трубецкой С. Е., кн. Минувшее. М., 1991.

См.: Самодержавие: История, закон, юридическая конструкция. СПб., 1906.

Об этом см. подробнее: *Чернуха В. Г.* Утраченная альтернатива: Наследник престола великий князь Николай Александрович (1843–1865) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков: Сборник статей памяти Валентина Семеновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьева. СПб., 1999.

Мещерский [В. П.], кн. Воспоминания. М., 2001.

См. подробнее: *Палеолог М.* Александр II и Екатерина Юрьевская // Царская Россия накануне революции. М., 1991.

Толстая А. А. Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при Дворе. М., 1996.

Львов Л. За кулисами старого режима (Воспоминания журналиста). Л., 1926.

Боханов Л. Н. Последний царь. М., 2006.

Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966.

Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966.

Епанчин Н. А. Указ. соч.

Епанчин Н. А. Указ. соч.

Елчанинов А., проф. Царствование Государя Императора Николая Александровича. СПб., М., [1913].

Елчанинов А., проф. Указ. соч.

Энгельгардт Б. А. Николай II: Воспоминания // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1052. Д. 62. Л. 5–6.

См. подробнее: Граф Панин: Министр юстиции // К. П. Победоносцев:
Pro et contra.

См.: *Сергеев С. М., Гумеров А. А.* Победоносцев Константин Петрович
// Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4.

Это совершенно новая теория (фр.).

Я всегда считал, что точность — это вежливость королей (фр.).

Спиридович Л. И. Великая война и Февральская революция (1914–1917). М., 2004.

Из архива С. Ю. Витте.

Цит. по: *Уортман Р. С.* Указ. соч. (Записи дневника цесаревича Николая Александровича от 28 января, 8 и 9 марта 1891 г.).

CM.: Tattoo History: A Source Book, by Stephen G. Gilbert now available
in print. Tattoo History A Source Book
(<http://tattoos.com/jane/steve/england.htm>).

См.: *Мещеряков А.* Покушение на жизнь цесаревича Николая // Японский журнал (<http://www.japon.ru?TextArchivePrint&ID=418>). См. также: Додзё. 2005. № 5.

Ламздорф В. Н. Дневник: 1891–1892. М.; Л., 1934. Запись от 30 апреля 1891 г.

Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича: 1890–1891 / Автор-издатель кн. Э. Э. Ухтомский. СПб.; Лейпциг, 1897. Т. III.

Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Запись от 30 апреля 1891 г.

Ламздорф В. Н. Дневник: 1891–1892. Запись от 22 мая 1891 г.

О связи этой фразы с реальными событиями, имевшими место в городе Отсу, мне сообщил петербургский филолог П. А. Клубков.

Путешествие на Восток... Т. I.

Дневник В. Н. Ламздорфа (1886–1890). Запись от 4 января 1889 г.

Дневник В. Н. Ламздорфа (1886–1890). Запись от 4 января 1889 г.

Дневник В. Н. Ламздорфа (1886–1890). Запись от 4 января 1889 г.

Дневник В. Н. Ламздорфа (1886–1890). Запись от 28 февраля 1889 г.

Кривенко В. С. В Министерстве Императорского Двора:
Воспоминания. СПб., 2006.

Ты — любимый сын отца, и тебя должны спрашивать, и тебе говорить обо всем. Прояви свою волю и не позволяй другим забывать, кто ты. Прости меня, любимый (*англ.*).

Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2.

Александр Михайлович, вел. кн. Указ. соч.

Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.

Кривенко В. С. Указ. соч.

Полное собрание речей императора Николая II: 1894–1906. СПб., 1906.

Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974.

Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974.

Савельев А. Л. Два восшествия на престол русских царей. (Из воспоминаний земского деятеля) // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. 1917. № 4.

Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия.

См.: *Кизеветтер Л. А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания. 1881–1914. М., 1997.

См.: *Кизветтер Л. А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания. 1881–1914. М., 1997.

Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 2006.

Ведерников В. В. К. П. Победоносцев в зеркале «Московского сборника» // Эволюция революционности и консерватизма в социальных слоях России и других государств. СПб., 2008.

Российский Императорский Дом: Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992.

Жданов Л. [Николай Последний]. Николай «Романов». Последний царь: Исторические наброски. Пг., 1917.

Епанчин Н. А., генерал от инфантерии. На службе трех императоров.
М., 1996.

Человек, приносящий несчастья (*фр.*).

Бурцев В. «Протоколы сионских мудрецов» — заказанный подлог // *Бурцев В.* В погоне за провокаторами. М., 1991.

Ганелин Р. Ш. Черносотенные организации, политическая полиция и государственная власть в царской России // Национальная правая прежде и теперь: Историко-социологические очерки. СПб., 1992. Ч. I.

Дневник А. А. Вырубовой // Минувшие дни: Иллюстрированный исторический альманах. 1927. № 1.

Любовник (фр.).

Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.

Так называется книга, где собраны материалы и воспоминания современников об издателе газеты «Новое время». См.: Телохранитель России: А. С. Суворин в воспоминаниях современников. Воронеж, 2001.

Мое мнение таково, что император может делать все, что хочет (фр.) //
Дневник А. А. Половцова. Запись от 31 декабря 1902 г.

См.: Убийство 3-х министров. [СПб.], 1906.

История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978.

Романов Б. Концессия на Ялу: К характеристике личной политики Николая II // Русское прошлое: Исторические сборники. Пг; М., 1923. Кн. 1.

Знамя и часовой — престиж России не должен умаляться (фр.).

См.: Уортман Р. С. Указ. соч. Ссылка 92.

Апушкин С. С. Царствование Николая И. СПб., 1991.

Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991.

Правительственный вестник. 1905. 14 января. № 10.

Правительственный вестник. 1905. 12 января. № 8.

Минцлов С. Р. Дневник: 1905–1906 гг. // *Голос минувшего: Журнал истории и истории литературы.* 1917. № 11–12.

Минцлов С. Р. Дневник: 1905–1906 гг. // Голос минувшего: Журнал истории и истории литературы. 1917. № 11–12.

Правительственный вестник. 1905. 4 ноября. № 238.

Цезарю дано показать, как надо умирать (*лат.*).

Цит. по: [Ананьич Б. В., Татлин Р. Ш.] От составителей // Николай Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.

Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990.

См.: Россия перед вторым пришествием: Материалы к очерку русской эсхатологии / Сост. С. Фомин. М., 1993.

См.: Переписка Николая и Александры Романовых: 1916 год. М.; Л., 1926. Т. IV.

Последний временщик последнего царя: Материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства о Распутине и разложении самодержавия // Вопросы истории. 1964. № 10.

Лопухин В. Б. Записки б[ывшего] директора д[епартамента] М[инистерства] ин[остранных] дел. 1894–1917. ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 765.

Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.

Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич.

Елчанинов А. Указ. соч.

Дневник государственного секретаря А. А. Половцова... запись от 18 апреля 1890 г.

См. например: *Тэри Э.* Россия в 1914 г.: Экономический обзор. Paris, 1986.

Переписка Вильгельма II с Николаем II: 1894–1914 гг.

Цит. по: Пуанкаре Р. Происхождение мировой войны. М., 1924. С. 85–86.

Таубе М. Л. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе
предреволюционной России (1900–1917).

История дипломатии. М.; Л., 1945. Т. II: Дипломатия в новое время (1872–1919).

Цит. по: История дипломатии.

«Я останусь в этом году дома, так как будет война» (фр.).

Записка Дурново // Красная новь. 1922. Кн. 6.

Правительственный вестник. 1914 г. 27 июля. № 165.

Правительственный вестник. 1914. 2 августа. № 169.

Записки Н. М. Романова // Красный архив. 1931. Т. 4–5 (47–48).

Правительственный вестник. 1914. 26 сентября. № 226.

Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. СПб.; Дюссельдорф, 1993.

Записки Н. М. Романова.

Спиридович Л. И. Великая война и Февральская революция (1914–1917).

Спиридович А. И. Указ. соч.

Его Императорское Величество... Июль 1915 г. — Февраль 1916 г. Пг., 1916.

Куликов С. В. Император Николай II в годы Первой мировой войны // Английская набережная, 4: Ежегодник. СПб., 2000.

Николай II — «доктор русской истории» // Красный архив: Исторический журнал. 1934. Т. 6(67).

Николай II — «доктор русской истории» // Красный архив:
Исторический журнал. 1934. Т. 6(67).

Переписка Николая и Александры Романовых... Письмо от 24 июня
1915 г.

Переписка Николая и Александры Романовых... Там же. Письмо от 25 июня 1915 г.

См.: Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996.

См.: Дневник б[ывшего] великого князя... Запись от 15 августа 1915 г.

См.: Дневник б[ывшего] великого князя... Запись от 15 августа 1915 г.

Куликов С. В. Указ. соч.

Куликов С. В. Указ. соч.

Заславский Д. Последний временщик Протопопов.

См.: *Стремоухов П. П.* Моя борьба с епископом Гермогеном и Илиодором // Архив русской революции. М., 1993. Т. XVI.

Записки Н. М. Романова. Запись от 23 декабря 1916 г.

См.: *Спиридович А. И. Указ. соч.*

См.: *Спиридович А. И. Указ. соч.*

См.: *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты: Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917. М., 1991.

Алексеев-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии:
Генерал М. В. Алексеев. СПб., 2000.

Новое время. 1917. 8 марта. № 14721. Среда. С. 5.

Новое время. 1917. 8 марта. № 14721. Среда. С. 5.

Дитерихс М. К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале.

См.: Судьба Михаила Романова // Вопросы истории. 1990. № 9.

Буранов Ю., Хрусталеv В. Гибель Императорского дома. 1917–1919 гг.

Буранов Ю., Хрусталеv В. Указ. соч.

Цит. по: *Боханов А. Н.* Последний царь.

См.: Буранов Ю., Хрусталеv В. Указ. соч.

См.: *Силин А.* Философия и психология власти // Свободная мысль: Теоретический и политический журнал. 1995. № 12.

Lieven D. Nicholas II: Twilight of the Empire.

Материалы, связанные с вопросом канонизации царской семьи.

Юбилейный Архиерейский собор Русской православной церкви.
Москва, 13–16 августа 2000 года: Сборник докладов и документов.